

ДОНАЛЬД МАККЕЙГ

Ретт Батлер

Annotation

Впервые на русском языке! Долгожданный новый роман о любви Ретта Батлера и Скарлетт О'Хара! Ретт Батлер, герой бессмертного романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром»... Его имя вызывает самые разные чувства, настолько сложный и многогранный образ создала писательница. Ренегат, отщепенец, бунтарь, игрок, пылкий любовник, южанин — и до сих пор загадка для читателей. И вот наконец перед вами долгожданное продолжение знаменитой истории. Вернее, та же история, но увиденная глазами Ретта Батлера и изложенная американским писателем Дональдом Маккейгом. Здесь рассказывается о юных годах Ретта и о становлении его характера в непростых отношениях с деспотичным и безжалостным отцом. Здесь находят объяснение многие поступки Ретта, которые озадачивали читателей романа Митчелл. Здесь появляются как новые персонажи, так и уже хорошо знакомые нам герои, спутники Ретта на разных этапах его жизни. Наследники Маргарет Митчелл не случайно выбрали Дональда Маккейга для создания авторизованного романа о Ретте Батлере. Маккейг не впервые обращается к теме Гражданской войны в Америке. Его роман «Лестница Иакова», за который он получил несколько престижных наград, был назван «лучшим из когда-либо написанных произведений о Гражданской войне».

Дональд Маккейг

Ретт Батлер

*Полу Х. Андерсену,
преданному редактору*

Часть 1 Перед войной

Глава 1

ДЕЛА ЧЕСТИ

За час до восхода солнца и за двенадцать лет до Войны за независимость крытый экипаж мчался по низине в штате Каролина. Дорога вдоль реки Эшли была погружена в предрассветную мглу, в которой слабо светились боковые фонари экипажа, а туман просачивался в окна, оседая на лицах и руках пассажиров.

— Черт тебя возьми, Ретт Батлер, вечно ты делаешь все наперекосяк, — ворчал Джон Хейнз, понурившись на сиденье.

— Говори что хочешь, Джон, — Ретт открыл верхний люк и нетерпеливо спросил: — Скоро доедем, Геркулес? Не хотелось бы заставлять джентльменов ждать.

— Подъезжаем к главному каналу, мистер Ретт. Несмотря на свое привилегированное положение в поместье Батлеров, где он с давних пор объезжал лошадей для отца Ретта, Геркулес вызвался лично везти молодых людей.

Ретт предупреждал: «Лэнгстон точно будет недоволен, если прознает», но Геркулес заартачился: «Мастер Ретт, я с вами не расстанусь с самого детства. Кто, как не Геркулес, первый посадил вас верхом? А теперь уж привяжите своих лошадок сзади к экипажу. Я сам повезу вас и мистера Хейнза». Пухлые щеки Джона Хейнза контрастировали с неожиданно решительным подбородком, а рот печально кривился.

Ретт заговорил:

— Люблю эти болота. Да ты ведь знаешь, я никогда не хотел выращивать рис. Лэнгстон, бывало, распространяется о сортах риса или о том, как следует управлять неграми, а я не слышу ни слова, грежу о реке. — Наклонившись к Джону, он продолжал с горящими глазами: — Вот я плыву, едва пошевеливая веслом. Представляешь: однажды утром я спугнул морскую черепаху. Она скользила по склону, накатанному выдрой, и явно получала от этого удовольствие. Ты когда-нибудь видел, как улыбается морская черепаха? Частенько я пытался проскользнуть мимо спящей птицы, стараясь не разбудить ее. Но всякий раз маленькая головка с острыми глазками показывалась из-под крыла, и, — Ретт щелкнул пальцами, — птица исчезала под водой. Болотные куропатки не так осторожны. Вплываешь в излучину реки — сотни враз поднимаются на крыло. Интересно, как можно летать в таком тумане?

— У тебя слишком богатое воображение, — заметил Джон.

— Мне всегда хотелось спросить: почему ты такой осторожный? Для какой великой цели ты себя бережешь?

Джон попытался протереть запотевшие стекла очков, но платок только размазал влагу.

— В любой другой день твоя забота польстила бы мне.

— Вот черт! Извини за бестактность, Джон. Это все нервы. А наш порох еще не промок?

Хейнз дотронулся до полированной шкатулки из красного дерева, которая лежала у него на коленях.

— Сам закладывал.

— Слышишь, как поет козодой?

Цокот копыт, поскрипывание кожаной упряжи, подбадривающие лошадей крики Геркулеса и пение козодоя на три ноты. Да, козодой. Но разве Джон не слышал историю про Шэда Уотлинга и козодоя?

— Жизнь у меня была совсем неплохая, — сказал Ретт.

Поскольку благоразумному Джону Хейнзу жизнь приятеля представлялась сплошным хаосом и чередой глупых выходов, он прикусил язык.

— Недурные времена, отличные друзья, любимая сестренка Розмари...

— Да, а что будет с Розмари, Ретт? Что с ней станет без тебя?

— Не задавай мне такие вопросы! — крикнул Ретт, отвернувшись и вглядываясь в ночную темноту за окном, — А что сделал бы ты, окажись на моем месте?

Секунданта так и подмывало сказать Ретту, что он никогда не очутился бы на его месте, но Джон не посмел.

Зачесанные назад волосы Ретта были густыми и черными. Подкладка сюртука была сделана из красного жаккарда, а лежавшая рядом с ним шапка — из бобра. Энергичнее Ретта Джон никого не знал, живой и непосредственный — как звери на воле. А если его теперь пристрелят — жизнь вытечет, останется лишь пустая оболочка вроде той шкуры морского льва, распяленной на заборе Чарльстонского рынка.

— Я опозорен, — с усмешкой произнес Ретт, — Разве это не лучший повод посудачить обо мне?

— Ты уже не единожды предоставлял всем такую возможность.

— Верно. Превратился в настоящее пугало для добропорядочных жителей Чарльстона, — Ретт заговорил нарочито назидательно: — «Дитя мое, если не свернешь с порочного пути, то кончишь точь-в-точь как Ретт Батлер!»

— Как бы мне хотелось, чтобы ты наконец перестал шутить, — тихо произнес Джон.

— Эх, Джон, Джон...

— Позволь поговорить с тобой откровенно?

Ретт вскинул черные брови.

— Не могу тебе этого запретить.

— Для чего идти до конца? Прикажи Геркулесу повернуть назад, и мы не спеша проедемся до города и позавтракаем. Шэд Уотлинг не джентльмен, не стоит с ним драться.

Уотлинг даже не мог найти в Чарльстоне никого, кто согласился бы стать его секундантом. Какого-то беднягу янки буквально силой заставил.

— Брат Красотки Уотлинг имеет право на сатисфакцию.

— Ретт, бога ради, не глупи! Шэд — сын надсмотрщика у твоего отца. Его работник! — Джон Хейнз презрительно махнул рукой. — Предложи ему отступного. Зачем идти на такое... из-за девчонки?

— Красотка Уотлинг лучше тех, кто ее осуждает. Прости меня, Джон, но не стоит ставить под сомнение мои мотивы. Справедливость должна быть восстановлена: Шэд Уотлинг распускает обо мне гнусную ложь, и я вызвал его на дуэль.

Джон с трудом выговорил:

— Ретт, если бы не Вест-Пойнт...

— Ты имеешь в виду мое отчисление? Это всего лишь последний, наиболее заметный позор. — Ретт сжал руку своего приятеля, — Надо ли перечислять все свои падения и ошибки? Да их больше, чем... — Он устало покачал головой. — Меня воротит от всего этого, Джон. Стоило просить кого-то другого стать моим секундантом?

— Черт бы тебя побрал совсем! — выругался Джон.

Джон Хейнз и Ретт Батлер познакомились в школе Кэткарта Пурьера в Чарльстоне. К тому времени, как Ретт отбыл в Вест-Пойнт, Джон Хейнз уже вошел в судоходный бизнес отца. После отчисления и возвращения Ретта Джон время от времени встречал друга на улицах города. Порой Ретт бывал трезвым, чаще — нет. Видеть человека с природной грацией Ретта неряшливым, воняющим перегаром Джону было тяжело и неприятно.

Джон Хейнз относился к тем молодым южанам из хороших семей, которые словно губка вбирают в себя представления о гражданской ответственности. Джон являлся членом приходского совета церкви Святого Михаила и самым молодым учредителем балов Общества святой Сесилии. Несмотря на то что Джон завидовал темпераменту друга, он никогда не сопровождал Ретта и его приятелей — повес из компании полковника Раванеля — по их ночным адресам: в бордели, игорные дома и питейные заведения.

Понятное дело, Джон был удивлен, когда в один прекрасный день увидел Ретта Батлера в своей компании «Хейнз и сын», да при этом еще с просьбой помочь ему в деле чести.

— Ретт, где же твои друзья? Эндрю Раванель? Генри Кершо? Эдгар Пурьер?

— Ты будешь трезвее, Джон.

Прямо скажем, не многим, будь то мужчина или женщина, удавалось устоять перед бесшабашной улыбкой Ретта. Джон Хейнз не был в их числе. Пожалуй, Джон и вправду был занудой. Он узнавал о скандалах, занимавших Чарльстон, последним, когда местному обществу эта тема успевала надоесть. Если Джон повторял чью-нибудь остроту, то неизбежно сбивался. Матери в Чарльстоне считали Джона Хейнза неплохой партией, но дочери подсмеивались над ним, прикрываясь веером..

Однако Джон Хейнз уже дважды был секундантом на дуэлях. Если долг стучался к нему в дверь, Джон всегда был наготове.

Дамба Броутонской плантации представляла собой широкую земляную насыпь, отделяющую рисовые поля от реки. Экипаж немного покачулся, свернув с дамбы в поля.

Никогда еще Джон Хейнз не чувствовал себя столь беспомощным. Это дело — это безобразное, смертельно опасное дело — все равно свершится, что бы он ни пытался предпринять. Честь должна быть удовлетворена. И теперь не Геркулес сидел на козлах — поводья держали костлявые руки Чести. В шкатулке из красного дерева лежали не пистолеты Хаппольда сорокового калибра, а сама Честь, готовая плюнуть в лицо. Пошлый мотивчик крутился в голове Джона: «Я полюбил бы тебя, Сесилия, не люби я честь больше»...

Какая глупость! Шэд Уотлинг считался лучшим стрелком в Низинах. Они свернули на заросшую кустарником аллею, по которой так редко проезжали, что испанский мох задевал крышу экипажа. Геркулес иногда приподнимал спускающиеся низко ветки, чтобы экипаж мог проехать.

И тут вдруг Джон припомнил историю про Шэда Уотлинга и козодоя.

— Ах, — Ретт втянул в себя воздух, — чувствуешь? Запах болота — рогоз, мирт, морская астра, болотный газ, грязь...

Мальчишкой я здесь пропадал целыми днями, точно индеец, — Улыбка на лице Ретта исчезла при этом воспоминании, — Позволь попросить об одной услуге. Ты знаком с Тунисом Бонно?

— Свободным цветным рыбаком?

— Увидишь его — спроси, помнит ли он тот день, когда мы ходили до Бофора. И попроси помолиться о моей душе.

— Свободного цветного?

— Мы вместе выросли здесь на реке.

Неясный свет начал просачиваться в окно экипажа. Ретт выглянул наружу.

— Вот и приехали.

Джон откинул крышку карманных часов.

— Солнце встанет через двадцать минут.

Место для дуэли было лугом в три акра, окаймленным мрачными кипарисами и дубами, с которых свисали бороны мха. Луг тонул в тумане, откуда доносились хриплые крики пастуха, скликающего коров: «Суу-и! Су-кау! Су-кау!»

Ретт вышел из экипажа, потирая от холода руки.

— Итак, мой конечный пункт назначения. В детстве я, конечно, мечтал о славе, но не о такой.

Коровы мычали где-то в тумане.

— Мы ведь не хотим подстрелить корову, верно? — Ретт потянулся. — Отец был бы вне себя, подстрели мы одну из его коров.

— Ретт...

Ретт положил руку на плечо Джона Хейнза.

— Ты мне нужен, Джон, и я верю, что ты все сделаешь правильно. Но, пожалуйста, избавь меня от своих в высшей степени разумных советов.

Джон замолчал, жалея о том, что вспомнил о Шэде Уотлинге и козодое. После того как Лэнгстон Батлер отстроил усадьбу в Броутоне, управляющий Исая Уотлинг перевез семью в прежний дом Батлеров: отсюда было удобно следить за неграми, работающими на рисовой плантации. Огромные дубы, которые в то время, когда Батлеры приехали сюда, были молодыми деревцами, отбрасывали густую тень на простой фермерский домик.

Обитая в ветвях дуба, козодой приветствовал их с заката до восхода. Очевидно, Красотка Уотлинг думала, что птица искала себе пару, а ее мать Сара сказала, что птица горюет. Именно об этом спорили мать и дочь ранним утром, и тут раздался звук выстрела. Когда мать вбежала в спальню, на подоконнике лежал дымящийся пистолет, а Шэд буркнул: «Глупая птица больше не станет меня будить».

При плохом освещении с шестидесяти шагов Шэд Уотлинг отстрелил злосчастному козодое голову.

Джон спросил Ретта:

— Ты слышал историю о козодое?

— Да рассказни все это.

Ретт чиркнул спичкой о подошву ботинка.

— Шэд Уотлинг убивал людей и прежде.

Спичка зашипела и вспыхнула, когда Ретт зажег свою сигару.

— Только негров и людей своего сорта.

— Ты веришь, что твое благородное происхождение отвернет пулю?

— Почему бы и нет? — с насмешкой произнес Ретт. —

Черт возьми, благородное происхождение должно же хоть в чем-то быть полезным!

— Кто-то идет, — предупредил Геркулес с козел.

Тяжело дыша, из тумана появился мужчина с мокрыми пятнами на коленях брюк (видимо, падал по дороге) и с перекинутым через руку сюртуком.

— Черт бы побрал этих коров! — Перебросив сюртук в левую руку, он хотел правую подать Джону Хейнзу, но посчитал более уместным отвесить неуклюжий поклон, — Том Джеффери. Родом из Эмити, Массачусетс. К вашим услугам, господа.

— Ну, Том, — улыбнулся Ретт, — кажется, ваша поездка в Чарльстон будет незабываемой.

Джеффери был на два-три года моложе Ретта с Джоном.

— Никто в Эмити не поверит, что я попал в эту историю.

— Жуткие рассказы, Том. Жуткие рассказы — главный предмет экспорта южан. Когда вы будете рассказывать о нас своим друзьям, пожалуйста, не забудьте упомянуть чертовски привлекательного, галантного Ретта Батлера. — Лоб Ретта пересекла морщина раздумья, — А коров бы на вашем месте я не стал упоминать.

— Ваш дуэлянт уже на месте? — спросил Джон молодого янки.

Том Джеффери махнул на луг, видневшийся в тумане.

— Да, и Уотлинг, и доктор Уорд. Похоже, они недолюбливают друг друга.

Джон взял молодого человека за руку, отводя от Ретта.

— Мистер Джеффери, вы были когда-нибудь секундантом прежде?

— Нет, сэр. Дуэли практически никогда не случаются в Эмити. Мой дед, может, когда-то и стрелялся, но сейчас уже такого не бывает. Так что я новичок. Моя тетя Пейшенс отошла в лучший мир, завещав мне определенную сумму. И я предпринял путешествие по стране. Том, сказал я себе, если не сейчас, то когда? Вот как я очутился здесь, восхищенный вашей чарльстонской гаванью, которая, если позволите так выразиться, во всем похожа на нашу знаменитую бостонскую гавань. Во всяком случае, там я и был, когда ко мне подошел господин Уотлинг и спросил меня, считаю ли я себя джентльменом, и я ответил, что смею надеяться. Когда же мистер Уотлинг предложил мне стать его секундантом, я сказал себе: «Том, ты приехал, чтобы посмотреть этот край, и именно этим ты и должен заняться». Ведь такой возможности в Эмити никогда не представится.

Джон не решился сказать этому молодому человеку, что выбор Шэдом Уотлингом в качестве секунданта незнакомца, да еще и янки, был намеренным оскорблением для Ретта.

— Вы знаете свои обязанности?

— Мы, секунданты, должны удостовериться в том, что все идет по правилам.

Джон Хейнз внимательно посмотрел на молодого янки.

— Наш первый долг — попытаться примирить дуэлянтов, — сказал он, сожалея, что этот человек и не пытался исполнить то, что положено.

— Мой дуэлянт не ищет примирения. Он говорит, что ждет не дождется, чтобы выстрелить мистеру Батлеру прямо в сердце. Они давно друг друга знают.

— Скоро начнет светать. Восход солнца будет для нас сигналом.

— Восход так восход. Нам тоже подойдет.

— Когда солнце покажется на горизонте, джентльмены выберут себе пистолеты. Как сторона, вызванная на дуэль, ваш человек выбирает первым. Начнем заряжать?

Джон Хейнз закрепил шкатулку на передке кареты, открыл замок и достал оттуда пистолет. Закругленная рукоять змеей скользнула ему в руку.

— Как видите, пистолеты одинаковые. На ваших глазах я заряджу один, потом вы — другой. Джон насыпал порошу, положил круглую свинцовую пулю на промасленный пластырь и забил заряд. Затем поместил капсюль под курок и осторожно взвел курок до половины.

— Дома никто этому не поверит, — еще раз произнес Том Джеффери.

Утро набирало силу, туман начал расползаться, и из него выплыли два призрачных экипажа: легкий фаэтон и запряженный мулами фургон.

Ретт Батлер отвязал лошадь от своего экипажа и прижался лицом к сильной шее животного.

— Ты ведь не боишься, правда, Текумсе? Никто тебя не обидит. На этом лугу, Джон, при моем деде выращивали индиго. А в лесу есть прудик, где шилохвости выводят своих птенцов. Ондатры любят утят шилохвостей, и бывало так, что, когда подгребал целый выводок, какая-нибудь ондатра затаскивала их под воду — да так быстро, что у них не было времени улететь. Наш раздатчик воды Уилл там ловил ондатр.

— Ретт, мы переговорим сейчас с Уотлингом. Какое извинение ты готов принять?

Ретт упрямо зажмурился.

— Шэд Уотлинг утверждает, что я являюсь отцом ребенка его сестры. Я же говорю, что Уотлинг лжет. Если Уотлинг признает это, я откажусь от своего вызова.

— Предложите ли вы компенсацию? Деньги, чтобы девушка могла поехать куда-то и родить ребенка?

— Если Красотке нужны деньги, я их ей дам. Дело здесь не в деньгах.

— Как твой друг, Ретт...

— Джон, Джон... — Ретт зарылся лицом в гриву Текумсе, — Если ты друг, просто помоги довести все до конца.

Фургон Шадры Уотлинга был завален сломанными колесами, ступицами и ободами.

— Доброе утро, господин Джеффери и господин Хейнз.

Я вижу, вы привезли Батлера.

— Шэд...

— Сегодня я для вас «мистер Уотлинг».

— Мистер Уотлинг, уверен, нам удастся помочь вам полюбовно разрешить спор.

— Вот уж точно, Батлер «помог» моей сестре. Точно также я помогу и ему.

— Когда Ретт Батлер обращался с вами как с джентльменом, он оказывал вам честь.

Шэд сплюнул.

— Стоит, верно, податься западнее. Черт возьми, как же мне здесь надоело! Одни богатые ублюдки да ниггеры.

Ниггеры да богатые ублюдки. А в Миссури у меня кузены.

— Куда бы вы ни поехали, понадобятся деньги. Если же сестра, Красотка, уедет с вами, то скандал утихнет.

Уотлинг фыркнул.

— Неужели Батлер предлагает мне деньги?

— Батлер — нет, а я — да.

— Все сводится к деньгам, не правда ли? — Коренастый Уотлинг снова сплюнул, — Нет, только не сейчас. У меня на Батлера зуб. Сколько бы папаша ни сек Красотку, она все равно не признается, что это Ретт овладел ею. Без разницы. С нетерпением жду того момента, когда всажу в паршивца пулю. Молодым хозяином его никто не брал в расчет. Я слышал, что и солдат он был никудышный. Словом, Батлер и выеденного яйца не стоит.

Шэд Уотлинг посмотрел на реку.

— Светает. У меня для колесного мастера приготовлено четыре сломанных колеса, а он начинает свою работу рано. Раз уж я вызванный, мне назначать расстояние. Пятидесяти шагов будет достаточно, чтобы я попал в цель, а он промазал. Ни к чему подставляться под шальную пулю! — Неровные пожелтевшие зубы сверкнули в беззвучном смехе.

Закутанный в толстое шерстяное одеяло, в своей двуколке храпел врач. Когда Джон Хейнз постучал по его сапогу, Франклин Уорд открыл глаза и зевнул.

— А, наше дело... Он раскутался, сошел с коляски и повернулся спиной; запах мочи заставил Джона зажать нос. Доктор Уорд вытер пальцы о полы сюртука, затем протянул руку Ретту.

— А, вот и пациент, я полагаю.

Ретт усмехнулся.

— Вы захватили инструменты для извлечения пули, доктор? Зонды? Повязки?

— Конечно, сэр. Я ведь учился в Филадельфии.

— Ну что ж, Филадельфия — прекрасный город для учебы.

Шэд Уотлинг шел позади, рассеянно усмехаясь и почесывая ляжку.

— Мистер Батлер, — сказал Том Джеффри, — зачем вы снимаете рубашку?

— Подержишь пока, Джон? Рубашку я снимаю, мой милый друг янки, чтобы пулей не вмяло ткань в рану.

— Может, вы просто любите разгуливать голышом...

Шэд Уотлинг посмотрел на более худощавого мужчину с явным презрением.

— Я никогда не раздеваюсь без надобности.

— Господа, — перебил Джон Хейнз, — это ужасно неприятное и смертельно опасное дело, и я должен еще раз вас спросить, не откажется ли мистер Уотлинг от своих слов и не извинится ли мистер Батлер, предложив компенсацию, чтобы честь была удовлетворена?

Обнаженные руки Ретта от холода покрылись гусиной кожей.

— Пятьдесят шагов, — повторил Шэд, — должно быть как раз. Батлер, помните своего черномазого приятеля Уилла? Как тот молил о пощаде? Попробуйте — может, пожалею и отпущу. — Уотлинг вновь показал свои зубы, — Дайте-ка мне пистолеты... Янки, ты следил, как мистер Хейнз их заряжал? Не могло быть так, чтобы он снарядил один из них двойным зарядом? Скажем, одна пуля уже находилась в стволе, прежде чем он заложил вторую?

Янки был поражен.

— Мистер Хейнз — джентльмен!

— Уверен, что он не нарезал пулю? Это когда наносят небольшой круговой надрез, чтобы пуля при ударе разорвалась. Ты хорошо проверил его пулю, янки?

Джеффри повторил:

— Мистер Хейнз — джентльмен.

— Уж конечно. Джентльмены не нарезают пулю и нипочем не кладут двойной заряд. Ну, который из этих пистолетов заряжал мистер Хейнз?

— Я заряжал тот, который ближе ко мне, — произнес Джон.

В лесу послышался звук рожка, долгий, торжествующий звук — таким охотники на лис оповещают о своей добыче. Минуту спустя выкатилось, разбрызгивая воду из-под колес, открытое ландо. Два молодых кутилы стояли между сиденьями; тому, который дул в почтовый рожок, пришлось его бросить и ухватиться за спинку, иначе бы он не удержался и полетел головой вниз при резкой остановке.

— Эй! Неужели мы пропустили все веселье? Пожилой человек, сидящий на козлах, хихикнул.

— Разве я не говорил вам, что мы приедем вовремя? Полковнику ли Джеку не найти этих подлецов?

При жизни жены, Фрэнсис, полковник Джек Раванель был уважаемым человеком, на плантациях которого успешно выращивался рис. Но ее убили. Был ли его нынешний разгульный образ жизни следствием тоски или, напротив, устранения присмотра со стороны жены — сказать трудно. Причем в Чарльстоне, где пьянство было под запретом только для духовенства, полковник Джек Раванель оказался самым отъявленным пьяницей. В городе, где любой порядочный джентльмен играл, Джек умудрился стать нежелательной персоной во всех уважаемых игорных домах. Но Джек был прирожденный лошажник, и поэтому помешанный на лошадях Чарльстон прощал ему многие грехи.

Джон подошел к ландо. — Господа, это дело чести. Соблюдайте нормы приличия.

Молодые люди, прибывшие с полковником, были одеты в короткие парчовые сюртуки, яркие галстуки с широкими, как у шарфа, концами и брюки настолько узкие, что не требовался гюльфик. Хотя Джек Раванель годился им по возрасту в отцы, он был одет так же.

— Деревенская девка подзалетела, и сразу дело чести? — Парень затрубил в рожок, — Да ладно тебе, Джон Хейнз. Это очередной розыгрыш Ретта, только и всего.

Джон расвирепел.

— Генри Кершо, это оскорбление. Вы здесь незванный гость.

Но здоровяка Генри остановить было непросто.

— Хочешь сказать, кузен Ретт доведет дело до конца? Будь я проклят, завтра все успокоится! Ретт, это ты? Тебе не холодно? Мы черт знает сколько времени ехали по проклятому болоту. Полковник Джек утверждает, что раньше он был владельцем этой земли. Должно быть, он тогда не пил. Эдгар Пурьер, это ты вылакал весь виски?

Том Джеффери спросил:

— Мистер Хейнз, тут так всегда бывает?

— А, тот самый янки, о котором мы слышали? — обратился к нему Генри Кершо.

— Да, сэр. Из Эмити, штат Массачусетс.

— Что ж, человек не выбирает, где ему родиться. Скажи, ты хотя бы не из тех чертовых аболиционистов?

Ретт Батлер жестом заставил Джона молчать и спросил без всякого выражения:

— Эдгар, Генри, Джек, вы пришли посмотреть, как я умру?

Эдгар Пурьер изобразил извиняющееся выражение.

— Джек обещал, что это будет всего лишь шутка, Ретт!

Он сказал, что ты никогда не станешь стреляться из-за...

— Шутка, Джек? Стоит отцу узнать, что ты в этом замешан, он живо тебя упрячет в исправительный дом.

— Дорогой Ретт! Не говори так сурово со стариной Джеком!

— Генри Кершо пьян и на все способен, когда он пьян.

Эдгар Аллан явился из любопытства. Эдгар всегда такой любопытный. Но непонятно, что заставило престарелого распутника подняться из теплой постели шлюхи в это холодное утро?

Улыбка Джека Раванеля была призвана вызвать расположение Ретта.

— Ретт, старина, я пришел вразумить тебя. Посидим, выпьем по-дружески, вспомним былые времена... Я говорил тебе, как восхищаюсь Текумсе? Вот это конь!

На мгновение Ретт, казалось, застыл в изумлении. Затем его губы сложились в улыбку, и вскоре он уже залиvisto хохотал, перегибаясь пополам. Смех заразил и молодых людей.

Ретт вытер глаза.

— Нет, Джек, Текумсе ты не получишь. Джон, если меня убьют, лошадь твоя. Ну, Уотлинг. Выбирайте пистолет.

— Боже милостивый, — выдохнул Генри Кершо. — Ретт и вправду намерен довести это дело до конца. Глаза полковника Джека сузились. Он привязал своих лошадей на опушке леса.

Где-то в лесу рябчик гулко стучал по стволу дерева. Из-за реки вставало огромное солнце в клубах тумана, возвращая земле желтые, голубые и светло-зеленые краски.

Джон Хейнз на мгновение в немой молитве закрыл глаза и произнес:

— Приготовьтесь, джентльмены!

Шэд Уотлинг, ничего не понявший в смехе Ретта, осознал одно: ловушка захлопнулась, но добыча ускользнула. Взяв в руку пистолет, он принялся придирчиво его рассматривать.

— «Молодой хозяин» Батлер... Боже, как ниггеры лебезили перед ним!

Второй длинноствольный пистолет лежал в руке Ретта. Улыбка Ретта была настолько широкой, что казалось, она перетекает по обнаженной руке до самого дула, отчего и пистолет вроде заулыбался.

Ранним утром на берегу реки спина к спине стояли двое мужчин: один коренастый и сердитый,

другой — полуобнаженный и улыбающийся. Каждому предстояло сделать двадцать пять шагов. Солнце поднимется над горизонтом, и Джон Хейнз отдаст команду повернуться и стрелять.

Дуэлянты разошлись на двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять шагов. Солнце зависло на горизонте.

— Мне ни в жизнь не поверят дома в Эмити, — прошептал Том Джеффери.

Невыразимо медленно солнце карабкалось вверх, пока белое пространство не открылось между его краем и берегом реки. Звучным голосом Джон Хейнз скомандовал:

— Джентльмены! Оборачивайтесь! Стреляйтесь!

Порыв ветра отбросил волосы Ретта назад.

Шэд Уотлинг первым спустил курок — и клуб дыма окутал дуло его пистолета.

За девять лет до этого

Заметив нетерпеливый жест отца, старший сын Лэнгстона Батлера приготовился к порке. Он снял рубашку и аккуратно положил ее на спинку стула. Мальчик повернулся, оперся ладонями о письменный стол отца, но тонкая кожаная обивка даже не промялась под его весом. Он сосредоточил свое внимание на отцовской хрустальной чернильнице. Оказывается, целая вселенная боли и отчаяния может уместиться в одной чернильнице. Первый обжигающий удар застал его врасплох. Чернила доходили до половины хрустальной чашечки. Ретту хотелось знать, сможет ли отец остановиться. Взор мальчика затуманился, чернильница поплыла перед глазами от слез.

В этот раз отец все-таки остановился. Сжимая руки, Лэнгстон Батлер швырнул трость на пол и прокричал: — Видит Бог, не будь ты моим сыном, почувствовал бы на себе ременный кнут!

В свои двенадцать лет Ретт стал уже высоким юношей. Его кожа была темнее, чем у отца, а густые, черные как смоль волосы свидетельствовали о присутствии в жилах индейской крови. Хотя спину мальчика сплошь покрывали багровые полосы, он не просил пощады.

— Позвольте одеться, сэр?

— Твой брат Джулиан — послушный сын. Отчего же старший сын не хочет повиноваться?

— Не могу знать, сэр.

Строгость обстановки кабинета Лэнгстона особенно проступала на фоне роскоши семейных апартаментов в Броутоне. Широкий письменный стол, стул с прямой спинкой, чернильница, промокашка, ручка — больше ничего. Ни картин, ни гравюр на стенах. Незанавешенные окна в десять футов высотой открывали широкий вид на бескрайние рисовые поля плантации.

Мальчик взял белую тонкую рубашку и, чуть поморщившись от боли, накинул ее на плечи.

— Ты отказываешься ехать со мной, когда проходит законодательное собрание штата. Когда все высокопоставленные персоны собираются в Броутоне, ты тоже исчезаешь. Сам Уэйд Хэмптон задал мне вопрос, почему никогда не видно моего старшего сына!

Мальчик молчал.

— Ты не хочешь управлять неграми. И отказываешься учиться управлять ими.

Мальчик ничего не ответил.

— По сути, ты пренебрегаешь всеми обязанностями сына каролинского джентльмена, — Лэнгстон вытер платком пот с бледного лба и заставил себя успокоиться, — Вы ренегат. Или вы считаете, что я получаю наслаждение, наказывая вас?

— Не могу знать, сэр.

— Ваш брат Джулиан послушен. Джулиан повинуется моим приказаниям. Почему же вы так не можете?

— Не могу знать, сэр!

— Не можете знать! Лучше скажите — не желаете! И даже не станете сопровождать свою семью в Чарльстон. Вместо этого клянетесь убежать.

— Да, сэр, обязательно.

Рассерженный отец долго и внимательно смотрел в глаза сыну. На следующее утро семья Батлеров уехала в Чарльстон без старшего сына. В ту ночь Долли, цветная повитуха, втирала бальзам в рубцы мальчика.

— Да, масса Лэнгстон, он человек суровый, — произнесла она.

— Ненавижу Чарльстон, — сказал Ретт.

На плантациях, прилегающих к реке, в апреле посадили рассаду и первый раз открыли заслонки шлюзов. Рисовые поля предстояло залить еще трижды до сбора урожая в сентябре. Своевременно поднимать и опускать заслонки на шлюзах было просто жизненно важно для урожая, поэтому Уилл, раздатчик воды Броутонской плантации, занимал в негритянской иерархии второе место после Геркулеса.

Уилл подчинялся непосредственно господину Лэнгстону и Исاية Уотлингу, но никому другому, включая Шэда Уотлинга, двадцатилетнего сына надсмотрщика.

Уилл жил в отдельной хижине. Он владел столом, двумя стульями, гамаком и тремя потрескавшимися мисками, которые Луи Валентин Батлер прихватил с испанского судна «Меркато». Спустя положенный год после того, как умерла его жена, Уилл сошелся с Мислтоу, симпатичной девчонкой лет пятнадцати.

Опасаясь смертельной лихорадки, владельцы плантаций Джорджии и Каролины уезжали на лето в город. Когда Лэнгстон наведывался проверить посадки, он появлялся ранним утром, а отбывал до наступления темноты.

Босиком и без рубашки, его сын охотился и рыбачил, облазив все заливные болотистые берега реки Эшли. Учителями молодого Ретта были аллигаторы, цапли, скопы, рисовые птицы, черепахи и дикие кабаны. Мальчик знал, где негритянский знахарь находит травы и в какой заводи кроется сом. Порой Ретт не возвращался в Броутон целыми неделями; отец, наведываясь на плантацию, никогда не интересовался сыном.

Надсмотрщик Уотлинг наблюдал за орошением и рыхлением нежных рисовых ростков, решал, когда пора травить ондатр, роющих норы в стенках каналов, а когда пора стрелять птиц.

Хотя негры были в массе своей более стойкими к лихорадке, нежели их белые хозяева, работая весь день по колено в субтропическом болоте, некоторые неизбежно заболевали. В бесплатной лечебнице Броутона жена надсмотрщика Уотлинга Сара и молодая Красотка отпаивали несчастных большими дозами настоек хинной коры и коры вяза. Белая женщина и ее дочь помогали Долли принимать роды и натирать мазью спины рабов, которых порол их муж и отец.

Некоторые негры поговаривали, что господин Лэнгстон реже брался за кнут, чем босс Уотлинг. «Масса Лэнгстон не будет иметь проку от тех, кто лежит в лазарете».

Однако некоторым, наоборот, больше нравился Исая Уотлинг. «Босс Уотлинг суров, но справедлив. Он не станет махать кнутом без нужды».

Молодой господин Ретт приставал к слугам своего отца с вопросами практического свойства: «Почему заслонки делают из кипариса? Почему рис не мотыжат перед сбором урожая? Почему рис провеивают вручную?» Негры питались рыбой и дичью, которую приносил Ретт, и белый мальчик пропадал у них по воскресеньям, когда негры отдыхали. Ретт сопровождал Уилла в обходах, и нередко в полдень они вдвоем обедали на берегу реки.

Когда приспичит, Шадра Уотлинг наведывался в негритянские хижины после наступления темноты, отсылая семью девушки следующими словами: «Может, вам лучше прогуляться по лесу?» Иногда Шэд давал мужу или отцу большую бутыл дешереого виски, чтобы скоротать час-другой.

Но Мислтоу, новая жена раздатчика воды, не пожелала уступать сыну надсмотрщика, и, когда Шэд Уотлинг не захотел выйти за дверь, Уилл выбросил его на улицу — обстоятельство, которое привело в восторг других негров. Когда же о том, что сделал Уилл, услышал Лэнгстон Батлер, он объяснил надсмотрщику Уотлину, что неграм не пристало смеяться над сыном надсмотрщика, чтобы потом неповадно было смеяться над надсмотрщиком, а после и над самим хозяином.

В Броутоне жили три сотни негров и с десяток белых, причем часть из них — женщины. Что удерживало негров от бунта? Лэнгстон Батлер сказал Исая Уотлину: когда негры начнут переговариваться да точить свои мотыги и ножи, мятеж уже не подавить. Его можно предотвратить, если пресечь первый непокорный взгляд, презрительный жест, неуважительный смешок.

— Уилл — хороший ниггер, — сказал Уотлинг.

— Твой сын и исполнит наказание.

— Шадра? — Глаза Уотлинга потемнели. — Вы ведь довольны моей работой?

— Вполне.

— До того как я пришел сюда, я работал на себя.

— А сейчас нет.

Уотлинг поклонился и пробормотал:

— Я должен все же сказать, господин Лэнгстон. Уилл имел все основания так себя вести. Мой Шадра... Шадре не стоило...

— Но он белый, — ответил Лэнгстон.

В то августовское утро небо было не по сезону чистым, а воздух — тяжелым и мертвым. Рисовую мельницу Броутонской плантации выстроили из кирпича, а маслоройню, негритянские постройки и лечебницу — из пестрой смеси местного известняка и толченых устричных ракушек. Высокая и без окон, с тяжелой, окованной железом дверью, мясная кладовая Броутона имела неприступный вид, под стать средневековому замку. Каждое воскресное утро повторялось одно и то же: стоя перед этим воплощением изобилия, надзиратель Уотлинг распределял недельный рацион между слугами, подходившими к нему по одному.

«Спасибо, босс Уотлинг. Уж как мы благодарны». Так Исая Уотлинг выступал одновременно дланью дающей и карающей.

Столб для порки в Броутоне представлял собой черный кипарисовый пень пяти футов шести дюймов в высоту и восемнадцати дюймов в обхвате. Наверху было привинчено железное кольцо, к которому привязывали руки провинившегося.

Уилл попросил молодого хозяина заступиться за него, и Ретт накинулся на надсмотрщика.

— Уотлинг, я приказываю!

Исайя Уотлинг посмотрел на мальчика, словно тот был какой-то диковиной, выброшенной на берег приливом.

— Юный Батлер, когда вы ослушались господина Батлера и остались, я спросил его, кто будет за главного, если тот уедет по делам в город. И господин Батлер ответил мне, что я должен следовать исключительно его распоряжениям, а вы не имеете никаких полномочий. Итак, юный Батлер, все эти негры собрались здесь для того, чтобы видеть, как вершится правосудие, и учиться уважению. Дерзость Уилла стоит ему двести ударов кнутом.

— Черт побери, Уотлинг, это ведь настоящее убийство!

Исайя Уотлинг склонил набок голову.

— Этот ниггер — собственность вашего отца. Очень не многие из нас могут себе позволить ни от кого не зависеть.

Свернутый прежде кнут Шэда щелчком срезал ярко-красный венчик цветка лианы, оплетающей колодец. Негры стояли в полном молчании, мужчины впереди, женщины и дети позади. Малые дети цеплялись за фартуки матерей.

Когда Исайя Уотлинг вывел Уилла из холодной, тот заморгал от яркого света. Уилл не сопротивлялся, когда надсмотрщик привязывал его запястья к столбу.

Душа Ретта Батлера еще не набралась отваги настолько, чтобы спокойно смотреть, как убивают его друга. Когда Уотлинг оголил спину Уилла, Мислтоу потеряла сознание, а Ретт стремглав помчался к реке, чтобы не слышать ударов кнута и стонов Уилла, перешедших в крики.

Ретт вскочил в ялик, отвязал его и позволил реке унести себя прочь. Разразилась гроза, и он промок до нитки. Его лодка плыла по воле волн. Дождь оглушал и слепил.

Ретт дал себе клятву, что, когда вырастет, ни за что не будет таким беззащитным, как сейчас. А дождь все лил, сильнее и сильнее. Ретт не видел даже носа лодки. Вода дошла уже до самых банок. Парус был разорван в клочья, весло потерялось. Когда полузатопленный ствол кипариса угрожал перевернуть ялик, Ретт сломал второе весло. Он внимательно осмотрел обломок — нельзя ли приспособить для гребли? Ретт вычерпывал воду, пока не заболели руки. Когда он крикнул, не в силах терпеть грохот в ушах, ветер унес его крик.

Река прорвала дамбы и затопила рисовые поля; временами ялик находился в русле реки, а порой скользил над тем, что еще совсем недавно было полями прекрасного каролинского золотистого риса.

Внезапно дождь и ветер прекратились, и у Ретта возникло чувство, что его смыло в другую вселенную. Ялик тихо несло в ярком потоке света — а вокруг вздымались крутящиеся водяные стены, поднимаясь выше и выше, до самого неба; небо было темно-синего цвета, и Ретту даже показалось, будто он видит звезды. Он, конечно, слышал о глазе бури. Только не подозревал, что в нем окажется.

Река вытолкнула полузатопленный ялик к берегу, куда прибило массу вывороченных с корнем деревьев. Ретт привязал ялик к какой-то ветке и пошел, спотыкаясь, на звук топора.

Еще молодым человеком Томас Бонно был освобожден. Бывший хозяин — белый отец Томаса — отдал сыну пять акров земли в низине у реки, где Томас выстроил скромный глинобитный дом, чьи толстые невзрачные стены уже выдержали не один ураган. Теперь Бонно с сыном — ровесником Ретта — на крыше

прибивали дранку.

— Посмотри, папа, вон белый мальчик, — сказал Тунис.

Они спустились на землю, и Томас приветствовал чуть не утонувшего Ретта.

— Пойдемте с нами, молодой господин. Эти стены защищали нас до сих пор. Бог даст, выстоят и сегодня. В единственной комнате в доме жена Томаса Бонно, Перл, и двое маленьких детей стаскивали сундуки, верши, колоду, на которой рубили дрова, клетки для кур в шаткую кучу, чтобы можно было вскарабкаться на балки под потолок.

— Ни дождь, ни ветер не убивают, — объяснял Бонну, когда Ретт схватился за балку, — но старик-ураган нагоняет мощную волну, способную запросто утопить.

Тунис передал самых маленьких детей отцу, и тот посадил их рядом с собой, обняв сильной рукой. Когда все устроились верхом на балке, Бонно нараспев завел:

— «И сказал Бог Ною: люди испорчены, и я подниму мощный потоп. Но ты с семьей спасешься в наводнении...»

[\[1\]](#)

Остальные слова унесло ветром. Порыв ветра ударил по стенам маленького домика и вышиб дверь. Вода пенилась под свешивающимися ногами Ретта, а балка, которую он оседлал, так и гудела. Томас Бонно откинул голову и закрыл глаза; напряженная шея выдавала, что он не переставал славить Бога.

Худшее миновало.

Всему наступает свой конец. Вода отступила, и, как это бывает после бури, солнце озарило сияющий новый мир.

Томас Бонно произнес:

— Если я не ошибаюсь, вон на дереве ара, — Забрызганная грязью и вымокшая сине-желтая птица слабо цеплялась за голую ветку. — Один Бог знает, как он сюда попал.

Они вытащили грязные сундуки и сломанные верши наружу, а Перл Бонно натянула веревку, чтобы высушить одежду. Перл осталась в мокрой сорочке, пока сохло ее платье, остальные ходили голышом.

Тунис и Ретт собирали выброшенную бурей на берег рыбу, пока Томас Бонно разводил костер с помощью сухой коры кедра. Сидя у костра и жаря рыбу, надетую на прутья, Томас Бонно обратился со словами благодарности к Богу за то, что он пощадил его семью и молодого господина.

— Я не молодой господин, — произнес белый мальчик, — Я Ретт.

Десять дней спустя, когда Ретт вернулся в Броутон, Уилла уже похоронили на негритянском кладбище, а Мислтоу продали на Юг. Броутонская плантация представляла собой огромные площади затопленного, вонючего риса.

Лэнгстон Батлер самолично наблюдал за работой тех, кто занимался починкой прорывов в главном канале, Уотлинг — за тем, как восстанавливалась сеть внутренних каналов. Мужчины катили тележки с грунтом, а женщины и дети таскали землю ведрами.

Сапоги отца Ретта были в грязи, лицо покрылось щетиной. Его ухоженные руки потрескались, ногти обломались.

Лэнгстон Батлер встретил сына следующими словами:

— Мы считали вас мертвым. Мать вас оплакивает.

— У матери доброе сердце.

— Где вы были?

— Свободный цветной Томас Бонно спас меня от урагана. Я помогал его семье восстановить жилище.

— Долг приказывал вам быть с семьей.

Ретт ничего не ответил.

Отец вытер рукой потный лоб.

— Весь урожай погиб, — констатировал он. — Работа целого года пошла насмарку. Уэйд Хэмптон предложил мне баллотироваться на пост губернатора, но теперь, конечно...—

Лэнгстон Батлер посмотрел в непроницаемые глаза сына.—

Сэр, судьба Уилла научила вас чему-нибудь?

— Да, сэр.

— Смирению? Послушанию? Должному почтению?

— Я часто слышал от вас, отец, что знание — сила. И принимаю этот вывод.

Несмотря на неотложную работу в Броутоне, Лэнгстон Батлер на той же неделе забрал сына в Чарльстон, чтобы тот начал получать образование, приличествующее каролинскому джентльмену.

Кэткарт Пурьер был наиболее примечательным интеллектуалом Чарльстона, и весь город им гордился, как диковинкой наподобие двуглавого теленка или говорящей утки. В студенческие годы он сидел за обеденным столом рядом с самим Эдгаром По в университете штата Виргиния, а как всем известно, поэзия заразительна.

Задиристые эссе К. Пурьера в журнале «Сазэрн литерари мэгэзин» дважды давали повод для вызова на дуэль, который тот принимал, хотя считал, что дуэли «изобретены умственно неполноценными людьми и для таких же предназначены», и оба раза стрелял в воздух. После чего его уже на дуэль не вызывали. Нет никакой славы — как и бесслания — в том, чтобы вызвать на дуэль человека, который не станет стрелять в ответ.

Кэткарт являлся президентом Общества святой Сесилии, которое спонсировало возвышающие душу концерты и наиболее популярные балы Чарльстона. Большинство интеллектуалов Чарльстона происходили из духовенства или, наподобие юниониста

[\[2\]](#)Луи Петигру, были юристами, но благодаря значительному состоянию, оставленному супругой, Кэткарту Пурьеру не приходилось зарабатывать себе на хлеб. Он лишь давал уроки нескольким хорошо воспитанным молодым людям, потому что, как часто пояснял Кэткарт, «благородное происхождение обязывает».

Умершая в 1836 году Элеонора Болдуин Пурьер была любимым поэтическим предметом Кэткарта. Хотя обыватели поговаривали, что получить взамен кругленькой суммы приданого сомнительное литературное бессмертие было весьма незавидной сделкой.

Утомленный и поглощенный своими мыслями, Лэнгстон Батлер характеризовал сына будущему педагогу следующим образом:

— Мой старший сын умен, но непокорен. Он игнорирует мои наставления и отрицает различия — положения и расы, — на которых строится общество. Хотя Ретт умеет читать, писать и считать, джентльмены не признают его своим.

Кэткарт весь сиял благожелательностью.

— Мозг любого юноши — это tabula rasa

[3]. На ней можно начертать что угодно.

Лэнгстон устало улыбнулся.

— Что ж, увидим.

После того как Лэнгстон вышел, преподаватель произнес:

— Садитесь, молодой человек. Сядьте же. Вы ходите, будто зверь в клетке.

В быстрой последовательности Кэткарт начал задавать Ретту вопросы:

— Какого знаменитого генерала учил Аристотель? Пожалуйста, проспрягайте глагол «атаге». Какой английский король следовал за Карлом I? Объясните принцип разделения властей. Расскажите наизусть стихотворение Э. По «Ворон», Китса «La Belle Dame sans Merci».

После тягостного молчания Кэткарт улыбнулся.

— Молодой человек, очевидно, я знаю много неведомого вам. Что же знаете вы?

Ретт подался вперед.

— Я знаю, почему шлюзовые заслонки в каналах сделаны из кипариса. Все считают, что самка аллигатора съедает своих детей, но это не так: она просто носит их в пасти.

Знахари делают из дурмана четыре снадобья. Логово ондатры всегда имеет один выход под водой.

Кэткарт Пурьер моргнул.

— Вы натурфилософ?

Однако мальчик отверг такую возможность:

— Нет, сэр. Я ренегат.

По окончании беседы с педагогом Ретт отправился в спальню, взобравшись по крутой лестнице в жаркую угловую комнату. Грязная одежда была раскидана по одной незаправленной кровати, а начищенные до блеска сапоги для верховой езды возлегли на подушке второй.

Ретт распаковал саквояж, сбросил с кровати сапоги на пол и сел у окна с видом на пристань. Такое множество кораблей... Как огромен мир! Интересно, сможет ли он хоть в чем-то добиться успеха?

Спустя полчаса сосед по комнате затопал вверх по лестнице. Он оказался худощавым юношей, чьи длинные пальцы постоянно отбрасывали со лба светлые волосы. Подняв свои сапоги, он с пристрастием осмотрел их.

— Ты ведь Батлер, я полагаю, — произнес он.

— А тебя как зовут?

Молодой человек выпрямился.

— Эндрю Раванель. Тебе это имя что-то говорит?

— Ровным счетом ничего. А должно?

— Лучше бы говорило.

Эндрю сжал было кулаки, но Ретт опередил его ударом в живот. Мальчик свалился на кровать, ловя воздух ртом.

— Не стоило тебе этого делать, — выдохнул он, — Ты не имел никакого права...

— Ты собирался меня ударить.

— Ну, — улыбка Эндрю Раванеля была ангельской, — может, я и сделал бы это. А может, и нет.

За последующие месяцы Ретт осознал, насколько он одинок.

Эндрю Раванель вырос в городе — Ретт никогда не жил среди огней газовых фонарей. Ретт смотрел на все с практической точки зрения, а Эндрю был мечтателем. Раванеля шокировало безразличие Ретта к чинам.

— Ретт, не стоит благодарить слугу за то, что он подает на стол, — ради того он и живет. Ретт выделялся в математике, и Эндрю любил похвастать своим другом, прося его сложить многозначные числа в уме. Эндрю был безразличен к занятиям, и Ретт натаскивал его.

Другими учениками Кэткарта были Генри Кершо, неповоротливый семнадцатилетний юноша, живший в городе, родной сын Кэткарта Эдгар Аллан, который был помощником Генри Кершо, а также Джон Хейнз, наследник отцовской судоходной компании. Конгресс Хейнз одобрял методику преподавания Кэткарта Пурьера, но не его вкус. Поэтому сын Конгресса жил дома.

Как только ночь приносила прохладу в великий портовый город, Ретт с Эндрю садились на подоконник и принимались обсуждать понятия долга, чести и любви — все те извечные вопросы, которые встают перед любым юношей.

Ретт не понимал приступов меланхолии, которая порой находила на Эндрю. Хотя Эндрю был смел, какой-то сущий пустяк мог запросто огорчить его.

— Кэткарт свысока обращается со всеми, — объяснял Ретт терпеливо, — Он по-другому не может. Не стоит обращать внимание.

Не в силах ни вразумить, ни рассмешить Эндрю, Ретт тихо сидел рядом с ним в наиболее тяжелые часы и минуты — только это, кажется, и могло вывести его из отчаяния.

Несмотря на то что Кэткарт Пурьер поносил «филистимлян-плантаторов», он никогда не подвергал сомнению традицию Чарльстона, согласно которой молодые джентльмены должны были погулять перед женитьбой. Отец Эндрю, полковник Джек Раванель, познакомил Ретта со спиртным и сопровождал юношу в публичный дом хозяйки мисс Полли, едва тому исполнилось пятнадцать лет.

Когда Ретт спустился в холл, старый Джек с усмешкой спросил:

— Ну, сэр. Что вы думаете теперь о любви?

— О любви? Разве это так называется?

После трехлетнего курса занятий у Кэткарта Пурьера Ретт научился хорошо считать, читать по-латыни (со словарем), знал имена всех английских монархов, начиная с Альфреда, и прелести самых хорошеньких женщин легкого поведения Чарльстона, а также то, что в покере стрит никогда-никогда не побьет флэш.

В том же году, когда присоединение Техаса обсуждалось в Сенате Соединенных Штатов, Кэткарт Пурьер опубликовал скандальное письмо. К чему Кэткарту было так высказывать свое мнение, осталось непонятным. Некоторые считали, что он завидует растущей славе поэта Генри Тимрода, другие отмечали, что именно «Чарльстонский Меркурий», некогда отказавшийся печатать стихотворение Кэткарта, опубликовал его возмутительное письмо (правда, с извинением редакции).

«Отмена федеральных законов, — писал Кэткарт Пурьер, — есть огромная глупость, а приверженцы ее — безрассудные глупцы. Разве может поверить любой разумный человек в то, что федеральное правительство разрешит каббале каролинских джентльменов определять, каким федеральным законам стоит подчиняться, а каким нет? Некоторые из этих джентльменов шепотом уже произносят страшное

слово "отделение". Надеюсь, если мистер Лэнгстон Батлер и иже с ним наконец решат покончить жизнь самоубийством, то сделают это тихо, не вовлекая остальных людей в свою глупость».

Хотя отец Ретта не мог вызвать Кэткарта Пурьера — негодя, который насмеялся над всем, что было святого, — на дуэль, Лэнгстон сделал то, что было в его силах: убрал из-под влияния Пурьера своего сына.

Когда экипаж катился по Кинг-стрит, Лэнгстон сказал Ретту:

— Сенатор Уэйд Хэмптон нанял педагога для своих детей. Вот он и будет тебя учить... Надеюсь, ты еще не заразился изменническими взглядами.

Ретт смотрел на отцовское сердитое лицо и думал: «Ему хочется сделать меня таким же, как он». Выпрыгнув из экипажа, юноша проскочил за телегой с пивом и исчез из виду.

Томас Бонно отложил в сторону сеть, которую чинил.

— Что вы здесь делаете, молодой человек?

Улыбка Ретта была натянутой.

— Я надеялся, что мне здесь рады.

— Выходит, не так. Вы приносите только несчастья.

Держа в одной руке бинокль, а в другой книгу «Друг моряка», на улицу вышел Тунис.

В отчаянии Ретт произнес:

— В книге неверно описывается парусность кеча.

Тунис раскрыл от изумления глаза.

— Папа, молодой Батлер тут хочет сказать, что он моряк. Представляешь?

Коротенький синий пиджак едва закрывал шелковую в рубчик рубашку Ретта, а брюки были ему настолько узки, что он боялся наклониться.

Все Бонно ходили босиком, грязные парусиновые брюки на Тунисе были подпоясаны веревкой.

Ретт тихо сказал:

— Мне больше некуда идти.

Тунис некоторое время внимательно смотрел на Ретта, а затем рассмеялся.

— За эту книгу я отдал восемь бушелей устриц, а молодой господин говорит, что тут напутали.

Томас Бонно с шумом выдохнул.

— Боюсь, что пожалею об этом. Садитесь, а я покажу, как чинить сети.

Бонно собирали устрицы на отмели острова Моррис и рыбачили у острова Салливана. Ретт вставал до рассвета, трудился и смеялся вместе с ними, а в один незабываемый воскресный день, когда Томас с женой и младшими детьми находились в церкви, Ретт и Тунис, столкнув ялик Томаса в воду, поплыли до самого Бофора.

Юный Ретт Батлер никогда не думал, что можно быть таким счастливым.

Каждый негр вблизи реки Эшли знал о белокожем «сыночке» Томаса Бонно, однако миновало тринадцать недель, прежде чем Лэнгстон Батлер обнаружил местонахождение Ретта, и еще день, прежде чем лодка из Броутона причалила к дощатой пристани Бонно.

Перед Томасом Бонно угрожающе выросла фигура Лэнгстона Батлера.

— Многие законодатели хотят выгнать свободных цветных из Каролины или вернуть их в рабство. И я того же мнения. Если попробуешь еще раз вмешаться в дела моего семейства, даю слово, что ты вместе с женой и детьми согнешься под ударами кнута Уотлинга.

За весь долгий путь вверх по течению к Броутону Лэнгстон Батлер не сказал сыну ни слова, а причалив к берегу, сразу передал Ретта Исайе Уотлингу.

— Вот еще один работник на рисовую плантацию. Если он убежит или ослушается, угостите его кнутом.

Уотлинг отвел Ретта в негритянскую хижину, где соломенная подстилка шевелилась от блох.

Воду спустили уже как две недели, и рис прекрасно разросся. В самое первое утро работы на рисовом поле Ретт наглотался москитов и прочей мошкары и через двадцать минут после восхода солнца едва мог вздохнуть, так перегрелся воздух.

Почти по пояс в грязи, Ретт рыхлил почву перед собой, насколько удавалось дотянуться, потом с трудом вытягивал ноги и переступал дальше.

Большой начальник на сильном коне, Шадра Уотлинг наблюдал за ним с дамбы.

В полдень работы остановились, чтобы рабы могли подкрепить силы — обед представлял собой кукурузную кашу с бобами из общего котла. У Ретта не было ни чем, ни из чего есть, пришлось подождать, пока негр поблизости не доест, и попросить у него миску и ложку.

После полудня жара подскочила до 95 градусов [4], у Ретта перед глазамиплыли красные и фиолетовые пятна.

По традиции после того, как работник выполнял задание, он мог заниматься своими делами. К трем часам некоторые из самых крепких мужчин ушли с поля, а к пяти часам работали уже только Ретт и две женщины средних лет. В половине девятого, когда Ретт закончил работу, оставались только он и Шэд Уотлинг.

— Лучше берегитесь змей, — усмехнулся Шэд Уотлинг, — Мы уже потеряли здесь одного негра на прошлой неделе.

Периоды полузабытья Ретта, состоящие из работы, еды и снова работы, перемежались беспокойным сном. Когда Ретту все-таки встретилась ядовитая мокасиновая змея, скользнув мимо его босых ног, он равнодушно проводил ее взглядом.

Не сходя с худого высокого мула, управляющий Уотлинг объезжал поля. Рукоятка его кнута побелела от потной руки. Несмотря на жару, на надсмотрщике всегда был надет черный сюртук, а рубашка наглухо застегнута. Соломенная широкополая шляпа плотно сидела на стриженной голове.

В субботу после обеда он подозвал Ретта к себе.

У Уотлинга были большие уши, крупный нос, большие ладони, а лицо изрезано морщинами от тяжелой работы и жизненных невзгод.

Уотлинг остановил бесстрастный взгляд на Ретте.

— Когда я обанкротился и приехал в Броутон много лет назад, вы были довольно ленивым ребенком, но я чувствовал, что для вас еще не все потеряно. Писание гласит, что мы поднимемся через страдание. Юный Батлер, — тут надсмотрщик пришпорил своего мула, — наступит и наш день.

К началу второй недели Ретт работал наравне со старухами, а к концу третьей мог уже соперничать с

негритянским мальчиком десяти лет.

По вечерам Ретт без сил валился на колоду во дворе. Хотя неграм Броутона было велено держаться от сына хозяина подальше, они делились с ним едой из своих скудных запасов.

К сентябрю молодой Ретт Батлер был уже полноценным работником на рисовой плантации Броутона.

Когда делегаты Каролины поднимались на шхуну, идущую в Балтимор на съезд демократической партии, сенатор Уэйд Хэмптон отвел Лэнгстона Батлера в сторону и спросил, правда ли то, что сын Лэнгстона работает наряду с неграми на рисовой плантации.

— Мой сын должен усвоить дисциплину.

Уэйд Хэмптон, владелец трех с половиной тысяч негров, при этих словах нахмурился и объяснил, что демократическая партия не может допустить подобного скандала.

— Сэр, мой сын обязан научиться дисциплине.

Так случилось, что сенатор Уэйд Хэмптон определил Ретта на учебу в Вест-Пойнт.

Когда Исайя Уотлинг подошел в тот вечер к негритянским хижинам, Ретт Батлер сидел, поджав под себя ноги, на пороге своей хибарки, наблюдая за тем, как над рекой кружатся птицы.

Исайя Уотлинг спешился.

— Господин Батлер желает, чтобы вы поехали в город. Вас ожидает лодка, — Помолчав, он добавил: — Для белого юноши вы были достаточно приличным негром.

В Чарльстоне Ретт принял ванну и сходил к цирюльнику. Одежду подогнали под его фигуру. Не успели еще зажечь все укусы насекомых, как он уже сел на шхуну, идущую на север.

Молодой Ретт Батлер стоял у перил судна, вышедшего из чарльстонской гавани. Тело отвыкло от положенной джентльмену одежды. Форт Самтер становился все меньше и меньше, пока не превратился в точку среди серых океанских валов.

Глава 2

РОЗМАРИ ПЕНЕЛОПА БАТЛЕР

Когда Ретт уехал из Южной Каролины, его сестра Розмари была четырехлетним ребенком, и впоследствии при мысли о брате, о чем бы она ни думала, один и тот же образ возникал в памяти: волк с обложки книги сказок. Худой, с длинной мордой — но какая хитрость светилась в его глазах!

Пока Ретт прятался у Бонно, злость Лэнгстона Батлера, казалось, заполнила каждый уголок дома в Чарльстоне. Слуги ходили на цыпочках, маленькая Розмари пряталась в детской, а Элизабет Батлер уединилась в спальне, страдая от головной боли. Розмари считала, что Ретт должен быть сильным и злым, если уж отец его так ненавидел.

Руки и ноги Розмари покрылись сыпью. Она просыпалась при малейшем шорохе и не могла уже дальше спать. Если бы вместо этого тощего волка она могла представить себе куклу, танцовщицу или хорошенькое платьице, то волк, конечно, не стал бы таиться в сумраке теней под окном спальни и не стал бы прятаться под ее кроватью.

Мать Розмари Элизабет была любимой единственной дочерью очень богатого человека Эзры Болла Кершо. Будучи добропорядочной и набожной, Элизабет верила, что Библия ответит на все ее вопросы, а справедливость восторжествует. Она молилась за своих детей и, не поминая об этом ему, молилась и за своего мужа. Но на этот раз Элизабет Батлер предприняла нетипично смелое действие и попросила свою подругу Констанцию Фишер — а никто в Чарльстоне не был более уважаем и богат, чем бабушка Фишер, — пустить Розмари пожить к себе какое-то время.

Бабушка сразу же согласилась.

— Будет играть с внучкой Шарлоттой.

В тот же день одежда и любимые игрушки Розмари были собраны и помещены в экипаж бабушки Фишер. После этой договоренности Розмари проводила больше ночей в особняке Фишеров на Ист-Бэй, чем дома. Сыпь бесследно прошла.

Маленькая Шарлотта Фишер была спокойным, некапризным ребенком и обо всех думала хорошо. Шарлотта полагала, что и брат Розмари Ретт не мог быть таким плохим. Никто не мог быть настолько уж плохим. Шарлотта никогда не жаловалась, когда старший брат Джейми ее дразнил. Однажды, когда Розмари была не в настроении, она схватила любимую куклу Шарлотты. Шарлотта не захотела брать ее назад, и Розмари раскаялась. С плачем Розмари обняла свою подругу.

— Шарлотта, прости, пожалуйста, но когда я чего-то хочу, я хочу сразу.

Через три года после отъезда Ретта в Вест-Пойнт брат Шарлотты Джейми вбежал в детскую.

Шарлотта заложила книгу и вздохнула:

— Слушаю, брат.

— Да уж, слушай!

Со скрещенными руками Джейми оперся на софу, чтобы не смять брюки.

— Джейми...

— Ретта Батлера исключили. Он снова в Чарльстоне, хотя Бог один знает, зачем он сюда приехал, — Джейми театрально поднял брови, — Я хочу сказать, что его никто, ровным счетом никто не принимает. Поселился в доме старого Джека Раванеля. Они с Эндрю всегда были закадычными друзьями.

Розмари нахмурилась.

— Что значит «исключили»?

— Выгнали из Вест-Пойнта. Теперь он опозорен на всю жизнь!

Розмари стало грустно. «Как может волк перестать быть волком?»

Джейми поспешно добавил:

— Не волнуйся, Розмари. У твоего брата много друзей. Эндрю и этот Генри Кершо, Эдгар Пурьер... в общем, та компания.

Это отнюдь не успокаивало. Прежде Джейми часто потчевал всех за столом Фишеров рассказами о «безрассудных юнцах». Все, что Розмари слышала об этих молодых людях, было гадким и пугающим.

Вечером бабушка Фишер укорила Джейми за то, что тот расстроил ребенка.

— Но ведь Ретт действительно опозорен. Я не лгу, — настаивал Джейми.

— Правда, Джейми, не всегда сладкая.

Появление Ретта Батлера вдохновило «безрассудных юнцов» на новые подвиги. Ретт каким-то образом протащил двух хорошеньких, в пух и прах разодетых куртизанок из заведения мисс Полли мимо распорядителей на бал в Жокейский клуб. Прежде чем их вывели оттуда, хихикающие девицы узнали одного из своих завсегдатаев в слуге храма Святого Михаила, прежде считавшегося человеком с безупречной репутацией.

Однажды, когда Ретт около полуночи вышел из игорного дома на набережной, к нему пристали два бандита.

Ретт тихо сказал:

— У меня в пистолете только одна пуля. Выбирайте: кому пуля, кому шею свернуть.

Воры ретировались.

Как-то Ретт с Эндрю пригнали из Теннесси в Чарльстон с дюжину лошадей за четыре дня, на ходу меняя скакунов. По слухам, они насилу опередили законных владельцев этих лошадей.

Весь Чарльстон прямо гудел, когда на своем мерине Текумсе, держа пари на два доллара, Ретт Батлер с завязанными глазами перепрыгнул островерхий железный забор церкви Святого Михаила высотой пять футов. Воскресным утром любопытные прихожане и сердитый викарий рассматривали глубокие вмятины, оставленные на церковной лужайке копытами Текумсе. Знающие лошадаики только поеживались.

Впрочем, у Джейми Фишера было доброе сердце, в чем ему не хотелось признаваться, поэтому эти новости он воспринял критически.

— Ретт играет в покер, — заявил он сестре. И, понизив голос до шепота, добавил: — На деньги!

— Конечно, — отвечала рассудительная Шарлотта, — Он ведь должен как-то себя обеспечивать, верно?

И хотя девочки не были осведомлены обо всех грехах Ретта, они знали, что этих грехов множество. Однажды утром, когда добросердечная Шарлотта в очередной раз назвала подругу «бедной Розмари», та

заехала Шарлотте в глаз. Испуганный ребенок разрыдался, а Розмари тут же бросилась к ней в объятия, утешать, как часто бывает с маленькими девочками.

В один прекрасный день, когда бабушка Фишер вошла в комнату, Шарлотта забыла про тост, на который намазывала варенье из красной смородины, а Розмари поставила чашку с чаем на стол.

Бабушка Фишер сжала руки от волнения. Она пристально взгляделась в лицо Розмари, как будто ища в нем ответ.

— Бабушка, — спросила Шарлотта, — что-нибудь не так?

Констанция Фишер покачала головой и выпрямилась.

— Розмари, тебя в прихожей ожидает посетитель.

— Посетитель, бабушка? Ко мне?

— Твой брат Ретт пришел тебя навестить.

В памяти Розмари тут же возник волк с обложки книги сказок, и она в ужасе взглянула на Шарлотту.

Бабушка сказала:

— Дитя мое, ты не обязана с ним видаться. Если хочешь, я ему откажу.

— Он опозорен, Розмари, — заволновалась Шарлотта.

Розмари решительно сжала губы. Теперь она подросла и не боялась увидеть сказочного волка. Кроме того, Розмари было любопытно: отразятся ли грехи брата на его внешности? А вдруг у него горб или он весь лохматый и с длинными когтями? Или воняет чем-нибудь?

Идя по холлу, бабушка сказала вполголоса:

— Розмари, не стоит говорить отцу о визите брата.

Ретт Батлер оказался вовсе не похож на тощего старого волка. Он был молод и высок, черные волосы блестели как вороново крыло. На нем красовался сюртук светло-палевого цвета, а в больших руках он привычно сжимал широкополую черную шляпу.

— Кого я вижу? Ты не должна меня бояться, малышка.

Стоило Розмари взглянуть в смеющиеся глаза Ретта, как волк был забыт навсегда.

— Я не боюсь, — произнесла она храбро.

— Бабушка Фишер назвала тебя искоркой, — сказал ей Ретт, — Я верю, что это так. И пришел сегодня пригласить тебя покататься.

— Как бы мне не пришлось пожалеть об этом. Скажи на милость, как ты умудрился вылететь из Вест-Пойнта? Впрочем, — тут Констанция Фишер подняла ладонь, — не знаю и знать не хочу. Но Джон Хейнз о тебе высокого мнения, а Джон разумный человек. Если отец проведает, что ты был здесь, он...

Ретт усмехнулся.

— Придет в ярость? Ярость — верный спутник моего отца.

Отвесив почтительный поклон, молодой человек продолжил:

— Я вам обязан, бабушка Фишер. Розмари будет дома к ужину.

С этими словами он встал на колени, чтобы быть вровень с Розмари.

— Сестренка Розмари, у меня есть конь, быстрый как ветер, и самая легкая двуколка во всей Южной

Каролине.

Хочешь полетать?

В тот день Розмари познакомилась с Текумсе, трехлетним мерином-моргаем Ретта. Двухколеска являла собой плетеное кресло на больших колесах, чьи спицы были не толще пальцев брата. Текумсе побежал вначале рысью, а когда Ретт Батлер послал его в галоп, коляска буквально взмыла над дорогой.

Когда Розмари налеталась досыта, Ретт вернулся к бабушке Фишер и внес девочку в дом. Розмари никогда не было так покойно, как у брата на руках.

В свой второй приезд Ретт взял Розмари кататься по морю. Все на пристани, казалось, знали его. Шлюп, на борт которого они поднялись, принадлежал свободному негру, называвшему ее брата по имени. А когда тот пожал руку негра, Розмари совсем удивилась.

Чарльстонская гавань была в тот день заполнена рыболовецкими суднами, прибрежными кечами и океанскими шхунами. Вход в гавань защищал форт Самтер, на его парапете развевался флаг США. В открытом океане волны были выше, и Розмари насквозь промокла от брызг.

Когда они вернулись к бабушке Фишер, загорелая и усталая Розмари была задумчива.

— Что с тобой, моя маленькая?

— Ретт, ты меня любишь?

Брат погладил ее по щеке.

— Больше жизни.

Конечно, Лэнгстон узнал, что сын был у Фишеров, и перевез Розмари в Броутон.

Месяц спустя Розмари посреди ночи разбудил экипаж, несшийся по улицам, — то был экипаж бабушки Фишер — и вот уже, сонную, ее горячо обнимает Шарлотта.

— О, Розмари, мне очень жаль, что так получилось, — шепчет она.

Именно тогда Розмари Батлер узнала о том, что на рассвете ее брат Ретт должен драться на дуэли с Шэдом Уотлингом, тем самым Уотлингом, который однажды убил козодоя, отстрелив ему голову.

Рассвет наступил — и перешел в утро. Услышав далекие выстрелы, миссис Батлер бросилась к раскрытому окну, всматриваясь в даль прищуренными близорукими глазами.

— Наверное, охотники, — сказал Джулиан, брат Ретта, — Стреляют странствующих голубей на продажу.

Евлалия, супруга доктора Уорда, кивнула.

Теплая рука Шарлотты нашла холодную ручку Розмари и с силой ее сжала.

Кровь вновь прилила к помертвевшим щекам Элизабет Батлер. Позвонив горничной, она сказала:

— Принесите нам что-нибудь подкрепиться.

Крепко-крепко зажмурившись — перед глазами даже заплескали красные пятна, — Розмари молилась про себя: «Боже, пожалуйста, спаси моего брата. Пожалуйста, Боже! Сделай так, чтобы он остался жив».

В дальнем углу большой прохладной комнаты Шарлотта и Розмари сжались в комочек, как церковные мышки.

Констанция Венабл Фишер откашлялась и высказала свое мнение:

— Неподходящее время выбрал Лэнгстон для того, чтобы сводить свои счета.

Казалось, осуждающий кивок миссис Фишер проник через дверь, вниз по парадной лестнице и через гостиную достиг самого кабинета мистера Батлера.

Джулиан заметил:

— Отец не изменяет своим привычкам. По субботам он всегда с утра сводит счета.

Сидя на жестком стуле с прямой спинкой, как и подобало старой деве, мисс Джулиет Раванель заметила:

— Иногда мужчины прячут за пунктуальностью свой страх. Возможно, мистер Батлер...

— Ерунда! — перебила ее Констанция Фишер, — Лэнгстон Батлер — просто упрямая свинья!

Вошедший в комнату Соломон, слуга Батлеров в Броутоне, принес чай и блюдо с имбирным печеньем: повариха стряпала такое только во время недели скачек. Когда миссис Батлер попросила хереса, Соломон возразил:

— Слишком рано, госпожа. Солнце-то еще только взошло.

— Подайте херес, — настойчиво сказала миссис Батлер, и, когда дверь за Соломоном плотно закрылась, добавила: — Прав мистер Батлер, негры злоупотребляют добротой хозяев.

— Именно Батлеры потребовали сохранить рабство в Конституции Соединенных Штатов! — произнесла мисс Раванель хвастливую фразу, прекрасно известную всем присутствующим.

Миссис Батлер попала на удочку.

— Конечно. Дорогой дядюшка моего мужа Миддлтон возглавлял делегацию Южной Каролины...

— Да, дорогая, — сказала Констанция Фишер, — Мы все это знаем. Но Ретт совсем не похож на Миддлтона. Ретт пошел в деда Луи Валентина.

Элизабет Батлер поднесла руку ко рту.

— Нельзя о нем говорить! Лэнгстон никогда не упоминает имени своего отца.

— Отчего же никогда? — веселым тоном спросила Констанция Фишер, — Американцы — нация молодая. Деньги, оплаченные кровью, отмываются через поколение.

Плантация индиго в Броутоне не приносила прибыли и не могла обеспечить братьев, некогда ее унаследовавших. Луи Валентин Батлер бросил все и уехал в Новый Орлеан, где на протяжении долгого времени был связан с пиратом Джоном Лафиттом, а Миддлтон Батлер занялся торговлей рабами. Торговля африканцами была прибыльной, но закупщикам Миддлтона нередко попадались слабые, болезненные экземпляры, и те из негров, которые выдержали тяготы пути через океан, продавались ниже своей стоимости. Миддлтон оставил этот бизнес, когда Совет Чарльстона приказал ему сбрасывать мертвых негров дальше от берега. Иначе трупы выносило возле Уайт-Пойнта, где чарльстонские аристократы совершали субботние прогулки.

Поскольку Миддлтон Батлер не принимал чьей-либо стороны вплоть до полной победы Американской революции, ему удалось получить триста акров земли, конфискованной у патриотов. В качестве делегата съезда в Филадельфии Миддлтон Батлер выступил за сохранение рабства в соответствующем разделе новой Конституции.

В 1810 году Луи Валентин Батлер захватил «Меркато», испанское судно, груженное серебром, неподалеку от Тампико и купил тысячу акров превосходной земли для посева риса в Броутоне. Лэнгстон Батлер, сын Луи, всерьез поссорился с отцом и переехал к своему одинокому дяде Миддлтону. Луи

Валентин приобрел еще две тысячи акров. Деньги на покупку поступили от продажи захваченных у побережья Техаса кораблей. (Хотя Луи Валентин клялся, что это были испанские и мексиканские судна, упорно ходили слухи, что те шли под американским флагом.)

Управляющие Броутонской плантации были вынуждены поддерживать экстравагантные порядки Миддлтона, к которым тот привык в Чарльстоне.

В одно прекрасное утро в 1825 году Луи Валентин Батлер вышел из Галвестона на корабле «Гордость Чарльстона», после чего его никто больше не видел. В тот же год кредиторы Батлера пришли на похороны этого достойного джентльмена, чтобы отдать дань уважения патриоту Америки и добиться от его наследника Лэнгстона Батлера причитающихся им денежных сумм. Лэнгстон продал две сотни рабов, чтобы удовлетворить требования кредиторов, и женился на пятнадцатилетней Элизабет Кершо, единственной дочери богача Эзры Кершо. Внешне малопривлекательная, мисс Элизабет славилась своим благочестием. Ее первенец, Ретт Кершо Батлер, появился на свет в сорочке, зажатой к тому же его кулачком, — обстоятельство, признанное всеми броутонскими гадалками необыкновенным великим предзнаменованием. Чего — добра или зла — никто из них не сказал.

Хотя торговля рабами из Африки была запрещена два десятилетия назад, пароходы с черным «товаром» иногда приставали к пристани Чарльстона, и Лэнгстон Батлер охотно покупал ангольцев, короманти и гамбийцев: жители побережья Африки были устойчивы к лихорадке и знали толк в выращивании риса. Он присоединил к своей плантации еще две тысячи акров земли, приобретенной у полковника Раванеля (тот был в отчаянии после смерти жены и не мог совершить эту сделку с выгодой для себя).

Отец Ретта основал Сельскохозяйственное общество Эшли-ривер. Выращивая различные сорта риса, Лэнгстон остановился на одном из числа африканских — «Сунчерчерпадди»: тот отлично провеивался и давал крупное зерно. Когда Уэйд Хэмптон пригласил Лэнгстона баллотироваться в законодательное собрание Южной Каролины, Батлер стал членом самого богатого и авторитетного мужского клуба Южной Каролины.

Утром того дня, когда должна была состояться дуэль Ретта, Джулиан, его младший брат, пил чай, а дамы — херес. Когда Соломон, наливая вино Констанции Фишер, не долил до краев, та с досадой постучала по бокалу.

Наблюдая за всем из-за кушетки, Шарлотта почувствовала запах имбирного печенья — дразнящий, щекочущий ноздри. Вдохнув, девочка подавила свое желание. Как она смеет думать об имбирном печенье, когда брат Розмари может быть ранен или убит? Шарлотта Фишер питала глубокое уважение к мудрости взрослых — ведь они все-таки взрослые, — но сделала вывод, что относительно Ретта Батлера они ошибались.

— Красотка Уотлинг вполне привлекательна, — заметила некрасивая мисс Раванель, — для селянки.

Элизабет Батлер покачала головой.

— Эта девушка испытывает терпение своего отца.

Когда Лэнгстона не было дома, Элизабет присоединялась к семейству надсмотрщика для воскресных молитв. Непонятно почему, но она чувствовала себя покойно в этом простом фермерском доме, где когда-то цвели ее надежды — трогательные надежды новобрачной — на счастливую жизнь. Непреклонная вера Исайи Уотлинга в Христа утешала ее.

— Место дуэли — чудный луг за рекой. С ветвей дубов там свисает испанский мох. Когда я вышла замуж, то мечтала, что однажды мы с Лэнгстоном устроим там пикник. У нас могли быть такие прекрасные

пикники!.. — Миссис Батлер опустила глаза, — Я совсем заговорила, простите. — Она посмотрела на часы. Там на безмятежной поверхности циферблата золотой месяц медленно погружался в эмалевое море. Она снова позвонила Соломону: не заводил ли он часы недавно, и если да, не трогал ли стрелки?

— Нет, госпожа, — Соломон облизал губы, — Я завожу их по воскресеньям. Вы хотите завести их сейчас?

Она отпустила его жестом, выражающим явную досаду.

— Извиниться — только и всего... — произнесла миссис Батлер. — Никто и не думает, чтобы Ретт женился на этой девушке.

— Прекрасная мысль! Извиниться! — Мисс Раванель захлопала в ладоши.

— Мой брат ни за что не будет извиняться! — Протестующий возглас Розмари испугал взрослых, совсем позабывших о присутствии девочек. — Шэд Уотлинг — задира и лгун! Ретт не будет просить прощения у Шэда Уотлинга.

Пусть щеки ее пламенеют — она не откажется ни от одного своего слова! И когда благоразумная Шарлотта стиснула подружке ногу, Розмари оттолкнула ее руку.

— Ретт никогда не любил Чарльстон. — Глаза миссис Батлер беспокойно блуждали по сторонам, — Ретт говорил, между аллигаторами и чарльстонцами только одно различие: аллигаторы показывают зубы, прежде чем напасть.

— Ретт похож на своего деда, — повторила Констанция Фишер, — Черные как смоль волосы, смеющиеся черные глаза... — Она словно перенеслась в прошлое, — Господи, а как Луи Валентин танцевал!

— И почему бы той девушке не уехать? — воскликнула миссис Батлер, — У нее есть какие-то связи в Миссури.

Мисс Раванель заявила, что в Миссури очень много незаконнорожденных. Возможно, даже больше, чем в Техасе.

Сверив свои часы с напольными, Джулиан Батлер перевел стрелки напольных немного назад.

— Мы не услышим выстрелов, слишком далеко.

Его мать охнула, а Констанция Фишер сказала:

— Возможно, твой брат и плут, но ты, Джулиан, тупица.

Джулиан пожал плечами.

— Последняя выходка Ретта вывела из равновесия весь наш дом. Даже слуги сами не свои. Думая, что кухарка приготовила это печенье для уважаемых гостей, — Джулиан поклонился в их сторону, — я похвалил ее. «О нет, мастер Джулиан. Я испекла его для массы Ретта. Когда он придет с дуэли».

Шарлотта прошептала:

— Розмари, пожалуйста, не говори ничего. Нам надо притвориться опоссумами, будто нас тут нет. — И добавила тоскливо: — Я так бы хотела имбирного печенья.

Слышалось тиканье больших часов.

Джулиан кашлянул.

— Миссис Уорд, мне следовало бы побольше знать о первых семействах Саванны. Вы ведь, кажется, из Робийяров?

Мисс Раванель припомнила слухи и пересуды.

— Помнится, кто-то из Робийяров находился на пороге мезальянса — вроде бы с кузиной.

— Дорогой кузен Пьер. Моя сестра Эллен находила его великолепным, — Евлалия захихикала (к этому моменту она выпила третью рюмку хереса). — Я полагаю, лев тоже великолепен, пока не сожрет вас.

Мисс Раванель вспомнились кое-какие подробности.

— Тогда Робийяры отослали кузена Пьера и выдали девушку замуж за какого-то ирландского лавочника...

Евлалия решила укрепить честь семьи.

— Моя сестра Эллен вышла замуж за очень успешного человека. Ее супруг мистер Джеральд О'Хара имеет прекрасную хлопковую плантацию близ Джонсборо. Под названием Тара, — Она втянула носом воздух, — В честь его фамильного поместья в Ирландии, думаю.

— Джонсборо... Это в Джорджии? — Мисс Раванель подавила зевету.

— Именно. Эллен пишет, что ее дочь Скарлетт — вылитая Робийяр.

— Скарлетт? Какое странное имя. Скарлетт О'Хара — ох уж эти ирландцы!

Заложив руки за спину, Джулиан стоял у окна.

— Должно быть, все закончилось.

Элизабет Батлер заговорила, и в ее голосе прозвучала надежда, в которую, кроме нее, никто не верил:

— Ретт и Шэд, верно, объяснились и отправились верхом в таверну мистера Тернера.

Констанция Фишер обратилась к Джулиану:

— Если твой отец закончил с бухгалтерией, то, вероятно, может снизойти до нас и присоединиться к нам?

— Работу Лэнгстона Батлера никогда не переделать, — сказал Джулиан с особой интонацией, — Четырнадцать тысяч акров, триста пятьдесят негров, шестьдесят лошадей, пятеро из них чистокровные...

— Но сыновей только двое, — отрезала Констанция Фишер, — и один из них, возможно, умирает от пулевого ранения.

Элизабет Батлер поднесла руку к губам.

— Ретт в таверне мистера Тернера, — прошептала она. — Он должен там быть.

Услышав стук копыт, Розмари подбежала к окну и распахнула его. Сырой воздух ворвался в дом. Поднявшись на цыпочки, девочка высунулась наружу.

— Это Текумсе! — закричала она — Его галоп я узнаю где угодно. Слушай, мама! На дорожке Ретт! Это он! Это Текумсе!

Девочка бросилась вон из комнаты, сломя голову сбежала с лестницы, промчалась мимо отцовского кабинета и выбежала на подковообразную подъездную дорожку, где ее брат останавливал взмыленную лошадь. Улыбающийся Соломон взял лошадь под уздцы.

— Приветствую вас дома, масса Ретт, — сказал он. — Все цветные вас приветствуют.

Молодой человек соскочил с лошади и подхватил сестренку, обняв ее так сильно, что у той

перехватило дыхание.

— Извини, моя маленькая, что напугал тебя. Вовсе не хотел этого.

— Ты ранен, Ретт!

Его левый рукав был пуст. Рука висела на перевязи под черным сюртуком.

— Пуля не задела кость. У реки на рассвете ветер налетает порывами. Уотлинг не принял это в расчет.

— О Ретт, как я боялась. Что бы я делала, если бы потеряла тебя?

— Ты не потеряла меня, детка. Только хорошие умирают молодыми.

Отодвинув ее от себя на расстояние вытянутой руки, он смотрел на сестру так, как если бы впитывал ее образ, запечатлевая его навсегда в своей памяти. Черные глаза Ретта были очень печальными.

— Пойдем со мною, Розмари, — сказал он, и на безумный миг Розмари показалось: вот-вот они с Реттом оставят этот безрадостный дом и она, убегая вместе с братом на Текумсе, помашет на прощание рукой.

Вслед за братом она вышла на длинную пустую площадку перед домом. Обняв ее здоровой рукой, Ретт повернул сестру лицом к полям: перед ними расстился весь их мир.

На освещенных солнцем рисовых полях, поделенных на прямоугольные лоскуты, бригады работников разбрасывали известковую глину мергель и в такт своим движениям пели. Слов не было слышно, но в мелодии чувствовалась какая-то светлая печаль. Полоса разлившейся реки Эшли отделялась от полей Броутонской дамбой; по этой дамбе мчался, поворачивая к восточному полю и дому Исайи Уотлинга, всадник.

— Плохая новость седлает самого быстрого коня, — тихо проговорил Ретт, — И, помолчав, добавил: — Никогда не забуду, как здесь красиво.

— Значит, он... Шэд Уотлинг...

— Да, — сказал Ретт.

— И потому ты такой печальный? — спросила Розмари, —

Он ведь был задирой. Не нужно о нем грустить.

Ретт улыбнулся.

— Какое же ты удивительное существо!

Миссис Батлер с гостями ожидала их в гостиной. Увидев пустой рукав Ретта, она глубоко вздохнула, и глаза ее закатились. Помогая ей сесть на диван, Джулиан шептал: «Мамочка, дорогая, пожалуйста!»

Евлалия с округлившимися глазами скрипучим от страха голосом спросила:

— А Франклин?

— Ваш Франклин, мадам, в полном — за исключением его фляжки — порядке. Доброму доктору не хватает храбрости для такого дела.

В дверях кабинета выросла фигура Лэнгстона Батлера с грассбухом в руке. Прошествовав через комнату к полкам, он поставил книгу на место и, повернувшись, увидел старшего сына.

— А, непутевый, только тебя не хватало.

Затем мистер Батлер взял семейную Библию и открыл те ее страницы, куда, начиная с 1607 года,

вносились даты рождения, женитьбы и смерти Батлеров. Из кармана жилета он достал серебряный перочинный ножик, чтобы очинить гусиное перо. Затем прислонил перо к лакированной ореховой подставке, а когда расщеплял кончик, то надавил так сильно, что поцарапал дерево.

Дрожащими руками перелистывал он страницы и перечитывал записи в Библии:

— Наше семейство могло похвалиться патриотами, верными женами, ответственными детьми и уважаемыми гражданами. Но в породе Батлеров есть и дурная кровь; по некоторым из них, в том числе и моему собственному отцу, с самого начала плакала петля, — Лэнгстон бросил на бабушку Фишер суровый взгляд, чтобы упредить всякое несогласие, затем продолжил: — Мы обеспокоены дерзостью, непослушанием и наглостью сего молодого человека. Его родитель пытался внушить ему приемлемую норму поведения, однако этот юноша не повиновался ему.

Элизабет Батлер молча плакала. Джулиан Батлер пытался подавить кашель.

— Когда после долгих раздумий родитель направил мальчика в Вест-Пойнт, самые знаменитые наставники не могли заставить его подчиниться. Кадет Батлер был исключен. Вернувшись в Низины, он проявил себя совершенным распутником, от которого забеременела девушка из низших слоев общества. Ты предлагал Уотлингу деньги?

— Сэр, вы, а не я богатый плантатор.

— Почему ты вызвал Уотлинга на дуэль?

— Он оболгал меня, сэр.

Лэнгстон отмахнулся от его слов.

— Уотлинг мертв?

— Больше он никому не сможет причинить вред.

Одним росчерком Лэнгстон Батлер вычеркнул имя сына из Библии и, закрыв чернильницу крышкой, вытер кончик пера. Не говоря ни слова, он выпроводил собравшихся через широкие двери на семейную половину дома.

— Поскольку вас более ничто не связывает с семейством Батлеров, сэр, вы можете удалиться.

Глава 3

«ЛЮБИМЫЙ БРАТ РЕТТ...»

Год за годом маленькая Розмари неизменно писала брату. Она рассказывала ему о своем пегом пони, который «имел очень приятные манеры». Розмари повсюду ездила на Джеке. «Мама говорит, что я превращаюсь в дикую индианку. А ты встречал диких индейцев?»

«Когда я прошу его прыгнуть, — писала Розмари, — Джек мотает головой, вращает глазами и прижимает уши. Мне кажется, что такая просьба его оскорбляет».

Когда Джека укусила змея, Розмари писала, как они с Геркулесом просидели всю ночь возле умирающего пони. Хотя почерк девочки был тверд, письмо оказалось закапано слезами. Розмари вернулась к Фишерам и писала об их делах.

Шарлотта ни о ком не думает плохо. И брат ее Джейми вряд ли хочет быть жестоким, но его друзья такие хитрые и безрассудные, что Джейми приходится действовать как они. Однажды утром он пришел, когда мы с Шарлоттой завтракали. Одежда Джейми была совершенно грязной! Он плохо держался на ногах, и от него мерзко пахло. Когда Шарлотта упрекнула его, он сказал: «Не лезь не в свое дело, девчонка». Шарлотта прикусила губу и перестала разговаривать с Джейми. Целыми днями Джейми делал вид, что все хорошо, а потом извинился. Шарлотта точь-в-точь как бабушка Фишер — лучший друг, но упряма до невозможности!

Джейми более мягкий, чем хочет показаться. Когда он не с друзьями, то рассказывает нам занимательные истории. Некоторые из них — чистые выдумки! Джейми любит лошадей, лучше его наездника я просто не знаю! Геркулес разрешает Джейми покататься на Джиро. Я рассказывала тебе о Джиро? Геркулес говорит, что Джиро — самый быстрый чистокровный рысак в Низинах.

Среди друзей Джейми Эндрю Раванель, Генри Кершо и Эдгар Пурьер. Они ведь и твои друзья, так? Джейми называет Джона Хейнза «орясиной», но не осмеливается критиковать его в присутствии бабушки Фишер. Джон Хейнз спросил меня, не получала ли я от тебя весточки, и мне так жаль, что я вынуждена была сказать «нет».

Была бы я старше, я бы приехала к тебе и мы вместе отправились бы в Египет. Я бы очень хотела увидеть пирамиды. А ты их видел?

Розмари совершенно точно было известно, что аболиционисты злые, а янки ненавидят и боятся южан, даже детей, таких, как она. Из личного опыта она знала, что взрослые до хрипоты спорят о политике и что дружба складывается или рушится в зависимости от того, что делают другие взрослые в Конгрессе США. Когда Розмари исполнилось десять лет, Конгресс принял Компромисс 1850 года [5], и на какое-то время противники федеральных законов и юнионисты стали друзьями. Лэнгстон Батлер, который не разговаривал с Кэткартом Пурьером с тех пор, как забрал Ретта, поздоровался с ним на Куин-стрит.

Когда роман миссис Стоу «Хижина дяди Тома» увидел свет, весь Чарльстон негодовал по поводу «злонамеренной книги». Бабушка Фишер сказала, что она слишком проста для Розмари и Шарлотты.

— Как она может быть слишком простой для детей? — возразила Розмари, страстно желая прочитать книгу, о которой все говорили.

— Проста в смысле незамысловата, — проворчала бабушка Фишер.

В следующем письме Розмари спрашивала Ретта, читал ли тот «Хижину дяди Тома».

Краткий промежуток политического спокойствия закончился, когда Розмари сравнялось четырнадцать лет и Конгресс издал закон «Канзас-Небраска» [6]. На западе рабовладельцы и аболиционисты принялись убивать друг друга.

Примерно в то же время Розмари начала большее внимание уделять перспективным холостякам Чарльстона.

«Эдгар Аллан Пурьер сказал, что Эндрю Раванель обманывает в картах, и Эндрю вызвал того на дуэль, — писала Розмари. — Все думали, что они будут драться, но Эдгар извинился, и теперь его считают трусом. Джейми Фишер назвал Эндрю "прекрасным" всадником. Как ты считаешь, мужчина может быть прекрасным?»

«Генри Кершо высек свободного цветного портного прямо перед его магазином, после того как тот попросил плату за просроченный счет. Мужчина умер от полученных ран. (Отец сострил, что портной получил по счету.)».

Розмари описала похороны Конгресса Хейнза: «Вся Митинг-стрит от Куин-стрит до Уайт-Пойнта была запружена теми, кто пришел почтить его память. Джон Хейнз снова спрашивал о тебе. Как бы я хотела узнать твои новости!».

«Помнишь, как ты приехал ко мне в первый раз из Вест-Пойнта? Я была такой маленькой, и ты мне казался таким высоким... Помнишь, как мы катались по океану?»

«В прошлую субботу Джиро одержал победу над Планетой мистера Кэнби и Чапультапеком полковника Раванеля. Геркулес поставил это себе в заслугу и попытался заказать корзину шампанского, чтобы отпраздновать свою победу. Заявил, что хочет "угостить всех белых джентльменов". Как ему такое в голову пришло! Отец послал Геркулеса назад в Броутон "освежить манеры"».

Розмари уверяла Ретта: «Мать любит тебя, Ретт! Знаю, что любит». Это была догадка; с тех пор как ее старший сын впал в немилость, Элизабет Батлер только заливалась слезами при нечастых упоминаниях имени Ретта.

Убийства аболиционистов в далеком Канзасе подрывали давние чарльстонские связи. Кузены переставали разговаривать. Чарльстонцев, почитавшихся некогда экстремистами, сейчас хвалили как визионеров. Бабушка Фишер не дала друзьям Лэнгстона Батлера исключить юниониста Кэткарта Пурьера из Общества святой Сесилии. В отместку Лэнгстон Батлер вновь забрал свою пятнадцатилетнюю дочь из дома Фишеров.

С тех пор Розмари видела Шарлотту и Джейми Фишера только на больших собраниях. Она писала Ретту: «Джейми и сестра Эндрю Раванеля Джулиет стали закадычными друзьями. Теперь точат языки друг на дружке, чтобы больнее ранить свои жертвы».

Розмари рассказала брату, что весь Чарльстон ждал помолвки Эндрю Раванеля и Мэри Лоринг, но та внезапно уехала в Сплит-Рок, в Северную Каролину, и Эндрю тогда начал ухаживать за Синтией Питерсон.

«Моя служанка Клео хорошая, только постоянно расстраивается по пустякам. И страшная болтушка!»

Помнишь бойкую маленькую Сьюди? Ну так вот, Сьюди вышла замуж за Геркулеса, и у них появился первенец. Геркулеса прямо распирает от гордости. Он шлет тебе привет».

Розмари закончила письмо следующими словами: «Пожалуйста, пиши мне. Я страшно по тебе скучаю и очень хочу получить от тебя весточку. Твоя любящая сестра».

Геркулес говорил Розмари, на какой адрес следует посылать письма.

На вопрос, откуда Геркулесу известно местонахождение Ретта, он лишь рассмеялся.

— Мисс Розмари, вы не заметили, что лошади разговаривают друг с другом? Куда бы они ни пошли, они беседуют. Я подкрадываюсь к ним в конюшню ночью и подслушиваю.

Поэтому Розмари адресовала письма «Ретту Батлеру, Сан-Франциско, Калифорния» и «Ретту Батлеру, Новый Орлеан, Луизиана», потом тщательно заклеивала их и наклеивала марки с двойным запасом.

— Пожалуйста, отправь их сегодня, дядюшка.

— Да, мисс, — отвечал дядюшка Соломон, хотя по какой-то причине ее письма заставляли старого слугу чувствовать себя неудобно.

Розмари не получала о брате никаких вестей, а годы шли; она стала писать сначала раз в две недели, а потом и раз в месяц.

Последнее письмо Розмари было написано накануне ее дебюта в чарльстонском обществе на балу Жокейского клуба. В том письме шестнадцатилетняя Розмари признавалась в своих страхах, что никто из молодых людей не запишется в ее карточку на танец и что ее белое шелковое платье более девичье, чем женское.

Клео ворчала:

— Мы никогда не будем готовы, если вы не перестанете что-то там писать и не пойдете одеваться, мисс.

Не обращая внимания на сетования служанки, Розмари прошла во двор, где Геркулес чистил Джиро.

Без долгих предисловий Розмари сказала:

— Писать брату бесполезно. Он мертв.

— Нет, мисс. Масса Ретт не мертв.

Розмари уперла руки в боки.

— Откуда ты знаешь?

— Лошади, они...

Она топнула ногой.

— Геркулес, я больше не ребенок.

— Да, мисс, — вздохнул он, — Вижу.

Когда Розмари кинулась обратно в дом, Геркулес вновь принялся чистить коня.

— Не переживай, Джиро. Мисс Розмари беспокоится, что молодые джентльмены ее не оценят.

Розмари заключила свое письмо следующими словами: «Хотя какие-то письма до тебя, возможно, не дошли, ты наверняка получил остальные. Твое молчание жестоко. Я желаю знать, где ты сейчас и что с тобой. Я всегда буду любить тебя, но, поскольку ты упрямо молчишь, я не стану тебе писать более».

Розмари сдержала слово. Она не написала Ретту, что ее появление в свете было замечено, что Эндрю Раванель нещадно флиртовал с ней и пригласил на четыре вальса. Она не поведала ему также, что во время перерыва между танцами бабушка Фишер сказала:

— Джон Хейнз буквально очарован тобой. Смотри не упusti его.

Не написала она и свой ответ:

— Джон Хейнз не умеет сидеть в седле. Удивительно еще, как он не разбился.

— А Эндрю Раванель умеет?

— Он самый красивый мужчина в Чарльстоне. Все девицы охотятся за Эндрю как за женихом, норовя поправить перед ним шляпку.

— Подозреваю, то, что ты называешь шляпкой, его повесы друзья назвали бы скальпом, который он не прочь заполучить с каждой, — ответила Констанция Фишер.

Глава 4

НЕДЕЛЯ СКАЧЕК

За три года до Войны за независимость, через девять лет после того, как Ретт покинул Низины, февральским днем Розмари, расстроенная, стояла перед зеркалом. Она казалась себе слишком высокой, с более длинным, чем диктовала мода, торсом. Ее самые обычные золотисто-каштановые волосы, разделенные прямым пробором, вились кольцами. Черты лица представлялись Розмари слишком крупными, а губы — слишком пухлыми. Единственное, что она одобряла в своем лице, — это открытые серые глаза. Розмари показала зеркалу язык и заявила:

— Нет, ты мне не друг!

На ней было изящное платье из набивного зеленого ситца, сшитое специально к Неделе скачек.

Неделя скачек была высшей точкой общественной жизни и Чарльстона. Урожай риса собрали, высушили, обмолотили, продали и отправили покупателям; негры, которым была вручена ежегодная новая одежда, наслаждались Рождеством. Семьи плантаторов перебрались в город, где по утрам занимались сплетнями по поводу немногих событий предыдущей ночи и предвкушали то, что произойдет предстоящим вечером. Щегольские экипажи — и новые, и отремонтированные, и выглядящие как новые старые — ехали по дорогам, делая большую петлю по Ист-Бэй, вверх по Митинг-стрит и снова по Ист-Бэй. Туалеты по последней парижской моде, заимствованные у лондонских портных и сшитые вольными черными швеями, демонстрировались на балах в Жокейском клубе и Обществе святой Сесилии. Экскурсанты-янки глазели на огромные городские особняки, толпы негров, великолепных скаковых лошадей и первых красавиц Юга.

Клео ворвалась в спальню Розмари, сжимая руки.

— Мисси, там вас хотят видеть!

— Я сейчас спущусь. Проводи джентльмена в гостиную.

— Он не... Мисси, он ожидает во дворе. Он... он не джентльмен.

Клео поджала губы.

Вишневые панели в комнатах для приема гостей в городском доме Лэнгстона Батлера в стиле греческого Возрождения были покрыты лаком, а мраморные каминные украшения украшены резьбой. Весь второй этаж здания опоясывала тенистая веранда.

На задней стороне дома находилась лестница для слуг: узкая, крутая, с некрашеными перилами. Вверх по ступеням слуги носили суповые миски и тарелки для официальных обедов и тяжелые тюки свежего белья; вниз спускались грязные простыни, наволочки и скатерти. С особой осторожностью слуги несли по лестнице ночные горшки членов семьи.

В течение этого сезона о Батлерах заботились только пятнадцать броутоновских слуг. Дядюшка Соломон, Клео, Геркулес, Сьюди и повариха жили в отдельных комнатах над кухней; остальные слуги спали в тесных каморках на чердаке конюшни.

В обычные дни двор представлял собой улей, обитатели которого мыли, стирали, чистили стойла, ухаживали за лошадьми, но сегодня Джиро участвовал в двухчасовом забеге, и все были на скачках.

— Ау? — позвала Розмари.

Из конюшни пахло мазью для колес, притиранием для копыт и навозом. Лошади с любопытством поднимали головы над стойлами.

Пришедший с визитом к Розмари мужчина так сильно сжал свой пакет, что даже помял его.

— Тунис? Тунис Бонно?

Как и его отец Томас, Тунис добывал зверя и рыбу на продажу, но в то время он служил лоцманом в компании «Хейнз и сын». Розмари знала его в лицо, хотя никогда с ним не разговаривала.

— Тунис Бонно... Помнится, вы недавно женились?

— Да, мэм. В прошлом сентябре. Моя Руфь — старшая дочь преподобного Прескотта.

Очки в проволочной оправе и торжественное выражение лица делали Туниса точной копией учителя-пуританина. Его одежда была опрятной, выглаженной и источала легкий запах мыла со щелоком.

— Вот, просили вам передать...

Бонно подал Розмари пакет и повернулся, с тем чтобы уйти.

— Пожалуйста, Тунис, подождите. Здесь нет визитной карточки. Кто это прислал?

Из развязавшегося пакета выглядывал внушительных размеров желтый шарф с элегантной черной бахромой по краям.

— Боже мой! Какая великолепная шаль!

— Да, мисс.

Накинув шелк на плечи, девушка почувствовала его ласковое прикосновение и — одновременно — какое-то смутное беспокойство.

— Тунис, кто прислал ее мне?

— Мисс Розмари, я не хотел бы неприятностей от господина Лэнгстона...

— Это... не Эндрю Раванель?

— Нет, не Эндрю Раванель, вовсе не он.

Розмари решительно заявила:

— Вы не уйдете отсюда, пока не расскажете все.

Томас Бонно снял очки и потер нос.

— Посчитав, что его письма не доходят до вас, он попросил меня передать это вам в руки. Мы виделись во Фрипорте. Он несколько не изменился, — Тунис крутил в руках очки, словно какой-то незнакомый предмет, — Я был лоцманом на пароходе «Джон Б. Эллиот», перевозившем рис и хлопок, а на обратном пути паровозные колеса для железной дороги в Джорджии. Стоило его увидеть, я сразу узнал, кто это. Ретт Батлер совсем не изменился.

Розмари почувствовала, как что-то сдавило ей горло, и поспешно ухватила за перила.

— Ретт имел дело с пиратами в Никарагуа, потом бросил это занятие.

— Он ведь... он умер!

— О нет, мисс. Мистер Ретт не умер. Он совсем-совсем живой.

— Но... Но... ни одного слова мне за девять лет!

Тунис Бонно подышал на стекла очков и вытер их носовым платком.

— Мисс Розмари, брат писал вам. Писал регулярно.

Глава 5

ПОСЛАНИЯ В БУТЫЛКАХ

Гостиница «Оксидентал»

Сан-Франциско, Калифорния

17 мая 1849 года

Дорогая сестренка!

Хотя я уже шесть долгих часов как высадился с парохода «Слава морей», земля все еще шатается у меня под ногами.

Капитан с сыном сам перевез пассажиров на берег на шлюпке, страшась, как бы его «Слава» не присоединилась к сотне судов, оставленных матросами, которые подались в золотоискатели, — невеселый лес мачт брошенных судов высится у Длинной Пристани. На самой пристани стояли шум и гвалт: кругом сновали посыльные всевозможных ресторанов и отелей, всяческих увеселительных заведений. Жулики предлагали купить и продать золото. А один прилично одетый господин смущенно просил милостыню на еду.

Во время плавания вокруг мыса Горн я играл в карты. Собираясь разбогатеть в самое ближайшее время, золотоискатели, эти новые аргонавты, относились с презрением к наличности и вели игру на редкость неблагоразумно, словно любое проявление бережливости могло пагубно сказаться на удаче. Итак, я появился в городе с внушительным кушем (деньгами, которые аргонавту потребны для финансовой поддержки изыскательской деятельности).

За время утомительного плавания вокруг мыса Горн многие рассказывали, что погнало их в опасное путешествие с неопределенными перспективами, оторвав от прежних занятий, друзей и семьи. Представь, все без исключения и вполне искренне они настаивали, что делали это не ради себя. Ни в коем случае! Они отправились в путь ради тех самых жен и детей, которых оставили. Оставили свои семьи ради спасения этих семей!.. По всей видимости, жены и дети американцев не смогут быть довольны, пока «аргонавты» не осыплют их золотом!

Здесь, конечно, не Чарльстон. На улицах, по обеим сторонам деревянных тротуаров непролазная грязь, просто засасывает ноги, я едва не оставил там сапоги. Палатки и деревянные хижины соседствуют с новехонькими кирпичными строениями. Еще три года назад, пока не нашли золото, в Сан-Франциско было всего 800 жителей. Сегодня тут уже целых тридцать шесть тысяч. Повсюду, от пристани до самых холмов, окружающих город, слышится стук молотков и визг пил.

Сюда съехались китайцы, ирландцы, итальянцы, янки из Коннектикута и мексиканцы: новый город кипит новыми людьми и новомодными представлениями.

Хотя я скучаю по тебе и друзьям из Низин, я не изгнанник. Меня словно выпустили на волю после долгого тюремного заключения ярким солнечным утром. Есть масса городов помимо Чарльстона, и там прекрасно можно жить!

Пожалуйста, пиши мне на адрес этой гостиницы. Они передадут мне всю поступившую почту. Расскажи о Шарлотте и бабушке Фишер, но подробнее всего — о своих делах. Из всей прежней жизни, дорогая сестра, мне более всего недостает тебя.

Твой любящий брат Ретт.

12 марта 1850 года

Гудыгарз-Бар, Калифорния

Дорогая сестренка!

Гудыгарз-Бар — выдающийся по степени безобразия лагерь золотоискателей: это безлесная высокогорная пустошь, изрытая землянками, повсюду палатки и бревенчатые хижины без окон, где счастливицы из золотоискателей получают иногда по две тысячи долларов за тележку ценного сырья.

Даже богатые «аргонавты» должны есть, иметь необходимые для работы кирки и лопаты, а нормы, приличия (и низкая температура в ночное время) диктуют необходимость приобретать брюки и обувь.

Сестра, я стал торговцем — одним из тех скучных парней, на чьих трудах держатся любые аристократы. За карточный куш я приобрел вместительный грузовой фургон и четырех выносливых мулов. И накупил солонины, виски, муки, лопат и полотна, переплатив вдвое, чем если бы я брал все это в Каролине.

Затем погрузил мулов и товары на пароход, который, пыхтя, поднялся по реке до Сакраменто. Там я какое-то время отирался, пока путь в золотоносные горные края не стал уже почти проходимым. Сестренка, твой торговец брат пробивал дорогу через трехфутовые снежные сугробы, чтобы доставить товары в Гудыгарз-Бар!

Меня никогда не встречали столь радостно. Продовольствие не доставлялось в лагерь с октября, старатели умирали с голоду и увидели в твоём брате истинного спасителя.

У них было золото, но им не на что было его тратить!

Не прошло и часа с момента моего появления, а я уже продал все, за исключением револьверов и одного мула.

Я возвращался через те же сугробы, то и дело оглядываясь. Мне было что охранять.

Когда я принес свою добычу в банк «Лукас энд Тернер» и положил ее в банковскую ячейку, даже суровый мистер Шерман, управляющий банком, поднял брови.

Хотя я написал тебе сразу по приезде сюда, ответа до сих пор не получил. Молюсь, чтобы все было в порядке, и жажду узнать твои новости.

А теперь пора принять теплую ванну и лечь спать.

Твой любящий брат Ретт.

17 сентября 1850 года

Отель «Септ-Фрэнсис»

Сан-Франциско, Калифорния

Дорогая сестренка!

Не рассказывай отцу о том, что я стал респектабельным господином. Компания «Батлер дженералмерчендайз» имеет офис на втором этаже дома на Юнион-сквер и склады в Стоктоне и Сакраменто.

Узнаешь ли ты своего брата в черном деловом костюме, аккуратных гетрах и фуляровом галстуке сдержанного цвета? Я чувствую себя актером, играющим в очень странной пьесе.

Оказывается, у меня есть сноровка добывать деньги. Возможно, поэтому я смотрю на них лишь как на средство — без всякого священного трепета.

Я более не играю в карты. Для того, кто доставлял повозки с грузом в лагеря золотоискателей, подобные Гудыгарз-Бар, Богас-Тандер и Магфаззл (хотя это и не столица, Магфаззл и впрямь существует), покер кажется мелкой игрой.

К чему просиживать ночи напролет в душной, прокуренной комнате того лишь ради, чтобы освободить пьяных дураков от денег?

Здесь «аргонавты» обезумели от жадности. Страховые компании отказываются заключать с ними договора. Их косят холера, пьянство и всякого рода несчастные случаи. Поскольку в лагерях закон отсутствует, споры обычно разрешаются с помощью кирки, кулаков или револьверов. Когда людей постигает неудача, нередко случаи самоубийств.

«Аргонавты» так же скоры на расправу, как и аристократы в Низинах, но причины для драки у них совершенно прозрачны. Здесь нет никакой болтовни о чести.

Говоря о родных местах, мы, калифорнийцы, употребляем выражение «там, в Америке». Умный компромисс

	мистера	Клея
[7]и	смерть	мистера
		Калхуна

[8]здесь прошли почти незамеченными.

Местные жители энергичнее, но не мудрее.

Я не получил от тебя ни одного письма и больше не жду ответа. Ты не могла умереть — я бы почувствовал это. Полагаю, отец запретил тебе писать.

Но ситуация может улучшиться, даже в Броутоне, кроме того, само обращение к тебе в письмах оживляет твой милый облик в сердце. Когда я пишу, то чувствую твою любовь и возвращаю ее тебе, умноженную десятикратно.

Твой преданный корреспондент Ретт.

19 июня 1851 года

Отель «Сент-Фрэнсис»

Сан-Франциско, Калифорния

Дорогая Розмари!

«Этой ночью снова крикали сиднейские утки» — так говорят городские умники, когда честных людей грабят, бьют или пристреливают на улицах. В Сан-Франциско всегда хватало народа без особого зазрения совести, а недавно их ряды пополнились иммигрантами, выпущенными из мест заключения Австралии, что сделало город намного более опасным.

Я беспокоюсь не о себе, не о своем бизнесе, не о моих управляющих. У меня репутация (явно незаслуженная) человека жестокого.

Однако, как нас учил мистер Ньютон, каждое действие встречает равное противодействие, и когда меня пригласили на обед с тремя высокопоставленными гражданами города, я отнесся к этому с подозрением.

Банкир У. Т. Шерман старше меня. У него треугольное лицо богомола, короткая борода и феноменально большие глаза. Считается, что карие глаза свидетельствуют о мягком характере. Глаза Шермана — это два куска льда. Он астматик с очень бледной кожей. Ни он сам, и никто другой не считает, что он долго протянет.

Шерман человек практичный, один из тех, кто при необходимости не дрогнет.

Коллис Хантингтон принадлежит к той породе людей, которые верят, что их собственная праведность дает им право подавлять других. Он конкурент «Батлер дженералмерчендайз», и мы пару раз уже с ним конфликтовали.

Доктор Райт — последний член триумvirата — нервозный франтоватый господин, считающий, что первым назвал Сан-Франциско Тихоокеанским Парижем. Иных достижений, насколько мне удалось узнать, у него нет.

Мы обедали в отдельном зале ресторана отеля, где после обычного обмена банальностями мне предложили вместе с ними составить ядро «комитета бдительности», который призван, по элегантному выражению Хантингтона, «перевешать всех воров и негодяев на этом берегу залива».

Мистер Шерман сказал, что общественный беспорядок угрожает интересам бизнеса. Он говорил о необходимости действия.

Я напомнил Шерману, что необходимость не всегда справедлива и достойна.

Хантингтон и Райт искренне оскорбились, полагая, что я — их естественный союзник: человек, который способен убивать и не испытывать при этом чувства вины.

Я не сказал им ни да ни нет.

Сестра, я отнюдь не философ, однако в ту ночь я всерьез размышлял о том, кем стал. Какая разница между торговцем, способным повесить вора, чтобы сохранить свой бизнес, и плантатором, отдающим приказание засечь негра до смерти за дерзость?

И я решил, что не буду таким человеком. Не желаю быть повешенным, но и вешателем быть не хочу.

Поэтому я решил попытать счастья в другом месте. Для того, чтобы свергнуть власть испанских наместников на Кубе, добровольцы объединяют свои силы, и, возможно, я подам им руку помощи. Если ты сможешь написать, теперь адресуй письма в Новый Орлеан, до востребования.

Твой растерявшийся брат Ретт.

14 марта 1853 года

Отель «Сент-Луис»

Новый Орлеан

Дорогая сестренка!

Благопристойные чарльстонцы были бы шокированы этим городом. Он такой французский.

Граждане Нового Орлеана — добрые католики — заняты преимущественно едой, выпивкой и любовью — не обязательно в означенном порядке. В старой части города Вьё-Карре аромат греха сливается с благоуханием апельсиновых и лимонных деревьев. Каждую ночь я могу выбирать, на какой бал отправиться — званый, незваный, бал-маскарад или на такой, куда стоит приходить только с пистолетом в кармане. Я играю в карты в «Макгартс», «Перритс» или в «Бостонском клубе». Тут четыре ипподрома, три театра и французская опера, где я нередко бываю.

Новый Орлеан — пристанище пиратов. Эти молодые американцы взяли в качестве символа веры «предначертание судьбы»

[9]. Своим предначертанием они, очевидно, считают право покорять и грабить любую нацию Карибского бассейна и Южной Америки, если та окажется слишком слаба, чтобы защищаться. Большинство уверены в том, что Куба могла бы стать первоклассным американским штатом, когда мы прогоним испанцев.

Я вкладывал деньги в несколько пиратских экспедиций — если спрос увеличивает выгоды, ручеек патриотизма вздувается в поток. До сегодняшнего дня меня не соблазняла возможность принять личное участие в походах.

Новый Орлеан — город очаровательных женщин. Городские леди-креолки культурны, терпимы, умны. Они многому научили меня в вопросе любви — чувстве, которое уступает только преклонению перед Богом.

Моя любовница-креолка Диди Гайяр, без сомнения, любит меня. До безумия. После шести месяцев совместной жизни она жаждет стать моей женой, нянчить моих детей, делить мое неопределенное положение. Она воплощает в себе все, чего может желать мужчина.

Но я не хочу ее.

Мое первоначальное увлечение сменилось скукой и легким презрением к себе и к Диди за наше притворство: делаем вид, что мы верим в то, чего — и мы это знаем — нет на самом деле.

Любовь, дорогая сестра, может быть очень жестокой.

Я не останусь с Диди из жалости. Жалость еще более жестока, чем любовь.

Чем меньше я люблю ее, тем отчаяннее поведение Диди, и, дабы развязать этот узел, мы должны расстаться.

Недавно мы обедали с Нарциско Лопесом, кубинским генералом, организатором экспедиции. У него уже есть три или четыре сотни добровольцев — и этого, как он уверяет меня, достаточно для того, чтобы одержать победу над испанской армией. Когда мы высадимся, кубинские патриоты пополнят наши ряды. Подмигнув, он сказал мне, что в испанском казначействе хранится золото конкистадоров. Гавана, прибавил он, прекрасный город.

Диди игнорировала поток излагаемых Лопесом доводов. Одета в парчовое платье с высоким корсажем и изумительную красную шляпку, за столом она ничего не ела. Диди дулась. Омлет был отлично приготовлен, шампанское — в меру охлаждено, но Диди мрачно отмахивалась от посулов генерала. Нет, кубинцы не восстанут. А испанская армия намного сильнее нескольких сотен американских авантюристов.

Лопес, склонный к напыщенности, объяснял, как завоевание Кубы может сделать нас богатыми.

— Это долг белого человека, Батлер, — заявил он.

— Стать богатыми? — поддразнивал я его.

— Наш долг — превратить примитивную суеверную страну с авторитарной формой правления в современную демократию.

В ответ на такое утверждение Диди разразилась по-французски потоком гневных слов и выражений, точного значения которых Лопес, возможно, не понял, хотя суть, без сомнения, уловил. Он наклонился вперед и сказал, снисходительно усмехнувшись:

— Батлер, неужели вы один из тех глупцов, которым девка диктует, что делать?

Диди встала так резко, что опрокинула ведро с шампанским, и решительно воткнула шпильки в свою ярко-красную шляпку.

— Ретт? — твердым голосом произнесла она. — Пожалуйста...

— Вы должны простить нас, генерал, — сказал я. Диди стояла рядом негнущаяся и оскорбленная, опираясь мне на руку. Швейцар позвал нам извозчика.

Грязная нищенка хромала по мостовой, бормоча мольбы о помощи.

Лопес, выйдя за нами на тротуар, извинялся:

— Сеньор Батлер, я не собирался оскорбить вас или вашу очаровательную спутницу...

— Подайте, бога ради.

Нищенка подошла к Лопесу так близко, что тот поморщился от запаха. Она была из тех доведенных до крайности созданий, что обслуживают ирландских грузчиков прямо на набережных. Протянутая рука дрожала.

— Оставь нас! — Генерал замахнулся тростью.

— Нет, генерал! — Доставая из кармана десятицентовик, я вдруг различил под слоем грязи знакомые черты — Бог мой, ты... ты Красотка Уотлинг?

Да, сестра, это была она — женщина, с которой я и не думал когда-нибудь вновь встретиться. Джон Хейнз дал ей денег, чтобы она уехала из Низин, но я не мог предположить, что она окажется здесь.

Спустя несколько недель Красотка рассказывала мне:

— Я всегда любила море и полагала, что здесь все будет по-другому.

Очевидно, Красотка связалась с шулером, который использовал ее в виде обеспечения, когда карты к нему не шли.

Я попытаюсь улучшить обстоятельства ее жизни, прежде чем мы с Лопесом отправимся на Кубу.

Красотка просит тебя ничего не говорить ее отцу Исайе. Она такая же отверженная, как и я.

Искренне любящий тебя Ретт.

Июль 1853 года

Куба

Любимая сестра Розмари!

Берег в Бахайо-Хондо — самое прекрасное из всего, что я когда-либо видел. Серебристый песок и небесно-голубое море кажутся бесконечными, как вечность, — куда меня торопят переселить испанские офицеры.

Испанские военные силы разбить не удалось. Кубинцы не бросились приветствовать нас как освободителей. Вот так.

Сбежать из объятий Диди под огонь испанского расстрельного взвода явно было не самым умным маневром с моей стороны.

Я привел рулетку в движение и попробую избежать такой участи, но шансы неравны, а времени в обрез.

Капрал обещает отправить это письмо. Подобно матросу, бросающему в море записку в бутылке с необитаемого острова, я молю Бога, чтобы оно нашло читателя.

Как ласков мягкий, теплый песок. Как деликатны кулички на морской отмели. И пусть их век короток, они такие же создания Божьи, как и мы.

Сестра, хочу дать тебе один-единственный совет: живи своей жизнью. Не давай другим прожить эту жизнь за тебя.

Испанцы в качестве развлечения предложили нам выкопать собственные могилы. Как американские джентльмены, мы, естественно, отказались. Ха-ха. Пусть эти мужланы сами делают грязную работу!

Розмари, при всех красотах нашей благословенной земли, я сожалею лишь о том, что оставляю тебя...

Думай обо мне порой.

Глава 6

ПРОДАЖА НЕГРОВ

У Розмари голова пошла кругом:

— Отец сжег письма брата? И мои тоже?

— На днях видел Соломона на рыбном рынке — вашего слугу Соломона, — и мы разболтались. Старик не хотел передавать письма мистеру Лэнгстону, но куда деваться, если приказали.

Розмари стало дурно. Она задала вопрос, на который прежде бы не осмелилась, будучи послушной дочерью:

— Тунис, почему отец ненавидит собственного старшего сына?

Тунис Бонно как свободный цветной был волен разгуливать по улицам без пропуска, посещать Первую африканскую баптистскую церковь (в присутствии хотя бы одного белого прихожанина), мог жениться на такой же свободной цветной девушке или на выкупленной рабыне. Он не имел права голосовать или открыть лавочку, зато ему позволялось иметь личные деньги и имущество. По закону он мог даже учиться читать.

Но поскольку такие цветные не были ни чьей-то собственностью, ни белыми людьми, они раздражали господ.

Поэтому Тунис Бонно старался не замечать, что видел, не говорил о том, что знал, и напускал на себя непробиваемо равнодушный вид. Когда белые обращались к нему, Тунис отвечал:

— Мистер Хейнз велел мне так сделать.

Или:

— Обратитесь, пожалуйста, к мистеру Хейнзу.

Розмари, конечно, это отлично знала, но была слишком расстроена, чтобы мыслить ясно, и схватила Туниса за рукав, будто желая вытрясти из него ответ.

— Отчего Лэнгстон ненавидит Ретта?

Тунис, вздохнув, выложил Розмари всю правду, которую прежде ей не хотелось знать.

А пока Тунис посвящал Розмари в историю гибели Уилла, рассказывал об урагане и о том давнишнем лете, когда брат был сослан собирать рис на плантации, ее отец, Лэнгстон Батлер, проигрывал скачки.

Вашингтонский ипподром представлял собой вытянутый овал в четыре мили длиной, обсаженный вековыми дубами. Оштукатуренный домик был зарезервирован для членов Жокейского клуба, а обшитая досками трибуна и просторное поле предназначались для всех желающих. Белые и черные, вольные и рабы были свидетелями поражения Лэнгстона Батлера.

Лошади из Виргинии и Теннесси прибыли в Чарльстон, располагавший самым быстрым беговым кругом и самыми толстыми кошельками на Юге. Лошади, конюхи и тренеры толпились в просторных деревянных конюшнях, где и широких центральных проходах устраивались торги лошадей и рабов.

Дневной забег был повторным между лошадьми по кличке Джиро — Лэнгстона Батлера — и Чапультапек — полковника Джека Раванеля. Животные друг друга стояли, ставки сделали быстро, и забег начался под рев трибун. Хотя Чапультапек отстал на дальнем повороте, затем, обойдя на прямой

начавшего сдавать Джиро, вырвался вперед на два корпуса. Когда лошади зашли на последний круг, полковник Джек уже приплясывал от удовольствия.

У ограды клубного домика три юнца и незамужняя дочь полковника Джека смаковали его триумф.

— Джеки, Джеки, — хмыкнул Джейми Фишер, — Не стоит дергать тигра за хвост. Джулиет, твой папаша раскланивается с таким самодовольным видом!

Эдгар Пурьер, неутомимый исследователь сильных мира сего, наблюдал, как надсмотрщик Лэнгстона Батлера советуется со своим хозяином.

— Хмм, что замышляют эти двое?

— А, плевать, — проворчал Генри Кершо, — Одолжи мне двадцать долларов!

Генри Кершо походил на молодого сильного медведя, и характер у него был под стать.

— Генри, ты уже поставил мою двадцатку на Джиро. Больше нет, — Эдгар Пурьер вывернул карманы, — Итак, джентльмены и леди, как Лэнгстон сравнивает счет?

— Наверняка скроется, не заплатив, — предположила Джулиет Раванель.

— Нет-нет, милая Джулиет, — сказал Джейми Фишер, — Ты путаешь. Отец Розмари, Лэнгстон, затеял пари, а твой, Джек, проиграл и заплатить не может.

Мисс Раванель фыркнула:

— И за что я только терплю тебя, не знаю.

— Так ведь иначе быстро заскучаешь, — ответил Джейми Фишер.

Несмотря на то что острая на язык девица и безусый юнец были неразлучны, их не касались никакие сплетни. На чем бы ни держалась эта привязанность, все понимали — в ней нет ни капли романтических чувств.

Следующий забег был в два часа. Белые и цветные прогуливались по ипподрому и полю, в Жокейском клубе слуги распаковывали корзины с едой и откупоривали бутылки.

А с дорожки начали сзывать покупателей на торги рабов:

— Негры Джона Хьюджера. Сборщики риса и хлопка, лесорубы, механики, домашние слуги и дети! Сотня первоклассных экземпляров!

Эдгар Пурьер взял у помощника торговца список и пробежал по нему пальцем.

— Эндрю собирается поторговаться за лот номер шестьдесят один. «Кассиус, восемнадцать лет, музыкант».

— Кассиус принесет не меньше тысячи, — сказал Генри Кершо.

— По меньшей мере одиннадцать сотен, — поправил Джейми Фишер.

— Спорим на двадцать долларов?

— У тебя нет двадцати долларов.

И хотя Генри Кершо был тяжелее Джейми на восемьдесят фунтов и привык поступать по-своему, он улыбнулся. С весомым превосходством кошелька Джейми даже молодому медведю остается только улыбаться.

— Джулиет, зачем Эндрю понадобился музыкант с банджо? — спросил Эдгар Пурьер.

— Когда Эндрю грустит, музыка очищает ему душу.

Генри Кершо, отхлебнув, предложил фляжку Джулиет, от чего та, вздрогнув, отказалась. Генри заметил:

— Ни за что не угадаешь, какой конь тянул на прошлой неделе тут тележку с рыбой.

— Верно, Текумсе? — сказал Джейми Фишер, — Разве Ретт Батлер не оставил своего коня с Бонно?

— Лучший моргай

[10]в Низинах вез рыбу, — продолжал Генри Кершо, — Я предложил за него две сотни, но негр сказал, что лошадь не его.

— Текумсе стоит не меньше тысячи, — сказал Эдгар Пурьер. — Почему не заставил ниггера продать?

Генри Кершо ухмыльнулся.

— Может, тебе бы и удалось, Эдгар, а мне, черт побери, не поздоровилось бы. Ведь Ретт может вернуться со дня на день.

— А где, кстати, сейчас Батлер? — спросил Джейми.

— Где-то в Никарагуа или Санта-Доминго, — пожал плечами Генри Кершо.

Эдгар сказал:

— Слышал, он в Новом Орлеане. Красотка Уотлинг, Ретт Батлер, внебрачный ребенок Ретта... неплохая настоечка, верно?

Джулиет Раванель подняла брови.

— Эдгар, до тебя дошли самые цветистые слухи. Разве дочка Уотлингов отправилась не в Канзас к родне?

— Родня в Миссури. Но девица туда не поехала, — ответил Эдгар, — Миссурийские Уотлинги терпеть не могут аболиционистов. Ты что, газет не читаешь?

— Эдгар, — игриво сказала Джулиет, — зачем нам, легкомысленным дамам, читать газеты, когда есть джентльмены, которые объяснят все как есть?

Джейми Фишер закашлялся, чтобы скрыть ухмылку.

— По-моему, — сказала мисс Раванель, — гораздо интереснее узнать, что дочка Лэнгстона будет делать с моим дорогим братцем. Розмари определенно его добивается.

— Всегда найдется девица, готовая броситься на шею Эндрю. Не знаю, почему он мирится с этим, — фыркнул Джейми.

— По той же причине, почему он терпит тебя, дорогой Джейми, — сладко улыбнулась Джулиет, — Братец не может без поклонников.

— Сколько времени уйдет у Эндрю, чтобы пленить мисс Розмари? — задумался Эдгар.

— Держу пари, что успеет до конца Недели скачек.

В тени зеленых дубов по ту сторону ипподрома престарелая миссис Фишер, ее внучка Шарлотта и Джон Хейнз устроили пикник. Компания «Хейнз и сыновья» разместила рекламу скачек в Филадельфии и Нью-Йорке: «Неделя скачек в Чарльстоне: поездка в оба конца, размещение в гостинице, питание — все включено!» Джон заказал номера для своих туристов в отеле «Миллз» на Куин-стрит, с лучшим столом во всем Чарльстоне.

Некий турист из Нью-Йорка не скрывал своих симпатий аболиционистам и оскорбил нескольких южан

на борту экскурсионной шхуны в Балтиморе.

Однако, узнав, что мистер Миллз — вольный негр, сей аболиционист отказался от места, потребовав вернуть деньга. Правда, поскольку во время Недели скачек во всем Чарльстоне не сыскать было свободной комнаты, он в конце концов поселился в своем номере, но все еще требовал возвращения суммы.

— Принципы у янки чрезвычайно гибки, — сказал Джон Хейнз. — Шарлотта, вы сегодня сама не своя. Где ваша лучистая улыбка?

— Шарлотта страдает по Эндрю Раванелю, — ответила миссис Фишер, резко открывая корзину, — Наша кухарка готовит цыпленка лучше всех в Каролине.

— Бабушка! Я не страдаю!

— Ах, дорогая. Эндрю Раванель — галантный, мужественный, симпатичный, очаровательный молодой человек, да еще и банкрот. Какая девушка пожелает лучшего жениха?

Воздав хвалу цыпленку, Джон продолжил беседу:

— Я надеялся увидеть сегодня днем Розмари. Вчера вечером поспорил на тур вальса, но у нее все танцы были расписаны.

Несмотря на усилия лучших портних Чарльстона, мисс Фишер оставалась непривлекательной: волосы невыразительного мышиного оттенка, цвет лица далек от совершенства, а талия скорее под стать шмелю, чем осе.

Шарлотта поджала губы.

Значит, мы с Розмари больше не подруги.

— Шарлотта, не капризничай. Вы дружите с пяти лет, — возразила бабушка.

Джон Хейнз вздохнул.

— Почему самые прелестные девушки Чарльстона готовы драться из-за одного и того же джентльмена? А обычному парню вроде меня и шансов никаких нет. Не имею ничего против Эндрю, но, если бы он споткнулся и сломал свой аристократический нос — большего изъяна и не желаю, — я бы не очень горевал.

Миссис Фишер подбодрила его:

— Продолжайте, Джон.

Хейнз улыбнулся.

— По-моему, я так и делаю. Должен задать вопрос дамам: вы не думаете, что из меня бы вышел отличный супруг?.. Спасибо, миссис Фишер, я попробую куриную ножку.

Зрители и покупатели подходили к длинному зданию конюшни, где устроили торговлю неграми. Внутри толпа покупателей мешалась с живым товаром. Негритянки были одеты в скромные ситцевые платья, на головах платки повязаны тюрбанами, мужчины — в грубых суконных куртках и штанах, подпоясанных веревкой. По прихоти каждого мягкие фетровые шляпы у одних были лихо загнуты набок, у других — практично надвинуты, у третьих — просто примяты.

Пришедшие впервые покупатели рабов напускали на себя вид знатоков, как часто бывает с неопытными людьми.

Кассиус, музыкант, которого жаждал купить Эндрю Раванель, прислонился к дверце стойла, скрестив

руки на груди, с банджо на плече. Это был безбородый, полноватый, очень темный молодой негр с благодушными манерами, что некоторым белым казались непочтительными.

— Эй, парень, хочу послушать, как ты бренчишь.

Кассиус с любовью похлопал по банджо, как будто инструмент обладал силой своего хозяина.

— Не могу, масса. Нет, сэр. Аукционер сказал, я должен вести себя так, как девка, знающая себе цену. Не должен ничего давать за просто так. Кто покупает меня, покупает мою музыку... Масса, — добавил он торжественно, — я и пресвитерианца до танца заведу.

Большинство негров старались понравиться покупателям, подыскивая хозяев подобродушнее и тех, кто мог бы купить семью целиком.

— Да, масса, делаю на рисовом поле всю работу от и до. С тех пор как мальчонкой был, знаком с рисом. Зубы почти все на месте, слава Тебе, Господи. Нос сломан — лошадь когда-то лягнула. Вот жена, прачка, и сын, работник в четверть силы, но вырастет — точно себя покажет.

Тем, кого покупали для работ на плантации, приказывали наклоняться, чтобы посмотреть, нет ли переломов. Некоторых просили быстро пройти туда и обратно, других — попрыгать на месте.

— В лазарете часто бывал, парень?

— Говоришь, троих детей родила и все выжили?

Аукционер, краснолицый, оживленный, расстился перед покупателями.

— Мистер Кавано, за этот лот не торгуйтесь. Вот что вам нужно — светлая кожа, четырнадцать лет, лот пятьдесят два. Ну что, угадал? Мне ли не знать!

— Мистер Джонстон, если не дадите больше семисот долларов за этого первоклассного парня, вы не столь проницательны, как я думал! Семьсот, все слышали? Семьсот, кто больше? Семьсот долларов раз, семьсот долларов два, семьсот долларов три! Продано на плантацию Дрейтона!

Аукционер быстро глотнул воды.

— Напоминаю вам, джентльмены, наши условия. Выигравший торги платит половину заявленной суммы в кассу и подписывает поручительство, что рассчитается полностью не позже чем через тридцать дней, оставляя купленного негра в залог.

Он широко улыбнулся.

— А теперь вернемся к торгам. Лот номер пятьдесят один: Джо, отличный мальчишка, двенадцати или тринадцати лет.

Забирайся повыше, Джо, столько народу хочет на тебя посмотреть. Это вам не просто долговязый птенец, уже успел нарастить мускулы. Через год-другой будет справный работник. Сообразительный малый, — аукционер поднял палец и подмигнул, — купит Джо подешевле, откормит его и к следующему посеву будет иметь мужчину за детскую цену!.. Джо, повернись,ними рубашку. Видите хоть один шрам на спине? Мистер Хьюджер был прекрасным хозяином, ни разу не ударил его хлыстом. Джо никогда и не нужно было учить, он воспитанный черный, правда, Джо? Я слышу двести долларов? Двести долларов раз, двести долларов два... пятьсот! Пятьсот пятьдесят! Пятьсот пятьдесят раз, два, три... Продано мистеру Оуэну Боллу на плантацию Магнолия.

Эндрю Раванель прислонился к пустому стойлу. Мускулистые ноги наездника были обтянуты коричневыми брюками, рубашку с жабо обрамляли лацканы короткого желтого жакета, на голове

красовалась широкополая касторовая шляпа, начищенные сапоги самодовольно блестели. Он лениво помахал пальцем, приветствуя подошедших Кершо и Пурьера. Цветом лица Эндрю напоминал ночную цаплю, бледная кожа была почти прозрачной. Однако под щегольской внешностью скрывалась скрытая пружина воли.

Эдгар Пурьер, чиркнув спичкой, поднес огонь к сигаре Эндрю и кивнул, указывая на высокую мулатку в толпе рабов:

— Неплохая девка.

Генри Кершо вытянул шею, пытаясь определить покупателя.

— Старик Кавано платит. Интересно, знает ли его жена, что ей нужна горничная?

— Горничная, она, конечно, горничная... — манерно протянул Эндрю.

Кершо загоготал.

— А это не Батлера парень? — спросил Эдгар Пурьер. — Исая Уотлинг? Там, за столбом?

Эндрю Раванель сказал в ответ:

— Интересно, как он может оставаться в Броутоне после того, как Ретт застрелил его сына?

— А куда ему податься? — фыркнул Генри Кершо, — Местом управляющего труднее обзавестись, чем сыном. Если Уотлингу потребуются сыновья, никто не мешает наведаться к подопечным и наделать еще.

— Говорят, Уотлинг набожный? — промолвил Эндрю Раванель.

— Кажется, да. Они с Элизабет Батлер идут молиться каждый раз, как Лэнгстон из города отлучается. Правда, разные бывают молитвы...

— Генри, ты вульгарный тип, — беззлобно бросил Эндрю, — Лот номер шестьдесят один. Это мой Кассиус.

Кершо поскребся, как подобает вульгарному типу, и сказал:

— У меня во фляге ни капли. Пойду в клуб. Эдгар, идешь?

— Останусь.

Эндрю начал торговаться за Кассиуса с четырехсот долларов.

— Четыреста долларов... Шестьсот? Точно, сэр? Да.

Шестьсот долларов за отличного молодого негра. Банджо в подарок — за одну цену сразу два товара.

— Почему Уотлинг торгуется? — спросил Эдгар Пурьер, — Лэнгстону музыкант совсем не нужен.

Когда цифра достигла восьмисот, все отказались торговаться, кроме Исая Уотлинга и Эндрю Раванеля.

Исайя Уотлинг заявил девятьсот пятьдесят.

Когда Эндрю Раванель поставил тысячу долларов, Уотлинг поднял руку, привлекая всеобщее внимание. После этого он взобрался на ящик, возвышаясь над собравшимися.

— Мистер Раванель, у меня имеется распоряжение господина Лэнгстона Батлера. Я здесь, чтобы спросить: как вы заплатите за этого черномазого, если выиграете торги? У вас есть наличные? Где ваши пятьсот долларов?

Эндрю Раванель остолбенел. Удивление, возмущение, смятение пронесли по его лицу. Молодой человек обернулся к Эдгару Аллану, но тот исчез. Стоявшие рядом сделали вид, что не смотрят на Эндрю.

Те, что стояли подальше, старались скрыть усмешки.

— Господа, господа! — заволновался аукционер.

— Вы сами объяснили нам правила, — напомнил Уотлинг, — Надеюсь, вы будете их придерживаться.

Кто-то одобрительно выкрикнул:

— Да, да.

— Правила есть правила, — раздался другой возглас.

— Не отступайте от этих чертовых правил.

Эндрю воскликнул:

— Уотлинг, ей-богу, я...

— Мистер Раванель, я действую не по собственному усмотрению. Я себе больше не принадлежу. Говорю от имени мистера Лэнгстона Батлера. Господин Батлер вас спрашивает: «Мистер Раванель, где ваши пятьсот долларов?»

— Даю слово, слово Эндрю Раванеля...

— Слово? — переспросили из толпы.

— Слово Раванеля? — расхохотался кто-то.

— Если у мистера Раванеля нет денег, я покупаю этого чернокожего за девятьсот пятьдесят долларов. Плачу наличными всю сумму.

Весть о публичном унижении Эндрю Раванеля (кое-кто назвал это заслуженным наказанием) мгновенно облетела клуб. Джейми Фишер чувствовал себя так, будто ему дали под дых.

Когда Джейми нашел друга, тот, с побелевшими костяшками, стоял, сжимая перила трибуны.

— Эдгар чуял, к чему дело клонится, он за милю подобное различает; когда я обернулся, его не было. Приходилось мне видеть, как Генри Кершо проиграл тысячу в карты. Но где же сейчас был мой друг Генри? — Глаза, исполненные уязвленного самолюбия, скользили по толпе, которая обращала на Эндрю Раванеля меньше внимания, чем он воображал, — А мой дорогой друг Джейми Фишер? Говорят, Джейми самый богатый джентльмен в обеих Каролинах. Пятьсот долларов — мелочь на карманные расходы для юного Фишера!

— Мне очень жаль, Эндрю. Если бы я был там...

— Господи, Джейми! Как я это вытерпел! На глазах у всех — у каждого! Боже! Слышал бы ты, как надо мной смеялись. Эндрю Раванель торгуется, а заплатить не может!.. О господи, Джейми, лучше бы я умер!

— Тебе нужно вызвать Уотлинга на дуэль, я буду секундантом...

— Джейми, Джейми, я не могу вызвать Уотлинга, — Голос Эндрю был слаб, как клыча тряпичника. — Из Исайи Уотлинга джентльмен не больше, чем из его сына. Если я вызову его, то придется признать, что и Эндрю Раванель не джентльмен.

— Дрался ведь Ретт с Шедом Уотлингом.

— И слышать не хочу о Ретте Батлере! Вот уж никогда не искал повода поговорить о нем! Надеюсь, это ясно! — Эндрю попытался зажечь сигару, но руки дрожали, и он швырнул спичку прочь, — Проклятый Лэнгстон Батлер! Аукционер потребовал бы с меня долговую расписку.

— Ну, Эндрю, негр-то всего лишь музыкант.

— Всего лишь музыкант? — Эндрю удостоил наивность Джейми легким смешком, — Что, Лэнгстон Батлер планирует музыкальный вечер? Может, он хочет взять уроки игры на банджо? Так думаешь, Джейми? По-моему, Лэнгстон Батлер приобрел себе просто золотого работника на рисовые поля, — продолжил Эндрю, — Лэнгстон Батлер отомстил Джеку Раванелю, унизив его сына. Теперь весь Чарльстон знает об этом деле. Эндрю Раванель показал свое истинное лицо!

Слова застряли в горле у Джейми Фишера.

— Эндрю, я... Эндрю, ты такой милый, замечательный.

Я бы...

Эндрю жестом прервал его на полуслове.

Негры с нарукавными повязками Жокейского клуба начали приглашать людей с беговой дорожки на трибуны.

— Эндрю?

— Ради бога, Джейми, не мог бы ты помолчать?!

Как только дорожка опустела, на ней, не обращая внимания на жесты служащих, появилась какая-то всадница.

Эндрю замер, словно завидев добычу, и выдохнул:

— Это же Розмари.

— Тебя ищет, наверное, — Голос Джейми от облегчения повысился на целую октаву — Эндрю, должен рассказать тебе о занятом пари с Джулиет...

— О нет, Джейми. Что-то не так. Розмари расстроена. Посмотри, как она теребит удила, горячит лошадь и тут же сдерживает.

Слуги из Жокейского клуба кричали ей: «Мисс!» и «Забег начался, мисс!», но лишь отскакивали в сторону с ее пути. Розмари вглядывалась в лица вдоль ограды, желтый шелковый шарф развевался непокорным знаменем.

— Подумать только, — задумчиво произнес Эндрю Раванель, — Розмари, похоже, рассержена?

Девушка дернула поводья, и лошадь встала на дыбы.

— Ах, чтоб тебя, успокойся! Эндрю! Где мой отец? Ты не видел его?

Эндрю Раванелем овладело хладнокровное спокойствие. Время, казалось, замедлило свой бег.

— Прекрасная Розмари, — проговорил Эндрю почти мечтательно, — ваш уважаемый родитель покинул ипподром.

Распорядитель Жокейского клуба, белый мужчина, перепоясанный зеленым отличительным шарфом, поспешил к ним.

— Мэм! Мэм!

— Черт тебя подери! Черт! Будешь ты стоять спокойно, наконец?! — Девушка хлестнула лошадь кнутом, — Мне нужно найти отца. Есть новости. Сегодня я узнала, почему отцу не везет как проклятому.

Эндрю Раванель высокомерно остановил распорядителя, шагнул через калитку на дорожку и взял возбужденную лошадь под уздцы, чтобы отвести к коновязи.

Распорядитель, всадница, молодой джентльмен, ведущий лошадь, — можно было подумать, что кругом больше никого нет.

Драматическая сцена привлекла всеобщее внимание.

Стоявший на клубной веранде приезжий янки обернулся к местному приятелю:

— Что за черт?

Тот ответил:

— Ты в Чарльстоне, Сэм. Наслаждайся нашим фейерверком.

Если бы Розмари не была охвачена бессильной немой яростью, ее бы насторожил чересчур сладкий голос Эндрю.

— Подожди минутку, милая Розмари. Сейчас все уладим.

Давай помогу.

Эндрю подставил руки под ее ногу.

Розмари быстро спешила.

— Как я могу называть Лэнгстона Батлера теперь отцом?

Он лгал мне. Он погубил моего брата. Он...

— Лэнгстон Батлер ответит за все.

И Эндрю Раванель на глазах у всего Чарльстона обнял Розмари и страстно поцеловал в губы.

Глава 7

БРАК — БЛАГОРОДНОЕ ДЕЛО

— Розмари, похоже, понравилось, — беспечно бросил Эндрю Раванель.

Эндрю с отцом и Лэнгстон Батлер стояли в прихожей городского дома полковника на Кинг-стрит. Комната была сильно обшарпана — пол из широких досок исцарапан шпорами, скамьи тоже — их использовали для снятия сапог.

Батлер не стал снимать шляпу и не поставил трость в подставку. Он сжимал ее, словно готовясь пустить в ход.

— Сейчас дело вовсе не в романтических порывах моей дочери.

Лэнгстон Батлер вытряхнул все из кожаного бювара на стол и указательным пальцем с явным презрением начал ворошить счета и долговые расписки.

— За доллар не больше двадцати центов — красная цена чести Раванеля.

— Похоже, сэр, вы настаиваете, чтобы мой сын обручился с вашей дочерью? — с надеждой спросил полковник Джек.

— Чтобы Раванель стал моим зятем? — Бледные щеки Лэнгстона Батлера покрылись красными пятнами, — Кто-то из Раванелей породнился с Батлерами?

Эндрю выступил вперед, но отец придержал его за руку. — Довожу до вашего сведения, что я выкупил ваши долговые расписки и закладные и срок оплаты по ним считается с сегодняшнего дня. Этот дом и остальное имущество будут проданы для погашения долгов. Отныне Чапультапек выступает под цветом семьи Батлеров.

— А теперь, Лэнгстон, слушайте меня, — оскалился полковник Джек. — Вы не завладеете нашим скромным домом. Батлеры уже захватили наши прекрасные земли, а земледelec вроде вас не будет завидовать скудному участку, который еще у меня остался. Я вас знаю, Лэнгстон. Знаю с детских лет, когда вы были жадным, жестокосердным, заносчивым мальчишкой. У вас есть предложение к старику Джеку, маленькая сделка, чтобы унять пересуды и, как я могу предположить, слегка улучшить состояние Раванелей? Я прав, сэр?

Лэнгстон расплылся в особенно неприятной улыбке.

— Ваша жена, Фрэнсис, была весьма уважаемой особой.

Благороднее ее во всех Низинах не сыскать.

Джек Раванель побледнел.

— Ни слова о моей жене, Лэнгстон. Вам не запятнать ее безупречную репутацию.

Лэнгстон похлопал по куче бумаг.

— Вы внимательно меня слушаете? Сегодня вечером на балу в Жокейском клубе я объявлю о помолвке своей дочери с мистером Джоном Хейнзом. После этого ваш сын публично извинится за недостойное поведение на ипподроме сегодня днем, — Лэнгстон холодно посмотрел на Эндрю. — Возможно, вы были нетрезвы, сэр. Возможно, так обрадовались, узнав о помолвке моей дочери, что слегка

забылись. — Лэнгстон пожал плечами, — Оставляю детали на вашей совести. Если не способны правдоподобно лгать, ваш отец, полагаю, в силах помочь освоить это искусство. После того как я приму ваше извинение, вы объявите о своей помолвке с мисс Шарлоттой Фишер.

— Сэр, я не женюсь на девушке, у которой каждый прыщик на лице стоит десять тысяч долларов.

— Как вам будет угодно.

Лэнгстон Батлер молча ждал, пока не иссякнут пустые проклятия Раванелей перед принятием неизбежного.

Вопреки радости внучки, Констанция Фишер приняла ее помолвку с Эндрю Раванелем скрепя сердце.

Чтобы вырваться из отцовского дома, Розмари согласилась выйти замуж за Джона Хейнза; после того, что поведал Тунис, жить здесь стало невыносимо. Когда она объявила об этом, Лэнгстон ответил:

— Я не спрашиваю, почему ты подчиняешься, мне достаточно твоего повиновения.

Когда жених и невеста остались наедине в гостиной Лэнгстона Батлера, Джон Хейнз встал на колени.

— Розмари, я не смел и надеяться на такое счастье. И хоть я боюсь услышать ответ, дорогая, я все же должен знать. Ты по своей воле пошла за меня?

Розмари заколебалась, потом ответила:

— Джон, давай попробуем.

Бесстрастный, степенный Джон Хейнз засиял, как мальчишка.

— Вот и хорошо. Ну и ладно. Честнее и не бывает. Милая Розмари. Моя любимая Розмари...

Шарлотта и Эндрю поженились в апреле; невеста, хоть и не красавица, вся светила. Почтенные дамы Чарльстона цокали языками и выражали надежду, что теперь-то Эндрю Раванель остепенится.

Лэнгстон Батлер вдобавок подарил чете Раванелей чернокожего музыканта. Даже Исая Уотлинг не смог переделать Кассиуса в работника на плантации.

Спустя две недели, когда Розмари и Джон Хейнз стояли перед алтарем в церкви Святого Михаила, жених буквально цвел от счастья. Розмари была бледна и произнесла клятву верности так тихо, что ее слышали лишь немногие с первых рядов.

Когда чета появилась на пороге церкви, ее уже поджидал у обочины Тунис Бонно, держа под уздцы чалого коня.

Господи, — воскликнула Розмари, — Текумсе!

— Ваш брат Ретт дарит его вам и мистеру Хейнзу, — сказал Тунис, — Он пишет, что желает вам счастья в день вашей свадьбы.

Лэнгстон Батлер обернулся к новоиспеченному зятю.

— Сэр, я куплю это животное и избавлюсь от него.

Джон Хейнз сжал руку невесты.

— Благодарю, сэр, не надо. Эта лошадь — подарок от моего друга и брата миссис Хейнз, который мы с удовольствием примем.

Глава 8

БАЛ ПАТРИОТОВ

Очень немногие чарльстонцы поверили, что поцелуй Эндрю Раванеля на ипподроме был таким невинным, как впоследствии объявил этот джентльмен, но скомпрометированные участники инцидента благополучно поженились. Ввиду образования новых связей Эндрю с Фишерами Лэнгстон Батлер потихоньку избавился от векселей полковника Джека по пятидесяти центов за доллар.

Супруги Хейнз появлялись в городе в симпатичной синенькой двуколке, запряженной Текумсе. Известно было, что по прихоти невесты Джон Хейнз заплатил за экипаж три сотни.

Ходили слухи, что Ретт Батлер в Нью-Йорке. Капитан английского судна рассказал Джону Хейнзу, что его шурин спекулирует на Лондонской бирже. Однако Тунис Бонно, который стал главным управляющим фирмы «Хейнз и сыновья», говорил, что Ретт в Новом Орлеане.

И хотя Хейнзы оказывали должное уважение родителям Розмари, обмениваясь любезностями после воскресных служб, молодожены сидели в церкви отдельно от Батлеров, и Розмари навещала мать, только когда отец был в отъезде. Мистер и миссис Хейнз тихо обитали на Чёрч-стрит, 46, и в положенный срок Бог подарил им дочь, которую окрестили Маргарет-Энн.

Супруги Раванель принялись обустраивать принадлежащий Фишерам дом на Ист-Бэй. Кредиторов Чарльстона привело в полное смятение известие, что Констанция Фишер не собирается выплачивать долги Раванеля.

Новый слуга Эндрю, Кассиус, сопровождал хозяина повсюду, часами ожидая в игорных домах или салунах. Часто Кассиус вел под уздцы лошадь хозяина домой на рассвете, пока Эндрю клевал носом в седле. Когда Эндрю, Джейми Фишер, Генри Кершо и Эдгар Аллан Пурьер выезжали охотиться, Кассиус готовил для них нехитрую еду, чистил сапоги и подбирал на банджо мелодии повеселее. Генри Кершо утверждал, что временное пребывание Кассиуса на рисовых полях Лэнгстона Батлера благотворно сказалось на его музыкальных способностях. Генри клялся, что музыка Кассиуса стала душевней.

Поскольку бабушка Фишер слишком часто осуждала привычки Эндрю, мистер и миссис Раванель перебрались из особняка Фишеров в обшарпанный городской дом полковника Джека, поселившись бок о бок с ним и его дочерью Джулиет.

В лучшие времена все эти события вызвали бы большой интерес, но времена были беспокойные. О выходе южных штатов из союза уже тридцать лет говорили шепотом, теперь же кричали на каждом углу.

16 октября 1859 года Джон Браун

[\[11\]](#)нарушил мир. Джон Браун дискредитировал миротворцев, разделил все семьи на юнионистов и сторонников отделения и развел пресвитерианцев, приверженцев епископальной церкви и баптистов по северной и южной конгрегациям. С горсткой людей, гуманными планами, готовый убить кого угодно ради принципов, Джон Браун выбрал для удара городок Харперс-Ферри в Виргинии, намереваясь разжечь восстание рабов. Браун привез тысячу стальных пик, чтобы рабы обратили их на своих хозяев.

Низинные плантаторы до смерти боялись восстаний. Французские беженцы от восстания в Санто-Доминго (среди них были и Робийяры, родители Евлалии Уорд) рассказывали жуткие истории о невинных

жертвах, убитых в собственных постелях, изнасилованных женщинах и младенцах, которым разбивали головки о подоконники. Восстания Нэта Тернера и Денмарка Веси были подавлены, но Джон Браун был белым, которого поддерживали белые же. Некоторые янки объявляли этого убийцу святым.

После налета Брауна умеренные во взглядах политики стали не в чести, сепаратисты типа Лэнгстона Батлера контролировали законодательство, а осторожные люди взвешивали каждое слово. Кэткарта Пурьера изгнали из Общества святой Сесилии.

И хотя Джона Брауна арестовали, судили и повесили, в Низинах сформировались группы ополчения: Бригада пальметты

[12], Чарльстонские стрелки, Чарльстонская кавалерия, Легион Хэмптона. Британские корабли доставляли оружие, пушки и обмундирование к чарльстонским верфям. Молодые люди под присягой отказывались от выпивки, и для игорных домов наступили тяжелые времена. Кассиус разучил новые патриотические песни.

Год, прошедший от налета Брауна до выборов Авраама Линкольна, изобилует дурными предзнаменованиями. Семь черных дельфинов выбросились на берег острова Салливан. Дикие гуси улетели на юг на два месяца раньше обычного. Урожай риса оказался самым богатым на памяти живущих. Негры, занимающиеся магией, что-то невнятно бормотали, предвещая Армагеддон. А Джейми Фишер признался сестре Шарлотте, что чувствует себя точь-в-точь как птица под змеиным взглядом.

Эндрю Раванель был избран предводителем отряда Чарльстонской кавалерии. Когда начался сбор средств на пошив формы для этого элитного боевого отряда, все разногласия были забыты, и Лэнгстон Батлер внес щедрую лепту.

В одно субботнее утро в начале ноября на волнорезе за нерфью Эджера был найден убитым полковник Джек Раванель. И хотя тесть Туниса Бонно, преподобный Уильям Шескотт, помянул грешника в воскресной проповеди, кончина старика Джека прошла незамеченной. Внимание Чарльстона было сосредоточено на президентских выборах, назначенных на следующий вторник.

Из четырех выдвинутых кандидатов только один считался настоящим аболиционистом, и, хотя этот человек набрал почти на три миллиона голосов меньше, чем соперники, а в южных штатах — ни одного, его выбрали президентом.

Многие белые южане полагали, что единственное различие между президентом Авраамом Линкольном и Джоном Брауном — то, что Джон Браун мертв.

Всего через шесть недель после избрания Линкольна было созвано Народное собрание Южной Каролины, на котором после кратких дебатов единодушно приняли «Постановление о выходе из союза». Звонили церковные колокола, маршировали ополченцы, на улицах трещали костры.

Новообразованные отряды проходили строевое обучение на Вашингтонском ипподроме. Чарльстонские кавалеристы были одеты в серые рейтузы, сапоги и короткие зеленые жакеты с золотыми галунами крест-накрест. У рядовых были серые кепи, у офицеров — черные плантаторские мины, украшенные перьями белой цапли.

Эдгара Пурьера и Генри Кершо назначили лейтенантами, Джейми Фишеру поручили командовать разведчиками.

Чарльстонским дамам, как оказалось, пришлось по душе учебные упражнения легкой кавалерии: левая рука всадника сжимает поводья, правая — саблю, обнаженный клинок вспыхивает серебряной аркой над головой храбреца и в следующий миг обрушивается на соломенного солдата.

Одетые в синюю форму федералов, чучела сжимали метлы-винтовки.

Женщины восторгались юными воинами, которые с презрением отвергли красный, белый и голубой цвета, позорящие славное знамя пальметты.

Розмари Хейнз восхищалась до хрипоты.

Изменился и Эндрю Раванель. Бывший меланхолический гуляка повеселел; невнимательный прежде к чувствам других, он теперь жаждал проявить заботу. На службе у новой республики Раванель по-королевски пекся о подчиненных.

Чарльстонский гарнизон федеральных войск воровато ретировался в форт Самтер, мощную крепость на острове в самом сердце городской гавани. Жители Чарльстона с негодованием протестовали против этого самовольного захвата собственности штата Каролина, а мистера Линкольна предупредили, что любая попытка снять осаду или снабдить продовольствием форт Самтер будет жестоко пресечена.

Когда Розмари вернулась домой после традиционного утреннего развлечения — смотра кавалерийских учений, ее охватила тоска. Глубоко вздохнув, она попыталась успокоиться: «Меня ждет Мэг». В те дни, когда кавалеристы не выезжали на учения, Розмари просыпалась с головной болью и оставалась в постели до полудня.

Миссис Батлер Хейнз понимала, что ей грех жаловаться. Джон Хейнз был хорошим человеком. Но он и не думал вступать в ряды кавалерии; напротив, даже подшучивал над собственным неумением держаться в седле. Если его пальцы испачканы чернилами, так что ж с того? Он торговец, приходится вести расходные книги.

И все же порой, когда муж уходил по делам, Розмари овладевали воспоминания о поцелуе Эндрю Раванеля. Какая пропасть разверзлась между ней и Шарлоттой! Когда давняя подруга заходила навестить ее на Чёрч-стрит, всегда следовал ответ: «Мисс Розмари нет дома», «Мисс Розмари нездорова». Как можно спокойно болтать с подругой, которая делит с Эндрю дом, постель, жизнь и светлое будущее?

Розмари с трудом удавалось отогнать горькое сожаление.

Муж привозил скромные подарки: серебряную вазочку, золотую брошку искусной работы. Но Джон ли виноват, что вазочка была, на ее вкус, аляповатой, а брошка не подходила ни к одному наряду?

Он никогда не говорил о политике и ни разу не присутствовал на учениях легкой кавалерии. Даже защищал немногих оставшихся в Чарльстоне юнионистов: «Разве нельзя придерживаться разных взглядов, не смешивая при этом с грязью честных людей?» Каждый день, кроме воскресенья, Джон шел в свой офис на верфи «Хейнз и сын». И все время был занят переговорами с капитанами судов, перевозчиками, поставщиками и страховщиками. Как-то весенним вечером Розмари стояла у окна, выходящего на парадный подъезд, и увидела мужа, который взбегал по ступенькам с веселой улыбкой. После этого она перестала подходить к окну перед его приходом. И пока муж играл с Мэг перед ужином, Розмари оставалась у себя в комнате.

После трапезы, выслушав простенькие молитвы дочки, они укладывали ее спать. Затем Хейнз читал Розмари отрывки из Бульвер-Литтона или иного достойного романиста.

— Может, дорогая, хочешь чего-нибудь полегче? Из Вальтера Скотта, например?

Каждый вечер Джон завершал молитвами за спасение Чарльстона и всего Юга. Молился о ниспослании мудрости нынешним лидерам, здоровья и счастья — друзьям и родным, называя каждого по имени. Наконец наступало время подниматься в спальню, и Джон Хейнз иногда с надеждой спрашивал, как расположена жена.

— Нет, милый, — бормотала Розмари, — Не сегодня.

Порой чувство вины брало верх, и тогда Розмари отвечала чересчур бодро:

— Сегодня прекрасно себя чувствую, Джон.

Муж проводил ночь с ней и на следующее утро, насвистывая, уходил из дома. Розмари отчаянно хотелось, чтобы он не свистел. От этого у нее болела голова.

Обоих радовала только маленькая дочь.

Отец говорил:

— Когда я возил Мэг в Уайт-Пойнт-парк, она в своей желтой шальке встала в двуколке и помахала солдатам ручкой. Один кавалерист, решив дать ответное приветствие, вытащил саблю; так ее скрежет по ножнам так напугал девочку, что бедняжка расплакалась!

Мать подхватывала:

— А знаешь, что наша проказница сделала со своими голубыми туфельками? Они никогда ей не нравились, и она велела Клео подарить их какой-нибудь бедной девочке. «У меня слишком много туфелек».

Вслед за Южной Каролиной из Союза вышли Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас.

И хотя январь выдался исключительно холодным — в Пьемонте даже выпал снег, — чарльстонцы не обращали внимания на неудобства при проведении Недели скачек, первой в независимой Южной Каролине.

Джон Хейнз отменил туристические рейсы в Нью-Йорк и Филадельфию, зато стал возить туристов из Ричмонда и Балтимора.

Знатоки лошадей утверждали, что состязание Джиро Лэнгстона Батлера и Альбина Джона Кэнти стало самым захватывающим за сотню лет; поговаривали, будто Батлер поставил на Джиро 25 000 долларов.

Общество святой Сесилии давало бал, и Ирландский зал украсили в патриотических мотивах. На стенах пестрели яркие флаги чарльстонских ополченцев, а над танцевальной площадкой распростерся нарисованный свирепый, чуть косоглазый орел.

В петлице организатора бала Джона Хейнза красовалась белая бутоньерка.

Оркестр Общества был составлен из домашней прислуги, освобожденной от обычных обязанностей. В Чарльстоне ходила шутка, что Гораций, дирижер, не может прочитать ни одного значка в нотах, которые он суетливо раскладывал перед собой на пюпитре. Тем не менее разношерстный оркестр исполнял величавые французские кадрили, а также буйные шотландские рилы, больше нравившиеся молодым — тут отличался Кассиус со своим банджо.

В этот вечер на грани войны чарльстонские дамы были прекрасны, как никогда. Вот за таких грациозных и смиренных юных дев brave мужчины готовы были сражаться и умирать. Небывалая эта красота запомнилась навсегда.

Кавалеры ощущали гордость ответственности, им выпавшей. Но за видимой бравадой у каждого молодого человека скрывалась отчаянная надежда, что он выдержит испытание, когда настанет час.

Военная лихорадка доводила веселье до истерического возбуждения. Сдадут ли федералы форт Самтер или их придется обстреливать, чтобы заставить капитулировать? Выйдут ли из Союза Виргиния и Северная Каролина? Лэнгстон Батлер с Уэйдом Хэмптоном отправились в Алабаму, где в Монтгомери

намеревались принять участие в выборах временного президента новых Конфедеративных Штатов Америки

[13].

Тумбе,

Янси,

Дэвис

[14] — кто станет героем дня?

— Джейми, — сказала Розмари, — почему ты не в форме?

— В форме я похож на зазнавшуюся обезьяну, — признался стройный юноша.

Розмари от волнения вспыхнула.

— Мы готовимся к войне, Джейми! Самой страшно это говорить, но надеюсь, что она все же разразится.

— Вот и Эндрю такой кровожадный. — Фишер содрогнулся, — Посмотри на него. Надел шпоры на бал! Ну и ну.

Раванель улыбнулся Розмари.

Но она не встретила с ним глазами.

— Да что с тобой, Джейми?

Молодой человек пожал плечами.

— Я не отличаюсь воинственностью. Конечно, я буду сражаться, если нужно, но война чертовски неприятная штука... — Его губы скривились в ироничной улыбке. — Во что она превратит наших коней? Волнует ли политика лошадей?

Джулиет Раванель легонько стукнула веером Джейми по локтю. В те дни мисс Раванель была очень востребована, поскольку занималась вышиванием полковых знамен, а новое видное положение смягчило ее характер. Платье из тафты имело эффектный вырез и хорошо сидело; увы, пурпурный цвет совершенно не шел Джулиет.

— Миссис Хейнз, — она насмешливо присела в реверансе, — разве это не настоящий праздник? У вас все танцы расписаны?

— Те, что не взял Джон, разобрали его престарелые родственники. Лысеющие мужчины со вставными зубами и несвежим дыханием жаждут поухаживать за очаровательной родственницей.

Мисс Раванель просмотрела свою карточку.

— Джейми, у меня свободны два вальса и один променад [15].

— Обещаешь не вести?

Улыбка Джулиет обдала его ледяным холодом.

Джону Хейнзу удавалась кадрили при условии, что партнерша бережет ноги в замысловатых фигурах. Во время танца на губах Розмари застыла улыбка.

— Прости, дорогая, — шептал муж, — О господи, до чего я неуклюжий.

Она чувствовала на спине его руку, плоскую, как блюдо для мяса, а вторую — на талии, тяжело, по-хозяйски обнимавшую ее. Поклонившись после танца, Джон с жаром сказал:

— Розмари, ты самая красивая женщина в зале. А я — самый счастливый муж во всей Южной Каролине.

Розмари боролась с желанием высвободить руку.

— Только в Южной Каролине? — вымолвила она.

— Во всем мире. На каждом континенте этого благодатного мира! — Пухлые теплые губы поцеловали ей руку.

Когда они снова встали в пару для кадрили, в дверях возникло какое-то движение и к ним поспешил служащий с верфи. Джон, наклонив голову, слушал, что тот шепчет ему на ухо.

Хейнз обернулся к жене.

— Дорогая, я должен идти. На берег выгрузили боеприпасы, которые, похоже, предназначались для янки. Отдай мои танцы другим. Не хочу портить тебе вечер.

Розмари пообещала так и сделать.

Спустя десять минут после ухода Хейнза рядом с ней оказался Эндрю Раванель. От него сильно пахло ромом и немного потом. Он чересчур низко склонился.

— Розмари...

— Капитан Раванель, разве мы разговариваем?

Эндрю грустно улыбнулся.

— У тебя есть все основания сердиться. Я самый худший мерзавец во всех Низинах.

— В последний раз, когда мы близко общались, вы скомпрометировали меня, сэр. Полагаю, что своим замужним положением я обязана именно вам.

— И что, стало хуже? Джон Хейнз — муж... неплохой.

Розмари прищурилась.

— Берегитесь, сэр.

Брови Раванеля взметнулись в притворном изумлении.

— Если я вас снова обидел...

— Я еще не простила прежнюю обиду, — перебила Розмари.

— Я сам себя не могу простить! Я глаз не сомкнул, все думая, можно ли как-то рассчитаться за тот безумный поцелуй. Но, Розмари, разве в тот момент мы владели собой? О боже! Никогда не забуду, как... Терпеть не могу иронию. А вы разве нет? Какая ирония, что мое признание в любви разделило нас — обоих отнесло в чужие объятия.

— Признание в любви? Капитан, разве я похожа на дурочку? Думаете, я поверю, будто вы сделали это, чтобы признаться в любви?

Эндрю приложил руку к груди.

— Когда меня смертельно ранят, где-то на далеком поле битвы, последние мысли будут об этом поцелуе. Неужели вы отпустите меня на войну, не станцевав со мной хотя бы вальс?

— В момент смерти, сэр, последние мысли обычно о любимой. Когда вы отправитесь в вечность, перед вашими глазами будет лицо Шарлотты, а не мое. Если, конечно, новая пассия не отодвинет Шарлотту в сторону.

Эндрю вспыхнул, потом рассмеялся так заразительно, что соседние пары улыбнулись. Он вновь прижал руку к сердцу:

— Розмари, верности не обещаю, но гарантирую безраздельное обладание моими последними

мыслями.

— В любом случае, войны не будет.

— Будет, милая Розмари. Наши мундиры выглажены, клинки наточены, а пистолеты заряжены... О, музыканты настраиваются! Я не забыл, как ты прекрасно танцуешь.

Танец с Эндрю Раванелем был блистательной, опасной игрой. Эндрю предвидел каждое ее движение и усиливал его.

Музыка — один из вальсов Штрауса на три четверти — кончилась слишком скоро. Пока другие танцоры кланялись своим партнершам, Розмари обмахивалась веером.

— Еще?

Эндрю Раванель станцевал с ней все записанные за Джоном Хейнзом танцы.

Во время первой перемены бабушка Фишер оттащила Розмари в сторону.

— Шарлотта вся в слезах! Розмари, думай что делаешь!

Но Розмари была не в силах думать. Слишком долго она отказывала себе.

В полночь, после кадрили, пары направились в столовую освежиться. Мужчины вышли на веранду покурить, и в душную столовую с высоким потолком донесся аромат табака.

Люди, которых Розмари знала всю жизнь, старались не встречаться с ней глазами. Ее будто не замечали.

— Семь бед — один ответ... — пробормотал Эндрю ей на ухо, а потом позвал: — Кершо, эй, ты, прохвост, поужинаешь с нами?

«С нами»? У Розмари не было намерения становиться «нами».

— Нет, — выпалила она, выдернув руку из ладони Раванеля.

Мужчины расступились, когда Розмари сбежала на веранду. По ту сторону улицы, на пороге салуна Гэррити, в круге света от газового рожка пьяные ополченцы горланили песни.

Проклятье!

К ней подошла Констанция Фишер, поплотнее запахнув шаль.

— Деточка, где твоя накидка?

Розмари замотала головой.

— Должна сказать, милая...

Слезы залили щеки Розмари.

— О, миссис Фишер, какая же я глупая. Что я наделала?

Пожилая женщина немного смягчилась.

— Деточка, ты совершенно неразумна.

— Что подумает Джон? А Шарлотта?

— Я бы на ее месте... — начала Констанция.

— О, бабушка Фишер! Что же мне делать? — Розмари судорожно сжала перила.

Миссис Фишер обняла ее за плечи.

— Будешь делать то, что все женщины в Чарльстоне. Принимать маленьких мулатов, которые похожи на своих отцов как две капли воды; просыпаться от шагов пьяного мужа, который едва держится на ногах... и сохранять улыбку на лице, притворяясь, что на все воля Божья и все — абсолютно все — идет как надо.

Остаток вечера Розмари просидела с Констанцией Фишер. Когда Эндрю Раванель попытался подойти, бабка жены отогнала его свирепым взглядом.

Эндрю закружился с самой молодой и самой хорошенькой девушкой на балу. Та не сводила с кавалера восхищенных глаз.

«Он просто как магнит, — подумала Розмари. — А разве магнит думает о последствиях?»

Поздно вечером в дверях засуетились. Джон Хейнз поспешил к жене, сияя от удовольствия. Он отклонил назойливо предлагаемую руку Джулиет Раванель.

— Пожалуйста, в другой раз, Джулиет.

Темноволосый джентльмен, проследовавший за ним в Ирландский зал, отдал свой плащ лакею. Гораций, дирижер, растерялся, и оркестр сбился с ритма. Один за другим танцующие останавливались, оборачивались, пристально смотрели на вошедших.

Розмари ахнула.

Красная гвоздика украшала широкие лацканы бархатного сюртука Ретта Батлера, кружевная манишка сияла ослепительной белизной, запонками служили золотые самородки величиной с горошину. В руках, которые стали гораздо крупнее, чем помнилось Розмари, он держал широкополую плантаторскую шляпу.

— Вечер добрый, капитан Батлер, — сказал Гораций. —

Сколько времени не видели вас!

— Добрый, Гораций. А ты... ты, должно быть, Кассиус, на банджо играешь? О тебе слава идет, сынок. О твоей игре уже поговаривают в Новом Орлеане.

Кассиус тронул струны.

— Спасибо, сэр. По-моему, все слышали о капитане Батлере.

Ретт поднял руки.

— Пожалуйста, продолжайте танцевать, не стоит из-за меня прерывать праздник. У нас порядком поводов веселиться. Кто бы мог предвидеть, что бравый Чарльстон разбудит спящего федерального великана? — Батлер поклонился, и его черные волосы блеснули.

— Эдгар Пурьер, вы теперь офицер... А это Генри Кершо? Господи, лейтенант Генри Кершо? И мой старый друг Эндрю.

Эндрю Раванель онемел от изумления.

Морщинки от частого смеха в уголках глаз брата Розмари были такими знакомыми и милыми. Как она могла забыть, что он столь элегантен? Розмари направилась к нему, словно во сне.

Глаза его стали серьезны.

Кассиус, взяв первые нежные ноты пьесы «Спи, моя милая» Стивена Фостера, остановился.

— Малютка Розмари, ненаглядная сестренка! — Глаза Ретта увлажнились, когда он сжал ее руки, — Окажи мне честь, станцуй со мной.

Глава 9

БАРБЕКЮ НА ПЛАНТАЦИИ В ДЖОРДЖИИ

Ретт Батлер не чувствовал себя таким беспомощным уже двенадцать лет, с той самой ночи, когда жизнь потеряла всякий смысл и он с отчаяния напился на крыльце полковника Джека.

Форт Самтер обстрелян! Думают эти глупцы, какую игру затеяли?

— Я получу груз на станции, мистер Кеннеди, — сказал Ретт, — Мой банк в Атланте оплатит чек.

Фрэнк Кеннеди, поглаживая жиденькую рыжую бороду, перевернул чек Батлера, будто ожидал найти надпись с обратной стороны.

— Да, конечно, — произнес он, — Конечно...

— Если вас что-то беспокоит...

— О нет, мистер Батлер! — Кеннеди чересчур энергично замотал головой.

Они вдвоем стояли в зале магазина Кеннеди в Джонсборо. С балок свисали деревянные ясли для сена, копченые окорока, вилы, а ряды полок наполнились одеждой и хозяйственными товарами. В магазине не продохнуть было от запаха мелассы и соснового дегтя.

Надо же, почтенные жители Чарльстона, и Лэнгстон Батлер среди них, разожгли войну! Что за надутые, проклятые глупцы, а еще распевают гимны в церкви!

Негр-продавец осторожно наполнял глиняный кувшин скипидаром, другой подметал пол. Несмотря на неказистую внешность, Кеннеди был влиятельным человеком, владельцем пятидесяти рабов, второго по величине магазина в Атланте и плантации в Джорджии, дававшей первосортный хлопок.

Ретт купил у Кеннеди собранный урожай, который должен принести верную прибыль. И полагалось бы ощущать подъем.

А он чувствовал себя отвратительно.

— Ваша деловая репутация безупречна, — Кеннеди сморгнул и осекся, — Я имею в виду...

Ретт без всякого выражения посмотрел на него в упор.

— Некоторые утверждают, что я ренегат?

Кеннеди провел рукой по волосам.

— Не обижайтесь, сэр. У меня и в мыслях не было вас обидеть.

Он сложил чек Ретта и сунул его в бумажник.

— Слушайте, Батлер, вы сегодня заняты? Не желаете провести день за городом? Джон Уилкс устраивает пикник по случаю обручения сына. Приглашаются все. Гостеприимство в Двенадцати Дубах... не могу найти слов... — в поисках хвalebного определения торговец даже замер, — просто легендарное! — Он указал куда-то на север. — Почти возле Атланты. Поедьте! А я доставлю вас к поезду вовремя.

Поскольку поезд отбывал не раньше десяти вечера, а день, проведенный в гостинице Джонсборо, показался бы Ретту в его мрачном расположении духа вечностью, он принял неожиданное приглашение Фрэнка Кеннеди. Тривиальные решения меняют нашу жизнь гораздо чаще, чем мы готовы в этом признаться.

Двуколка Кеннеди неспешно катилась мимо зарослей нежно алеющего багряника. От кустов линдеры шел пряный аромат. В чаще призрачно мерцал кизил.

Северная Джорджия сейчас во всей красе, екнуло сердце Ретта. Он провел зиму в Манхэттене, где война была главной темой для разговоров в каждой столовой, в каждом клубе. Ретт слышал речь Авраама Линкольна в колледже Купер-Юнион и подумал, что этот нескладный длиннолицый северянин станет серьезным противником. Сотни тысяч янки формировались в полки.

Батлер съездил в Нью-Хейвен, где оружейник поведал обходительному гостю, что не может найти нужное оборудование.

— У меня заказов больше, чем я в состоянии выполнить, — пожаловался он, — Батлер, вы не поможете мне найти станок для обточки стволов?

Одним воскресным днем Ретт совершил поездку на Бруклинскую верфь, где строили сотни военных судов. Там и сям слышались удары молота, корпуса покрывали медью, маляры красили, стоя на лесах, сотни женщин шили паруса...

В воскресенье.

А на юге готовились встретить Голиафа по всем правилам рыцарского поединка.

Черт бы побрал этих глупцов!

Ретт Батлер любил Юг: его мягкую обходительность и гостеприимство, вспыльчивость сразу вслед за томной медлительностью. Но если какое-то явление было неприятным, южане в него не верили.

Фрэнк Кеннеди неверно истолковал молчание Ретта. Видя в нем беспокойство незваного гостя, Фрэнк неуклюже стал успокаивать партнера: мол, хозяин дома, Джон Уилкс, джентльмен старой закваски, а его сын, Эшли, хоть и молод, тоже, конечно, старой закваски. Невеста Эшли, Мелани Хамильтон, — изящная малютка, но с изюминкой.

Не получив никакого ответа, Фрэнк пустился перечислять молодых гостей: Тарлтоны, Калверты, Манро, Фонтены.

— Когда Тони Фонтен прострелил Бренту Тарлтону ногу, оба были пьяны в стельку и только посмеялись!

Кеннеди потряс головой: осторожный человек, наполовину завидующий безрассудству.

Ретт Батлер не был настолько сентиментальным, чтобы не извлекать выгоды из заблуждений южан. Юг выращивал две трети мирового урожая хлопка, и Ретт предчувствовал, что флот Линкольна заблокирует южные порты. Тогда цены на хлопок взлетят до небес. Свой урожай следует вывезти на Багамы, пока корабли федералов не закрыли все выходы.

Выручить можно было много, однако горечь от этого не уменьшалась. Ретт чувствовал себя взрослым, наблюдающим, как дети играют в игры: кричат, жестикулируют, изображают из себя индейцев... С напыщенным видом они играли в войну.

Батлеру хотелось разрыдаться. Он был не в силах прекратить эту игру.

От молчания гостя Фрэнку Кеннеди было не по себе.

— Джон Уилкс — не мужлан неотесанный, мистер Батлер. Ничего подобного! У него большая библиотека, сотни книг! Джон читает все, что положено джентльмену, и сынок, Эшли, идет по его стопам. Как говорится, яблоко от яблони недалеко падает. Еще там будет Джеральд О'Хара. Отличный парень! Из Саванны приехал. Сам он не оттуда, конечно, нет. Из Ирландии. А я против ирландцев ничего и не имею.

Дочка у него, Сьюлин, уж больно хороша, хотел бы и дальше с ней компанию водить, потому не могу против ирландцев выступать, ха-ха!

Кеннеди обернулся в ожидании ответа — и встретил отчужденный взгляд.

— Во всяком случае, — заполнил Фрэнк молчание, — Джеральд купил плантацию Тара, вот и оказался в округе Клейтон. А Сьюлин просто персик! — Фрэнк хлопнул по колену для большей выразительности, — Настоящий персик из Джорджии.

Дальше поехали молча.

Ретт вспоминал Чарльстон, где его бывшие школьные товарищи встали к орудиям и обстреливают из пушек форт Самтер.

Удастся ли ему уговорить Розмари с Джоном уехать с юга?

«Пока не кончится эта лихорадка, Джон. В Калифорнии для таких, как ты, много возможностей. Или в Лондоне. Разве ты не мечтаешь свозить дочь в Лондон? Или Розмари...

Эндрю Раванель и Розмари вызвали скандал на том патриотическом балу, и Джон с Розмари теперь не разговаривали.

— Моя Сьюлин может быть чертовски ядовитой, — опять заговорил Кеннеди, — Но потом быстро раскаивается. Вы человек бывалый, Батлер, понимаете, о чем я.

Они вброд переправились через речку Флинт, и лошадь быстро затрусила вверх по склону. Показался особняк плантатора с плоской крышей и множеством дымовых труб. Он был меньше Броутона, но все же довольно велик. Толстые коринфские колонны поддерживали крышу, затенявшую широкие веранды с трех сторон дома.

— Сами увидите, — настаивал Фрэнк Кеннеди, — гостеприимство в Двенадцати Дубах легендарное!

На подъезде к дому была суতোлка: всадники спешили, пассажиры выходили из экипажей. Негры-конюхи отгоняли их в сторону, а гости обменивались восторженными приветствиями с соседями, с которыми не виделись с прошлой недели.

Острый запах жареной свинины мешался с дымом от пекановых поленьев.

На веранде девушки в очаровательных нарядах флиртовали с кавалерами, одетыми в узкие серые брюки и льняные рубашки с жабо. Старшие в семье обсуждали хвори и снадобья, дети носились, как деревенские ласточки, по лужайке.

Неужели это последний славный, благостный день на Юге? Неужели Югу пришел конец?

Фрэнка и Ретта встретили седовласый аристократ с молоденькой родственницей.

— Джон Уилкс и его дочь Милочка Уилкс, а это Ретт Батлер. У нас сегодня были дела, и я подумал, что неплохо бы сбежать ненадолго от забот. Надеюсь, Джон, ты не возражаешь?

— Мой дом открыт каждому джентльмену, — просто ответил Уилкс, — Добро пожаловать в Двенадцать Дубов, сэр.

— Вы очень добры.

— Что у вас за акцент, сэр?

— Родился и вырос в Низинах, сэр.

Уилкс наморщил лоб:

— Батлер... Ретт Батлер... Кажется, припоминаю...

Проблеск в глазах пожилого джентльмена подсказал Ретту, что хозяин дома на самом деле «припомнил», но улыбка Уилкса осталась неизменной.

— Ну, не важно. Том, неси напитки гостям! Мистер Кеннеди и мистер Батлер порядком устали в дороге.

Милочка Уилкс замахала руками.

— Папа, смотри! Это приехали О'Хара! Фрэнк Кеннеди! Как вам не стыдно? Разве вы не поможете Сьюлин сойти вниз?

Фрэнк поспешил выполнить свои обязанности. Вежливо кивнув хозяину, Ретт удалился в тихий угол веранды.

Он жалел, что пришел.

Двенадцать Дубов жужжали, как пчелиный рой в период спаривания. Сегодня наметятся свадьбы и, без сомнения, вспыхнет пара скандалов. Ароматы цветов и французских духов в сочетании с весельем, флиртом и шутками создавали романтическую атмосферу, такую новую, необычную, словно ни один мужчина и ни одна женщина никогда не испытывали подобного прежде.

Взгляд Ретт остановился на молоденькой девушке в зеленом бальном платье. Сердце его учащенно забилося.

— О боже! — прошептал он.

Ее нельзя было назвать ослепительной красавицей: острый подбородок, слишком сильная нижняя челюсть. Она была по-модному бледна — дамы никогда не подставляли свою кожу под яркие лучи солнца — и необычно оживленна. Ретт заметил, как она коснулась руки молодого щеголя — интимно и в то же время небрежно.

Почувствовав взгляд Ретта, девушка подняла голову. На секунду взгляды зеленых и черных глаз встретились, затем она отвернулась и продолжила о чем-то кокетливо болтать со своим поклонником.

Забыта угроза войны. Забыто опустошение, которое он предвидел. В душе Ретта Баглера пробились надежда, как целебный источник.

— Бог мой! — Ретт облизнул внезапно пересохшие губы. — Она такая же, как я!

Сердце его успокаивалось. Он отвернулся, улыбаясь самому себе. Давно уже он не глупел при виде женщины.

Идя на запах, он обогнул дом и оказался на барбекю. Среди деревьев были расставлены столы для пикника, покрытые бельгийским полотном. На столах было английское серебро и французский фарфор. Ретт сел за стол, где оставались незанятые места. Слуга поставил перед ним тарелку и бокал вина. Мысли его вернулись к той девушке. Но он тряхнул головой, словно отгоняя эти мысли, и выпил второй бокал.

Свинина приятно пахла дымком, а картофельный салат представлял собой идеальную смесь кислого и сладкого. Но два подвыпивших молодых человека в конце стола сердито смотрели на незнакомца. Наверняка они сейчас скажут что-нибудь такое, что нельзя будет проигнорировать. Ретт отказался от десерта и отошел в тень могучего орехового дерева, чтобы выкурить сигару. Когда Джон Уилкс присоединился к нему, Ретт сделал комплимент хозяину:

— Такое гостеприимство, как у вас, сэр, кончается на границе Мейсон — Диксон. Гостеприимство не может вынести американских зим.

— Вы слишком добры. Мистер Кеннеди сказал мне, что вы недавно были на севере.

— Да, сэр.

— Они будут драться?

— Будут. Авраам Линкольн не выбросит белого флага.

— Но конечно, наша храбрая молодежь...

— Мистер Уилкс, я человек новый для вас, но вы приняли меня в своем доме. Я думаю, это качества доброго самаритянина. Я благодарен, сэр.

— Слишком благодарен, чтобы сказать своему хозяину, что вы думаете о шансах конфедератов?

— Мистер Кеннеди говорил, что у вас отличная библиотека. Может быть, потом вы покажете ее мне.

Та зеленоглазая девушка в бальном платье сидела в окружении своих кавалеров. Пуфик из красного дерева вполне мог быть ее тронem. Она была принцессой. Нет, молодой королевой среди своих фаворитов. Девушка охотно отвечала на комплименты и шутки, словно она была инженером, играющая первую в жизни главную роль.

— Вздор! — высмеяла она неумелую остроту поклонника.

Несмотря на явное недовольство Сьюлин О'Хара, Фрэнк Кеннеди принес лакомства зеленоглазой девушке, хотя любой из слуг Уилкса мог выполнить эту обязанность. Ретту даже показалось, что этот человек сейчас встанет на колени.

Уилкс проследил за взглядом Ретта.

— Скарлетт О'Хара. Красива, не правда ли?

— Скарлетт. — Ретт повторил имя, словно смакуя его, — Да, красива.

— Боюсь, наша Скарлетт — любительница разбивать сердца.

— Она еще не встретила мужчину, который понимал бы ее.

Уилкс неправильно воспринял сдержанность Ретта и нахмурился.

— Разве молодую девушку не должны интересоваться только кавалеры и балы? Вы хотели бы, чтобы Скарлетт забивала свою красивую головку войной, армиями и политикой?

— Надеюсь, ей никогда не нужно будет заниматься этим, — ответил Ретт. — Есть куда худшие вещи, чем красота и невинность.

— Мой сын Эшли вступил в армию.

Уилкс показал на стройного молодого человека, который сидел, положив ногу на ногу, около девушки, наверное своей невесты. Эшли Уилкс был сыном своего отца: высокий сероглазый блондин с манерами весьма самоуверенного аристократа. Его невеста очаровательно смеялась какой-то приватной шутке.

Уилкс излил душу этому незнакомцу именно потому, что Ретт был незнакомец.

— Некоторые мои знакомые — влиятельные дальновидные люди — отправили своих сыновей в Европу.

— Мистер Уилкс, нам остается только принимать трудные решения.

Уилкс тяжело вздохнул.

— Думаю, вы правы, — Он снова стал хозяином. — Прошу прощения. Мне кажется, близнецы Тарлтон слишком много времени уделяют бренди.

Скарлетт флиртовала, с притворной скромностью принимая каждый комплимент, хотя они ей очень льстили. Время от времени она бросала взгляды из-под опущенных век на... молодого Уилкса? О да, это так. И Ретт поймал ее на этом.

Что-то шепча поклоннику, Скарлетт смотрела через его плечо на Уилкса. Когда она встретила взглядом с Реттом, он засмеялся. Потому что он понял. О да, он понял. Эта покорительница сердец использовала очарованных мужчин, чтобы вызвать у Эшли ревность. Ради Уилкса она очарует любого мужчину, даже такого, как Фрэнк Кеннеди, который был не так свободен, как ему хотелось бы.

Очевидно, покорительница сердец жаждала предмета желаний другой женщины. Бедное, чудное, несчастное дитя!

Услышав смех Ретта, Скарлетт О'Хара покраснела до корней волос и загордилась поклонниками.

Это было неизбежно. Какой-нибудь глупец все равно скажет то, о чем каждый из присутствующих пытался не упоминать. Фатальные слова «форт Самтер» были произнесены, и романтическое настроение весеннего вечера исчезло как сон.

— Через месяц мы разобьем янки, — пообещал один каналер.

— Через три недели, — предположил другой.

— Черт — прошу прощения, дамы, — у них кишка тонка сражаться.

— Любой южанин может побить четырех янки.

— Клянусь Богом, если они хотят сражения, они его получат.

Один старик, пораженный болезнью Паркинсона, что-то бессвязно кричал и угрожающе размахивал тростью. Лица у всех были красные то ли от вина, то ли от эмоций, а может быть, и от того и от другого.

Когда молодого Уилкса спросили, что он думает по этому поводу, он сказал, что, если нужно, он будет сражаться, конечно, но война обещает быть ужасной.

Та бесподобная девушка с обожанием смотрела на своего героя.

— А вы, сэр, — обернулся Уилкс к Ретту, — мой отец говорил, что вы провели некоторое время среди наших бывших соотечественников.

Вот так случилось, что Ретт Батлер высказал все, о чем он пообещал себе не говорить. Даже зная, что слова его будут напрасны, он говорил это людям, которые его не слышали.

— Я отвечаю только перед моей совестью. Я не буду участвовать в войне, которая разрушит все, что мне дорого.

— Вы не собираетесь сражаться за свою родину? — крикнул один юноша, не веря своим ушам.

Молодые люди окружили незнакомца. Поклонники королевы поднялись, чуя ренегатство.

Взявшись за гуж, не говори, что не дюж.

Как школьный учитель, поучающий тупых учеников, Ретт описывал Северные штаты — «Страну янки» с ее огромными заводами и немолчным гулом фабрик. Он говорил о ее богатствах — золоте Калифорнии и серебре Невады, которыми конфедераты не обладают. Он подробно объяснял, почему Англия и Франция никогда не признают Конфедерацию.

— Это не война генерала Вашингтона, господа. На этот раз Франция нам не поможет.

Молодые люди подошли ближе. Никто не улыбался. Стало тихо, как перед грозой.

— Я видел то, чего никто из вас не видел. Десятки тысяч иммигрантов будут сражаться на стороне

янки. У них фабрики, литейные цеха, верфи, железные и угольные копи. У нас этого нет. У нас есть только хлопок, рабы и высокомерие. Янки поколотят нас, вот увидите.

Носовым платком с монограммой Ретт смахнул пылинку с рукава.

Слышно было, как жужжали насекомые. Где-то слуга уронил тарелку, на него зашикали. Сохраняя невозмутимость, Ретт смеялся про себя. Несмотря на его намерение молчать, он оскорбил всех. Эта девушка развязала ему язык, и он, словно отличник, блестяще ответил урок. Ретт повернулся к Джону Уилксу:

— Ваша библиотека, сэр. Я был бы признателен вам, если бы смог увидеть ее сейчас.

Уилкс обратился к своим гостям:

— Дамы и господа, извините нас. Я попросил мистера Батлера откровенно высказать свое мнение о шансах конфедератов, и он высказал его. — Уилкс слегка улыбнулся. —

Может быть, слишком откровенно. Если у кого-то есть возражения, поделитесь ими со мной... — Хозяин предостерегающе поднял палец. — Лично.

Повернувшись к Ретту, он сказал:

— Наша библиотека? Сэр, я не верю, что в Клейтон-Каунте есть лучше.

Это была красивая комната с высоким потолком, тридцать футов в длину. Все стены закрыты книгами, даже над окнами и дверью висели полки.

Уилкс с рассеянным видом стал показывать:

Вот здесь — биографии и история. Там на полках, около кресла, — романы. Диккенс, Теккереи, Скотт. Большинство моих гостей скоро будут отдыхать, восстанавливать силы для танцев. Наш скрипач знаменит здесь, в сельской местности. Может быть, вы останетесь?

— Сожалею, сэр. Мой поезд отходит в десять.

А-а.

Уилкс тронул пальцем нос и пристально посмотрел на Ретта. Если он и хотел сказать что-то еще, то удовлетворился сказанным.

Если существуют качества хуже, чем красота и невинность, сэр, то среди них — чрезмерная искренность. Теперь я должен возвратиться к моим гостям. Я обязан их успокоить.

Толстые стены и высокий потолок сохраняли в комнате прохладу. Ретт вдруг почувствовал усталость. Он вытянулся на кушетке с высокой спинкой и закрыл глаза.

Женщины. Все эти женщины. Ретт вспомнил, как Диди всегда украдкой брала вилкой кусочек с его тарелки и шарила в его кошельке, думая, что он спит. Он улыбнулся.

Уже много лет он не вспоминал об этом. Скарлетт О'Хара...

Ретт задремал. Беспокойные сны сменяли друг друга.

А потом, сквозь сон, он услышал голоса.

— Ну и что? Какой секрет ты хотела мне рассказать?

Она призвала всю свою смелость.

— Да... секрет... Я тебя люблю.

— Разве недостаточно, — сказал он, — что сегодня ты покорила почти всех присутствующих здесь

мужчин? Хочешь полной победы? Ты же знаешь, что мое сердце всегда принадлежит тебе. Ты вцепилась в него зубами.

Озадаченный Ретт постарался выйти из сонного состояния. Когда он открыл глаза, его щека лежала на кожаном валике дивана, во рту пересохло. Голоса, которые, как ему казалось, он слышал во сне, не смолкли.

— Эшли... Эшли... скажи мне... ты должен... О, не смейся сейчас надо мной! Твое сердце принадлежит мне? О, дорогой, я лю...

«Эшли? Кто такой, черт возьми, этот Эшли? Кстати, где я нахожусь?» Ретт стал вспоминать. Форт Самтер. Хлопок Фрэнка Кеннеди. Плантация с претензиями в медвежьей глуши. Библиотека. Скарлетт? Какая Скарлетт? Ретт нахмурился. Щека прилипла к кожаному валику.

Кто-то — Эшли? — сказал:

— Ты не должна говорить такие вещи, Скарлетт!

Та самая Скарлетт! Ретт вдруг окончательно проснулся.

Серьезный голос тихо продолжал:

— Ты не должна. На самом деле ты этого не чувствуешь. Ты возненавидишь себя за такие слова и будешь ненавидеть меня за то, что я слышал их.

Ретт подумал: «Так тебе и надо, мисс Скарлетт, за твои обожающие взгляды». Он спал на правом боку, и карманные часы врезались в бедро, а ноги затекли. «Надо было снять обувь. Человек более достойный, чем я, вскочил бы, извинился и заверил влюбленных, что он ничего не слышал, а потом поспешил покинуть комнату. К счастью, я не такой хороший человек».

— Я никогда не смогла бы ненавидеть тебя, — возразила она. — Я тебе сказала, что люблю тебя, и я знаю, что я тебе безразлична, потому что... Эшли, ты ведь безразличен ко мне, правда?

— Да, безразличен.

«Холодный ответ, молодой человек», — подумал Ретт, с недовольной гримасой отлепляя щеку от валика.

— Скарлетт, может быть, уйдем отсюда и забудем все, что было здесь сказано? — предложил молодой Уилкс. Он говорил еще несколько минут, прежде чем перешел к сути дела: — Одной любви недостаточно, чтобы брак таких разных людей, как мы, был счастливым.

«Ага, — подумал Ретт, — дочь ирландского иммигранта и аристократ. Она достаточно хороша для флирта и недостаточно — для брака».

Ты захочешь мужчину всего, целиком и полностью, — продолжал Уилкс. — Его тело, его сердце, его душу, его мысли. И если ты всего этого не получишь, ты будешь несчастна. А я не хотел бы причинить боль ни твоему уму, ни твоей душе...

«Вот это настоящий джентльмен, — подумал Ретт. — Никакого риска и никаких потерь».

Они пришли к традиционному финалу. Она отвесила ему пощечину, а он вскинул подбородок и с честью, если не с достоинством, вышел из комнаты.

Ретт думал остаться незамеченным, пока Скарлетт тоже не уйдет. Его душил смех. Но Скарлетт с такой силой швырнула в сторону камина какую-то вещь, что осколки упали на его кушетку. Он поднялся, пригладил растрепавшиеся волосы и сказал:

— Очень плохо уже то, что твой полуденный сон прерывают такой выходкой, невольным свидетелем

которой я стал. Но зачем же еще угрожать моей жизни?

Скарлетт ахнула от неожиданности.

— Сэр, вы должны были дать знать о своем присутствии.

— Действительно. Но вы вошли не постучав.

Он улыбнулся ей и, желая увидеть, как сердито блеснут ее глаза, захихикал.

— Кто подслушивает... — начала она выговаривать ему.

Ретт усмехнулся.

— Кто подслушивает, тот часто слышит очень интересные и поучительные вещи.

— Сэр, — решительно заявила она, — вы не джентльмен.

— Точно подмечено. А вы, мисс, не леди, — Ему понравилось, как блеснули ее зеленые глаза. Может, она и ему даст пощечину? Он опять засмеялся, потому что жизнь так удивительна, — Никто не может остаться леди после того, чему я был свидетелем. Однако леди редко представляют для меня загадку. Я знаю, о чем они думают, но они не обладают такой смелостью или не страдают отсутствием воспитания, чтобы говорить о том, что они думают. Зато вы, моя дорогая мисс О'Хара, — девушка редкого духа, потрясающего духа, и я снимаю перед вами шляпу.

Сопровождаемая его смехом, она вылетела из комнаты.

Глава 10

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА

Спустя год судно «Веселая вдова», возившее товары в обход блокады, пришвартовалось к верфи «Хейнз и сын»: оно шло три дня из Нассау и еще шесть часов в безлунную тихую ночь пробиралось через блокаду федералов. Ретт Батлер ступил со шлюпки на берег, попав в свет ярко горящих газовых фонарей и сутолоку спящих грузчиков.

Джон Хейнз пожал руку партнеру.

— На этот раз ты еле успел. Через пятнадцать минут рассветет.

Тунис найдет груз на складе. Пойдем вместе позавтракаем?

Сейчас, только поговорю с Тунисом. Отправимся в кафе на рынке?

Под первыми лучами солнца Ретт шел по Ист-Бэттери, наслаждаясь красотой города. Морской воздух мешался с ароматом мимозы. На тротуарах то здесь, то там стояли караульные в серой форме, следившие в бинокли за федеральной флотилией на рейде.

На рынке торговцы рыбой наперебой расхваливали свой товар, слуги, повара, кормилицы-негритянки торговались, выбирая овощи и свежее испеченный хлеб. На многих продавцах блестели медные значки, которые недавно пустил в обращение городской совет для свободных цветных.

Ретт, свежий, словно и не было бессонной ночи, пробирался по рынку, порой останавливаясь, чтобы пожать руку знакомому или переброситься шуткой. Каждый вольный цветной знал, что Ретт нанял лоцманом Туниса Бонно, хотя эту работу мечтали получить многие белые.

Джон Хейнз сидел с чашкой кофе за столиком в углу.

— А, Джон, как хорошо вернуться домой! Господи, умираю с голоду. После военных кораблей янки такой зверский аппетит появляется! А ты только кофе пьешь?

— Как добрался, Ретт, без приключений?

— Блокирующих судов стало больше, и они все хитрее, — Ретт постучал пальцами по столу, — Стучу по дереву, чтоб не сглазить.

— Если когда-нибудь тебя загонят в угол, ради бога, не пытайся уйти на судне. Сажай ее на мель или сдавайся. «Вдова» полностью выкуплена и принесла хорошую прибыль.

— Но, Джон, — торжественно произнес Ретт, — это же приключение! Когда сердце из груди, волосы встают дыбом...

Не хочешь поменяться местами?

Джон улыбнулся.

— Увы, я всего лишь скучный молодой бизнесмен, который со временем превратится в старого зануду. Авантюризм я оставляю тебе.

Когда Батлер заказал сосиски, яйца, овсянку и кофе, официант, извинившись, сказал:

— Капитан Ретт, у нас цены повысились. Все так дорожает!

— Проклятые контрабандисты-спекулянты! — воскликнул Ретт.

Официант рассмеялся.

— Ну, рассказывай, Джон. Как там моя ненаглядная племянница Мэг? Спрашивает ли про своего дядюшку Ретта?

Джон радостно принялся рассказывать о проделках дочери.

— Быть отцом — все равно что снова сделаться ребенком!

С Мэг смотришь на привычный мир новыми глазами.

— Завидую тебе.

— Когда-нибудь и ты станешь отцом.

— Я? Что-то подсказывает: без женщины такое предприятие не выгорит.

Хейнз засмеялся.

— Ретт, ты привлекательный, храбрый, богатый — тебе ли жаловаться на отсутствие выбора!

Когда Батлер после предыдущего рейда зашел на Чёрч-стрит, 46, напряженность между Розмари и Джоном была настолько очевидной, взаимные любезности — настолько вымученные, что Ретт не пробыл в гостях и часа. Все тот проклятый Патриотический бал.

Эндрю Раванель серьезно нарушил хрупкий баланс отношений Розмари с мужем.

Ретт беззаботно спросил:

— Какая приличная женщина выйдет замуж за разбойника, Джон? Век его обычно недолог, а доходы нерегулярны.

Ужасная перспектива для брака.

Официант принес завтрак, и Ретт набросился на еду.

— Прошлой весной я познакомился в Джорджии с одной девушкой... Увы, она устояла против моих чар.

Бедный, бедный Ретт. Друг, скажи мне честно, мы сможем победить в этой войне?

— Джон, каждый день с фабрики полковника Кольта в Нью-Хейвене выходит сотня револьверов. У всех стандартные пули, и барабан одного подходит к любому другому. Янки — инженеры, а южане — романтики. В войне побеждают инженеры.

— Но разве ты не думаешь...

Ретт предупредил этот маневр:

Джон, я хочу только, чтобы вы с Розмари были счастливы. Могу ли я чем-то помочь, старина, чтобы помирить тебя с сестрой? Хочешь, поговорю с ней? Иной раз родственник...

Хейнз принялся ковырять трещинку на деревянной столешнице. Презирая себя, он читал каждый газетный отчет о «подвигах Эндрю Раванеля: «Смелое нападение», «Бригада Раванеля наносит удар в Теннесси!», «Полковник Раванель захватил тысячу пленных», «В тылу врага, при неотступном преследовании федеральной кавалерии, полковник Раванель остановился телеграфировать в Федеральный военный департамент, что сожалеет о лошадях, которые попали в плен вместе с всадниками».

Глаза Джона были исполнены таким страданием, что Ретт с трудом удерживался от желания отвести взгляд.

Хейнз тихо сказал:

— Розмари... говорит, что вышла за меня не по собственной воле. Вышла, чтобы сбежать из отцовского дома. — Машинально он стал растирать правой рукой левую. — Я не упрекаю ее за тот бал, но она не может простить мне, что... что я не Эндрю. Моя любимая жена уверена, что принадлежит мне ровно так же, как прежде отцу. Ничем не лучше рабыни. И зовет меня «масса Джон».

Ретт поморщился.

— Давай я возьму напрокат экипаж, и мы все вместе — ты, я и Розмари с Мэг — прокатимся за город.

Джон помотал головой.

— Не могу. Я должен проследить, чтобы хлопок с «Веселой вдовы» как следует уложили, — Он глотнул кофе и сказал чересчур живо: — Расскажи мне о той девушке из Джорджии.

— Ах да, мисс Скарлетт О'Хара! — Ретт с радостью оставил болезненную тему. — Прошлой весной, пока чарльстонцы были заняты подготовкой к войне, я покупал в Джорджии хлопок. Меня пригласили на пикник на плантацию одного местного заправилы. Сказали, что его сынок женится на кузине из Атланты. Эти сельские аристократы стараются не вносить в семью свежую кровь. Мне понравился Джон Уилкс, но Эшли, его сын, оказался настолько чистенький, что аж скрипел.

Мисс Скарлетт О'Хара была там самой очаровательной девушкой, и она вбила себе в голову, что Эшли Уилкс должен жениться на ней вместо своей невесты! Джон, разыгралась настоящая любовная трагедия!

— Вопреки моим бесчестным намерениям, поскольку эта юная леди не смогла выйти замуж за Уилкса, то вышла за первого, кто оказался под рукой: брата невесты, Чарльза Гамильтона, — Батлер с сожалением покачал головой, — Какая потеря.

— Гамильтон? О'Хара? Семья из Джорджии? Рядом с Джонсборо?

— Та самая. Господи, как я завидую Чарльзу Гамильтону за ночи любви, что он провел с той несравненной девушкой, прежде чем уйти на войну. За море нежных слов. За долгие-долгие прощания.

— Чарльз Гамильтон мертв.

— Что?

— А вдова Гамильтон в Чарльстоне, гостит у своей тетушки Евлалии Уорд.

Ретт Батлер широко ухмыльнулся.

— Ну, Джон, вот это новости! В последнюю поездку я привез дочкам миссис Уорд французской парчи. Пожалуй, заеду к ним сегодня днем и посмотрю, что они из нее пошили.

Мирные граждане и новоявленные солдаты Конфедерации прогуливались вдоль больших черных пушек, установленных в чарльстонском Уайт-Пойнт-парке.

— А если из пушек начнут стрелять, мисс Скарлетт? —

Присси отшатнулась от окна на втором этаже, — Повсюду большие пушки, в море федеральные корабли, и я боюсь, — она наморщила лоб, пока наконец не перескочила на нужную мысль, — боюсь за малыша Уэйда.

«Слава богу, он засыпает у нее на руках», — заметила Скарлетт О'Хара Гамильтон.

— А если мы с Уэйдом будем гулять, когда пальба начнется? Что, если прямо в гавань приплывут и из пушек стрелять будут? У маленького массы Уэйда душа уйдет в пятки!

Чарльстон, колыбель сецессии, остро реагировал на победы федералов.

Федералы хвалились:

— Есть пока такой Чарльстон, где восстание началось, и оно закончится там, где он когда-то был.

В прошлый декабрь пожар в самом центре города уничтожил восемь кварталов с церквями, домами и тем самым залом, где было принято решение отделиться. По городу шептались, что сожженный район предвещает будущее Чарльстона.

— Хоть бы федеральный флот вошел наконец в гавань, — сказала Скарлетт скорее себе, чем Присси, — Развеял бы скуку.

Она с неохотой несла бремя вдовства. Презирала тусклую траурную одежду, ненавидела свою вынужденную обязанность посыпать голову пеплом.

По крайней мере, в Чарльстоне она могла позволить себе лиловую окантовку на рукавах! На родной плантации Тара любой наряд, который не был совершенно отталкивающим, вызывал поспешный упрек матери, Эллен:

— Скарлетт, дорогая, люди могут неверно истолковать твои истинные чувства.

Ее истинные чувства...

Скарлетт угнетала чопорность. Кто это болезненное создание в черной вуали и плоской вдовьей шляпке? Разве эта карикатура — настоящая Скарлетт, самая веселая, самая очаровательная молодая женщина в округе Клейтон? Неужели она должна отказывать каждому кавалеру ради мертвого мужа, об утрате которого она сожалела меньше, чем о потере любимого пони? Чарльз Гамильтон был совсем мальчишка, а в постели — такой серьезный и скучный!

Жизнь ужасно несправедлива! Скарлетт должна притворяться, что ее сердце похоронено вместе с Чарльзом, тогда как она бредит Эшли Уилксом, мужчиной, за которого просто должна была выйти замуж. Эшли Уилкс... Его улыбка, томные серые глаза... В холодной вдовьей постели Скарлетт вновь и вновь оживляла в памяти каждый миг, проведенный вместе с Эшли, — прогулки по саду, напоенному ароматом роз, на плантации Двенадцать Дубов, его тихие любезные речи, разговоры о книгах, которые он читал, о великих полотнах, которые видел в Европе, веселые прогулки верхом по полям и лугам Джорджии. Их любовь была до того изысканна и нежна, что не нуждалась в словах, — пока не настал тот роковой день, когда произошла ссора в библиотеке: Скарлетт призналась ему в любви, а Эшли отверг ее, чтобы жениться на другой.

Ну что ж, прекрасно. Если уж он женится на этой мышке Мелани Гамильтон, тогда она приворожит ее наивного братца, Чарльза, и выйдет за него!

Спустя шесть месяцев Чарльз помер от дурацкой эпидемии в военном лагере, и Скарлетт, ждавшая ребенка, овдовела — пришлось ей обрядиться во все черное.

Скарлетт старалась горевать по Чарльзу. Очень старалась.

Беспокоясь за здоровье дочери, Эллен О'Хара отправила Скарлетт в Чарльстон погостить у тетушки, Евлалии Робийяр Уорд, надеясь, что смена обстановки улучшит ее душевное состояние.

Скарлетт возлагала надежды на Чарльстон, тот славился своими развлечениями. Однако там оказалось еще скучнее, чем дома.

Каждый день у Евлалии собирались подруги, чтобы обсудить мелкие городские сплетни и помериться родословными.

О матери Скарлетт в доме сестры вспоминали редко, а если кто-нибудь заговаривал об Эллен Робийяр О'Хара, о ней отзывались в тоне, припасенном для дамы, которая больна гораздо серьезнее, чем хотела бы думать.

Молоденькая Присси нянчилась с малышом Уэйдом усердной девочки, что носится со своей куклой.

— Слышите, как малыш посапывает? Просто чудо!

— А разве не все дети сопят? — вздыхала Скарлетт, спускаясь по лестнице на очередное занудное собрание тетюшки с подругами, где они все вместе щипали корпию.

Поскольку в Конфедерации не сыскать было льняных бинтов, знатные дамы, порывшись на чердаках, вытащили сорочки и фуфайки, которые теперьгодились для тампонирования ран.

Шурин Евлалии, Фредерик Уорд, отличавшийся чрезмерной разборчивостью, покидал свое привычное кресло и пересаживался на диванчик, подальше от нижнего белья, которое разбирали женщины; он считал, что романы все до одного безнравственны, и еще о нем ходили слухи, что он скорее покинет комнату, чем будет выслушивать мнения «богемы».

Уорд поднялся, когда вошла Скарлетт.

— Добрый день, миссис Гамильтон.

Он имел непоколебимую уверенность, что лиловая окантовка на рукавах недопустима для вдовы, муж которой не пролежал в могиле двенадцать месяцев. Юная миссис Гамильтон, похоже, оставалась безучастна к неодобрению Фредерика; она вообще редко выказывала почтение, которого следовало ожидать от девушки из глубинки.

Евлалия Уорд, также вдова, ходила в черном уже много лет, а Шарлотта Фишер Раванель надела траурное платье месяц назад, когда умерла бабушка Фишер.

Шарлотта Раванель и Розмари Хейнз уладили все разногласия на похоронах, где Шарлотта окончательно забыла Патриотический бал. Самые изощренные инсинуации Джулиет натывались на беспамятство Шарлотты: «Хотелось бы быть в курсе того, о чем ты говоришь, дорогая, но у меня тогда разболелась голова, и я рано ушла с бала».

Джулиет Раванель, разрывая на полоски сорочку, подняла глаза и с гордостью объявила: — В утреннем выпуске «Меркурия» Эндрю сравнили с Джексонем Каменной Стеной [\[16\]](#).

Скарлетт Гамильтон зевнула.

— Генерал Джексон? Вот уж урод так урод!

Собачка тетюшки Евлалии, Императрица, тывкнула.

Розмари Хейнз усмехнулась.

— Ага! Вот почему федералы дали стрекача от Джексона. Их оттолкнул его внешний вид! Замечательный план! Обратим их в бегство обликом наших мужчин! Наши генералы могут собрать специальные батареи для атаки на врага, — Розмари дернула воображаемый спусковой шнур, — где будут использовать дагерротипы с некрасивыми южанами. Федералы поскачут, как зайцы! Пусть у нас нет муки, обуви, ткани, сахара, кофе и чая, зато в избытке косых, кривых и беззубых мужчин с перекошенными лицами и всклокоченными бородами!

Ее причудливая тирада была встречена ледяным молчанием. Скарлетт подавила приступ кашля, зарывшись в носовой платок.

Крошечный спаниель еще раз тявкнул, и Евлалия сказала:

— Эмприс не понимает твоих шуток, дорогая. Подумать только, моя милая собачка отличается патриотизмом!

— У нее мозги патриота, — не выдержала Скарлетт.

Вновь молчание.

Скарлетт закрыла глаза. Господи! Ее засасывала скука. Кровь пила, не давала дышать. Больше всего Скарлетт боялась, что однажды утром она не сможет вспомнить — Уорды отличались короткой памятью, — что вообще такое радость.

Тишину нарушила Джулиет Раванель:

Розмари, слышала, твой брат вернулся в Чарльстон.

Да, он ужасно балует Мэг.

Так ведь у него сын в Новом Орлеане?

Милая Джулиет, — сдержанно улыбнулась Розмари —

не ожидала от тебя, что ты будешь пересказывать лживые слухи.

Джулиет улыбнулась в ответ.

В это время заскучавшей Скарлетт привиделся целый сценарий: Фредерик Уорд стал перекормленным рыжим полосатым котом, Джулиет Раванель — яркой птичкой, дочери миссис Уорд, Пейшенс и Присцилла, в одинаковых платьях из зеленой парчи, превратились то ли в ящериц, то ли в рептилий, а бедная тетушка Евлалия, в своем вечном трауре, предстала настоящей вороной.

Пока Скарлетт грезила наяву, разговор вернулся к родственнику Робийяров, убитому при Шайло.

Фредерик прижал к подбородку указательный палец.

— Муж дочери Паулины, хмм. А первая жена у него не Менингер была? Хмм... Если мне не изменяет память, у младшего сына Менингера, Джеймса, была плантация на реке Эшли, под Грэфтоном. А не женился ли он на той девице — господи, не могу припомнить ее имя, — на той ричмондской красотке?

Если бы в этот момент появился сам дьявол, окутанный дымом, Скарлетт с радостью продала бы ему душу ради еще одного пикника, еще одного вечера с танцами, музыкой и весельем.

Но момент был упущен, и бессмертная душа Скарлетт осталась при ней.

— Пойду прогуляюсь, — сказала она, не пытаясь скрыть зевок за черным шелковым веером.

На улице накатил жара, будто ударив по лицу мокрой шерстяной перчаткой. Скарлетт прищурилась от яркого света, прикрыв глаза рукой. Как ей хотелось бы оказаться дома на тенистой плантации Тара!

В саду Уордов не видно было никаких построек, их скрывала широкая самшитовая изгородь. Подле огненной азалии цвели ирисы, но запах лаванды заглушал все другие ароматы.

В тени векового эвкалипта собрались юноши во главе с сыном Фредерика Уорда, Вилли. Друзья его были одеты в форму Бригады пальметты, конвоиров Моултри [17], легкой пехоты Вашингтона. О боже, сейчас они непременно начнут говорить о войне, а ей придется притворяться, будто она очарована их галантностью. Скарлетт Гамильтон так устала от мальчишек!

Задыхаясь от влажного душистого воздуха, Скарлетт вспомнила тонкий аромат роз Тары за сотни

миль отсюда.

Воспоминание было настолько жгучим, что женщина закрыла глаза и покачнулась.

— Кузина Скарлетт! Кузина! Вам плохо? Позвольте, я провожу вас в тень. Вы не привыкли к нашему солнцу.

С серьезным сочувственным лицом Уорд довел ее до кресла.

— О, спасибо, Вилли, — с тоскливой улыбкой поблагодарила Скарлетт.

И хотя Вилли оказался возле нее быстрее всех, остальные тоже поспешили на помощь очаровательной молодой вдовушке. Один предложил намочить платок, другой — принести лимонаду. Может, нужен зонтик от солнца?

— Благодарю. Вы слишком добры.

На дальнем конце сада, прислонившись к воротам, стоял мужчина средних лет в гражданской одежде, скрестив руки; на губах его играла улыбка. Сердце у Скарлетт забилось так часто, что она прижала руку к груди.

— Кузина, как вы бледны!

— Да, Вилли, — выдохнула Скарлетт, — я бледна. Дамам положено быть бледными. Не беспокойтесь!

Тот мужчина дотронулся указательным пальцем до края блестящей шляпы.

Вилли опустил на колени рядом с креслом Скарлетт.

— А теперь лицо краснеет... Все эта ужасная жара! Позвольте проводить вас в дом.

Тот мужчина в Двенадцати Дубах подслушал ее просьбу, обращенную к Эшли, мольбу любить ее так, как любит она сама, и отказ самого лучшего, самого благородного...

А теперь тот мужчина осмеливается прижимать палец к губам, как будто знает ее сокровенные мысли, но обещает хранить их в тайне.

— Кто... этот человек там? — выдавила Скарлетт.

— Печально известный капитан Батлер, — ответил светловолосый юнец в форме зуава [18]. — Не знаю, почему миссис Уорд принимает его.

— Батлер довольно бесстрашен, — признал Вилли Уорд — В свой последний рейс он прошел сквозь блокаду при свете дня: убедил неприятеля, что ведет почтовое судно федералов, и они эскортом препроводили его в гавань!

Батлер приближался к Скарлетт с ленивой кошачьей неспешностью. Загорелый, высокий, непривычно мускулистый для аристократа-южанина. На нем был сюртук из тонкого черного сукна, сорочка с кружевными манжетами, на шее — фуляровый платок нежно-голубого цвета. И хотя он сорвал с головы шляпу, жест этот не выглядел таким благородным, как должно.

— Моя дорогая миссис Гамильтон, я совершенно уничтожен вестью о смерти вашего мужа Чарльза.
Dulce et decorum est pro patria mori [19]. — Ретт, помедлив, улыбнулся, —

Возможно, вы не изучали античность. «Сладко и почетно умереть за отечество». Мысль, которую, без сомнения, разделяют все эти галантные офицеры.

— А вы, сэр, вы не служите? — невинно осведомилась Скарлетт.

— Не всем же быть героями, мэм, — Он вновь сдернул шляпу, хотя в жесте сквозила издевка. — Как

вы, должно быть, гордитесь, — и улыбнулся, поглядев на молодых людей, — Как вы все гордитесь.

Офицерики сразу ощетинились, сами с трудом понимая почему.

Вилли Уорд подумал — не слишком ли Батлер зарвался, чтобы приближаться к самой прекрасной девушке, которую ему приходилось встречать, прямо в саду Уордов. Вилли как раз соображал, что бы такое сказать в упрек, как вдруг Скарлетт ошарашила его словами:

— Джентльмены, прошу извинить. Нам с капитаном Батлером надо кое-что обсудить.

Молодые люди неохотно удалились за пределы слышимости, но Вилли не спускал глаз с парочки, будто капитан Батлер мог по-пиратски схватить юную вдову и сбежать со своей добычей.

Ретт высказал довольно дерзкую оценку внешности Скарлетт:

— Черный вам не идет, дорогая. В этом сезоне модны более изысканные парижские ткани. Например, тафта под цвет ваших глаз.

Скарлетт посмотрела на него в упор.

— Капитан Батлер, в Двенадцати Дубах все обстояло совсем не так, как могло показаться со стороны. Я позволила себе легкомысленный флирт накануне свадьбы моего старого друга. Ни Эшли Уилкс, ни я на самом деле не имели в виду того, что говорили. Уверена, что любой джентльмен, — на этом слове она чуть не поперхнулась, — должен это понимать.

Батлер прижал руку к груди.

— Разумеется! Вне всякого сомнения, галантный Уилкс принял вашу мольбу за какую-то причуду, не большей важности, чем заигрывание бабочки с цветком! — Он смеялся над ней одними глазами. Смеялся! — А я, в свою очередь, если буду иметь удовольствие увидеть вас снова, притворюсь, что ничего не значащего флирта и в помине не было. Мы даже можем сделать вид, что никогда не встречались. — На его лице самым досадным образом сияла лучезарная улыбка.

Скарлетт впервые в жизни столкнулась с таким омерзительным типом и решительно шагнула прочь.

Но эффектный уход был слегка подпорчен, когда она споткнулась на крыльце.

Скарлетт ворвалась в комнату, где Фредерик Уорд все еще продолжал говорить — его рассуждения привычно катились к обязательному, неотвратимому умозаключению — не им выдуманному, однако неизбежному:

— Может, Филипп Робийяр показался Эллен слишком опасным, хмм. Но выходить замуж за такого неотесанного мужлана, ирландского иммигранта Джеральда О'Хара...

Речь Фредерика была прервана нетерпеливым вопросом Скарлетт:

— Тетя Евлалия, почему вы принимаете капитана Батлера? Он не джентльмен.

Несколько подбородков тетюшки Евлалии затряслись от волнения:

— Ну... он... он...

Расправившись с теткой, Скарлетт обернулась к Фредерику:

— Я правильно вас поняла? Вы сказали, что моя мать вышла замуж за человека более низкого положения? Клянусь ночным колпаком самого Господа Бога! — У Скарлетт прорвался резкий акцент отца, — Если уж разбавлять свою кровь, зачем далеко искать, если есть Робийяры! Ей-богу, у них ее вовсе нет!

Глава 11

ВЛЮБЛЕННЫЕ

В половодье река Эшли стала бурой и мутной. Засеянные рисовые поля оказались затоплены, и дома плантаторов островками высились над сверкающей водой. С обочин дороги вспархивали птицы, пугаясь быстро катящегося ярко-голубого фаэтона. Телеги и сельские фургончики съезжали в стороны, пропуская господ.

— Ой, смотри, Ретт! — воскликнула Розмари, — Там чинят старый дом Раванелей.

Ретт придержал Текумсе.

На крыше дома копошились рабочие, отдирая сломанную кедровую дранку и бросая ее в понаросший вокруг фундамента бурьян. Стоя на лесах, трое мужчин вынимали гнилую оконную раму со створками.

— Уильям Би купил его для сына, — сообщил Ретт, — Он сколотил такое состояние на блокаде, что смог позволить себе эту прихоть.

Текумсе принялся грызть удила.

— Хороший мальчик. Интересно, сколько понадобится краски, чтобы замазать грехи этого дома?

— Ты часто здесь бывал? — спросила Розмари.

Ретт пожал плечами.

— В молодости, когда переполняло отчаяние. В последний раз...

— Ретт?

Капли теплого сентябрьского дождя блестели на булыжниках, когда юный Ретт Батлер верхом на Текумсе ехал к особняку Фишеров. Дождь покрывал рябью серую гавань, а далекий форт Самтер то проступал, то вновь заволакивался туманом.

Ретт был мрачнее тучи. Вчера вечером Генри, Эдгар и старик Джек Раванель дочиста спустили его выигрыш в покер. Ретт перепил и вышел из заведения мисс Полли лишь на рассвете; яркий солнечный свет заставил его сильно прищуриться. «Радитебя, малышка Розмари, — подумалон, — я должен изменить свою жизнь».

Накануне Генри Кершо был грубее обычного, подхалимство Эдгара Пурьерараздражало еще сильнее, а старый Раванель, как заметил Батлер, с заботливостью рыси не спускал с него глаз, будто с жирненького кролика.

Почему Ретт вернулся в Чарльстон? Чтобы выставить напоказ свой позор в Вест-Пойнте перед политическими соратниками отца? Есть масса мест, куда бы он поехал, будь у него выбор, так много дел, которыми следовало бы заняться. Ретт Батлер устал от надоедливых глупцов, устал от поразительного уныния на скучных, предсказуемых лицах. После скверной ночи он, выйдя на улицу, вдохнул соленого воздуха. Нужно пойти к Розмари. Сестричка Розмари — вот кого он любит.

Когда бабушка Фишер сама открыла ему дверь, все надежды Ретта рухнули.

— Прости, Ретт. Ума не приложу, как твой отец узнал, что ты навещаешь сестру! Никогда не

видела его таким взбешенным. Будь я мужчиной, он бы точно вызвал меня на дуэль. — Мадам Фишер поджала губы, — Розмари — дочь Лэнгстона, ничего не поделаешь.

— Где она? — хриплым голосом спросил Ретт.

— В Броутоне. Лэнгстон сказал, что не выпустит ее из своего дома до самой твоей смерти или пока ты не покинешь эти места. Черт бы его побрал! Входи, поговорим. Я не свободна от городских толков и...

Стук копыт Текумсе заглушил ее слова.

Ретт гнал коня галопом по скользким от дождя булыжникам через весь город. Извозчики бранились ему вслед, всадники с трудом успевали придержать лошадей, слуги отскакивали с пути. Громадный жеребец без усталости несли вперед, как паровая машина.

Спустя час Ретт пустил Текумсе легким галопом, потом — шагом. Разгоряченный конь замотал головой, и брызги пены с его морды полетели на Ретта.

Молодой Батлер пребывал в уверенности, что предстоящие годы ничем не отличаются от тех, что он прожил. Он предан опале и всегда будет в немилости. Был одиноким и навсегда останется один. Ретт смог выдержать всеобщую нелюбовь. Но не смог бы жить не любя.

В сумерках он свернул на дорожку к дому полковника Раванеля. Джека не так давно втянули в весьма сомнительную финансовую махинацию, и он скрывался здесь от судебных приставов.

Дорожка была запущенная, заросшая. На заднем дворе Ретт расседлал Текумсе и досуха растер его. Ноги коня дрожали от усталости.

Старик Джек, сидя на веранде, не шевелился.

— Ты едва не загнал его, мальчик, — произнес он. — Восхищаюсь этим конем. Если желаешь его смерти, лучше продай его мне.

— Сено в сарае, Джек?

— Где ж ему быть. Возьми еще ведро у колодца.

Пока Ретт поил измученное животное, он прошептал:

— Господи, только не ты, Текумсе. Я не вынесу, если ты умрешь.

Конь ткнулся мордой в ведро.

За сельским домиком Раванелей (язык не поворачивался назвать его величественно «дом плантатора»), выстроенным дедом Джека, давно никто не ухаживал. Ретт поднялся по заросшим мхом ступенькам.

На крыльце пахло сыростью, как будто множество речных туманов сгустились в гнилую древесину и облезлую краску.

Джек, не вставая, вяло приветствовал Батлера.

— К нашим услугам вся плантация, Батлер. Развлечения остались в городе. Черт, как хочется обратно в город...

От перспективы очередной ночной попойки у Ретта подвело живот.

— Что-то вид у тебя не самый бодрый, сынок. Бьюсь об заклад, не все ладно наличном фронте. — Джек подвинул молодому собеседнику почти полную бутылку виски, — С этим забудешь о женщине. Залечит все любовные раны, неудачи и грехи. Поможет забыть все горести.

И хотя старый распутник редко угощал, Ретт был сейчас слишком не в духе, чтобы что-то подозревать. Он отпил большой глоток прямо из бутылки.

— Она, наверное, красотка, — разглагольствовал Джек. —

Любовь, мой мальчик...

— Не говори мне о любви, Джек. Я Ретт, помнишь? И я тебя знаю.

— Правда? — После некоторой заминки Джек вернулся к знакомой шутливой манере. — Ну конечно, тебе ли не знать. Кто знает старину Джека лучше, чем его друзья. Эй, Ретт, лови момент!

Будь Ретт повеселее, он бы насторожился, но отчаяние заслонило от него все, кроме собственного мрачного будущего.

Джек, оставив бутылку, вошел в дом.

Всю ночь молодой Батлер пил и пил. Луна почти села, а он не останавливался, хотя уже едва дышал. Вечерняя звезда опустилась к горизонту, когда Джек, позевывая, вышел наружу.

— Человек рождается для страданий, верно, Ретт?

Ретт уже не пьянел, хмель словно выветрился, осталось одно раздражение.

— Говори что хочешь, Джек.

— Я говорю, что смотреть больно, когда умный парень так духом падает. Похоже, если бы сам Иисус Христос пришел на эту веранду с ключами от рая, ты бы и от этого отказался.

Ретт посмотрел воспаленными глазами на старого прохвоста.

— Тебе, верно, что-то ну ясно, Джек. Говори начистоту.

И вот спустя много лет Ретт не может отвести глаз от ветхого дома.

— О чем задумался? — спросила Розмари.

— Прости, сестренка. Замечтался. Эдгар Пурьер любил приходить к Джеку. Эдгар обожает играть на слабостях стариков. А Эндрю это ненавидел. Он был порядочнее отца.

— А ты?

Ретт, поразмыслив, ответил:

— Я думал, мне больше всего подходит преисподняя.

Кусок старой черепицы, соскользнув с поросшей мхом крыши, с треском упал на землю. Текумсе прижал уши.

— Тихо, малыш, тихо, — Ретт уверенно натянул поводья.

Мэг с Клео разместились позади на сиденье для слуг. Ретт почувствовал жаркое детское дыхание в шею.

— Мамочка, нам еще далеко?

— Недалеко, милая, — ответила Розмари, — Смотри! Вон там, в реке, коряга. Правда, похожа на орла?

Ретт щелкнул поводьями, и Текумсе, потанцевав на месте, пустился проворной рысью.

К ним приближалась маленькая повозка, которая, как и низкорослая лошадка, тащившая ее, была

мрачного черного цвета. Когда они поравнялись с Тунисом Бонно, тот коснулся шляпы, приветствуя Розмари.

Ретт так же поприветствовал миссис Бонно.

Руфи Прескотт Бонно, довольно светлая пухленькая молодая женщина, была затянута в корсет и едва дышала.

— Добрый день, капитан Батлер. Чудесный день, вы согласны?

— «Весны и лета чище и блаженней представший предо мною лик...»

[20]

Миссис Бонно продолжала улыбаться.

— Мой отец, преподобный Прескотт, учил меня писать.

Я больше знакома с проповедями доктора Донна, чем с его поэзией.

Ретт потянулся.

— Но ведь такой день просто создан для поэзии, правда?

Тунис сказал:

— Здравствуй, Текумсе. Мисс Розмари, вижу, вы хорошо заботитесь о коне. — Он кивнул на сиденье для слуг.

— Малышка мисс Мэг, как поживаете?

Мэг прижала пальчик к губам.

— Капитан Батлер, — сказала Руфи, — каждое воскресенье в Первой африканской церкви мы молимся за то, чтобы ваша с Тунисом поездка прошла удачно.

— Ну, — улыбнулся Ретт, — и я молюсь.

— Получили письмо от папаши Томаса, — сообщил Тунис.

— Родители Туниса, — объяснил Ретт Розмари, — эмигрировали в Канаду.

— У отца моего мужа, — вмешалась Руфи, — есть дом в Кингстоне, в Онтарио, миссис Хейнз. Томас Бонно говорит, что там лучше.

— Папа говорит, — подхватил Тунис, — в Канаде холодно до чертиков.

Ретт придержал Текумсе.

— Тунис, клянусь, этот конь не был таким пугливым, когда я оставлял его тебе.

— Выходит, у негров лошадям больше причин быть пугливыми, чем у белых, — с каменным выражением лица ответил Тунис.

— Может, поэтому, — согласился Ретт. — Приятно было увидеться, миссис Бонно. Передайте мои благодарности церкви за молитвы.

Тунис кивнул и причмокнул, погоняя лошадь.

Когда солидная черная повозка скрылась за поворотом, Клео пробормотала:

— Эти свободные черные слишком много воображают о себе.

Проехали плантацию Хоуптона и Дэриена. Группы рабов засеивали поля в Чемпни.

- Мы в Броутоне так поздно никогда не сажаем, — не одобрила Клео. — Надсмотрщик не позволяет.
- Ты сейчас не в Броутоне, — напомнила служанке Розмари.
- Уж я ли не благодарю Иисуса за это!
- Я слышал, — сказал Ретт, — Уэйд Хэмптон купил старый дом Пурьеров.
- Кэткарт Пурьер сейчас живет в Лондоне. Очевидно, война отпугнула его музу.

Ретт покачал головой.

— Бедный Кэткарт. Господи, как он завидовал людям, наделенным талантом! Эдгар сейчас начальник военной полиции в Атланте — понимаешь, такая у него работа. Всю свою жизнь Эдгар стремился не стать похожим на отца.

Розмари тронула брата за рукав.

— Вон наш поворот — за тем большим кипарисом.

Повозка катилась мимо дубов, обросших бородастым мхом, к просвету, где на сваях расположился рыбацкий домик Конгресса Хейнза, похожий на болотную птицу.

Розмари глубоко вздохнула.

— Как я люблю это место! Мы сюда больше не ездим. Если Джона в городе не держат дела, то всегда находятся гражданские обязанности. Что за чудный день! — Она с наслаждением подставила лицо солнцу, — Верно?

Пока Ретт с Розмари поднимались на террасу, Мэг побежала к реке. Юбочки ее взлетали вверх, шляпка подпрыгивала на голове, а Клео бежала следом, крича:

— Не лезь в грязь! Там змеи! Упадешь в воду!

Конгресс Хейнз соорудил этот незамысловатый домик в прохладном месте, где не водились москиты: открытая терраса с перилами, ведущая в единственную большую комнату с закопченным камином, грубо сколоченными скамьями и столом, изрезанным инициалами наезжавших сюда мужчин.

Мальчиком Ретт приплывал сюда на лодке — юркие стрекозы стремительно налетали на добычу, шурша, проносились летучие мыши — и видел, как Конгресс Хейнз с друзьями, далеко, лиц было не разглядеть, выпивали и смеялись, сидя при свете лампы. Проплыв вниз по течению черной реки, мальчик, невидимый в темноте, все думал, сможет ли он когда-нибудь оказаться среди них.

А теперь Ретт, поставив ногу на ограду, закурил сигару, пока Розмари распаковывала корзину с провизией и ставила серебряные рюмочки на перила.

— В детстве я все мечтала побывать в тех экзотических местах, где бывал ты. Скажи, братец, а пирамиды действительно такие огромные, как говорят?

Ретт откупорил вино.

— Никогда не был в Египте. Может, после войны съезжу.

Задумавшись, Розмари некоторое время глядела в воду.

— Меня беспокоит мама. В город не выезжает, друзья ее не навещают, а отец выдумывает всякие отговорки в объяснение, почему его любимая и преданная супруга не может сопровождать его на праздниках к губернатору Брауну.

Брат в это время разлил вино по рюмкам.

— По словам мамы, Исая Уотлинг убежден, что война была предсказана.

— Уотлинг?

— Они вместе с мамой молятся. Встречаются у него дома и молятся. Жена Исая умерла в прошлом году, — Розмари подняла руку, предупреждая возражения, — они только молятся — больше ничего. Лэнгстон в курсе. Между ними ничего нет, — на ее лице вспыхнула ироническая усмешка. — Разве что Книга Апокалипсиса.

— Молитвы — мощные узы. Сядь рядом со мной. Давай немного поедим.

Розмари облокотилась на перила. Вдали от супружеских трений сестра Ретта казалась намного моложе.

Темноволосая девочка и угловатая черная служанка рука об руку семенили возле реки. Порывы ветра доносили детский лепет. Вдоль берега сновали кулики, тыча в грязь острыми клювами. Облака, пухлые, словно хлопок из созревшей коробочки, лениво плыли над головой. Хлюпали насосы плотины, выше по течению шел пароход, таща на веревке пустые ящики для рассады. Рулевой махнул рукой, и маленькая Мэг с энтузиазмом замахала в ответ.

— Как ты думаешь, — спросила Розмари, — отец когда-нибудь любил маму?

— Лэнгстон Батлер любил свою жену по крайней мере по трем причинам. Мужчины не могут встать с ложа любви, безразличные к источнику собственного удовольствия. Жрицы любви — красотки Уотлинг — вечно потешаются над предложениями руки и сердца, которые они получают.

— Красотка Уотлинг?

— Она переехала из Нового Орлеана в Атланту, — Ретт рассмеялся, — утверждает, что патриотка Конфедерации.

Федералы-завоеватели Нового Орлеана охотнее посещали негритянские дома развлечений, а она деловой человек, вот и решила перебазироваться.

Нерешительно потерев подбородок, Розмари взглядела и лицо брата.

— Ретт, что значит для тебя Красотка Уотлинг?

Улыбка Батлера превратилась в издевательскую усмешку.

— Встречался ли повеса братец с потерявшей непорочность голубкой? Родятся ли в публичном доме внебрачные дети Батлера?

Розмари вспыхнула.

— Я не имела в виду...

— Милая сестрица, именно это ты и хотела сказать. Женщины всегда склонны осуждать ту, которая торгует любовью. Любовные утехы допустимы только после сложной церемонии и за полную оплату, причем авансом.

— Ретт, прошу тебя...

— Несколько лет назад мы с Красоткой вместе начинали бизнес в Новом Орлеане. У меня была конторка в ее заведении: забавно было наблюдать, как важные бизнесмены прокрадывались туда с заднего входа.

Мэг собирала на берегу реки мидий.

— А кто для тебя Скарлетт О'Хара? После разговора с тобой она ворвалась в гостиную Евлалии такая

возбужденная, что Фредерик Уорд аж заикаться стал! Ретт, что же ты наговорил этой молодой женщине?

Лицо Батлера стало удрученным.

— Похоже, у меня особый талант ее раздражать, — он усмехнулся, — Но, черт возьми, устоять было невозможно.

— Скарлетт была бы очень красивой, по-моему, если бы не была такой несчастной.

— Понимаешь, сестренка, маленькая мисс Скарлетт даже не представляет, кто она на самом деле. Ее женские уловки привлекают мужчин, которые ее не стоят. — Голос Ретта снизился до шепота. — Индусы верят в прошлую жизнь.

Интересно, это правда? — Он насмешливо поднял бровь, —

Возможно, нас со Скарлетт когда-то постигла любовь и мы умерли друг у друга в объятиях...

— О, Ретт, да ты, оказывается, романтик! — поддразнила его Розмари.

Ретт заговорил так тихо, что она придвинулась ближе, чтобы разобрать слова.

— Никого в жизни я так не хотел, как эту женщину.

Розмари сжала его руку.

— Узнаю брата!

Мэг на берегу напевала: «Люб, люб, ты мне люб...»

[\[21\]](#)

Розмари, не отрываясь, смотрела в мутную воду.

— Навряд ли я смогу полюбить так Джона Хейнза.

Ретт подождал, пока не уляжется горечь ее слов.

— Джон хороший человек.

— Думаешь, я не знаю? Думаешь, это хоть что-то меняет?

— Может, придет время...

— Не волнуйся, братец, больше скандалов не будет, — Розмари помолчала и шепотом добавила: — Моя жизнь видится мне бесперебойной чередой дней, где каждый день — совсем как прежний и так же пуст.

Улыбка вышла такой горькой, что Батлеру стало не по себе.

— Я дочь своей матери и научусь не зариться на чужое. Но молиться, боже, я не стану. Не стану!

Раздался сдавленный вскрик Клео. Схватив Мэг в охапку, служанка бежала к домику.

— О, капитан Ретт, — кричала она, — капитан Ретт! Возьмите ружье!

— Давай мне Мэг, Клео. — Опустившись на колени, Розмари протянула вниз руки, — Я возьму ее.

Передав напуганного ребенка матери, Клео нетерпеливо замахала руками.

— Вам нужно ее пристрелить!

— Кого я должен пристрелить, Клео?

— Лису. Я видела ее!

— Ты видела лису?

— Средь бела дня!

Клео повторила распространенное сельское убеждение: — Увидишь лису средь бела дня, значит, она бешеная. Лиса тебя укусит, и сам с ума сойдешь.

Она подняла руки, и Ретт помог ей взобраться на террасу.

Внизу молодая лисичка, оступаясь, шла по бревну на берегу реки.

Ретт сощурился от солнечного света.

— Она не бешеная, Клео. Шерсть блестит, двигается нормально, — Ретт присмотрелся внимательней, — Потеряла детенышей, а может, у нее их и не было. Да она бы так не лоснилась, будь у нее потомство.

— А чего она тут делает днем, людей пугает?

Пока Клео говорила, появился самец. Он перескочил бревно и пометил его. Лисичка притворилась, будто занята поисками еды, и вдруг наскочила на самца. Потом принялась кататься по пучкам болотной травы, исходя негой и удовольствием. Хвост у нее был такой пушистый, что казался больше самой лисы.

— Смотрите! Как она рисуется! — заметила Розмари.

— И впрямь, — ответил Ретт.

Морда у старого самца была вся в шрамах, он осторожно ступал на одну из передних лап, как будто ему отрезало пальцы капканом.

Маленькая Мэг закричала:

— Ой, какая хорошенькая!

— Да, дорогуша, — отозвался дядя, — И вон тот парень тоже так думает.

— Это ее муж, дядя Ретт?

— Он хочет на ней жениться, — ответила мать, — Смотри, Мэг, как ухаживает.

Девочка присела на коленки у ограды, чтобы лучше видеть.

— А он ей тоже нравится?

— Она притворяется, что не подозревает о его существовании, — сказал Ретт.

Лисичку теперь привлекло тонкое полузатонувшее бревно. Один конец лежал на берегу, другой омывала вода. Самка весело потрусила вниз по нему. Старый лис заколебался. А она на самом конце повернулась и уселась, посмеиваясь над ним.

Неохотно он ступил на плавучее бревно и на цыпочках пошел к ней.

От прибавившейся тяжести бревно не выдержало и, соскользнув с берега, поплыло, крутясь в быстром потоке. На морде у лиса проступила такая брезгливость, что Мэг рассмеялась.

Звонящий детский смех преследовал незадачливых влюбленных, которых течение увлекало к морю.

Глава 12

НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ

Тэйзвелл Уотлинг зажал указательным пальцем нос, чтобы не чихнуть. Клубящийся желто-коричневый дым стелился за паровозом над землей, приглушая яркие цвета, в которые заходящее солнце окрасило все вокруг. Свет, проникавший сквозь эту пелену, становился грязно-серым, а само солнце — бледным серебристым диском на горизонте. Воняло паровозной гарью: углем, серой, раскаленным железом, аммиаком и чем-то еще.

Когда-то поезд ходил через всю Алабаму и Западную Джорджию по единственной колее. Теперь добавили еще путей, и поезд обогнал товарняк, шедший по левому пути, а потом — цепь вагонов-платформ. Маневровый локомотив, самодовольно фукнув на пассажирский поезд, пронзительно заскрипел на повороте, пройдя так близко, что Тэз при желании, высунув руку из окна, мог бы до него дотронуться.

— Первый раз в Атланте, парень? — спросил его сосед, капрал-конфедерат, сплюнув на пол.

— Я из Нового Орлеана, — ответил Тэз с напускной мальчишеской вальяжностью.

— А-а, где сталепрокатный завод делает пластины для наших бронепоездов. У меня брат там работает. Везунчика освободили от службы. Там еще револьверный завод Данса с высокими трубами... Хотя нет, те на морском оружейном заводе. Четыре железные дороги ведут в этот город, сынок, — четыре разные дороги! — Он ткнул Тэза локтем. — Только представь себе!

Как мальчику отыскать свою маму в этом бурлящем котле?

К путям лицом стояли фабрики, дома же отворачивались от них. Кирпичных было мало, в основном обшитые темными от сажи досками. Коровы, свиньи и куры паслись на крошечных пастбищах размером в пол-акра. Поезд въезжал в город, дома жались все теснее. Широкие улицы будто распаивались и мгновенно захлопывались, как только поезд проезжал мимо. Взору Тэза открывались трех- и четырехэтажные здания контор и складов, кирпичные и каменные, бесчисленные повозки и фургоны.

Вон та женщина на углу — не Красотка ли Уотлинг?

А лицо, мелькнувшее в ландо, — не матери ли?

Самым ранним воспоминанием Тэйзвелла Уотлинга была ночь в похожей на пещеру спальне в новоорлеанском приюте для мальчиков-сирот: дети кашляли и, хныча, звали маму. Тэз лежал на тростниковом тюфяке, зажатый между остальных, чувствуя, что у него влажное бедро оттого, что сосед обмочился.

Тэз хотел есть, ему было страшно, но он бы ни за что не стал плакать. Те, кто плакал, исчезали в изоляторе, где они и умирали; их хоронили на приютском тенистом и любовно ухоженном кладбище. Большинство сирот были ирландцами, а сиделками — французские сестры милосердия, которые несли свою клятву бедности так истово, что сами чуть не помирали с голоду. Воспринимая голод как добродетель, сестры не очень-то сочувствовали голодным детям.

И все же когда по Ройял-стрит проходило карнавальное шествие в праздник Марди-Гра [\[22\]](#), смиренные монахини весело размахивали руками с балкона, пытаясь поймать нитки ярких

дешевых бус, которые бросали им пьяные фигляры.

Сестры милосердия говорили Тэзу, что его мать — падшая женщина, обреченная гореть в аду. Послушный набожный мальчик никогда не увидит ее на небесах.

Тэз верил и не верил им. Ночные страхи в детской душе расступались перед утренней зарей, когда случаются чудеса.

Четыре года назад таким чудом стал Ретт Батлер. Мальчика отмывали, пока его кожа не засияла, а потом пригласили в кабинет настоятельницы, где его встретил высокий улыбчивый незнакомец. Чашка некрепкого чая матушки стояла нетронутой подле его локтя. Сюда, где воняло карболкой и щелоком, незнакомец принес запахи хороших сигар, виски и бриллиантина.

— Я твой опекун, Тэйзвелл Уотлинг, — сказал ему Ретт Батлер. — Опекун — это не совсем отец, но я буду стараться.

На следующий день Тэйзвелл Уотлинг, в новом костюме, был направлен в иезуитскую школу Католического общества религиозного и литературного образования, маленькое здание, примыкавшее к огромному иезуитскому собору. Там его записали, показали кровать (на которой было запрещено лежать днем) и крючок, где вешать пальто.

Мать, изредка навещавшая приют, теперь приходила регулярно. Она стала одеваться опрятней и казалась гораздо счастливей. Тэйзвелл не сомневался, что мистер Батлер был чудом и для матери.

Когда Тэз начал учиться, он с трудом читал, писать не умел вовсе и в математике никаких познаний не имел. Иезуитам предстояло исправить эти недостатки.

Тэйзвелл любил мать, нуждался в ней, но об отце не имел ни малейшего представления. Однако в иезуитской школе он узнал, что отцы необходимы. Один из старших мальчиков, Жюль Нор, терпеливо объяснил ему:

— Мы получаем образование, чтобы стать джентльменами. А ты, Уотлинг, никогда джентльменом не будешь.

Нор нахмурился и придал красок этому бесстрастному высказыванию:

— Без отца ты никем не станешь. Ублюдкам вроде тебя, Тэйзвелл Уотлинг, предстоит служить джентльменам, открывать двери наших экипажей, счищать грязь с наших ботинок...

За это Тэз разбил Жюлю нос. Когда друзья Нора навалились на него, он сумел за себя постоять.

Надо же, что выдумали: ублюдок никем никогда не станет!

На подъезде к сортировочной станции в Атланте с ними поравнялся другой поезд, тоже переполненный солдатами Конфедерации. Они стояли и между вагонами и сидели на крышах. От одного поезда к другому градом посыпались приветственные возгласы. В вагоне, где ехал Тэз, один солдат принялся наяривать на банджо, а другой заиграл на губной гармошке, одновременно, но разные мелодии.

Бок о бок поезда катились к огромному кирпичному зданию вокзала, открытому с одного конца, и под звон паровозных колоколов и визг тормозов въехали внутрь. Солнечный свет исчез, и несгоревшие угольки дробно застучали по крышам вагонов.

— Вот и приехали, парень. — Капрал поднял свой рюкзак, — Самый шумный город Конфедерации. В Атланте ты найдешь все, что пожелаешь! — Он подмигнул. — Даже то, от чего тебе лучше держаться подальше.

По другую сторону грязной платформы из санитарного поезда выгружали солдат, раненных в битве при Фредериксберге [23]. Одних поддерживали, помогая идти, другие ковыляли на костылях. Тяжелораненых несли на носилках негры-санитары.

За скоплением санитарных повозок в конце платформы виднелась Пичтри-стрит, запруженная экипажами. Злые извозчики и всадники заступали на тротуары, и вслед им неслись проклятия пешеходов.

Тэз преградил путь хорошо одетому горожанину.

— Сэр, не могли бы вы указать, в какой стороне находится заведение Красотки Уотлинг?

Джентльмен смерил Тэза взглядом с ног до головы:

— И не собираюсь. По виду ты скромный юноша, у которого никаких дел в «Красной Шапочке» быть не может.

— А вы часто там бываете? — бойко спросил Тэз.

— Дерзкий щенок!

Атланта оказалась еще неприветливее, чем Новый Орлеан. Тэз прямо чувствовал ее холодное дыхание.

Солдат, к которому обратился Тэз, помог чуть больше:

— Парень, просто иди по Декатур-стрит. Как она станет оживленной, значит, ты у цели.

Каменные тротуары вдоль разъезженных дорог уступили место дощатым настилам, а после них по обочинам потянулись просто тропинки. Газовые фонари кончились в деловом районе. Через затянутое тучами небо пробивался рассеянный свет, хотя не видно было ни луны, ни звезд.

Минут через двадцать Тэйзвелл подошел к скоплению салунов, дешевых публичных домов, где бренчали пианолы, раздавались пьяные крики и пронзительный смех.

— Простите, сэр. Где здесь «Красная Шапочка»?

Солдат был слишком пьян, чтобы отвечать. Поводя пальцем вверх и вниз по улице, он наконец ткнул в двухэтажное каркасное здание со спущенными шторами и скромным красным фонариком в окне гостиной. Этот дом знал лучшие времена и маячил над захудалыми строениями, как недовольная тетушка. За оградой из колышков открывался аккуратный дворик с подрезанными на зиму розовыми кустами. Негр в плохо сшитом черном костюме курил на крыльце сигару. Бледный шрам пересекал все его лицо от подбородка до лба.

— Эй, мальчик, — проворчал он, — нечего тебе тут болтаться. Ступай прочь!

Тэз поставил сумку на землю и растер онемевшую руку.

— Авраам Линкольн освободил негров. Почему бы вам не уйти отсюда?

Вышибала Красотки Уотлинг, Макбет, сказал:

— Я из Атланты. Болиционистам меня не запугать.

Во вторник, после битвы при Фредериксберге, в «Красной Шапочке» было тихо. В прошедшую субботу по телеграфу сообщили о славной победе конфедератов, и в воскресенье утром первая красавица заведения Уотлинг, Минетта, разыскала солдатских вдов, чтобы помочь обслужить нахлынувшую толпу. Обычно по воскресеньям «Красная Шапочка» была закрыта, но федеральные потери при Фредериксберге

были столь велики, их могущественная армия — настолько посрамлена, что Красотка ровно в шесть вечера в воскресенье выбежала за шампанским, дважды посылала Макбета пополнить запасы бренди, а толпа жизнерадостных патриотов не иссякала на пороге до одиннадцати вечера.

В понедельник девицы уныло слонялись по заведению, раздраженные, усталые и с похмелья, однако к вечеру вторника дом ожил, и Минетта с почти искренней радостью приветствовала офицера военной полиции по прозвищу Капитан Длинный Нос.

«Красная Шапочка» была самым дорогим увеселительным заведением в Атланте, его посещали офицеры-конфедераты высоких рангов, аферисты и спекулянты. В Новом Орлеане оно было бы обычным для Французского квартала, но в более приземленной Атланте считалось претенциозным.

Стены в приемной, оклеенные обоями в красно-зеленую полоску, были густо увешаны раскрашенными вручную литографиями со сценами из парижской жизни. Позолоченные бронзовые часы на каминной полке обрамляли высокие статуэтки мраморных Венер в жеманных позах. Хранившиеся в шкафах плевательницы приносились по требованию.

Мебель во французском стиле вынуждала грубых мужланов сидеть прямо, положив руки на колени. Для этих работяг девицы Красотки Уотлинг были экзотикой, как, скажем, белые цапли. От малейшей провокации распутницы прыскали смешками или тараторили что-то на непостижимом креольском диалекте.

Ретт Батлер на паях владел «Красной Шапочкой» и держал кабинет на втором этаже. Того, кто мог устроить дебош, тихо выпроваживали. Макбет говорил им:

— Сэр, по-моему, вам лучше сейчас уйти домой. Вы же не хотите, чтобы спустился капитан Батлер.

Минетта была куртизанкой, и довольно опытной. На старость Минетта купила участки с домами в Садовом районе Нового Орлеана и делала взносы в церковь. Когда мадам Уотлинг пригласила Минетту работать в «Красной Шапочке», та чуть не отказалась, потому что Красотка решительно не была куртизанкой.

Несмотря на то что мадам Уотлинг была старше Минетты, она оставалась в чем-то сущим ребенком, каким может быть только американская женщина, — несносным ребенком! Настоящая куртизанка понимает скрытый смысл слов; американка же готова спутать их с любовью — неразбериха, от которой Красотку Уотлинг, по убеждению Минетты, спас только совет опытной креолки.

В этот вечер Минетта с дежурной соблазнительной улыбкой восхищалась щегольством Капитана Длинный Нос.

— А, Минни? Перекрасила волосы? Теперь они вроде рыжее, чем были. Я слышал, Ретт вернулся в город?

Сколько вопросов задает этот человек! Сидит в приемной с обеда, на улице все моросит, а он задает вопрос за вопросом. Как-то Минетта слышала, как Элоиза описывала своего первого любовника — соседского мальчишку, — а Капитан Длинный Нос все посмеивался над подробным рассказом о неуклюжих попытках бедного мальчика. Когда у Элен был запор, он советовал ей то одно средство, то другое, хотя все знали, что виной всему настойка опия! А однажды Длинный Нос даже спросил Минетту, как ей удастся не забеременеть!

Длинный Нос очень интересовался капитаном Батлером: где тот был, что делал, что думает по тому или иному поводу. Откуда Минетте знать, что думает капитан Батлер — и какое дело до этого Длинному Носу?

Когда Минетта жаловалась на надоедливого полицейского, Ретт только потешался:

— Эдгар все пытается разгадать тайну жизни, Минетта. Пусть побеждает.

Эдгар Пурьер был неприметным парнем с костлявым вытянутым лицом, большими ушами и крупным выразительным ртом; длинные ресницы обрамляли яркие и блестящие, как у любопытного воробья, глаза.

Что-то в Капитане Длинный Нос вызывало у простых солдат желание его перепить, и в день выплаты содержания спиртное лилось рекой, а сержант Пурьера, Джек Джонсон, составлял ему компанию.

Сегодня вечером полицейский попросил у Минетты налить ему бренди.

— Один глоточек, Минни, — и пальцами показал, сколько налить, раздвинув их на пару дюймов.

Эдгар Пурьер восхищался теми, кто был при власти. Отец Ретта, Лэнгстон Батлер, обладал влиянием, потому что был богат и неумолим, — вернее, оттого и богат, что неумолим. Влияние Шарлотты Фишер Раванель основывалось на богатстве, а поскольку война поощряет смелость, обрел влияние и Эндрю Раванель.

Эдгар Пурьер не понимал только, на чем держится власть Ретта Батлера.

Когда Ретт впервые появился в заведении Кэткарта Пурьера, Эдгар поднялся по лестнице, чтобы оценить нового ученика отца. Ретт посмотрел на Эдгара и мгновенно увидел его насквозь, сразу сбросив со счетов. «Как же так, — хотелось возразить юному Эдгару, — я совсем не такой. Я представляю из себя нечто большее!» Увы, впоследствии Эдгар удостоивался только полупонасмешливой улыбки Ретта. Когда Эдгар пытался льстить ему, тот высмеивал его подхалимство. Как-то Эдгар преподнес Батлеру в подарок дорогой шейный платок, но тот ни разу его не надел. И однажды вечером Эдгар обнаружил подаренный платок на шее негра-привратника заведения мисс Полли. Когда единственный раз Эдгар набрался храбрости объяснить, Ретт прервал его прежде, чем он успел сказать три слова:

— Не сейчас, Эдгар, — и вышел из комнаты.

Ретт Батлер не был жесток к Эдгару — как Генри Кершо и Эндрю Раванель, — однако его безразличие было хуже жестокости. В чем секрет Ретта? Может, его сила в равнодушии?

Когда Батлера выгнали из Вест-Пойнта (никто из чарльстонцев не удивился бы, если бы он пустил себе пулю в лоб), Эдгар Пурьер единственный пришел на пристань встречать приятеля.

— Черт побери, рад тебя видеть, Ретт. Пойдем со мной.

У мисс Полли новая девчонка с такими аппетитами...

Ретт только улыбнулся полупонасмешливой улыбкой, которую Эдгар ненавидел.

— Не сейчас, Эдгар, — сказал он и направился в город.

На пороге с ведерком для угля в руке нерешительно стояла горничная «Красной Шапочки».

— А, входи, детка.

— Простите, сэр. Я не знала, что здесь кто-то...

— Не важно, не важно, делай свою работу. Боишься, что я тебя укушу?

— Нет, сэр.

— Я бы никогда не укусил такую милашку, как ты.

Девушка вспыхнула.

— Скажи, детка, когда придет капитан Батлер?

— Не знаю, сэр.

Когда она опустилась на колени, чтобы выгрести угли из печки, платье натянулось на спине и стал виден каждый позвонок. Минетта, вернувшись с бренди, рявкнула:

— Лайза! Тебе нельзя заходить в гостиную вечером!

Смущенная девушка опрокинула ведро, и уголь рассыпался, залетев под кресло капитана Пурьера. Он раздвинул ноги, чтобы она смогла достать угольки.

— Вот неуклюжая, — прошипела Минетта. — Оставь. Соберешь после того, как капитан уйдет.

— Минни, как ты думаешь, Лайза смогла бы меня обслужить?

— Лайза еще ребенок, капитан, — холодно сказала Минетта. — Она не развлекает клиентов.

Когда вошел Макбет, держа за руку незнакомого мальчишку, Лайза воспользовалась моментом, чтобы сбежать.

Макбет объяснил Минетте:

— Парень говорит, что он сынок Красотки.

Минетта сравнила лицо паренька с изображением на лагерротипе, хранившемся у мадам на туалетном столике.

Но, шоп petit
[24], ты же в пансионе. В Новом Орлеане!

Тэз развел руками, как будто сам не понимал, как очутился в Атланте. И расплылся в очаровательной улыбке.

— Говорит, сынок мисс Уотлинг, — повторил Макбет.

Внимание Эдгара Пурьера сосредоточилось на Тэзе.

— Мальчик, кто ты? Как тебя зовут?

— Я Тэйзвелл Уотлинг, сэр.

— Господи, Уотлинг! И ты родился?..

— В Новом Орлеане, сэр.

— Когда? Меня не волнует, где ты родился. Дай-ка посчитаю. Двенадцать... нет, все тринадцать лет назад!

— Мне тринадцать лет, да, сэр.

— Cher

[25] капитан, сейчас не время для расспросов. Мальчик приехал встретиться со своей дорогой мамой.

Капитан Пурьер, встав, принялся придирчиво изучать Тэза, словно выбирал себе новый колт.

— Да, есть сходство, определенное сходство — те же уши, тот же нос! — Он поднял стакан, — Тэйзвелл Уотлинг! Ей-богу, ты внебрачный сын Ретта Батлера!

Залпом выпив бренди, он поставил стакан на каминную полку.

— Вы ошибаетесь, сэр. Капитан Батлер — мой опекун.

— Ну конечно. Вне всякого сомнения.

Тикали часы на камине, в печке потрескивал огонь.

Тэз, приехавший издалека, почувствовал усталость.

— Я сообщу капитану Батлеру о вашей заинтересованности в моем происхождении, сэр.

Глаза у Пурьера стали пустыми.

— Поговорим в другой раз, мальчик. Минни, можешь принести мне еще бренди? Теперь французского, хорошо, cher?

Минетта спешно провела Тэза через прихожую в комнату, которая раньше служила семейной столовой, а теперь превратилась в будуар Красотки Уотлинг, святилище необразованной женщины со средствами. Темные шелковые муаровые шторы закрывали окна, скрадывая шум улицы. Плафоны были расписаны пышными яркими цветами. На кровати лежало покрывало из розовой парчи, а в изголовье — бесчисленное множество больших и маленьких подушек с бахромой. Теплый надушенный воздух окутал Тэза. От этого гимна женственности мальчику стало не по себе.

Мать посмотрела поверх очков для чтения.

— Тэз, — ошеломленно произнесла она, — А я как раз пишу тебе!

— Мадам, le bon fils!

[26]

Минетта подтолкнула мальчика к матери.

Тэз попытался предупредить ее протесты:

— Я так рад, что я здесь, маман. Можно мне остаться с тобой?

— Но, Тэз...

— Я пробрался сквозь линии федералов, прямо под носом у часовых. Один из них чуть не наступил на меня! Если бы так случилось, не знаю, что бы я делал! Я не привез никакой еды, мне нечего было есть, я голодал, маман. А потом повстречался с какими-то гуртовщиками, которые везли скот в Монтгомери, и они угостили меня кукурузными лепешками. А уже на железной дороге полицейские не пускали меня в поезд. И солдаты тайком провели меня в вагон.

Сын бросился в объятия матери.

— Бог знает, как я скучала по тебе, мой дорогой.

Минетта открыла бар.

— Минни! Он называет меня Минни! Если уж меня окрестили именем Минетта в церкви, то пусть и Капитан Длинный Нос потрудится произнести!

Красотка нежно откинула волосы со лба сына.

— Минетта, пожалуйста, давай потом.

— Элоиза вообще не хочет спускаться, когда этот чело-век приходит.

— Да, Минетта. После, прощу тебя.

— Капитан, вот ваш французский бренди!

Минетта плюнула в стакан, прежде чем наполнить его, и вышла.

Мать и сын обнимались, разговаривали и снова сжимали друг друга в объятиях. Чуть позже Лайза принесла на подносе суп с хлебом. Тэз ел на туалетном столике матери, среди помад и снадобий.

— Лайза просто чудо, правда, мама? — сказал он с набитым ртом.

— Супруга бедной девочки убили на войне. Они провели вместе только один день. Только один! Когда она оказалась на пороге нашего дома, я впустила ее.

Красотка постелила на пол рядом с кроватью одеяла и, после того как мальчик заснул, поцеловала его в лоб и погасила лампу.

На следующее утро Тэз, возвращаясь из уборной, заметил, что из кухонной трубы поднимается дым. Лайза отскочила от плиты, которую топила.

— Как ты меня напугал! Не привыкла, что здесь кто-то рано встает.

— Я выспался, — сказал Тэз. — Мы в Нью-Орлеане вообще почти не спали.

Она подняла бровь.

— Как так?

— Там днем и ночью жизнь кипит, — Он потер нос. —

В Атланте столько дыма!.. Как вы терпите?

— Сам скоро привыкнешь.

— Маман сказала, что ты вдова.

— Да, пристрелили моего Билла.

— А я никогда не был женат, — сказал Тэз.

— Конечно, ты же еще ребенок.

Тэз выпрямился.

— Мы в Нью-Орлеане говорим: «L'heure coq cante, il bon pour marie!» — И любезно перевел: — «Когда петух закричит, он уже готов к женитьбе!»

— Ты говоришь забавно, — заметила Лайза, — Расскажи еще что-нибудь.

Тэз на французском сказал девушке, какие у нее красивые глаза, и она покраснела, потому что и французский язык не может скрыть чувства.

Тэз добавил:

— Ты, наверное, слышала, что я незаконнорожденный.

— Вряд ли я когда-либо встречала незаконнорожденного.

— Ну, теперь встретила, и что ты думаешь?

— Да вот, думаю, овсяную кашу приготовила, ты, может, захочешь.

Позже Тэз познакомился с девушками: Элен — у нее были волосы, длиннее которых ему не приходилось видеть, Элоизой — с сонными от опия глазами.

Макбет, у которого все костяшки пальцев были разбиты, расплющены от драк, вырос в Атланте.

— Я городской негр, — говорил Макбет, — И косынок не ношу. У меня на голове — шляпа.

Тэз справился у него о капитане Батлере.

— Да он приходит и уходит, — ответил Макбет.

— А капитан Батлер спит здесь? В доме?

— Ты имеешь в виду, спит ли он с твоей мамочкой? — спросил негр без обиняков.

Тэз сжал кулаки, но Макбет не отводил глаз, пока мальчика не отпустило. Тэз с отсутствующим видом принялся что-то насвистывать.

— Ты кого-нибудь убивал? — спросил он.

— Только негров, — ответил Макбет.

Защелкнув за собой дверь в комнату Ретта, Тэз принялся. Спертый запах дыма и пыли. Так вот какой кабинет у его отца. Пока полицейский не проболтался, Тэз и не подозревал об этом. Когда он спрашивал у Красотки об отце, она всегда отвечала:

— Придет время, и ты все узнаешь.

Теперь время пришло, он вырос.

Ничего примечательного в комнате не было: письменный стол, массивный железный сейф, кушетка орехового дерева, два основательных кресла и дубовый платяной шкаф. Два окна выходили на улицу, где Макбет выгребал окурки с цветочных клумб. А противоположные два смотрели на конюшню, за ней виднелось заросшее сорняками пастбище, оканчивающееся зеленой опушкой болотной травы на берегу мутной речушки.

Тэз, покрутив диск, подергал медную ручку, но сейф не открывался.

Красотка не раз рассказывала ему, как познакомилась с Реттом.

— Если бы я в тот день не шла мимо гостиницы «Сент-Луис», Тэз, голубчик, все обернулось бы для меня очень плохо. У меня не было ни монетки, ни единого десятицентовика. Я бы могла отказаться от тебя. И вот, милый, я увидела рядом с гостиницей разряженных франтов и подумала, что они пожалеют меня и смогут хоть что-нибудь выкроить.

Я забыла о гордости. Она пропадает, когда ты нищий. В общем, сначала я не признала Ретта, а он меня сразу узнал. И позаботился обо мне. Обо мне и о моем любимом мальчике.

Костюмы и накрахмаленные рубашки висели в дубовом шкафу над двумя парами стоявших на подставках сапог для верховой езды. В ящиках стола ничего не было, кроме перьев, чернил, писчей бумаги и «Американских записок» Диккенса.

Тэз подвинул кресло. Царапины на нижней перекладине говорили о том, что Ретт упирался в нее каблуками. Мальчик сполз с кресла пониже, но все равно не достал до царапин ногами.

Тэз завтракал с Лайзой, а ужинал с девушками в четыре часа. До захода солнца он поднимался наверх и, сев на кушетку Ретта, читал до полуночи Диккенса. Снаружи слышались смех, неверные шаги и хихиканье девиц.

После того как Макбет провожал последнего посетителя, Красотка Уотлинг закрывала переднюю дверь, тушила красную лампу и свет в гостиной и поднималась наверх проводить сына.

Красотка Уотлинг не была красивой женщиной, зато обладала бойкостью и обаянием. Как-то на день рождения Ретт купил ей платье из Парижа серого шелка. Красотка сложила его и, завернув в бумагу, сунула глубоко в ящик бюро.

— Меня никто не узнает, — сказала она.

В другой раз Ретт предложил ей поменьше пудриться.

Он усадил ее перед туалетным зеркалом, умыл теплой водой и очистил кожу ваткой.

— Тебе не нужны румяна. Твои щечки и так как яблочко.

Красотка в зеркале выглядела на десять лет моложе, невинной и застенчивой. Деревенская девушка, смотрящая из зеркала, напугала ее, и Красотка расплакалась.

В субботу вечером, в день выплаты содержания у солдат, за три дня до Рождества на дверь «Красной Шапочки» повесили венок. Сержант Джонсон с ухмылкой сказал своему боссу:

— С Рождеством, капитан.

Эдгар Аллан Пурьер вошел внутрь, а Джонсон, поставив ногу на перила крыльца, зажег трубку.

На диванчике тет-а-тет из зеленого бархата сидел однорукий майор, который спросил Эдгара:

— Разве бордели для военных — лучшее место для вашего времяпровождения, капитан? Или они для вас слегка... неприятны?

Эдгар Пурьер поджал губы, и майор встал, увлекая за собой Элен.

— Давай продолжим наверху, милочка.

Элен, прикрыв рот, захихикала.

Смеясь, вошли трое лейтенантов артиллерии, но за спиной полицейского стали строить рожи и отправились в другое заведение.

В такое время в «Красной Шапочке» были самые горячие ночи, и Минетта улыбнулась сквозь зубы.

— Капитан Пурьер, как я рада, что вы нас посетили.

— А что такое?

Минетта продолжила:

— Думаю, вам будет интересно узнать о нашем юном Тэйзвелле. Сегодня ночью должен вернуться капитан Батлер. Мисс Уотлинг и Макбет поехали на вокзал встречать его с поезда. Вы сможете получить ответы на все ваши вопросы — как там говорится? — из первых рук.

К удовлетворению Минетты, Эдгар вздрогнул.

— Выпьете бренди, пока ждете, капитан?

Эдгар Пурьер подошел к каминным часам и невидящим взором уставился на искусно сделанные позолоченные стрелки. Потом резко вздохнул и обернулся.

— Сходи за мальчишкой.

— Капитан?

— Приведи мальчишку, Минни, или это сделает мой сержант.

Ведя Тэза вниз по лестнице, она предупредила его быть осторожней с Длинным Носом.

— Он как аллигатор, — сказала Минетта. — Опаснее всего, когда улыбается.

Полицейский указал на стул с прямой спинкой, но Тэз остался стоять.

— Сэр?

— Когда мы с твоим отцом были как ты, мальчик, мы очень дружили, — улыбнулся Эдгар, — Такие штуки откалывали!

— Сэр?

— Знаешь, мальчик, хоть мы и были близки в те дни, Ретт никогда не рассказывал мне, что ухаживает за Красоткой Уотлинг. Ретт был джентльменом, понимаешь, а Красотка... — Нахмурившись, Эдгар замялся, — А, Лайза! Входи, дорогуша.

Девушка стояла на пороге с телеграммой в руке.

— Сэр...

— Входи, входи. Что там у тебя?

Она приблизилась, опустив глаза.

— Дай ее мне, Лайза.

— Это не вам, сэр. Это от капитана Батлера Красотке Уотлинг.

Его цепкие пальцы были как магнит. Эдгар прочел телеграмму, скомкал и бросил на пол.

— Ничего особо важного, детка. Поезд моего друга Ретта задерживается, — Он вытянул ноги и положил их одна на другую. — Нет, Лайза, не уходи. Невежливо покидать гостей,

Пока не кончился вечер. Держу пари, ты не знала, что Тэйзвелл — сын капитана Батлера. Нет? Дружище Ретт старается не раскрывать свои карты.

— Теперь можешь идти, девочка, — отпустила ее Минетта, — У тебя много дел на кухне.

— Я не разрешал ей уходить, — улыбнулся Длинный Нос, будто Минетта допустила простительную оплошность.

Она пожала плечами. В конце концов, она куртизанка, а не мать этой девчонке.

Тэз встал между Лайзой и креслом капитана.

— Понравилась она тебе, парень? А ты любишь денежки, детка?

Лайза сунула руки под передник.

— Все любят деньги, — презрительно заявила она.

Эдгар прошептал:

— Очаровательная малышка, правда, парень?

С видом человека, которому принадлежит весь мир, он открыл кошелек и извлек двадцатидолларовую золотую монету, повертел на свету, а потом положил на каминную полку.

— Видала такое раньше, девочка?

Лайза потянулась к монете.

— Ну и деньжищи!

Серебряный доллар, который капитан Пурьер положил рядом с золотой монетой, казался бедным родственником.

— Уложимся за полчаса, и не говори, что не делала этого раньше. — Погладив руку девушки, как человек, пытающийся приручить дикую кошку, он пробормотал: — Спальня наверху свободна, Минни?

— Капитан, — запротестовала Минетта, — Лайза еще ребенок. Куртизанка тут я!

— Минни, — сказал Пурьер, — если бы я хотел твоих ласк, я бы их уже получил.

И обернулся к Лайзе:

— Вперед, девочка. Потрогай денежки.

— Оставьте ее! — Голос Тэза, к его стыду, дрогнул.

— Она тебе нравится, парень? Взгляни на нее, Тэйзвелл Батлер. Она падка на деньги. Такая милашка и такая жадная.

Эдгар достал из бумажника еще один серебряный доллар и положил на первую монету.

Лайза, как зачарованная, шагнула к деньгам.

— Черт побери! Черт! — воскликнул Тэйзвелл и смахнул монеты Пурьера на пол.

Лайза хлопнулась на колени, чтобы достать золотую монету, закатившуюся под диванчик.

Ухмыляясь до ушей, Эдгар покачивался на каблуках и смеялся.

Тэз метнул каминные часы, но полицейский успел пригнуться. Импровизированный снаряд разлетелся на пружинки, колесишки, осколки стекла.

— Вот те на! — захихикал Эдгар Пурьер.

Но он мгновенно переменялся в лице, когда Тэз схватил статуэтку Венеры.

— Эй, парень, обожди! Остынь! Нападение на офицера Конфедерации... — Эдгар правой рукой остановил удар.

И тут же взвизгнул: — Да чтоб тебя! Больно! Хватит!

У Тэза обнажились в оскале зубы.

— Ублюдок!

Парень сделал обманный выпад и, когда полицейский попытался схватить статуэтку, наотмашь ударил его по носу. У Эдгара из глаз брызнули слезы.

— Господи, капитан! — воскликнул позади Тэза сержант Джонсон, — Да это же просто взбесившийся ребенок!

Несмотря на это, сержант вырубил мальчишку кованой дубинкой.

Очнувшись, Тэз почувствовал что-то теплое на левой ноге — кого-то стошнило. Тэз подтянул ногу. Голова болела так сильно, что он приоткрыл рот, пытаясь выпустить боль наружу. В углу валялся какой-то солдат, прислонившись лбом к стене, на которую помочился. Тэз потрогал шишку на голове, осмотрел себя. Одного ботинка не хватало, карманы были вывернуты. Он зажмурился, и сразу перед глазами завертелись сине-оранжевые круги.

Лунный свет струился сквозь высокое зарешеченное окно. Глазок в двери камеры был правильным кружком немигающего желтого света.

Прошло несколько часов, прежде чем пожилой негр тихо позвал через эту дырочку:

— Тэйзвелл Уотлинг? Есть такой?

Тэз прошел за негром по коридору в караульное помещение, где вдоль одной стены стояла скамья, а за столом сидел полковник-конфедерат, листая бумаги. Он не взглянул на Тэза.

В шесть часов утра появился Ретт Батлер, чисто выбритый, в свежей рубашке. Тэз почувствовал запах его помады для волос.

— Тэз, ты сломал бедняге Эдгару нос. Он не может показаться на публике.

У Тэза внутри все заклокотало.

— Капитан Пурьер — негодяй.

— У него кишка тонка быть негодяем, Тэз. Эдгар просто пачкает все, к чему прикасается. — Легко проведя крупными пальцами по голове мальчика, Ретт заглянул ему в глаза, — С головой все в порядке, малыш. Сержант Джонсон в своей работе виртуоз.

— Сэр, капитан Пурьер позволял себе вольности.

— У Эдгара необычные вкусы. Я отправлю тебя обратно к иезуитам. В тюрьме джентльменом не станешь.

Тэз чувствовал себя разбитым. Все тело болело и воняло. А отец когда-нибудь устает, или болеет, или боится? Одежда его всегда так безупречна? И он никогда не забывает на помадиться?

Тэз собрал все свое мальчишеское достоинство.

— Сэр, в сиротском приюте мы, мальчики, говорили, что солнце встает на востоке и садится на западе одинаково и для самого лучшего джентльмена, и для его внебрачного сына.

Глава 13

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ МЯТЕЖНИКОВ

Мелани Гамильтон с детства знала, что выйдет замуж за Эшли Уилкса, потому что «Уилксы всегда женятся на кузинах».

Каждое лето Мелани с братом Чарльзом ехали на поезде из Атланты в Джонсборо, где их на вокзале встречал камердинер Джона Уилкса, Мозес. У него в кармане всегда были паточные леденцы, но он неизменно притворялся, что на этот раз их забыл.

Уилксы из Двенадцати Дубов были самыми знатными родственниками Гамильтонов, поэтому Чарльз с Мелани прибывали в чопорной, донельзя накрахмаленной одежде. Их отмывали и отскабливали до невозможности. В предписаниях тетушки Питтипэт («Если у тебя упадет салфетка, не поднимай; не проси у кузины Индии прокатиться на пони — подожди, пока сама предложит») не было необходимости: сироты Гамильтоны пребывали в благоговейном страхе перед родственниками.

Чарльзу нравились эти поездки, Мелани — нет. Атланта была городом, а Двенадцать Дубов, несмотря на прекрасную библиотеку Уилксов и их галантные манеры, все же провинцией. Все эти равнодушные деревья, среди которых ребенку так легко заблудиться, эта темная, мутная река, в которой тот же ребенок мог утонуть! А сколько ужасных насекомых! Пчелы, осы, шмели; противные жуки, запутывающиеся в волосах; кровососы-москиты, залетающие под полог кровати, — от их писка Мелани не могла уснуть полночи. Чарльз говорил, что если позволить им напиться досыта, укусы потом не будут зудеть. Ужасно было наблюдать, как Чарльз позволял какому-нибудь москиту наполнять кровью отвислое ярко-красное брюшко на своей вытянутой руке.

Чарльз окрестил Двенадцать Дубов «царством насекомых» и донимал своим жужжанием Мелани до тех пор, пока она уже не знала, что и делать — смеяться или плакать.

Как только Мелани в один прекрасный день выйдет замуж за Эшли Уилкса, она полюбит Двенадцать Дубов так же, как Эшли, но перспектива стать очередной миссис Уилкс, распоряжающейся этим огромным домом, слугами и домашним бюджетом, пугала ее. Когда мать Эшли умерла, его сестрам, Индии и Милочке, пришлось очень тяжело. И все ожидали, когда же наконец жена Эшли возьмет все управление на себя.

Мелани и Эшли займут свое место в Двенадцати Дубах, как и его родители, и плантация будет держаться на них, пока они не отправятся в последний путь на кладбище на вершине холма позади дома. А по каменным ступенькам, ведущим на кладбище, поднимется влюбленная пара, чтобы посидеть под пологом древних каштанов и вязов. Там они обменяются торжественными фразами, которые произносят молодые люди в таком месте.

Мелани нравились сады плантации: здесь росли магнолии, азалии, рододендроны и французские розы. Самым приятным воспоминанием было то, как они с Эшли сидели под глицинией, чьи толстые лозы по возрасту равнялись с самим домом.

Влюбленные говорили о книгах и о красоте. Обсуждали романы Вальтера Скотта и «Лавку древностей» Чарльза Диккенса.

Ухаживание Эшли за Мелани было настолько ненавязчиво, что окружающим можно было бы простить, если бы они его не заметили. Они обошлись без болезненных сомнений, колебаний,

полуобязательств, смелых попыток к сближению и оскорбленных уходов тех несчастных влюбленных, которые не женятся на кузинах. В один весенний день Эшли попросил Мелани выйти за него, и Мелани сказала «да».

У Эшли, позже вспоминала Мелани, в петлице была роза. И еще она была удивлена, насколько приятным оказался его поцелуй.

Спустя год службы в полку Джорджии Эшли попросил перевести его в бригаду Раванеля, поскольку, как позже Эшли писал Мелани: «Я подумал, что это мой долг».

Мелани не могла критиковать решение мужа, но провела много бессонных ночей.

Вскоре после присоединения к Раванелю Эшли начал жалеть о своем выборе. «Чарльстонские джентльмены — совсем не то, что в Джорджии. Они ни капли не сомневаются, что Низины — это вселенная, а Чарльстон — ее центр. Когда я рассказывал о садах нашей плантации, о редчайших розах, которые еще прабабушка привезла с виргинской плантации, — о тех самых розах, которые ее прабабушка привезла еще из Суррея в Англии! — они сказали мне, что розы возле Жокейского клуба "прелестнейшие на всем Юге", а сами даже не смогли назвать сорт!»

В постскрипуме Эшли добавлял: «Полковник Раванель — прирожденный полководец, но я бы ни за что не оставил его наедине со своими сестрами!»

В беспокойные смутные дни, когда Юг вступил в войну, мисс Мелани Гамильтон вышла замуж за Эшли Уилкса, а мисс Скарлетт О'Хара — за Чарльза Гамильтона. Ни у той ни у другой пары не было времени перевести дух. Поначалу, когда торговцы принялись называть Мелани «миссис Уилкс», она не понимала, к кому они обращаются.

Спустя шесть месяцев Мелани была совершенно подавлена вестью о смерти брата Чарльза. Мелани была еще младенцем, когда заботу о них с Чарльзом взяла на себя тетюшка Питтипэт. Эту пухленькую, доверчивую, как дитя, женщину, в крещении Сару Джейн Гамильтон, все звали Питтипэт с незапамятных времен. Хозяйство у нее было настолько благополучно неорганизованное, что все соседские дети приходили сюда играть. Мелани не помнила своих отца и мать и любила брата неистовой любовью сироты. Болезненный ребенок, она узнавала докторов Атланты по походке на лестнице. Никто не удивился бы, если бы она умерла молодой, но Чарльз должен был жить вечно!

С его кончиной умерло и все детство Гамильтонов: паточные леденцы Мозеса, чулан под лестницей Питтипэт — их укромное местечко, глупые детские шутки... И «царство насекомых».

В первый год войны, когда Эшли был в армии, а Чарльз уже лежал в могиле, Мелани Уилкс чувствовала себя отчаянно одинокой.

Выдержать каждый бесконечный день, улыбаться тем, кто нуждался в ее улыбке, сочувствовать тем добрым душам, которые приходили выразить соболезнования, — все эти обязанности были ее утешением.

Мелани разбавляла горе в хлопотах о Скарлетт. Она полностью одобрила решение матери Скарлетт, Эллен, отправить молодую вдову погостить у родственников в Чарльстоне. На станции Мелани сказала невестке, сама себе не веря, что когда-нибудь та перестанет горевать по Чарльзу.

Когда стало ясно, что визит в Чарльстон не развеял ее настроения, Мелани предложила Питтипэт пригласить Скарлетт с малышом Уэйдом к ним в Атланту. Питтипэт, покашляв и пробормотав что-то в нерешительности, наконец сказала:

— Боюсь, Скарлетт совсем не спокойная особа, дорогая.

Мелани возразила, что у них есть обязательства перед женщиной, которую выбрал Чарльз, а главное, перед малолетним сыном Чарльза, Уэйдом Хэмптоном Гамильтоном. Питтипэт, как всегда, уступила.

Невестка Мелани была настолько же полна жизни, сколь сама Мелани сдержанна. Скарлетт ничего не страшилась, Мелани же не приходилось испытывать свою смелость. Скарлетт всегда окружали страстные поклонники, за Мелани ухаживал только кузен, причем очень неприметно. Возможно, Мелани надеялась, что кипучая энергия Скарлетт слегка уменьшится в общении с ней. Она очень хотела, чтобы невестка стала ее подругой.

Прошло совсем немного времени после приезда Скарлетт, как опасения тетушки Питтипэт подтвердились. Скарлетт столкнула лбами ее лучших подруг — миссис Мерриуэзер и миссис Элсинг. Мелани, принеся извинения за Скарлетт, сохранила мир. А еще Мелани обожала малыша Уэйда. У него были милые, доверчивые глаза Чарльза.

Когда вдову Гамильтон стал навещать капитан Батлер, подруги Питтипэт, такие добрые к больным детям и пожилым слугам, пришли в ужас — и дали почувствовать свое неодобрение.

Мелани слышала много ужасного о капитане Батлере. На счастье, когда он заехал в третий раз, ни Питтипэт, ни Скарлетт не было дома.

По ее мнению, он обладал обаянием черной пантеры. Мускулистый, в отличие от большинства джентльменов, хотя его портные старались изо всех сил это скрыть.

Подавленный известием, что миссис Гамильтон нет дома, он сообщил, что завтра уезжает из Атланты и нанес визит экспромтом.

— Капитан Батлер, — сказала Мелани, — о вас говорят, что вы негодяй.

— Да, — улыбнулся он, — Видимо, так и есть.

— Однако беседу вы ведете учтиво и выглядите как джентльмен.

— Внешность, миссис Уилкс, как известно, обманчива.

— Сегодня вы привезли парижские туфли для тети Питтипэт и английскую игрушку для Уэйда.

— Миссис Уилкс, любой взломщик, который дорожит своей работой, нейтрализует сторожевых псов, прежде чем стащить фамильное серебро.

— Говорят, вы бойкий торговец, но при этом честный.

Он отмахивался от своих заслуг, как смахивают крошки с лацканов пиджака.

— Бизнесмены скорее польстят вору, чем признают, что он их обманывает.

— Мистер Батлер?

— Да, миссис Уилкс? — Он широко улыбнулся, не думая о последствиях.

— Говорят, что вы считаете эту войну глупым предприятием.

Его веселье улетучилось.

— Эта война ужасна. И я боюсь, что будет только хуже. Она уничтожит Юг.

Мелани предложила свою маленькую ручку.

— Какое удовольствие принимать вас, капитан Батлер. Пожалуйста, входите. Заварить вам чашечку чая?

С этого момента никто, кроме Скарлетт, не смел говорить дурно о капитане Батлере в присутствии

Мелани.

И все же Мелани была рада, когда блестящая двуколка Ретта выехала за забор тетушки Питтипэт. Его шляпа с тщательно причесанным ворсом опровергала тот факт, что прекрасную шляпу сейчас нигде не купишь, отполированные туфли отрицали, что хорошие туфли не достать, а деликатесы, которые он привозил, были свидетельством того, что где-то есть мир без войны.

Удобно устроившись в гостиной, Ретт удовлетворял любопытство тетушки Питтипэт о последних парижских модах и нарядах при английском дворе.

Мелани, которой всегда хотелось путешествовать, с восхищением слушала рассказы Ретта о визгливых похоронных оркестрах Нового Орлеана и лагерях золотоискателей в Калифорнии.

При встречах Ретта и Скарлетт летели искры, будто сталкивались кремь и кресало. В Ретте и Скарлетт, в каждом в отдельности, чувствовалось нечто изумительное, и Мелли не могла не надеяться, что они будут вместе. Она не понимала, почему Скарлетт так холодна с Реттом, если только она не хранила верность Чарльзу. Случалось, Ретт высмеивал холодность Скарлетт и, разозленный, уходил, а Скарлетт могла промчаться по дому тетушки, хлопая всеми дверьми.

В то утро капитана Батлера не было в городе, и три обитательницы дома тетушки Питтипэт отправились в гостиницу «Нэшнл» на прием, который организовала Долли Мерриуэзер в честь Эндрю Раванеля. Дамы надеялись, что с ним будет и его офицер по личному составу, Эшли Уилкс.

Стоял ясный морозный день. Скрипучие санитарные кареты стали настолько привычным явлением в городе, что на них никто не обращал внимания.

— Мелани! Нельзя отвечать на приветствия солдат, — заметила тетушка Питтипэт, — Не уверена, что они джентльмены.

— Это наши славные ребята, — ответила Мелани Уилкс, а потом крикнула: — Мальчики, мы гордимся вами!

Дядюшка Питер, пожилой кучер Питтипэт, заворчал от такого непристойного поведения и щелкнул поводьями. Кобылка, встрепенувшись, поскакала быстрее, но через минуту опять перешла на привычную иноходь.

Повозки, всадники, пешеходы стекались в центр города. Газовые фонари были украшены синими флагами, в каждом окне развевались знамена Конфедерации.

— Говорят, за полковником Раванелем повсюду следует музыкант, — сказала тетушка Питтипэт, — А офицеры у него любят повеселиться.

Когда их экипаж остановился, поскольку к гостинице ближе было не подъехать, дамы высадились, а Питтипэт дала указания Питеру забрать их не позже пяти часов.

— Да, мисс Питти.

На вокзале было не протолкнуться, и по предложению Скарлетт они, пройдя за товарными складами, перебрались через рельсы, невзирая на жалобы Питти, и попали в маленький парк, примыкающий к гостинице. С этого выгодного места поезд полковника Раванеля не был виден, зато можно было слышать приветственные возгласы. Раскаты криков ликования сопровождали героическую процессию по всей Приор-стрит, горожане впряглись в экипаж Раванеля, то появляющийся, то пропадающий из виду, а впереди него бежали мальчишки, с важностью выкрикивая:

— Дорогу полковнику Раванелю! Дорогу!

— О дорогая, — пролепетала тетушка Питтипэт, — я сейчас упаду в обморок.

Скарлетт подпрыгивала от нетерпения.

— Вы его видите? Мелани, Эшли видишь?

— Вам нельзя падать в обморок, тетя. Скарлетт, не пойму, кто в повозке. Пожалуйста, Скарлетт, посмотри, ты выше меня!

Но даже приподнявшись на цыпочки, Скарлетт ничего не могла разглядеть сквозь лес цилиндров.

— Мы не попадем на прием, — сетовала тетушка Питтипэт, — Не увидим Эшли, а Питер забудет забрать нас, и домой придется идти пешком. А туфли от капитана Батлера мне жмут!

— Если бы вы указали капитану Батлеру верный размер, то туфли были бы впору, — огрызнулась Скарлетт.

— Дорогая! Всем известно, что у меня самая маленькая ножка в семье!

Скарлетт прикусила язычок. Потом сказала:

— Мелли, нет ли черного входа? Может, попадем внутрь через него?

— Дорогая, — запротестовала Питтипэт, — это вход для слуг.

— Держитесь за меня, тетя Питти, — сказала Мелани, — Джентльмены, пожалуйста, пропустите дам! Спасибо, сэр. Благодарю вас, сэр, вы очень любезны.

У них не было приглашений, но Долли Мерриуэзер не могла принимать своих подруг, Мелани и Питтипэт, пока не уедет Скарлетт.

— О Скарлетт, — натянуто улыбнулась миссис Мерриуэзер, — Очень рада, что вы приехали чествовать полковника.

Скарлетт присела в реверансе.

— Дорогая миссис Мерриуэзер, вы знаете, как я восхищаюсь нашими brave ребятами.

Миссис Мерриуэзер захлопала глазами, как сова.

— Мы надеялись, что с полковником Раванелем будет и Эшли. Вы не видели его, Долли? — спросила Мелани.

— Дорогая, я не смогла пробраться к полковнику. Пол-Атланты съехалось на праздник. Какой толк в приглашениях, когда с ними никто не считается?

Скарлетт бросилась сквозь толпу. Какой-то белобрысый офицер, длинный, как жердь, наклонился к доктору Миду, бородатому лекарю, выслушивая восторженные хвалы в свой адрес. С поклоном Эндрю Раванель обернулся к Скарлетт.

— Если бы я знал, что в Атланте живут такие красавицы, я бы не преминул посетить этот город раньше.

В поисках Эшли Скарлетт блуждающим взглядом поглядела мимо главного гостя.

— Как раз хорошо, что вы не приезжаете часто, полковник Раванель. Наш город из-за вас превратился в бедлам.

— Что же в этом ужасного? — улыбнулся он невинной мальчишеской улыбкой, — Доктор Мид, вы нас не представите?

Эшли нигде не было видно.

— Полковник Раванель, миссис Чарльз Гамильтон. Супруг миссис Гамильтон отдал жизнь за дело Конфедерации.

Подошла Мелани.

— Сколько жертв... — Полковник наклонился поцеловать руку Скарлетт, — А эта очаровательная леди...

— Миссис Эшли Уилкс, полковник. Мой муж, майор Уилкс, в вашем штабе.

Улыбка застыла у полковника на губах.

— Майор Уилкс вернулся в свой полк.

Мелани нахмурилась.

— Но он только в сентябре к вам поступил.

— Правда, так недавно? Уилкс попросил перевода обратно в полк Джорджии, и я выполнил его просьбу.

— Я ничего не знала... Почта так ненадежна! Пожалуйста, скажите, как там Эшли? В добром здравии? Бодр духом? Одет тепло?

Доктор Мид спас полковника от дальнейших неловких расспросов.

— Пока наши солдаты терпят тяжкие невзгоды, спекулянты наживаются на войне. Я сочинил резкое письмо в «Гейт-сити гардиан», разоблачающее тех, кто получает барыши от дефицита товаров, — Доктор Мид сделал паузу для пущего эффекта, — Полковник Раванель, вы, кажется, родились в Чарльстоне? Вы наверняка знаете Ретта Батлера.

— Да, конечно. Его отец, Лэнгстон, в законодательном собрании Каролины. А Ретт, боюсь, белая ворона.

— Капитан Батлер — мой друг, — промолвила Мелани Уилкс.

Мид нехотя поклонился.

— Миссис Уилкс, я не обсуждаю обаяние Батлера. Скажите, полковник, знаете ли вы, в какой армии Батлер — капитан?

Скарлетт с трудом выслушивала эти банальности. Она была ужасно разочарована. Так надеялась увидеть Эшли!.. Минуточку, минуточку. О чем сейчас говорит доктор Мид?

— Вы, без сомнения, обрадуетесь, когда вернется капитан Батлер, и сможете высказать свои патриотические взгляды ему в лицо, — Скарлетт умышленно улыбнулась неискренне. — Пойдем, Мелани, мы должны уступить полковника и другим.

— Нет, дорогая миссис Гамильтон, не удаляйтесь, — возразил Раванель. — Если вы уйдете, свет тут померкнет.

— Полковник, сейчас зима, и темнеет рано. Если вам нужен свет, купите фонарик.

Мелани не сводила обеспокоенного взгляда с Эндрю.

— Когда я буду писать письмо мужу, можно передать от нас привет, полковник Раванель?

— Не беспокойтесь, мадам. Капитан Уилкс достаточно осведомлен о моем расположении.

По дороге домой тетушка Питтипэт без умолку болтала о красоте полковника.

— Что он говорил вам? Мелли? Скарлетт? Каждое слово!.. О, Мелли, дорогая, что я вижу? У тебя

слезы?

В этот вечер Мелани так переволновалась за Эшли, что приняла сонную настойку. Пока тетюшка на кухне парила натертые ноги, Скарлетт пила чай с сассафрасом [27] в гостиной. На каминной полке, заслоняя друг друга, теснились дагерротипы, рядом с раскрашенными миниатюрами, силуэтами и невыразительными акварелями висели иллюстрации из «Дамской книги Годи» [28]. Каждая вещь хранила какое-нибудь воспоминание: «Вот этот сервант принадлежал матери Мелли — на чердаке он бы чувствовал себя таким ненужным».

Скарлетт сдвинула ракушки (собранные на морском побережье возле Саванны двадцать лет назад), освобождая место для чашки, и опустилась в мягкое кресло. Не то чтобы ей так хотелось чаю, просто она ценила минуты уединения.

Закрыв глаза, Скарлетт вознесла хвалу Господу за то, что Эшли ушел из бригады Раванеля. «Легендарный конфедерат», превозносимый газетами, слишком уж безрассудно обращался с жизнями подчиненных. А что, если она потеряет Эшли?

Чтобы Эшли убили? И как такое только могло прийти в голову!.. Скарлетт поспешила попросить у Бога прощения. Она не то имела в виду!

На парадном крыльце тетюшки Питти поднялся ужасный шум, и высокий голос запел:

Хочешь время провести, хочешь время провести,

В кавалерию вступай скорей!

Когда растерянный дядюшка Питер отворил дверь, полковник Раванель сдернул шляпу, чуть не подметая ею пол.

— Добрый вечер, миссис Гамильтон. Я пришел предложить невинное развлечение самой очаровательной женщине в Атланте!

Негр позади полковника многозначительно тронул струны своего банджо и с серьезным лицом начал играть известную серенаду «Лорена».

Полковник запел:

Годы медленно тянутся, Лорена.

Снег опять укрыл траву...

— Сэр, — запротестовал дядя Питер.

— Идите спать, дядюшка. Старикам вроде вас нужен покой.

— Можете идти, дядя Питер, — Скарлетт поднялась с кресла, — Сэр, не припомню, что приглашала вас.

Солнце опускается, Лорена.

И снег сверкает там, где были цветы...

— Память подводит вас, полковник. Я не Лорена.

Он глубоко вздохнул.

— Какая грустная песня. Мы, одинокие солдаты, поем ее, сидя вокруг костра, мечтая о родном доме и наших возлюбленных, которых оставили.

Печальные глаза зывали к самому чуткому пониманию.

— Долг, дорогая миссис Гамильтон, — можно, я буду называть вас Скарлетт? — долг — суровый надзиратель.

— Сэр, вы пьяны?

В гостиную приковыляла тетушка Питтипэт.

— В чем дело, полковник Раванель?..

— Возвращайтесь на кухню, тетя Питти. Полковник Раванель сейчас уходит.

— Но, Скарлетт...

— Прошу вас!

Покачивая головой, Питти удалилась.

Музыкант был так бесподобен, что даже смягчил гнев Скарлетт. Нежными звуками он подыгрывал разочарованию хозяина. Струны безмолвно рыдали. Порывшись в памяти, Кассиус сменил тему и заиграл жизнерадостную песню лучших времен: «Эх, всадники из Дикси».

Полковник Раванель с гордостью признался:

— Репертуар Кассиуса неисчерпаем.

— Без сомнения, так же обширен и ваш репертуар, что наверняка подтвердит миссис Раванель. Ваша жена, Шарлотта, приятная женщина, хотя и более терпима к глупцам, чем я. Спокойной ночи, полковник. И забирайте свой оркестр.

Его веселый взгляд застыл.

— Я не привык к насмешкам.

— А я не привыкла к музыкальным импровизациям в собственной гостиной.

— Кассиус!

Быстрые пальцы негра остановились, и финальные аккорды повисли в воздухе. Второй раз за вечер Эндрю Раванель махнул своей шляпой с плюмажем так низко, что перья коснулись пола.

— Мадам, я восхищаюсь благородной дамой-патриоткой.

— Патриоткой? О боже! — Скарлетт прикрыла рот в притворном изумлении, — Не думала, что это именуется патриотизмом. Уверена, что ваши намерения называются куда гаже, хотя ни одна благовоспитанная дама в Джорджии не призналась бы, что ей известны подобные слова.

Глава 14

СУПРУГИ

Розмари Хейнз старалась пересилить веление собственного сердца. Возможно, если играть роль с большой убедительностью, ложь могла бы стать правдой и она бы полюбила мужа. Розмари подавляла зевоту, когда Джон читал по вечерам, и даже предлагала книгу-другую. Бывало, муж обращался к ней в спальне:

— Я делаю тебе больно?

Кулаки у нее сжимались, и все же она выдавливала улыбку.

— Не беспокойся, Джон, дорогой, наслаждайся сам.

Но хоть их общение как супругов и сводилось на нет, кренясь, точно повозка с просевшим колесом, их родительским разговорам не было конца.

Розмари не переставала восхищаться на удивление не похожей на нее дочкой. Мэг никогда не лукавила. Радостная, как солнечный лучик, в следующий миг девочка могла расплакаться: она не умела сдерживаться.

Однажды вечером, когда родители спустились послушать молитву ребенка, Джон спросил:

— Почему она молится за лошадей? И просит позаботиться о каждой лошади?

— Сегодня Клео с Мэг ходили в Уайт-Пойнт и натолкнулись на извозчика, который бил лошадь. Клео рассказала мне, что лошадь была старенькой — слишком старой, чтобы везти повозку. Некоторые взрослые пытались урезонить его, но все без толку, а Мэг просто подбежала к извозчику и принялась колотить его по ногам, — Розмари с нежностью улыбнулась. — Похоже, нападение Мэг заставило зрителей устыдиться, потому что какой-то офицер купил бедное животное прямо на месте.

— Наша дочка не выносит жестокости. А эта лошадь?..

— Да, — кивнула Розмари. — Скорее всего, наш добрый самаритянин вскоре после этого пристрелил ее, однако Мэг воображает, что она в добром здравии пасется на зеленом лугу. У меня в детстве был пони по имени Джек. Может, и ей...

Джон побледнел.

— Она еще слишком мала для пони.

Джона Хейнза попросили приехать в законодательное собрание, чтобы обсудить стратегии прорыва блокады.

В ожидании поезда в Колумбию Джон, набравшись смелости, сказал:

— Так больно уезжать от Мэг.

И быстро добавил:

— Буду скучать, по тебе, любимая.

Он помедлил в поисках лучших слов, которые волшебным образом могли бы изменить их отношения, и глухо повторил:

— Да, буду скучать.

Несмотря на непреходящую головную боль, Розмари напутствовала:

— Джон, пожалуйста, одевайся потеплее. Ты же знаешь, как легко простужаешься. И не забывай завтракать.

— Да, — ответил он, — Ну...

Они холодно обнялись. Розмари погладила его по руке.

— До свидания, милая, — попрощался Хейнз.

Розмари улыбнулась и помахала вслед отъезжающему поезду, но как только вагон мужа скрылся из виду, опустилась на ближайшую скамейку. В висках стучало. Женщина закрыла глаза и принялась глубоко дышать, чтобы успокоиться.

Слышался шум отходящего поезда: звон колокола, свист вырывающегося пара, гремели пустые тележки носильщиков и доносились последние прощания пассажиров. Поблизости раздались уверенные шаги, замершие рядом с ней, и Розмари, открыв глаза, увидела улыбающегося Эндрю Раванеля.

Голова тут же прошла. Розмари стало легче — настолько легче, что она почувствовала себя пушинкой — вот-вот улетит.

— О, здравствуй, Розмари. Странное местечко ты выбрала для сна.

— Господи, Эндрю! Не знала, что ты должен приехать.

Где же группа встречающих?

Полковник засмеялся.

— Генерал Брэгг утверждает, что южанам полезно время от времени меня видеть, — Эндрю театрально прижал руку к груди, — Дорогая Розмари, я словно дешевая плошка, что-то вроде формы для отливки пуль или походного котелка, которые отправят на свалку, только когда они протрутятся до дыр.

Розмари просияла:

— Все твои доблести — притворство?

— Конечно же! Только сохрани это в тайне. Война — большая игра!

Подошел негр с саквояжем Раванеля и банджо через плечо.

— Кассиус, найди извозчика. Я проскользну в Чарльстон, как вор в ночи. Пойдем, Розмари, отвезу тебя домой.

Пока кеб неспешно катился по Митинг-стрит, Эндрю описывал, как его принимали в Атланте.

— Когда я сел в экипаж, люди выпрягли лошадей. Думаешь, я попал к конокрадам? Нет! Горожанам взбрело в голову, что они должны сами тащить мою карету. Они взялись за оглобли и так резво пошли, что оставалось только удивляться, почему такие крепкие ребята не в армии.

А потом я выбрался из экипажа, и меня, под оглушительные возгласы, понесли на плечах. В гостинице люди, не позволяя мне спуститься, так стремительно взбежали по лестнице, что я чуть не врезался головой в потолок. Наконец слез — приятно было вновь оказаться на собственных подпорках. Мне сразу встретились два самых больших в мире ворчуна. Добрейший доктор Мид принялся обличать твоего брата Ретта и просто прожужжал все уши, покуда я не сказал, что если бы Ретт был здесь, тот бы не осмелился отзываться о нем в таком тоне.

Эндрю взял руку Розмари в свою.

— Второй брюзгой была миссис Мерриуэзер, такая грозная, что ее следовало бы обшить броней и

пустить в чарльстонскую бухту. Изрыгая банальности по правому и левому борту, она внесла бы в ряды федеральных судов настоящее смятение. А другие дамы Атланты...

— Падали в обморок к твоим ногам?

— Печальное зрелище. Одна бедняжка была женой самого бестолкового офицера, который когда-либо находился под моим началом. Я бессовестно ей врал. В конце концов я так воспел заслуги майора Уилкса, что он стал просто моим лучшим подчиненным.

Эндрю погладил нежную ладонь Розмари: изысканный жест причинил ей удовольствие и боль.

— Впрочем, к чему вести беседы о скучных людишках с самой очаровательной женщиной во всем Чарльстоне!

Розмари, выпрямившись, вырвала руку.

— Ты забываешь, Эндрю, что я жена и мать.

— Да, верно. Так и должно быть. Счастливая мать, довольная жена.

Когда они проезжали по сожженному району с разрушенными домами и церквями, Эндрю вновь завладел ее рукой.

Вспомни чувство, когда пускаешь лошадь вскачь, то мгновение, когда ты полностью веряешь себя ей, даешь ей волю, и она несется так, словно мчит тебя в небо, и в следующий миг ты понимаешь, что бессмертен... Ты помнишь, Розмари, как это — быть бессмертным?

Розмари сказала как можно нежнее:

— Нет...

— Мы, солдаты, или куда-то бежим, или чего-то ждем, натираем седлами мозоли в любую погоду и едим непонятно что; порой, если бы не банджо Кассиуса, ей-богу, впору перебежать к врагу. Но однажды во всем своем грозном ветчин... Розмари, это твой дом? Можно войти?

— Да, — ответила Розмари.

Слугам известно все. Они меняют смятые простыни, стирают нижнее белье, слышат исступленные крики из-за закрытых дверей.

На следующее утро Клео сказала кухарке:

— Этот полковник пошел в гостиную, а дальше никак, и когда по всему стало видно, что вот-вот сорвется, мисс Розмари попросила меня привести Мэг, чтобы полковник ею восторгался. А Мэг он не понравился, это точно. Не нравится, и все тут. Ребенок начинает скандалить и топтать ногами, и мисс Розмари уводит ее, полковник сидит и ждет, чуть не час ждет, а Розмари все не возвращается.

— У них так ничего и не было? — разочарованно протянула кухарка.

— Ну, уж полковник, конечно, хотел кое-чего. Он прям как жеребец вокруг кобылы, гарцует, шумно дышит и зубы показывает, а мисс Розмари тоже, наверное, хочет, но Бог говорит ей: «Не смей! Храни себя для мужа!» Хорошо, что полковник на меня не посмотрел, как на мисс Розмари, потому что, клянусь, никогда не видела мужчину красивше.

Кухарка покачала головой.

— Ничего не было?

И тут же просияла:

— Бьюсь об заклад, белые люди будут думать, что было.

Эндрю быстро шагнул вниз по Бэттери, не обращая ни какого внимания на тех, кто узнавал его. Кассиус едва поспевал рядом.

Раванель постучался дверным молотком в особняк Фишеров, и его жена, Шарлотта, подошла к двери.

— Эндрю! — ахнула она. — Ты дома! Я только что молилась...

Раванель пронесся мимо, жестом пригласил Кассиуса внутрь и хлопнул дверью что есть силы.

— Где этот чертов привратник? Вечно я должен стучать!

Губы Шарлотты дрогнули в улыбке.

— Никак не думала, что ты приедешь... О боже, как я рада... — Бросившись к нему в объятия, она жадно прильнула к его губам. Потом чуть отстранилась, чтобы полюбоваться, — Ты дома, любимый? Ты правда вернулся?

В холле царил полумрак, столы и стулья стояли в чехлах. Подвески незажженной люстры над головой поблескивали, словно сосульки.

— Мы с Джулиет не топим больше переднюю, — объяснила Шарлотта. — Живем в общей комнате.

— Но слуги...

— Что ты, Эндрю, все ушли. Джолли, Бен и Марта сбежали. Как только негры доходят до рубежей янки, те их освобождают.

Она посмотрела на Кассиуса.

— А ты не будешь убегать, правда?

— Нет-нет, мисс. Я хороший ниггер.

Эндрю отослал его.

— Джулиет будет рада тебя видеть, — сказала Шарлотта. — Она ушла на рынок. Еда еще есть, хотя все ужасно дорого.

Окна в общей комнате выходили в зимний сад. Раньше здесь дети делали уроки, а женщины могли, распустив корсет, выпить чашечку чая.

Теперь в комнате лежали тюфяки Шарлотты и Джулиет вплотную к плите с четырьмя конфорками, а у окна расположился стол, служа буфетом, — на нем стояли эмалированные жестянки для хранения продуктов, расставленные по величине от самой большой до самой маленькой, и пяти галонный бочонок рядом с портлендскими часами из кабинета бабушки Фишер.

Шарлотта подбросила поленьев в печку.

— Сейчас выпьем чайку, Эндрю. Если хочешь... если только хочешь, у нас много вина и бренди. Мы с Джулиет даже не притрагивались к запасам в винном погребе бабушки.

— Лучше чаю.

Шарлотта не сводила глаз с мужа, будто с какого-то недостижимого сокровища. Она налила воду в чайник из бочонка, болтая без умолку:

— Мы каждое утро берем воду у водовоза, поэтому вода у нас есть всегда. По очереди с Джулиет носим. Ах, Эндрю, я так рада, что ты дома!

Над печной решеткой вился дымок.

— Шарлотта, милая Шарлотта... Я должен тебе кое-что сказать...

— Да, дорогой? — Шарлотта пролила воду на плиту. Вода зашипела, запузырилась, повалил дым, — О боже, что я наделала?

Эндрю быстро открыл заслонку.

— Боюсь, огонь потух.

Кашляя, Шарлотта распахнула окна, чтобы выпустить дым.

— Ах, Эндрю, прости, я ни на что не гожусь. Я самая неловкая хозяйка в мире. Ведь леди никогда не учили разводить огонь, готовить ужин, стелить постель. Прости, я такая беспомощная!

Эндрю, взяв чайник у нее из рук, поставил его на остывшую плиту.

— Сядь, Шарлотта. Посиди хоть минутку, прошу тебя.

Не нужно сейчас ничего делать. Завтра я куплю новых слуг.

— Но, Эндрю... Стоит мне к ним привыкнуть, как они убегают.

Раванель сел на скамейку верхом.

— Поговорим о слугах позже. Я хочу кое в чем признаться.

Радость Шарлотты обратилась в тревогу. Она медленно села.

— Когда Джулиет сегодня вернется домой, она принесет новость о... о... новом скандале.

— Скандале? Эндрю, милый, ты ведь только что приехал.

У тебя и времени не было его устроить!

— Мы с Розмари...

Губы Шарлотты сжались.

— Нет, Эндрю. Только не с Розмари. Ее брак — да, не то, что она хотела, но она не может причинить мне боль! Не... не... снова!

Эндрю прижал руку к сердцу.

— Я безумец, Шарлотта. Остался с Розмари наедине в ее доме. И меня совершенно не заботила ее — и твоя — репутация. Однако, клянусь Богом, между нами ничего не было.

Шарлотта обмякла. Облизнула пересохшие губы.

— Розмари всегда была симпатичней меня. Она всем нравилась, даже в детстве. Эндрю, я знаю, ты никогда не был со мной откровенен. Не лги мне сейчас. Прошу тебя...

Эндрю попытался взглядом заверить ее.

— Мне было бы особенно тяжело, если бы ты изменил мне с Розмари. Такую измену я не переживу.

Он взял податливую руку жены.

— Шарлотта, любимая. Честное слово, я не изменял.

Шарлотта с минуту вглядывалась в лицо мужа, прежде чем встать, и отодвинула чайник подальше.

— Ну, тогда другое дело.

— Розмари...

Она прижала пальцы к его губам.

— Тсс!.. Я верю тебе. Всегда верила. Знаешь, Эндрю, по-моему, я ношу под сердцем сына, твоего сына. Пожалуйста, спустись в чулан, откроем шампанское. У нас так давно не было повода для праздника.

Как Эндрю и предсказывал, Джулиет Раванель уже знала, что ее брат провел два часа наедине с Розмари Хейнз.

Глаза сплетницы, донесшие эту новость, сверкали от злорадного удовольствия, когда она выпалила:

— Дорогая, да разве успели бы Эндрю с Розмари что-то сделать за такое короткое время?

Можно представить, что раздули из этого происшествия чарльстонские острословы.

Глава 15

УКРОМНОЕ МЕСТЕЧКО

Фруктовые деревья в саду тетушки Питтипэт отливали розовым, в их ветвях порхали голубые ирепы. После весенней поры дороги подсохли, и федеральные войска неумолимо двигались на юг, чтобы сокрушить Конфедерацию, а майор Эшли Уилкс был в рядах обтрепанной армии, которой предстояло отразить удар.

Питтипэт, Мелани и Скарлетт, не сговариваясь, поодиночке молились за Эшли, первым делом после пробуждения и в последнюю очередь перед сном.

29 апреля 77 тысяч пехоты и 3 тысячи кавалерии федеральных войск под предводительством генерала Джозефа Хукера по прозвищу Драчливый Джо перебрались через реку Раппаханнок по пяти понтонным мостам.

Их встречала сорокатысячная армия генерала Ли, укрывшаяся в густом непролазном лесу близ Чанселорсвилля

[\[29\]](#).

Драчливый Джо хвалился:

— Я одолею Ли, где ни пожелаю!

Спустя шесть дней кровопролитных боев Авраам Линкольн с мертвенно-бледным лицом узнал о поражении армии Хукера.

— Боже, боже мой, — прошептал президент, — что скажет народ? Что?

В середине мая кто-то постучался в дверь дома тетушки Питти. Мелани в это время была на кухне, складывая очистки от яблок-кислиц в чашку, а дядюшка Питер пошел открывать.

Скарлетт сидела за столом, помешивая овсяную кашу, которая, по ее мнению, «и лошадям не по вкусу».

Дядюшка Питер, просунув голову в дверь, сообщил:

— Мистер Тарлтон в гостиной, мисс.

— Тарлтон? — ахнула Скарлетт. — Какой Тарлтон?

В гостиной сидел широко улыбающийся военный в офицерском мундире федеральных войск, перекрашенном в серый цвет и поставленном на службу в войска Конфедерации.

— А, Брент Тарлтон! — улыбнулась Скарлетт молодому человеку, одному из самых пылких ее бывших поклонников, — Господи, какая приятная встреча!

— Мисс Скарлетт! — Молодой человек порывисто опустился на колено, — Выходите за меня замуж!

Скарлетт, подхватив шутку, ответила в том же духе.

— Сэр, — воскликнула она театрально, — разве вы не помолвлены с моей дорогой сестрой Кэрин?

— К черту Кэрин! — Брент жестом отправил сестру Скарлетт в мусорную кучу. Его большие глаза светились счастьем, — Вы не вправе отказать мне еще раз, мисс Скарлетт!

Чересчур серьезное лицо молодого солдата дрогнуло, губы скривились, и он расхохотался. Скарлетт радостно подхватила смех.

Брент, отряхнув брюки, сказал:

— Милая Скарлетт! Неужели мы были когда-то столь молоды, столь безрассудны?

— Точно не помню. — Она с нежностью сжала его руки, — Брент, вы прелестный мальчик, я очень рада снова вас видеть. Как ваши братья?

— Ну, Бойд сейчас капитан, а мой нерадивый братец-близнец, Стюарт, был сержантом, пока наш лейтенант не задал ему взбучку, — Брент похлопал по нагрудному карману, — У меня письмо от рядового Стюарта Тарлтона мисс Индии Уилкс. Вот диковина — это первое письмо, которое Стюарт написал в своей жизни!.. Бойд сейчас в лазарете, а Том бездельничает в штабе генерала Юэлла. Мы нещадно его подкалываем.

— А Эшли? — нетерпеливо вставила Мелани.

— Ваш муж как огурчик, мэм, — Брент, запустив руку в карман, извлек пухлый пакет, — Майору Уилксу писать привычней, чем моему Стюарту.

Мелани, получив драгоценные письма, затрепетала, как от прикосновения мужа.

Бренту Тарлтону дали отпуск для весеннего посева.

— Может, и Эшли приедет? — вздохнула Мелани.

— Вряд ли, мэм. На мой взгляд, армия нуждается в майоре Уилксе больше, чем в Бренте Тарлтоне.

— Не позавтракаете с нами? — проглотив разочарование, предложила Мелани, — У нас только каша, но можно добавить кленовый сироп.

— Если не съедите, каша достанется лошади Питти, — сказала Скарлетт.

— Весьма признателен, мэм, но мне нужно добраться домой. Все думаю о мисс Кэрин.

У парадных ворот Брент пообещал, что отвезет ответные письма Мелани по возвращении в армию.

— Наши уверены, что вот-вот начнется наступление на север. Мы уже обратили федералов в бегство, а значит, скоро пойдем на их территории.

Помедлив, он добавил:

— Все говорят, что мы сможем разбить их.

— А если не сможете? — тихо спросила Мелани.

Брент Тарлтон снял шляпу и поскреб голову. Его улыбка вспыхнула, как у мальчишки, каким он и остался: пылким поклонником, бесшабашным наездником, парнем, который ничего не боится.

— Если не сможем, федералы не забудут, что мы пытались.

Как и предсказывал Брент Тарлтон, генерал Ли в июне переправился через Потомак в Пенсильванию. Одна из газет Атланты тут же разнесла весть: «Лиса проникла в курятник!»

В казино гостиницы «Нэшнл» Ретт Батлер во всеуслышание заявил:

— Вряд ли генерал Ли второй раз победит при Чанселорсвилле.

В те дни капитана Батлера не пускали в Атланте ни в один порядочный дом; подруги Питтипэт бранили ее за то, что она принимает «этого непатриотичного перекупщика».

Когда решимость тетушки начала ослабевать, Мелани напомнила ей:

— Тетя Питти, разве капитан Батлер не был всегда добр к нам?

— Почему же, был, но...

— Тогда наш христианский долг — отвечать на доброту тем же. Милая тетя, если бы люди послушали капитана Батлера, война и не началась бы, и наш дорогой Чарльз был бы жив.

Мелани не знала, куда пропала сабля брата. После его смерти командующий частью Чарльза со словами соболезнования вернул саблю и дневник. В дневнике было только две записи: «Прибыл в гарнизон Фостер. Представлен Уэйд Хэмптону. Он просто титан!», и спустя два месяца: «Немного хвораю из-за непогоды. Надеюсь, что долго в лазарете не пробуду». Все это лежало в одной связке с дагерротипом, сделанным в день отъезда брата на войну. Мелани думала, что отдала вещи Скарлетт, но та сказала, что нет, Мелли ошибается. Тогда Мелли написала в Двенадцать Дубов; Джон Уилкс ответил, что вещи Чарльза у Питтипэт. Мелани, Скарлетт и малыш Уэйд отправились к Уилксам, и Скарлетт сказала Джону, что тот, должно быть, ошибся. Она точно помнит, что видела саблю Чарльза в Двенадцати Дубах.

В хорошо организованной жизни достаточно простого случая, чтобы одна нелепость, соединяясь с другой, выросла в большую беду.

Вот как получилось, что здравомыслящая Мелани Уилкс, случайно оказавшись в чулане, подслушала один разговор, о чем горько пожалела.

Как-то днем она во внезапном порыве открыла чулан под лестницей, где в детстве играла с Чарльзом, предположив (как потом выяснилось, верно), что вещи Чарльза могут оказаться там.

Чулан был узенький, с резко скошенным потолком и глубокий, на ширину лестницы. Поначалу здесь хранились дополнительные столешницы для больших приемов, ламповые стекла, зимние шторы, постельное и столовое белье, но тетушка Питтипэт не стала возражать, когда Мелани с Чарльзом превратили чуланчик в игровую комнатку. Жалюзи на двери пропускали внутрь слабый свет, и в этом укромном местечке дети больше всего любили укрываться, когда играли в прятки. По единодушному согласию соседских детей тот, кто сумел там спрятаться, становился невидимкой.

С мудростью, которую никто не ожидал, Питтипэт приняла этот магический принцип, и многие детские трагедии — заслуженный упрек, пренебрежение лучшего друга, мучительный позор — переживались именно в этой комнатушке. Сколько детских слез было пролито здесь, сколько планов ужасной мести обдумано, сколько рыданий приняли эти стены!

И всегда тетушка Питти с дядей Питером поражались, когда ребенок выскакивал оттуда со следами слез на лице, но уже смеясь, вновь в хорошем настроении.

Как и все детское, чуланчик постепенно был предан забвению и многие годы пустовал, пока кто-то — Питтипэт, Питер или кухарка — не додумался хранить там вещи Чарльза, а его выросшая сестра как-то днем зашла и нагнулась за свертком, в котором легко угадывались очертания сабли в ножнах.

Дверь, качнувшись, захлопнулась, и Мелани медленно села на пол. Присутствие Чарльза ощущалось здесь столь сильно, что она чуть ли не слышала его голос снаружи, из гостиной, где Чарльз когда-то играл с сестрой в прятки. «Наша Мелли за диванчиком? Нет. Под столом? Нет. За занавесками? И не здесь. Куда же ушла сестренка Мелани?»

Но ушел именно Чарльз, а миссис Эшли Уилкс держит его вещи на коленях, поглаживая рукой, думая, как мало, как ничтожно мало остается от нас, когда мы уходим... Так она безутешно рыдала, пока не забылась сном.

Внезапно она очнулась, услышав, как Скарлетт зовет ее из гостиной.

Господи боже мой! Ну на что это похоже — заснуть под дверью чулана с саблей брага на коленях!

— Мелли! Питтипат сегодня ужинает с миссис Мид. Ты дома, Мелли?

Сознание Мелани заметалось. Лучше дожидаться, пока Скарлетт покинет комнату! Тогда можно будет выйти и привести себя в порядок.

— А, Скарлетт, вижу, вы дома.

Знакомый низкий голос. О господи, и капитан Батлер здесь!

Мелани понимала, что ведет себя глупо. Хватит! Сейчас она поднимется на ноги — какой же узкий чулан! — выйдет с саблей брата и скажет... О боже, что она скажет? Мелани Уилкс не могла поставить себя в такое нелепое, унижительное положение. Сейчас те двое уйдут. В хорошую погоду Ретт и Скарлетт всегда встречались на крыльце.

Снаружи доносились глухие удары и скрип передвигаемой тяжелой мебели.

— Что вы делаете, черт побери? — спросил Батлер.

— Ничего.

— За диванчиком на четвереньках? Ничего не делаете?

— Может, подсобите мне, Ретт Батлер, вместо того чтобы торчать тут как пень! Если хотите знать, я ищу саблю Чарльза. Куда-то ее сунула, а теперь Мелани она понадобилась, а я сказала, что у меня ее нет.

— А если найдете, скажете, что она просто «объявилась»?

Скарлетт, я когда-нибудь укорял вас в честности?

— Ретт, помогите мне! Это всего лишь глупая сабля.

— Скарлетт, почему бы вам не сбросить траур и не убежать со мной в Новый Орлеан? Все равно Чарльза вы никогда не любили.

— Не будьте смешным.

— Голубушка, я единственный человек в мире, который вас понимает — и восхищается, когда вы злитесь.

— Вы забываете, что Новый Орлеан в руках федералов.

— Скарлетт, Скарлетт, деньги могут провести повсюду.

Мелани в своем убежище прижала руку ко рту. Не любила Чарльза? Как же так? Симпатичнее его во всем мире не было. Когда он смеялся, то лучился смехом. Пел пусть фальшиво, зато от всего сердца. А до речки неся так быстро, что Мелли на своих маленьких ножках едва поспевала. «Подойди, Чарльз! Подожди меня!»

— Новый Орлеан — самый космополитичный город в Америке. Вам там понравится.

— Капитан, вы мне льстите. Я не космополит.

Он расхохотался.

— Вы такая юная, дорогуша, но, бьюсь об заклад, космополитка бы из вас вышла замечательная. А если сабля Чарльза такая неприметная, почему бы не купить другую?

— Конечно неприметная. У Чарльза все было неприметное. Но сабля принадлежала его деду!

По щеке Мелани скатилась слеза. Зашуршало платье — это Ретт обнял Скарлетт, пробормотав:

— Надеюсь, вы никогда не будете отзываться столь жестоко обо мне.

— Зачем мне вообще о вас отзываться? Вы разве не военный перекупщик? Назвать семьи Атланты, где вас принимают, приличные семьи, которые «дома», когда вы наносите визит?

Он фыркнул.

— Может, плюнуть на сплетников?

— Не стоит, капитан Батлер. Вы выше мирской суеты. Только у нас, смертных, могут быть друзья, и большинство из нас зависит от мнения приличного общества. Уверена, что многим из нас даже рады в родительском доме!

Вновь зашуршало платье.

— О, спасибо, что выпустили, — сказала Скарлетт, — А то я начала опасаться за свое целомудрие.

— Миссис Гамильтон, вы опять себе льстите.

Послышались удаляющиеся шаги Ретта, сопровождаемые победным мурлыканьем Скарлетт. Когда Скарлетт наконец вышла из гостиной, Мелани Уилкс дала волю отчаянным рыданиям.

Глава 16 СОЖЖЕННЫЙ РАЙОН

10 июля на острове Моррис высадилась федеральная дивизия, и к ночи северяне оттеснили защитников Конфедерации к самой батарее Вагнера.

Грохали пушки, федеральные суда ходили вдоль береговой линии острова. Маленькая Мэг прижимала ладошки к ушам, сидя у себя в комнатке дома 46 по Чёрч-стрит.

Когда вечером вернулся отец, Мэг, посмотрев ему в лицо, разрыдалась.

— Сегодня убили сына Уильяма Стока Би, — сказал Джон Розмари. — Когда Уильям зашел ко мне в контору, старик едва мог вымолвить слово.

— Его единственный сын... Бедный, бедный старик.

— Сын Фредерика Уорда тоже убит. Как я понимаю, Вилли Уорд пал смертью храбрых. «Храбрых!» — Джон поперхнулся на этом слове. — Если не считать батареи Вагнера, остров Моррис в руках федералов, и атака неизбежна. Тебе с Мэг я купил билеты в Хэнгинг-Рок.

— Я не поеду.

— Жена!

— Первый раз с января ты назвал меня этим почетным именем.

— Господи, Розмари!

Супруги беспомощно смотрели друг на друга. Ни один из них не сделал шаг навстречу, и момент был упущен.

Когда Джону Хейнзу передали, что Розмари провела несколько часов в их собственном доме с грязным соблазнителем Эндрю Раванелем, он совсем упал духом. Но он ни разу не осудил Розмари. Не считал себя вправе.

Розмари, со своей стороны, знала, что не скомпрометировала честь мужа. Тем не менее она соблазнилась, и это терзало почти так же сильно, как измена.

Невинная, но пристыженная, Розмари Хейнз отвечала на молчаливое осуждение мужа молчанием. С января они ни разу не заговорили легко и открыто.

Через неделю после высадки федералы открыли сильнейший огонь: даже в доме на Чёрч-стрит, 46, стоявшем далеко от моря, поднявшийся от разрывов ветер то и дело вздымал занавески. На исходе дня Розмари, несмотря на неотступную головную боль, вышла прогуляться по парку.

Над островом Моррис при каждом попадании снаряда серебристо-серым шлейфом взлетал песок. Форт Самтер был окутан дымом.

Стемнело. Светляками вспыхивали выстрелы из пушек. Туда-сюда шныряли канонерки конфедератов с ранеными и пополнением.

Горожане в Уайт-Пойнте молились, болтали или пили, после полуночи пушки перестали сверкать, и Самтер застыл черной молчаливой громадой. Половинка луны просвечивала сквозь желтые тучи дыма.

Одна из канонерок выпустила пар, и какой-то матрос пронзительно закричал:

Мы их разбили. Наши ребята задали им жару. Федералы... некоторые... ниггеры.

Атака на батарею Вагнера закончилась неудачей. Утром, когда в город привели пленных федералов,

сообщение того подтвердилось. Солдаты, штурмовавшие батарею, оказались неграми из 54-го Массачусетского полка цветных.

Розмари все ждала, что Клео или Джошуа проговорятся о наверняка им известном: солдаты-негры атаковали белых южан и чуть не одолели их. Клео вела себя так, будто ничего плохого не случилось. Джошуа радовался, что федералам дали отпор.

— Не хочу, чтобы янки пришли в Чарльстон. Правда, Джошуа?

— Вы же знаете. Я при массе Хейнзе камердинером с малолетства.

Пленных негров держали в городской тюрьме, пока политики спорили, что с ними сделать. Некоторые законодатели, в том числе и Лэнгстон Батлер, хотели «вернуть негров в рабство, для которого они больше всего приспособлены». Генерал же Борегар предлагал обращаться с ними как с обычными военнопленными.

Федеральные броненосцы и береговые батареи продолжали обстреливать укрепления конфедератов.

На Чёрч-стрит муж и жена обменивались лишь самыми необходимыми репликами. Мэг притворялась, что все в порядке, и щебетала без умолку, хотя ее родители передвигались по дому молча. В один особенно мрачный вечер Мэг, расхрабрившись, предложила всем троим поиграть в игру. Когда эта идея умерла в зародыше, она сказала:

— Ну если нельзя поиграть, то давайте вместе споем! Нервно хихикнув, девочка запела «Красивый синий

флаг»

[\[30\]](#), маршируя по комнате. Розмари подхватила ее на руки, и та ударилась в слезы.

В этот вечер ребенка укладывала Клео, утешая:

— Все хорошо, милая. Все хорошо. Все из-за этой проклятой войны.

Внизу Розмари говорила:

— Джон, не знаю, хватит ли у меня сил так дальше жить.

17 августа в 5 часов утра федералы открыли огонь по форту Самтер. Их артиллеристы работали посменно, по восемь часов. С каждым залпом на кирпичные стены Самтера обрушивалось полторы тонны железа. Вдобавок постреливали и федеральные броненосцы, дефилируя перед фортом. Одну за одной пушки форта срывало с опор, и к полудню Самтер превратился в груды обломков.

Чарльстонцы, рискнувшие в этот день выйти из своих домов, двигались с опаской, перебежками.

Большая часть федеральных батарей к наступлению темноты перестала стрелять, только одна пушка каждые пять минут всю ночь палила.

Утром Розмари с покрасневшими глазами спустилась вниз.

Джон...

Умоляю, не говори ничего.

Джон, я должна уехать. Хотя бы на время.

Розмари, пожалуйста...

Мы с Мэг переселимся в гостиницу Миллса на несколько дней.

Джон закрыл лицо руками.

Розмари глубоко вздохнула.

Я не изменяла тебе с Эндрю Раванелем.

Муж, казалось, не слышал ее.

— Об Эндрю снова пишут газеты. Чем хуже дела, тем ожесточеннее он бьется.

Ничего дурного...

Розмари, я понимаю, как женщина может быть очарована Эндрю...

— Ненавижу проклятые пушки! — оставив попытки объясниться, вымолвила она.

В этот день Клео упаковала вещи, и они поехали через сожженный район на окраину в гостиницу Миллса.

Военные спекулянты в ресторане гостиницы щеголяли свежепребретенным богатством. Цепочки от часов, одна толще другой, ярко сверкали золотом.

— Мэм, — один из них, не снимавший цилиндра и во время трапезы, приподнял его, обращаясь к Розмари, — Генри Харрис. Рад познакомиться. Насчет вашего брата, мэм.

Просто восхищен! Его не проведешь! — Перекупщик потер переносицу и подмигнул, — Он с его ниггером Бонно — серьезные люди! Мэм, должен быть откровенен. Честность — мое слабое место. Мне нужно десять ящиков французского шампанского, а капитан Батлер всегда привозит лучшее.

Мэм, если увидите вашего брата раньше меня, передайте, что Харрис примет любое предложение в пределах десяти процентов. Так и скажите ему.

— Мама, он говорит о дяде Ретте?

— Боюсь, что да, дорогая.

— Дядя Ретт — мой друг! — заявила девочка.

— Да, милая, конечно, — ответила мать, — Сэр, вы должны простить нас. В номере на третьем этаже Розмари задернула шторы. В этот вечер пушки северян не палили, и город погрузился в благодатный покой. Клео отвела Мэг в меньшую спальню, чтобы раздеть, а Розмари в это время размышляла, что же она тут делает. Что с ней не так? Почему она не может полюбить хорошего человека?

Мэг рядом с кроватью молилась за дядю Ретта, за Джошуа, за Клео, за дедушку и бабушку Батлеров и за всех солдат на войне. Молилась, чтобы не повторялась пальба, потому что она пугает Текумсе.

Мэг молилась:

— Пожалуйста, милый Бог, пусть мама, и папа, и я снова будем счастливы. Аминь.

Немного позже в дверь постучал швейцар, затем под дверь скользнула записка.

Рукой Джона Хейнза было написано: «На любых условиях, Розмари. Ты мне нужна».

Как же так? Неужели любви одного Джона хватит на двоих? Конечно нет! Разве способно женское сердце перемениться от преданности мужа! Розмари зажмурилась так крепко, что в глазах замелькали вспышки.

— О Господи, прошу Тебя... — взмолилась она. И, собравшись с силами, быстро сказала: — Клео, мне

нужно ехать домой.

— Да, мисс. Сейчас велю привести Текумсе.

— Нет, я не могу ждать. Смотри за Мэг, Клео... — Розмари сжала темное лицо служанки ладонями, показавшимися совсем бледными, и посмотрела ей в глаза, — Возможно, я не вернусь сегодня.

— Да, мисс, — ответила служанка, не отводя взгляда, — Надеюсь.

На Митинг-стрит из кеба выскочил какой-то напуганный джентльмен.

Чёрч-стрит, сорок шесть! Прошу вас! — торопила Розмари извозчика. — Пожалуйста, быстрее!

Когда муж открыл дверь, Розмари вгляделась в его лицо, будто знакомые черты и морщинки могли поведать нечто новое.

Когда Джон начал: «Любимая...», Розмари прижала палец к его губам и повела мужа наверх в свою спальню. Слов им было уже не нужно.

Мэг после ухода матери плакала так жалобно, что Клео перенесла ее, завернутую в одеяло, на пустую кровать Розмари.

— Все хорошо, дитяtko. Твоя мамочка с твоим папой. А завтра они приедут за нами.

— Клео, мне страшно.

— Не бойся ничего. Пора спать.

Но маленькая Мэг никак не успокаивалась, и всякий раз, когда Клео почти клевала носом, девочка принималась что-то болтать или возиться. Наконец ребенок обвинил ручонкой шею Клео, детское дыхание защекотало щеку служанки, и они вместе заснули.

Ужасный шум и всполохи заставили Клео резко подскочить.

— Все в порядке, милая, — сказала она по привычке.

Окна в комнате светились, словно раскаленные добела, и Клео прикрыла глаза. Мэг взвизгнула, зарыдала и вцепилась в служанку.

— Тише, тише. Ничего страшного.

Откинув одеяло, негритянка босиком, с девочкой на руках подбежала к окну. Дом напротив расплавленной лавой окутал огонь. Клео прижала руку ко рту.

Глухо простучали шаги мимо двери.

— Пожар! Пожар!

Люди сбегали в вестибюль.

— Проклятые янки обстреливают город!

Мэг закричала:

— Клео, мне здесь не нравится!

— Мне тоже, — отозвалась Клео. — Поедем домой. Мне нужна твоя помощь, дорогая. Отпусти мою шею и вставай на ножки, сейчас мы тебя оденем.

За дверью раздавался оглушительный топот, будто стадо животных обратилось в паническое бегство. Клео накинула на ребенка, вытянувшего вверх руки, платице, ощупью нашла туфли — один рядом с

кроватью, другой под бюро.

— Пожалуйста... — прошептала Мэг.

Клео, завернувшись в одеяло поверх сорочки, посадила ребенка на бедро.

— Обхвати меня руками и держись крепче, детка!

Потом побежала вниз по лестнице. В вестибюле гостиницы толпа полуодетых людей была охвачена паникой. Одни мчались в столовую, другие — в вестибюль. От недалеко пролетевшего снаряда здание задрожало, и перекупщики кинулись на пол, усеянный окурками и опрокинутыми плевательницами.

— Мама!.. — плакала Мэг.

— Милочка, я отвезу тебя к маме.

Они выбрались на улицу через кухню.

Конюхи разбежались, испуганные лошади в стойлах вставали на дыбы, ржали и брыкались. Глаза Текумсе вращались от ужаса, сверкая белками. Клео, набросив уздечку, взнуздала коня и вывела дрожащее животное на дорожку.

Подсадив Мэг к нему на шею, вскарабкалась сама позади нее.

— Схватись за гриву Текумсе, деточка.

— Клео, я боюсь.

— Не бойся, дорогая! Мне нужно, чтобы ты не боялась!

Тонкий месяц скользил меж облаков над сожженным районом. Остовы зданий едва напоминали жилые дома и церкви, словно в насмешку над человеческими надеждами.

Руины протягивали длинные пальцы теней через улицу, пытаясь схватить женщину и ребенка.

Прямо над головой разорвался снаряд, и пламя устремилось к земле. Мэг завизжала, а Текумсе, закусив удила, бросился вперед.

— Тпру! Текумсе, стой сейчас же!

Клео со всей силой натянула поводья.

Плачущая девочка выпустила из рук гриву и соскользнула с шеи коня.

— Текумсе! — заорала Клео.

Она отпустила поводья, чтобы схватить Мэг. Текумсе шарахнулся в сторону, и ездоки полетели на брусчатку.

Не переводя дух, служанка принялась неистово похлопывать неподвижное тельце ребенка. С трудом приподнявшись на одно колено, Клео сглотнула горячую, густую кровь — она прокусила себе язык.

— Ты в порядке, милая? Ушиблась?

— Клео, мы когда-нибудь попадем домой? — захныкала Мэг.

— Скоро, как только стрелять перестанут. А, мы уже близко...

Среди разрушенных шпилей и стен Клео отыскала что-то знакомое.

— Смотри, детка. Вот старое церковное кладбище. А вот кладбище при Круглой церкви. Давай спрячемся пока там.

Джон и Розмари нашли их среди разбитых могильных плит. Тело Мэг было скрыто под телом Клео,

которая до последнего вздоха старалась защитить ребенка от обстрела.

— О господи, — разрыдалась Розмари Хейнз, — Мне нельзя было оставлять ее!

Джон Хейнз прижал к сердцу свое единственное дитя.

Глава 17

ЗНАКИ ЛЮБВИ

Изящный серый «бегун» скользил по мелководью чуть севернее отмели Гремучей Змеи. На вторую ночь после новолуния в отраженном в воде свете звезд видимость была не больше двадцати ярдов, и то для обладающих острым зрением. За полосой прибоя каролинское побережье казалось светлее, чем океан.

Босой

матрос-лотовой

[\[31\]](#), подбежав к штурвалу «Веселой вдовы», дважды щелкнул пальцами: «Две морские сажени» [\[32\]](#). Тунис Бонно дотронулся языком до лота и пробормотал:

— Устрицы. Приближаемся к Пьяному Дику.

Ретт вместо ответа сжал плечо Туниса.

Через подводные выхлопные трубы вырывался шум несоразмерно больших двигателей «Вдовы». Складывающиеся дымовые трубы лежали плашмя, и уже в сотне футов «бегун» был неотличим от туманной дымки над волнами.

После того как федералы взяли батарею Вагнера, проводить «бегуна» сквозь чарльстонскую блокаду стало еще опаснее. Глубоководный судоходный фарватер охранялся федеральными пушками, и ни один «бегун» не осмеливался заплывать западнее форта Самтер. Восточный подходный канал Мэффита был узкий и кривой. До войны буйки отмечали отмели Гремучей Змеи и Пьяного Дика, но сейчас янки убрали их. При отливе глубина канала Мэффита составляла четыре фута и четыре дюйма. А нагруженная «Вдова» опускалась на все четыре.

Сразу за Пьяным Диком «бегун» должен был резко положить право руля и ринуться через единственный оставшийся проход в чарльстонскую бухту.

Чтобы не подпускать федеральные броненосцы к бухте, защитники Конфедерации спустили в воду плавучий бон из бревен с минами, перегородив канал от Самтера до восточного берега форта Моултри. Зазор в сотню футов в этом заграждении был оставлен прямо под пушками Моултри.

Федералы знали, что «бегуны» приходят в кромешной тьме. Знали канал, знали крошечный проход, через который те проскакивали. Молодые наблюдатели-янки с острым зрением терли глаза, изо всех сил стараясь разглядеть что-то в ночи. Они прислушивались к собственному дыханию, стуку сердца.

После падения батареи Вагнера большая часть «бегунов» перешла из Чарльстона в Уилмингтон, в Северной Каралине, где можно было незаметно проскользнуть вдоль двух протоков — обе под защитой форта Фишер, крепости, оседлавшей узкий полуостров между рекой Кейп-Феар и Атлантическим океаном.

Приближаясь к Чарльстону, Тунис Бонно вел свой 180-футовый колесный пароход вдоль берега по переменной впадине, где накат волн начинал пениться гребнями. И если федеральные военные суда держались в открытом море, то отмели патрулировали шлюпки. Двадцатифутовые плоскодонки не способны были потопить или взять на бордаж «Веселую вдову», но их сигнальные ракеты могли обратить мушки больших кораблей против безоружного «бегуна».

Пять узлов. Тунис Бонно напряженно вглядывался во тьму. Слышался рокот волн, прибой обрушивался на берег, шипя при отливе.

Носовой наблюдатель «Вдовы» поднял левую руку, что означало: «Пикетная шлюпка слева по носу». Тунис наклонился к переговорной трубке и попросил у машинного отделения прибавить пару.

Старшина федеральной шлюпки что-то заметил — вроде корабля или «бегуна», а может, и нет. Нащупав сигнальную ракету в жестяном коробе, он выкрикнул:

— Эй, на борту! Какой пароль?

«Бегун», дрожа всем корпусом от работы двигателя, шел со скоростью девять узлов.

— Союз навсегда! — пропел Ретт Батлер.

Пароль сегодняшней ночи был «Геттисберг», а прошлой — «Храни Союз». Старшина с ракетой и спичкой в руке заколебался. Может, капитан этого федерального судна посмотрел не на ту страницу сигнальной книги? Уже много недель не было никаких «бегунов», и не в меру усердному старшине, подавшему ложный сигнал, грозил военный трибунал.

— Пароль! — потребовал он еще раз.

— Нечестный Эйб! — отозвался Ретт.

Старшина поджег ракету... В этот момент «Вдова» подмяла шлюпку, и восемь матросов-северян попали в гребное колесо с острыми лопастями.

— Смелые ребята, — заметил Тунис Бонно.

— Но нерешительные, — ответил Ретт.

— Малый вперед, — пробормотал Тунис в переговорную трубку.

Тунис вел судно по знакомым течениям, вдоль неясно видневшихся очертаний берега. Он доверял памяти своих рук.

«Веселая вдова» продвигалась без дальнейших затруднений до самой отмели Пьяного Дика. Форт Самтер был слева по носу, когда первая ракета федералов мелькнула в воздухе.

Тунис дал команду идти на всех парах, судовая команда подняла трубы, и «Вдова» ринулась вперед, как лошадь на скачках после стартового выстрела.

Пикетные шлюпки и военные корабли посылали красные, зеленые, синие сигналы: «Кто вы? Вы наши?»

Ретт поджег красные и зеленые ракеты — полная бессмыслица.

Бонно часто задышал, будто учащенное дыхание могло заставить колеса «Вдовы» вертеться еще быстрее. Палуба содрогалась под его ногами.

Первые снаряды федералов не долетели на двадцать ярдов. Команду обдало брызгами.

— Стрелять стали лучше, — заметил Ретт.

Взобравшись на кожух парового колеса, он поднес к глазу подозрительную трубу, будто разглядывая приятным летним вечерком безобидный фейерверк, а не клубящиеся дымом пушки.

Носовой наблюдатель высматривал брешь в боновом ограждении.

Поскольку федеральные пушки не могли выследить быстроходный «бегун», они нацелились на бон, и «Вдова» рванулась через водяные ямы от разрывов, заваливаясь то на один борт, то на другой. Палубу заливало потоками, словно «Веселая вдова» угодила под Ниагарский водопад.

Смертоносный бон едва выступал над водой; незаметный и при свете дня, в кромешной тьме он был

совсем не виден. Надеюсь, что федералы успели правильно пристрелять проход, Тунис повел судно в самую гущу водяных столбов. «Вдова» содрогнулась: попали. Потом еще раз: она встряхнулась, как мокрая собака, и ринулась дальше. Тунис чуть не выпустил из рук подскочивший штурвал.

Они проскочили. Светлые кипарисовые бревна бона и позеленевшие, облепленные ракушками мины прошли в шести дюймах от левого борта.

Последний взрыв засыпал палубу обломками.

Они вышли из зоны обстрела федеральных пушек, и Тунис принялся вытряхивать воду из ушей, наклоняясь то в одну, то в другую сторону.

Ретт сошел с кожуха и, сложив подозрную трубу, закурил сигару.

Спичка вспыхнула так ярко, что у Туниса заболели глаза. Хриплым голосом Бонно отдал приказание мистеру Кэмпбеллу, механику судна, оценить ущерб.

— Вот и опять проскочили, — сказал Тунис Ретту.

— Это еще цветочки, — ответил Ретт, — Господи, я боюсь встречи с сестрой. Бедная, бедная Розмари!

Весть о гибели Мэг застигла Ретта в Нассау.

— Ненавижу эту войну, — сказал Тунис.

— Кое-кто утверждает, что она принесет вашему народу свободу.

— Да, сэр. Так говорят.

В городе стемнело. Шпили церквей, поколениями служившие ориентирами для мореплавателей, были выкрашены в черный цвет, чтобы федеральные стрелки не могли наводить по ним пушки.

Снаряд из пушки федералов, которые расположились на острове Моррис, прочертил запалом дугу в темном небе, летя в город. Вслед за короткой вспышкой через несколько секунд раздался отдаленный грохот.

Через штурвал Тунису передавались малейшие перемены в течении реки. Ветер с берега нес с собой кирпичную пыль и гарь.

— Малый вперед.

Ретт попытался пошутить:

— Теперь, когда я тебе продал «Вдову», Тунис, ты должен быть с ней осторожней.

— Ха-ха.

Прибрежная часть города была разрушена. «Вдова» тарахтела вверх по реке вдоль сожженных верфей, клиперов, тлеющих у причала, и пароходов, осевших в воду по самую палубу.

Механик Кэмпбелл доложил, что ущерб от обстрела минимальный, хотя несоразмерно большие паровые двигатели вывернули опоры и погнули кницы правого борта.

Большая часть чарльстонских перекупщиков уехала в Уилмингтон, но люди с верфи «Хейнз и сын», отведавшие федеральных гостинцев, были исполнены желания продолжать дело.

Тунис дал задний ход, пристраивая «Вдову» у причала, члены команды отбойными брусами защитили ее от ударов.

Мерцающие огни озаряли верфь.

Кто-то крикнул:

— Ретт, мне нужны шелк и духи!

— Пуговицы и эполеты! — подхватил другой.

— Возьму двадцать ящиков шампанского!

Пришвартованная «Вдова» покачивалась вперед-назад, оба ее паровых котла с громкими свистками выпускали пар.

В тишине Ретт слышал, как волны реки плескались под корпусом судна.

Ничем не могу помочь, джентльмены. Никаких предметов роскоши сегодня нет. У меня тридцать ящиков кардочесальных гребней для хлопка, четырнадцать ящиков уитвортских винтовок, армейские ботинки, материя для мотива, формы и пули Минье [\[33\]](#). Может, поддержите меня в чествовании «Красивого синего флага с единственной звездой»?

— Господи! — сказал кто-то, — Выбрал же ты времечко, чтобы стать патриотом!

В машинном отделении застучал тяжелый молот: мистер Кэмпбелл чинил крепления двигателей.

Разочарованные перекупщики разошлись, на пристани остались только две повозки, синяя одноместная и черная двухместная.

— Похоже, это Руфи и Розмари, — произнес Тунис.

— Тунис, зачем мы отдаем наши сердца тем, кто их разбивает?

— Считаете, мы были бы лучше, если бы этого не делали?

Сестра Ретта стояла возле повозки. Она казалась меньше, чем образ, хранившийся в его памяти.

— Милая Розмари, — заключил он ее в объятия.

Секунду она сопротивлялась. Потом через силу вздохнула, и ее тело сотрясли рыдания.

— Почему, Ретт? Почему они убивают наших детей? Неужели им неведома любовь к детям?

Вторя вопросу, в городе прогремел взрыв. Ретт не разжимал рук, пока у Розмари не унялась дрожь.

— Спасибо, — едва слышно промолвила она.

Ретт разнял руки, и она, вытерев глаза, попыталась улыбнуться. Потом высморкалась.

— Мэг оказалась такой крошечной, — сказала Розмари тихим, бесцветным голосом, — Будто снова стала младенцем. Когда Джон поднял ее, одна туфелька упала. Знаешь, мы так и не нашли вторую. Лицо моей девочки было испачкано, я вытащила платок, чтобы вытереть его, но Джон не дал.

Ретт... Маргарет была моим ребенком, но мне пришлось умолять мужа, чтобы он позволил вытереть ей лоб. Одна губа была рассечена — вот здесь, — кровь не шла. Девочка была холодна как лед. Вот этими пальцами, Ретт, я закрыла глаза моей дочки.

Ретт крепко прижал сестру к себе. Избавившись от напряжения, которое придавало ей сил, Розмари безвольно обмякла, словно тряпичная кукла.

— А Джон?.. — спросил Ретт.

— Бродит по улицам каждую ночь, совершенно не обращая внимания на обстрел. Знаешь, — мрачно улыбнулась она, — наши пожарники из свободных цветных видят его чаще, чем я. Разве не странно?

— Я схожу к нему...

Розмари схватила брата за руку.

— Нет! Он не будет с тобой встречаться! Джон не хотел бы видеть теперь старых друзей.

— Если старый друг не может...

— Ретт, прошу тебя, поверь. Джон Хейнз не примет тебя.

Руфи Бонно у черной повозки настойчиво прошептала:

Поехали, Тунис Бонно. Ну же, едем!

Тунис мямля в руках шляпу.

Мисс Розмари, мы с Руфи искренне скорбим о вашей утрате. Мы всегда высоко почитали Хейнзов.

Розмари смотрела мимо него, рассеянно поглаживая морду у лошади.

— Интересно, Текумсе помнит Мэг? — тихо произнесла она. — Вот смотрю в его большие кроткие глаза и...

Она закрыла лицо руками, чтобы заглушить рыдания.

— Каждую ночь мы с Руфи будем молиться за вас, мисс Розмари, — пробормотал Тунис.

Он помог беременной жене сесть в повозку, и они уехали. Розмари взглянула в лицо брата.

— Как я была слепа, Ретт, как ужасно слепа! Мне хотелось того, что не положено, и я потеряла столько драгоценных часов, которые могла бы провести с ребенком и мужем...—

Она остановилась, чтобы перевести дух, — Брат, ты не должен повторять мою ошибку. Обещай мне... обещай, что кое-что для меня сделаешь.

— Все, что угодно.

— Ты любишь Скарлетт О'Хара, — Она прижала мягкие пальцы к губам Ретта, — Прошу тебя, Ретт, хотя бы для разнообразия, не нужно цинизма и насмешек. Ты любишь ее, и мы оба это знаем. Ретт, нельзя быть выше любви. Отправляйся к Скарлетт сейчас же. И будь с ней так же честен, как всегда был со мной.

Обернувшись к повозке, Розмари взяла сверток в пергаментной бумаге. Отвернув уголок, показала ярко-желтую шелковую ткань. Это был прелестный шарф, который Ретт подарил ей много лет назад.

— Любимая вещь Мэг. Она заворачивалась в него и притворялась птичкой или бабочкой. И шарф развеивался за ней, когда она бежала, как... крылья ангела...

— Розмари, я не могу это взять.

— Можешь, брат. Нам, Батлерам, никогда не везло в любви. Мы любили или слишком поздно, или как-то неправильно, или не любили вовсе. Подари этот шарф Скарлетт. Много лет назад он доказал мне твою любовь. А всю свою детскую любовь в него вложила моя бедная Мэг. Прошу тебя, Ретт, подари его женщине, которую любишь.

— Розмари, вы с Джоном...

— Теперь ты ничего не можешь сделать для нас.

— Я бы хотел...

— Я знаю, что бы ты хотел. Ступай. В пять часов у тебя поезд.

Ретт поцеловал сестру. И пошел в город.

Через двадцать минут на вокзале начальник военной полиции не желал пропустить Ретта к поезду, отправляющемуся в Джорджию, пока тот не показал ему пропуск Руфуса Буллока*.

— Сэр, есть место в вагоне для офицеров.

Поскольку Ретт изучал артиллерийское дело в Пойнте, он оценил рассказ майора артиллерийских войск о Чикамугской битве**, и, когда Батлер достал из саквояжа бутылку рома, майор решил, что этот гражданский не так уж плох.

Пока их поезд наперегонки с солнцем двигался на запад, Ретт с майором и еще два младших офицера сели играть в покер.

К ночи Ретт вытряс из них все до цента, но это были деньги Конфедерации, и угрызений совести он не испытывал.

На следующий день, когда поезд въехал в Джорджию, девятнадцатилетний лейтенант — «Билокси, Миссисипи, родился и вырос там, мистер Батлер» — сказал:

Мы сейчас порядком бьем янки; почти повсюду. Северяне не выдержат таких потерь, как в Чикамугской битве, еще парочка боев, и старик Линкольн пойдет на примирение.

Глядя в исполненное надежд лицо лейтенантика, Ретт почувствовал себя тысячулетним старцем.

Поезд встал в Огасте на запасном пути.

Привыкшие к задержкам, офицеры устремились в ближайший салун, а Ретт отправился в офис компании «Сазерн экспресс», где и нашел Руфуса Буллока.

Буллок прибыл на юг еще до войны заведовать железнодорожной компанией Адамса. Когда он, обходительный и уравновешенный, проезжал по Мэйн-стрит, уважаемые жители Джорджии чувствовали, что именно такого человека им нравится видеть здесь, несмотря на то что Буллок янки. Когда началась война, «Сазерн экспресс» отделился от своего северного родителя и Руфус Буллок стал президентом новой компании.

Вскоре он уже координировал работу телеграфа и отправку военного жалованья. Поскольку ответственности у него прибавилось, Буллок возглавил управление железных дорог Конфедерации и получил звание подполковника. Тем не менее он никогда не ходил в форме; война для него была тем же бизнесом.

С уверенностью старого знакомого Ретт выставил бутылку на стол Буллока.

— Господи, Ретт, где вы это нашли?

Багамский ром. Двадцать лет выдержки в деревянных бочках. Без вашего пропуска, Руфус, я бы не выехал из Нирлстона.

Бутылка скрылась в ящике.

— Руфус Буллок понимает, что вы в последнюю поездку привезли снабжение для армии, Ретт. Руфус спросил себя: «Какую выгоду может иметь Ретт Батлер с военных поставок?» — довольно захихикал он.

— Я ныне другой, Руфус. Больше никаких прорывов блокады. Когда Джон Хейнз снова сможет думать о деле, надеюсь, он тоже выйдет из бизнеса.

— Слышал, у него дочь погибла. Вот трагедия.

— Да. Руфус, посадите меня на поезд в Атланту.

— Здесь даже Руфус Буллок не в силах помочь. Все имеющиеся у нас вагоны забиты продовольствием.

— Руфус, я вас знаю. Для вас нет ничего невозможного.

Ретт ехал в локомотиве вместе с мистером Бейтсом, угрюмым машинистом, и огромным молчаливым негром-кочегаром.

Когда они выехали из Огасты, солнце уже садилось. Ретт устроился наверху тендера [34]и, растянувшись на поленьях и подложив руки под голову, пытался вспомнить, что Тунис Бонно говорил ему о любви — давно, неужели шесть лет назад?

Друзья встретились в доках Фрипорта впервые после того, как Ретт уехал из Низин, и, отправившись в ближайший кабаk, принялись опустошать его запасы.

Ретт из уст Туниса наверстал упущенное относительно событий в Чарльстоне.

— Твоя сестра превратилась в крепкую, симпатичную молодую женщину.

— Если я дам тебе кубинскую шаль, отвезешь ей?

— Конечно, — Тунис был не так пьян, как Ретт. — Тебя что-то тревожит?

— Женщина. Ничего особенного.

— Ты ведешь себя не так, будто в ней ничего особенного. Любишь ее?

Он фыркнул:

— Люблю? — и хлебнул прямо из бутылки. — Я слишком часто любил. А потом вылезал из постели и надевал штаны. Есть что-то унижительное в натягивании штанов — это опошляет любовь.

— Ты меня разыгрываешь.

— Я?

Тунис, смущаясь, поведал Ретту, что ухаживает за Руфи Прескотт, старшей дочерью преподобного Прескотта.

— Руфи слишком задирает нос, и порой к ней нелегко подобраться, но все-таки, кроме нее, мне никого не надо. Ретт, ты когда-нибудь влюблялся?

— К чему эти вопросы, дружище?

— Случалось тебе встретить девчонку, без которой чувствуешь — никогда уж не будет тебе хорошо, без нее все не так, чего-то не хватает?

— Пожалуй, нет.

— Значит, ты никогда не влюблялся, — убежденно сказал Тунис. — Любовь — она вот такая.

А теперь каждый ход поршня, каждый поворот движущихся колес все приближал встречу со Скарлетт. Сердце у Ретта стучало в такт колесам. Быстрее! Быстрее!

Любая другая женщина, каждая из прежних пассий нынче казалась скучной; хотя Ретт ни разу не говорил Скарлетт, что она для него значит. Только язвил. Или прятался за фальшивым безразличием.

— Трус проклятый, — прошептал он.

Вооруженный драгоценным подарком Розмари, Ретт теперь мог высказать свои чувства. Ей-богу, выскажет!

В приподнятом настроении он спустился в будку машиниста и угостил сигарами мистера Бейтса и кочегара.

В открытой топке гудел огонь. Искры и пепел прожгли в черном суконном костюме Ретта мельчайшие дырочки.

Оживившись от превосходной сигары, мистер Бейтс разговорился:

— Езда по ночам — сплошная нервотрепка, но меня не волнует. Не видно ни черта, и если федералы вздернут рельсы, то я об этом и не узнаю, пока паровоз по воздуху не полетит! А вот пар, видите? Попади под него, выжжет все мясо до голых костей! — Бейтс с полнейшим удовлетворением запыхтел сигарой.

На пару часов остановились, пока мистер Бейтс наполнял бойлер. Ретт с кочегаром загрузили в тендер четыре
[35]дров.

Наконец на рассвете поезд пересек предгорья Джорджии.

— Капитан Батлер, — сказал машинист, — вон там гора Стоун. В течение часа будем в Атланте.

— Если федералы не взорвали рельсы.

— Что вы, сэр! — фыркнул Бейтс, — Федералы никогда не подойдут к Атланте ближе чем на сотню миль.

Пока поезд заходил на вокзал под пронзительный визг тормозов, Ретт пожал свободную руку мистера Бейтса, сунул пару монет в карман кочегара и соскочил. Со шляпой в руке он помчался по платформе к выстроившимся в ряд кебам.

Усевшись рядом с извозчиком, сообщил адрес тетюшки Питтипэт.

Извозчик неодобрительно оглядел грязный костюм Ретта.

— Уверены, что сможете заплатить?

— Уверен, что, если, не тронешься сию минуту, я тебя задушу, — ответил Ретт.

Извозчик, хлестнув лошадь, пустил ее рысью.

Но даже самая большая скорость была недостаточной.

На пороге дома Ретт забарабанил в дверь.

Минутку! Подождите, иду! — Дядюшка Питер, открыв дверь, ошеломленный отпрянул назад, — Капитан Батлер?

Ухи ты мой, за вами погоня, что ли?

Тетюшка Питти в гостиной отложила штопку.

О боже, капитан Батлер! Вы с пожара? Ваша одежда! Вы же всегда были так красиво одеты. А что с вашей шляпой? Господи благослови! Не хотите ли вымыть руки? Питер, принеси таз и кувшин.

Вы слишком добры, мисс Питтипэт, — Ретт поставил свой саквояж на пол и открыл его, — Маленький гостинец для вас. Вот. Ох и руки у меня...

Пока Питтипэт разворачивала тончайшие бельгийские кружева, Ретт продолжил:

Как только я увидел этот воротник, то сказал себе:

«В этом воротничке мисс Питтипэт будет очаровательна».

О, капитан Батлер, как мне вас отблагодарить?

— Я не заслужил благодарности, мисс Питти. Всего лишь доставил украшения даме, которая в них не нуждается.

Что за сладкие речи, — хмыкнула Скарлетт, входя в гостиную. — Капитан Батлер, вы что, прекратили мыться?

Питтипэт выскользнула с подарком из комнаты.

У Ретта в волосах застряли угольки, лицо было измазано сажей. Пропитанная морской водой одежда, высохнув, заскорузла, а в нескольких местах была прожжена искрами из паровозной топки. Манжеты обтрепались, шляпа в руках походила на тряпку. Скарлетт обошла его кругом, словно оскорбленная кошка.

— Я так жаждал увидеть вас, дорогая, — сказал Ретт, — что не стал медлить.

— Увидеть меня? Чего ради? Господи, я искренне надеюсь, что не подавала вам никакой надежды. Капитан Батлер, не могли бы вы умыться, прежде чем обращаться к даме?

Дядя Питер принес кувшин, тазик, мыло со щелочью и ветхое полотенце. Пока Ретт, наклонившись, умывался, Скарлетт безжалостно продолжала:

— Сколько времени вы не обращали на нас внимания?

Не припомню, когда вы были у нас последний раз... В августе? В июле? — Она беззаботно рассмеялась. — Неважно. Как летит время!

Ретт вытер лицо.

— Я пытался устоять перед вашими неотразимыми чарами.

— Боже милостивый, — фыркнула Скарлетт, — Что за льстивые создания мужчины. Продолжайте, капитан Батлер. Этот вздор о «неотразимых чарах» мне даже нравится.

Ретт передал черное от сажи полотенце Питеру, и тот унес его, оставив руку с грязной тряпкой как можно дальше от себя.

Ретт хотел начать все сначала. Хотел рассказать Скарлетт о маленькой Мэг, об Уилле с плантации, о желтом шарфе. Хотел сказать о своей любви.

Но не мог вымолвить ни слова. В гостиной Питтипэт, не имея возможности ни сесть, чтобы не испачкать мебель, ни прикоснуться ни к чему, Ретт Батлер молча протянул Скарлетт О'Хара дар своей любви в грязном бумажном свертке.

— Что это? — спросила Скарлетт.

Глянув на желтый шелковый шарф, она беспечно бросила его на кресло.

— Большое спасибо, капитан Батлер. Вы очень добры.

Ретта внезапно охватила ярость. Он сглотнул ком, стоявший в горле, и холодно произнес:

— О, это пустяк. Небольшой знак восхищения дамой, которая столь же красива, сколь и добра.

После ухода от Питтипэт Ретт бродил по улицам, пока не остыл и не обнаружил, что стоит у лавки Белмонта, лучшего ювелира в Атланте.

На третий год войны мистер Белмонт скупил так много драгоценностей, а продал так мало, что решил прикрыть лавочку. Когда Ретт Батлер попросил его подобрать лучшую брошь с камеей, мистер Белмонт буквально сломя голову кинулся к сейфу.

Девушки Красотки Уотлинг, как всегда, захлопотали вокруг Ретта.

Как вы испачкались, cher! — захихикала Минетта, —

Разрешите поскрести вам спинку?

Элен застелила кресло лошадиной попоной, чтобы Ретт мог сесть, а Минетта налила ему шампанского. Потом попросила Элоизу приготовить наверху горячую ванну.

А почему Элен не может?

Потому что у тебя сильные, толстые руки.

Когда Ретт спросил о Лайзе, Минетта, пожав плечами, рассказала о девушке.

Лайза приняла совет капитана Длинного Носа и ушла из «Красной Шапочки» в... увеселительное заведение. Но Лайза не куртизанка! — Минетта наклонилась сказать что-то по секрету, — Капитана Длинного Носа выгнали из Атланты. Он был удивлен и огорчен своим переводом.

И винит в этом вас.

Ретт, осушив второй бокал, поднялся наверх принять ванну и побриться.

Под вечер он повел Красотку Уотлинг в ресторан гостиницы «Атланта» и, выпив бренди, вручил ей камею.

Ах, Ретт! Какая прелесть! Это же... ты всегда был добр ко мне! Знаешь, я...

Тсс, — с улыбкой заставил он ее замолчать.

Ретт, почему ты мне делаешь подарок?

Потянувшись через стол, он взял пальцами ее подбородок:

Потому, милая Красотка, что не могу подарить тебе желтый шелковый шарф.

Глава 18

ЛИСА В БЕГАХ

В первый год войны бригада легкой кавалерии армии Теннесси генерала Брэгга перешла под командование Эйдрю Раванеля. Бригада совершала рейды в тыл федеральных войск в Кентукки и Теннесси, устраивая засады на отряды федералов, громя поезда с припасами, сжигая железнодорожные мосты и взрывая туннели.

В приграничных штатах симпатии жителей разделись: если некоторые женщины открыто плевали в проезжающих мимо мятежников, то иные стремились столь же явно выразить поддержку их Делу в лице блестящего молодого полковника.

Эндрю Раванель любил этих женщин, хотя наутро не мог вспомнить имен.

Пока полковника развлекали, его слуге и виртуозу банджо приходилось спать то в конюшне, то на крыльце, то в сломанной карете, а раз он всю ночь продрожал в продуваемом всеми ветрами кукурузном амбаре.

— Ну и вопит же она, — заметил Кассиус.

— Просто как кошка, — ответил Джейми Фишер, — Хорошо бы еще одно одеяло раздобыть.

— Я теперь никогда не согреюсь... — сказал Кассиус.

Черт! Что там полковник творит с этой мамзель?

И думать даже не хочу.

Джейми свернулся калачиком, пытаюсь согреть руки между бедрами.

Как это вы себе ни разу девицу не завели, масса Джейми? Ведь кое-кто с вас глаз не сводил, — поднял голову Кассиус. Смогли бы себе подыскать не такую крикливую...

— Слушай! Это не конский топот? — Джейми схватил револьвер и шагнул в ночь.

В славные дни первых успехов бригады противники из числа федералов сплошь были новобранцы, чуть ли не впервые севшие верхом, а их скакуны совсем недавно тянули плуги и на полях.

Джейми Фишер показал себя неутомимым всадником, хорошо запоминавшим местность: словно повинувшись инстингу, он определял, где бригаде лучше остановиться на привал, какие дороги станут непроходимы после дождя, какой брод безопасен, а где, несмотря на ровное течение и тверди и каменистое дно, лучше и не пробовать переправляться.

Однажды, когда они с достопамятным музыкантом заночевали на сеновале у очередной леди-патриотки, Кассире с грустью поведал, что как-то женился на девушке по имени Дездемона, тонкой как тростинка. По словам Кассира, он «рыдал как дитя», когда мистер Худжер продал его господину.

Ближе к концу третьего года войны в стычке с кавалеристами федералов у Цинтианы капитан Генри Кершо погиб, а полковник Раванель едва не был захвачен в плен. Офицер по личному составу бригады майор Уилкис, родом из Джорджия, упрекнул полковника Раванеля в том, что тот не выставил вовремя

дозорных, а когда бригада вновь захватила городок, плохо обращался с пленными.

Людам Раванеля критика майора Уилкиса пришлась не по душе, офицеры пренебрежительно называли его «чрезмерно сентиментальным сельским аристократом». Пришлось тому покинуть бригаду, и Джейми Фишер отправился провожать его на вокзал. Хотя Джейми и не осуждал действия Эндрю столь открыто, как Уилкис, они и его коробили. «Война стоила полковнику потери многих друзей», — сказал Джейми майору.

Но Эшли Уилкис только покачал головой — совершенно неправомерная отговорка.

— Эндрю хороший человек, — произнес Джейми, — Все его любят.

— Иногда тех, кого проще всего любить, труднее всего уважать, — отвечивал Уилкис.

Слава Эндрю Раванеля все росла, хотя ветераны и изматывали коней, стремясь повторить прежние победы, давшие тогда несравненно легче. И на риск, который всего год назад казался бы неоправданным, шли не задумываясь.

Командующий армией Теннесси генерал Брэкстон Брэгг был горбатым придирой с густой бородой и сросшимися бровями. У Брэгга неважно обстояли дела с желудком и с нервами, да вдобавок его одолевала столь болезненные чирьи, что он с трудом сидел в седле. Словом, генерал Брэгг являл собой живое доказательство справедливости теории, что несчастье всегда отыщет того, кто лучшей участи не заслужил.

И вот этот Брэгг решил направить полковника Раванеля в Атланту и Чарльстон, где патриотично настроенные жители были бы рады приветствовать героя-конфедерата, с напутствием: «Сэр, вы ни на минуту не должны забывать, что представляете Брэкстона Брэгга; вы мой личный эмиссар!»

Стоило им покинуть штаб, как Джейми сказал:

— Боже мой, Эндрю, только подумать: ты теперь личный эмиссар Брэгга! Разве не распирает тебя чувство гордости?

Джейми расхохотался, а Эндрю ткнул его в бок.

После чего Джейми помог собраться в дорогу, снабдив друга новой шляпой взамен испорченной в Эллсворте.

Тебе понадобится перо, для дам.

Ни к чему мне перо, Джейми. Ты для меня — лучшее украшение.

Передай мою любовь сестренке Шарлотте, — беззаботно ответил тот.

Подчиненные полковника Раванеля с интересом следили за его перемещениями.

Сестра капрала написала брату из Атланты: «Полковник Раванель привел своего негра-музыканта, чтобы поухаживать за вдовой Чарлза Гамильтона, но она дала ему от ворот поворот. Теперь все над ним потешаются».

Кавалеристы порадовались, что полковник не изменяет своим привычкам, однако еще больше им понравилось, что его тактика не сработала. Сами-то они не видели жен с прошлой весны.

А квартирование у миссис Хейнз послужило почвой для новых шуток.

Старшина изображал в лицах: «Как это два часа недостаточно долгое знакомство? Обычно мне хватает десяти минут».

Вернулся Эндрю из Чарльстона на удивление посерьезневшим. Скабрзные шутки раздражали его,

обычных собутыльников он избегал. Кассиус перешел на исполнение сентиментальных баллад.

Когда же Джейми спросил о том, как обстояли дела со вдовушкой в Атланте, Эндрю Раванель ответил:

— Лучше уж нос к носу сойтись с целой дивизией янок, чем со Скарлетт О'Хара Гамильтон. «Полковник Раванель. Уходите и забирайте свой оркестр с собой!»

Так Кассиуса переименовали в Оркестр Эндрю.

Эндрю расспрашивал брата Шарлотты: какой она была в детстве? Была ли она на бегах в тот день, когда он поцеловал при всех Розмари Батлер на ипподроме? «Я так был зол на Лэнгстона Батлера, так унижен, что мог пойти на любое безрассудство, лишь бы ему насолить!»

Джейми думал, что Эндрю понадобится время, чтобы войти в роль верного мужа, но был приятно удивлен, когда дамам, желающим развлечь «прославленного полковника Рананеля», было отказано с улыбкой и словами: «Мадам, не будь я женатым человеком, не мог бы поручиться за вашу честь».

Джейми же Эндрю сказал:

— Шарлотта заслуживает лучшего мужа.

А в другой раз в задумчивости поделился:

— Джейми, если мне суждено стать отцом, молю Бога, чтобы у меня это вышло лучше, чем у Джека.

Те газеты, что недавно пели хвалу полковнику Раванелю, теперь начали высказывать критику в его адрес. «Чарльзстонский Меркурий» задавался вопросами насчет Эллсворхта: «Когда офицер федеральных войск разгуливает по улице в похищенной у полковника шляпе, Раванель выглядит не слишком доблестно».

Шарлотта писала Джейми: «Прошу тебя, не позволяй Эндрю делать глупости. Боюсь, мой любимый супруг считает себя недостойным меня и того ребенка, что должен появиться на свет. Как бы он не пустился в какую-нибудь авантюру, чтобы подправить свою репутацию, которая и без того сияет, будто полуденное солнце! Пожалуйста, Джейми, постарайся сберечь Эндрю для меня!»

Пять недель спустя, в марте, ближе к вечеру, стоя под моросящим дождем на холме неподалеку от Поммери в штате Огайо, Джейми Фишер рассуждал о церковных колоколах:

— Как я мог считать их звон приятным? Правда, в прежние дни семейства чинно прогуливались по Митинг-стрит...

Полковник Эндрю Раванель разглядывал в подзорную трубу селение, где заполошно, словно гоготало целое стадо перепуганных гусей, трезвонили сейчас колокола: «Тревога! Тревога! Мятежники идут! Тревога! Тревога!»

Стоило им замолкнуть, как издали подхватывали начатый звон колокола других окрестных селений.

Это же Божьи колокола, Джейми, стыдись, — сказал Эндрю, сложив трубу. — Поедем напрямик или в обход? Может, покажем гражданам Поммери выправку, чтобы им было о чем рассказать внукам?

— Нет, Эндрю. Там наверняка засел какой-нибудь дед с мушкетом, который спит и видит, как бы завалить конфедерата.

Эндрю Раванель покрепче устроился в седле.

— На сколько примерно отстают федералы?

— Три батальона в двух часах пути.

— На этот раз им не уйти.

— Ха-ха, — откликнулся Джейми.

Эндрю спросил Джейми о броде на реке Огайо, через которую им предстояло переправиться по пути домой.

— Пару недель назад Коббов брод был проходим, но ведь лило почти не переставая, ковчег впору на воду спускать.

Эндрю рассеянно потрепал коня по шее.

— Кассиус не умеет плавать.

Джейми наклонился ближе к шурину:

— Если поднажмем, то доберемся до Огайо завтра к вечеру.

Эндрю привстал на стременах и махнул своим людям двигаться в обход городка янки. Они направлялись домой.

Три недели назад Эндрю Раванель переправился через Огайо с двумя тысячами свежих, хорошо вооруженных кавалеристов-конфедератов, намереваясь разрушать на территории янки железные дороги, жечь армейские склады, красть лошадей и вербовать тех, кто сочувствует Делу южан.

Но рейд с самого начала не заладился. Предупрежденные по телеграфу бригады федералов двигались по пятам.

Лишь скачка почти без отдыха да навыки Джейми Фишера уберегли от крупного сражения, которого им ни за что было бы не выиграть.

Они бежали, уклонялись от стычек и вели арьергардные бои, когда не могли уклониться. Убитых некогда было хоронить, а раненых просто оставляли на перекрестках, на милость федералов. Из четырех орудий сохранилось только одно.

Три сотни оставшихся в живых кавалеристов бригады Раванеля теперь обросли бородами, были увешаны оружием и походили больше на бандитов, чем на солдат.

Когда наступили сумерки, дождь полил сильнее. Холодный дождь. Чтобы дать отдых коням, солдаты шли пешком, держась за стремя. Кровь текла в жилах все медленнее, сердцем Эндрю Раванеля начала овладевать печаль, и он крикнул Кассиусу:

— Ну-ка, сыграй, парень!

Заиграв на коробе передка орудия, где он сидел, скрестив ноги и раскрыв над своим банджо потрепанный зонт, Кассиус старался угодить, но одни мелодии выходили фальшиво, а другие давно надоели.

Отчаявшись, Кассиус завернул драгоценный инструмент в куртку.

В лунном свете видно было не дальше идущего впереди. Порой старшине нелегко было держаться дороги. Люди на ходу грызли сухари, на минуту отходили из строя облегчиться, а потом бегом догоняли. Дождь проникал за воротник, просачивался сквозь швы одежды и сапог. Шляпы бесформенно обвисли. Души сжались в комок. Когда кто-то из всадников попытался сесть в седло, лошадь заартачилась. Порой выбившиеся из сил кони валились на землю и сбрасывали всадников, и приходилось совместными усилиями поднимать животных на ноги.

Когда Эндрю прощался с Шарлоттой на вокзале, та сказала:

— Дорогой, я знаю тебя лучше, чем кто бы то ни было на земле, и не сомневаюсь, что ты делал вещи, которых стыдишься. То, что это вызывает у тебя стыд, доказывает, что ты очень хороший человек.

Эндрю любил многих женщин. Но лишь Шарлотта хранила и берегла его.

На пятнадцатое утро с момента вторжения на территорию федералов дождь наконец стих, и холодный ветер разогнал тучи. С восходом солнца вся земля вокруг засверкала. Проехав назад по своему следу, Джейми Фишер сообщил, что им удалось оторваться от преследователей.

— Они, скорее всего, догадались, куда мы направляемся.

— Да, Джейми.

— И перекроют подходы к бродам.

— Джейми, ты всегда чертовски перестраховываешься.

Теперь потрепанное войско пересекало перерезанное оврагами плато. По дну оврагов текли мутные потоки, лошадям по брюхо. Белохвостые олени разбежались при их приближении, ломая кусты. То тут, то там попадались заброшенные бедные фермы. День разгорался, становилось теплее, плато развернулось в просторы пастбищ, и к полудню они въехали на аллею, ведущую к двухэтажному фермерскому дому. Хлопнула задняя дверь, вдали стих стук копыт. Плита на кухне была еще горячая, на сковороде жарилось мясо.

Джейми Фишер съел кусок, облизнул пальцы и налил Эндрю кружку кофе.

— До Коббова брода доберемся к полуночи, — сказал Джейми.

Эндрю сидел за кухонным столом, греясь о кружку. Обычная фаянсовая кружка с чуть отколотым краешком; фарфоровые чашки тут, конечно, хранятся в гостиной.

Со двора доносились крики старшины:

— Расседлайте коней и хорошенько их разотрите. Вы, конечно, устали, но они устали еще сильнее. Мэрфи, просыпайся! Черт тебя возьми, ты ведь пока еще не умер!

Наверху в спальнях грохотали сапоги, слышно было, как там выдвигают ящики комодов. Разве всегда его солдаты были ворами? Эндрю помнил, как в Эллсворте какой-то солдат из федералов бежал по улице в обнимку с напольными часами. Несчастному глупцу не понадобится узнавать время там, куда его отправила сабля Эндрю.

Сколько еще было таких несчастных глупцов!

Джейми все не успокаивался насчет Коббова брода.

Но Эндрю так устал... как же сильно он устал. Обеими руками поднес он кружку к губам и отхлебнул кофе.

Джейми произнес:

— Нельзя допустить, чтобы они раньше нас добрались до реки.

Откуда у Джейми столько сил?

— Джейми, ради бога, Джейми...

Эндрю удалось поставить кружку обратно, не уронив.

Теперь руки безвольно лежали на столе.

— Эндрю, до Коббова брода не больше пяти часов. Всего пять часов. Дай лошадям отдохнуть часок, если без этого никак. Мы смогли бы переправиться еще до ночи.

Эндрю хотелось, чтобы сейчас тут оказалась Шарлотта. Она всегда знала, что делать. Когда они только поженились, ему это не нравилось. До чего же несправедливо он с ней обходился.

Когда Джейми постучал по столу, Эндрю поднял голову.

— Нельзя теперь давать слабину.

Хриплым голосом Эндрю отрезал:

— Черт меня побери, если я стану слушать советы сопливого мальчишки!

Стоило Джейми выйти из кухни, как Эндрю положил голову на стол и закрыл глаза.

Люди расседлали коней и хорошенько растерли. Затем сняли с себя мокрую одежду и разложили на солнце сушиться. А сами заползли в стойла и на сеновал спать.

Два стервятника кружили в вышине, разглядывая странные цветы на земле из исподнего белья.

К вечеру того дня все проснулись, надели высохшую одежду и заменили капсюли в пистолетах. Разведя костер на дворе фермы, сварили там половину окороков хозяина и три бушеля картошки в большом котле, где шпарили свиные туши. А потом принялись вылавливать оттуда свой ужин вилами.

Сыто рыгая, разожгли трубки. Старшина сказал:

— Не думал, что мы сюда доберемся.

— Может, стоит остаться и завести тут хозяйство, — ответил кто-то.

Эндрю все еще не показывался из дома. Джейми Фишер, видно, уехал на разведку. Ясное небо, усыпанное звездами, порой прорезали метеоры.

Кассиус сыграл «Путешественника из Арканзаса» и «Солдатскую радость», молодые солдаты принялись отплясывать джигу и хорнпайп, кружа друг друга по двору возле амбара под яркими звездами.

На рассвете сели на коней, и через несколько часов плато оборвалось на краю туманного моря. А на другом конце туманного покрывала, всего в двух милях, плато продолжалось уже в Конфедерации Штатов Америки.

— Если бы мы могли пройти по этому туману, — сказал Эндрю Раванель.

— Уж если тебе под силу ходить по водам, то почему не по туману? — пробормотал Джейми.

— Прости меня, Джейми. Я не должен был говорить того, что сказал.

— Ты такая свинья, Эндрю.

— Старина Джек оставил на мне свой след. Но не сомневайся, я шагу без тебя не ступлю. Подожди только еще немного. Через несколько часов мы будем дома.

Хотя Джейми Фишер не ответил, напряжение немного отпустило.

Дорога вела с плато на вспаханное поле возле реки Огайо. Вскосы еще не показались на темно-коричневой земле.

У Коббова брода Огайо была около мили шириной: мелководье до острова Маклина, за которым оставалась протока поглубже. Невысокий островок протянулся на две сотни футов, на берегу плавник вперемежку с кустарником. По низкой воде фургоны могли перебираться на берег Конфедерации, не

замочив дна, но в половодье река была судоходна от Питтсбурга до Нового Орлеана, и пароходы с низкой осадкой и колесом на корме толкали баржи по протоке.

Этим утром остров был невидим в тумане.

Джейми Фишер натянул поводья. К Коббову броду вело множество следов копыт и колес. С острова доносилось лязганье лопат.

Эндрю глянул на следы.

— Нас опередили. Полк?

— Целая бригада, — сказал Джейми, — С пушками.

Эндрю Раванель спешил и подошел к самой воде, где корни вывороченного клена простерлись, словно в безответной молитве.

За островом, на берегу конфедератов, из тумана виднелись тихие верхушки деревьев.

Вскоре подоспели остатки бригады. Эндрю произнес:

— Так бы и спал целый месяц.

Джейми попытался что-нибудь рассмотреть на острове в трубу, потом сказал:

— В Паркерсбурге есть паром, но это в тридцати милях вверх по реке.

Кто-то из солдат подвел коней к воде, другие сидели, перекинув ногу через седло, в невеселых думах. Они тоже умели читать следы.

Подскакал солдат из арьергарда.

— Полковник, позади нас с плато спускается бригада янки.

— Джейми, я... я не знаю...

Джейми Фишер сказал:

— Эндрю, ты должен нас повести. Больше никому.

Чуть помедлив, Эндрю выпрямился, вновь став легендарным предводителем мятежников полковником Раванелем.

— Спасибо, Джейми, — сказал он.

Федералы ехали всю ночь, а прибыв на остров Маклина, начали окапываться. Они устали и легко раздражались: когда кто-то уронил комок грязи на сапог солдату, тот послал на его голову проклятие. С вечера не ели.

Пронзительное улюлюканье мятежников заставило пушкарей-федералов кинуться к орудиям. Кавалеристы побросали лопаты и схватились за карабины — холодный ствол прижат к потной щеке, курок взведен.

Тут из тумана на них ринулись всадники-конфедералы, на полном скаку, не прерывая душераздирающего клича, паля в воздух из револьверов. Сотня, две, тысяча... Более, сколько же их?

И столь же неожиданно, как появилась, эта устрашающая армия вновь исчезла в тумане, прежде чем кто-то из федералов успел выстрелить; остались только два офицера для переговоров.

К ним на берег выехал майор-янки средних лет. Всадники-переговорщики остановились, а майор покрепче нахлобучил шляпу. Поверх свеженасыпанных брустверов виднелись дула карабинов,

направленных на конфедератов.

Раванель опустил в седло.

— А помните, майор, были времена, когда настоящие солдаты не зарывались под землю, подобно кротам?

Майор осадил свою лошадь почти так же мастерски, как и Эндрю. Его обмундирование было потерто, как и сам майор, но содержалось в порядке.

— Были у меня друзья, что не хотели зарываться, подобно кротам. Я не забываю теперь поминать их в своих молитвах.

Людей, подобных этому майору, Эндрю хорошо знал и презирал. Именно такие, респектабельные, скучные, основательные, приземленные люди всегда осуждали Джека Раванеля, а теперь и его сына. И чем хуже дела шли у Раванелей, тем прочнее чувствовали себя эти посредственные во всех отношениях типы, у которых не хватало воображения предпринять что бы то ни было выдающееся и яркое просто ради удовольствия.

Глядя в бесстрастное лицо майора, Эндрю понял, что их блеф не пройдет, еще прежде, чем заговорил:

— Вы знаете, кто я. И знаете, что у меня две тысячи сабель и шесть пушек; если придется — я вышибу вас с этого острова. Сдавайтесь — и я отпущу вас и ваших людей. Мы перейдем на свою сторону, а вы не пострадаете. Вздумаете сопротивляться — погибнете.

Майор кивнул, будто только и ждал таких угроз, и счел исполнение монолога вполне приемлемым.

— Приятно было познакомиться, полковник Раванель.

Мы с ребятами все хотели убедиться, так ли вы страшны, как газеты пишут. Иногда, сэр, там не совсем верно излагаются факты.

— Сдавайтесь, сэр, и дайте нам пройти.

— И не подумаю, — беззаботно ответил майор. — Но пройти — попытайтесь.

Эндрю была видна протока с другой стороны острова.

Стоило до нее добраться — и они доплывут до своего берега.

— Рад был познакомиться, майор, — выдавил из себя Эндрю, отсалютовал, а затем они с Джейми развернулись и ускакали обратно в туман.

Солдаты обратили на Эндрю взоры, полные надежды, ожидая его решения.

— Они нас просто перебьют, — сказал Джейми, — Я насчитал восемь пушек. Так как, Эндрю?

Полковник смотрел на остров. Туман снова сомкнулся, виднелись лишь верхушки деревьев. Дальний берег рассмотреть было проще: крутой обрыв, полоса тумана, деревья.

У Джейми двигались губы, он что-то говорил.

Туман был красив, он кружился и расплывался клочьями. Эндрю представилось лицо Шарлотты, ее полные любви глаза.

Эндрю! — шипел Джейми. — Ради бога, Эндрю!

Ему никогда больше не увидеть Шарлотты. И сына своего не суждено увидеть. Целое поколение сыновей южан не увидят своих отцов. Но, может, кому-то это пойдет на пользу.

Джейми предлагал еще одно место, где можно переправиться, которое он обнаружил, когда разведывал Коббов брод. В нескольких милях вверх по реке. Придется плыть.

Зачем он уехал от Шарлотты? Теперь уже невозможно припомнить.

Успокоительная тьма опускалась на него.

— Эндрю! — настойчиво шептал Джейми, — Ты должен, Эндрю!

Эндрю Раванель почитался храбрецом в краю отважных бойцов, но, вероятно, самый великий подвиг он совершил, когда отбросил эту тьму и скомандовал голосом полковника кавалерийской бригады:

— За мной, вверх по реке, ребята! Теперь — или тюрьма, или дом!

Двигаясь по дороге вдоль реки плечо к плечу, бригада Раванеля скакала сквозь щупальца тумана. Когда изможденная лошадь упала, ближайший кавалерист подхватил всадника и посадил на круп своей. Еще несколько лошадей пали. С кукурузных полей возле дороги туман поднимался наподобие дыма от призрачных костров.

— Мы на месте! — крикнул Джейми.

Конфедераты спустились с дороги к реке и остановили тяжело дышащих коней неподалеку от плавучего причала с привязанной к нему полузатопленной лодкой.

Река здесь была поуже, примерно в полмили шириной.

Берег Конфедерации, от которого их отделял мутный поток, не имел особых примет.

Глава 19

ЖЕЛТЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ШАРФ

Рождественский отпуск кончился, и тысячи солдат из Джорджии возвращались в свои полки. Все они — горожане и фермеры, юристы, кузнецы, врачи, школьные учителя, коновалы, колесные мастера и плантаторы — уезжали от родных в Виргинию, где федералы снова начнут атаковать, едва дороги подсохнут и смогут пропустить их мощные пушки, бесконечные обозы и нескончаемые ряды сытых, хорошо вооруженных солдат в синих мундирах. Уже три года простые южане встречали и отражали атаки этого Голиафа, платя страшной ценой.

На вокзале Атланты новенький мундир майора Уилкса и яркий желтый шарф явно выделялись. Не каждому солдату собрали полную форменную одежду, большинство было одето в домотканые или трофейные мундиры федералов, выкрашенные отваром ореховой скорлупы. У офицерских лошадей из-под натянутой как барабан кожи выпирали ребра.

Жены скрывали слезы, а их мужья-солдаты улыбались. Дети постарше уже умели сдерживаться, но те, что поменьше, не верили храбрым заверениям папочки и были безутешны. Прощание проходило под аккомпанемент детских рыданий.

Эшли Уилкс без труда мог отличить Рубенса от Веласкеса и знал, ранний или поздний концерт Моцарта исполняют музыканты. Он посетил лондонский Тауэр, объездил множество европейских садов, от Бленхейма до Версаля, и хорошо разбирался, какие розы будут лучше расти на глинистой почве Джорджии. Невзирая на свои сомнения относительно этой войны, Эшли был хорошим офицером. Однополчане его любили, ему доверяли. Однако ничто за тридцать три года жизни не подготовило этого вдумчивого, эрудированного человека к испытанию, выпавшему на его долю: он любил двоих женщин сразу.

Он любил свою жену Мелани и... «ее» — девушку с соседней плантации, забавную собеседницу, восхитительного друга, незамужнюю дочь плантатора-ирландца; она была Галатеей Эшли до того самого дня, когда, вернувшись из поездки по Европе, он узнал, что за время его отсутствия девушка стала женщиной.

Эшли Уилкс читал о женщинах немало. Медею, леди Макбет, Джульетту, Изольду, Дездемону, даже скандально известную мадам Бовари Эшли понимал. Но Скарлетт понять не мог, как не в состоянии был постичь и свою тягу к ней. Всю жизнь он культивировал утонченные вкусы, отмечая недостойные джентльмена порывы. То, как неудержимо его тянуло к Скарлетт, поражало Эшли.

Жену Эшли действительно любил, в ней сошлось все, чего он желал. Отпуск он провел целиком с Мелани, не покидая ее объятий. Закрыв двери спальни, они отгородились от печалей и страхов внешнего мира.

Где-то каким-то образом Мелани отыскала ткань, чтобы сшить любимому мужу мундир. Тепло, обнимающее худощавое тело Эндрю, было теплом Мелани.

А за несколько минут до отправления на вокзал Скарлетт уловила момент, когда Эшли остался один, и подарила ему прекрасный шелковый шарф, подшитый собственноручно. И — увы — призналась ему в любви.

Эшли ей ничего не ответил. Да и какой мог он дать ответ? Так и оставил Скарлетт на пороге, ничего не

сказав, не пообещав и даже не извинившись. А как еще мог поступить джентльмен?

Теперь, стоя на перроне в прекрасном новом мундире, перепоясанном тонким шарфом, майор Уилкс испытывал терзания.

— Доброе утро, майор, — сказал Кэлверт Кейд и кашлянул в платок.

Было бы проявлением невоспитанности заметить, что белый платок Кейда запятнала кровь. Брат Кейда Рейфорд пал в рядах конфедератов под Геттисбергом.

— Поезд никуда пока не поедет, — приветственно поднял бутылку Тони Фонтен.

Его братец Алекс уже отключился и лежал, устроившись на вещевом мешке, не обращая внимания на людей, которым приходилось через него перешагивать.

— Локомотива нет, — пояснил человек в гражданском платье от лучшего портного.

— Вероятно, он срочно понадобился какому-нибудь

чертову спекулянту, — с горечью добавил Тони.

Другой брат Тони — Джо — тоже погиб под Геттисбергом.

Эшли обернулся.

— А, капитан Батлер...

— Не могу не выразить восхищения, майор Уилкс. Ваш шарф очень изыскан.

Все знали: этот богатый с горячими черными глазами ухаживал за Скарлетт.

— Шарф — подарок дорогого человека, — сказал Эшли.

— Такого шелка мне не доводилось видеть с самой Гаваны. Завязан двойным «любовным» узлом? Миссис Уилкс — замечательная мастерица.

Мелани? — Эшли покраснел. — Да, конечно. Она замечательная. По-видимому, наше отправление задерживается, поезд...

Тони Фонтен, пошатываясь, подошел ближе, обдав Эшли духом виски.

— Майор, говорил ли я, как восхищаюсь вами? Хочу сказать, что вы... вы настоящий джентльмен. Богом клянусь!

— Локомотив перегоняют из Джонсборо, — Ретт пожал плечами, — Через час-два должен быть здесь. А пока, майор, позвольте пригласить вас что-нибудь выпить?

Эшли Уилксу было не по себе. Но перспектива два часа выслушивать пьяные славословия Тони Фонтена и смотреть, как Кейд Кэлверт кашляет кровью, казалась невыносимой. Батлер, по крайней мере, джентльмен.

— Да, выпить бы не помешало, сэр.

Пока они шли по Декатур-стрит, беседу вел Батлер:

— Теперь, когда большинство гостиниц переоборудовано под госпитали, осталось совсем немного приличных салунов. Но, — потер он руки, — мирное время или военное — порок нужно удовлетворять. Вот мы и пришли, майор.

Фойе и салун гостиницы «Нэшнл» битком были забиты офицерами, пропивавшими остатки рождественского отпуска. Дверь в игорный зал охраняли двое вышибал, скрестивших руки на груди. При

виде капитана Батлера они опустили руки и пропустили его со спутником внутрь.

В просторном зале один негр надраивал рулетку, а другой за барной стойкой мыл бокалы. На обтянутом зеленым сукном столе крупье раскладывал пасьянс. В тишине Эшли слышал, как ложилась на стол каждая перевернутая карта. На мулате, который поспешил им навстречу, были надеты черные брюки и свежая белая рубашка с жабо.

— Добрый вечер, капитан Батлер. И майор. Боюсь, игра начнется не раньше семи...

— Мы не намерены играть, Джек. Не возражаешь, если мы тут присядем в уголке, где потише? Принеси нам шампанского, что ли.

— «Силлери»

[36] все вышло, капитан. С тех пор как вы привезли несколько ящиков, больше поставок не было.

— Я перестал заниматься перевозками в обход блокады, Джек. Давай лучшее, что у вас есть.

Когда появилась бутылка, Батлер наполнил бокал Эшли, который тот осушил без промедления. Ретт снова наполнил бокал.

— Чрезвычайно изысканный шарф, — вернулся он к прежней теме, — Могу поклясться, что он гаванского шелка.

— Вы долго были на Кубе?

— Интересно, где ваша жена отыскала такой шелк?

— Мелани весьма изобретательна. Говорят, на Кубе красиво.

— Это остров, благословенный просторными пляжами и исключительно плохо обученными расстрельными взводами. Ваша жена — просто чудо. Если позволите, я бы назвал миссис Уилкс лучшей дамой всей Атланты.

— Мне ее будет страшно не хватать.

Глаза Ретта Батлера так и сверлили Эшли.

— Вы просто счастливчик, иметь жену столь же искусную, — показал он на шарф, — как и добродетельную.

Крупье крутанул рулетку. Шарик из слоновой кости побежал, пощелкивая, по кругу.

Эшли с самого начала войны не доводилось бывать в таком зале, где все приспособлено для удовлетворения мужских слабостей. Обстановка напомнила ему тот комфорт, для которого он был рожден. С улыбкой Эшли наклонился ближе к Батлеру.

Вы ведь были на последнем барбекю в Двенадцати Дубах, помните, как цвели сирень и кизил? Вы посетили тогда наш розарий? Все плантаторы округа Клейтон с завистью смотрели на Мамалюка, нашего скрипача. Этому негру вообще не пришлось трудиться на полях. Думаю, слуги развлекались на таких приемах даже больше нашего, — он покачал головой, — беззаботные, как дети.

По напряженной позе капитана Батлера Эшли понял, что ступил на опасную почву.

— У вас, как у чарльстонского джентльмена, должны быть, несомненно, сходные воспоминания. Барбекю, балы, скачки...

Ретт перелил шампанского в бокал Эшли и смахнул лишнее ладонью со стола.

— Лошади у моего отца были невыразимо прекрасны.

Мы, Батлеры, ели с тарелок французского фарфора приборами из английского серебра, а на

Броутонской плантации цвели совершенно умопомрачительные азалии. — Ретт поднял бокал для тоста, — Уилкс, вы когда-нибудь секли слугу? Своей рукой, я имею в виду. Секли ли вы кнутом человека?

— Сек ли я слугу? Зачем? Нам и не приходилось. Не помню, чтобы отец сек негров. Я помню только доброе отношение.

— А что вы делали с «непокорными» неграми? Продавали их?

В памяти всплыло воспоминание из детства: плачущая негритянка обнимает колени отца, а телега торговца рабами увозит ее мужа.

Эшли будто лишился дара речи. Слышалось только позвякивание бутылок — бармен пополнял ряды на полках.

Майор кашлянул и промокнул губы салфеткой.

— Говорят, весной на нас федералов поведет Грант. Моя рота сократилась до десяти человек, а полк до шестидесяти... Я страшусь за нашу Конфедерацию.

Ретт разглядывал своего гостя, словно хищник добычу.

— Скажите, майор Уилкс, вот вы человек культурный, воспитанный. Не страдали ли вы когда-нибудь от сомнений? Не ворочались ли во сне, мучаясь вопросом — любит ли она меня? А люблю ли ее я сам? Просто удивительно, сэр, как мало отличаются страстные желания взрослого человека от мучений школьника, которого бросает то в жар, то в холод.

— У меня не было большого опыта с женщинами.

— У меня был. И доложу вам, все женщины не меньше отличаются друг от друга, чем роза от петунии или моргай от американского рысака [37]. Каждая совершенно уникальна.

— И каждая достойна любви?

— Вряд ли выбор тут за нами. Не мы выбираем, кого любить, любовь выбирает нас.

Эшли нахмурился.

— Но, сэр, много счастливых браков заключено по сговору. Не думаете ли вы, что можно научиться любить?

Ретт откусил кончик сигары, выплюнул его на пол и зажег спичку.

— Нет, майор, не думаю. Большинство мужчин и женщин всю жизнь живут, так и не познав любви. И подделку принимают за настоящее чувство. Большинство путают подернутые пеплом угли с бушующим пламенем.

Эшли Уилкс откинул крышку часов.

— Локомотив должен уже скоро прибыть.

— Погодите немного, майор Уилкс. Времени еще достаточно, к тому же здесь тише. Как я понимаю, вы повздорили с Эндрю Раванелем.

Эшли спросил:

— Разве не ужасно федералы поступили с полковником Раванелем?

Ретт фыркнул.

Посадив гордого полковника в тюрьму как обычного конокрада? Должен сказать вам, сэр, — Эндрю

повезло, что он простой заключенный в исправительном заведении.

Федералы относятся к преступникам намного лучше, чем к пленным мятежникам. Мне говорили, вы жаловались на Эндрю генералу Брэггу.

— Брэгг — придира и дурак.

— Не стану спорить, так и есть, — протянул Ретт, — И в чем же состояла жалоба?

Эшли тронул бокал, и Батлер долил ему.

— Я записался в его бригаду добровольцем.

— Труба зовет, славные подвиги и все такое?

— Послушайте, Батлер, я нахожу вашу манеру почти оскорбительной.

— Мои извинения. Так вы были офицером по личному составу у Эндрю...

— Вы знали Эндрю Раванеля по Чарльстону?

— Мой одноклассник. В прежние времена я сделал бы ради него что угодно. Так в чем состояла жалоба?

Эшли произнес:

— Полковник Раванель — не джентльмен.

— У Эндрю и самого были сомнения на этот счет.

Эшли посмотрел на свои руки.

— Что ж, хорошо, если уж так хотите узнать... Наш рейд прошел не очень удачно. Бригада переправилась через Ликинг-ривер и вошла в Эллсворт в штате Кентукки, на территории Конфедерации. Дети бежали рядом, сопровождая нас криками: «Раванель! Полковник Раванель!» Женщины приветственно махали, но даже Эндрю слишком устал, чтобы махать в ответ. Он был не в духе. Поэтому командование принял Генри Кершо. Капитан Кершо расквартировал офицеров в городе, а старшина разбил бивуак для бригады к западу от него. Дозоров Генри не выставил, и, когда на рассвете налетела кавалерия федералов, все были еще в постелях. Мы с Эндрю высочили в одних ночных сорочках. Вы знали Генри Кершо? Крикливого, любившего выпить здоровья?

— Вы слишком снисходительны к Генри.

— Генри не побежал. Генри Кершо схватил шляпу Раванеля с перьями и высочил на улицу с пистолетом в руке, совершенно голый, только в шляпе, и крикнул, что он — Бог свидетель — полковник Раванель, и будь он проклят, если побежит от чертовых янки!.. Прежде чем погибнуть, он успел выстрелить. Оказалось, что на нас совершенно случайно натолкнулся эскадрон федералов-фуражиров. В бригаде слышали стрельбу и уже были в седле, когда мы до них добрались. Полковник Раванель весь позеленел. Федералам и в голову не могло прийти, что мы предпримем контратаку.

Они грабили город; один незадачливый капрал тащил напольные часы. Особого сопротивления они не оказали. Их капитан красовался в шляпе Эндрю — не хватило ума бросить. А когда он попытался отдать ее Эндрю, тот отказался: «К чему, сэр, шляпа ваша. Трофей, добытый в доблестном бою». Мы одели Генри Кершо и положили его на тележку. Обычно в такие впрягают мулов. Эндрю приказал пленникам идти следом, а сам так приладил упряжь, чтобы капитан федералов мог ее тянуть. «Генри это понравилось бы. Ведь вы не откажете убитому вами человеку в последней почести...» Когда капитан медлил, полковник Раванель хлестал его кнутом, словно погонял мула; добравшись до кладбища, федерал рухнул на колени. И снова Эндрю отказался забрать свою шляпу: «Нет, сэр. Вы за нее убили человека, и она ваша. Этим

подвигом смогут хвастать ваши внуки. А теперь, ведь не оставите же вы Генри без захоронения?» Выкопав могилу, капитан распростерся возле нее, а Эндрю Раванель выстроил своих солдат и прочел заупокойную молитву. Затем он повернулся к капитану: «Вы выкопали просторную могилу, подойдет для двоих». И перед всеми солдатами, своими и нашими, этот офицер упал на колени, обхватил ноги Эндрю и стал молить не убивать его.

Ретт Батлер сжал губы.

— Эндрю никогда не задумывался о том, что творил.

В глазах Эшли появилось затравленное выражение.

— Эндрю рассмеялся ему в лицо. «Вот теперь отдайте мою шляпу, — сказал он, — Она не к лицу трусу». Мы оставили того офицера с людьми, которыми он прежде командовал, — Эшли помолчал немного, — Прежде я ценил остроумие как украшение. И никогда не думал, что оно может быть столь отвратительно.

— Красота правды, правда красоты — так, майор? — Ретт Батлер вышел из-за стола, — Я восхищаюсь этим желтым шелковым шарфом. От него веет любовью. Наилучшие пожелания вашей супруге.

Глава 20 РЕКА КРОВИ

Когда Авраама Линкольна выдвинули на второй срок, тот сказал: «Не позволяю себе даже предположить, что делегаты сочли меня самым великим человеком в Америке, скорее они решили, что коней на переправе лучше не менять...»

А переправа лежала через реку крови. Восьмого мая на четвертый год войны Улисс Грант повел весеннее наступление. К июню Грант потерял убитыми шестьдесят тысяч человек. Только у Колд-Харбор всего за восемь минут пали семь тысяч.

С запада на Атланту наступал генерал Шерман. Находившимся в меньшинстве конфедератам генерала Джонстона удалось отбить атаки у Далтона, Ресаки и Пикетс-Милл, но после каждой победы конфедератов обходили с флангов и заставляли покинуть позиции под угрозой отрезать от снабжения. Желая опровергнуть слухи, что он боится устраивать сражения, генерал Шерман дал битву у горы Кеннесо. Потеряв три тысячи солдат-федералов, Шерман познал ад войны.

Когда Мелани сообщили, что Эшли пропал без вести, беременная женщина, которая вскоре должна была родить, упала без чувств. Очнувшись, она стала умолять Ретта разузнать хоть что-нибудь о муже. Некоторые из бывших сокурсников-кадетов по Вест-Пойнту теперь стали генералами федеральных войск, и от одного из них Ретт узнал, что майор Уилкс жив и содержится в лагере для военнопленных на Рок-Айленде.

12 июля 1864 года Уильям Т. Шерман достиг холма в шести милях к северу от Атланты, где принимал радостные поздравления своих офицеров.

После нескольких месяцев обстрела федеральными войсками Чарльстон перестал быть красивым городом. Улицы, шедшие перпендикулярно направлению обстрела, пострадали сильнее всего, поскольку снаряды пробивали крыши и взрывались внутри домов, засыпая улицы щебнем. Всю Феннел-стрит теперь занимали разросшиеся брошенные сады, а на Митинг-стрит паслись коровы. Битое стекло блестело между булыжников мостовой, пылью осело на заборах и покрывало дорожки, словно капли замерзшего дождя.

Хотя соседний дом уже лежал в руинах, дом номер 46 по Чёрч-стрит пока не пострадал. Джон Хейнз отказывался его покидать. Он говорил Розмари:

— Ступай, если так нужно. В северной части города безопаснее.

Отговорить его было не проще, чем убедить призрака вернуться в мир живых.

К июлю блокада Чарльстона сомкнулась, и последнее судно, возившее грузы в обход блокады, было посажено на мель Гремучей Змеи. Спекулянты исчезли. Корабли компании «Хейнз и сын» гнили на верфи, в окнах пустых складов пауки плели паутину.

Днем Джон целыми часами сидел на кровати дочери, глядя в пустоту. А ночью бродил по улицам среди рушащихся стен и пожаров, которые самоотверженно пытались потушить чарльстонские пожарные команды.

Розмари проводила день на недавно организованном Свободном рынке, раздавая пищу семьям солдат. Ямс по понедельникам. По вторникам — кукурузная мука. По средам окра [\[38\]](#). Дети робко цеплялись за материнские юбки. Временами в лице одного или другого ребенка Розмари чудились черты или улыбка Мег, и тогда ее сердце замирало.

По воскресеньям Свободный рынок не работал. Хотя Джон больше не ходил в церковь, Розмари

посещала каждую службу, истово моля Бога открыть, зачем Он забрал ее малютку. После службы она направлялась в верхнюю часть города — особняк Фишеров на Ист-Бэй был разрушен обстрелом, поэтому Шарлотта с Джулиет арендовали небольшой дом к северу от района Шелл.

Трудная беременность Шарлотты и вынужденное близкое соседство с золовкой подвергли естественную жизнерадостность Шарлотты и умение Джулиет вести дом серьезному испытанию.

Каждый день Шарлотта писала письма мужу в тюрьму. Одни она доверяла почте, другие направляла с нанятыми курьерами. У Шарлотты Фишер Раванель были хорошие связи, поэтому часть писем отправлялась с членами комитетов по обмену пленными. Она написала Эндрю о переезде, описывая их коттедж как «уютный домик», где «превосходно и удобно». С неколебимой уверенностью поведала она Эндрю, что у него скоро родится сын. О сомнениях доктора относительно крепости ее здоровья и резких болях, пронзающих живот, она не упоминала. Подписывала свои письма Шарлотта неизменно так: «Твоя маленькая женушка, любящая супруга. Скучаю, молюсь о твоём возвращении...»

Ответа на ее письма не было.

Джулиет говорила:

— Чтобы Эндрю письма писал? Боже упаси. Не припомню, чтобы он хоть одно письмо в жизни кому составил.

— Дорогая сестра, он ведь должен понимать, как дороги мне были бы его слова?

Могу предположить тогда, что его письма конфискуются.

— Но ведь письма Джейми проходят.

Джейми Фишер подробно повествовал о томимых скукой тюремщиках и выходах заключенных. Когда же он упомянул о завладевающей Эндрю меланхолии, Шарлотта написала мужу: «Дорогой мой супруг! Вынужденное бездействие порождает уныние. Прошу тебя, не забывай регулярно делать физические упражнения! Люди пылкого нрава (как у тебя, дорогой) должны упражняться ежедневно. На улице обязательно подставляй лицо солнцу. Солнечные лучи укрепляют шишковидную железу!»

Хотя письма мужу были неизменно жизнерадостны, Шарлотта позволяла себе жаловаться Джулиет.

— Мы были совершенно счастливы. И зачем только Эндрю отправился в этот рейд по Огайо? — Шарлотта потеряла поясницу, — Мне порой кажется, что я ношу не сына, а слоненка какого-то. Ах, Джулиет, отчего мужчины столь жестоки к тем, кто их любит?

— Вот уж не знаю, — отвечала Джулиет с былой язвительностью. — Кабы нам, старым девам, удавалось вернее измерять мужские сердца, не сидели бы мы незамужними.

Нестерпимо жарким августовским утром, после того как Шарлотта Раванель провела в безуспешных потугах сорок восемь часов, Розмари Хейнз приложила ухо к растянутому животу подруги. Выпрямившись, она едва заметно помотала головой: нет, сердечко не бьется.

Джулиет сказала:

— Доктор дремлет на кухне. Пойду позову его.

— Милая, не стоит беспокоить беднягу, — прошептала Шарлотта. — Погоди немного. Разве мы с вами не душа в душу жили? Лучших друзей и представить нельзя, — На губах Шарлотты Фишер Раванель появилась мечтательная улыбка, — Ну не счастливица ли я, вышла замуж за Эндрю!

Все девушки как одна хотели бы иметь его своим мужем. — Она закрыла глаза, — Ужасно хочется

спать. Посплю пока рядом с ребеночком. Скажи, Розмари, верно, что у сыночка Эндрю глаза как у папы?

Затуманенное солнце зависло в белесом небе над опустевшей гаванью. Федералы атаковали последние оставшиеся в руках конфедератов укрепления. Издалека звуки выстрелов слышались не громче треска детской погремушки.

Возле дома 46 по Чёрч-стрит Джошуа седлал Текумсе.

— Что ты делаешь, Джошуа?

Слуга Джона опускал стремяна.

— Масса Хейнз отправляется на войну, госпожа.

Держа в руках седельные сумки, Джон вышел из дома.

Таким энергичным Розмари его уже давно не видела.

— А, Розмари. Как Шарлотта и ребенок?

— Мертвы. Оба — и Шарлотта, и малыш. О Джон, она так хотела этого ребеночка. Она...

Словно боясь, что его объятия могут сломать хрупкую женщину, Джон нежно коснулся волос Розмари. По его добродушному, открытому лицу текли слезы.

— Милая моя, как жаль. Шарлотта была слишком нежна для нашего грешного мира.

Розмари указала на Текумсе.

— Джон, что это значит?

— Я оставил записку на твоём ночном столике. Ты обязательно бы ее заметила.

— Джон!

— Генерал Джонстон обратился с призывом к добровольцам. Компания «Хейнз и сын» разорена, корабли с тем же успехом могли бы стоять на суше. Простишь ли ты меня, Розмари? Я не в силах больше скорбеть, — Муж слабо улыбнулся, впервые за несколько месяцев. — Кто знает, может, мне даже присвоят звание. Лейтенант Хейнз — разве не звучит? Не волнуйся, дорогая. Джон Хейнз будет самым осторожным из вояк.

Он передал седельные сумки Джошуа.

— И за себя не беспокойся — Ретт вложил наши средства в британские ценные бумаги. Что бы ни случилось, ты не будешь нуждаться.

— Джон, подожди! Тебе нельзя ехать! И... и... Текумсе боится выстрелов!

Он похлопал коня по крупу.

— Я тоже. Придется, видно, нам обоим победить свой страх.

— Зачем ты это делаешь? Так нашу крошку не вернуть!

Он крепко, до боли, сжал плечо жены.

— Розмари, мне жизнь не мила. Я думал, скромность притязаний сможет уберечь нас: просто быть честным в делах, любящим мужем и отцом. Ничего больше я не желал. — Джон печально покачал головой, — Как же мы, южане, изменились...

Хотя слова «останься со мной» готовы были сорваться с губ Розмари, она не смогла их вымолвить.

Джон кивнул, словно в ответ своим мыслям.

— Поэтому я и ухожу. Как ни трудно поверить, видимо, страна не управится без помощи своих бизнесменов средних лет, пусть и с брюшком. По словам президента Дэвиса, мы еще в силах победить. Если удастся удержать Атланту, Питерсбург и Чарльстон, Авраама Линкольна не переизберут. А если Линкольн проиграет выборы, федералы прекратят сражаться. Они понесли ужасные потери, даже больше наших. И несомненно, не меньше нашего устали от всего этого жуткого дела.

— Джон, неужели ты способен лгать мне? В такое время?

С глазами, полными любви, он коснулся губами ее руки.

— Розмари, Розмари... Да, способен. — Джон перевернул ее руку ладонью кверху, словно запечатлевая в памяти каждую драгоценную линию. — Я бы солгал самому Иисусу Христу, если бы тем мог избавить тебя от страданий.

Глава 21

АТЛАНТА В ОГНЕ

Когда первые снаряды федералов разорвались на улицах Атланты, Ретт Батлер стоял возле гостиницы «Нэшнл».

Затрезвонили колокола пожарных.

— Там, вон там! — Востроглазый мальчишка указал на столб дыма над крышами домов.

Ретт протолкался через толпу зевак в салун гостиницы.

Поскольку бармен был с остальными снаружи, Ретт сам налил себе пива и отнес вместе с газетой бармена за свой обычный столик в глубине помещения. Еще один разрыв снаряда стряхнул пыль и облупившуюся краску с тисненого латунного потолка, поэтому пришлось накрыть кружку рукой.

Все надеялись, что Джон Худ, новый командующий подошедшей с запада армии, побьет Шермана и спасет город.

Но если подвал гостиницы переоборудуют под убежище, холодного пива уже не получишь.

Одна из газет перевозносила генерала Худа, потерявшего руку и ногу при защите Конфедерации: «Неоспоримое свидетельство боевого духа генерала».

Ретт едва поверил своим глазам, когда увидел, как вчера вечером возле штаба Конфедерации двое сильных мужчин взгромоздили генерала на коня и привязали к седлу.

Первым снарядом сровняло с землей дом мистера Уорнера на углу улиц Роудс и Элиот, убив его вместе с шестилетней дочерью. От следующего выстрела погибла женщина, которая гладила рубашки. Смертельно ранена была другая женщина, сядившаяся на поезд. А свободный цветной парикмахер Сол Люки погиб, когда снаряд, отскочив от фонарного столба, взорвался у него под ногами.

Две из четырех главных железных дорог Атланты были уже в руках федералов. Испуганные бизнесмены по одному поднимались тайком по задней лестнице «Красной Шапочки» с предложениями купить их дело за бесценок.

Поскольку армия Худа конфисковала всех лошадей и все экипажи в городе, Ретт шел от «Красной Шапочки» до гостиницы пешком. Когда улицу перегораживали помпы пожарных, он сворачивал на соседнюю.

С первыми лучами солнца Ретт складывал карты и направлялся к себе в «Красную Шапочку». Если в одну ночь он проигрывал тысячу, то в следующую выигрывал. Ему было все равно.

Глупец. Какой же он глупец! Следовало давно покинуть этот город, с трех сторон осажденный огромной армией, теперь сжимавшей тиски. В Атланте его совершенно ничего не держало.

Кроме Скарлетт О'Хары.

Питтипэт с Питером эвакуировались, но Скарлетт осталась с Мелани Уилкс, которая, родив сына, страшно обессилела.

Следовало уехать в Лондон.

Или в Новый Орлеан, где он не был с той поры, как отвез Тэзвелла Уотлинга к иезуитам.

Несколько раз — в марте, мае и дважды в июле — он даже принимался собирать вещи.

А потом вспоминал длинную шею Скарлетт — такую гордую и такую уязвимую. Или аромат — как пахло ее тело, а не духи. А раз вернулся, вспомнив, как смело она вздергивала подбородок.

Со времен работы на рисовых полях отца Ретт не чувствовал себя столь беспомощным.

В это время за пределами города у Пичтри-Крик и Эзра-Чёрч генерал Худ бросил остатки измученных и усталых конфедератов на откормленных и отдохнувших федералов, которые скосили их без труда. Обстрел Атланты прекратился, огонь перенесли на левый фланг Худа, где федералы прорвались к железной дороге Атланта-Вест-Пойнт и повели наступление на Джонсборо, чей захват решил бы битву — с его падением последняя железная дорога, «Мэкон и Вестерн», оказалась бы перерезанной, и Худ окончательно лишился бы поставок.

По Мариетта-стрит одна за другой тянулись кареты «скорой помощи» с раздвинутыми занавесками, чтобы лучше проветривалось. Рядом с каретами бежали мальчишки и отгоняли от раненых мух.

Каждые полчаса в салун поступали новые слухи: «Фланговая атака Клебурна захлебнулась!», «У меня кузен в штабе Брауна. И он говорит, что Брауну не выстоять».

К трем часам дня игроки делали ставки четыре к одному против Худа.

Ретт Батлер сидел за столом в одиночестве.

Сочтя атаку Шермана на Джонсборо отвлекающим маневром, генерал Худ отвел армию в город. Тридцать тысяч солдат, спотыкаясь, двинулись по Декатур-стрит. Пыль из-под их сапог оседала на стеклах окон.

В салуне в тот вечер кипело лихорадочное веселье. Даже те, кто обычно держался серьезно, просто сыпали шутками, а баптисты, не бравшие в рот ни капли, едва держались на ногах. Вскоре после полуночи высокая женщина в трауре села подле запыленного окна, распустила длинные волосы и зарыдала.

Хотя за остальными столами было не протолкнуться, а у стойки бара люди вообще стояли в три ряда, Ретт Батлер по-прежнему в полном одиночестве играл в солитер: черный валет на красную даму, черная дама на красного короля. Что, черт подери, он делает в этом городе?

Через какое-то время Ретт вышел на улицу, где занялось кристально чистое утро. Певчие птицы заливались трелями. Стервятники пока отдыхали; им предстоял беспокойный денек.

Грязные, измученные солдаты Худа спали на крылечках домов и прямо на тротуарах. Ретт потер щеки. Неплохо бы побриться.

Гостиная «Красной Шапочки» вся была забросана пустыми стаканами и бутылками. Диванчик перевернут, обеих мраморных Венер нигде не видеть.

— Доброе утро, Макбет.

У Макбета под покрасневшими глазами набрякли мешки, щеку пересекала ссадина.

— Нелегкая ночька? — осведомился Ретт.

Вышибала дотронулся до щеки.

— Все просто умом тронулись!

Плита на кухне еще не остыла, и Ретт налил горячей воды для бритья.

Затем поднялся к себе наверх. Пустой стол, открытый пустой сейф. Все, что следовало сжечь, давно

сожжено, а что следовало спрятать — закопано. Ретт Батлер был свободен как птица.

Он сел за стол и выдвинул ящик: ручки, бумага, чернила, пресс-папье. Они могли принадлежать кому угодно.

Что он тут делает?

Господи Иисусе! Что же любовь с ним сотворила!

В четыре часа пополудни пушки федералов заговорили под Джонсборо, Худ поддался на уловку. Армия Конфедерации отошла от места удара.

Под рокот отдаленной канонады Ретт Батлер пришел, как обычно, в салун и открыл новую колоду карт.

Под Джонсборо федералов было впятеро больше числом, чем южан. Последняя железная дорога на Атланту — «Мэкон и Вестерн» — попала в руки Шермана.

— Худ отступает! Армия бежит!

— Тем, кто не желает жить под пятой у янки, лучше поскорее выбираться из Атланты.

Какие-то люди забегали в салун, кто-то выскакивал наружу. Ретт положил черную девятку на красную десятку.

Зашла Красотка Уотлинг. Она уже давно пила.

— О, Ретт. Что мне делать? Федералы...

— Ничего тебе не надо делать, — Ретт налил Красотке еще. — Янки тебя не съедят. Просто не выпускай девушек на улицу пару деньков. А потом подними плату вдвое.

— Ретт, ты всегда был так добр... можно мне с тобой?

Длинные пальцы Ретта разделили колоду надвое и перемешали.

— Отчего ты думаешь, что я куда-то собираюсь податься?

— О, не знаю, Ретт, ничего я не знаю! — Красотка разрыдалась, — Богом молю, возьми меня с собой!

Батлер протянул ей платок. Красотка высморкалась и принялась извиняться за то, что доставляет ему хлопоты.

К столику подошел бармен.

— Капитан Батлер, там снаружи чернокожая девка, ревмя ревет и требует вас. Говорит, очень важно.

На улице колонны солдат обтекали плачущую в голос служанку, Присси.

— Кэп Батлер, кэп Батлер. Вы мисс Скарлетт очень нужны. Ей и мисс Мелли, просто очень. Пойдемте, мне без вас никак нельзя возвращаться.

— Заходи в дом, Присси, и объясни толком.

Но девушка решительно покачала головой.

— Нет, сэр. Я и близко в этот салун не зайду. У дьявола длинные руки. А мисс Скарлетт эвакуируется и просит ваш экипаж.

— И лошадь, и повозку конфисковали. Вряд ли во всем городе удастся отыскать другую.

— О господи, кэп Батлер. Если и у вас конфисковали, то что же нам делать? Мисс Мелли совсем

больна. И малыш тоже. А еще мисс Скарлетт с маленьким Уэйдом. Что же делать?

Душа Ретта воспряла, словно дремавший на солнце кот. По жилам заструилась кровь. Лицо осветила победная улыбка, которую Ретт поспешил скрыть. Он нужен Скарлетт.

— Пожалуйста, кэп Батлер!

— Отправляйся назад к мисс Скарлетт. Скажи ей, что я иду, Присси. И не медли.

В комнате наверху Красотка Уотлинг все так же сидела, мрачно глядя в пустой стакан.

— Верно, не стоит и спрашивать, кому ты понадобился. Куда ты сейчас направляешься, тоже ясно.

— Дорогая Красотка, — мягко сказал Ретт, — Иди домой. Ты нужна девушкам.

Экипаж, который удалось Ретту украсть, представлял собой жалкое зрелище: старая кобыла с распухшими бабками едва тянула фургон, готовый в любую минуту рассыпаться.

Зато колеса крутились.

Оставляющие город конфедераты жгли припасы, и в воздухе стоял запах горелых окороков, тех самых, что фуражиры конфисковали у бедных фермеров, которые надеялись накормить ими свои семьи. Грохот взрывов не утихал — возможно, рвались те самые снаряды, что Ретт провозил через блокаду. Обмундирование, подковы, виски, бекон, сапоги, одеяла, тонны муки — все горело. Огни пожарищ превратили ночь в день.

Присси беспокойно мерила шагами дорожку перед въездом в дом Питтипэт, когда Ретт завернул на их улицу. Завидев его, она кинулась в дом с криком:

— Кэп Батлер приехал. Мисс Скарлетт, кэп Батлер здесь!

Как раз когда Ретт подъехал к воротам, за спиной раздался оглушительный взрыв. Заслонив глаза рукой, Скарлетт вышла на дорожку. Взрывная волна взметнула черные волосы молодой женщины и облепила платьем все изгибы тела.

С неба сыпались какие-то обломки, вверх поднимались языки пламени, а Ретт Батлер, приподняв шляпу, приветствовал Скарлетт О'Хара:

— Добрый вечер. Неплохая сегодня погода. Слышал, вы собираетесь отправиться на прогулку.

— Ретт Батлер, если вы будете тут шутить, я с вами больше никогда не заговорю.

Несмотря на пожары, взрывы и вторжение янки, Ретт был счастлив, словно мальчишка. Как же сверкали ее зеленые глаза!

Раскрывая положение, он не утаил ничего: если они двинутся на юг, лошадь и фургон конфискуют конфедераты, а все прочие дороги в руках федералов.

— И куда же, по-вашему, вы поедете?

— Я поеду домой, — сказала она.

— Домой? То есть в Тару?

— Да, да! В Тару! О, Ретт, мы должны спешить!

Это было невозможно — между ними и дорогой на Джонсборо лежал пылающий город.

Не в силах больше сдерживаться, Скарлетт замолотила кулачками по груди Ретта, рыдая:

— Я доберусь домой! Все равно! Даже если придется идти пешком!

Верно, Ретт знал, что так и будет. Она добьется своего. Ее ничто не остановит.

Он нежно коснулся ее волос и тихо сказал:

— Успокойтесь, дорогая. Не плачьте. Вы поедете домой, моя храбрая девочка. Обязательно.

Присси принялась устилать фургон стегаными одеялами, а Скарлетт с Реттом поднялись наверх, к Мелли. В ноздри ударил запах камфары и растираний, от которого у Ретта даже заслезились глаза. У молодой матери в лице не было ни кровинки. Возле нее спал младенец, прижимая ротиком.

— Я очень осторожно, миссис Уилкс. Попробуйте обнять меня за шею.

— Малютка Бо! — прошептала Мелани.

— Его принесет Присси, не волнуйтесь.

Ретт подхватил Мелани на руки — она не весила и восьмидесяти фунтов.

— Прошу вас... вещи Чарльза. Нельзя их тут оставлять. Слабым жестом Мелани показала на шпагу Чарльза и его дагерротип.

Губы Ретта тронула улыбка.

— Миссис Гамильтон не позволит мне позабыть вещи Чарльза.

Скарлетт уложила их в фургон. Ретт осторожно опустил Мелани на одеяла возле ребенка.

— Спасибо, что помогли нам, капитан Батлер.

Голос Мелани был едва слышен, не громче шелеста бумаги.

Хотя каждая жилка тела трепетала от возбуждения, в глубине души Ретт был совершенно спокоен. Вот для чего он остался в Атланте. Именно этого ему всегда и хотелось. Он ей нужен. Только он.

Когда маленький Уэйд замешкался, Ретт сказал:

— Забирайся в фургон, сынок. Разве тебе не хочется приключений?

— Нет! — ответил мальчик и икнул.

Со смехом Ретт подхватил его наверх. Присси вскарабкалась в фургон сзади, а Скарлетт Батлер помог забраться на сиденье рядом с собой.

— Уэйд, малыш, — пробормотала Мелани испуганному племяннику, — пожалуйста, подложи мне под спину вон ту подушку.

Наклонившись вперед, чтобы мальчик смог подсунуть подушку, Мелани Гамильтон Уилкс закусила губу от боли. Только бы не потерять сознание. Не время падать в обморок!

Мальчик горячо зашептал на ухо:

— Тетя Мелли, я боюсь.

— Малыш, кругом много всего страшного, — зашептала в ответ Мелани, — Но ты ведь храбрый солдатик. Правда?

— Наверное, тетя Мелли.

Фургон со скрипом тронулся с места, и тут Скарлетт воскликнула:

— Я забыла запереть дверь!

Громогласный хохот Ретта мгновенно излечил Уэйда от икоты.

Старая кляча тянула фургон в самый центр пылающего города.

Запершись в домах, выглядевших покинутыми, немногие обитатели спешно прятали фамильное серебро и дедовские пистолеты, оставшиеся с Мексиканской войны. А в центре города ночь оглашали крики, лошадиный топот, скрип колес — армия отступала.

Ретт повернул на боковую улочку. От страшного взрыва занялось дыхание, Уэйд снова заикался.

— Скорее всего, рвануло оружейные склады Худа, — сказал Ретт и, протянув руку назад, ободряюще сжал колено мальчика. Он надеялся, что удастся обогнуть пожар, но в ту ночь все дороги вели в пекло. Стегнув лошадь, Ретт пустил старушку рысцей и сжал рукоять револьвера. Его женщина сидела рядом, доверчиво прижавшись к нему, и да смилуются небеса над глупцом, которому вздумалось бы их остановить!

Склады по обеим сторонам Мариетта-стрит горели. Мародеры, успевшие там что-то урвать, спешили прочь со своей добычей. Вокруг разбитого бочонка виски бродили, пошатываясь, пьяные.

Вдруг Ретт свернул с мостовой и остановился под лестницей ближайшего дома, почти скрывшей их.

— Надо спешить, — сказала Скарлетт. — Зачем вы остановились?

Солдаты.

Вероятно, прежде их в полку насчитывалось не меньше тысячи, но к этому дню и сотни не осталось. Некогда, в прежней жизни, жены и любимые сшили им аккуратную форму, шили полковой флаг, и их подразделение носило гордое имя — Зуавы или Легион. Вступили они в него вместе с двоюродными братьями и соседями по городку, а в полковники избрали владельца самой крупной плантации. Ведь не станут же они слушаться приказов всякой шушеры.

Друзья погибли, сражаясь с ними бок о бок, и кузены тоже. И соседи, и полковник — о, тот уже давно погиб, — да и следующий, что пришел ему на замену — как, бишь, его?

Сколько же у них было полковников?

Они шли понуро, словно какая-то пружина внутри лопнула: позади осталось столько миль, что все они слились, ничем не отличаясь друг от друга, и столько сражений, что и не разобрать. В руках солдаты сжимали верные ружья. Сшитая любимыми форма давно износилась. Теперь их плечи укрывали домотканые рубахи да отвоеванные у федералов куртки — у кого короткие, у кого длинные, а несколько человек вообще шли с голым торсом, на котором играли отблески пламени.

Они едва передвигали ноги, но так и будут идти, пока не рухнут без сил. Для некоторых это станет избавлением.

Мальчик-солдат плелся в самом хвосте. Скорее всего, когда у них еще оставались барабаны, он был барабанщиком, но теперь стало проще достать ружье, чем барабан. И это ружье мальчик волочил за собой в пыли.

Вот он остановился, пошатнувшись, и упал вниз лицом.

Не произнеся ни единого слова, от группы отделились двое мужчин. Один, чья черная борода, казалось, была самой плотной частью тела, отдал оба ружья — свое и мальчика — второму. А сам взвалил мальчика на плечи и зашагал дальше.

Ретт Батлер снял шляпу.

Когда последний солдат завернул за угол, Ретт хлестнул лошадь и двинулся вперед.

Горящий город втягивал воздух в свои огромные легкие. Кругом лопались от жара стекла окон, усыпая улицы закопченными осколками.

Скарлетт воскликнула:

— Бога ради, Ретт! Вы сошли с ума? Быстрее! Быстрее!

Присси закричала.

Со стропил взвивались языки пламени, густой дым струился от кровель. Жар опалял лица и слепил глаза. Ретт подхлестывал лошадь, хотя та и сама бежала рысью, подгоняемая страхом. Волны жара обрушивали кирпичи и доски на мостовую, и Уэйд каждый раз пронзительно вскрикивал.

Некогда это пекло было городом, где обычные люди отправлялись по утрам на работу, где печатались газеты, где проповедники читали проповеди, банкиры занимались своими банками, а бакалейщики торговали в лавках.

Но вот, свернув на боковую улочку, они почувствовали, что стало прохладнее. Пожар остался позади. Вопли Уэйда сменились приглушенными рыданиями.

На окраине города дома стояли дальше один от другого, дорогу окаймляли вязы. Их листва шуршала на ветру, который тянул на себя пожар. Город полыхал теперь у них за спиной.

Ретт натянул поводья.

— Спешите, Ретт. Не останавливайтесь.

— Пусть бедное животное передохнет.

Пот высыхал на прохладном ветерке.

Ретт Батлер страшно устал. Он выполнил обещанное. Больше он ей не нужен. И никогда не был нужен. Ретт спросил Скарлетт, узнает ли она местность.

— О да. Тут недалеко есть проселочная дорога, что отходит от главной дороги на Джонсборо и петляет несколько миль. Мы с отцом по ней не раз ездили. Она ведет к дому Макинтошей, это всего в миле от Тары.

Ретт взгляделся в лицо женщины. Скарлетт всеми силами души стремилась в Тару. Воплощенное стремление. Они с ним были так похожи, но Скарлетт не знала этого и никогда не узнает.

Некоторые мужчины могли любить безответно. Как Ретт им завидовал.

Тепло ее тела рядом... Ретт чувствовал, как бьется ее сердце.

И тут будто что-то внутри оборвалось. Напряжение спало. Он так устал, будто они несколько часов занимались любовью.

Тот барабанщик никак не мог быть старше двенадцати. Ему бы скользить сейчас по реке в тумане и высматривать болотных черепах на отмелях.

Ретт велел Скарлетт двигаться в Тару без него. У нее теперь есть лошадь и повозка, дорогу она знает. А он примкнет к армии.

— Зачем вы меня так пугаете, я готова вас просто задушить! Поедем дальше.

— Я не шучу, дорогая. Где же ваш патриотизм, ваша любовь к нашему Славному Делу?

— О Ретт, — сказала она, — как ты можешь? Отчего ты бросаешь меня?

Слишком мало и слишком поздно.

Ретт Кершо Батлер обнял Скарлетт О'Хара Гамильтон и поцеловал. Ее губы растаяли и отозвались на поцелуй.

Забить ее он не сможет никогда.

И Ретт спрыгнул с облучка в придорожную тьму.

Глава 22

ПОСЛЕ ФРАНКЛИНА

Той осенью, когда призывы к жителям менее пострадавших частей Конфедерации поделиться продовольствием не увенчались успехом, на рынке Чарльстона стало нечем торговать и он закрылся. Розмари возвращалась пешком по усыпанным щебнем улицам, а войдя в дом через переднюю дверь, которую она больше не заботилась запирать, села в комнате напротив любимого кресла Джона. Затем сняла с каминной полки единственное украшение — серебряную вазу в форме бутона — и принялась полировать.

На следующее утро солдат, получивший отпуск по болезни, доставил письмо от мужа. Джон весьма неплохо для его лет справлялся со службой и был повышен в чине. Теперь к нему следует обращаться «капитан Хейнз». Правду сказать, генерал Шталь повысил его лишь потому, что других достойных кандидатов не было.

Далее Джон писал:

Генералу Форресту понравился Ретт, и он хотел дать ему офицерскую должность. Когда же твой брат отклонил эту честь, яростный Форрест немало удивился. Я вижу Ретта каждый раз, когда кавалеристы останавливаются в лагере. Он в прекрасном расположении духа и обрел спутника: некоего Арчи Флитта, который следует за ним повсюду, как черный пес. Флитт — бывший заключенный, добровольно вступивший в армию и потому досрочно освобожденный из тюрьмы. Несмотря на его преданность Ретту, тот не испытывает к нему особого доверия.

После падения Атланты мы двинулись на север. Генерал Худ рассчитывал отрезать Шермана от снабжения и выкурить его из Атланты. Увы, Худ неверно оценил возможные действия Шермана: тот сжег развалины Атланты и быстро двинулся в противоположном направлении. На марше через Джорджию он столь же методично уничтожает железные дороги с востока на запад, как поступал с нашими путями сообщения с севера на юг. Когда дело будет завершено, мы с тобою, сердце мое, окажемся отрезаны друг от друга бог знает на сколько. Прошу тебя, Розмари, приезжай ко мне. На случай твоего согласия друг Ретта Руфус Буллок телеграфировал для тебя разрешение на проезд.

Я прекрасно пойму, если ты не захочешь подвергать себя трудностям такого утомительного и, возможно, небезопасного путешествия, но буду очень рад увидеть тебя. Нам нужно столько навестить, о столько поговорить. Крошка Мег живет в наших сердцах. Милая Розмари, мне очень тебя не хватает, я даже не думал, что так сильно буду скучать. Нас разлучила моя беспочвенная ревность. Я сам виноват и ни в чем тебя не упрекаю. Прошу, приезжай.

Твой любящий муж Джон.

Розмари заметалась по комнатам, вытаскивая одежду из ящиков и шифоньеров. Она уложила уже два маленьких и большой чемодан, потом села и расхохоталась, закрыв лицо руками. Ну не глупая ли!

Тогда она упаковала лишь самое необходимое в саквояж, взяв единственное украшение — филигранную розово-золотую брошь. Теперь она не могла припомнить, отчего недолговечно любила эту брошь раньше.

На вокзале Розмари забрала разрешение на проезд и села в поезд, направлявшийся в Саванну, а на следующее утро, в Саванне, пересела на поезд в Центральную Джорджию, который к полудню следующего дня осторожно въехал в Мэкон.

Кавалерия Шермана подступала к городу, и вокзал Мэкона был запружен беженцами.

Перед сожжением Атланты генерал Уильям Т. Шермам высказал следующее утверждение: «Война — штука жестокая, и бесполезно ее смягчать»; вскоре справедливость этих слов на практике испытали беззащитные фермы и селения на пути его армии.

Поезд Розмари еще не остановился, а беженцы уже облепили его, стремясь занять местечко перед отправлением. Когда же начальник поезда объяснил, что паровозу нужно топливо, все — мужчины, дети, священники и даже почтенные матроны — выстроились в цепочку и помогали грузить тендер дровами.

Юго-западный поезд, на который надо было пересест, охраняли вооруженные ополченцы. Их капитан, потерявший руку под Чанселорвиллем, заявил, что никакого Руфуса Буллока знать не знает. И более того, не уверен, что в Конфедерации вообще существует Бюро железнодорожных перевозок. Говоря это, он весьма фамильярно похлопал Розмари. Поскольку именно от этого капитана зависело, кто сядет на поезд, он выбирал пассажирок посимпатичнее.

Розмари поблагодарила капитана, смахнув его руку, будто не заметив. Она уже села в вагон, когда с платформы её окликнул знакомый голос:

— Розмари Хейнз! Дорогая Розмари! Пожалуйста, поговори с этими людьми!

Уехав из Чарльстона, Уорды укрылись на плантации у родственников возле Мэкона. А всего через год громилы Шермана плантацию сожгли; Уордам вновь пришлось бежать. Евлалия Уорд с шурином Фредериком уже много дней не меняли платья. У туфель Евлалии треснула подметка, Фредерик, никогда прежде не выходивший из дому без шляпы, был с непокрытой головой, и намечавшаяся лысина покраснела под жгучими лучами солнца.

Розмари, тебя ведь пустили! Пожалуйста, помоги нам.

Мы должны бежать из Мэкона. У нас ничего не осталось, совершенно ничего!

До войны Фредерик Уорд был состоятельным человеком с удобно устоявшимися мнениями. Теперь золовка вела его буквально за ручку.

Выпрямись, Фредерик. Тебя не должны принимать за человека без влияния.

Увы, Евлалия, я такой и есть...

Много лет назад, когда умер муж Евлалии, она думала, что потеряла все. Ей и в голову не могло прийти, что на самом деле оставалось еще столько всего, чего она лишилась сейчас. Вилли погиб, а дочери сбежали с солдатами Шермана. Евлалия с Фредериком так страдали от голода, что убили собачку Евлалии — Императрицу, хотя съесть ее так и не смогли.

Из тамбура (не решившись сойти с поезда) Розмари просила капитана ополченцев позволить Уордам подняться в вагон, но тот ответил:

Мэм, для них места нет.

Перегруженный поезд отошел от перрона; Розмари не могла заставить себя посмотреть на оставшихся людей.

Там, где пути были разобраны кавалеристами Шермана рельсы восстановили на живую нитку, поэтому поезд двигался по этим участкам не быстрее пассажиров, которые выходили и шли вдоль рельсов.

Ночью мужчины-пассажиры светили фонарями поездной команде, которая подсовывали брусья под провисающие рельсы, чтобы могли проехать вагоны.

Через двенадцать часов, преодолев не более девяноста миль, поезд добрался до Олбани в штате Джорджия. Там Розмари за пять долларов купила три кукурузные лепешки и забылась сном на полу, среди прочих усталых, невымытых беженцев.

Состав «Сельма и Меридиан» показался сущим чудом. Совершенно нетронутый войной, вагоны не прострелены, даже на утолщении паровозной трубы ни единой дырочки от пуля! Краска немного выцвела, но все вагоны были выкрашены в темно-зеленый цвет с черной обводкой.

Поезд просто летел по ровным рельсам с захватывающей дух скоростью тридцать миль в час. Туберкулезный ветеран, сидевший рядом с Розмари, до войны немало поездил по Новой Англии и воскликнул, не удержавшись: «Клянусь, мэм, ничуть не хуже, чем в Массачусетсе!»

Образцовый поезд довез их до Демополиса, где пассажиров переправили на пароме через реку Томбигби. Оттуда они четыре мили шли пешком до бревенчатой платформы, а там поджидал обычный, натужно посвистывающий паровозик и привычные разноразмерные вагоны, во многих местах простреленные пулями. В Меридиане, штат Миссисипи, Розмари сняла комнату в гостинице и заснула как убитая. На следующее утро она села на поезд «Мобил и Огайо», который к вечеру довез ее до Коринфа в штате Миссисипи. Ночь она провела на вокзале. В два часа следующего дня поезд Мемфис — Чарльстон привез припасы, новобранцев и Розмари Хейнз в Декатур, штат Алабама. Конец маршрута.

На платформу в Декатуре выгружали бочки с порохом и солониной, боеприпасы и новобранцев. Самому молодому из них всего три дня назад исполнилось семнадцать, самому старшему — сорок девять. Большинство из них молчали, но один, в куртке с бобровым воротником, поведал Розмари Хейнз, что он — персона слишком ценная для военных действий, чтобы так просто погибнуть в битве, а мальчишка с выступающими вперед зубами сказал, обкусив ноготь на большом пальце, что дезертирует при первом удобном случае. Однако полицейские выстроили новоприбывших и объявили им, что пожелавшим дезертировать придется соревноваться в скорости с пулей, которую пошлют им вдогонку.

После пяти дней пути Розмари была рада сойти на прочную платформу. Она передала свой саквояж ожидавшему Джошуа.

— Долго пришлось ждать?

— Немало.

Розмари с трудом узнала лошадь у коновязи. Даже живодеру такой конь не принес бы ни гроша.

— Что вы сделали с Текумсе? Бедняга!

— Он состарился, мисс Розмари, — ответил Джошуа. — Родился в прежние времена.

— Пока не отправился в армию, он был вполне здоров. Ведь ты был хорошим мальчиком, правда, Текумсе?

Конь поднял голову и приветственно заржал в ответ.

У Розмари от жалости чуть не брызнули слезы.

— Джошуа, Текумсе хочет яблоко.

— Мисс Розмари, если удастся раздобыть овес, яблоки или кукурузу — мы едим сами. Когда конь умрет, думаю, мы и его съедем.

Поскольку железнодорожные мосты к северу от Декатура были сожжены, припасы для генерала Худа повезли телегами и фургонами, запряженными волами и мулами, а пополнение двинулось на своих двоих в Колумбию, штат Теннесси. Розмари и Джошуа присоединились к ним. Временами Розмари ехала верхом на Текумсе, но из жалости чаще шла пешком. Фургоны с армейскими припасами порой сходили с узкой дороги и двигались прямо через поля, оставляя за собой глубокие колеи. Ограждения пошли на костры для солдат, а если и осталась какая скотина, ее спрятали подальше в лесах. Ту ночь Розмари провела под фургоном на земле.

Наутро дождь сорвал последние листья с деревьев и залил колеи. Текумсе больше не мог нести седока. Когда стемнело, они добрались до Пуласки, уже в Теннесси, где Розмари купила немного овса; жеребец едва к нему притронулся.

Джошуа спал в стойле рядом с конем.

Комнату в гостинице, где остановилась Розмари, не топили, но, сложив ветхое одеяло вдвое, ей все же удалось немного согреться. Молодой женщине снились Джон и Ретт июньским днем, когда солнце ярко светило: Ретт принес целые корзины с едой, на всех, а Текумсе пасся в высокой траве, щекотавшей ему брюхо.

Хотя из Пуласки ходили поезда, бледный полицейский не разрешил Розмари сесть.

— Мэм, не могу посадить вас на поезд, даже если бы у вас было разрешение, подписанное самим президентом Джефферсоном Дэвисом.

— Я приехала из Южной Каролины, чтобы повидать своего мужа в армии.

— Так издалека? «Кто найдет добродетельную жену? цена ее выше жемчугов; уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибытка; она воздаст ему добром, а не злом, во все дни жизни своей» [39].

— Федералы убили мою дочь. Мег исполнилось бы в марте только шесть лет.

— Мэм, мне самому жаль влачить свое существование.

До войны я был семинаристом.

— Вы еще верите в Бога?

Молодой человек отвернулся.

— Думаю, просто привык.

Розмари, Джошуа и спотыкающийся Текумсе видели на дороге немало брошенного федералами снаряжения: артиллерийские повозки с застреленными прямо в упряжи лошадьми, перевернутые фургоны. На юг двигались колонны пленных федералов. На них были надеты лохмотья конфедератов, а те, кто их охранял, переоделись в теплые синие мундиры пленных.

В Колумбии Розмари купила себе с Джошуа кукурузных лепешек и фасоли.

Вечером того дня, по дороге к городку Франклин, Розмари услышала далекий гром, будто тысяча фургонов грохотала по деревянному мосту.

— Сражаются.

— Не должны сражаться, ведь федералы бегут. Зачем сражаться?

— А сражаются.

Небо становилось все темнее, а грохот — громче; теперь различались отдельные взрывы. Погонщики свернули на обочину, чтобы пропустить бегущих конфедератов.

Навстречу Розмари и Джошуа катилась волна госпитальных телег, дезертиров с перекошенными лицами, ходячих раненых. Офицеры-полицейские ругались и плашмя били бегущих дезертиров саблями. Те уворачивались, шли в обход полей, но все равно двигались на юг.

Морозный Млечный Путь протянулся по небу до самого горизонта, где тонул в красноватом пушечном дыму.

— Я — жена капитана Хейнза. Из части генерала Шталя. Сэр, вы не знаете моего мужа?

— Простите, мэм.

Стрельба прекратилась.

— А мой брат, Ретт Батлер, у генерала Форреста. Вы знаете Ретта Батлера?

— Мэм, я служил под командованием генерала Бейтса.

Джошуа остановился на обочине и снял шляпу.

— Мисс Розмари, конь больше не может идти.

Текумсе стоял, широко расставив ноги и опустив голову.

— Мы с ним немало прошли вместе с вами и мистером Джоном, — сказал Джошуа. — Но дальше не пойдем.

Розмари двинулась дальше в звездную ночь одна.

Там, где сражались две великие армии, теперь мерцали тусклые огни ламп — кто-то ходил с ними по полю. Местами на холмистой равнине горели костры. В воздухе пахло словно жженым перцем и кровью — Розмари чувствовала ее густой, кисловато-солоноватый привкус.

Лица мужчин, помогающих раненым, были черны от пороховой гари.

— Мой муж в бригаде генерала Шталя, — обратилась к ним Розмари.

У молоденького санитаря белки глаз сверкали словно у менестреля, намазавшего лицо ваксой.

— Мэм, боюсь, генерал Шталь убит. Они стояли в самом центре, между домом и хлопкочесальной машиной.

Рассвет притушил огни фонарей и костров. Раненые просили пить. Землю покрывала изморозь.

Розмари попыталась остановить кровотечение одному офицеру, перетянув ремнем бедро выше рваной раны. Лужица уже вытекшей крови подернулась льдом. Офицер дернулся, втянул в себя воздух и умер.

Встало солнце. Из Франклина подошли жители, помочь и ужаснуться открывшейся картине.

Как Джон Хейнз был одет? Был ли он по-прежнему крепким мужчиной? Может, он отрастил бороду? Розмари узнала бы мужа сразу — по походке или манере держать голову, но в гряде мертвых тел отличить одного человека от другого не могла.

На пригорке, перед брошенными окопами федералов, лежало еще больше убитых.

Раненый юноша приподнялся на локте.

— У меня нет воды, — сказала Розмари, — мне очень жаль.

На лицах убитых застыло разное выражение: мрачное, решительное, а у кого-то даже веселое, будто

они смеялись над какой-то шуткой. Три солдата стояли на коленях возле погибшего товарища и плакали.

Другому молодому раненому она сказала:

Скоро тебе помогут. А у меня нет воды. Прости.

Мимо прошли санитары с носилками.

— Я ищу мужа. Можно, я подниму тряпицу с лица и посмотрю?

Перед бруствером федералов было ошестинившееся пиками укрепление, на котором в разных позах тоже застыли люди. Пожилая женщина спросила, не видела ли Розмари ее внука, Дэна Аллана Раша.

— Мы называли его Дэн Аллан, потому что и отца звали Дэном.

— Простите, матушка, я не видела вашего внука. Я ищу мужа. Капитана Джона Хейнза.

— Внучек был такой жизнерадостный... — Женщина улыбнулась, — Говорят, он тут полег где-то.

Два всадника двигались вдоль бруствера.

Розмари изо всех сил замахала им.

— О, слава богу! Ретт! Ретт!

Всадники подскакали, брат спешил и обнял ее.

— Розмари! О Розмари! Как бы я хотел, чтобы ты ничего этого не видела!

— Ретт! Слава богу! Дорогой брат, ты жив!

Мундир Ретта был порван и в грязи, но брат оказался не ранен. Милостивы небеса!

— Я не нашла Джона. Ретт, ты знаешь, где он? — спросила Розмари, отбрасывая волосы от лица, — Может быть, он ранен...

— Да, может быть.

— Скорее всего, убит, — добавил его спутник, сплюнув струю табачной жижи.

— Заткнись, Арчи, — сказал Ретт.

Деревянная нога человека с дубленным лицом, сопровождавшего брата, упиралась в импровизированную петлю.

У него были плохие зубы бедняка и неулыбчивые губы человека, побывавшего в переделках.

Ретт покачал головой.

— Розмари, хуже этого я ничего не видел.

— Значит, вы не бывали в наших тюрьмах, — вставил его спутник.

— Арчи, поезжай на позиции федералов, — показал рукой направление Ретт, — и собери все магазинные винтовки, что найдешь.

Когда Арчи ускакал, Ретт произнес:

— Китайцы верят, что если спасешь человеку жизнь, то связан с ним навеки, — Взяв ледяные руки сестры в свои, он согрел их, — Дорогая Розмари, достанет ли тебе сил вынести все это?

Она кивнула, и Ретт помог ей сесть на коня.

Ров перед бруствером федералов битком был набит телами; мертвые стояли так плотно, что даже не падали. Солдаты и гражданские растаскивали их в стороны, чтобы извлечь раненых.

Розмари спросила:

— А Джон теперь носит бороду?

— Он чисто бреется.

Розмари не думала, что ей когда-нибудь доведется увидеть мозги человека в снесенном наполовину черепе или юношу, почти подростка, с аккуратной дыркой от пули в центре лба, по краям опаленной порохом. Пошатнувшись, она ухватилась за лошадиную гриву и уткнулась в нее лицом.

— Я в отчаянии, Ретт. Дорогой брат, мы с Джоном оказались так далеко друг от друга.

— Джон часто говорил о тебе. Он всегда любил тебя.

Розмари отерла слезы, и тут они въехали во двор фермы, где столько лошадей и людей лежали мертвыми. Прежде это была крепкая небольшая ферма, но теперь все строения — амбар, дровяной сарай, курятник, сам фермерский дом — были изрешечены сотнями пуль. Мертвый солдат-федерал был пригвожден к стене дровяного сарая штыком, вонзившимся ему в шею.

Когда Ретт вытащил штык, мертвый солдат опустился на землю со стонущим звуком — вышел накопившийся газ.

Я знал, что этим кончится. Знал! Что за сентиментальный порыв толкнул меня сражаться за «Славное Дело»? Слезы на почерневших от пороха щеках прочертили дорожки.

— Генерал Худ был не в духе. Федералы выскользнули из его сети, а он не желал дать им уйти, — шепотом продолжал Ретт. — «В атаку! Докажите, что вы не побоитесь их укреплений!» Двадцать тысяч человек двинулись маршем прямо на пушки федералов. С развевающимися знаменами, офицеры размахивали саблями, и представь, Розмари, — глаза Ретта снова наполнились слезами, — оркестры играли «Дикси». «В Диксиленде я останусь. Чтобы жить и умереть в Дикси». О Розмари... И это еще не все плохие новости, сестренка. Сын Красотки Уотлинг, Тэзвелл, тоже вступил в армию. По моему глупейшему примеру.

Подъехал Арчи Флит.

— Магазиновых винтовок не нашел. Федералы прихватили их с собой, — Арчи заложил за щеку табак. — Ваш муж ранен, мэм. Я встретил одного солдата из полка капитана Хейнза. Его отнесли в город.

Он указал в сторону Франклина.

— О, спасибо! Как я могу вас отблагодарить?

— Дайте нам с вашим братом заняться тем, чем положено. Генерал Форрест объявил сбор. Мы должны двигаться дальше.

Розмари поцеловала брата в щеку.

— Будь очень осторожен, Ретт. Мое сердце с тобой.

В городке Франклин, штат Теннесси, расположенном в излучине реки Харпет, жили девять сотен жителей. Недавно отстроенное здание суда и три учебных заведения вместе с помещениями Первой баптистской и Первой пресвитерианской церковью отвели под госпитали. Розмари перешагивала через лужи крови, стараясь не слышать стонов раненых, и осматривала ряды умерших, вынесенных наружу.

Ее направили в частный дом на Маркет-стрит. Аккуратный домик портили кровавые следы на крыльце, оставленные, когда кого-то втаскивали внутрь, и ампутированная рука на угольном ларе возле двери.

На стук Розмари открыла дверь пожилая женщина, одетая строго, словно школьная учительница.

— Мой муж... капитан Хейнз... может быть здесь.

— Боюсь, я не знаю их по именам, дорогая, но, пожалуйста, заходите.

Джона не оказалось ни среди первых четырех раненых, лежавших в гостиной, ни среди троих на кроватях, ни среди двоих на полу спальни.

Пожилая женщина объяснила, что врач навещает раненых каждые несколько часов, а между визитами ухаживают за ранеными они с сестрой.

— Кормим страдальцев картофельным супом. Поим. Они все стынут, хотя мы уже сожгли столько угля!.. Надеюсь, зима будет не очень холодной.

Младшая сестра потянула Розмари за рукав.

— Пойдемте, дорогая, есть еще один бедолага, которого мы вынесли в сад.

Пулей Джону Хейнзу разmozжило правый локоть, и рука вывернулась назад под невозможным углом. Другая пуля окровавила грудь сюртука — того самого, в котором он уехал из дома. Но брюки были домотканые и слишком велики ему. Ноги босые.

Когда Розмари встала рядом с мужем на колени и поцеловала его в лоб, кожа была еще теплой, и на головокружительный миг она поверила, что Джон жив.

— О Джон, Джон, я здесь. Это Розмари, твоя жена.

О Джон, прошу тебя...

Садик был аккуратно прибран к зиме. Шесты для бобов связаны в пучок, грядка с клубникой присыпана соломой. На перевернутых деревянных ведрах тонкий слой снежка.

Но уже когда Розмари целовала щеки мужа, Джон Хейнз начал коченеть.

Пожилая женщина за спиной заговорила:

— Мне так жаль, дитя. Твой муж не страдал и был в сознании до самого конца. Он верил, что ты едешь к нему, и хотел дожидаться, чтобы увидеть еще разок. Когда же понял, что этому не бывать, то попросил меня: «Скажи Розмари, чтобы она доверяла своему золотому сердечку». И еще говорил о дочери, которая ждет его в раю. — Женщина дотронулась до дрожащих плеч Розмари, — Ближе к концу он начал бредить. Последними словами твоего мужа, дитя, были:

«Отведите меня к жене».

Глава 23

ПОСЛЕДНИЙ «БЕГУН»

Шесть недель спустя, около полуночи, Ретт Батлер пробирался между подъемных мачт, подвод и грузчиков на верфях Уилмингтона, где одна за другой, нос к корме, стояли у причала «Банши», «Вперед» и «Веселая вдова». Потные рабочие перемещали, трелевали, поднимали и укладывали тюки хлопка на «блокадных бегунах». На юго-западе небо освещали вспышки — федералы добивали форт Фишер. Огни верфи отблескивали на черной реке.

Тунис Бонно, в темном костюме и капитанской фуражке, проверял декларацию судового груза, когда его окликнули:

— Капитан Бонно!

Тунис обернулся, и недовольная гримаса сменилась улыбкой.

— Ретт Батлер, будь я проклят!

Поблескивая очками в свете факела, Тунис сжал руку друга.

Из труб «бегуна» рядом валил черный дым. Тунис отдал декларацию матросу.

— Пусть мистер Кэмпбелл поднимает пары.

— Как думаешь, Фишер падет?

— У федералов много солдат и мощный флот. Может, форт отобьется, а может, и нет. Если мы останемся на рейде Уилмингтона, мое судно захватят.

— Слышал о Джоне Хейнзе?

Тунис снял фуражку.

— Да, Руфи мне написала. Хороший был человек. За все время никому дурного не сделал.

— Там, у Франклина... — Голос Ретта прервался, но он кашлянул и продолжил: — У Франклина Джон хотел, чтобы все его люди сзади видели, что их офицер впереди... — Ретт глотнул. — Поэтому он насадил свою шляпу на саблю и размахивал ею над головой.

Капитан Бонно жестом остановил подошедшего крепыша матроса. Ретт снова откашлялся.

— Тунис, скажи мне, ради всего святого, зачем было Джону Хейнзу штурмовать укрепление федералов, насадив шляпу на саблю? Джону Хейнзу?! Более мирного человека я просто не встречал!

Грузчики задвигали тюки с хлопком пяти сотен фунтов весом в петли и опускали на палубу «Веселой вдовы». Из ее трубы тоже повалил дым, оседающий ядовитым туманом на тюках и потных спинах людей.

— А мисс Розмари... привезла Хейнза домой?

— Ох, Тунис... Джон похоронен во Франклине. Привезти его в Чарльстон она никак не могла.

Матрос сказал:

— Мистер Кэмпбелл шлет привет, капитан. Он поднимет пары через четверть часа.

Кивнув, Тунис отпустил матроса. Ретт отер глаза.

— Проклятый дым...

Тунис отвернулся от друга.

— Мой Нат начинает говорить. Первым его словом было «корабль». Руфи пишет, он называет чуть ли не все «корабль». Моряком вырастет, как папочка.

— Хорошая новость, приятель. Надо бы отпраздновать.

— Как-нибудь в другой раз, брат Ретт. Надо успеть выйти в открытое море до рассвета.

— Тунис, хочу тебя попросить кое о чем.

— Конечно, Ретт. Что угодно.

Но когда Ретт рассказал, чего он хочет, улыбка исчезла с лица Туниса. Он сжал губы и водрузил капитанскую фуражку на голову.

— Не могу, Ретт. Ждать еще целый день — слишком рискованно. Если бы парнишка был сейчас тут, конечно, я бы его взял, но ждать не могу. Федералы закупоривают горлышко.

— Жаль, что у пятнадцатилетнего парня не будет шанса вырасти. Впрочем, сейчас, пожалуй, молодежь пошла менее стоящая, чем раньше, — Ретт открыл коробку с сигарами, потом закрыл и убрал, — Тэз не сдастся в плен, Тунис.

Он подставит себя под пулю.

Рядом с ними на «Банши» отдали швартовы. Большие лопасти гребных колес зашлепали по воде, а замешкавшиеся грузчики попрыгали на пристань. Судно вышло на стрежень реки, его рулевой отсалютовал капитану Бонно.

Тунис откинул крышку золотых часов.

— «Банши» будет в Нассау в понедельник. Если отчалить теперь, я окажусь там раньше. Ретт, я... Проклятье!

Тунис закрыл глаза, и его губы зашевелились в молитве.

Открыв глаза, он улыбнулся, хотя и не слишком широко.

— Ретт, как насчет того, чтобы отпраздновать первое слово Ната? Я подожду твоего парнишку. Может, форт Фишер еще денек продержится. Никогда не знаешь, на что способны эти безумные южане-мятежники.

На следующий день около двенадцати часов майор Эдгар Пурьер взбирался на второй этаж «Торговой гостиницы». На стук ему открыл небритый Ретт Батлер, босой и в распахнутой на груди рубашке.

Доброе утро, если утро еще не кончилось... — Наклонившись над раковиной, Ретт вылил себе на голову кувшин воды. — Эдгар, никогда не пей с моряком, — Он зевнул, — Форт Фишер еще в руках конфедератов, верно?

Эдгар Пурьер бросил конверт на конторку.

Открыв окно, Ретт высунулся наружу и прислушался к далекой канонаде.

— Не дуйся. Я не забуду твоей услуги.

Эдгар коснулся шрама на носу.

— Не он ли мне оставил эту отметину? Твой сынок.

— Мой подопечный, Эдгар. Подопечный. А ты вовсе не первый, над кем подшутила Венера, — хихикнул Ретт.

Эдгар не поддержал его веселья.

Вынув бумагу из конверта, Ретт внимательно ее рассмотрел.

— Приказ Тэзу, подписанный самим генералом. Прекрасно, просто великолепно. Кстати, в каких ты отношениях с Брэгом?

— Брэкстон Брэгг обожает лести.

— Да, тут ты талант.

Ретт вынул из саквояжа свежую рубашку.

Пурьер прочистил горло.

— После войны ты будешь самым богатым человеком на Юге.

— Поэтому дальновидному солдату неплохо уже сейчас подумать о том, чем он займется после войны, ведь так?

— После войны все перетасуется. И для людей понимающих откроются новые возможности.

Ретт лишь хмыкнул.

— Ты пил с капитаном Бонно? Капитаном-ниггером? Станных друзей ты себе выбираешь, Ретт.

Хотя январский воздух был морозен, Ретт стоял у открытого окна, заложив руки за спину. Он заговорил, словно Эдгара Пурьера и не было в комнате.

— Проснувшись сегодня утром, я вспомнил, как нам с Тунисом вдруг взбрело в голову отправиться на отцовском ялике вниз, вдоль побережья, к Бофору. Безрассудная идея пятьдесят миль по открытому океану, — но нас это не остановило. Что за небо! И впрямь кажется, что небо тогда было голубее. Помню, как солнце пригревало мне спину, помню жесткую скамейку под собой, помню, как парус хлопал над головой. Столько лет прошло, а счастливее дня даже вообразить не могу.

К вечеру пристань опустела. «Веселая вдова», из труб которой вился дымок, осталась единственным «бегуном», задержавшимся в Уилмингтоне. Ретт пожал руки матросам судна, которым он прежде командовал. Там, где корпус корабля пострадал от снарядов, местами виднелись заплаты, покрашенные более темной краской. В машинном отделении огромные паровые двигатели крепились к станинам новыми скобами. Механик, мистер Кэмпбелл, встретил Ретта упреком:

— Все тот чарльстонский прорыв, капитан Батлер! Мое судно еще не оправилось!

14 января 1865 года, уже в сумерках, последний «блокадный бегун» конфедератов отдал швартовы и двинулся вниз по течению Кейп-Фэйр. Длинное серое судно было одним из самых быстрых на флоте, кое-кто говорил, даже самым быстрым.

«Вдова» прижималась к западному берегу, пока не прибавляя хода.

Федералы высадились выше форта Фишер и отрезали его от Уилмингтона. На узком полуострове, отделявшем Атлантический океан от реки, виднелись их костры.

Пикеты заметили «Вдову», и федералы высыпали на берег поглазеть на легендарного «бегуна». В этом месте река была слишком широка, полевая артиллерия до противоположного берега не добивала, и солдаты-янки подбрасывали шляпы в воздух, приветствуя изящный корабль, скользивший вниз по течению.

Тунис встал на якорь ниже форта Фишер, чуть не доходя отмели, где река впадала в океан.

Флот федералов обстреливал огромный песчаный форт, и с палубы «Вдовы» казалось, что на месте форта Фишер бушует песчаная буря: оттуда взлетали фонтаны песка, целые песчаные облака. Тунис обратился к Ретту, криком перекрывая окружающий грохот:

— Десять часов, Ретт! Слышишь? — Тунис постучал по часам. — Если вас не будет к десяти часам, то, с мальчиком или без мальчика, я отчаливаю.

Ретт поклонился.

— Я в долгу перед вами, капитан Бонно.

— И ни слова об этом Руфи!

Ретт сел в ялик и на веслах дошел до берега.

Не получив подкреплений от Брэкстона Брэгга, генерал Уайтинг, командовавший фортом Фишер, снял команды с других речных укреплений, и как раз, когда Ретт привязывал ялик, канонерка высаживала на пристань этих людей. Уже много лет Ретту не приходилось встречать таких артиллеристов: откормленные, в свеженьких мундирах только из прачечной. Вплоть до сегодняшнего дня война к ним была благосклонна. Сидя возле пушек на батареях над рекой, они время от времени посылали снаряды в сторону блокирующих федеральных судов, которые подходили слишком близко, но сами ни разу не были под обстрелом.

А благодарные капитаны «бегунов» снабжали их продовольствием и виски.

Теперь, выстроившись в неровные шеренги, эти необстрелянные солдаты с тревогой смотрели на бушующий впереди песчаный вихрь.

Ретт обернулся к упитанному капитану, на ком четыре года назад форма явно сидела менее плотно, и заметил:

— Хороший денек.

На океане был полный штиль, водную гладь нарушали только всплески от недолетов. Белые дуги отмечали путь снарядов, летевших к форту. Все корабли федералов проступали очень четко, будто чуть увеличенные. Их огонь поднимал ветерок, отгонявший дым от дула орудий после выстрела.

В тысяче футов от берега стояли броненосцы «Потаксет», «Бруклин», «Махопак», «Каноник», «Гурон», «Саугус», «Канзас», «Понтусак», «Янтик», «Могикан», «Монаднок», «Нью-Айронсайдз», «Пекот», «Сенака», «Такони», «Юнадилла» и «Мауми», заслоняя собой деревянные боевые корабли «Миннесота», «Колорадо», «Тускарора», «Макино», «Паухатан», «Уобаш», «Сасквеханна», «Тайкондерога», «Джуниата», «Вандербильт» и «Шенандоа». С дюжину меньших боевых судов стояли мористее в сопровождении восемнадцати канонерок и двадцати двух десантных кораблей.

Форт Фишер представлял собой цепь песчаных дюн, протянувшуюся наподобие перевернутой буквы L. Длинная ее сторона противостояла вражескому флоту, а короткая пересекала полуостров, защищая от высадившегося десанта. Песчаные дюны Фишера, пятидесяти футов высотой и тридцати футов шириной, соединялись артиллерийскими позициями в седловинах между ними.

До начала обстрела в форте Фишер были казармы, загоны для лошадей и парадный плац. Теперь от них ничего не осталось, все разлетелось в щепы.

Упитанный капитан поднял руку и приказал солдатам двигаться. Ретт сделал глубокий вдох, нагнул голову и со всех ног кинулся вперед. Вначале он бежал по дороге, но та вскоре исчезла, превращенная снарядами в песчаное месиво. От бега по рассыпчатому песку ноги заболели, Ретт упал. Вокруг взметнулся

песок, звук взрыва ударил по барабанным перепонкам. Песком засыпало рубашку, сапоги, пряди взмокших волос.

Флаг форта Фишер висел порванной тряпкой на расщепленном флагштоке. Некоторые ступени на лестнице, ведущей к штабной батарее, были разбиты, местами их не осталось вовсе. Ретт взобрался наверх, где по ступеням, где только цепляясь за поручень. Все пушки батареи были сняты с лафетов, а один ствол выброшен взрывом наружу и лежит на склоне дюны, выходявшем на океан. Седловина между дюн была заложена мешками с песком до половины человеческого роста. За ними присел офицер, направивший подзорную трубу на федеральный флот. У его ног, прислонившись спиной к мешкам, сидел порученец.

— Генерал Уайтинг?

Генерал задвинул трубу.

— Если вы журналист, сэр, то сообщите своим читателям, что мы удержим форт.

Я от генерала Брэга.

Лицо командующего фортом оживилось.

Брэг шлет подкрепление?

— Мне неведомы планы генерала Брэга, сэр, — сказал Ретт, передавая пакет, предварительно отряхнув его от песка.

Согласно приказу Брэкстона Брэга, рядовой Тэзвелл Уотлинг из 18-го резервного полка юниоров Северной Каролины переводился в распоряжение полковника Руфуса Буллока, в Министерство путей сообщения. Туда рядового Уотлинга поручалось препроводить Ретту Батлеру из означенного министерства.

Генерал Уайтинг сказал:

— Я прошу у Брэга подкрепления, а он забирает у меня солдат.

— Уотлинг еще совсем мальчишка. Ему пятнадцать лет, сэр.

— Федералы по численности превосходят нас вчетверо.

Зимняя ночь сгущалась, с каждой минутой становилось все темнее. Федералы согласованно прекратили обстрел, установилась звенящая тишина. Порученец Уайтинга встал, потянулся и достал свою трубку.

— Не зажигайте ее пока, сержант, — сказал Уайтинг, — может, они с нами еще не закончили.

На бортах стоящих на якоре кораблей один за другим загорались иллюминаторы. Раздались — где резкие, где мелодичные — звуки дудок, сзывающих к ужину.

— Не думаю, что вы захотите заступить на место Уотлинга, сэр? Ведь вам уже давно не пятнадцать, — Склонив голову набок, генерал дождался ответа Батлера, — Так я и думал, — Генерал расписался на приказе Брэга огрызком карандаша, — Вы уверены, что Брэг ничего не говорил о контратаке? Не собирается ли он прийти нам на подмогу?

Ретт заговорил, тщательно выбирая слова:

— Вчера, генерал, возле штаба Брэга все было уставлено фургонами. Полагаю, генерал Брэг эвакуировался.

Уайтинг стукнул кулаком о ладонь.

— Не может же он так бросить нас. И чертов Брэг туда же... Я напишу ему сам. Брэг должен понять!

Генерал бросился вниз по сломанной лестнице.

Порученец зажег-таки трубку; спичка вспыхнула ослепительным огнем.

— Не все ли равно, когда убьют — сегодня или завтра, — философски заметил он.

Защитники форта Фишер выползали из убежищ, вырытых глубоко под дюнами, словно муравьи из муравейника. Полная луна осветила форт. Пока интенданты выкатывали бочки и передавали ящики с галетами и сухарями, солдаты выстраивались в неровные очереди.

Жилистый капрал до конца доел свою свинину и дочиста облизал пальцы, прежде чем прикоснулся к бумаге Ретта. Водя указательным пальцем по словам, капрал прочитал приказ, сложил его и снова убрал в конверт.

— А Уотлинг знает об этом?

— Нет.

Хороший парнишка. У большинства этих юных резервистов ноги к земле приросли от страха. Некоторые не выходят из убежищ, даже когда федералы не стреляют, — У капрала не доставало одного переднего зуба, — А Уотлинг, пока у нас еще была пушка, подносил порох. Все артиллеристы о нем высокого мнения, мистер.

Не возражаете, что я его забираю?

Кaprал широко улыбнулся.

— А меня не захватите?

Жуя сухарь, Тэз Уотлинг сидел на лодыге лежащей на земле колумбиады [40]. На костлявом теле форма сидела совсем нескладно.

— Будь я проклят, — сказал Тэз, — я думал, ты в армии.

— Служил в кавалерии какое-то время под началом Форреста.

— Говорят, что под Форрестом убили двадцать лошадей.

— Говорят.

Со стороны океана донесся выстрел — стреляли с броненосца. Над темной водой пронесся огненный след запала, снаряд упал на форт и взорвался.

— Завтра они двинутся на нас, — бесстрастно сказал Тэз.

— Что с того, их всего-то вчетверо больше, чем вас.

— Не шути. Ты все в шуточки превращаешь.

— А разве это не смешно? Восемнадцать сотен храбрецов ждут смерти, в то время как Брэкстон Брэгг драпает? Стоит рассказать старине Брэксу.

— Я гордился тобой, когда ты вступил в армию, — сказал Тэз, — Что ты тут делаешь? Почему ты в гражданской одежде?

— В мундире вши завелись, — Ретт сел на пустой пороховой бочонок и зажег сигару, — Армии Теннесси больше нет, поэтому меня перевели. Вот я и решил тебя отыскать.

Флот федералов, сиявший огнями, выглядел настоящим плавучим городом. На полуострове пламенело множество костров северян.

— Как я понимаю, ты тут герой. Хотя надеялся, что дорогое образование предохранит от этого.

Тэз пожал плечами.

— Креолы говорят: «Capon vive longtemps». Вероятно, виной кровь Батлеров. Ведь прадед был пиратом, верно?

— «Трус живет долго», — перевел Ретт, — Креолы — темпераментный народ. Вряд ли Луи Валентин Батлер назвал бы себя пиратом. Луи предпочел бы именовать себя джентльменом удачи.

Мальчик вздохнул.

— Все равно, я рад тебя видеть.

Ретт вытер серебряную флягу от песка и открутил колпачок, разделяющийся на две чарочки. Сначала налил себе, потом мальчику.

Над ними сверкнул огненный след, и взрывной волной Ретту прижало ткань сюртука к спине.

Мальчик глотнул, но подавился и закашлялся.

— Не переводи добро, сынок. Этот бренди старше тебя.

Тэз сделал еще глоток.

— Давно не получал вестей от мамы. Сюда почта не ходит.

— Когда я проезжал через Атланту, с Красоткой все было хорошо. Она там в безопасности. Федералы в город не вернутся.

Тэз в два глотка допил бренди и протянул чарочку, чтоб долили.

— Могу хоть раз в жизни напиться.

— Можешь, — ответил Ретт, наливая полную.

Тэз сказал:

— Знаешь, подносить порох совсем не так просто, как может показаться. Я бегал на подземный пороховой склад — шесть сотен шагов по туннелю, я подсчитал, — где подхватывал мешок с порохом весом в двадцать пять фунтов и тащил его к пушке. Кругом осколки снарядов федералов так и скачут, словно... словно песчаные блохи. А если засыпет песком, нужно скорее выкарабкиваться, или задохнешься. Да, я еще выпью. Пить, оказывается, очень хочется.

Мне все равно лучше порох подносить, чем прятаться в убежищах, дышать там спертым воздухом и нюхать ведра, в которые все справляют свои дела. Черт! Если бренди всегда такой, удивительно, как его вообще люди пьют!

Непривычный вкус не помешал ему очень быстро наклюкаться. Заплетающимся языком Тэз рассказывал о форте Фишер, о том, как он горд, что удалось завоевать уважение артиллеристов. Когда же чарка выпала из безвольных пальцев, мальчик напоследок пробормотал: «Почему только ты не мой отец?» — и сполз на песок.

Положив Тэзвелла на носилки, они с жилистым капралом отнесли его на пристань.

— Как вас зовут, капрал?

— А вам к чему?

— Может, встретимся после войны.

— Вряд ли, — сказал тот и добавил: — Если удастся уберечь этого юношу, когда-нибудь он вырастет в

приличного человека.

За четверть часа до назначенного Тунисом срока ялик Ретта ткнулся в борт «Веселой вдовы», и матросы подняли бессознательного мальчика на борт.

Когда Ретт вернулся в форт, капрал сказал:

— Вот уж не ожидал увидеть вас снова. Федералы завтра пойдут в атаку.

— Вы когда-нибудь любили женщину?

— Элла, моя жена, умерла три года назад, — последовал удивленный ответ.

— Значит, вам нечего терять.

— Вроде того.

Через некоторое время Ретт сказал:

— А луна-то сегодня какова.

Капрал кивнул.

— Вы отправили мальчика?

— Тэзвелл Уотлинг на пути в Англию.

— Вот бы мне туда! Слышал, там зелено, в Англии. И люди там счастливы.

— По крайней мере, хоть не стреляют друг в друга.

— Да, — сказал капрал, — разве не здорово?

На следующее утро, когда Тэзвелл проснулся, вместе с ним проснулась и головная боль. Он лежал на досках палубы, среди тюков хлопка, чей отдающий опилками маслянистый запах выворачивал желудок, поэтому он выбрался из своей хлопковой пещеры к борту судна, где его начало рвать. Спазмы отдавали в голову, и мальчик широко раскрыл глаза, чтобы хоть чуть-чуть уменьшить давление на череп. Потом поднялся на ноги и отряхнул песок с колен.

Он был на корабле посреди моря. Шли не быстро. С носа корабля стекал поток воды. Солнце поднялось еще не очень высоко. Проклятый Ретт Батлер. Головная боль немного улеглась и теперь не разрывала голову, а просто пульсировала. Желудок, слава богу, был совершенно пуст. Что это за корабль? Из трюма поднялись матросы и установили лебедку. Вытянув из трюма один из тюков с хлопком, они выбросили его за борт. Тэз спросил матроса, где они находятся.

— Примерно в полутора днях пути от Нассау, если не потонем. Потяни вот за эту веревку, когда я скажу «тяни».

Когда Тэз налег на толстую пеньковую веревку, ему показалось, что голова раздулась, словно свиной пузырь, какие дети любят надувать и хлопать на Рождество. Моряки все были одеты в чистые блузы и чистые парусиновые штаны. Тэз давно не мылся и дурно пах.

Когда весь груз из трюма был выброшен, команда «Вдовы» вздохнула свободнее, и рулевой зажег трубочку.

Легкость овладела и юношей. Первая горечь от предательства Ретта Батлера миновала, и Тэз обнаружил, что ему вовсе не хотелось умирать. Молочно-зеленый спокойный океан простирался во все стороны, круглясь горизонтом. Грохочущий и обреченный форт Фишер был где-то очень далеко. Голова перестала болеть, захотелось есть.

Юноша спустился в камбуз, где нашел кусок жаркого и немного хлеба.

В опустевшем трюме четверо матросов качали ручную помпу. Вода просачивалась через щели обшивки. В машинном отсеке одна из двух паровых машин была холодной. Измученные матросы вповалку спали на тюфяках всего в нескольких дюймах выше уровня непросыхающей воды.

Никто ни о чем не спрашивал Тэза, похоже, всем было не важно, кто он такой.

Около трех часов дня принялись сбрасывать палубный груз. Тюки хлопка плюхались за борт и покачивались в кильватере «Вдовы».

Усталый чернокожий капитан отдавал приказы.

Тэз откашлялся и сказал:

— Меня зовут Тэзвелл Уотлинг. Я на борту вашего судна не по своей воле.

— Мне известно, кто ты есть, — Очередной тюк плюхнулся за борт, — Это должен был быть последний рейс «Вдовы». Мы с Руфи и Натом собирались отправиться в Канаду. У меня там отец в Кингстоне. Говорит, в Канаде и слова такого не знают — ниггер.

Судно повредили не канонерки федералов, пытавшиеся его остановить. Слишком сильные паровые машины раздвинули пластины, заклепки и болты повыскакивали.

Хотя мистер Кэмпбелл законопатил щели и заткнул те дыры, какие мог, до всех добраться ему не удалось, и вода поднялась почти до самой топки, не доходя шести дюймов, когда они начали выбрасывать груз за борт.

— Мы тонем, сэр?

Еще один тюк сбросили в воду, и он стукнулся о судно.

— Ретт обо всем позаботился, паренек. Мы дойдем до Нассау, и там ты сядешь на пароход. Тебя ждут в Англии.

— Сэр, я — солдат Конфедерации.

— Ты — кто? — Рот капитана беззвучно шевелился. — Господи милостивый, — произнес он наконец и повернулся к команде, — Хватит уже сбрасывать, мистер Кэмпбелл! Может, удастся сохранить парочку на продажу, — И больше себе, чем юноше, сказал: — Тысяча долларов за каждый тюк хлопка. Тысяча долларов...

Стоял ясный день. Тэз подносил порох в самом большом форте Конфедерации. Он выполнял свой долг и готовился к смерти, но не погиб. Солнце никогда еще не светило так ярко. Тэзвелл Уотлинг был молод и направлялся к новой жизни. Даже волоски на руках покалывало.

«Веселая вдова» переваливалась по глади зеленого океана. Прежде она была прекрасна и быстроходна, однако растеряла всю красоту. Если получится добраться до Нассау, она сгодится только на разборку.

Капитан Тунис Бонно перевел покрасневшие глаза на пассажира.

— Паренек, — сказал он, — никаких конфедератов больше нет.

Часть вторая

РЕКОНСТРУКЦИЯ

Глава 24

ПЛАНТАЦИЯ В ДЖОРДЖИИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Чарльстон сдался, Питерсбург пал, Ричмонд сожгли; армии Конфедерации капитулировали. Все было кончено. Спустя четыре горьких года война завершилась. От Потомака до Рио-Бразос начали зарастать травой брошенные окопы и укрепления, скелеты людей и коней, а к концу июня, когда трава пожухла от жары, лишь сожженные дома плантаторов, разрушенные города и разбитые сердца свидетельствовали о том, что случилось с Югом. Той весной уши, привычные к звукам канонады, вновь учились слышать звонкий птичий щебет. Изможденные ветераны некогда грозных армий сложили оружие и устало двинулись по домам.

Лизнув палец, Скарлетт О'Хара Гамильтон подобрала с тарелки последнюю крошку кукурузного хлебца.

— Мамушка, бродягам нужно давать порции поменьше.

Старая служанка понесла посуду на кухню, сердито гремя тарелками и ворча:

— В Таре не принято голодных прогонять, да эти ребята никакие и не бродяги, они солдатики!

Хотя Тара находилась вдали от проезжих дорог, эти «солдатики» появлялись каждый день.

— Просто по дороге, мэм. Возвращаюсь домой. Там ребятишки, не видал их с шестьдесят третьего. Надеюсь, признают старого отца...

А вчера один бывший солдат из Алабамы провел ночь на полу в гостиной Тары и позавтракал кукурузным хлебцем перед дорогой. Теперь оставшаяся кукурузная мука — все семь драгоценных фунтов — была заперта в винном шкафчике Джеральда О'Хара.

Обои в столовой Тары солдаты Шермана ободрали в поисках ценных вещей. Некоторые из разнокалиберных стульев были смотаны проволокой.

— Я не столяр, мисс Скарлетт, — объяснял Порк. — Я камердинер массы Джеральда.

Мелани поднялась со стула.

— Я немного устала. Если не возражаете, полежу чуток, пока не настанет пора идти копать картофель. Скарлетт, дорогая, ты меня разбудишь?

Та коротко кивнула, а Мелани постаралась изобразить улыбку получезарнее.

— Если не разбудишь, я не смогу уснуть. Нельзя ведь все делать тебе одной.

— Ну конечно, я тебя разбужу, — солгала Скарлетт, целуя золовку в щеку.

Теперь янки уже ничего не украдут. В Таре больше нечего красть. Из сотни мясных и молочных коров,

двух сотен свиней, сорока лошадей и мулов, пятидесяти овец, кур и индюшек без числа выжили лишь одна лошадь, одна молочная корова, одна строптивая свинья, которая постоянно норовила сбежать, да две курицы не первой молодости. Скотину, которую янки не перерезали, они прихватили с собой.

Все работники Тары, даже такие надежные, как Большой Сэм, сбежали. Остались только домашние слуги — Порк, Мамушка, Дилси и Присси, хотя порой Скарлетт хотелось, чтобы и они сбежали. Четырьмя ртами было бы меньше.

В неустанной борьбе за поддержание Тары даже мысли об Эшли Уилксе потускнели в сознании Скарлетт. Умер ли, или в лагере для военнопленных, как многие, или вернется домой, ей было неизвестно. Перед сном Скарлетт поминала его в своих молитвах, почти всегда. Хотя иногда, в полном изнеможении, забывала.

Год назад, когда Ретт Батлер оставил ее на дороге после бегства из горящей Атланты, она стремилась в Тару своего детства, где Мамушка напоила бы ее теплым молоком, а мама, Эллен, положила бы влажную ткань на горящий лоб. Все страхи войны остались бы позади, стоило только припасть к материнской груди.

Увы, мечты вскоре развеялись.

За день до приезда Скарлетт — всего один, но невозвратный день — Эллен умерла от лихорадки. С именем мужчины на губах — французским именем Филипп.

Теперь на свете не осталось никого, кто мог бы подсказать Скарлетт, что ей делать, как жить. «Филипп, что за Филипп?» Она не знала никакого Филиппа. Зато была масса других дел, требовавших внимания.

Иногда Скарлетт казалось, что лучше бы Джеральд О'Хара умер вслед за женой. Исчез прежний пронзительный, дерзкий, уверенный в себе человек. Хотя Джеральд все так же сидел во главе стола и без жалоб съедал отводившуюся ему порцию, он тронулся умом.

Джеральд поднялся.

— Пойду прилягу, дорогая. Сегодня вечером мы с матерью едем в Двенадцать Дубов.

— Замечательно, — сказала Скарлетт, хотя Джон Уилкс давно уже был мертв, а усадьба Двенадцать Дубов сожжена дотла.

Скарлетт поддерживала иллюзию, потому что в моменты просветления, когда Джеральд О'Хара вспоминал все свои потери, он мог только рыдать.

Малыш Уэйд барабанил ногами по стулу и ныл, прося есть.

— Уэйд, придется подождать. Когда Мамушка спечет новые кукурузные хлебцы, тебе достанется миска, в которой она будет замешивать тесто.

Скарлетт подвязала шляпку и вышла наружу, где ее поджидал Порк, одетый в старый выходной сюртук Джеральда. Решительно поджав губы, Порк завел давно известную жалобу:

— Мисс Скарлетт, когда прежний хозяин хотел выкупить меня у массы Джеральда, то предлагал восемь сотен долларов — по тем временам хорошие деньги. Да, мисс, очень! Но масса Джеральд не захотел брать за меня денег, потому что я стал его камердинером. Не люблю хвастать, но люди говорили, что я самый лучший камердинер в округе Клейтон. И я не стану копать картошку!

— Порк, — смирила себя Скарлетт, — если такой сильный мужчина не желает помочь, как нам справиться, одним женщинам?

Краем глаза Скарлетт заметила, что сестра ведет их единственную лошадь к помосту, чтобы сесть

верхом.

— Сьюлин! Сьюлин! Подожди!

На Сьюлин было лучшее платье, в поредевших безжизненных волосах красовался белый пион.

— Сьюлин, куда ты собралась?

— Как куда? Я еду в Джонсборо, дорогая сестра. Сегодня вторник.

Фрэнк Кеннеди был «суженым» Сьюлин уже много лет. Хотя его лавку в Джонсборо разорили, каждый вторник Фрэнк привозил из Атланты бакалейные товары и овощи и менял их на яйца, масло, мед и разные просмотренные федералами фамильные ценности.

— Прости, Сьюлин, лошадь нам сегодня нужна. Дилси разузнала, где янки выкинули целую бочку муки с жучками. Представляешь, как здорово будет поесть печенья!

Бросив пион на землю, Сьюлин вернулась в дом.

Скарлетт прикусила язык.

Янки сожгли весь запас хлопка Джеральда О'Хара стоимостью двести тысяч долларов. Через несколько месяцев они вернулись, чтобы сжечь собранный Скарлетт небольшой урожай, примерно на две тысячи. За месяц до капитуляции конфедератов она засеяла поле снова. Если этот урожай не съедят долгоносики и не задушат сорняки, осенью можно будет выручить долларов двести — целое состояние.

До войны Скарлетт считала, что лишь невежественные люди съедают посевные семена. Теперь же она поняла горькую правду: люди съедали зерно и припасенную для посадок картошку, пекли хлеб из последней пшеницы, когда их донимал голод. Скарлетт благодарила Бога, что люди Тары не могли съесть семена хлопчатника!

Каждый раз, когда приходилось забивать тридцатифунтового поросенка от единственной свиньи, она горевала — ведь тот мог бы вырасти в борова трехсот фунтов весом!

Черты лица красавицы Скарлетт заострились от усталости; прежде веселая, теперь она постоянно была недовольна. Дочь Джеральда О'Хара выполняла работу, которая прежде ей и в голову бы не пришла. Скарлетт мотыжила поле до кровавых мозолей и полола до тех пор, пока сорняки не прорывали ее мозоли. Трудилась до боли в спине, похудев так, что без труда влезала в платья, которые носила тринадцатилетней девочкой. Женщина, вернувшаяся в Тару за детским утешением, стала ее хозяйкой: распределяла пищу, разрешала споры, ухаживала за больными, подбадривала усталых.

Она привязала лошадь и повернулась к Порку.

— Если уж ты не будешь копать картошку, может, смажешь ворот колодца?

Но Порк снова, словно малому ребенку, принялся объяснять:

— Мисс Скарлетт, я камердинер массы Джеральда.

Кровь бросилась ей в голову. Однако она лишь мило улыбнулась и сказала:

— Может быть, какой-нибудь другой семье в округе Клейтон нужен камердинер?

Порк грустно покачал головой.

— Мисс Скарлетт, отчего вы так жестоки?

Отчего? Отчего? Стоило хоть раз заколебаться, потерять самообладание и заплакать — чего ей так иногда хотелось, — все пошло бы прахом.

Порк двинулся прочь, тоскливо поглядывая по сторонам в поисках какого-нибудь жира для смазки

ворота.

Плантация Джеральда О'Хара площадью в тысячу акров съежилась до обрабатываемого огорода всего в сотню футов и одного поля хлопка в пять акров. Скарлетт прикрыла глаза, чтобы не видеть подступающие со всех сторон кусты ежевики.

Скарлетт выполняла работу слуг и питалась едой, подобающей слугам: звездчатка, кресс-салат, зелень одуванчиков, дикая горчица. В тени большого дуба она наклонилась в поисках проростков. Сегодня на ужин будут проростки.

По аллее к дому направлялся незнакомец верхом на ослике, таком низкорослом, что сапоги всадника то и дело задевали землю. На нем был новый зеленый сюртук, лицо обрамляла короткая борода, белокурые волосы коротко острижены. Довольно упитан — не то что солдаты, обычно останавливающиеся по пути домой отдохнуть и подкрепиться в Таре. Перед последним подъемом ослик остановился, вытянул шею и, подняв морду к небесам, заревел. Всадник ослабил поводья и подождал, пока животное не прекратит жаловаться на жизнь.

Судя по новой одежде, человек был саквояжником [41].

Хотя всадник мог бы гораздо быстрее двигаться, ведя осла в поводу, он подъехал на недовольном животном прямо к Скарлетт.

— Приятное утро!

— Если вы саквояжник, сэр, то вам здесь не рады.

Ее слова заставили незнакомца рассмеяться.

— Саквояжник, мэм? Нет, я немало грешил в жизни, но именно этот грех меня миновал. Могу ли я напоить скакуна?

Скарлетт указала на колодец.

Несмазанный ворот заскрипел, когда мужчина завертел ручку.

— Тогда вы, должно быть, пособник, — решила Скарлетт. — Никто больше не носит новой одежды.

Он налил воды ослу.

— Ваш ворот следует смазать.

Затем снял свой новый сюртук, повесил на рукоять ворота и быстрым движением оторвал один рукав. Положив его в карман, он вновь оделся.

— Пособник, мэм? То есть один из тех южан, которые тайно симпатизировали Союзу и признались в этом, когда янки одержали победу? Нет, мэм, меня выпустили из тюрьмы Огайо, выдали одежду и десять долларов, за которые я купил этого благородного скакуна, Чапультатека.

— Довольно вычурное имя для осла.

Лицо незнакомца озарила лукавая ухмылка.

— Я неизлечимый романтик. Неужто не узнали?

Скарлетт нахмурилась.

— Нет... боюсь, нет.

— Возможно, будь я в шляпе кавалерийского офицера с пером цапли? Или в сопровождении музыканта с банджо? Вряд ли, мисс Скарлетт, у вас было много кавалеров со своим оркестром.

Скарлетт моргнула.

— Полковник Раванель?

Тот низко поклонился.

— А я-то надеялся, что вы найдете меня незабываемым.

— Так и было. — Что-то заставило Скарлетт внимательнее посмотреть на него. — Верно ли я слышала — вы потеряли жену?

— Моя Шарлотта теперь с ангелами.

Ум Скарлетт лихорадочно заработал. Встретив Шарлотту Раванель в доме тетушки Евлалии, она сочла ее достойной, но неинтересной особой: как раз таких женщин обычно выбирают в наперсницы. Но Шарлотта была из Фишеров, наследница одного из самых крупных состояний на Юге.

Вне сомнения, сундуки на чердаке у Шарлотты набиты банкнотами Конфедерации, не имеющими никакой цены, как и в Таре. Такие деньги не могли исчезнуть без следа.

Скарлетт печально улыбнулась.

— Полковник, примите мои соболезнования.

Вроде у Шарлотты был брат?

— А как поживает Джейми Фишер? — спросила Скарлетт.

— Мы с Джейми делили камеру. «Ешь овсянку, Эндрю! Сходи прогуляйся, необходимо дышать свежим воздухом! Эндрю, не стоит так отчаиваться». Джейми было невдомек, что обида и горечь успокаивают и утешают мужчину.

Скарлетт считала, что горе подобно ностальгии: мешает делать необходимое. Ей за добычей пропитания для голодных людей, ремонтом дома и других строений, наймом работников, покупкой живности и засеиванием тысячи акров хлопковых полей горевать было решительно некогда.

— Полковник Раванель, вы, конечно, отобедаете с нами?

— Благодарю, нет.

— Но вы же, несомненно, голодны.

— Я не смогу заплатить.

— Господи! — воскликнула Скарлетт, — Если уж непременно хотите заплатить — обед обойдется вам в один доллар Конфедерации.

Порк срезал во дворе розы. Каждое утро благоухающие букеты появлялись в гостиной, столовой, спальне Джеральда.

— Порк, разве я не велела тебе смазать ворот?

— Да, мисс Скарлетт, только сначала срежу цветы.

Цветы, конечно, очень милы, но каждое ведро воды идет вдвое тяжелее с несмазанным воротом. А когда закончишь — займись картошкой.

Порк недовольно надулся, сложив уже губы для ответа и привычном духе.

— Я слышал, янки отменили порку кнутом, — как бы между прочим заметил Эндрю Раванель. — Но ведь ваша плантация вдали от проезжих дорог...

Порк выпрямился во весь рост.

— Меня никогда не секли! Масса Джеральд не позволяет никого сечь в Таре.

Полковник вытащил из кармана оторванный рукав и наотмашь хлопнул им по штанине.

У Порка рот разинулся от возмущения, а розы попадали из рук. Убитым голосом он произнес:

— Да, мисс Скарлетт, пойду смажу ворот.

Когда они с полковником вошли в столовую, Скарлетт извинилась:

— Боюсь, после визита солдат Шермана здесь несколько неуютно.

— Последнее мое прибежище поводов для гордости не давало вовсе.

Скарлетт провела полковника в гостиную.

— Прошу извинить меня. Пойду распоряжусь насчет обеда для вас.

Опершись коленом о табурет, Мамушка мыла окно в кухне.

— Мамушка, подай нам те кукурузные хлебцы. А возле дуба за колодцем есть сочные ростки.

— Мисс Скарлетт, те хлебцы на ужин.

— Мамушка, джентльмен — наш гость.

— Видала я этого молодчика из окна! — фыркнула Мамушка. — Разве джентльмены разгуливают в сюртуках с оторванным рукавом?

— Он специально оторвал рукав, чтобы его не принимали за пособника.

— И впрямь, так-таки и оторвал? — Мамушка покачала головой. — Боже милостивый!

Она спустилась с табурета и отправилась собирать ростки.

По черной лестнице Скарлетт взлетела к себе в спальню. Из надтреснутого зеркала на нее смотрело совсем не по-дамски загорелое лицо, но волосы были чисто вымытые. Молодая женщина распустила пучок и причесалась так, чтобы локоны обрамляли лицо. Потом мазнула за ушком драгоценными духами — сначала за одним, потом за другим.

Из своей спальни вышел в ночной сорочке и сапогах для верховой езды Джеральд.

— Не видела Эллен? — нетерпеливо спросил он. — К четырем часам нас ждут в Двенадцати Дубах. Джон хотел бы со мной пропустить стаканчик до ужина.

— Я напомню ей, отец. А теперь, прости. Я занята с гостем.

— Не поприветствовать ли мне его?

— Не стоит, отец. Ни к чему утомляться перед поездкой в Двенадцать Дубов.

Джеральд погрозил пальцем.

— Не забудь напомнить матери, — сказал он и закрыл за собой дверь.

В столовой Мамушка выставила еду, предназначавшуюся всем на ужин.

Полковник Раванель произнес:

— Вы щедры.

— Боже, полковник, до войны Тара славилась гостеприимством.

Чтобы не глядеть на горку еды на его тарелке, Скарлетт спросила, не проезжал ли он через Атланту.

— Ни одного целого дома от Уайтхолла, — Полковник отправил в рот целый пучок свежих ростков и с

наслаждением захрустел, — Центр города уничтожен.

— А вокзал? Перрон?

— Янки обложили его соломой и подожгли. То, что не спалил огонь, было потом подорвано и разнесено в щепы фанами, — Раванель невесело улыбнулся, — Только генерал-янки мог считать сожжение беззащитного города подвигом.

Атланта разрушена? Скарлетт не могла о таком даже подумать. Атланта была средоточием энергии и изобретательности. Если ее больше нет — на что надеяться Югу?

Полковник угадал направление мыслей Скарлетт.

— Подняться нам не дадут. Все эти саквояжники и их пособники держатся на штыках юнионистов. А те хотят, чтобы белыми правили ниггеры.

Скарлетт пыталась заставить себя не провожать взглядом каждую вилку, отправлявшуюся ему в рот.

— Если даже такие смельчаки, как вы, впали в уныние, что же остается делать остальным?

— Смельчаки вроде меня... — Раванель горько рассмеялся, — Просто романтические глупцы, сражающиеся с ветряными мельницами, — Он отодвинул пустую тарелку и вытер рот оторванным рукавом, — Вряд ли у вас остался бренди...

— Боюсь, только спирт.

— И?

— Мы используем его в медицинских целях.

— Я перестал быть сильно разборчивым.

Скарлетт пошла на кухню за кукурузным виски, который она прятала от Джеральда. Мамушка спросила:

— Разве джентльмен заболел?

Наследник Фишер удовлетворенно глотнул кукурузного виски и улыбнулся Скарлетт.

— Как же давно не был я в компании леди, вдобавок такой милой!

Скарлетт скромно потупилась.

— Два долгих года... Уже почти забыл...

Скарлетт не помнила, когда ела досыта.

— Теперь я сожалею о той... встрече в Атланте. Непрошенный совет вам, дорогая миссис Гамильтон: не соглашайтесь на чествование. От глупых комплиментов просто некуда деться. В ваш дом я пришел, устав от лести, от себя самого, к тому же слишком много выпив. Скарлетт, — вы позволите называть вас Скарлетт? — вы были единственным ясным моментом в тот день, а вместо благодарности я оскорбил вас. Прошу, извините меня. — Раванель усмехнулся воспоминаниям, — «И забирайте ваш оркестр с собой!»

Скарлетт предложила ему то, что до него предлагала многим усталым оборванным путникам, однако на сей раз покраснев. Ни один из них не был наследником состояния Фишеров.

— Сэр, можете остаться в Таре на ночь. Мелани Уилкс будет рада узнать от вас новости. Мы давно ничего не слышали о ее муже.

— О, с ним наверняка все в порядке, — беззаботно сказал полковник, — Люди вроде Уилкса живут вечно.

Скарлетт и глазом не моргнула.

— Если вы закончили трапезу, я хотела бы показать вам Тару.

Тара была воплощением мечты Джеральда О'Хара. Ее беленые кирпичные стены и широкая крыша должны были укрывать детей, родных и гостей, нашедших приют у Джеральда. «Никаких финтифлюшек, — говаривал он жене Эллен, — Простой удобный дом. Всякие гостиные-мостиные, всякие отдельные апартаменты для членов семьи не по мне: для кого же дом, как не для членов семьи?» А когда Эллен захотела танцзал, Джеральд лишь фыркнул в ответ: «Разве мы не можем потанцевать у себя в салоне, миссис О'Хара, когда нам взбредет в голову такая прихоть?»

В Таре не было подвала. Если Джеральд О'Хара чего и страшился, так только змей, а в подвале, по его неколебимому мнению, они бы непременно завелись.

Зато Джеральд устроил два крыльца — переднее и заднее: «посидеть вечерком». Из спальни Джеральда дверь выходила на балкон, откуда владелец Тары мог ясным утром созерцать зеленеющие и цветущие хлопковые поля на красной глинистой почве и подъездную аллею с каштановыми саженцами.

Фонари в свинцовой оплетке и полукруглое окно над входной дверью были уступкой Джеральда вкусу жены.

Но если дом Джеральда не сильно пострадал от войны, его плантация была полностью уничтожена.

— Наши pekanовые деревья давали самые маслянистые орехи во всем округе Клейтон. На них всегда висели качели для детей. Янки спалили pekanы. И качели вместе с ними, — сказала Скарлетт. А вон там стоял хлопковый пресс.

Отец всегда покупал самые современные машины. «К чему людям выполнять ту работу, что могут делать тупые машины?» — говаривал он. Тут была маслобойня — вон, возле обрушившейся стены пружинный механизм. А негритянские хижины не сожгли...

Полковник пнул полуобгоревшую доску.

— Они вам потребуются, когда негры образумятся и начнут возвращаться. Многие тысячи сейчас спят под открытым небом на улицах Атланты. Если бы янки их не кормили, они бы умерли от голода.

Какое Скарлетт дело до беглых негров?

— Стоит вложить тысячу долларов — и Тара поднимется. Всего тысячу. С землей все в порядке: пусть сожгли дома, уничтожили скотину, но, Бог свидетель, землю им не убить!

— Что за прекрасная воительница-амазонка! — Раванель взял Скарлетт за руку; кожа бывшего военнопленного оказалась неприятно нежной. — Знаете, не люблю путешествовать в одиночку. Не смогу ли я убедить вас сопровождать меня до Чарльстона?

Хотя Скарлетт и ожидала предложения, но отнюдь не столь откровенного.

— Чтобы неженатые мужчина и женщина путешествовали вместе? Сэр, что подумают люди?

Презрительный смех Раванеля больно резанул ее.

— Дорогая Скарлетт, все умерли. Все, чье мнение хоть что-то значило. Лишь трусы, предатели и... сидевшие в тюрьмах пережили войну. Джей Стюарт — полевые лилии кланялись, когда генерал Стюарт проезжал мимо. Благочестивый генерал Полк теперь проповедует на небесах, там им с Каменной Стеной Джексон теперь никто не помешает мериться красноречием. Клебурн, Тёрнер Эшби, маленький храбрец Пеграм, мой безрассудный друг Генри Кершо, даже Ретт Батлер погиб.

Скарлетт будто выстрелили в самое сердце. Она прошептала:

— Кто?

Полковник Раванель подобрал осколок тарелки и запустил им в сломанную маслобойню.

— Ретт находился в форте Фишер во время атаки федералов. Они там все покрошили, — Его голос смягчился, — Мы с Реттом когда-то были друзьями. Собственно, лучше друга мне так и не довелось повстречать.

— Но ведь... Ретт не верил в справедливость Дела...

— Зато никогда не мог устоять перед возможностью сделать красивый жест, — Раванель с некоторым удивлением посмотрел на Скарлетт, — Разве вы его знали?

Знала? Знала ли она его? А действительно, разве она его знала? Но... Ретт Батлер мертв? Как мог он погибнуть!

— Ну вот, я вас расстроил... Простите.

Мысли Скарлетт смешались. На что она надеялась? Само собой разумелось, что она увидит его снова и что всезнающая насмешливая улыбка Ретта выведет ее из себя. Скарлетт закусил губу, чтобы не расплакаться. Его больше нет?

И те редкие моменты, когда они с Реттом понимали друг друга, тоже никогда не повторятся?

— Где... где он похоронен?

— Федералы помечали могилы только своих солдат.

А наших просто выбрасывали в океан.

Безнадежность охватила молодую женщину, и она опустила на пень от некогда самого большого каштана в Таре. И что теперь? Она лишь повторила:

— Ретт Батлер... мертв?

Эндрю Раванель принялся утешать ее: вполне возможно, что Ретт не погиб вместе с остальными, Ретт — сущая кошка, у него должно быть девять жизней...

Но Скарлетт не могла более выносить его присутствие.

— Сэр, прошу вас вспомнить, что я — миссис Чарльз Гамильтон, почтенная вдова. Я отклоняю ваше унижительное приглашение. Даже не знаю, как подобное могло прийти вам в голову. А теперь, сэр, вам пора отправляться дальше. Вы совершенно определенно выразили свои намерения. Вам нельзя оставаться в Таре.

Эндрю тихо проговорил:

— Когда-то давно я тоже его любил.

— Любили Ретта Батлера? Этого наглого, самодовольного, всегда готового уколоть... Разве такого человека вообще можно любить?

— Если вам угодно.

Эндрю Раванель взгромоздился на своего ослика и уехал.

Солнце скрылось за облаками.

Скарлетт чувствовала себя совершенно беспомощной. Господи, как же хотелось лечь и уснуть.

Но женщина выпрямилась и пошла к картофельным грядкам. Они с Порком накопают клубней. А

потом она найдет где-нибудь еще проростков.

И только после этого расскажет Мелани о Ретте. Мелли он всегда нравился.

Глава 25

ПЛАНТАЦИЯ В НИЗИНАХ

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Полугодом позже по дороге вдоль реки Эшли скакал всадник, верхом на вороном жеребце той породы, которой Низины прежде так славились. Всадник обладал небрежной грацией аристократа. Во время войны бесчисленные могилы были устланы костями людей, подобных ему, а скелеты их прекрасных скакунов белели на полях и в персиковых садах объединенной страны.

Год назад по этой дороге прокатилась армия генерала Шермана. Предостерегающими перстами торчали из-за придорожного бурьяна сожженные трубы. Вон от того поваленного столба дорога вела к руинам дома, где вырос Генри Кершо. А на том обуглившемся дубе были подвешены качели, на которых так любила раскачиваться маленькая Шарлотта Фишер, крича: «Выше! Выше! Толкните еще выше!» Заросшая аллея вела к сожженному особняку, где умерла мать Эдгара Пурьера.

При виде приближающегося всадника в кусты шмыгнули две тощие дворняги.

Подъехав к реке, за которой начиналась Броутонская плантация, Ретт Батлер снял сапоги, носки и брюки. Сапоги он привязал к седлу, а штанинами брюк завязал жеребцу глаза, прежде чем направить его в мутную реку.

Конь переплыл реку и взобрался на главную дамбу Броутона, где Ретт оделся.

Дамбу покрывала ежевичная поросль, а рисовые чеки превратились в мелкие лужи; болотные курочки, покрикнув, спешили ретироваться от вторгшегося в их владения чужака.

Через давно не стриженные кусты самшита, окаймляющие Броутонскую аллею, протоптали тропки олени и кабаны.

На разворотную подъездную дорогу выходил кирпичный фасад дома в подпалинах от пожара. Окна без стекол глядели, словно пустые глазницы черепа. Парадная дверь стояла нараспашку. Среди мебели, вытащенной наружу и не преданной огню, Ретт узнал пюпитр орехового дерева, на котором всегда лежала семейная Библия Батлеров.

Вокруг алых трубочек лианы, уже начавшей заплетать площадку, вились колибри.

Через заросли Ретт вышел на пригорок, откуда окинул людные места прощальным взором двадцать пять лет назад. Хранившийся в памяти образ правильной сетки плодоносящих рисовых полей наложился на картину разорения с прорванными дамбами и засоленными чеками, где вряд ли теперь удастся вырастить что-то путное.

— Да, красиво тут было, — пробормотал Ретт.

Из-за спины отозвался дрожащий голос:

— Еще как, сэр. Но масса и мистрис Батлер больше никого не принимают.

Глаза старого негра, опиравшегося на суковатую трость, были подернуты белой пленкой.

— Доброе утро, дядюшка Соломон, — сказал Ретт.

— Молодой господин? Это вы? — Пальцы старого негра пробежали по лицу Ретта, — А до нас дошла весть, что вас убили... Слава тебе, Господи! Как вы поживаете, молодой господин? Вас не было дома в такие времена!

Ретт пожелал увидеть родителей, если они еще живы.

— О да, масса и мистрис живы, — Соломон понизил голос.

— У массы Лэнгстона белая чума [42]. Он совсем высох. Все наши негры сбежали. Геркулес вместе с Суди тоже отправились в город. Геркулес заявил, что не будет больше работать на Батлеров, — Нижняя губа старика задрожала от возмущения, — Этот ниггер совсем занесся! Вот я родился в Броутоне, прожил тут всю жизнь и хочу, чтобы меня похоронили на Броутонской плантации.

— Хорошо, дядюшка. Значит, мои родители в городе?

— Городской дом разнесло в щепы. А ведь какой был красивый дом, лучше не сыскать! Негры на рынке даже звали меня «мистер Соломон», потому что я был из этого дома... Господин и госпожа живут теперь с управляющим Уотлингом.

— С Уотлингом?

— Вас так долго не было, масса Ретт! И какие это были времена! Масса Лэнгстон сказал, что больше никуда не двинется из Броутона. Их навещает ваша сестра с мужем. Мисс Розмари хотела бы, чтоб масса Лэнгстон и мистрис Лизабет переехали к ним. Но ведь вы знаете, какой масса Лэнгстон.

— Дядюшка, Джон Хейнз, погиб. Погиб на войне.

— Она не с мистером Хейнзом. С полковником Раванелем, вторым своим мужем.

— Эндрю Раванелем?

— Да, сэр. Парнишкой старого Джека. Говорят, он был героем на войне, но тут я не знаю.

— Эндрю Раванель?..

— Все женщины выходят замуж. Сегодня вдова — завтра снова жена, а еще через день она уже ждет ребенка...

Дом Исаяи Уотлинга стоял на самом краю полуострова, в окружении затопленных рисовых чеков. По двору расхаживали куры. У тощей коровы вокруг головы была замотана тряпка, смоченная скипидаром, чтобы отгонять кусачих насекомых.

Возле двери сидел, откинувшись в кресле, остроносый молодой человек и строгал палку. Когда Ретт привязал коня у ограды, молодой человек со стуком опустил ножки кресла на пол. Светлые его волосы начали редеть, отступая от покато лба. За поясом торчал хорошо смазанный револьвер.

— Хороший конь, — заметил молодой человек и срезал длинную стружку, — Янки позабирали всех приличных лошадей, — Улыбка обнажила отсутствие верхних зубов, а его правую щеку стягивал шрам. В ответ на взгляд Ретта он пояснил, постучав пальцем по шраму: — Когда меня подстрелили, я кричал что-то Фрэнку. Слыхали, верно, Фрэнк Джеймс, известный буян. Билл Куонтрилл говорил, что мужчина не должен разевать рот, но иногда, оказывается, полезно его все-таки разинуть. То есть если бы рот у меня был закрыт, то пуля вышибла бы и нижние зубы. Надо бы повстречаться с Фрэнком и Джесси...

— Я — Ретт Батлер. Батлеры тут живут?

— Вроде того.

— Не передадите ли им, что я здесь?

Молодой человек поднялся.

— Племянник Исайи, Джоузи. Был в кавалерии у Билла Куонтрилла, пока федералы его не подрезали. Собирались и со мной так поступить, вот я и подался на восток, вспомнил о родственных связях. — Он подмигнул. — Ретт Батлер, дядя Исайя тебя ненавидит до печенок. Думаю, однажды тебя настигнет его месть. Ведь ожидание сладкой мести обнадеживает, верно?

Джоузи подобрался ближе, словно питбуль.

— Знавал я и людей получше, которых убивали за коней похуже этого.

— Неужели не устал убивать за четыре-то года войны?

Джоузи пожал плечами.

— Сколько себя помню, Всегда кого-то укладывал. Видать, вошел во вкус.

— Если собираешься пустить револьвер в ход — валяй.

А нет — так сообщи Батлерам, что я здесь.

— Ну ты и наглец... — Не отрывая взгляда от Ретта, он

крикнул: — Дядя Исайя, явился тут один! На пороге показался Исайя Уотлинг, глянул на Ретта из-под ладони и сказал:

— Молодой Батлер. Вам тут не рады.

Джоузи ухмылялся, поставив ногу на перекладину ограды и скрестив руки на груди: дело становилось занятнее.

— Разве это твой дом, Уотлинг? Разве это не Броутонская плантация? Я прибыл к Батлерам.

— У вас тут нет родственников.

— А вот это позволь нам самим решать.

Горящие глаза Исайи Уотлинга какое-то время буравили Ретта, затем управляющий все же развернулся и вошел внутрь дома.

— Хороший денек, — изрек Джоузи, — Мне так всегда была больше по нраву осень — когда листья опадут, куда лучше становится видно тех, кто пытается подобраться, — Чуть помолчав, он поскреб за ухом дулом револьвера и добавил: —

А ты, как посмотрю, не больно-то разговорчив, верно?

Тут вновь появился Исайя Уотлинг и молча мотнул головой. Ретт последовал за ним по смутно знакомой лестнице в глубь дома, где Батлеры жили, пока строился их особняк. Затем вошел в спальню, которую родители занимали и тогда, в далеком детстве.

Комната была аккуратно прибрана. Пол подметен. Столик возле кровати, на которой лежал отец Ретта, занимали флаконы с лекарствами и плевательница, где в желтой мокроте виднелись следы крови.

Лэнгстон Батлер всегда был крупным мужчиной, и костяк остался по-прежнему мощным. Но кожа усохла и пожелтела, лишь на щеках горели красные пятна.

— У вас туберкулез, — сказал Ретт.

— Ты пришел сообщить мне то, что я и без тебя знаю?

— Я пришел предложить помощь. Я могу обеспечить вас и мать.

Лэнгстон Батлер закашлялся, едва не задохнувшись. Затем сплюнул в миску возле кровати.

— Ты не потревожишь Элизабет. У жены опорой Иисус Христос и верный Исая Уотлинг. Для чего ты можешь понадобиться Элизабет Батлер?

— Сэр, вы согласились принять меня. На то у вас должна была быть какая-то причина.

— Тебя считали убитым, а мне теперь куда интереснее, чем прежде, истории о воскрешениях, — На лице старика страшной раной разверзлась улыбка, — Все унаследует Джулиан. Не смей являться на мои похороны.

— Неужто вы считаете, что и из могилы сможете управлять Броутоном? Отец...

Лэнгстон Батлер отвернулся к стене.

— Думаю, тебе пора, — сказал Джоузи Уотлинг, который стоял на пороге, прислонясь к косяку, — Дядя разрешил пристрелить тебя, если ты не послушаешься старого петуха. А я бы не прочь пристрелить. Уж больно мне твой конь приглянулся.

Исайя Уотлинг ждал во дворе.

— Уотлинг, с вашей дочерью все в порядке, она в безопасности, в Атланте. А ваш внук, Тэйзвелл Уотлинг, обучается в школе, в Англии. Оттуда поступают весьма похвальные отзывы о нем.

— Красотка еще может раскаться, — сказал Исайя, — А моему сыну Шадре из-за тебя уже никогда не раскаться. Ретт Батлер, ты обрек Шадру Уотлинга на вечное проклятие.

Джоузи Уотлинг скрыл ухмылку.

— Ну не крут ли? — спросил он. — Встречал другого такого?

Всю дорогу, пока Ретт ехал по дамбе, он чувствовал, как между лопаток горит точка прицела — точь-в-точь как на войне, когда его держали на мушке стрелки федералов.

На Митинг-стрит в Чарльстоне была расчищена извилистая тропинка, по которой пробирались белые, пытаясь отыскать в развалинах что-то на продажу, и группы негров, под руководством унтер-офицеров-федералов рушивших остатки стен. Когда Ретт подошел ближе, те прервали работу. Молодой чернокожий сказал:

— Теперь все наоборот, мистер, нижняя ступенька наверху.

Там и сям сохранились отдельные дома, местами целые кварталы. Стекла окон в доме 46 по Чёрч-стрит были новехоньки, еще замазка не успела высохнуть. Свежеоструганная сосновая дверь легко повернулась на петлях, когда на стук Ретту открыла сестра, Розмари.

Кровь отхлынула от лица женщины, которой пришлось уцепиться за косяк двери, чтобы не упасть.

— Ретт... ты... ты не погиб... О Ретт! Боже мой, брат!

Она широко улыбалась сквозь слезы. Ретт обнял сестру, уткнувшись ей в волосы и бормоча какие-то слова утешения, пока та не отстранилась чуть-чуть, отерев слезы.

Розмари спросила:

— Верно, поражаться, когда в ответ на твои молитвы желание сбывается, неблагодарно?

— Возможность пожать руку святому Петру была куда ближе, чем хотелось бы. Ты не получила моей телеграммы?

Она покачала головой.

— Значит, — лукаво усмехнулся Ретт, — деваться некуда, придется быть ответом на твои молитвы.

— О Ретт! Ты не переменялся.

— Сестренка, как я понимаю, тебя следует поздравить.

— Поздравить?..

— Поздравляю вас, миссис Раванель. И будь счастлива, дорогая Розмари, как... как сама того пожелаешь.

Розмари повела брата в дом. Часть мебели в гостиной осталась от прошлого брака, но кушетка и диван были новыми.

— Садись, дорогой брат, я сейчас принесу тебе что-нибудь. Бренди?

— Спасибо, не надо.

— Прошу, Ретт. Не сердись на меня.

— На что я могу сердиться?

— Ретт, я... я думала, ты погиб! Ведь ни единого слова!

— Мне жаль. Я телеграфировал, прежде чем отправиться в Лондон. Федералы положили глаз на мои деньги. И не собираются отступаться, что весьма досадно! Пока Робу Кэмпбеллу удастся отбивать их нападки, но мои возможности заметно ограничены.

— Джон хорошо позаботился обо мне. Если требуются...

— Денег мне пока достаточно. И кредит у портного, — он коснулся лацканов сюртука, — вполне надежный. Мне жаль, что я огорчил тебя.

Она помолчала некоторое время, а потом промолвила без всяких прикрас:

— Когда Джона убили, мне не хотелось дальше жить. Я потеряла свою девочку, мужа и — как я тогда думала — тебя тоже. — Розмари дотронулась до щеки Ретта, — Ты ведь настоящий, верно?

— Иногда даже слишком.

— А потом Эндрю вернулся в Чарльстон. Двое сирот в бую.

— Эндрю всегда странным образом влиял на женщин — не пойми меня превратно, сестренка. Эндрю когда-то был моим другом, и ради тебя я вспомню нашу дружбу. — Ретт с улыбкой посмотрел на слегка округлившийся живот Розмари, — Вижу, скоро я снова стану дядей. Мне нравится такая роль. Дядям положено покупать детям игрушки и подставлять щеку для детских поцелуев, когда же дети начинают капризничать, можно просто уехать восвояси.

— Нам очень нужен этот ребенок. Эндрю... Порой Эндрю сам не свой. Наше дитя поможет ему вернуться, — Розмари наклонила голову набок, — А как ты? Как поживает мисс Скарлетт?

— Кто?

— Ретт, не забывай, что разговариваешь с Розмари!

— С ней все кончено. На дороге в Джонсборо, под вечер. Любовь налетает, как океанский шквал, и столь же быстро уносится прочь.

— Хм.

— Не осталось ни сожаления, ни смятения.

— Хм.

Ретт нахмурился.

— Чему ты улыбаешься, сестра? Отчего такая снисходительная усмешка?

Розмари рассмеялась.

— Потому что мой старший брат знает все на свете, кроме собственного сердца.

Накрывшись черной накидкой, дагерротипист-янки запечатлевал для вечности руины Ист-Бэй.

Флот федералов стоял на якоре в бухте. Захваченные «блокадные бегуны», казалось, несли звездно-полосатый флаг в каком-то смущении.

Ретт направлялся в контору фирмы «Хейнз и сын», когда кто-то остановил его криком:

— Эй, привет, непутевый!

— Будь я проклят, если это не Джейми Фишер! Что-то ты за всю войну не подрос ни на дюйм.

— Боюсь, не вышло. Господи, как же я рад тебя видеть! — Джейми пожал Ретту руку, — Пойдем, посмотришь, как мы подлатали бабушкин дом. Я сам чинил крышу. Разве я не трудяга?

На серой крыше особняка Фишеров из сланца местами чернели заплаты.

Джейми всунулся во входную дверь.

— Джулиет, Джулиет, погляди, кто восстал из мертвых!

Джулиет Раванель сняла пыльный платок.

— Надо же, Ретт Батлер... Будь благословенно твое злодейское сердце! — Джулиет прикинула стоимость костюма Ретта. — Слава богу, война не всех сделала нищими!

Джейми вздохнул.

— Бедная сестренка Шарлотта все до пенни вложила в ценные бумаги Конфедерации. Видимо, чтобы поддержать Эндрю. — Он чуть помолчал, — Такие деньги! Могла бы забыть хоть что-то, но... — Джейми развел руками, — Ретт, перед тобой стоит самый популярный в Чарльстоне тренер верховой езды. Я обучаю детишек янки, как не падать с пони.

— Отважный разведчик конфедератов в большой чести, — заметила Джулиет, улыбаясь.

— Я строг с родителями, поскольку они предполагают встретить требовательность со стороны Отважного Разведчика Конфедератов, но их дети видят меня насквозь и безошибочно распознают во мне такого же избалованного ребенка! — Широким жестом Джейми пригласил Ретта в дом, — Не споткнись о верхнюю ступеньку, Ретт.

Холл был обклеен новыми обоями и покрашен, полукруг лестницы отполирован до вишневого блеска.

Джейми приоткрыл дверь в гостиную, все еще заваленную обломками кирпича; из-под осыпавшейся штукатурки виднелась обрешетка.

— Внизу мы еще не приступали к ремонту. Зато полностью закончены и сданы саквояжникам три спальни.

— Ради золота, — с чувством сказала Джулиет, — они платят золотом.

— Твой новый шурин говорит, что лишь предатели сдают жилье внаем саквояжникам, — Джейми поджал губы, — Клянусь Богом, если Эндрю удастся найти нам платежеспособных жильцов-конфедератов,

мы в тот же миг выставим янки на улицу! Ретт, я сражался рядом с Эндрю, а потом в той проклятой тюрьме делил с ним камеру. Как же это трудно, Ретт, поддерживать жизнь в человеке, который не желает ее длить!

— Эндрю всегда был склонен к меланхолии.

— Ну вот, а теперь он воротит от меня и собственной сестры нос, променяв нас на банду самых отъявленных головорезов-«патриотов».

— Патриотов, значит, — пробормотал Ретт, — А я-то надеялся, что мы покончили с патриотами.

— Довольно о моем глупом братце, — вмешалась Джулиет, — Помнишь Геркулеса и Суды? Они живут теперь на втором этаже кухонного домика.

К Джейми вернулась его обычная жизнерадостность.

— Геркулес приделал новые колеса к сломанной карете «скорой помощи», покрасил ее в желтое с черным, а Джулиет нанесла на стенки надпись: «Сдается в прокат».

— Очень красиво нанесла, — подтвердила Джулиет, оправляя платье.

— В старой дедовской касторовой шляпе Геркулес являет собой замечательное воплощение довоенного чарльстонского извозчика. Янки спрашивали Геркулеса, где мы спрятали своих скаковых лошадей. А когда тот рассказал одному, что последний раз видел Чапультапека в артиллерийской упряжке, янки даже пустил слезу. Ретт, ты останешься с нами на чай?

— Хотелось бы, да нужно поздравить своего нового шурина.

Джулиет фыркнула.

Ретт уже садился на коня, когда к дому подъехала карета и Джейми сказал:

— А вот и Геркулес. Ретт, ты просто должен похвалить его кеб.

В это время Геркулес помогал плотной негритянке сойти на тротуар.

Мистер Ретт, мы повсюду вас ищем. Мы слышали, что вы вернулись в город.

Платье Руфи Бонно было застегнуто до самой шеи, а волосы убраны под черную сетку.

— Мистер Ретт, — сказал Геркулес, — Думаю, вы знаете миссис Бонно.

— Мы старые друзья, — ответил Ретт, приподнимая шляпу.

— Капитан Батлер, — сказала Руфь Бонно, — мне нужна ваша помощь. Тунис в тюрьме. Моего мужа намерены убить.

Глава 26

НИЖНЯЯ СТУПЕНЬКА НАВЕРХУ

Южане, ненавидевшие и осыпавшие бранью Авраама Линкольна, даже те, кто ответил сецессией на его первое избрание, были поражены его убийством. Кем бы ни был Авраам Линкольн, южане знали, что он способен прощать. Когда Линкольн приехал в Ричмонд после падения столицы Конфедерации, его спросили, как следует поступить с побежденными мятежниками. Линкольн ответил: «Пусть налаживают жизнь. Не давите на них».

Радикальные республиканцы в Конгрессе были отнюдь не столь мирно настроены. У многих сыновья и братья полегли от пуль мятежников, влиятельного сенатора Чарльза Самнера один сецессионист избил до полусмерти, а у конгрессмена Таддеуса Стивенса рейдеры конфедератов спалили дотла железоплавильную фабрику. После убийства Линкольна именно эти радикалы взяли верх в правительстве Соединенных Штатов. Они отвергли вето президента Эндрю Джексона, а когда тот выступил против них, едва не добились его импичмента. Конгресс уволил избранных губернаторов на Юге и назначил на их места республиканцев. И многие из этих людей были либо скоры на расправу, ибо фанатичны, либо проявляли оба эти качества.

Конгрессмен Таддеус Стивене считал, что победителям следует «изъять у гордецов поместья, уравнивать их с обычными республиканцами и пусть трудятся в поте лица, а их дети пусть идут в подмастерья и учатся ходить за плугом — только так можно научить надменных предателей смирению».

Толпы недавно освобожденных рабов наводняли города Юга. Множество миссионеров с Севера потянулись на Юг, который и без того считал себя достаточно христианским. Бюро по делам освобожденных негров кормило бывших рабов, обучало их и следило за оформлением трудовых договоров. Синие мундиры были повсюду.

До войны многие южане-рабовладельцы искренне считали, что их негры — практически члены семьи (с которыми, впрочем, всегда можно при желании расстаться, с выгодой продав). Поэтому когда негры начали выдавать солдатам Шермана укрытые фамильные сокровища и повсеместно бежать с плантаций, белые господа восприняли это как предательство со стороны любимых (хотя и умственно недоразвитых) детей.

Саквояжники, понаехавшие из городов Севера, где во время волнений военного времени чернокожих линчевали сотнями, изображали из себя высокоморальных наставников и лезли поучать южан, как следует относиться к неграм. Южане-пособники, ничем не проявившие себя ни до войны, ни во время ее, встречали их с распростертыми объятиями.

Так, по крайней мере, видели ситуацию белые южане. Чернокожие жители Юга чаще всего называли поворот текущих событий так: «нижняя ступенька наверх».

Тунис Бонно оставался во Фрипорте до самого снятия блокады. А через три месяца после гибели Авраама Линкольна британский пароход «Гаррик» зашел в гавань Чарльстона, миновав форт Самтер — груды обломков, на которой развевался звездно-полосатый флаг гигантских размеров.

«Гаррик» причалил к Правительственной пристани рядом с военным судном, с которого сходили на берег цветные солдаты. Эти бесстрашные негры, свободно шутившие друг с другом, придавали Тунису надежды. В смертном бою они показали, что не меньше белых любят свою страну и не уступают им в

храбрости. А если негры могли быть солдатами, то почему не гражданами?

У Руфи был ялик, с которого она промышляла устриц.

— Тунис, я решила не возвращаться к отцу с матерью.

Я ведь миссис Бонно!

— Знаешь, «Веселая вдова»... — начал Тунис.

— Можешь даже не говорить мне о той старой посудине, — сказала Руфи и поцеловала его.

Томас Бонно писал из Онтарио: «Королева Виктория любит своих цветных детей не меньше, чем белых».

Тунис считал, что им следует поехать в Канаду и там начать все сначала.

Но Руфи заявила, что Канада слишком далеко и там очень уж холодно. Все ее родные тут, в Низинах. К тому же все действительно меняется. Повсюду в южных штатах негры вместе с симпатизирующими им белыми поднимались на борьбу за права чернокожего населения.

— Но зачем бороться за права с людьми, которые нас ненавидят, когда в Канаде такие права уже есть? — говорил Тунис.

— Мой дом здесь, Тунис Бонно, — отвечала Руфи, — и я буду скучать по нему, если мы его покинем. На этом споры окончились.

Отвезя устриц на рынок, Тунис вымылся и пошел в церковь своего тестя, где каждый вечер негры говорили о том мире, который рождался на их глазах.

Вместе с преподобным Прескоттом Тунис поехал в Атланту, где белые республиканцы вроде Руфуса Буллока и черные делегаты, большая часть которых до войны были свободными цветными, обратились в Конгресс США с петицией. В воздухе витал дух свободы. Негры воистину стояли у врат в Страну обетованную.

Надо же, направляем петицию в Конгресс США! — сказал Тунис, покачав головой.

Газета «Атланта джорнал» описала их встречу как сборище «саквояжников и каннибалов».

Преподобный Прескотт остался в городе проповедовать, поэтому Тунис сел на поезд один.

В двадцати милях к югу у тендера кончилась смазка в буксах; поезд, дымя и скрипя, еле дополз до Джонсборо, где остановился чиниться.

Белые пассажиры разместились в привокзальной гостинице. А Тунис нашел тенистое местечко на платформе, поставил дорожную сумку и уселся, прикрыв глаза.

В двух сотнях миль от чарльстонских болот Тунису грезилось, как перед носом лодки, скользящей по мелководью, расступаются высокие травы, когда он шестом отталкивается от дна. Сон был так приятен, что он даже не заметил подошедшей к нему белой женщины, пока та не пнула его ботинок. Теннис открыл глаза и поспешил встать.

— Мэм? — сказал он, снимая шляпу.

Белая женщина была молода и пьяна.

— Фью, — протянула она, — а ты красавчик.

— Благодарю, мисс. Я жду тут, пока починят поезд.

Женщина из-под руки посмотрела на станционные часы.

— Еще не скоро.

Тунис извлек часы из кармана.

— Поезд тронется, как только прицепят тендер.

— Время еще есть, — сказала она. — Хочешь поразвлечься?

— Мэм?

— Ведь ты не дурак, верно?

Тунис поскреб голову.

— Верно, дурак, мэм.

Когда она топнула ногой, на ботинке развязался шнурок.

— Почему бы тебе нагнуться и не завязать мне шнурок?

— Мэм, если ниггер вроде меня притронется к такой приличной белой леди вроде вас, он может попасть в большие неприятности.

— На-а-адо же, какие мы разборчивые!.. А если бы я сказала, что ты можешь трогать меня, где ни пожелаешь, всего за доллар?

— Мэм, я женатый человек.

— Но ведь все ниггеры, все как один, только и мечтают заставить белую женщину одну, снять с нее одежду и вытворять с ней всякое. А ты нет?

— Нет, мэм.

— Иисус Христос, — промолвила женщина в пространство. Потом снова обратилась к Тунису: — Что ж ты, думаешь, я прежде никогда с ниггером не была?

— Простите, мэм. Очень пить хочется. Пойду-ка я найду, где можно воды напиться.

— Э, нет, мальчик, никуда ты не пойдешь, пока я с тобой не закончу.

Тунис надел шляпу.

— Мисс, мою жену зовут Руфи, а сына — Натаниэль Бонно. Я жду поезда, который должен отвезти меня домой. У меня нет к вам никакого интереса, и я ничего от вас не хочу.

Если вам нужен доллар, я дам вам доллар. Только оставьте меня в покое.

Тунис полез в карман.

— Ах ты разборчивый сукин сын, — Женщина окинула взглядом пустую платформу, — Помогите, — сказала она спокойным тоном, а потом начала повторять «помогите» все громче и громче, пока не появились белые мужчины.

Глава 27

БЫСТРЕЕ НЕ БЫВАЕТ

Хотя на кушетках в вестибюле гостиницы Джонсборо отпечатались вмятины от сидений пожилых джентльменов, а расставленные там плевательницы свидетельствовали о старицкой привычке жевать табак, тем вечером никаких стариков видно не было. Из рамки над лестницей взирал с портрета Джефферсон Дэвис, словно Джонсборо в Джорджии и по-прежнему был городом Конфедерации, а Дэвис — президентом.

На полочках за спиной хозяина гостиницы виднелось немало ключей, однако он сказал, глядя в глаза Ретту:

— Все занято. Комнат нет.

На его палевой рубашке костяные пуговицы недавно заменили армейские с буквами КША — Конфедеративные Штаты Америки, а невыцветшие полосы на рукаве остались от споротых сержантских шевронов. Достав из-под стойки латунную плевательницу, он сплюнул.

Ретт поставил саквояж на пол, отошел к входной двери и зажег сигару. Старик занял все до одной скамьи на площади перед судом. Люди помоложе собрались на пожухлой траве лужайки. Наискосок от здания суда новая деревянная вывеска сообщала, что это Первый Национальный банк Джонсборо с капиталом 75 000 долларов. Прежнее наименование банка — Плантадорский — красовалось над входом, вырезанное на более долговечном камне. И новым именем, и новыми деньгами он был обязан янки.

Ретт вернулся к хозяину гостиницы.

— В каком полку служили, сержант?

Тот выпрямился, словно по стойке «смирно».

— В проклятом Богом Пятьдесят втором полку Джорджии.

— Бригаде Стоуолла? Не вы ли были под Нашвиллом?

— Что, если и так?

— Ну, — сказал Ретт, — если б вы чуточку поторопились, нам не пришлось бы драпать.

— Как бы не так. А вы в кавалерии Форреста?

— Ретт Батлер, к вашим услугам, сэр.

— Пусть с меня шкуру сдерут! Мистер Батлер, по вам не скажешь, что вы один из нас. Одеты уж точно по-ихнему.

Ретт улыбнулся.

— Мой портной — пацифист. Мне нужна чистая комната со свежим бельем.

Хозяин гостиницы брякнул целую горку ключей на стойку.

— Можете занять комнату три, четыре, пять или шесть.

Саквояжникам я не сдаю, — заявил он, вздернув подбородок, — Вы точно не один из них?

Ретт поднял правую руку ладонью вперед.

— Клянусь честью отца.

Бывший сержант еще помедлил, потом сказал:

— Что ж, все комнаты по четвертаку за ночь. Они одинаковые, только в шестом номере есть балкон.

— Угу.

— Шестой номер как раз выходит на площадь. Я принял вас за шпиона из Бюро по делам освобожденных рабов — хотя, сказать по правде, те вряд ли бы сунулись в округ Клейтон без своры «синепуzych» для охраны.

Холл второго этажа был тесным, отхожее место во дворе, а фрамуга не открывалась, но шестой номер оказался действительно чистым: когда Ретт поднял покрывало, ни один клоп не кинулся скрываться бегством.

Ретт стянул сапоги, повесил сюртук на спинку стула и лег на кровать, заложив руки за голову. Стоит дать хозяину гостиницы какое-то время распространить весть по Джонсборо, что постоялец — «из наших».

Сойдя с поезда, Ретт пока не заметил тут ни единого черного лица: плохой знак.

Лежа с открытыми глазами, Ретт припоминал, как Томас Бонно распевал псалмы под рев бушующего урагана. Как Тунис рассказывал о своей любви к Руфи: истинной и на всю жизнь.

Примерно через час он встал, побрился, проверил, заряжен ли револьвер, и положил его в карман.

Толстым колоннам здания суда впору было поддерживать сооружение вдвое массивнее. Циферблат часов покрывали потеки ржавчины от стрелок, застывших на двух и четырех. На каштанах виднелись сморщенные плоды. Большинство людей на площади были в перешитой форме конфедератов. Когда Ретт вышел на улицу, путь ему заступил молодой одноногий мужчина на костылях.

— Слышал, вы сражались в частях генерала Форреста?

— Верно.

— Мистер, — калека оперся на один костыль, чтобы другим указать вперед, — тут один парень хотел бы с вами словечком перекинуться.

— Черт побери, капитан Батлер! — На ступеньках суда стоял Арчи Флитт, — А я слышал, вы уже переселились в ад.

Ретт развел руками — что ж, мол, живехонек.

— А ты, Флитт, все такой же поганец?

После того как Ретт Батлер спас Арчи Флитту жизнь, бывший заключенный крепко привязался к нему. Постоянно хвастал: «Капитан Батлер у нас образованный», «Капитан Батлер повидал мир», «Капитан Батлер и по-латыни знает. Собственными ушами слышал».

Не в силах переносить неумеренного восхищения, Ретт пригрозил, что пристрелит Арчи, если тот не заткнется, но Флитт лишь включил и эту угрозу в число его достоинств:

«Капитан Батлер в любой момент готов всадить в вас пулю!»

— Ну, Арчи, — теперь сказал Ретт, — что тут у нас происходит?

— Негр один слишком занесся.

— А что он сделал?

— Черт, он сам расскажет. Парень обожает говорить. Просто все уши прожужжал.

Офис шерифа располагался в подвале суда, куда вела короткая лестница в четыре ступеньки.

— Мистер, скажите им там в Атланте, что я совершенно ни при чем. Стараюсь выполнять свой долг, но что может один человек? — Очевидно, шериф принял Ретта за сотрудника Бюро по делам освобожденных рабов. — Помощников след простыл, а тюремщик, Билл Райли, после ужина никогда сюда не приходит. Что тут поделаешь, в одиночку-то?

— Не возражаете, если я побеседую с этим негром? — спросил Ретт. — А ты оставайся тут, Арчи! — подмигнул он, — Иначе до смерти его перепугаешь.

Шериф сказал:

— Конечно, мистер. Побеседуйте с ним. Угроздило же бедолагу так влипнуть.

В тюремном коридоре едко пахло щелоком, парашами и кислым духом подпорченных судебных. Занятой оказалась лишь одна камера.

Тунис сидел, прислонившись к белой каменной стене. В очках одного стекла не было вовсе, второе треснуло. Он поднял глаза, однако встать не смог.

— Привет, капитан.

Ретт беззвучно присвистнул.

— Ну и отделали они тебя...

— Шериф еще не самый плохой попался. Отправил Руфи мою телеграмму.

Но почему тебя?

Тунис пошевелился и втянул в себя воздух, пережидая, пока избитое тело привыкнет к новому положению.

Так уж повезло, верно. А твой парень — я его тогда посадил на пароход в Англию. Хотя он не особенно был тебе благодарен.

— Ясно. Как «Вдова» — затонула?

— Всего двух миль не дотянула до Фрипорта. И что на тебя нашло, ставить такие громадные двигатели на судно?

Примерно через полчаса, когда Ретт вернулся из камеры в участок, шериф спросил:

— Где это вы с ним познакомились? — На секунду Ретт подумал, что тот имеет в виду Туниса. — С Арчи... — Через подвальные окошки виднелись башмаки и штанины толпившихся мужчин, — В Манди-Холлоу всего-то три семейства. И я, похоже, там со всеми в родстве. А Арчи, если не знаете, сидел в тюрьме.

— Он убил свою жену.

— Хэтти гуляла на сторону. Она приходилась троюродной сестрой моей матери. Флитты всегда были никчемными, да и Уотлинги, как ни старались, в люди не выбились.

Только у Тэлботов выходило неплохо то, за что они брались.

Меня зовут Оливер Тэлбот, — представился шериф, — Теперь спросите, в каком полку я служил, — раньше или позже, все об этом спрашивают, — Он выставил напоказ левую руку: та совсем высохла, — Таким родился. А когда все годные носить оружие ушли в армию, пришлось стать шерифом.

Федералы хотят заменить меня кем-нибудь, кто при Конфедерации не служил. А в нашем округе, почитай, таких и не сыщешь.

— Шериф...

Но того оказалось нелегко сбить.

— Правда, есть Билл Маккракен. Когда за ним прибыла военная полиция, чтобы отвезти в часть, Билл скрылся в лесах. Что ни читать, ни писать он не умеет — так это пустяк. И что трезвым его никто никогда не видел — вероятно, тоже не помеха. Ладный будет шериф... Так где же вы повстречались с Арчи Флиттом?

— В дивизии Форреста.

— А-а. Арчи и его ребята терроризируют тут наших цветных. Из-за Арчи Флитта сюда и зачастили агенты из Бюро освобожденных. Хотя белые, конечно, свидетельствовать не станут, а цветные не осмелятся, — Он поскреб голову. Последнему парню, которого они убили, сначала отрезали член. Вот скажите, мистер, зачем? А потом положили бедолагу на кучу каштановых штакетин и поджарили до смерти. И уже мертвого повесили.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Телеграфировал в Атланту. Может, пришлют своих «синепуzych», может, нет. Темнеет около шести, тогда я уйду домой ужинать. И, верно, так дома и останусь.

— А женщина, которая пожаловалась? Где мне ее найти?

— Крошка Лайза? О, она сущая позорница.

Салун Берта располагался по другую сторону железной дороги, в Дарктауне. Толстяк Берт с сальными черными волосами сказал, что Ретт найдет Лайзу в ее комнате.

— Вторая дверь слева, — и раззявил рот в беззвучном смехе. — Не стану о чужих вкусах спорить.

Комнатушки шлюх располагались в длинном дощатом сарае, прежде служившем курятником. На стук Ретта приглушенный голос велел ему убираться.

— Мисс?

— Черт вас подери, ступайте прочь!

Внутри в носшибанул запах спиртного. Там, где стены соединялись с потолком, через щели проникали свет и воздух. На колченогом умывальном столике стоял кувшин из матового стекла. В лежащем на боку деревянном ящике аккуратная стопка заштопанных чулок. Из аптечного пузырька торчали давно засохшие цветы. Возле кровати валялась пустая бутылка. Бугор под одеялом застонал, оттуда возникла женская рука, вяло отмахнувшаяся от вошедшего.

Ретт достал фляжку, налил бренди в колпачок и вложил его в пальцы женщины. Из-под одеяла показалась голова.

Женщина поднесла колпачок ко рту и выпила; слышно было, как металл стучит о зубы. Подождала, останется ли напиток внутри, коснулась стаканчика, который Ретт наполнил вновь, и выпила одним глотком. После этого села, отводя волосы от лица. Она была обнажена.

— Спасибо, мистер. Настоящий друг.

Она ощупала щеки и челюсть, проверяя, целы ли. Взгляд то прояснялся, то уплывал.

— Боже, я вас узнала...

— Лайза?

— Капитан Батлер? Вот уж кого не думала встретить. — Женщина улыбнулась и вновь стала совсем юной, — А еще бренди у вас есть?

Ретт опорожнил фляжку, Лайза выпила бренди, словно лекарство.

— Не отвернетесь ли, пока я оденусь? — Она хихикнула. Вы только послушайте эту мисс Недотрогу... — Нахмурившись, добавила: — Только потому, что знала вас раньше.

Ретт отошел к открытой двери и зажег сигару. Сигара пахла приятно.

За спиной Лайза спросила:

— Как там ваш мальчик? Тук?..

— Тэзвелл здоров. Учится сейчас в школе.

— Хороший был паренек, нравился мне. Можете обернуться. А еще одной фляжки у вас не найдется? Живот так и крутит.

Ретт покачал головой.

Лайза подбоченилась.

— Поглядите на меня, капитан! Вот во что я превратилась.

Она стояла босиком, в простом желтом ситцевом платье.

Ретт сказал:

— Пойдем поужинаем, я плачу.

Девушка невесело усмехнулась.

— Чтобы я села ужинать в столовой железнодорожной гостиницы? Вот уж было бы на что посмотреть! Нет, капитан. У Берта договоренность с шерифом Тэлботом: девушки Берта не переходят пути, а шериф не навешивается на нашу сторону.

— Разве ты не поднималась на платформу?

— Нам разрешается искать клиентов на платформе. —

Она наморщила лоб. — Так вот отчего вы пришли? Из-за ниггера?

— Он говорит, что ты обвиняешь его ложно, он тебя ничем не оскорбил и ничего неуважительного не сделал.

— Конечно, чего еще от него ожидать? Капитан, Берт будет рад продать бутылочку, чтобы нам ближе познакомиться. Мы с вашим сыном нравились друг другу. Может, надумаете провести время с желанной девушкой сына? Мне еще восемнадцать нет.

Ретта передернуло.

— Что, грубовато для вас, капитан? Разве вы не повидали мир? Вряд ли шлюхи могут удивить капитана Ретта Батлера.

— Зачем ты солгала?

Она сжала кулачки.

— Отчего вы считаете, что я вру?

— Я знал Туниса Бонно всю жизнь.

— Ну, видно, пришло время завести себе нового ниггера.

Ретт открыл бумажник и достал деньги.

— Порой мы, на Юге, говорим о Севере, будто там ничего хорошего нет. Но в городке на побережье штата Мэн вдова конфедерата с небольшими накоплениями могла бы неплохо устроить свою жизнь. Да и на западе молодых женщин сильно не хватает. А если она хорошенькая, то выбор в нее просто огромный.

Почему бы не купить мне ту бутылку, — оборвала его Лайза.

Неужели ты не хочешь большего? — обвел Ретт рукой убогую комнатушку.

Девушка нахмурилась.

Значит, я должна заявить, что солгала? Чтобы все в городе узнали, что Лайза пала ниже самого последнего грязного ниггера?

С посеревшим лицом Ретт подошел к зданию суда, откуда как раз выходил шериф Тэлбот. Люди делали вид, что рассматривают облака в небе, глядя куда угодно, только не на шерифа, который прошел мимо Ретта, не обронив ни слова.

— Где вы были, капитан Батлер? — спросил Арчи.

— У шлюхи.

Улыбка на лице Арчи погасла, — Я со шлюхами не вожусь.

Когда солнце скрылось за крышей здания суда, у людей в руках появились бутылки.

Арчи сказал:

— Думаю, шериф Тэлбот надеялся, что «синепузые» доберутся сюда до темноты.

— А зачем ждать, пока стемнеет? — спросил Ретт.

— Некоторые вещи женщинам и детям лучше не видеть.

— Да, ты всегда был щепетильным.

— А вы всегда любили пользоваться длинными словами. Видать, знали, что они меня бесят. Капитан, у вас не выйдет меня взбесить. Просто никак. Вы спасли мне жизнь, и хотя она и немногого стоит, кроме вас, ее никто не спасал.

— А если я тебе скажу, что парень ничего такого не сделал?

У Арчи на лице нарисовалось недоумение.

— Он ведь ниггер, разве нет?

Когда Ретт заходил в здание суда, кто-то накидывал на крепкий сук веревку, а другие принялись разбирать штакетник вокруг дома по соседству. Там прежде жил свободный цветной, который уехал на Север, а белые бедняки арендаторы не осмелились перечить толпе.

Шериф запер свои шкафы и стол на ключ. Корзина для бумаг была аккуратно выставлена на стол для негра-уборщика. Ретт подумал, что она так, верно, долго простоят.

В полумраке камеры Тунис на коленях молился.

— Лайза не станет отказываться от своих слов.

— Даже если бы она взяла их обратно, это вряд ли бы что-то изменило.

— И деньги она не захотела брать.

— Может, ты часть из них передашь Руфи и моему мальчику?

— Я позабочусь о Руфи и о нем.

— Ты мне ничего не должен. Клапаны для выхода пара перетянул не капитан Батлер, а капитан Бонно... — На лице Туниса промелькнула слабая улыбка, — Я знал, что той ночью федералы нас поджидали. И через отмель Кейп-Феар мы перелетели на скорости двадцать два узла. Быстрее моего судна ни у кого не было.

— Если бы не я, у тебя по-прежнему была бы «Вдова».

— Тебе никогда не нравилось принимать помощь, верно, Ретт? Капитан Батлер должен был сам стоять за штурвалом. Что ж, Ретт, мой корабль пошел ко дну, и я скоро умру. Ничего тут не поделаешь.

— Упрямый ты сукин сын.

— Негр без упрямства на всю жизнь останется ниггером. Я не боюсь смерти; я боюсь того, что они будут творить со мной, прежде чем я умру. Встретишь Руфи — передай ей мою любовь. Натаниэль Тёрнер Бонно — звучит неплохо, верно?

— Звучное имя, — откликнулся Ретт.

За тюремными стенами гомон мужских голосов нарастал, как шум прибоя перед штормом.

Тунис улыбнулся.

Чего только не придет в голову в такой час! Мне сейчас страшно, жутко страшно. А вспоминаются самые счастливые времена. Помню, как впервые увидел Руфи — на пикнике прихожан баптистской церкви, я купил тогда Руфи пирожок. Яблочный. Помню, что чувствовал, когда родился Нат, и помню тот последний рейс через блокаду у Чарльстона. Я не говорил тебе, Ретт, но вижу как сейчас: капитан Ретт Батлер стоит на кожухе гребного колеса, никакие пули и снаряды федералов не заставят его поклониться и сойти.

Да, некоторые вещи накрепко застревают в голове, — тихо ответил Ретт, — Ты знал Уилла, раздатчика воды в Броугоне?

— Отец отзывался о нем очень уважительно.

— Уилл был для меня куда лучшим отцом, чем родной. Его я тоже не смог спасти.

Мужчины помолчали, потом Тунис сглотнул и сказал:

— Кое-что ты все-таки можешь для меня сделать, Ретт. Не хочу, чтобы они надо мной творили то, что собираются. Мне нужно... нужно... Застрели меня.

Тунис отер губы, словно очищая от слетевших с них слов. А потом вдруг улыбнулся нервной, сияющей улыбкой и быстро заговорил, боясь не успеть досказать до конца:

— Помнишь, как мальчишками мы взяли отцовский ялик и отправились в Бофор? Ну и влетело же мне потом от отца! Но дело того стоило: лишь мы с тобой да ветер, гнавший нас вперед. Никогда потом не видал я такого голубого неба.

Ретт, если хоть раз в жизни человеку удастся увидеть небо такой голубизны — значит, стоило жить.

Люди возле здания суда округа Клейтон, превратившиеся тем вечером в зверей, были прежде солдатами, что убивали сами и теряли убитых друзей, сражавшихся с ними бок о бок. Они привыкли к смерти. Сегодня настал черед ниггера, завтра может прийти и их час.

Если прежде, до войны, уважаемые джентльмены, добропорядочные граждане, сами и не «навещали» хижины рабов, чтобы насладиться негритянкой, то знали тех, кто не прочь был этим заняться. Теперь, униженные поражением и страхом будущего, эти люди не могли себе представить, чтобы чернокожим не хотелось сделать с белыми женщинами того же, что они проделывали с черными.

Услышав выстрел — негромкий, словно из игрушечного ружья, — Арчи сразу понял, что произошло.

— Проклятье, — сказал он, — Погодите минуту.

И быстро доковылял до камеры, где на каменном полу лежал мертвый Тунис Бонно.

Пламя спички, которую Ретт Батлер зажег, чтобы закурить сигару, дрожало.

— Черт побери, Батлер. — Арчи пнул дверь камеры, — Черт вас побери совсем, Ретт Батлер! Зачем?!

Ретт Батлер сказал:

— Этот ниггер проявил непочтение к белой женщине.

Глава 28

ПОД ФЕДЕРАЛЬНОЙ ОПЕКОЙ

Толпа достигла камеры: запах немытых тел и перегара, замешанный на ярости. Лысеющий мужчина средних лет пнул голову Туниса, потом еще раз и еще.

— Проклятый ниггер!

Седобородый старик негодовал:

— Мертвый никому уроком не послужит! Мертвый ниггер — где ж тут пример?

Многие поглядывали искоса на Ретта, словно волки, что кружат у костра, не решаясь подступить. Он сжимал рукоять револьвера в кармане сюртука.

Гомон и бормотание прорезал решительный голос Арчи Флитта:

— Капитан Батлер ничего такого не имел в виду! Капитан Батлер — джентльмен. А кто знавал джентльменов хоть с толикой соображения?

— Он должен занять место ниггера, — выпалил разочарованный юнец.

— Ты что такое сказал, парень? Говоришь, мы должны повесить одного из солдат генерала Форреста? Повесить того, кто сражался бок о бок с Арчи Флиттом? Ну, сукин сын! —

Арчи сгреб парня за шиворот и швырнул в толпу.

Седобородый стоял на своем:

— Нужно задать урок!

Другой старик с отвращением махнул рукой:

— А, да пошло оно все к черту! Я опаздываю к ужину.

— Оставьте Батлера в покое. Хватает ниггеров, чтобы жечь, — Собственные слова его позабавили, и со смешком повторил: — Слыхали! «Хватает ниггеров, чтобы жечь!»

Передавая труп Туниса к выходу по коридору, мужчины щипали его за член, плевали на него. А один, с безумными глазами, обмакнул палец в вытекающую из простреленного лба Туниса кровь и сунул его в рот.

Когда все вышли, Ретт с Арчи остались в офисе шерифа вдвоем.

Арчи достал из кармана табачную плитку, всю в ворсинках, откусил от нее жвачку и засунул под верхнюю губу.

— Все те месяцы, что мы служили вместе, я всегда делал, как вы говорили. Собирал хворост для костра, поил лошадей, находил еду. Если там, где мы устраивались на ночь, было каменистое и гладкое местечко, вы расстилали свои дождевики на гладком. Я притворялся, что не замечаю вашего презрения. Видимо, вы считали меня совсем тупым. Капитан Батлер, вы спасли мне жизнь, и я был вам обязан. Теперь, капитан Батлер, мои обязательства кончились. Мы идем разными дорожками.

Арчи ушел, и Ретт привалился к грубой каменной стене, выпустив наконец револьвер. Глядя на свою дрожащую руку, он сжал и разжал пальцы. Просто рука, обычная рука, что бы она ни сотворила.

С улицы донесся хлопок и потянуло жаром — это занялся облитый керосином костер. Окна подвала

засветились красным. И снова померкли, когда тело Туниса бросили в пламя.

Ретт затушил лампу и сидел в темноте за столом шерифа, пока толпа снаружи вопила и голосила, а кто-то фальшиво выводил гимн южан: «Я хочу жить и умереть в Дикси! Жить и умереть в Дикси!»

Когда вонь горящей плоти просочилась в подвал, Ретт зажег новую сигару и раскурил ее так, что кончик зарделся. Он закашлялся, его выворачивало, но Ретт упорно дымил сигарой, пока та не стала жечь пальцы.

Через некоторое время тело Туниса вытащили из огня и повесили. Потом принялись палить в воздух.

Около четырех утра луна зашла, и мужчины разбрелись по домам, где их ждали теплая постель, любимая жена и дети.

Когда Ретт вышел на улицу, уже светало. Возле костра сидели трое, передавая друг другу бутылку. То, что было прежде капитаном Тунисом Бонно — мужем Руфи, отцом Ната, другом Ретта, — болталось на ветви каштана. Оно больше походило на бревно от прошлогоднего рождественского костра, чем на человека.

Что-то блеснуло у носка сапога. Ретт наклонился и поднял оправу очков Туниса, теперь совсем без стекол.

Один из выпивох, качаясь, поднялся на ноги, чуть не рухнул в костер, но, взмахнув руками, устоял и двинулся зигзагами вдоль по улице.

На лужайку возле здания суда опустились, воркуя, голуби. На каштан сели два ворона. Один раскрыл крылья и каркнул. Второй слетел на обугленное тело и начал его клевать.

Прибыл шериф Тэлбот. Его взгляд упорно избегал качающегося тела на дереве.

— Доброе утро, Батлер. Я так понимаю, вы убили моего заключенного.

— Да.

— Ну, не утверждаю, что не попросил бы о том же, будь я на его месте, но это не меняет фактов.

— Факты остаются фактами.

— Верно, сэр. Вы убили негра, находившегося под моей опекой, поэтому я должен арестовать вас и заключить под стражу до прибытия «синепузых». Я приму ваш револьвер, сэр. Надеюсь, вы не возражаете. Я должен выполнять свою работу.

Они сидели на ступенях здания суда, когда на главной улице Джонсборо показался патруль федеральной кавалерии. Капитан кавалеристов спешил, встряхнул затекшие ноги и помассировал ягодицы. Затем бросил взгляд на обугленное тело на суку, некогда бывшее человеком. Его подчиненные ослабили подпругу лошадям и пустили их пастись на лужайке. Не обращая внимания на спящих пьяных, один из кавалеристов раздул костер. На лице капитана застыло скорбное выражение ветерана, которому против его воли поручили выполнить неприятный долг. Он кивнул шерифу.

— Вот Ретт Батлер, — сказал шериф Тэлбот, — Это он убил ниггера.

— Батлер? Батлер?.. Сэр, вас мы и разыскиваем. Вам надлежит проследовать с нами в штаб армии.

— Тот негр был под моей опекой, а Батлер его застрелил. Вот револьвер, орудие убийства.

Капитан засунул револьвер себе за пояс.

— Шериф, срежьте это и похороните.

— Не знаю, капитан. Ребята его повесили, пусть сами и снимают. Им не понравится, если кто-то

другой полезет в это дело.

— Сержант!

При приближении сержанта вороны взлетели, недовольно каркая. Кавалерист играючи перерубил веревку. Звук упавшего на землю тела Туниса Бонно навсегда остался в душе Ретта.

Вечером того же дня Ретт Батлер въехал в сопровождении конвоя в Атланту по железной дороге на Мэкон и Вестерн. Сожженные и разбитые вагоны оттащили в сторону, по старым путям змеились новенькие блестящие рельсы.

Центр Атланты являл собой безжизненный пейзаж разбитых стен, рассыпавшихся печных труб, куч щебня и обломков расплавленных механизмов, о предназначении которых теперь можно было только гадать. От Железнодорожного банка Джорджии осталась лишь одна стена. Длинная крыша вокзала обрушилась, окутав его руины, словно саван.

Спешно строился поворотный круг для локомотивов под открытым небом, меж лишенных крыши стен паровозное депо.

Повсюду стояли солдаты федеральных войск, их палаточный городок полностью занимал привокзальную площадь.

Пока солдаты в синей форме сновали по своим делам, а бывшие рабы приноравливались к свободе, жители Атланты отстраивались. Тут укладывают кирпичи, надстраивая закопченную огнем стену, а там рабочие с шаткого помоста водружают замковый камень в перекрытие.

Прежде чем Ретт с сопровождающими добрался до штаба федеральной армии, туда донеслась весть: «Капитан Батлер вернулся и арестован», «Ретта Батлера ведут под конвоем».

Миновав разрушенное депо, конвой углубился в квартал, не пострадавший от пожара.

Ретт до войны бывал в доме судьи Лиона, где теперь разместился штаб. Коринфские колонны облупились, а на балестраде не хватало балясин, пошедших на растопку. Мимо отсалютовавших часовых Ретта провели в бывший кабинет судьи. Там трое офицеров грелись возле огня, а старшина с кислой миной писал что-то в журнале.

Он отложил перо.

— Кого вы нам привели, капитан?

— Забрали его в Джонсборо. Ретт Батлер. Убил негра.

К ним подошел офицер.

— Ретт Батлер, Ретт Батлер. Чтоб меня... Бьюсь об заклад, вы меня не помните.

Ретт моргнул и покачал головой.

— Том Джеффери. Вспомнили? Поле чести? Чарльстон? Господи, как же молод я тогда был.

— Теперь вы капитан, — заметил Ретт.

— Ни в чем другом, кроме армии, продвинуться не удалось, — Тут Джеффери замолк на секунду, — А мы вас разыскивали. Приказ с самого верха: «Задержать Ретта Кершо Батлера».

— Вот вы меня и изловили.

Сержант занес имя Ретта в журнал и рявкнул:

— Хопкинс, телеграфируй в Военное ведомство: Батлер у нас.

Приняв от Ретта бумажник и часы, он рассеянно положил их себе в карман.

Том Джеффери отконвоировал Ретта по улице до пожарной станции, служившей военной тюрьмой.

— Во что же вы, Батлер, теперь вляпались?

Пожарная часть номер два возвышалась над пожарищем, оставшимся после огненного смерча, совладать с которым оказалось ей не по силам. Здание все еще выдавало свое первоначальное предназначение, однако возле широких ворот, через которые прежде по первому звону колокола с невысокой башенки на крыше галопом вылетали пожарные упряжки с насосами, теперь были расставлены часовые.

На первом этаже содержали мелких правонарушителей. А возле каждой двери на втором стояло по охраннику. В крохотной камере Ретта возле окна висел кожаный шлем пожарного. Из мебели — только железная кровать и стол из сосновых досок. Холод стоял жестокий.

Джеффери помялся.

— Жаль, что вы попали в такой переплет. Могли ли я чем — то помочь? Передать весточку?

— Я хотел бы получить письменные принадлежности, — сказал Ретт и, помолчав, спросил: — Джеффери, тем туманным утром возле Эшли что вы думали о нас?

Том Джеффери сказал:

— Я считал всех вас безумцами. Всех до одного.

Капитан отбыл, а охранник снаружи камеры устроился на стуле, который скрипел, когда страж менял положение.

Ретт положил на стол перед собой разбитые очки Туниса. Они напоминали скелет какого-то маленького безобидного существа. Дыхание изо рта вырывалось облачками; Ретт поднял воротник и запахнул полы сюртука плотнее. Из-за двери слышался звук чиркнувшей спички, когда охранник закурил трубку. Ноздри ощутили запах табака.

За стеной раздался глухой стук, когда сосед по заключению поднялся с кровати и начал ходить взад-вперед.

За высоким зарешеченным окном встала луна, осветив развалины. В тени руин пробирались люди, искавшие щепки для очага, железо и медь на продажу. К рассвету Ретт уже различал нескольких по размеру и скорости передвижения, хотя и не мог понять, белые это или негры.

Молодой солдат с торчащими ушами и прыщавым лицом принес холодную овсянку и письменные принадлежности.

Когда Ретт попросил второе одеяло, паренек извинился.

Нельзя, сэр. Приказ из Военного ведомства. Что же вы такого сделали, что так их разозлили?

Ретт написал короткую записку сенатору из Коннектикута, с которым вел дела в войну. А оставшуюся часть утра потратил на сочинение длинного письма Руфи Бонно.

Роскошные бакенбарды Руфуса Буллока были недавно подстрижены парикмахером, ботинки новехоньки: когда он присел на кровать Ретта и скрестил ноги, стало видно, что их подошвы даже не поцарапаны. Шерстяное пальто по толщине не уступало лошадиной попоне.

Буллок удрученно покачал головой.

— Ретт, что ты наделал? Руфус Буллок — человек с немалым весом в Республиканской партии Джорджии, но Руфусу пришлось просить разрешения у самого генерала Томаса на этот визит. Я прибыл, как только смог.

— Тунис Бонно... — начал было Ретт.

— Негр их не волнует. Тебя повесят, только если ты сам их подтолкнешь.

— Негра звали Тунис Бонно. Он был свободным чернокожим. Его дом стоит на реке чуть ниже Броутона.

— Помню, я с ним встречался. Его тесть, Филдс Прескотт, заметная фигура. Понимаешь, Ретт, обвинение в убийстве лишь предлог, — Руфус подозрительным взглядом окинул комнату и прошептал: — Говорят, ты похитил казну Конфедерации.

Ретт закрыл глаза.

— Ну конечно. Ту самую казну.

Руфус нахмурился.

— Ретт, это нешуточное дело!

— Руфус, друг мой, напротив, совершенно шуточное. Никакой казны у Конфедерации никогда не было. Один только печатный станок, — Сделав над собой усилие, Ретт вежливо заметил: — А у тебя, похоже, дела идут в гору.

— Республиканцы желают, чтобы Руфус Буллок выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора.

— Но ведь бывшие конфедераты не вправе занимать государственные посты.

— Я не был конфедератом.

— А как же чин полковника?

— Почетный, Ретт, чисто почетный. Руфус Буллок не принимал присяги Конфедерации. Во время войны он представлял компанию «Сазерн экспресс» и осуществлял наблюдение за перевозками грузов. Если правительство Конфедерации наняло эту компанию, как мог Руфус Буллок отказаться? Бизнес есть бизнес, верно?

— Значит ты, Руфус, заделался пособником?

Тот надулся и погрозил пальцем.

— Руфус Буллок по рождению северянин!.. Холодно тут, — потер он руки.

— Да, холодно.

— Ретт, друг мой, послушай. Республиканцы-конгрессмены Самнер, Блейн, Тед Стивене — люди с весом, от них не отмахнешься. Если не хочешь, чтобы тебя повесили за убийство Туниса Бонно, советую быть более гибким относительно денег.

— Благодарю, Руфус. Уверен, ты советуешь по доброте душевной.

Руфус Буллок еще долго говорил, пока не истощил запас аргументов и не утомился. Когда он встал, собираясь уходить, Ретт вручил ему письма. Буллок прочел адреса.

— Откуда ты знаешь сенатора?

— Я знаю немало людей, среди которых есть и люди менее достойные, чем ты, друг мой.

— Завтра от меня в Вашингтон будет курьер. Он отвезет письмо.

Ретт пожал плечами.

— Как будет угодно. Письмо к миссис Бонно важнее.

Руфус Буллок ушел, оставив Ретту свое новое шерстяное пальто. Вечером того же дня его забрал солдат, принесший на ужин холодную свеклу с картошкой.

Глава 29

ВИСЕЛИЦА В САДУ

Несмотря на скудный рацион и температуру чуть выше точки замерзания воды, Ретт не испытывал ни голода, ни холода. А также ни страха, ни злости.

Заключенный в соседней камере кашлял, шаркал ногами, когда принимался ходить, стонал во сне. Хотя Ретт с ним не переговаривался, само присутствие человеческой души как-то успокаивало.

Ретт думал о Тунисе Бонно. Пытался представить, что могло случиться с Мислтоу, женой Уилла с Броутонской плантации.

За исключением нескольких часов днем, когда становилось теплее и ему удавалось уснуть, Ретт сидел на железной кровати и наблюдал из окна за картиной разрушения. Это напоминало беззвучную оперу. От заката до рассвета повсюду сновали, перебежали, дрались из-за добычи сборщики остатков скарба. А от рассвета до заката на месте взорванных снарядами домов поднимались стены других. Вся яростная энергия «подбирателей» ничего не меняла, но строители постепенно создавали новый облик города.

Ретт не считал дней и недель своего заключения. Однажды утром пошел снег. Снежные хлопья укутали руины, сгладив раны города. Грохоча сапогами, за соседом пришли солдаты. «Рядовой Армстронг, пора». От сопротивления осужденного даже стена задрожала. Когда удары и ругань стихли и человека скрутили, он начал кричать: «Нет! Нет! Нет!» Затем, когда солдаты поволокли его вниз по лестнице, крики начали отдаляться, но несчастный все еще кричал: «Не-е-е-е-ет!»

Вскоре после полудня двое негров втащили в камеру сидячую ванну, а молодой солдат с прыщавым лицом принес ведра горячей воды, от которой шел пар.

— Теперь все будет хорошо, сэр, — сказал паренек. — Прибыл мистер Пурьер из Вашингтона. Все наладится.

Когда Ретт уже разделся и стоял, завернувшись в чистое шерстяное одеяло, солдатик протянул ему кусок французского мыла.

— Из вашего саквояжа, сэр. Надеюсь, вы не возражаете.

Опускаясь в горячую воду, Ретт пробормотал:

— Изыди, Сатана.

Затем явился Пинат, парикмахер из гостиницы «Атланта», чтобы побрить Ретта. Когда солдат вышел из камеры, негр быстро зашептал:

— Мисс Красотка говорит, крепитесь. Мистер Буллок принимает меры, чтоб вас вытащить. Вовсю принимает!

Может, он и еще что-то хотел сказать, но тут вернулся солдат с саквояжем Ретта, которого он не видал с тех пор, как покинул гостиницу в Джонсборо.

— Прости, Пинат. Денег у меня нет.

— Ничего. Мисс Красотка обо всем позаботилась.

Когда Ретт облачился в собственную чистую одежду, за ним пришел капитан Джеффри. Заметив, как

пленник истощен, он поморщился.

— Простите. Такого я не мог предвидеть.

Опершись на его плечо, Ретт спустился вниз по лестнице.

На улице возницы нахлестывали лошадей, тянувших повозки через полузамерзшую грязь. Красная глина налипала толстым слоем на колеса и отваливалась комьями.

Штабную балюстраду припорошило снегом.

Капитан Джеффери провел Ретта в караульное помещение.

— Подождите здесь. Я дам знать мистеру Пурьеру.

В караульной стояла маленькая елочка, украшенная красными и зелеными бумажными флажками, яблоками и бубенцами. Ретт пристроился у камина. Краснолицый усатый капитан с досадой ударил кулаком о ладонь.

— Клан рушит все, ради чего мы сражались!

На что лейтенант лишь ухмыльнулся, прицелившись из воображаемого ружья, и отрывисто произнес, словно клацающая каждая раз затвором: «Ку. Клукс. Клан».

Джеффери повел Ретта вверх по лестнице из американского черного ореха с царапинами от шпор. Перед высокими дверями он остановился и протянул Ретту руку.

— Что бы ни произошло — удачи!

Потолок прежней гостиной судьи украшала изысканная лепнина. Незашторенные окна от пола до потолка выходили на то, что прежде было розарием.

Стоящий возле окна столик с изогнутыми ножками был накрыт на двоих. Накрахмаленная льняная скатерть была украшена по углам вышитым вензелем «Л», увесистые серебряные приборы — лондонской работы. В ведерке со льдом охлаждалась бутылка «Силлери».

В бывшем саду была выстроена виселица, к которой через двор и вверх по ступеням вели следы нескольких пар ног, теперь припорошенные снегом. На заснеженной платформе чернел квадрат открытого люка. Более свежие следы двух пар ног ныряли под платформу, а потом вели к контуру гроба; теперь закрытый гроб стоял, прислоненный к садовым воротам. Опускавшийся на него снег таял от угасавшего тепла тела внутри, и крышка гроба блестела.

— Прощай, рядовой Армстронг, — тихо сказал Ретт. — Пусть иной мир окажется тебе больше по вкусу.

Дверь гостиной со щелчком открылась. Не оборачиваясь, Ретт сказал:

Привет, Эдгар. Значит, моим искусителем будешь ты.

Ах, Ретт, я поспешил сюда, как только узнал! — Чопорный твидовый костюм Эдгара Аллана Пурьера оттеняли новый жилет и плетеная цепочка для часов. На лице красовалась полная уверенности улыбка, — Надеюсь, ты не испытывал слишком больших неудобств. Я приехал немедленно.

— Должен поблагодарить тебя, Эдгар. Вряд ли мне приходилось так радоваться горячей ванне.

Эдгар отодвинул стул.

— Садись, Ретт, прошу тебя. Мы поужинаем и за разговором подумаем, как вытащить тебя из этой неприятности.

— Сократ!

На крик Пурьера явился седовласый слуга-негр.

— Можешь подавать.

Не дожидаясь, пока слуга отойдет на достаточное расстояние, Эдгар доверительно сказал Ретту:

— Из слуг судьи Лиона. Не знаю, что мы будем делать, когда таких, как он, больше не станет.

— Начнем обслуживать себя сами? Итак, Эдгар, похоже, ты приземлился на все четыре лапы.

Эдгар Пурьер поставил оба локтя на стол.

— Мы с тобой ведь видели, к чему дело катится. Глупцы могли держаться своих выдумок о благородстве, но нам, бизнесменам, они ни к чему, верно?

Ретт кивнул на гроб в саду.

— Рядовой Армстронг тоже был бизнесменом?

— Армстронг? Господи, нет, конечно. Обычный убийца. Спьяну застрелил сержанта, — Эдгар задумчиво нахмурился, — Выпей он чуть меньше — и не стал бы стрелять, а чуть больше — не смог бы. Из-за таких вот мелких просчетов люди теряют состояния и попадают на виселицу.

Ретт сидел со сложенными руками, а Эдгар встряхнул салфетку и заправил ее за вырез жилета. Сократ откупорил шампанское, наполнил бокалы и бесстрастно застыл у стены.

— Значит, ты теперь палач?

Эдгар Пурьер поперхнулся шампанским.

— Что ты, нет, нет! С

тем, — махнул он рукой в сторону окна, — я решительным счетом не имею ничего общего. Обычный военный трибунал и приведение приговора в исполнение. Нет, Ретт, конечно, лучше бы людей не вешали. Выпьем за будущее, за твое будущее!

— Я не стану пить с тобой, Эдгар, — сказал Ретт.

Бокал Пурьера уже был поднят в тосте. Чуть помедлив, он выпил его, и Сократ вновь наполнил бокал. Пурьер вытер губы.

— Как хочешь, — сказал он и щелкнул пальцами.

Слуга вкатил в комнату тележку с яствами.

— Не изволите отведать куропатку, сэр?

Слуга приподнял крышку над блюдом с дымящимися деликатесами.

— Нет, спасибо, Сократ, — вежливо отказался Ретт.

— Капитан Батлер, у нас сегодня «сладкое мясо» в белом соусе, свежая горная форель и виргинская ветчина, какая больше всего по вкусу генералу Томасу. А на гарнир ямс, жареные овощи и дикий рис. Еще пирожные со взбитыми сливками...

— Пожалуйста, обслужите мистера Пурьера. Он выглядит таким... мелким.

Эдгар натянуто спросил:

— Значит, дядюшка, ты знаешь мистера Батлера?

— О да, сэр. Все мы, цветные, знаем капитана Батлера. Еще с войны, сэр.

— Тогда тебе известно, что он застрелил негра.

Сократ покачал седой головой.

— Да, сэр. Очень жаль, что армия США не может защитить приличных цветных.

Эдгар выбрал то, чего ему хотелось, быстро ткнув пальцем в блюда. Когда его тарелка наполнилась до краев, он сказал:

— Подожди за дверью, дядюшка. Я позову, когда потребуется.

Наколов на вилку кусок ветчины, Эдгар спросил:

Ретт, неужели ты действительно считаешь, что противостояшь всему Конгрессу Соединенных Штатов, отказываясь от ужина?

Благодарю за заботу, Эдгар, но я не голоден. Под федеральной опекой я просто пировал. И в «Дельмонико» вряд ли меня кормили бы лучше.

Проглоченное Пурьером шампанское не улучшило его настроение и чувство юмора. Он вытер руки о салфетку, вздохнул, поправил галстук и начал заново:

— Ретт, Конгресс Соединенных Штатов настроен очень серьезно. Повесили миссис Сурратт, чьим самым тяжелым преступлением было содержание пансиона, где строил свои коварные планы Уилкс Бут. Доктор Мадд, который всего лишь наложил шину на сломанную ногу убийцы, томится в тюрьме. Янки сейчас хотят только вешать. В такие времена негоже выдаваться над толпой. А ты, Ретт, заметно выдаешься.

Ретт никак не откликнулся.

— «Сладкое мясо» восхитительно, — произнес Пурьер.

На лице Ретта сверкнула улыбка.

Эдгар отодвинул от себя тарелку.

— Ретт, им нет никакого дела до того негра, которого ты убил.

— Верно, я единственный белый в Джорджии, которому было до него дело, — ровным тоном сказал Ретт.

— А девица, эта Лайза? Я заезжал в Джонсборо... — Эдгар самодовольно усмехнулся, — и позабавился с малышкой Лайзой.

Ретт пожал плечами.

— О вкусах не спорят.

Пурьер обвиняюще наставил на Ретта указательный палец:

— Ретт Кершо Батлер, действительно ли вы задержали «блокадного бегуна» «Веселая вдова» в гавани Уилмингтона ночью четырнадцатого января тысяча восемьсот шестьдесят пятого года, чтобы принять специальный груз?

— Ты знаешь, что я это, сделал, Эдгар. И знаешь зачем.

— Действительно ли вы погрузили на судно казну Конфедерации?

Ретт откинулся на спинку стула, сплел руки за головой и потянулся.

— Эх, Эдгар, до чего же ты... занозистая личность! Неужто ты со своими приятелями-янки не мог придумать лучшего предлога отобрать мои деньги?

— А ты что же, считаешь, мы позволим тебе сохранить состояние, нажитое за счет нарушения

блокады Соединенных Штатов?

— Эдгар, я потерял все. Ты видишь перед собой живое доказательство неосмотрительности. Хотя моя дорогая матушка и учила, что следует откладывать на черный день, я оказался глух к ее наставлениям. И теперь полностью лишился средств. Я разорен, у меня ни гроша в кармане.

Эдгар покачал пальцем.

— Не надо нас недооценивать, Ретт. Наши агенты опросили твоего банкира... как его... Кэмпбелла. Мы не претендуем на все твои деньги. Нас устроила бы... разумная доля.

Ретт поднялся из-за стола.

— Благодарю за самый лучший обед за последние несколько недель, Эдгар. Думаю, кофе лучше пропустить. От кофе я беспокойно сплю.

Глава 30

ОБМАН

После этой обстоятельной беседы Ретт получил три одеяла и довольствие в виде обычного солдатского пайка, а время от времени ему приносили даже газету. Эдгар Пурьер навестил его дважды, но больше не устраивал ужинов возле виселицы. И хотя он по-прежнему требовал от Ретта передать полученные от доставок через блокаду прибыли федеральным властям, самый убедительный аргумент — что Ретта иначе повесят — с каждым днем становился все менее определенным. К изумлению Руфуса Буллока, влиятельные сенаторы действовали в пользу Ретта. К Новому году уже никто, за исключением самого капитана Батлера, не вспоминал о том, что именно он застрелил Туниса Бонно.

Свежим январским утром капитан Джеффери постучался в дверь с сообщением:

— К вам посетитель, капитан Батлер. «Сестра» Скарлетт желает вас видеть.

При этом Джеффери ухмылялся, как школьник.

— Дорогая Скарлетт! Как это мило, когда сестры приходят навестить, — отозвался Ретт, еще не собравшись с мыслями.

— Очень... впечатляющая женщина, — заметил Джеффери, передавая ему куртку.

О Скарлетт! Она была его новым миром. И солнечным светом, и надеждой, и всем, чего он только желал; страшные испытания, которые ему пришлось пережить, отодвигались в прошлое.

Двое мужчин спустились по лестнице пожарной части, миновали часовых и вышли на холодную улицу. Воодушевление, которое теперь охватило Батлера, вместо некогда настороженного по отношению к Скарлетт чувства, заставило его широко улыбаться.

— Доброе утро, сэр. Не правда ли, великолепное утро? — обратился Батлер к покрытому грязью вознице, чей перегруженный фургон утонул в той же грязи по самые оси. Возница только зыркнул на него.

Ретт приподнял шляпу перед двумя леди из Атланты, которые не были чересчур озабочены демонстрацией пренебрежения по отношению к ненавистным солдатам-янки и оттого решили выказать его капитану Батлеру.

Вверх по знакомым ступенькам в помещение штаба федералов, поворот направо и затем в приемную, где множество незнакомых солдат и она — Скарлетт.

Увидев ее, Ретт Кершо Батлер забыл и себя, и все уроки сердечной боли. Они так давно не виделись, что, казалось, прошла целая жизнь.

Скарлетт была в платье из бархата цвета лесного мха и в шляпке без полей с несколькими яркими перьями.

И она находилась здесь, в одной комнате с ним. Сама пришла к нему. Ее улыбка. Вся она.

Он едва удержал слезы.

— Скарлетт! — Он поцеловал ее в щеку, — Моя дорогая маленькая сестричка.

Незнакомый капитан-янки запротестовал:

— Совершенно против правил. Встреча должна происходить в пожарной части. Вам известен приказ.

— Ради бога, Генри, — отозвался Джеффери, — леди там просто замерзнет.

Для приватности беседы между братом и сестрой Том Джеффери выставил из войсковой канцелярии, которая раньше служила дворецкой, обоих караульных. Свет туда проникал через единственное окно, на штукатурке хорошо были заметны светлые полосы от посудных полок. Связки воинских приказов висели теперь на гвоздях, вбитых в деревянные панели.

Когда Ретт наклонился, чтобы поцеловать Скарлетт, она отстранилась.

— Только в лоб, как примерный брат.

— Спасибо, нет. Предпочитаю подождать, в надежде на лучшие времена.

Ретт Батлер снова ощущал себя молодым. Словно все опять возможно и мир вокруг новенький, с иголки.

Скарлетт поведала, что Тара прошла невредимой через военное лихолетье. Сказала, что с ее сыном Уэйдом и маленьким Бо Мелли все в порядке и что в Таре дела ведет умелый управляющий Уилл Бентин.

— А как поживает мистер Эшли Уилкс?

Небрежным тоном Скарлетт ответила, что миссис Уилкс была рада, когда Эшли вернулся домой. Мистер Уилл Бентин сейчас ухаживает за ее сестрой Кэрин. А Сьюлин попрежнему преследует старого холостяка Фрэнка Кеннеди.

Ретт усмехнулся.

— Старина Фрэнк, может, и скучноват, но у него есть деньги.

Скарлетт поморщилась.

Помолчав, она произнесла очень тихо, Ретту пришлось склониться, чтобы расслышать ее:

— Мама умерла. От лихорадки. Она уже... была мертва, когда я добралась домой.

Ее глаза наполнились слезами.

— Мне так жаль, дорогая. А отец, Джеральд, как он?

Скарлетт перевела взгляд вдаль.

— Джеральд нашел себе занятие.

Она что-то недоговаривает? Быть может, с ее отцом не так уж все и хорошо? Джеральд не мог не сдать за прошедшие годы.

Важно ли это сейчас? Скарлетт приехала к нему. Та, которая пренебрегала им, когда он был богатым и свободным, приехала навестить узника, лишившегося состояния, которого к тому же янки угрожали повесить.

Он сделал ей комплимент, сказав, что она выглядит чудесно. И попросил повернуться вокруг себя.

Прелестное зеленое платье приподнялось воздушным вихрем, и мелькнули кружева, украшавшие панталоны.

Ему пришлось сжать руки за спиной, чтобы удержаться и не обнять ее страстно, здесь и сейчас.

Она рассказала, как верные негры Тары укрыли в надежном месте в лесу скот, где громили Шермана не сумели его обнаружить. И что на Таре собрали двадцать тюков чистого хлопка в прошлом году, а в этом ожидается еще больше, но (она вздохнула) на плантации все ужасно однообразно. Городская жизнь насыщенной.

Ретт подивился про себя, как Скарлетт могла заскучать, разве что перебрала уже всех деревенских кавалеров.

— О Ретт, я проделала весь этот путь сюда не для того, чтобы болтать всякие глупости. Я так тревожилась о тебе. Когда же тебе позволят покинуть это страшное место?

— А когда позволят, что тогда?.. — спросил он тихо, наклонившись ближе.

Скарлетт подняла руку и нежно дотронулась до его щеки. И чуть царапнула. Удивленный, он взял ее руку в свою и повернул ладонью к глазам. Ладонь Скарлетт оказалась в недавно заживших ссадинах, кожа потрескалась, ногти обломаны. Он недоуменно всматривался. Она не сопротивлялась, когда он взял и другую ее руку и тоже ее повернул ладонь к себе. Точно такие же руки были и у него, когда он работал на рисовых полях Броутона.

У Ретта пересохли губы, сердце сжалось и превратилось во что-то твердое и недоброе. Бесцветным голосом он спросил:

— Значит, дела в Таре идут прекрасно? Чистая прибыль от хлопка столь велика, что ты можешь разъезжать с визитами?.. Зачем ты говоришь мне неправду?

Глубоко в ее поразительных глазах вспыхнуло пламя — как у загнанной лисицы при свете лампы.

— Да пусть меня повесят выше, чем Амана [43], тебе-то что?

Ретт отпустил ее руки. Комната, казавшаяся вначале большой, как надежда, превратилась в грязную клетушку, в которой находились лишь убийца Туниса Бонно и женщина-обманщица..

Деньги. Ей нужны только деньги. Конечно.

Она заговорила быстро, будто не поспевая словами за мыслями. Тара, ее любимая, ненаглядная Тара скоро будет продана за неуплату налогов, а у самой Скарлетт не осталось ни цента. Чудное бархатное платье она сшила сама из оконных штор.

— Ты говорил, что в жизни не желал никого так сильно, как меня. Если хочешь меня по-прежнему, я готова. Я сделаю все, что ты скажешь, только, ради бога, выпиши мне сейчас чек на предъявителя!

Просто чудо! Скарлетт О'Хара назначает цену своей любви. Триста долларов. Он бы мог насладиться своей вероломной возлюбленной за стоимость костюма из Лондона или довольно неплохой лошади. Да если подумать, то триста долларов — сущие пустяки, некоторые парижские куртизанки стоят подороже.

— У меня нет денег, — устало произнес Ретт.

Тогда она бросилась на него. Вскочила и издала вопль, заглушивший солдатский гвалт в соседней комнате. Ретт закрыл ей рот рукой и приподнял в воздух. Она брыкалась, стараясь при этом еще и укусь.

Ретт думал: «Она способна на все. В точности такая, как я».

Глаза Скарлетт закатились, и она упала в обморок.

Офицеры-янки поспешили оказать помощь молодой леди. Капитан Джеффери принес стакан бренди.

Покидая здание, Скарлетт О'Хара выглядела наказанным ребенком и казалась еще более потерянной в фальшивом пышном одеянии и шляпке с яркими перышками, позаимствованными — как стало понятно Ретту — у самого драчливого петуха со скотного двора.

Той ночью Ретту приснился сон, будто он убил маленькую девочку. Приставил ей ко лбу револьвер и нажал на курок.

Две недели спустя, когда капитан Джеффери принес новость, что Скарлетт тайно обвенчалась, он был озадачен:

— Разве ваша сестра не говорила вам о своих планах на замужество?

Ретт удержал себя от мгновенного ответа.

Капитан похлопал Ретта по плечу:

— Наверное, мисс Скарлетт опасалась, что старший брат мог бы не одобрить ее выбор. Хотя Фрэнк Кеннеди, безусловно, настоящий джентльмен, — Капитан Джеффери почесал за ухом, — Я только немного удивляюсь, как женщина, подобная вашей сестре, запала на привередливого старину Фрэнка, который к тому же должен был жениться на другой... Женское сердце! — Джеффери печально улыбнулся. — Кто его разберет?

— Если Кеннеди набрал триста долларов — я догадываюсь, что к чему.

Форзиции уже вовсю цвели, когда Руфус привез помилование. На нем стояла подпись сенатора из Коннектикута, который не слыл склонным к всепрощенчеству.

Руфус спросил:

Во имя всего святого, Ретт, что ты ему написал в том письме?

Ретт смахнул пыль со шляпы, пролежавшей без употребления несколько месяцев, и надел ее набекрень.

Руфус, наш сенатор сделал себе состояние на хлопковой подкладке для офицерских мундиров. Ты когда-нибудь интересовался, откуда сенатор брал контрабандный хлопок? — Ретт усмехнулся, — Давай наконец уедем отсюда.

Уже весна.

Глава 31

ЮЖНАЯ КРАСАВИЦА

Лето выдалось засушливым. Кукуруза уродилась плохо, а хлопок едва ли стоило очищать от семян. Белые проповедники не могли объяснить прихожанам, отчего Господь отвернулся от Конфедеративной республики. Некоторые даже начали подумывать о самоубийстве, часть разуверилась в Боге и покинула кафедры. Негритянские проповедники вместе с прихожанами сочиняли красноречивые петиции в Конгресс, стремясь обрести обещанные права. Видные бывшие конфедераты, среди которых были генерал Уэйд Хэмтон из Южной Каролины и генерал Уильям Махоуни из Виргинии, высказывались за предоставление неграм права голоса, считая, что Юг необходимо восстанавливать совместными усилиями черных и белых. Однако генерал Джон Гордон из Джорджии и генерал Натан Бедфорд Форрест из Теннесси пользовались своим авторитетом для восстановления довоенных порядков.

Янки-идеалисты покупали билеты на поезда, идущие на Юг, желая внести вклад в дело образования негров и борьбы за их гражданские права. Конгрессмены-республиканцы, у которых друзья и родные пали от пуль конфедератов, жаждали мести. Оппортунисты всех мастей желали перевернуть труп Юга — посмотреть, не завалилось ли под ним еще что ценное, и стибрить под шумок.

Армия США передала вагоны и паровозы тем железнодорожным компаниям, которые она недавно разорила. И хотя железным дорогам Юга приходилось расплачиваться с ними окороками и мукой, пути спешно перекладывали, туннели восстанавливали, и хотя пассажирам и приходилось пока пересаживаться в другие вагоны на определенных участках пути, поезда не прекращали ходить.

На доходы от магазина Фрэнк Кеннеди Скарлетт О'Хара Кеннеди купила лесопилку. Впитывая средства янки, Атланта стремительно отстраивалась. Кирпич, портлендский цемент и известь шли за рекордную цену, и сосновые бревны из Северной Джорджии не переставая подвозили к лесопилке Кеннеди по Мариетта-роуд. Добропорядочные жители Атланты в беседах между собой фыркали, мол, «в этой семейке миссис Кеннеди носит штаны». Но Скарлетт была целиком занята, чтобы замечать пересуды. Она купила вторую лесопилку и уговорила Эшли Уилкса управлять ею.

Когда у супругов Кеннеди родилась дочь Элла, она своими чертами полностью походила на простоватого мужа Скарлетт.

После смерти Джеральда О'Хара восстановление Тары под руководством управляющего Уилла Бентина на деньги Скарлетт пошло полным ходом.

Однажды утром, когда Красотка Уотлинг глубже, чем обычно, засунула руку в ящик бюро, ее вдруг осенило, что она упускает замечательную возможность.

В тот день Макбет доставил белье невыстиранным: обнаружилось, что прачка сбежала со странствующим шоу «Народное средство от всех болезней доктора Джуитта». А на дне ящика бюро Красотка нащупала пергаментный сверток с платьем. Отогнув уголок бумаги, она увидела богатую серую ткань платья, давным-давно подаренного ей Реттом. У Красотки даже занялся дух, и она села, продолжая соображать: «Скарлетт О'Хара теперь стала Скарлетт Кеннеди. У них родился ребёнок. Брак Кеннеди, должно быть, продлится до самой старости Скарлетт».

Почти до ночи Красотка бродила по дому, мурлыча бессмысленные песенки, пока Минетта не

возроптала: в Новом Орлеане она была завсегдаем в оперном театре, отчего «ум-па-па» и «о-дуда-дэй» Красотки резали ей слух.

— Ох, Минетта, — беззаботно откликнулась та. — Трудно ожидать от падшей голубки соловьиных трелей, верно?

К разочарованию нескольких постоянных клиентов, довольствовавшихся услугами удобной (и нетребовательной) партнерши, Красотка перестала принимать джентльменов.

Стоило ей перейти на диету из овощей, хлеба и воды, как талия стала заметно тоньше.

Как-то после полудня Макбет отвез ее в дом Уилксов.

— Подъезжай с заднего хода, через проулок, — нервно попросила она.

Стоя перед калиткой огорода Уилксов, Красотка засомневалась. Кто она такая, чтобы обращаться с просьбами?

«Собственно, я Руфь Красотка Уотлинг, вот кто я», — подумала она. И, подбодрив себя таким образом, двинулась вперед мимо осенних грядок с зеленью Мелани и корзин с только что выкопанной картошкой.

Когда она постучала в заднюю дверь, шторка отодвинулась и на нее глянули глаза серьезного мальчугана. Он стоял, сунув в рот большой палец. В ответ на открытую улыбку Красотки мальчик отпустил занавеску и побежал в дом, крича: «Мама, мама!»

— Что такое, Бо, сладкий мой? Что-то не так?

Послышались женские шаги.

— Кто-то там есть, да, Бо? Как мило с твоей стороны сказать об этом мамочке!

Женщина, открывшая дверь, была удивительно тоненькая — даже слишком тоненькая, с огромными темными глазами.

— А-а... мисс Уотлинг. Что за приятная неожиданность!

Миссис Уилкс, не желая вас смущать, я решила зайти с черного хода.

Как вы могли смутить меня? Прошу, заходите.

Красотка зашла в кухню. Но когда Мелани предложила пройти дальше в гостиную, отклонила ее предложение.

Благодарю, мэм, и в кухне будет вполне замечательно.

Глядя во все глаза на незнакомку, Бо обхватил ноги матери.

Мелани пододвинула ей табурет.

Не желаете ли присесть? Чашку чаю?

У Красотки от волнения пересохло во рту.

— Если можно, стакан воды.

Мелани немного покачала рукоятку насоса, пока не полилась прохладная вода. Как вся колодезная вода в Атланте, она отдавала железом.

— Миссис Уилкс, благодарю, что согласились принять меня, я вас долго не задержу. Вы не такая заносчивая, как прочие леди, поэтому я подумала, что могу попросить вас...

Доброжелательная улыбка Мелани располагала к себе.

В вазочке возле раковины стояли свежие маргаритки, через чисто вымытые стекла окон виднелся любовно ухоженный садик.

— Садик что надо, — сказала Красотка. — И овощи что надо.

— Благодарю. Возьмите с собой.

— Нет-нет, миссис Уилкс, я не о том, мне их не надо вовсе, — Красотка потупилась. — Просто хотела сказать, что они — самое то.

— Что ж, — кивнула Мелани, — обычно в это время я выпиваю чашку чаю. Не присоединитесь ли ко мне?

Она остановилась возле плиты, чтобы поправить решетку и подбросить дров.

Это была новомодная плита с водяным баком. Когда Красотка похвалила изобретение, Мелани заметила, что иметь постоянно горячую воду очень удобно. А на вопрос, нравится ли мистеру Уилксу управлять лесопилкой, ответила после секундной заминки:

— Мистер Уилкс был воспитан джентльменом.

Красотка осведомилась, по-прежнему ли мисс Питтипэт Гамильтон владеет домом за садиком, на что Мелани ответила утвердительно: мисс Питтипэт воспитала их с братом Чарльзом, поэтому, вернувшись в Атланту после войны, Уилксы были рады снять дом рядом с местом, хранящим столько воспоминаний детских лет.

— А мистер и миссис Кеннеди теперь живут вместе с мисс Питтипэт?

— Да, так и есть. На нас вдвойне снизошла благодать. Мы с сыном провели последний год войны на семейной плантации миссис Кеннеди, в Таре, — Помолчав, Мелани добавила: — Конечно, тогда Скарлетт еще не была миссис Кеннеди. Скарлетт — вдова моего брата Чарльза.

Красотке страшно хотелось спросить, счастливы ли Кеннеди в браке, но как это сделать, она не придумала. Лишь опустила чашку так порывисто, что та звякнула о блюдецe.

— Миссис Уилкс, один джентльмен владеет моим сердцем...

— Замечательная новость! Мой собственный брак был таким счастливым, что я искренне сочувствую женщинам, не бывавшим замужем.

— До этого еще не дошло. Все дело в том, миссис Уилкс, лицо Красотки светилось искренностью, — что мой джентльмен — джентльмен в полном смысле слова, только вот я не леди.

Мелани подумала какое-то время, прежде чем ответить:

— Не знаю, мисс Уотлинг, насколько важно это различие. Разве Господь не любит в равной мере всех своих детей?

— Может, Он и любит, только Его-то дети определенно любят не всех Его прочих детей. Обыкновенно, джентльмены любят себе леди, а прочие любят прочих же.

Желала бы Красотка быть столь же спокойной, как миссис Уилкс!.. А то она уже взмокла. Что, если капля пота сейчас потечет вниз по руке и миссис Уилкс заметит?.. Залпом выпив чай, она приступила к главному своему вопросу.

— Я пришла спросить вас, миссис Уилкс, вот о чем. Как Мне стать леди?

Мелькнувшее на секунду во взгляде Мелани сомнение едва не убило все надежды Красотки, но улыбка хозяйки дома оставалась благожелательной.

Я как-то об этом не думала. Разве для того, чтобы быть леди, не достаточно выглядеть и поступать как леди?

Не знаю, миссис Уилкс. Вот почему я здесь.

— Но ваше... занятие...

Я больше не принимаю клиентов. Лишь владею заведением.

— Ах так!

То есть как мне научиться выглядеть леди? Я не знаю ни как держаться, ни как одеться, миссис Уилкс. Я даже не знаю, как леди должны думать! — Красотка беспомощно повела руками и почувствовала, как по ребрам пробежала капелька пота, — Миссис Уилкс, где я могу достать такое же платье, как у вас?

— Господи, мисс Уотлинг, быть леди — это куда больше, чем просто...

— Деньги у меня есть.

— Боюсь, денег тоже...

— Но если правильно одеться и с деньгами, можно с этого начать?

— Ну, думаю, можно попробовать...

На следующей неделе Мелани Уилкс проводила Красотку Уотлинг к самой лучшей портнихе Атланты. Мисс Смизерс была окторункой [44] и до войны стала свободной цветной, что же касается правил приличия, то ни одна белая женщина не блюла их строже ее.

В эти дни большинство заказов поступало мисс Смизерс от жен саквояжников и офицеров-янки. Ателье располагалось в одноэтажном длинном здании на Митчелл-стрит.

В приемной на одном манекене была надета изящная блузка с воротником-стойкой, а проволоочный каркас второго был просто обтянут темно-коричневым муслином. Повсюду лежали рулоны самых разных тканей: пике, батисты, шерстяные ткани, шелковые фаи, бархат и парча, а альбомы с образцами громоздились стопками, выше изящной головки портнихи.

Она тронула одну из них и спросила:

— Какой фасон вас привлекает, мисс Уотлинг: из Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Бостона?

— Это вы шьете для миссис Кеннеди?

— Да, а что?

— Мне хотелось бы чего-нибудь посередине между ней и вот, — Красотка показала на Мелани, — миссис Уилкс.

Когда портниха развернула столь нежно лелеемый новой клиенткой сверток, там оказалось подаренное Реттом платье серого шелка.

— О дорогая, боюсь, я не смогу его перешить, — проговорила мисс Смизерс, поднимая платье на вытянутых руках. — Линия ворота и лиф... К сожалению, ничего не выйдет. И обручи теперь не носят.

— А нельзя подыскать такую же ткань? Мне это платье подарил самый дорогой друг.

Мисс Смизерс собиралась было объяснить, что нет двух совершенно одинаковых видов ткани, что ее платье из французской материи, что... Однако при виде горящей во взгляде Красотки надежды портниха отступила.

— Я постараюсь, — сказала она.

Заказав еще платьев, блузок и жакетов, Мелани отвезла Красотку к немецкому башмачнику, который получил заказ на три пары обуви, причем одну из лакированной кожи.

Перед расставанием Мелани сказала:

— Боюсь, все же, Красотка, что быть леди — далеко не только уметь одеваться. Это определенное расположение ума, определенное поведение. Вам, по-видимому, намного больше известно... о подоплеке бизнеса и политики, чем положено знать леди. Джентльменам нравится думать о женщинах как об украшениях жизни, и если такому украшению здумается вдруг перечить своему джентльмену, его никто не одобрит.

— Благодарю.

Вам понадобится читать разные книги: романы, поскольку леди легкомысленны; поэзию, поскольку леди чувствительны; и проповеди, ибо нам свойственна добродетельность. — Мелани чуть замялась, — И ваша манера выражаться...

— То есть как я говорю?

— Подражайте героиням романов. Леди говорят так, как они.

Хотя ювелирная лавка мистера Белмонта сгорела и сейф оказался далеко не столь огнеупорен, как сулил изготовитель, Белмонт открыл новый магазин неподалеку от довоенного местонахождения. Красотка хотела приобрести серьги под ту камю, которую она ему показала.

Они должны быть под стать броши. Это моя любимая вещь.

Истинные ювелиры проявляют не меньшую деликатность, чем гробовщики и священники. Белмонт восхитился брошью, словно видел ее впервые, и продал Красотке самые дорогие серьги с камнями из имеющихся в наличии.

Новые платья были из набивных тканей сдержанных оттенков. Блузки — из батиста и шелка, с кружевными воротничками. Встав перед зеркалом мисс Смизерс, Красотка не узнала леди, глядевшую на нее.

— Боже помилуй, — вздохнула она.

— Да, мисс Уотлинг, — улыбнулась довольная портниха. — Воистину так!

Осмелев, Красотка зашла в «Кимболл-хаус», самый новый отель Атланты. Люстры из сверкающего хрусталя висели там в вестибюле, а черно-белые шахматные квадраты пола устилали восточные ковры. Возле первого на всю Атланту лифта, приводившегося в движение паровой машиной, застыл носильщик. Хотя Красотка заметила нескольких джентльменов, наведывавшихся к ее девушкам, ни один из них не узнал ее. За чаем — «Очень освежает, вы не находите?» — сказала Красотка официанту — она скрытно наблюдала за настоящими леди: как они держат чашку, как кладут ложечку, как складывают салфетку.

Теперь она постоянно пила чай в «Кимболл-хаусе» по вторникам и четвергам, а однажды в воскресенье посетила службу в церкви. Не в епископальной Святого Филиппа, куда ходили Уилксы, а во второй пресвитерианской, где, как рассудила Красотка, должно быть попроще.

После службы она представилась священнику как миссис Батлер из Саванны, приехавшая в гости к родственникам из Атланты.

— Надеюсь, вы придете к нам снова почтить Господа, миссис Батлер, — сказал священник.

Тэзвелл Уотлинг писал матери о друзьях в английской школе, их занятиях, успехах команды по регби. Вскоре по прибытии в школу Шрусбери он заключил письмо следующими словами: «Когда капитан Батлер посещал Лондон после капитуляции конфедератов, он телеграфировал директору о своем желании навестить меня. Я попросил передать, что не стану с ним встречаться».

Начав свое преображение, Красотка написала сыну:

Дорогой Тэз!

Многих ли лордов и леди ты видел в Англии? Видел ли ты королеву Викторию? Мне бы очень хотелось увидеть королеву и все эти красивые замки.

Минетта занимается делами, пока я меряю модные наряды и распиваю чаи в «Кимболл-хаусе». Атланта стала такая современная! У них даже есть лифт!

Напиши, что ты думаешь об «Айвенго» сэра Вальтера Скотта. Смешная старая книга. Но мне она по душе.

Дорогой сын, в жизни твоей старушки Ма происходят сильные перемены. Никому не позволяю говорить мне, кто я такая и что мне следует делать!

Кто знает, может, я даже выйду замуж кое за кого!

Скучаю о тебе, дорогой Тэз!

Любящая Ма,

Руфь Красотка Уотлинг.

Две недели из трех Ретт был в разъездах, и Красотка направляла адресованные ему письма в гостиницу Святого Николаса в Нью-Йорке, «Спортсвуд» в Ричмонде, и отель Святого Людовика в Новом Орлеане.

Когда же он находился в Атланте, Красотка специально задерживалась подольше в его кабинете: вязала, пока он разбирался с бухгалтерией, отвечал на письма и подписывал документы. Вычитав из «Книги для дам Годи» об английских традициях чаепития, она каждый день приносила Ретту поднос с печеньем, чашками и новым фарфоровым чайником.

Куртизанки обменивались понимающими взглядами.

В поисках работы в «Красную Шапочку» вернулась Лайза, сельская девушка, служившая у Красотки во время войны. Лайза призналась, что ей пришлось туго и она опустилась до простой шлюхи и пьянчуги. «Даже не могу передать, до какой мерзости я дошла». По ее словам, она не брала и рот ни капли спиртного уже шесть месяцев.

Через два дня Ретт спустился вниз и увидел Лайзу.

Облизнув губы, девушка сказала:

— Прошу вас, капитан Батлер, я больше не такая.

— Убирайся, — сказал Ретт.

Боясь, что он убьет её, Лайза ретировалась столь поспешно, что даже не забрала свои вещи, которые Макбет потом связал в узел и отвез в увеселительное заведение, где она осела. Красотка не осмелилась спросить Ретта, отчего он выгнал девушку. Еще через несколько месяцев до нее дошли слухи, что Лайзу взял на содержание богатый пособник — лучшей участи, видимо, ей нельзя было и желать.

Через три дня после того, как Джорджия единогласно отказалась подписывать четырнадцатую поправку к Конституции

[45], Ретту пришла телеграмма: «Отец умер сегодня Похороны в пятницу. Пожалуйста, приезжай. Розмари».

— О Ретт, как мне жаль, — сказала Красотка.

— Мне, как ни странно, тоже, — произнес Ретт.

Глава 32

МИССИС ЭЛИЗАБЕТ ПРЕКЛОНЯЕТ КОЛЕНА

Похоронных дел мастер оказался бессилен против запечатленной в чертах Лэнгстона Батлера ярости. Попытки бедняги приподнять и перевести черты лица усопшего в видимость приятного выражения не приводили ни к чему из-за бесповоротно опущенных углов рта, поджатых губ и насуспенной верхней части лица, которые бальзамировщик не мог скрыть никакими ухищрениями.

Лэнгстон Батлер желал при жизни лишь почитания, покорности и власти. Он никогда не испытывал склонности к неуместному умилению угловатым полетом цапли, переменчивыми узорами на песчаном берегу, изумительной нежностью и плавностью изгибов женских рук. Всю свою жизнь Лэнгстон Батлер больше всего страшился попасть в глупое положение.

В голове Ретта крутилась строка из поэмы Теннисона:

«Лучше все же любить и затем потерять, чем совсем никогда не любить»
[\[46\]](#).

Витражи церкви Святого Михаила сняли во время артиллерийского обстрела Чарльстона и до сих пор не вернули на место. На смертный одр Лэнгстона падали тени от светильников.

Когда церковные врата открылись для выноса гроба, острый луч утреннего света проник в алтарь и засветил нимбы вокруг голов выносящих. Все они были из того же поколения, что и усопший. Сецессионисты, нуллификаторы, чьи абстрактные политические теории пали перед кровавыми событиями.

Церковный двор был обнесен высокой железной изгородью, через которую некогда перемахнул Ретт на Текумсе, сколько же лет тому назад?

Как легко он мог напороться сам или погубить лошадь об эти острия! Упасть, покалечиться или даже погибнуть! Он совсем не ценил тогда жизнь, словно безделушку, которую можно беспечно отбросить.

«Господи, — подумал Ретт, — неужто я был тогда в таком отчаянии?»

Его взгляд остановился на бедной Розмари. Слава богу, у сестры есть теперь сын. На какое-то время, по крайней мере, маленький Луи Валентин Раванель заменит для нее весь мир.

Ретт имел сведения об участии Эндрю Раванеля в делах Клана. Муж сестры становился все более одиозным. Эндрю был возмущен и обозлен ситуацией с «предателями», «правами южан», «ниггерами», «двурушниками-саквояжниками» до такой степени, что Ретт едва мог с ним поддерживать разговор.

Что произошло с тем Эндрю, которого он знал, отчего такие перемены? Куда исчез прежний снисходительный, смелый, романтический юноша?

После похорон негры Лэнгстона Геркулес и Соломон куда-то исчезли. Джулиан Батлер задержался ровно настолько, чтобы поделиться с Реттом последними слухами из государственных кругов и заверить, что если тому вдруг потребуется какая-то юридическая помощь, то непременно...

Джулиан лишился всех волос. Его череп сиял, как только что снесенное яйцо.

Исайя Уотлинг уже помогал Элизабет Батлер подняться в фургон, когда Розмари неожиданно вмешалась:

— Мама, ты теперь останешься с нами. У нас много свободных комнат. Пособишь с малышом.

А я могу? — Глаза Элизабет широко раскрылись, поблекшие губы растянулись в улыбке. — Правда? О, я даже не смела мечтать об этом. Розмари! — Она просительно повторила: — Ты позволяешь? Мне бы так хотелось остаться, так хотелось бы. Я стану посещать вечернюю службу в церкви Святого Михаила. Вечерняя служба такая мягкая и сердечная.

— Мисс Лизбет, — несколько нараспев сказал Исайя, — Разве мы не молились вместе? Не читали Библию и не возносили молитвы по утрам и вечерам?

— Верно, — ответила Элизабет, — но Бог хотел все сделать приятным. Вспомните, что сказал Иисус о лилиях полевых! Подставки для колен в церкви Святого Михаила добрее к моим старым коленям, чем голый деревянный пол в твоём доме.

— Я изготовлю вам подставку для колен сразу, как только мы вернемся в Брайтон, мисс Лизбет.

— Моя мать останется с Розмари, — твердо сказал Ретт.

Безжалостные глаза Исайи Уотлинга вперились в Ретга.

Элизабет счастливо лепетала:

— Дорогой Ретт, я всегда любила Чарльстон! Хотя, помнишь, ты говорил отцу, что единственная разница между чарльстонцами и аллигаторами в том, что аллигаторы показывают зубы, прежде чем укусить? О Ретт, ты был таким ренегатом!

Она хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

Исайя Уотлинг прошелся языком по зубам, прежде чем ответить.

— Тогда я поеду, мисс Лизбет. Всегда, пока есть силы, я буду молиться за вас.

— О Исайя, — Элизабет Батлер говорила с ним как с дальним родственником, — да благословит Бог твое сердце.

Старик водрузил шляпу на голову.

— Мисс Розмари, надеюсь, вы станете хорошо заботиться о мисс Лизбет. Буду очень вам обязан, — Улыбка Уотлинга оказалась неожиданно доброй. — Мистер Ретт Батлер, — добавил он пророчески, — мой день еще придет.

Глава 33

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА

ПО СРЕДАМ

Три дня спустя, около десяти утра, Ретт спустился на кухню «Красной Шапочки».

— Доброе утро, дорогая Красотка.

Поцеловав ее в щечку, он вопросительно наклонил голову набок.

— Милое платье — приятно оттеняет цвет лица. И эта сетка для волос с ленточками!.. Даже чарльстонские леди не такие модницы. Молчи, Красотка, ничего не говори. У тебя есть пассия!

Красотка покраснела.

— Глупости. Кому нужна такая старая корова?

Взяв ее за руки, он улыбнулся той улыбкой, которую она так любила.

— Да хотя бы мне!.. А теперь выкладывай здешние новости. Что замышляют Руфус Буллок с республиканцами?

Действительно ли саквояжники ограбили железную дорогу Джорджии, а Эдгар Пурьер лоббирует интересы Пенсильнании? Что собираются янки делать с Кланом?

Красотка сварила кофе и рассказала о последних событиях в городе. Во дворе Макбет, насвистывая, обихаживал лошадей скребницей.

Красотка спросила:

— А папа был на похоронах?

— Был. С твоим восхитительным кузеном Джоузи.

— Сыном дяди Авраама.

— Джоузи Уотлинг — весьма опасный молодой человек.

Красотка налила Ретту еще кофе.

— Я не видала дядю Авраама с тех пор, как мы уехали из Манди-Холлоу. Дом, где я родилась, всего в каких-то то есть всего лишь — пяти милях от Джонсборо, но мне никогда не хотелось навестить его. Помоему, кузен Джоузи вершил что-то ужасное на войне.

— Я слышал, Джоузи вступил в Клан.

Красотка пожала плечами.

— Как и Арчи Флитт, и Фрэнк Кеннеди, и мистер Эшли Уилкс. Теперь у половины джентльменов Атланты в шкафу припрятан белый балахон. Как поживает твоя сестра?

— Замкнула. Рассеянна, — Ретт с удовольствием потянулся, — А что тут творит Клан?

— Макбет больше не развозит офицеров-янки по домам, какими пьяными они бы ни были. По ночам неграм опасно выходить на улицу. Вот позапрошлой ночью мы уже закрылись, но слышался какой-то шум, поэтому я высунула голову из двери на кухне и увидала возле ручья всадников — пятнадцать или

двадцать, все в белых балахонах и остроконечных колпаках. Они направлялись не к нам, но перепугали меня до смерти.

— Янки не должны позволять вооруженным молодчикам терроризировать округу.

Красотка подошла к леднику за миской с яйцами.

— Как бы то ни было, милый Ретт, на улице светит солнышко, впереди ясный день, и я собираюсь приготовить тебе завтрак. У нас есть деревенская ветчина, омлет готовится за пару минут.

Ретт отодвинулся от стола.

— Прости, Красотка, у меня дела в городе. Я купил долю в Фермерско-торговом банке и собираюсь проверить свои инвестиции.

Как бы не так! — решительно заявила она, поразившись собственной смелости, — Капитан Ретт Батлер, сядьте-ка за кухонный стол! Ваши чертовы дела и вполтину не так важны, как рассказ о похоронах отца, о мисс Розмари и всем прочем.

Пристыженный, Ретт снова устроился за столом.

— Хорошо, Красотка, думаю, неплохо кое-что съесть.

За завтраком они беседовали, словно давно женатые супруги.

— Так как там папа?

Ретт пожал плечами.

Ничуть не переменялся. Я отверг его предложение забрать мать в Броутон. Будь он другим человеком, я бы даже сказал, что он с ней ласков. — Он сделал глоток кофе — Эндрю не допускает свободных негров в свой дом, чтобы от кандидатов отбоя не было. Его «принципы» означают, что Розмари должна одна ухаживать и за младенцем, и за престарелой женщиной.

Погрузившись в воспоминания, Красотка смягчилась.

— Эндрю был таким нежным, Ретт...

— Ну, теперь он Великий Магистр [47]. Аристократы Чарльстона бессовестно льстят ему на публике, но никто не приглашает его к себе в дом.

— Бедный Эндрю.

Ретт смял салфетку возле тарелки.

— Ты по-прежнему о нем думаешь?

— Я думаю о той девушке, какой я была, — Красотка сморгнула, — И надеюсь, что она где-то внутри меня еще живет. Скажи, Ретт, можешь ли ты простить отца за то, что он сделал с тобой?

— Простить? Милая Красотка, я простил его много лет назад. Лишь глупец ничего не прощает. И лишь безнадежный глупец забывает, — Ретт сверкнул широкой улыбкой.

А теперь позволь мне рассказать тебе о моем племяннике, юном Луи Валентине Раванеле. Ну и легкие у этого мальчишки...

Той ночью, лежа в постели, Красотка Уотлинг заснула с улыбкой на устах: подушкой ей служил комплимент Ретта: «Да хотя бы мне».

Как всегда, накануне Нового года, за бокалом шампанского, Красотка выплатила Ретту его долю

доходов от заведения. И так же, как всегда, напомнила, почему она так его назвала.

Когда же она предложила проверить свои расчеты, Ретт сказал:

— Красотка, если бы мне надо было проверять тебя, я бы завел другого партнера.

Той ночью оба они немного опьянели.

Когда Ретт был в городе, в «Красной Шапочке» устанавливалась более приятная и приветливая атмосфера. Обычно Ретт работал до вечера за столом, после чего отправлялся в салун «Лучшая девушка сезона», где ужинал и до полуночи играл в карты.

Когда приходили письма от Тэза, Красотка клала их Ретту на стол, а на следующий день он их возвращал, ничего не говоря, даже те, где юноша жаловался на свою незаконнорожденность.

Уединившись в будуаре, Красотка читала романы. Мистер Теккерей ее не задел, зато понравился «Оливер Твист» Диккенса. Когда она перевернула последнюю страницу, глаза ее были влажны от слез. Она прочла романы Готорна и как-то промозглым февральским вечером, после того как миссис Элсинг грубо обошлась с ней в Банке Джорджии, сказала Ретту:

Теперь я знаю, как чувствовала себя бедная Эстер Принн.

Ретт поднял бровь.

Какая Эстер Принн, Красотка?

Март налетел как лев. Конгресс Соединенных Штатов распустил законодательное собрание Джорджии, и штат превратился в Военный округ номер три. Белые жители Джорджии и поносили Руфуса Буллока и его республиканцев как предателей.

Той холодной весенней ночью в Атланте было неспокойно. Часовые федеральных войск слышали топот копыт там, где никаких всадников быть не могло; собаки то внезапно начинали выть, то так же внезапно стихали. По небу проносились облачка, а дым над трубами клонило то в одну, то в другую сторону.

Посетители в «Красной Шапочке» нервно дергались, словно ветви вяза на ветру, хлеставшие стены заведения. Обычно болтливые, офицеры-янки как воды в рот набрали, а молчаливые клиенты, напротив, так и сыпали словами. Минетта не успевала наливать бренди. Офицеры заходили, сидели пару минут, потом уходили. Каждого новопришедшего они обступали и шепотом расспрашивали.

Вечером на какую-то белую женщину напали неподалеку от Шантитауна, где живет много освобожденных негров. Услышав эту ужасную новость, Элоиза упала в обморок, и ее пришлось приводить в чувство нюхательной солью. Куртизанки жаждали услышать подробности: что случилось с той женщиной — ее изнасиловали? Избили? Убили совсем?

Красотка, уютно устроившись у себя в спальне, читала «Холодный дом» Диккенса, когда вдруг с крыльца донесся страшный шум. Она поспешила накинуть розовый халат и спустилась в гостиную, как раз когда все посетители выходили черед парадную дверь во двор. Возле ворот слезал с коня патрульный.

— Вы их арестовали, Боб?

— Нет, но застрелили нескольких. Ура!

Красотка протолкнулась на крыльцо.

— Что здесь происходит? Подумайте о соседях! Заходите внутрь! Все заходите!

Офицеры не обратили никакого внимания на ее призывы.

— Скольких вы убили?

— Не знаю. Они их утащили.

— А сколько наших ребят пострадало?

— Каллагэн и Шмидт. Шмидту попали в живот.

— Капитан Джеффри их узнал, им некуда деваться. Капитан Бейтсон расставил всюду патрули. На сей раз мерзавцам не уйти!

В ухо Красотке кто-то горячо зашептал:

— Мисс, идемте скорей.

Шрам Макбета совсем побелел, выделяясь на темной коже.

Красотка последовала за Макбетом через дом в конюшню. Едкий запах пота долго скакавших лошадей и медный привкус свежепролитой крови тошнотворно ударили в нос.

— Их лошади у нас в стойле, — хрипло прошептал Макбет, — я их растираю.

— погоди, Макбет! — сказала Красотка, но негр шел дальше.

Перила лестницы, ведущей в кабинет Ретта, были измазаны кровью, и женщина машинально вытерла их полый халата. Она толкнула дверь кабинета и встретила с испуганным взглядом нескольких человек.

Доктор Мид прощупывал рану на плече Эшли Уилкса. Муж Мелани Уилкс лежал с побелевшими от боли губами на кушетке, а Ретт, стоя возле него на коленях, бросил в ведро одну окровавленную тряпку и стал промакивать рану другой, чистой.

Хью Элсинг прошипел:

— Мы хотели проучить ниггеров, чтобы они держали свои черные лапы подальше от наших женщин.

Доктор Мид искал в сумке щипцы.

— Уилкс, — сказал он, — будет жутко больно. Хочешь, дам кожу закусить? Кричать нельзя.

Эшли мотнул головой, отказавшись.

Ветви большого вяза скребли по дощатым стенам, словно метлой. Ретт поднял глаза.

— Прости, Красотка. Не знал, куда еще их девать. Янки преследовали по пятам.

— А ты? Разве ты был с ними, Ретт?

— Я? С ку-клукс-клановцами? — фыркнул он, — Я играл сегодня в покер с двумя капитанами, которые были пьяны и не могли держать язык за зубами. Они вроде следили за нашими джентльменами. Бравые клансмены собирались проскакать через весь Шантитаун, стреляя каждого негра, который не успел бы убраться с пути. Янки устроили им ловушку. Я двинулся их предупредить, но джентльмены уже туда въехали, — пожал Ретт плечами. — Тогда я решил спустить пружину раньше, чем это сделают янки. Револьверы мистера Кольта производят массу шума. Янки приняли меня за целую бригаду!

Эшли выгнулся под зондом доктора Мида, и Ретту пришлось применить всю свою силу, чтобы его удержать.

Хью Элсинг стоял на своем:

— Четырнадцатая поправка предоставляет право голоса неграм и отбирает его у всех, кто был на службе у Конфедерации. Мы под пятой завоевателей...

Ретт взвился:

— Если бы не ваши женщины, я бы дал всех вас повесить! Что, черт побери, вы собирались сделать?

Передняя дверь хлопнула, из нее вывалились офицеры, распевая «И перед самой битвой, матушка моя...»

В комнате установилась такая тишина, что, когда пуля звякнула о ведро, все подскочили. Ретт ладонью заглушил стон Эшли. Внизу какой-то янки зашел за угол помочиться и напевал, пока струйка не перестала бить об землю.

Красотка коснулась руки Ретта.

— А мистер Уилкс... как он?

— Выживет. Боже, ну и переделка! В подвале дома старого Салливана два трупа. Я запихнул их балахоны в трубу камина. Эта братия собиралась якобы на «Демократические вечера по средам». Очень умно, ничего не скажешь! Встречались, чтобы решить, какого зарвавшегося негра необходимо одернуть... Этих тупиц могут вполне повесить за сегодняшние труды.

Лицо старика Мерриуэзера побагровело.

— Достань нам лошадей, Батлер! Мы заплатим. И бежим сегодня же ночью. В Техас.

Красотка не могла забыть, как добра была к ней миссис Уилкс, и спросила:

— А нельзя ли просто сказать, что они всю ночь провели здесь?

Ретт презрительно фыркнул.

— Самые видные джентльмены Атланты в публичном доме?

— Мои девушки... мои куртизанки поклянутся, что джентльмены были с ними. Они приходят к ним сюда — каждый вечер по средам, так ты сказал? — и приглашают всего нескольких девушек. Господа «демократы по средам» очень умеренны в своих вкусах.

Ретт несколько секунд прокручивал в голове ее мысль, а потом расплылся в широчайшей улыбке, какую Красотка когда-либо видела.

— Надо же, мисс Красотка! И что только скажут люди?

Доктор Мид выглянул наружу и задернул занавеску. Ретт сделал знак испуганным и приниженным «демократам по средам».

— Самые уважаемые джентльмены Атланты, н-да. Но так придумала. Красотка, ты столь же умна, как и хороша.

Когда доктор Мид забинтовал Эшли плечо, Ретт соорудил для его руки косынку и накинул на него плащ.

Спокойно раздавая указания, словно генерал Ли на поле боя, он распределил всем роли в представлении.

— Уилкс, если нам не удастся их убедить — тебя повесят.

Янки будут поджидать тебя дома, поэтому мы должны быть очень пьяны, просто в стельку. Элсинг, можете сыграть пьяного дурня? Трезвого вам и играть не надо.

Ретт плеснул виски на рубашку Эшли, и запах спиртного перебил запах крови.

— Доктор Мид? Доктор Мерриуэзер? У вас ведущие роли!

— А я? — напомнил о себе Генри Гамильтон.

Ретт подумал с минуту, затем покачал головой.

— Прости, Генри, все роли со словами уже разобраны. Тебе остается роль помощника режиссера.

Вместе с Хью Элсингом Ретт помог Эшли спуститься по лестнице из кабинета во двор, где Макбет уже седлал коней. Холодный воздух оживил Эшли, и он сел верхом без посторонней помощи. В седле он было покачнулся, но выпрямился и сказал: «Достигни или умри, стараясь».

Когда они усаkali, Красотка сунула в ладонь вышибале «двойного орла» [48] и сказала:

— Макбет, ты ничего не знаешь.

В его глазах застыли мудрость и понимание.

— Нет, мэм, я вовсе не знал, что миссис Кеннеди напугали сегодня вечером, не слышал, что клансмены собирались устроить стрельбу в Шантитауне, и ведать не ведал, что янки хотели их там подстеречь. Нет, мэм. Я всего лишь тупой ниггер.

— Ты сказал... Миссис Кеннеди?

— Да, миссис Кеннеди, у которой лесопилки.

— Она... пострадала?

— Нет, мисс Красотка. Двое воров пытались ее схватить, но ниггер из Тары, Большой Сэм, убил одного и прогнал второго. Миссис Кеннеди только очень перепугалась.

— Только перепугалась?

— В Шантитауне одна испуганная белая леди может накликать массу бед.

Чутко прислушиваясь, чтобы не напороться на патруль федералов, трое всадников продвигались по темным улицам Атланты. На подъезде к дому Эшли Уилкса, казалось, сам воздух сгустился. Ветер взвихрял пыль под копытами коней.

— А теперь пойте, мои лицедеи, пойте! Пусть до янки донесутся звуки вашего веселья!

Ретт откинулся назад и загорланил ненавистную походную песню солдат Шермана:

Как темнокожие скакали, заслышав радостные звуки,
А индюки как болботали, попавши интенданту в руки,
Даже бататы, и те повылезли наружу — вот штука,—
Посмотреть, как мы идем по Джорджии.

— Элсинг! Черт тебя дери! Пой!

Так, распевая нестройными голосами гимн Шермана, трое пьяных подъехали к дому, где капитан Том Джеффри с солдатами собирался арестовать клансменов.

А в «Красной Шапочке» Красотка ставила акт второй.

Доктор Мид хотел отказаться играть предписанную роль.

— Я должен устроить драку... в публичном доме? Да я никогда не бывал в публичном доме!

— А жаль. Но вы теперь как раз в нем. Хотя выбор есть — виселица...

Когда Мид вылил на себя слишком мало виски, Генри Гамильтон окропил его так основательно, что почтенный Мерриуэзер даже убрал трубку в карман. Исключительно респектабельный Генри вытянул полы рубашек джентльменов из брюк, оторвал верхнюю пуговицу жилета старого Мерриуэзера и перекошил воротничок доктора Мида.

Красотка оглядела актеров.

— Парни, вы смотрите как надо. У вас явно талант.

Вскоре после этого двое видных граждан Атланты, по всей видимости упившись до беспамятства, ввалились в гостиную Красотки, обмениваясь довольно неэффективными ударами. Красотка велела Макбету бежать за военными полицейскими. Поскольку некоторые из офицеров, задержавшихся в гостинной, должны были участвовать в поисках клансменов, последовал массовый исход, а тем временем Мид с Мерриуэзером вошли во вкус представления и уже нешуточно колошматили друг друга, изрыгая ругательства, в стенах «Красной Шапочки» почти никогда не слыханные.

Полицейские застали сцепившихся джентльменов, когда те уже катались по клумбе. Приглушенные угрозы и проклятья походили то ли на рыдания, то ли на истерический смех.

Пока полицейские разнимали дерущихся и арестовывали их, Красотка, заламывая руки, громко заявляла, что у нее вполне приличное заведение, а Макбету вполголоса напомнила:

— Ты ничего не знаешь.

— Совсем ничего, совсем тупой ниггер, — заверил ее он.

Примерно через два часа после ухода полицейских Арчи Флитт на двуколке привез тела двух убитых, которые он забрал из дома Салливана, на пустырь за «Красной Шапочкой».

— Ретту удалось обмануть янки? — нетерпеливо спросила Красотка.

Арчи сплюнул.

У Красотки от облегчения едва не подогнулись колени.

— А муж миссис Уилкс... он в безопасности?

— Вроде.

Красотка посмотрела на него пристальнее.

— Тебе не нравится мистер Батлер, верно?

— Раньше я был ему обязан. Теперь работаю на миссис Уилкс.

Макбет вместе с Арчи выгрузили тела на пустыре. Арчи положил разряженные пистолеты, из которых недавно стреляли, возле застывшей правой руки каждого и полил безучастные лица виски. Затем спросил Макбета:

— Ниггер, ты боишься Клана?

— О да, сэр. До жути боюсь.

— Этих двоих можешь не бояться, — Арчи ткнул труп ногой, — Они уже вполне «джентльмены» [\[49\]](#).

И запихнул пустую бутылку под мышку мертвецу.

Газеты сообщили, что двое джентльменов из Атланты напились, поссорились и застрелили друг друга. Город ужаснулся.

Красотку и ее девушек призвали в штаб федеральных войск, где они поклялись на святой Библии, что подозреваемые в причастности к деятельности ку-клукс-клана Эшли Уилкс, Хью Элсинг, Генри Гамильтон, доктор Мид и почтенный Мерриуэзер действительно находились в «Красной Шапочке», развлекаясь в компании небезызвестного капитана Батлера, как всегда делали по вечерам в среду. Группа именovala себя «демократами по средам», дабы обмануть бдительность жен.

— Они всегда жутко буянят и к тому же редкостные скряги, — жаловалась Красотка.

Офицеры-янки не смогли сдержать усмешки. Те самые жители Атланты, которые смотрели на них свысока, теперь были публично унижены.

И после, когда уже жены офицеров-янки снисходительно улыбались женам «демократов по средам», эти гордые да мы-южанки с радостью отправили бы Ретта Батлера на виселицу.

Ретт Батлер переписал историю. Он преобразил Фрэнка Кеннеди, сделав из клансмена, убитого во время рейда в Шантитаун, драчливого пьяницу, погибшего в глупой ссоре на пустыре за борделем. На похороны Фрэнка Ретт Батлер оделся в темно-синий лондонский костюм и захватил щегольскую трость из ротанга.

— Нужно ли тебе туда идти? — бесцветным голосом спросила Красотка.

— Как же мне туда не идти? Как же не идти, дорогуша? Разве я не тот негодяй, что обвел янки вокруг пальца, одновременно выставив лучших людей Атланты сущими ханжами? Конечно, я пойду. И собираюсь ликовать.

— Мисс Скарлетт будет там?

— Где же еще быть скорбящей вдове Фрэнка?

У Ретта в петлице красовалась алая роза. Интересно, откуда он ее достал? В саду Красотки розы еще не распустились.

— Ретт, неужели ты... снова?

Он поцеловал ее в лоб. По-братски.

Похороны состоялись в три часа дня, но Ретт не вернулся в «Красную Шапочку». В тот вечер Красотка сидела за туалетным столиком и глядела на глупую, вульгарную женщину в зеркале. Та еще леди! И что только она думала?

В дверь просунулась голова Минетты.

— Мисс Красотка, ма шер, сегодня день расплаты...

— Да, конечно, — сказала Красотка.

Она расстегнула синее шелковое платье из фая и дала ему соскользнуть на пол. Вынула серьги с камнями из ушей и опустила их в бархатный мешочек. Потом нанесла румяна на щеки и карминово-красной помадой нарисовала губы шлюхи поверх своих.

Глава 34

КАКАЯ-ТО ЧЕРТОВА ОШИБКА

Ретт находился в Англии, когда Макбет попросил у Красотки разрешения перенести в его кабинет кое-какую старую мебель.

Красотка нахмурилась.

— Нет, нельзя. Капитану Батлеру потребуется его кабинет, когда он вернется.

Макбет сказал:

— Нет, мэм. Капитан Батлер сюда больше не вернется.

Он, когда приедет, отправится к мисс Кеннеди.

— Дурень ты. Он от нее уже несколько лет как отказался.

— Как же, — хмыкнул Макбет.

Красотка получила от Тэза странное письмо.

Дорогая маман!

Я очень рад за тебя — и за себя, конечно. Капитан Батлер пригласил меня отпраздновать это событие в клубе «Брукс» с его английскими друзьями!

Твой любящий сын, Тэзвелл.

За этим загадочным посланием — долгое молчание без ни какого объяснения.

— Должно быть, какая-то чертова ошибка.

В стенах «Красной Шапочки» янки, саквояжники и эксфедераты поддерживали вежливое перемирие, но те же джентльмены, что называли друг друга по именам в гостиной Красотки, либо разъезжали с клансменами, либо в патрулях янки, их преследовавших.

В декабре Руфус Буллок выступил с обращением на конституционном съезде «черных и кофейных». Там тридцать семь негритянских делегатов переписали конституцию Джорджии. Впервые женщины получили возможность иметь собственность, приобретенную на свое имя, а негры-мужчины обретали право голоса. Газеты Джорджии высмеивали как самих делегатов, так и их способности, речь и манеры.

Негры-«выскочки» и белые республиканцы почувствовали на себе бич недовольствия Клана. Лишь его члены да патрули янки перемещались по пустым улицам ночью.

На следующий день после Рождества Красотка получила письмо от Ретта — прежде он ей никогда не писал. Она отнесла конверт в спальню и налила себе бренди, прежде чем вскрыть.

Дорогая Красотка!

Не скажу, что мне легко писать эти слова, но лучше, если ты узнаешь новость от меня. Тэз в Новом Орлеане. Мальчик здоров, насколько мне известно, но страшно зол. И я не могу его винить.

Листок задрожал в руках Красотки. Тэз в Новом Орлеане?

Роб Кэмпбелл, мой банкир, шотландец, когда мы только повстречались, был младшим партнером в банке, но теперь у него своя фирма. Я ему доверяю, поэтому, решив прервать военную карьеру Тэза, написал Робу с просьбой помочь.

По высадке в Англии Тэза привезли в лондонский офис Робба. Тэз все еще был в военной форме конфедератов. Роб спросил: «Что нам предпринять с вами, молодой человек?»

«Отчего, сэр, со мной надо что-нибудь предпринимать?»

«Оттого, что мой друг Ретт попросил о тебе позаботиться».

«Благодарю за ваше беспокойство, сэр, мне бы не хотелось быть еще больше обязанным мистеру Батлеру».

Портной Робба снял мерки с юноши, но вместо того, что бы ждать, пока сошьют платье, Роб отправил Тэза прямоком в Шрусбери. Роб сам выпускник этой школы.

Не говорил ли я, что Роб — человек мудрый и предусмотрительный? Прибыв в школу в своей потрепанной серой форме, Тэз произвел неизгладимое впечатление, и сверстники приняли его гораздо быстрее, чем это могло обеспечить любое покровительство влиятельных лиц. В Шрусбери полным-полно сыновей пэров, однако никто из этих юнцов не сражался на войне.

Примерно в то же время в банк Робба прибыли посланцы федералов с грубыми расспросами о моих счетах. Впрочем, предупрежденный мною, он был уже готов к их возможному появлению.

Когда я приехал в Лондон, Роб как раз отбояривался от федералов. Дыма было много, но, по заверениям Робба, практически без огня.

На мою телеграмму директору школы я получил ответ, что Тэз не желает меня видеть. Я мог бы настоять, да не хотел причинять мальчику большего беспокойства. Директор уверил меня, что успехи Тэза вполне приемлемы, особенно в французском языке и математике. Поскольку он говорил фто-креольски, первое было неудивительно, зато успехи в математике меня приятно удивили.

К счастью, твой сын понравился Робу Кэмпбеллу.

Красотка шепотом сказала:

— Еще бы. Кому мой Тэз может прийтись не по душе?

В конце первой четверти Роб пригласил Тэзвелла провести каникулы у Кэмпбеллов.

У Робба милая полненькая женушка и двое дочерей — застенчивая Клэр и Аманда, которая вырастет со временем в настоящую красавицу. Как бы то ни было, Кэмпбеллы приняли Тэза в свой дом. Думаю, Роб надеялся, что у молодых людей, Тэза и Клэр, может возникнуть симпатия. Как мне известно, по окончании школы Роб намеревался предложить твоему сыну место у себя в фирме.

Я получал от Робба регулярные отчеты, но Тэз мне ни разу не написал. Хотя я бы и предпочел более дружеские отношения, к роли злодея мне не привыкать, коли уж юноша желал меня в ней видеть.

Тэз теперь в Новом Орлеане по моей вине. Нельзя водить парня за ручку, пока он не вырастет. После деловой встречи с Робом Кэмпбеллом мы прошлись с ним по Бёрлингтонской Аркаде[50], чтобы

посетить самых модных ювелиров Лондона. Поскольку Сатклиф делает короны для королевы, я учел, что он угодит и Скарлетт. Бедный Роб ужаснулся, когда я приобрел самое большое и вычурное обручальное кольцо из всех, что ему доводилось видеть. Однако из приличия ничего не сказал, лишь поздравил и предложил отпраздновать в своем клубе через три дня.

Я телеграфировал в Шрусбери, чтобы пригласить Тэзвелла на вечеринку. То ли мою телеграмму можно было так истолковать, то ли директор обмолвился — в общем, Тэз каким-то образом решил, что я собираюсь жениться на тебе!

Белл опустила письмо, залпом выпила бренди и сказала в пространство:

— Представить только: Ретт Батлер и Красотка Уотлинг женаты! Господи милосердный!

Клуб «Брукс» — чопорное заведение, да и гостями были в основном скучные банкиры, но, Красотка, ты бы гордилась тем, как твой сын держался среди них. Я был рад видеть его, и мы принялись травить байки о форте Фишер, словно Тамбо и Кость в минстрел-шоу[\[51\]](#). На мои слова «по словам капрала, ты был лучшим солдатом, чем я» все расхохотались.

Когда все уселись за стол, возле которого застыли официанты, Роб встал, чтобы произнести тост, но Тэз его перебил.

«Простите, господа. Мистер Кэмпбелл, мистер Батлер, уважаемые гости... прежде чем начнется празднество, я бы хотел сделать признание», — сказал он.

Красотка, твой сын меня совершенно растрогал. Он произнес прочувствованную речь обо всем, что я для него сделал, признавшись в вечной благодарности. Он упомянул мою доброту, щедрость и — боже правый! — мудрость.

Собравшиеся за столом отцы и деды семейств, конечно, высоко ценили сыновнюю почтительность и благодарность, поэтому принялись рукоплескать чувствам Тэза.

Нашем Роб поднял бокал: «За моего друга капитана Ретта Ватлера и его невесту, миссис Скарлетт Кеннеди».

Лицо Тэза побледнело, мне показалось, он вот-вот потеряет сознание. Слишком поздно я осознал, что Тэз думал, будто я собираюсь жениться на тебе, и теперь ощущал себя величайшим глупцом на свете.

Если взрослые люди боятся унижения, то молодые скорее умрут, чем вынесут его. Знавал я молодых дурней, на пари за жалкие два доллара посылавших коня прыгать через ограду из металлических пик пяти футов высотой.

Тэзвелл поставил нетронутый бокал на стол и выбежал из клуба.

Я последовал за ним, но потерял в проклятом лондонском тумане.

Когда Тэзвелл не вернулся в Шрусбери, я нанял детектива, который выяснил, что твой сын купил билет на пароход до Нового Орлеана.

Поэтому теперь Тэз там, откуда начинал свой путь, и к тому же полон разочарования. Надеюсь, он стал все же умнее.

Я прошу у тебя прощения, Красотка, мне совсем не хотелось, чтобы так вышло.

Всегда твой,

Ретта.

Накануне Нового года Красотка Уотлинг нарядилась в свое лучшее платье и отнесла бухгалтерские книги и бутылку шампанского в кабинет Ретта. На этот раз она выпила ее в одиночестве.

Глава 35

БАЛ КВАРТЕРОНОК

Той весной, через три года после войны, республиканец Руфус Буллок победил на губернаторских выборах бывшего конфедерата генерала Джорджа Гордона. В законодательном собрании Джорджии впервые должны были появиться чернокожие.

Великосветские дамы Атланты усмотрели в помолвке вдовы Кеннеди с Реттом Батлером — Черным Принцем военных спекулянтов — очередной признак морального упадка. Они поклялись не прощать Батлера. Жены «демократов по средам» повсюду видели снисходительные улыбки женщин-янки: «Мальчишки и есть мальчишки, разве не так?» Каждая улыбка была как пощечина.

Миссис Мерриуэзер преувеличенно восхищалась кольцом Скарлетт:

— Дорогая! Никогда в жизни не видала такого гигантского бриллианта!

Миссис Мид с преувеличенной нежностью вспоминала Фрэнка Кеннеди:

— Как же трудно поверить, что милого бедняги Фрэнка больше нет с нами.

Тетя Евлалия написала письмо, которое «далось ей труднее всего в жизни», где она молила Скарлетт отменить свадьбу: «Прошу тебя, не позорь вновь Робийяров».

Скарлетт желала пышного праздника, но Ретт счел это неразумным: К чему предоставлять старым склочницам возможность с удовлетворением отклонить наше приглашение?

После скромной церемонии Ретт и Скарлетт стали мужем и женой, а потом мистер и миссис Батлер выпили с гостями по бокалу хереса в доме священника. Мелани Уилкс восхищалась недавно начавшим ходить сыном Розмари Раванель.

— Цените эти годы, — посоветовала она от всего сердца, — они пролетают слишком быстро.

Доброта в лице Мелани тронула сердце Розмари.

Моя доченька, Мег, была убита в войну, но я молюсь на нее каждую ночь. Такая глупая! Молюсь за дитя, которое уже на небесах.

Ничего глупого тут нет, — откликнулась Мелани. — Мег знает, что вы любите ее. Разве вы не чувствуете ее залог? Вот, возьмите мой платок. А ваш Луи такой милый мальчик.

Так Розмари Раванель и Мелани Уилкс стали друзьями.

Для свадебной поездки Ретт нанял один из новомодных спальных вагонов мистера Пульмана. Когда молодожены прибыли на вокзал, половина Атланты стеклась поглазеть на невидаль: шикарный вагон, превращенный в спальню на колесах. Куда катится мир?..

Ретт сделал вид, будто принимает это стечение народа на желающих поздравить новобрачных.

— Добрый вечер, миссис Мерриуэзер, как мило, что вы пришли. Сожалею, что мы не смогли пригласить всех своих друзей на свадьбу, но Скарлетт — вы же знаете, как она стеснительна — настояла на более скромной церемонии. А, миссис Элсинг! Благодарю, что пришли проводить нас. Как поживает дружище Хью? — спросил он, подмигнув. — Мы с Хью славно куролесили в стародавние денечки!

Оскорбленные леди удалились; Скарлетт едва удержалась от смеха.

На такой победной ноте прекрасным майским вечером Ретт со Скарлетт вошли в вагон, отделанный филиппинским красным деревом и зеленым бархатом. Лепестки роз в хрустальных вазах влажно блестели, стол накрывала скатерть из дамасского шелка, на нем стояло ведро с охлажденным «Силлери».

Ретт поднял бокал в честь невесты, и тут Скарлетт объявила:

— Я никогда не признавалась тебе в любви.

Бокал Ретта на мгновение замер.

— И ты выбрала такой момент, чтобы напомнить мне об этом? Скарлетт, до чего уместно!

— Из всех женщин лишь я тебе не лгу. О чем ты сам нередко напоминал.

Ретт печально покачал головой.

— Верно, радость моя. Порой я говорю чертовски непонятные вещи.

На плато за окном сгустились сумерки, слуга зажег лампы, задвинул шторы и разобрал постель.

— Вон за теми холмами — Тара, — мечтательно произнесла Скарлетт, — Могла ли я помыслить молоденькой девушкой...

Руки Ретта курчавились мягкими волосками и отливали бронзой прочного загара, но его сильные пальцы могли развязать ленту и расстегнуть корсет так нежно, словно о трепещущую кожу Скарлетт потерлась кошка.

Наутро, когда поезд несся по Алабаме на захватывающей дух скорости тридцать миль в час, проводник принес для Скарлетт сидячую ванну с горячей водой.

Пока она принимала ванну, Ретт Батлер сидел в кресле и дымил сигарой.

— На что ты смотришь? — сказала Скарлетт, пытаясь прикрыть грудь мочалочкой.

Ретт принялся смеяться и не успокоился до тех пор, пока и Скарлетт не присоединилась к нему, а мочалочка не сползла окончательно.

Первая размолвка случилась вскоре по прибытии в Новый Орлеан.

— Отчего мы не можем переехать в «Сент-Чарлз»? — вопрошала Скарлетт. — Это... — обвела она жестом их роскошный номер, — креольский отель.

— Да, дорогая, — ответил Ретт, вдевая запонки в манжеты. — Именно потому мы и здесь. В «Сент-Чарлзе» останавливаются американцы. И хоть они великие инженеры, бизнесмены и любят порассуждать о правилах морали, хорошо поесть они не умеют. А если ты не знаешь, как правильно есть, то и заняться любовью как следует не способен.

— Ретт!

Он широко улыбнулся.

— Наши супружеские отношения доставляют мне много приятных минут.

— Это не значит, что о них следует говорить!

— Когда пища и любовь становятся запретными темами, остается беседовать лишь о политике. — Заложив левую руку за спину, Ретт глубокомысленно начал: — Скажите, миссис Батлер, как по-вашему, освободится ли когда-нибудь Джорджия от диктата саквояжников? Является ли забота губернатора Буллока о неграх истинной или мы имеем дело с уловкой, дабы завоевать их голоса?

Он едва увернулся от туфельки Скарлетт, которая ударилась о деревянные жалюзи за его спиной.

Вечером в вестибюле гостиницы собралось множество хорошо одетых европейских туристов и состоятельных креолов. Когда Ретт попросил швейцара вызвать кеб, Скарлетт сказала:

— Я и не знала, что ты говоришь по-французски.

— Креольский диалект не совсем французский, золотце. Парижане бы его вовсе не разобрали.

Швейцар при этих словах выпрямился во весь свой небольшой рост и гордо сказал:

— Мсье, это оттого, что наш французский язык древний и неиспорченный. Парижане испоганили красивую речь.

На что Ретт наклонил голову.

— Sans doute, monsieur
[\[52\]](#).

Каждое утро, пренебрегая недовольством официантов, Ретт сам спускался на кухню, чтобы принести Скарлетт поднос с завтраком. День Скарлетт начинался с его ласк и французской булочки с кофе, крепче и чернее которого ей не доводилось пить.

— Дорогая, у тебя варенье в уголке губ.

— Слизни его.

Они никогда не покидали номер раньше полудня.

Ретт знал все магазины в городе, где модистки приветствовали его поцелуем в щеку и начинали делиться новостями о прежних знакомых.

— По-английски, пожалуйста, — с улыбкой останавливал их Ретт, — Моя жена из Джорджии.

Новый покрой с высокой талией подчеркивал линию плеч Скарлетт, и она накупила столько платьев, что Ретту пришлось уложить их в сундуки и отправить домой. Еще они купили щенка сенбернара для Уэйда и коралловый браслет для малышки Эллы. А для Мамушки — ярко-красную нижнюю юбку, хотя Скарлетт и говорила, что та ни за что не станет ее носить.

Один ленивый, полный чувственных наслаждений день сливался с другим. Скарлетт со времен юности так беззастенчиво не делали комплименты. Несмотря на ее замужний статус, то один, то другой джентльмен-креол прозрачно намекал, что не прочь был бы шагнуть за грань слов восхищения. Ретта эти заигрывания ничуть не смущали, но он никогда не оставлял жену наедине с другими мужчинами.

В Новом Орлеане лишь подмигивали в ответ на поведение, которое в Атланте дало бы пищу для пересудов на многие дни. Скарлетт могла тут напиваться допьяна. Могла играть в девятку. И флиртовать столь отчаянно, что атлантские кумушки сочли бы ее манеру общения совершенно неприличной.

На воскресной службе в соборе Святого Людовика Ретт наклонился к супруге и шепнул на ухо столь непристойную шутку, что Скарлетт даже закашлялась. В самые торжественные минуты Ретт шутил, а посреди веселья оставался невозмутимым. Законотворчество саквояжников в Луизиане приводило его в восторг, он высказывал хвалы каждой руной норме и восхищался продажностью, будто царившее здесь безумие было естественным состоянием вещей.

Скарлетт обожала креольскую кухню. Как-то за обедом в ресторане у Антуана, когда она подцепила последнюю оставшуюся на тарелке Ретта устрицу, он предупредил:

Если ты растолстеешь, придется завести любовницу-креолку.

Скарлетт искала глазами официанта.

— Закажем еще лангустов!

Ретт протянул через стол руку и погладил большим пальцем нежную перепонку между указательным и большим пальцами Скарлетт.

И та хрипло сказала:

— Больше не хочу. Скорее, Ретт. Давай вернемся в гостиницу.

Однажды Ретт нанял фаэтон покататься по дамбе возле речки, где с пароходов, пришедших по Миссисипи, все перегружали на морские суда. Поскольку федералы захватили Новый Орлеан в самом начале войны, город не был разрушен обстрелом и теперь стал самым оживленным из всех портов Юга. Грузчики, иммигранты из Ирландии, довольствовались платой в пятьдесят центов за двенадцатичасовой рабочий день. Они обитали в лачугах неподалеку от речного вала с изможденными женами и множеством крикливых грязных ребятишек. Неожиданно услышав речь с таким же акцентом, как и у отца, Скарлетт сжала руку Ретта.

— В чем дело, любовь моя?

— Обещай мне!.. О, прошу, обещай, что я никогда больше не стану бедна!

По принятому в Новом Орлеане обычаю они ужинали поздно, а затем посещали разнообразные балы: открытые и званые, костюмированные и балы-маскарады. Или же отправлялись играть в клуб «Бостон» (именованному так во все не в честь города янки, а по названию популярной карточной игры). Разобравшись с безиком

[53], Скарлетт выигрывала намного больше, чем проигрывала.

Как-то вечером, когда она выиграла несколько партий кряду, Ретт потребовал без промедления покинуть клуб.

В кебе Скарлетт дала волю гневу.

— Мне было весело! Я выигрывала! Ты не желаешь, чтобы у меня были свои деньги?

— Дорогая, для тебя деньги значат намного больше, чем для меня.

— Ты хочешь полностью владеть мною!

— Дело в том, что для джентльменов, чьи карманы ты опустошала, деньги еще важнее, чем для тебя. Мне эти господа хорошо знакомы. И не один год.

Скарлетт тряхнула головой.

— А к чему мне о них печься?

— Тебе ни к чему, а я должен. Поскольку они не могут вызвать леди на дуэль, им придется вызвать ее спутника. На рассвете у реки обычно холодно и сыро, и мне бы не хотелось простудиться.

Безмятежное счастье Скарлетт омрачало лишь одно небольшое облачко. Это был молодой человек, одевавшийся очень скромно, в платье темных тонов, наподобие старшего клерка какой-нибудь конторы. Обычно он стоял со сложенными на груди руками в вестибюле гостиницы, прислонившись к колонне, или сидел в кресле, просматривая газету. Иногда болтал со швейцаром, как со старым знакомым.

Каждый раз, уходя из «Сент-Луиса» и возвращаясь обратно, они неизменно заставляли молодого

человека в вестибюле. Он посещал те же рестораны, что и они.

— Кто этот юноша? — шепотом спросила Скарлетт, — Вчера вечером он был в клубе «Бостон». Почему он за нами следит?

— Не обращай внимания, дорогая, — ответил Ретт, — Ему кажется, что между нами существуют неулаженные обиды.

— Какие обиды? Кто он такой?

— Очень мило с твоей стороны беспокоиться обо мне, — отозвался Ретт, — Но, право, не стоит.

— Беспокоиться о тебе? — фыркнула Скарлетт, — Вот еще! Ты прекрасно можешь сам о себе позаботиться!

И все же тот молодой человек являл собой досадное облачко.

Получившие немалые доходы при правительстве Реконструкции, жители Нового Орлеана строили себе дома там, где прежде располагались сады и огороды. Новые особняки выходили на улицы, где муниципальные экипажи утопали в грязи по ступицы колес. Недостроенные здания окружали кучи досок (по мнению Скарлетт, сильно уступавших качеством сосне из Джорджии), и до самой темноты оттуда доносился стук молотков.

Капитана Батлера и его прекрасную супругу пригласили на празднества, где среди торговцев хлопком и владельцев речных пароходов попадались люди с непроницаемыми лицами, чей смех не отражался в глазах. В одежде они держались кричаще-ярких тонов и вели разговор о Кубе и Никарагуа так, словно только что оттуда прибыли, а завтра двинутся в обратный путь. Их женщины были слишком молоды и красивы, одеты чрезмерно модно и не пытались скрыть своей скуки.

Эти не улыбчивые люди проявляли к Ретту больше почтения, чем друг к другу.

— Откуда они тебя знают?

— В прежние дни я имел с ними кое-какие дела.

В особняке на Туро-стрит, таком новеньком, что Скарлетт даже чувствовала запах не до конца просохшего обоевого клея, пожилая женщина представилась:

— Меня зовут Туанетт Севьер, — Улыбка дамы была чарующе неискренней, — Севьер — моя девичья фамилия.

Предпочитаю не вспоминать о мужьях. А вы — Робийяр, не так ли? Вся в мать!

У Скарлетт пробежал по спине холодок.

Кожу Туанетт Севьер покрывали старческие пятна, а сквозь поредевшие седые волосы просвечивала розовая кожа. Перстни, унизывающие пальцы, браслеты и ожерелье свидетельствовали, что некогда эта дама была желанна.

— Мы с Эллен были первыми красавицами Саванны много лет назад. Хотя я знала возлюбленного Эллен, Филиппа, получше, чем твою мать.

Филипп! То самое имя, воспоминание о котором Скарлетт загнала поглубже. На смертном одре именно к Филиппу было обращено последнее слово, слетевшее с губ матери.

Слуга забрал пустой бокал и поставил перед Туанетт полный. Она мечтательно улыбалась.

Филипп!.. Огонь, что горит все ярче и горячее, пока не пожирает окружающее...

Скарлетт не желала больше слушать. Эллен О'Хара была изысканной леди, самой безупречной матерью... Она поднялась с места и сказала:

— Мама никогда о нем не говорила.

Не сомневаюсь. — Глаза старухи светились пониманием. Католики бывают разные, дорогая, а Эллен Робийяр принадлежала к тем, что себя не прощают.

Хотя в Новом Орлеане Скарлетт была счастлива, даже чересчур, ей не хватало ее лесопилок, интриг перепродажи, удовольствия, когда удавалось обставить прочих дельцов. И еще ей не хватало Эшли. Его лица, пляшущих в усталых карих глазах искорок. Эшли Уилкс заключал в себе Тару, Двенадцать Дубов — все самое любимое! И в таком настроении, вспоминая об Эшли, она не могла припомнить, отчего решила выйти замуж за Ретта Батлера.

Сила Ретта претила Скарлетт. Его объятия гасили всякое сопротивление, его поцелуям невозможно было противостоять. Ретт хочет низвести ее до такого состояния, когда она станет много меньше, чем сейчас: всего лишь преданной Женой, столь же добродетельной, сколько и глупой, — Скарлетт просто чувствовала это. Вот в таком наполовину скучающем, наполовину оскорбленном настроении, однажды утром, когда Ретт спустился за завтраком, она стала перебирать его папку для важных бумаг.

Часть документов были на испанском и запечатаны вычурными восковыми печатями. Скарлетт обнаружила две грузовые квитанции — одну на «два сундука, железной дорогой, в отель "Нэшнл", Атланта. ОСТОРОЖНО. ХРУПКОЕ», другую — на щенка сенбернара для Уэйда: «Особый груз! Вагон-экспресс!» Счет от лондонских портных Пика и Беннета, аккредитив Банка Нового Орлеана на сумму, приятно удивившую ее, и приглашение на бал, который должен был состояться через два дня в танцзале «Жимолость».

На одно лицо.

Конечно, у Ретта были другие женщины, никто и не пытался делать из этого тайну. Но Скарлетт полагала, что теперь, после женитьбы, он вполне удовлетворен. Однако «дела», по которым Ретт выходил по ночам!.. Какого рода «дела» ведутся от полуночи до рассвета?

Ее уши горели. Какая же она дура!

Когда Ретт принес ей завтрак, Скарлетт стояла в нижней юбке перед высоким зеркалом.

— Погляди, как я растолстела.

Муж обнял ее, но она застыла.

— Не стану есть, больше никогда и ничего в рот не возьму, лучше умру с голоду. О Ретт, помню, прежде мужчина мог обхватить мне талию и пальцы у него сходились.

Когда пальцы Ретта не сошлись на три дюйма, Скарлетт разрыдалась.

В тот вечер Ретт снова ушел по своим таинственным «делам», и Скарлетт спустилась в вестибюль, где не оставляющий своего наблюдательного поста молодой человек вежливо ей поклонился. Швейцар помогал семье янки усесться в кеб, а их маленький сын пнул его по ноге.

— Молодой мсье очень резв!

Опустив в карман пятицентовик и помассировав лодыжку, швейцар повернулся к Скарлетт.

— Да, мадам? Арто к вашим услугам.

— Мне нужно достать билет на бал в танцзал «Жимолость».

Швейцар улыбнулся, словно не понял шутки.

— Что, мадам?

— Танцзал «Жимолость». Вы, несомненно, слышали о таком.

Арто осторожно признал, что слышал о его существовании. То ли на Бурбон-стрит, то ли на Бобен...

Скарлетт протянула ему купюру.

— Билет стоит десять долларов, если не ошибаюсь.

Заложив руки за спину, швейцар лишь покачал головой:

Je suis desole, madame. Desole!

[54] Никкак не могу вам помочь.

Чуть задержавшись в дверях, внимательный молодой человек сказал:

— Пардон, мадам. Белые леди не приглашаются на бал квартеронков.

И ушел, посвистывая.

— Что это за бал квартеронков такой, объясните мне?

Швейцар вымученно улыбнулся.

— Не могу знать, мадам, а даже если бы и знал, не смел о нем сказать. Простите, мадам...

Он повернулся к пожилой француженке, интересующейся, в какой из церквей служат мессу в одиннадцать.

В клубе «Бостон» тем вечером Туанетту Севьер сопровождал креол приятной наружности вдвое моложе спутницы.

— Простите, мадам...

— А, миссис Батлер. Как я понимаю, вам по нраву безик?

Но Скарлетт не тянуло на светскую беседу.

— Мадам Севьер, — спросила она, — вы респектабельны?

— Дорогая, с возрастом мы все становимся респектабельны, — со смешком откликнулась та, — Теперь я куда респектабельнее, чем мне хотелось бы. Анри, будь так добр, принеси шампанского.

— Тогда вам ничего не известно насчет бала квартеронков.

Дама радостно захлопала морщинистыми ладошками.

— Напротив, миссис Батлер. Каждой леди известно о бале квартеронков, хотя никто не станет рисковать своей репутацией, чтобы это признать.

— А рискнете ли вы своей репутацией?

— Дорогуша, мою репутацию чернили столько раз, что теперь она сияет, как начищенный сапог. Что именно вас интересует?

— Отчего я не могу приобрести на него билет?

— Оттого что на этом балу белые джентльмены находят для себя содержанок, девушек-квартеронков. Чернокожие мужчины и белые женщины не вправе там находиться.

Но поскольку это маскарад, несколько отчаянных белых дам туда все же проникали, желая застать мужей en flagrante

[55].

Потом весь город несколько недель только об этом и говорил. Восхитительные скандалы. Совершенно восхитительные.

Когда носильщик доставил конверт в номер, Ретта не было. На дорогой бумаге стояли лишь два слова, начертанные с сильным наклоном: «Дружеский подарок». Внутри Скарлетт обнаружила билет в танцзал «Жимолость».

Вернувшись, Ретт вопросительно посмотрел на Скарлетт.

— Что задумал мой маленький коршун? Тише воды ниже травы.

— О Ретт, мне не по себе. Не хочу сегодня никуда идти.

Оглядев ее скептически, Ретт сказал:

— Чтобы ты не исхудала, принесу чего-нибудь от Амтуана.

Когда Ретт вернулся с ее любимыми деликатесами — устрицами в масле, креветками в хрустящей корочке и лангустином, раскрытым наподобие бело-розового цветка, — Скарлетт лежала в постели с мокрым полотенцем на лбу, прикрыв окна в спальне ставнями.

— Ох, я не в состоянии есть. Иди сюда, — сказала она, похлопав по кровати, — посиди со мной.

Мужчины такие обманщики! Ретт, похоже, был даже...обеспокоен. Он коснулся ее лба.

— В мае лихорадки еще не должно бы быть... Послать за доктором?

Нет, дорогой. Никакого мне лекарства не нужно, кроме тебя.

В ответ он пожал плечами.

— Увы, мне придется уйти на несколько часов.

— Куда ты идешь, милый? — спросила она как бы между прочим.

— Туда, где мне ничего не грозит, поэтому не стоит беспокоиться. Просто деловая встреча, — Ретт наклонился ближе, глаза его заблестели, — Что у тебя на уме, дорогая? О чем таком ты думаешь? Ангельское выражение тебя выдает с головой.

— Можно тебя сопроводить?

Он рассмеялся.

— Нет, дорогуша, конечно же нельзя. Кроме того, помнится, ты себя неважно чувствовала.

Он надел фрак, доставленный вчера от портного, и шелковый галстук, который был на нем в день их свадьбы. На прощание нагнулся поцеловать Скарлетт в лобик.

— Попробуй съесть что-нибудь, — сказал он и мягко прикрыл за собой дверь.

Скарлетт принялась рыться в гардеробе, бросая отвергнутые платья на пол. Да, это из синей тафты подойдет, Ретт в нем ее не видел. И еще новая черная мантилья!

Она легла на спину, чтобы потуже затянуть корсет. Затем заплела волосы, свернув косы кольцами и спрятав под шляпку из синего бархата. Расшитая блестками полумаска скрывала все, кроме глаз.

Кареты выгружали джентльменов возле танцзала «Жимолость» и заворачивали за угол на Бьенвилль-стрит. Негр-привратник был одет зуавом: красные шаровары, короткий синий жакет, широкий красный

кушак и турецкая феска, возвышавшаяся на крупной голове подобно стрелковой башне броненосца.

— Bonsoir, madame. Comment allez-vous?

[\[56\]](#)

Привратник чуть замешкался, прежде чем принять из ее рук билет.

— Et la Maman de vous, mamselle?

[\[57\]](#) Вы не заблудились?

Может, прибыли не по тому адресу?

Тут вдруг возник знакомый по гостинице молодой человек, не оставляющий ее своим вниманием, и взял Скарлет под руку.

— Вижу, вы получили мой билет.

Он отпустил какую-то искрометную шутку по-креольски, привратник расхохотался и пропустил их внутрь.

Поднимаясь по широкой лестнице, покрытой ковром, Скарлетт спросила:

— Что вы ему сказали?

— Нескромную шутку. Боюсь, на ваш счет.

— Как вы посмели!..

Они остановились на бельэтаже перед белыми дверям.

— Миссис Батлер, вы хотите попасть на бал квартеронков?

— Да, но...

— Тогда, мадам, прошу...

И молодой человек раскрыл перед нею двери.

Стены танцзала «Жимолость» были обшиты белыми с золотом панелями, высокие окна выходили на балкон кованого железа, где джентльмены могли курить. В дальнем конце зала располагались столы с закусками и напитками.

Неподалеку от них она заметила Ретта: он был погружен в беседу с мулаткой средних лет в темно-коричневом платье.

Спутник Скарлетт исчез.

Она ожидала чего-то порочного, возможно, даже канкана, а этот бал ничем не отличался от прочих, разве что им заправляли матроны-негритянки.

Белые джентльмены танцевали с молодыми женщинами и обменивались любезностями. Кресла с подушками по обеим сторонам балкона занимали внимательные сопровождающие. Все девушки были светлокожи и хорошо воспитаны.

Оркестр заиграл «Голубой Дунай», новый вальс господина Штрауса, вошедший недавно в моду.

— Mamselle, si vous plais?

[\[58\]](#)

Джентльмен, склонивший перед Скарлетт голову, был моложе ее, но уже лыс.

— Прошу, по-английски, — сказала она.

Ступив на паркетный пол, Скарлетт словно вновь перенеслась в беззаботную юность. Черт с ним, с замужеством, и с Реттом Батлером тоже! Сегодня она будет наслаждаться жизнью — вот только если бы партнер еще умел танцевать.

Он двигался скованно, отставал от музыки на такт и к тому же беспрестанно извинялся!

— Пардон, мадемуазель. Ах, вы же просили по-английски, верно? Прошу простить!

Наконец голубой Дунай донес свои волны до моря, ее партнер поклонился, вытер лоб и прочистил горло. Зафиксировав взгляд чуть выше левого плеча Скарлетт, он начал перечислять свое достояние: новый дом на Канал-стрит, половина доходов от склада у вокзала Моргана, пять процентов Банка Нового Орлеана и десять процентов парохода водоизмещением шестьсот тонн.

— И, — тут он отчаянно покраснел, — я умею хранить верность!

— Сэр, почему вы мне все это говорите?

— Мадемуазель, я рассматриваю возможность соединиться с вами. И надеюсь, вы сообразовоите рассмотреть меня как кандидата. — Он отер пот с лица, — Сочту за честь быть представленным вашей матушке.

— Сэр, моя матушка на небесах.

— Тогда вашей тете или кузине...

— Не думаю, чтобы тетя Евлалия вас одобрила, сэр...

С первыми нотами следующего вальса ее увлек танцевать Ретт. Вся неловкость пропала. Казалось, сам воздух засверкал.

— Как хорошо вы танцуете, мадемуазель.

— Как и вы, сэр. Вы брали уроки?

Ретт лучезарно улыбнулся.

— Простите, если нарушил деликатные переговоры между вами и тем джентльменом...

— Сэр?

— Я перебую любое его предложение.

— Он владеет десятью процентами парохода, сэр.

— Я — пятьюдесятью процентами шести пароходов.

— У джентльмена пять процентов активов банка.

— Я владею двумя банками полностью и полноправный партнер в третьем.

— И вот еще что, сэр. Молодой человек говорит, что умеет хранить верность.

— А я нет, по вашему мнению?

— Сэр, читать мои мысли необязательно.

Ретт закружил ее по залу.

— В любом браке хотя бы один из супругов должен оставаться верным. Как насчет вас, мадам?

Тут у них на пути встала мулатка в коричневом платье, мешая продолжать танец.

— Que etes-vous? — рявкнула она, — Как вас зовут?

Ретт ответил за нее:

— Мадам Гайер, разрешите представить мою жену, мадам Батлер.

— Это приличный бал, а не фарс, — с трудом сдерживая ярость, заявила женщина.

— Мы спокойно удалимся, мадам. Незачем поднимать шум.

Та фыркнула, но вернулась на место.

Влияние Ретта было столь же восхитительно, как и независимо. У дверей Скарлетт остановилась.

— Какая из девушек есть то дело, о котором ты говорил?

Ретт кивнул на красавицу, сидевшую в гордом одиночестве с отсутствующим видом, словно жертва ацтекского ритуала.

— Мадам Гайер понадобился мой совет о будущем племянницы Соланж. Я знаю Гайеров много лет.

На балконе молодой человек поднял бокал, приветствуя Ретта и Скарлетт.

— А, значит, вот кто заварил эту кашу — Тэзвелл.

Зуав-привратник вызвал им кеб.

Там Ретт снял шляпу и положил ее на сиденье.

— Девушки-квартиронки приходят на этот бал, чтобы заключить сделку — официально стать содержанкой белого джентльмена. Матери договариваются о небольшом доме, который он должен приобрести для нее, сумме, которую он должен положить на ее имя в банке, дополнительном бонусе для ребенка. У Соланж два поклонника: пожилой джентльмен, который вряд ли будет очень требовательным, и тот субъект, с которым ты танцевала. Я посоветовал ей принять условия пожилого джентльмена.

— Поэтому разочарованный поклонник остановил выбор на мне.

Ретт рассмеялся.

— Дорогая, как ты только устояла перед десятью процентами парохода?!

У себя в номере Ретт Батлер во фраке наблюдал, как Скарлетт медленно снимает синюю шляпку, бальное платье, чулки и рубашку. Затем она распустила волосы.

— Боже, — хрипло сказал Ретт.

Наслаждаясь своей властью, вызывавшей дрожь во всем теле, от макушки до мизинцев на ногах, Скарлетт так и не сняла маску.

Глава 36

ДОМ ДЛЯ МСЬЕ УОТЛИНГА

На третий день после того, как Тэзвелл Уотлинг сошел на берег в Новом Орлеане, он устроился на работу в комиссионную фирму по продаже хлопка «Ж. Николет и сын». Сын Николета, Франсуа, умер шестнадцати лет от желтой лихорадки, и Николет занялся перевозкой жены и дочерей в Батон-Руж, где климат был здоровее. К моменту прибытия Тэза в город семья Николета уже устроилась на новом месте, но отец семейства не мог покинуть Новый Орлеан.

Жюлю Николету давно требовался помощник, теперь потребность лишь обострилась, поскольку большую часть времени он будет проводить в Батон-Руже, однако перспектива нанять кого-то незнакомого на место, которое естественно должно было принадлежать сыну, вводила торговлю в депрессию и не давала действовать.

В то утро, когда данное объявление запоздало появилось в «Пикаюн» [59], Николет взбирался по лестнице в пыльный офис над складом на Гравье-стрит. Тэзвелл Уотлинг уже поджидал его наверху.

Тэзвелл подержал пончик и газету господина Николета, пока тот доставал ключи и открывал дверь. Зайдя в кабинет, Николет указал Тэзу на кресло для посетителей, а сам уселся за стол, поверхность которого была полностью завалена судовыми декларациями, сводками о перевозках и закупках хлопка.

— Я пришел по данному вами объявлению, мсье, — сказал молодой человек.

Николет дал объявление в некоторой спешке, чтобы не успеть передумать.

— Признаться, не ожидал столь раннего отклика.

— «Пикаюн» можно приобрести в редакции уже в шесть утра.

— Вот как...

— Что-то не так, мсье? — спросил молодой человек.

Николет быстро заморгал. Конечно не так. Этот молодой человек — совсем не его любимый Франсуа.

Нет, все в порядке. Поскольку я намереваюсь часто бывать в отъезде, мне необходим надежный помощник. Надежный! — Николет не удержался, чтобы не поворчать: — на большинство молодых людей нельзя положиться: колобродят, курят сигары и играют в карты!

— Я не играю в карты, мсье.

— У меня не такая большая фирма, чтобы платить молодым людям столько, сколько они желают,

— Мои потребности скромны.

— Торговля хлопком — сложное дело; чтобы разобраться в нем, могут уйти годы.

— Я не беру на себя обязательств, которых не в силах выполнить, мсье. Но обещаю, что приложу все усилия.

Николет развернул газету и уставился в ровные строчки, не читая. Затем положил пончик на газету. Каждое утро он съедал пончик за чтением новостей морских перевозок.

— У Дидро пекут лучшие пончики в городе.

— Oui, monsieur.

Николета постепенно смягчил живой выразительный креольский язык Тэза и его образование, полученное у иезуитов. Как большинство католиков, Николет переоценивал жесткость и действенность подготовки иезуитов.

— А как ваша семья, юный Уотлинг? Она в Новом Орлеане?

— Генеалогическое древо у меня не совсем... ровное, произнес Тэз.

— Понятно.

Николет снял очки, подышал на стекла и протер их носовым платком. Торговля в Новом Орлеане держалась на связях, и ему нужен был молодой человек со связями. У его Франсуа они были. Как раз перед тем, как заболеть, Франсуа получил приглашение вступить в «Комус», престижное общество Марди-Гра. Все любили Франсуа. Буквально все!

— Мсье, если это смущает вас...

Николет лишь отмахнулся. Торговец хлопком знал слишком свежа еще была боль потери, — что собеседование еще с одним молодым человеком, которому так же далеко до его Франсуа, он просто не вынесет.

— Уотлинг, вы не первый незаконнорожденный на моей памяти. Благодаря трудам добрых отцов-иезуитов, — тут Николет вымученно улыбнулся, — я вас найму. Могу положить вам жалованье семь долларов в неделю.

В следующие несколько недель Жюль Николет натаскивал Тэза, как составлять партии хлопка от нескольких креольских плантаторов для отправки ливерпульским комиссионерам. Тэз научился различать длинноволокнистые и коротковолокнистые сорта хлопка, к тому же Николет показал ему, какие уловки предпринимают мошенники, чтобы выдать хлопок низкого качества, плохо очищенный от семян, за высококачественный.

Каждое утро Тэз приходил в контору прежде хозяина и уходил позже его. На складах и пристанях ходил за ним по пятам и задавал так много вопросов, что добродушный торговец даже высказал полушутливое неудовольствие: «*Caqui prend zasocie prend maite* (нанимая сотрудника, нанимаешь господина)». Уж не слишком ли американец сей молодой человек, невзирая на иезуитское воспитание?

Тэз снимал комнату в пансионе, чьи коридоры пропахли щелоком и вареной капустой.

Написав наконец Красотке, Тэз преувеличил свои перспективы. Об отъезде же из Англии написал одной строкой:

«Маман, пора было начинать идти своей дорогой в мире».

Красотка ответила сразу же:

Мой милый мальчик!

Как я рада была получить твое письмо! Ведь я очень волновалась за тебя! А теперь радуюсь, что в Новом Орлеане у тебя значительная должность.

«Красная Шапочка» процветает. У саквояжников и офицеров-янки денег хоть отбавляй. Минетта просит, чтобы ты ее не забывал. Тэз, нельзя ли послать ей три фунта ново-орлеанского кофе?

Милый мой мальчик, и как только тебе могло прийти в голову, что Ретт Батлер женится на женщине вроде твоей старушки матери? Ретт всегда любил Скарлетт О'Хара. Даже когда та была еще замужем за Фрэнком Кеннеди!

И теперь я молю Бога, чтобы их брак оказался счастливым.

Тэз скомкал письмо. Как смел Ретт Батлер не любить его мать?!

Жюль Нор — первым в иезуитской школе разъяснивший Тэзу термин «незаконнорожденный», за что поплатился разбитым носом — теперь служил в паровой компании «Олимпик». Они с Тэзом возобновили знакомство.

Молодые люди как раз были в клубе «Бостон», когда там появилась чета молодоженов Батлер.

Все примолкли, обратив взоры на эту пару.

Для влюбленных остальной мир словно не существовал. Хитросплетение интимных знаков, шутки, понятные лишь им двоим, сверкали во взгляде Ретта. Опушенные веки Скарлетт, изгиб губ — все наполнилось скрытым смыслом. Столь прекрасны были эти двое, что даже неверные мужья вспомнили свои ранние чувства, а в памяти последних негодяем воскресла невинная первая любовь.

Невеста его отца была красивее всех когда-либо виденных Тэзом женщин, отчего он ненавидел ее лишь сильнее. За то, что она столь изящна, за то, что она — не Красотка.

Знала ли избранница отца, что у него есть сын? А Ретт Батлер дал ли себе труд упомянуть о своем незаконнорожденном отпрыске?

Тэз следовал за ними повсюду. Он находил всяческие отговорки, чтобы часами торчать в отеле «Сент-Луис» и в клубе «Бостон». Он перестал с должным рвением относиться к работе, намеренно сокращая обмен любезностями, к которому привыкли креолы-плантаторы.

Тэзвелл Уотлинг сам не знал, что он делает и чего намерен добиться. Хотел ли он, чтобы Ретт признал его сыном? Или объяснил, почему не женился на Красотке? Разум Тэза был затуманен яростью и болью.

А Ретт Батлер, проходя мимо, достаивал его лишь улыбкой, ничем не выделяя из круга знакомых.

Хотя Жюль Николет никогда не имел дел с капитаном Батлером, он ему был известен. Все знали капитана Батлера.

— Батлер — человек серьезный, юноша. Чем вызван ваш интерес к нему, Уотлинг?

Туманный ответ Тэза дал Николету повод считать его намеком на отцовство Батлера. Поэтому он поведал ему о похождениях капитана Батлера на Кубе и в Центральной Америке.

— Не сомневаюсь, он желал видеть кубинцев свободными от испанской тирании, но... — хмыкнул торговец, — вряд ли он оставался равнодушен к испанскому золоту. Впрочем, Батлер был тогда молодым человеком. Не старше, чем вы теперь.

— А он... был женат?

Николет пожал плечами.

Батлер содержал девушку-креолку. Из семьи Гайер, очень красивую.

— Ее звали... Красотка?

— Ее звали Диди. Когда он был в отъезде, Диди умерла, прерывая беременность. А Батлер и не догадывался, что она носила его ребенка. Скорбь сблизила его с Гайерами. Теперь они попросили Батлера помочь разрешить деликатный вопрос на балу квартиронок, — заключил Николет.

Гнев — блюдо со множеством приправ. Поэтому Тэзвелл Уотлинг сопровождал миссис Батлер на бал квартиронок со смешанными чувствами: ярость мешалась со стыдом и предвкушением реакции Батлера.

На следующее утро, когда Тэз прибыл в контору, Николет был уже там.

На приветствие он не ответил, продолжая писать что-то в гроссбухе.

— Сэр...

Николет с силой захлопнул бухгалтерскую книгу.

— Вы много трудились и хорошо освоили дело. Я собирался оставить его на вас. Но, живя в Батон-Руже, как я могу знать, займетесь ли вы отгрузкой хлопка или скандалами?

Тэзвелл Уотлинг положил книгу заказов на стол своего работодателя.

— Я был глупцом, сэр. И весьма сожалею как о том, что совершил вчера вечером, так и о том, что обманул ваше доверие. Вот состояние выполнения заказов на сегодняшний день. Все поступившие выполнены, — Молодой человек надел шляпу, — Сэр, благодарю вас за доброту, которую вы не раз ко мне проявляли.

Чело Жюля Николета омрачило сомнение.

— *Merci pas coute arien.*

— Что вы сказали, сэр?

— За спасибо денег не дают. Моя семья хорошо устроилась в Батон-Руже, я очень скучаю по жене и детям. Но, — тут он погрозил пальцем, — молодой человек, время от времени, без предупреждения, я буду наезжать, чтобы проверить, чем вы тут занимаетесь: отправляете хлопок или творите безобразия. Ради семьи я дам вам такой шанс. Только один!

Однако, уехав из Нового Орлеана в июне, Жюль Николет не возвращался до самого октября.

Деловые люди Нового Орлеана больше всего боялись слова «эпидемия»; когда оно появлялось на страницах газет, им оставалось лишь скорбеть. 22 июня газета «Кресеит» писала: «Желтая лихорадка ушла в прошлое Нового Орлеана». И хотя уже 4 июля сорок человек умерли как раз от нее, «Пикают» отрицала, что надвигается эпидемия. Только когда состоятельную Туанетт Севьер начало рвать кровью и она потеряла сознание прямо в клубе «Бостон», признали, что налицо новая эпидемия, и те, кто мог, ринулись прочь из города.

К концу июля лечебницы «Чарити», «Мэзон де санте» и «Туро» были переполнены. Больных размещали в сиротских приютах, сумасшедшем доме, в танцзалах. Похоронные процессии загромодили улицы, а на кладбищах гробы ставили один на другой, по нескольку штук, потому что не хватало рабочих, чтобы предавать их земле.

Новый Орлеан пропах смертью.

Рожденный и выросший в городе, Тэзвелл Уотлинг имел большую сопротивляемость к болезни, чем бедные ирландские иммигранты, умиравшие сотнями.

Хотя крупные торговые компании закрылись и британские грузовые корабли стояли на рейде, далеко от устья реки, чтобы по возвращении домой их не заставили вывесить желтый карантинный флаг, люди все же привозили хлопок на продажу, и можно было на малых судах доставлять их на борт.

Тэзвелл Уотлинг составлял партии хлопка с восхода до заката. И отписывал четкие ответы на длинные обеспокоенные телеграммы Жюля Николета. За первую неделю августа умерли девятьсот шестьдесят человек. За вторую — тысяча двести восемьдесят восемь.

Как единственный действующий покупатель, Уотлинг мог бы установить для себя более выгодную цену, поскольку продавцы нуждались в деньгах, чтобы вывезти свои семьи из города. Но он покупал по

обычной цене, пожимая плечами:

— Следует помогать друг другу в тяжелые времена. Верно, мсье?

С приходом более прохладных дней эпидемия сошла на нет. Те, кто ее пережил, ощущали себя ветеранами пронесшейся войны. А когда большие торговые компании возобновили работу, многие их бывшие клиенты, работавшие с Уотлингом во время эпидемии, продолжали вести дела с ним.

Доходы фирмы «Ж. Николет» заметно выросли.

В бесчестные времена Тэзвелл Уотлинг заработал репутацию честного человека. Он делал бизнес и с демократами, и с республиканцами, держа свои политические убеждения при себе. Круг его знакомых расширился. Многие в Новом Орлеане считали его сыном капитана Батлера, но, поскольку Тэз ни с кем не обсуждал своего происхождения, в его присутствии этой темы не касались.

Молодой человек вел вполне светский образ жизни. Был не прочь купить приятелям выпить, а излюбленной шуткой Жюль Нора стало попросить сигару, а потом пустить коробку Тэза по кругу и вернуть пустой. Несмотря на прозрачные намеки со стороны нескольких матрон, Тэз больше ни разу не пришел на бал квартиронок. А когда за игорным столом приятели просили у него займы, чтобы покрыть проигрыш, Тэз неизменно отказывал, говоря, что все деньги отправил матери.

Спустя три года после начала работы у Николета тот сделал его партнером.

— Ты станешь делать всю работу, а я — получать половину доходов, oui?

Жюль Нор был лейтенантом таинственной команды «К< >муса», старейшего общества карнавала Марди-Гра. Жюль пригласил Тэза вступить в общество.

— Жюль, — напомнил Тэз, — я ведь ублюдок.

Теперь Жюль это не остановило:

— Какая разница?

Через четыре года после возвращения в Новый Орлеан Тэзвелл Уотлинг приобрел каменный дом на Ройял-стрит во Французском квартале.

Вечером того дня, когда он завершил сделку, Тэзвелл вернулся в свой не обставленный мебелью дом и сел на полу в гостиной, раскрытые стеклянные двери которой выходили в сад.

Узкая кухня была не очень удобна, гостиная невелика, зато на втором этаже было две спальни, причем одна с отдельным входом.

В садике росли лаймовые деревья, тропический жасмин и пальма. Воздух благоухал цветами.

Тэзвелл прислушивался к цоканью копыт по Ройял стрит. Над лаймовыми деревьями всходила луна.

На следующее утро Тэзвелл Уотлинг написал:

«Дорогая маман, надеюсь, ты согласишься навестить меня в Новом Орлеане. У меня для тебя большой сюрприз».

Глава 37

ГЛУПАЯ ШУТКА

Прохладным утром Ретт проходил мимо пожилой пары, продававшей яблоки прямо с фургона неподалеку от Фермерско-торгового банка Атланты. Фермер, пожилой мужчина, монотонно зазывал:

— Есть лежкие яблоки, есть на сидр, а десертные яблочки так и тают во рту. Яблоки на пироги открытые и закрытые. Есть и желтые, и красные, и полосатые. Яблочки, я привез вам яблочки.

Конфедератский мундир на мужчине был аккуратно залатан, а на платье его жены пошло солдатское одеяло. Их возраст не поддавался определению. Шляпа фермера, тоже, скорее всего, солдатская, была неопределенного зеленовато-коричневого цвета. Жена стояла на коленях внутри фургона, перекладывая яблоки из одного бочонка в другой, обходясь с каждым мягко и ласково, чтобы не побить.

— Сюда, мистер! — громко выкрикнул фермер, — Можете себе позволить заплатить пенни за яблочко? Возьмите с собой, для жены и для детишек.

Женщина взглянула на Ретта ясными голубыми глазами и сказала:

— Джимми, может, у джентльмена нет ни жены, ни детишек. Может, ему некого угостить яблочком.

Лицо фермера погрузнело.

— Как это некому дать яблочко? Господи помилуй! В каком мире мы живем, Сара Джун, в каком мире!

Рассмеявшись, Ретт попросил яблок «эзопус шпице и бург» [60] — ему понравилось название этого сорта.

Накладывая целый пек [61] яблок в куль, женщина спросила, есть ли у него дети.

— Трое.

— Как их звать?

— Уэйд Хэмптону будет девять через месяц. Элле дайте припомнить — четыре годика, и моей Бонни Блу — год, восемь месяцев и четыре дня.

— Ваша любимица? Вы прямо светитесь, когда думает о ней.

— Она моя, именно моя. Красавица.

— Уверена, что так. — Женщина опустила руку в один из бочонков поменьше и достала три крупных желтых яблока. — Этот сорт называется «копильня», он слишком сладок для взрослых, зато детей за уши не оттащишь. — Заворачивая каждое яблоко отдельно в газетную бумагу, она приговаривала: — Вот это для Уэйда Хэмптона, это — для Эллы, а самое большое, думаю, будет в самый раз для маленькой мисс Бонни Блу. Нет-нет, какая плата за гостинцы для детей!

Она перевязала кулек, уложив яблоки для детей на самом верху, а Ретт спросил:

— Как давно вы женаты?

— Давно, Сара Джун? — Фермер рассмеялся — Почитай, целую вечность.

Легким движением он уклонился от шлепка и продолжил:

— Пожалуй, не смогу даже вспомнить, когда я был неженатым. О, печальные времена. Эта женщина — истинное бедствие.

Тут все же шлепок его половины достиг своей цели, и супруги весело рассмеялись.

— Моя Сара могла в свое время выбрать кого угодно. Парни так и вились вокруг нее, будто пчелы вокруг яблочного тесса для сидра. Но Сара выбрала меня. Любовь — хлипкая штука. Каждый день приходится испытывать ее на прочность.

Ретт приторочил кулек за седлом, вскочил на лошадь и поскакал легким галопом по Митчелл-стрит. Они со Скарлетт жили в особняке на Пич-стрит. Они тратили на ужин и «Кимболл-хаус» больше денег, чем эти старики-фермеры наработывали за неделю. Самый важный человек в Атланте, губернатор Буллок, заезжал к ним в гости.

Но Ретт и Скарлетт никогда не разыгрывали друг друга, не смеялись вместе над глупыми шутками. Никогда.

И Скарлетт так ни разу и не сказала, что любит его. Зная, каков мог быть ее ответ, он не спрашивал.

Временами Ретту казалось, что он падает с высокой вершины, не в силах предотвратить катастрофу. Хотя они не прожили со Скарлетт в браке и трех лет, он, как и старый продавец яблок, не мог вспомнить времени, когда они не были женаты. Реальность перепалок со Скарлетт затмевала для него объятия всех прежних женщин.

Ретт определенно любил ее и не мог покинуть. Скарлетт же считала, что ее любовь — Эшли Уилкс. Ретт исполнял любые ее прихоти, покупал все, что ей приглянулось.

Временами он презирал себя. Неужели он рассчитывал, что может купить ее расположение? Возможно, испытав счастье, получив все, о чем мечталось, Скарлетт наконец смогла бы открыть ему сердце.

Она обожала свои лесопилки, поскольку в душе была проникательным дельцом. И еще она любила их оттого, что могла быть рядом с управляющим, Эшли Уилксом. Как сего дня. Когда она вернулась домой, ее взгляд еще витал там. Иногда Ретт жалел, что не дал янки повесить Эшли.

Дом Батлеров был мрачноватым и роскошным, с резными стенными панелями, тяжелой мебелью и шторами от потолка до пола.

Ретт вручил куль с яблоками Мамушке, объяснив, что обернутые в бумагу нужно отдать детям, когда Бонни встанет после полуденного сна.

— Мистер Ретт, детям страшно понравятся «коптилини», — заметила Мамушка доверительно. — Такие сладкие у меня аж зубы от них болят.

Он взбежал вверх по лестнице в детскую. Войдя, приложил палец к губам, чтобы остальные дети не разбудили Бони, и поправил ей одеяльце. Ресницы — тончайшая паутинка, ничего нежнее нет в целом свете. По какой-то причине на глаза навернулись слезы. Уэйд тянул его за рукав, а Элла молча пыталась его усадить. Стоило сесть в кресло, как Элла тут же забралась к нему на колени. Отчего дети пахнут совсем не так, как взрослые?

Уэйд что-то ему показывал: невзрачный серый камушек, который превращался в красный, стоило его лизнуть.

В детскую зашла Скарлетт. Что-то в ее взгляде беспокоило его.

— Хочу поговорить с тобой, — сказала она и прошла в свою спальню.

Без единого слова Уэйд убрал чудесный камушек в карман. Спустив с колен Эллу, Ретт взъерошил ей волосы.

Он закрыл за собой дверь спальни.

— Ретт, я решила, что больше не хочу иметь детей.

Боже, как она красива. Красива и слепа. Если бы она добилась осуществления своей мечты и получила Эшли Уилкса, он ей больше не был бы нужен. Лишь недостижимое способно удовлетворить Скарлетт.

— Согласен, трех вполне достаточно, — сказал он.

Она покраснела.

— Ты знаешь, что я имею в виду...

Проклятье, отчего она не поймет! Они ведь могли бы быть счастливы. Даже больше...

Я стану закрывать дверь своей спальни на ночь.

— Не трудись. Пожелай я тебя — никакие замки меня не остановят.

Затем он снова вернулся в детскую, где Уэйд и Элла встретили его улыбками. Улыбками!

Еще чуть-чуть — и малышка Бонни проснется, они все спустятся на кухню, съедят по яблоку и, может быть, вместе посмеются над глупой шуткой.

Глава 38

БЕЛЫЙ БАЛАХОН

Розмари Хейнз Раванель стояла на крыльце своего дома и уголок рта у нее нервно подергивался. В остальном лицо Розмари оставалось бесстрастным. Вдруг на нее смотрят? Возможно, кто-то видел, как она подобрала со ступеней сверток. К примеру, тот джентльмен, что приветствует ее с тротуара, приподняв шляпу. Или всадник, проехавший мимо. Действительно ли качнулась занавеска в окне второго этажа дома напротив или ей показалось? Черт возьми! Гореть им в аду!

В свертке, который она внесла в дом, было три ярда дешевой белой материи, красная ленточка для креста на груди и записка, написанная корявыми печатными буквами: «Дорогая мисси, пожалуйста, сделайте из этого балахон и маску для ку-клукс. И побольше размером!»

Рождественские гирлянды из остролиста в холле радостно зеленели, поблескивая красными ягодками. Можжевельовый венок на двери гостиной источал замечательный свежий аромат.

В ее доме!

Розмари швырнула сверток на пол.

— Как они смеют! — прошептала она, часто дыша, словно пойманный воробышек.

Когда умерла окончательно Южная Честь? В атаке Пикетта, при Франклине? Неужто все благородные люди пали смертью храбрых?

Розмари стало дурно.

До чего же низвели понятие Чести: какой-то негодяй пожелал произвести на приятелей-клансменов впечатление тем, что его балахон, наряд убийцы, был сшит женой самого командира.

«О нет, сэр. Мне ничего о ку-клукс-клане не известно. Да, я сшила балахон, похожий на тот, что вы описываете, но не знаю, ни кто принес ткань, ни кто в него облачился. Сшив балахон, я положила его вечером на ступени крыльца, а наутро его там уже не было.

Об убийствах я ничего не знаю, как и об избиениях негров и белых республиканцев. Говорите, негритянок насилуют?

Сэр, не знаю и о том, что семьям негров приходится уходить в леса, не знаю, что их хижины жгут дотла. Мой муж?

Эндрю часто уезжает. Порой его нет целыми неделями. Но уж не жене расспрашивать мужа о том, где он бывает. Говорите, мой муж — заметная фигура в ку-клукс-клане? Эндрю никогда не говорил мне ни о каком ку-клукс-клане».

Газеты Чарльстона писали о «так называемом» ку-клукс-клане и журили республиканцев за преувеличения:

«Уильяму Чемпиону прошлой ночью нанесли визит Некоторые Граждане, которым, по всей видимости, не нравилось, что он подстрекает негров к неповиновению. С тех пор мистера Чемпиона никто больше в обеих Каролинах не видал».

«Найденное на платформе тело опознали: это сенатор Артур Дебоуз, радикальный чернокожий

законодатель. Хотя множество пассажиров ожидали тогда на платформе прибытия полуденного поезда, никто из них не смог опознать напавших на мистера Дебоуза, и они беспрепятственно уехали».

Приезжая в Низины, Эндрю обычно останавливался в старом рыбацком лагере Конгресса Хейнза. Порой Розмари об этом узнавала, лишь когда он снова покидал стоянку.

А порой, совсем ранним утром, ее будили шаги Эндрю под дверью спальни.

Эндрю так исхудал, что, казалось, даже вытянулся, стал выше ростом. Когда Розмари с ним заговаривала, он морщился, словно удивляясь ее опрометчивости. А на настойчивые вопросы о фирме «Хейнз и сын» отвечал отстраненно, будто она и не задавала их вовсе.

Как-то ноябрьским утром Розмари, сойдя в прихожую, случайно посмотрела на сапоги мужа возле скобы для снятия обуви, где он их оставил прошлой ночью. Голенища были забрызганы бурыми пятнами, а мысы покрыты толстой коркой запекшейся крови. На вытянутой руке Розмари отнесла их к двери мужниной спальни и оставила там.

О делах Эндрю Розмари узнавала на рынке Чарльстона.

— Как я понимаю, ваш муж побывал в округе Йорк... Все достойные белые леди ему благодарны!

— Миссис Раванель, моя кузина из глубинки до смерти боится, что ночью явятся ниггеры и зарежут ее прямо в постели. Миссис Джозеф Рэндольф из Сентревилля. Прошу, упомяните имя миссис Рэндольф своему мужу.

— Вчера я видела вашего мужа с Арчи Флиттом и Джоузи Уотлингом на Ривер-роуд. Ну и суровый же у них был вид, доложу я вам.

Негритянские торговцы рыбой и овощами, которых Розмари знала всю жизнь, теперь отводили глаза.

Когда Эндрю снова попытался привлечь Джейми Фишера в Клан, тот ответил бывшему полковнику:

— Я следовал за тобой до самых врат ада, но в Клан за тобой не пойду.

Эндрю обозвал Джейми корыстным содержателем гостницы.

— Право, Розмари, — рассказывал он, — я просто не знал, что ответить. Поэтому попытался все превратить в шутку: сказал Эндрю, что прежде знал лишь два рода мужчин, без сожаления носящих юбки, — шотландцев и священников. Так Эндрю чуть меня не пристукнул на месте!

Теперь Розмари направилась на кухню вскипятить воды для овсянки. Когда каша сготовилась, она поставила мисочку на серебряный поднос, чтобы отнести наверх. Кровать сына, Луи Валентина, стояла в спальне бабушки. Порой Элизабет Батлер ухаживала за внуком, порой он заботился о своей Нане; они были неразлучными товарищами по играм.

Милый нрав ребенка подстраивался под умудренность пожилой женщины. Он мог часами слушать истории об Иисусе, но, если речь заходила о суровых пророках Ветхого Завета, личико Луи Валентина омрачалось.

— Ненавижу, когда Бог злится! — говорил он.

В безрадостные дни после окончания войны, вскоре после женитьбы на Розмари, Эндрю страстно хотел сына; они занимались любовью часто и самозабвенно, пусть и не особенно нежно. Но после рождения Луи Валентина Эндрю потерял к нему всякий интерес, словно удовольствовавшись тем, что ребенок родился живым.

О сыне он никогда и не спрашивал.

Когда Розмари поставила поднос на стол, Элизабет как раз просила внука назвать имена волхвов.

— Мельхиор, — уверенно начал Валентин, — Вал... — не в силах выговорить, он с досадой замотал головой.

— Валтасар? — подсказала Элизабет.

— Да, Нана. И еще Каспар! — Валентин подбежал к матери, — Доброе утро, мамочка!.. Мама? Мамочка, тебе грустно?

— Все в порядке, малыш. Да, мамочке грустно. Но не из-за тебя. Я никогда не грущу из-за тебя!

Элизабет сказала:

— Те волхвы пришли с Востока!

И доверительно добавила:

— Исайя Уотлинг полагал, то были китайцы!

Луи Валентин серьезно обдумал предложенную теорию.

— Китайцы живут на самом дне мира?

— Да, милый.

— А почему они не падают?

— Потому что Господь любит их, милый мой. Господь любит всех своих детей.

Потом Розмари забрала свою почти остывшую кашу в общую комнату, где в серебряном ларчике хранила драгоценные письма от Мелани. Без этих писем она, верно, сошла бы с ума.

Дражайшая Розмари!

Прошу, прости мои мрачные излияния. Надеюсь, ты понимаешь, я говорю тебе то, чем не могу поделиться больше ни с кем. Если бы меня лишили возможности выговориться не знаю, что бы я тогда стала делать. А может, следует отбросить притворство и во всеуслышание высказать правду.

Моего возлюбленного мужа всю жизнь тянуло к милой подруге Скарлетт. Я надеялась, что твой брат сможет исцелить Скарлетт от этого наваждения, но она — подруга, которая мне дороже всех прочих столь открыто жаждет близости с моим мужем, что мне иногда приходится отворачиваться. Порой у Скарлетт на лице проступает особенно печальное выражение, и я задаю ей вопрос: «Дорогая Скарлетт, о чем ты думаешь?» Обычно она отвечает, что думала о саде, детях, политике или о прочих предметах, на самом деле никогда не беспокоящих ее вовсе не садоводческий, не материнский и не нацеленный на разрешение политических проблем склад ума. А я притворяюсь, что верю...

Все мы, без исключения, пленники Любви.

Девочкой я представляла себе Любовь как ароматное облако. Теперь же она представляется мне похожей на страсть пьяницы к вину. Пьяница прекрасно знает — эта страсть губит все, что ему дорого. Знает, что завтра будет себя презирать, и все же не в силах отвернуться от вина!

Милая Розмари, Скарлетт уверена, что лишь неудачное стечение обстоятельств мешает ей остаться с Эшли наедине. Признаюсь честно: скорее я оставлю пьяницу с бочонком бренди!

Каждый раз после визита Скарлетт на лесопилку, Эшли возвращается вечером другим человеком. Даже когда он меня радостно целует, придя домой, глаза бедняги Эшли кричат, что гораздо охотнее он был бы теперь с другой.

Твой брат уговаривает Скарлетт продать обе лесопилки Эшли, чтобы устранить повод для их встреч!

Я не смею забеременеть вновь. Доктор Мид серьезнейшим образом меня предупредил. Поэтому мы с Эшли не можем наслаждаться близостью, связующей мужа и жену. Как я тоскую по Эшли!

Поскольку счастье Ретта и Скарлетт столь тесно переплетено с моим собственным, хотелось бы мне написать, что их брак удачен. Ни Ретт, ни Скарлетт не обманывают друг друга — однако никакого единства между ними нет, словно они сошлись лишь на время, как любовники. Размолвки не находят разрешения, недопонимание заставляет затаить обиду, личные интересы каждого не включают интересов другого, а в прошлом месяце Мамушка, милая старая няня Скарлетт, призналась (полунамеком, в обычной для нее манере), что они больше не спят вместе.

Скарлетт настолько соотносится в представлениях людей с саквояжниками, что на улицах с ней не заговаривают.

Будто для того, чтобы еще сильнее поддеть миссис Мид и миссис Элсинг, она постоянно принимает губернатора Буллока с приятелями — Пурьером, Кимболлом и Блоджеттом. Ретт бежит от таких сборищ как от чумы.

О Розмари, оба — и Ретт, и Скарлетт — так дороги моему сердцу! Если бы твой брат не вывез нас той ужасной ночью из Атлантики потом, когда повсюду настали трудные времена, мы с Бо вообще могли бы не выжить, если бы Скарлетт не приютила нас в Таре.

Они с Реттом совсем другой породы, не то что мы с тобой. Стоит им войти в комнату — и все головы оборачиваются к ним.

Явившись ко двору Соломона, царица Савская привезла с собой целый кортеж из солдат и служанок. Кони ее были украшены драгоценными рубинами и золотом. У врат Иерусалимовых стражники расступились, давая дорогу.

Навряд ли она пошла к Соломону сразу же или даже на второй день. Скорее всего, между ними сновали слуги и чтитники, вероятно, был устроен пир в честь приезда, где Соломон сидел во главе огромного стола, а царица Савская на другом его конце.

Но через некоторое время, ибо она была могущественной царицей, настал день аудиенции. Облаченный в пышные одежды, Соломон был красив. У него насчитывалось не меньше сотни молодых красивых наложниц.

Царица Савская задала Соломону вопрос — и он ответил. И на следующий ответил. Он ответил на все ее вопросы.

В Библии говорится: «И более не осталось в ней сомнения»[\[62\]](#). К чему все богатства и мощь, если он смог ответить на все ее вопросы?

До чего она, должно быть, его возненавидела.

Ретт со Скарлетт женаты три года. Но связывает их лишь дочь, Бонни, которую они самозабвенно любят. Боюсь, Ретт слишком балует Бонни. Он берет ее повсюду с собой. А она просто прелесть! Девочка влияет на отца весьма благотворно.

Малышка Бонни сотворила настоящее чудо. Ей удалось превратить Ретта Батлера — только не смейся — в уважаемого человека!

Узнав, что детей Батлеров не приглашают на детские праздники, поскольку общество осуждает родителей, Ретт предпринял меры, дабы исправить положение. Стоит ему захотеть — он кого угодно

уговорит.

Обществу сирот и вдов конфедератов нужна помощь? Довольно ли будет сотни долларов?»

Знаменитые конфедераты — даже сам генерал Форресип — съехались в Атланту, чтобы укрепить репутацию Ретта. От саквояжников, даже от давнего друга Руфуса Буллит, он нарочито отдалился.

Результат: те же самые леди, что готовы были его растерзать всего полгода назад, теперь глаз с него не сводят, а Уайд, Элла и Бонни не пропускают ни одного детского праздника!

Остается лишь молиться за счастье Ретта и Скарлетт. Чтобы «дитя повело их»[\[63\]](#).

Я молюсь и за тебя с маленьким Луи Валентином.

Твоя подруга,

Мелли.

Вечером того дня Розмари провожала мать с Луи Валентином от дома 46 по Чёрч-стрит до гостиницы «Ист-Бэй».

Военные корабли федералов еще стояли на якоре в чарльширской бухте, а на набережной число людей в синей форме намного превышало количество горожан.

Прибрежные перевозки оживились, лишь причал фирмы «Хейнз и сын» выделялся своей заброшенностью на фоне снующих кораблей и шлюпок.

«Гостиница Ист-Бэй. Джейми Фишер и мисс Джулиет Раванель, единственные владельцы» — гласила скромная вывеска, не особенно заметная для путешественников, падких до показной роскоши. Сама гостиница сверкала чистотой.

Медная дверная ручка старинного особняка Фишеров была отполирована до зеркального блеска. Передний холл выглядел празднично, увешанный рождественскими венками и остролистом. Над дверью в гостиную висела веточка омелы.

— Розмари, дорогая! — воскликнула Джулиет, вытирая руки о полотенце.

— Джулиет, как я рада. Слишком редко мы стали видеться.

С возрастом Джулиет превратилась в женщину с прямой спиной, убиравшую начавшие сесть волосы в тугий пучок. Но для искусно сшитого платья она выбрала покррой, приличествующий более молодой особе.

— Счастливого Рождества, Джулиет, — сказала Розмари, целуя ее в щеку. — Мы отдалились совсем не по моей воле.

Вежливая улыбка Джулиет чуть потеплела.

— Брат мой безрассуден до глупости. Позволь, приму накидку... А, Луи Валентин! Ты совсем взрослый.

Взрослый Луи Валентин спрятался за спину бабушки, ухватившись за ее ногу.

— Счастливого Рождества, миссис Батлер. Спасибо, что пришли. Луи Валентин, в гостиной есть другие дети и милая елочка! Дочку капитана Джексона зовут Джун. А беленькая — Салли.

Отбросив осторожность, мальчик двинулся в соседнюю комнату, откуда раздался возглас маленькой девочки: «Елочку не трогать! Мисс Джулиет сказала, что мы не должны ее трогать!»

Розмари с Джулиет остались пока в холле, а Элизабет Батлер последовала за внуком.

— Ретт уже наверху. С его Бонни и твоим Луи Валентином все семейство в сборе.

Панели на стенах блестели, подвески на люстре в холле сверкали, как настоящие сосульки.

— Замечательная люстра, Джулиет. Просто чудо, что она пережила обстрел.

— Видела бы ты ее тогда на тележке «подбиральщика», у него-то мы ее и купили за пять долларов! До сих пор побаиваюсь: вдруг кто-нибудь явится и потребует назад: «Где, скажите на милость, вы взяли эту люстру?» На ней тысяча шесть хрустальных подвесок, Джейми сам их моет, а потом развешивает по-новому.

— Знаешь, я, по сути, выросла в этом доме, — сказала Розмари, — С бабушкой Фишер порой было нелегко, но она была замечательная. Бедная милая Шарлотта...

— Теперь я жалею о каждом недобром слове, сказанном в ее адрес.

— Потом ведь Шарлотта полюбила тебя, — Розмари вгляделась в репродукцию, которая висела на стене в рамочке. — Да это же «блокадный бегун»! Похоже, «Летучая мышь»? А у вас тут полон дом янки... До чего же ты непримиримая, Джулиет!

Внимание матери привлек вскрик Луи Валентина.

Мебель в гостиной почти вся была отремонтирована, за исключением кушетки и двух стульев, которые еще требовалось перетянуть. Элизабет Батлер и ее внук стояли перед украшенной елкой, держась за руки.

Луи Валентин потянулся к свечке, и незнакомая девочка предупредила его:

— Опять обожжешься! Глупый мальчик.

Джулиет представила Розмари двум женам офицеров-янки, чьи дети находились в комнате: миссис Джексон и миссис Колдуэлл.

В этой самой комнате маленькие Розмари Батлер и Шарлотта Фишер на цыпочках проходили мимо драгоценной мебели в стиле чиппендейл [64]бабушки Фишер!.. Розмари тряхнула головой, отгоняя воспоминания.

Луи Валентин отошел от Элизабет и стал помогать девочкам строить крепость из деревянных кубиков, раскрашенных в яркие цвета.

— Это форт Самтер, — заявил он.

— Нет, — возразила девочка-янки, — Потому что если это будет форт Самтер, нам придется его разрушить.

— Иисус Христос к нам вернется, — сообщила Элизабет Батлер дамам, — Теперь уже скоро, я ожидаю Его пришествия со дня на день.

Тут Розмари ощутила на плече знакомую руку брата.

— Розмари, мама, вот и моя красавица Бонни Блу.

У малышки были темные волосы Скарлетт и открытая улыбка отца.

— Папочка говорит, что вы хорошие Батлеры. А кто плохие Батлеры?

— Плохие Батлеры? — Элизабет нахмурилась. — Не знаю никаких плохих Батлеров.

Розмари рассмеялась.

— Твой папочка хочет сказать мне приятное, золотце. Поиграешь со своим кузеном Луи Валентином?

— Конечно, — ответила Бонни, сделав неуклюжий реверанс.

Девочка тут же села рядом с остальными детьми на пол и принялась снимать кубики с крепости, которую те воздвигали.

С любовью во взоре Ретт не сводил с нее глаз. Он сказал сестре:

— Пойдем добавим капельку рождественского веселья? Комнату бабушки Фишер превратили в бар.

На креслах Морриса [65] в эркере сидели офицеры-янки. Брат и сестра Батлеры уселись на диван перед уютно потрескивающим камином. В комнату влетел Джейми Фишер.

— Ретт, я был на рынке, когда ты приехал... Счастливого Рождества! И тебе счастливого Рождества, Розмари.

— Джейми, ты здесь здорово потрудился.

— Мы еще планируем открыть кухню, будем предлагать обеды. Столовая в доме гигантских размеров, а в городе, Бог свидетель, полным-полно безработных поваров.

Как странно, думала Розмари, пройдя столько испытаний, Джейми Фишер сохранил удивительную невинность.

А казалось бы, кто потерял больше, чем он?

Джейми предложил:

— Попробуете гоголь-моголь с ромом? Я сам приготовил.

Налив им по полной кружке пенного напитка, Джейми, извинившись, вышел.

В дверях показалась одна из дам-янки.

— Мадам, простите, что беспокою... Ваша пожилая спутница...

— Наша мать. И что такое?

— Вне сомнения, Откровения Иоанна Богослова — весьма благочестивый текст, но... — Женщина вздохнула с мученическим видом.

— Мадам, — перешел Ретт на поучительный тон, — Откровения — книга священная. Многие грешники спаслись благодаря ее текстам.

— Ваша мать...

Розмари понимающе улыбнулась.

— Требуется повышенного внимания, знаю. Но хотя взрослым с мамой иногда бывает... трудно, дети видят ее золотое сердце.

Женщина оставила всякие недомолвки:

— Мы, в Коннектикуте, не используем Откровения вместо соски.

Она решительно вышла, и вскоре донесся возглас ее дочери:

— Мамочка, мне же было интересно!

Ретт покачал головой.

— Бедная наша матушка.

— Она счастлива, Ретт. Может, в жизни есть и иные вещи, кроме счастья, но в ее возрасте вряд ли стоит желать лучшего.

В камине прогорело и обрушилось бревнышко, взметнулся вихрь искр, вылетевших в каминную трубу.

— Наверное, — кивнул Ретт, — Помнишь, как я в первый раз пришел сюда?

— Никогда не забуду. Сколько мне тогда было — шесть или семь? — Розмари взяла брата за руку, — Ты все еще любишь меня?

— Больше жизни.

Офицеры-янки допили свои бокалы и вышли.

Ретт заговорил серьезнее:

— Мои вашингтонские друзья говорят, что президент Грант больше не намерен терпеть Клан. Розмари, действия Эндрю слишком на виду.

— Мы с Эндрю об этом не говорим, — промолвила она, поставив кружку на стол, — Мы вообще с ним не разговариваем.

— Прошу, предупреди своего мужа. Янки хотят кого-нибудь повесить.

— Эндрю меня не послушает, Ретт. Сомневаюсь, что он вообще слышит мои слова, — сказала она и зябко потерла руки, — Не знаю, что Эндрю вообще теперь слышит.

Из гостиной доносились веселые голоса детей.

— А твоя Скарлетт? Как она поживает?

— Моя жена здорова.

— И...

— Боюсь, продолжить нечем. — Ретт выпил гоголь-моголь, и пена осела у него на усах. На мгновение сильный брат Розмари превратился в клоуна с грустными темными глазами, — Лишь ее я всегда желал, кроме нее никого не хочу и сейчас, — Он отер пену платком, — Странно, как все оборачивается... Я привез деревянную лошадку-качалку для Луи Валентина.

— Он будет счастлив.

Розмари немного помедлила.

— «Хейнз и сын»...

— Обанкротилась. Знаю, — Ретт снова взял ее за руку. Эндрю растратил наследство Джона Хейнза на Клан. Хорошо, что дом на твое имя. Не беспокойся, Розмари, я всегда буду заботиться о тебе, Луи Валентине и матери.

Розмари откинулась на спинку дивана, щеки ее чуть разругались от тепла очага. Как же она устала. Хотелось закрыть глаза и уснуть.

— Благодарю за заботу, дорогой брат, но кое-что я должна сделать сама.

Всю ночь шел дождь, ледяной зимний дождь. Заслышав шаги Эндрю у двери, она отставила в сторону корзину со швейными принадлежностями и вышла в прихожую. Эндрю уставился на жену.

— Добрый вечер, дорогой муж, — спокойно сказала Розмари, — Где ты был?

Эндрю закрыл дверь и стряхнул с плеч клеенчатый дождевик. Рубашка совсем промокла.

— Ты не захочешь узнать.

— Нет, муж мой, я хочу узнать, где ты был.

Он чуть наклонил голову, словно узрев некую диковину: танцующую кошку или говорящую собаку.

— Ездил по делам.

— Какие у тебя дела, муж мой? Банк лишил нас права выкупа заложенного имущества фирмы «Хейнз и сын».

Сердито тряхнув головой, Эндрю завел привычную инвективу:

— Ты же знаешь, что законодательное собрание Южной Каролины — змеиная яма пособников, саквояжников и ниггеров. Не они наше правительство!

— Значит, ты наше правительство, муж мой? Творишь под покровом ночи то, чего честные люди не делают при свете дня?

Когда он схватил ее за руку, она охнула.

— Какие «честные люди»?

Голос Эндрю испугал Розмари. Именно таким голосом муж говорил у костров, возле которых перепуганные люди ждали, когда их убьют. Такой голос уничтожал надежды женщин и насмехался над мольбами детей.

— Эндрю, куда ты пропал? — прошептала она.

— Жена, я не переменялся. Как раз другие изменили себе, а я остался прежним.

— Ты делаешь мне больно.

Так же резко, как схватил, Эндрю отпустил ее. Потерев руку, она взяла со стола сверток и сунула ему.

— Вот, принесли утром, муж. Там записка.

Глянув на записку, он сказал:

— Патриотические леди-южанки шьют нам балахоны.

Что с того?

— Патриотические?

— Если мы не станем защищать наших женщин, то кто?

Розмари нахмурилась.

— Как ты защищаешь нас, Эндрю? От какой угрозы ты нас защищаешь?

— Надо же, кто-то хотел похвастать, что ему сшили балахон «на заказ»! — Смех Эндрю прозвучал резко и отрывисто, словно он три раза гавкнул, — Неужели ты думаешь, что мне такие вещи доставляют удовольствие? Неужели ты думаешь, у меня нет сердца? Жена, я выполняю свой долг.

Хотя дальше Эндрю продолжал говорить о продажных саквояжниках, правах Юга и наглых ниггерах, Розмари больше не слушала. Она устала от него.

Когда он умолк, Розмари сказала:

— Эндрю, я больше не хочу, чтобы ты приходил домой.

Муж побледнел. Глаза его забегали, он облизнул губы.

До Розмари донеслась вонь от тела Эндрю и его несвежего дыхания.

Она повторила:

— Не желаю, чтобы ты переступал порог этого дома.

Глава 39

ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Мартовским утром, когда снаружи накрапывал дождик, Скарлетт О'Хара одевалась на прием у губернатора Буллока.

Мамушка сказала ей:

— Сладенькая, только комедиантки выставляют грудь напоказ. Это платье не покрывает и половину, того, что должно бы.

— В Париже это самый модный покрой.

— Атланта — не Париж. А ты — замужняя дама!

Замужняя... Как же Скарлетт ненавидела это слово. «Замужняя» означает: не делай этого, не смей.

Выйдя за Ретта, Скарлетт отдала свои траурные одежды конфедератским вдовам и сиротам. Хорошо бы и свадебные наряды отдать им же.

Между словами «замужняя» и «мать» Скарлетт ощущала себя мулом, волокущим бревна через непроходимый кустарник.

Ретт любил детей, вот только менять пеленки он предоставлял Присси, а жене — нянчиться с ними и рожать в муках, поту и крови. Отчего же Ретту их не любить?

Скарлетт усилием воли перешла к другим воспоминаниям, будто поменяв одну картинку в комнатном стереоскопе. Тара была полна смеха Джеральда О'Хара, ее обихаживали заботливые руки Эллен О'Хара. В Двенадцати Дубах устраивали прекрасные приемы, там ее окружали поклонники, услужливые темнокожие рабы, там был Эшли Уилкс — ее Эшли...

Ни самоотречения матери, ни пьяного вздора отца, ни смущения Эшли от предписанной с рождения роли она, конечно, не вызывала в памяти.

Туанетт Севьер когда-то намекнула Скарлетт о любви Эллен к Филиппу Робийяру, любви, обреченной на то, чтобы мир никогда о ней не узнал. Как это похоже на ее любовь к Эшли! Скарлетт никогда не интересовалась, не были ли чувства Эллен к Филиппу причиной тайной печали родительского брака.

Талия Скарлетт О'Хара Батлер заметно прибавила к прежним шестнадцати дюймам, а ее блестящие глаза повидали в жизни слишком многое, но она еще вполне могла заставить мужчин поворачивать голову себе вслед.

Мамушка подтягивала вырез ее платья:

— Дитя, ты собираешься озорничать, заигрывать с саквояжниками и здешними пособниками? Подумай, что сказала бы твоя мама!

Ну конечно, Мамушка всегда найдет, как испортить настроение.

Когда Скарлетт заявила мужу, что он лицемер, Ретт не отрицал этого факта. Теперешний Ретт Батлер был отъявленный лицемер!

На публике Ретт никогда не улыбался, если надлежало хмуриться. Он перестал приводить в смятение непорочные души и смущать злодеев. Какие бы нелепые замечания ни изрекали миссис Мид и миссис

Элсинг, Ретт торжественно с ними соглашался. Выскажись одна из гранд-дам, что, по ее мнению, луна сделана из плесневого сыра, Ретт Батлер поинтересовался бы, не из стилтона ли, случайно.

Воскресным утром Ретта, Эллу, Уэйда и Бонни всегда можно было видеть на семейной скамье в церкви Святого Филиппа. Мистер Ретт Батлер даже завел себе стол в Фермерско-торговом банке.

Почему Ретт вправе заниматься всем, чем только желает? А чтобы женщина вела бизнес?.. С тем же успехом Скарлетт могла бы скинуть с себя платье и проскакать голой по Пичтри-стрит!

Господи, как она скучала по своим лесопилкам! Каким-то образом — она и сама не могла вполне понять как — Ретт уговорил ее их продать.

И словно продала часть себя. Ее лесопилки были живым прибыльным бизнесом; возникни у нее на самом деле желание продать лесопилки, Бог свидетель, от выгодных предложений отбоя бы не было. Они служили осязаемым доказательством того, кем она была и какие дела ей под силу.

Теперь каждый раз, когда Скарлетт проезжала мимо, она чуть не рыдала.

В эту дождливую субботу Ретт сидел в библиотеке, читая газету, а дети — Уэйд, Элла и Бонни — расположились у его ног на ковре и играли, раскладывая все имеющиеся в доме ложки по размерам.

Зайдя в комнату, Скарлетт без преамбул заявила:

— Дети, поиграйте где-нибудь еще. Нам с папой надо поговорить.

Уэйд и Элла послушались, но Бонни вскарабкалась на колени к отцу, засунула большой палец в ротик и стала пристально рассматривать маму широко открытыми голубыми глазками.

— Бонни следует остаться, дорогая женушка. В один прекрасный день она выйдет замуж. Наблюдая наше полное неприязни выяснение отношений, Бонни узнает, что ее ждет в будущем.

— Безусловно, муженек. Бонни следует научиться всему, в том числе получить знания и о замужестве. Посещала ли уже наша дочь небезызвестное заведение «Красная Шапочка»?

Ретт усмехнулся.

— А у тебя еще есть порох в пороховнице, и ты не колеблясь используешь его для ведения огня. Скарлетт, говорил ли я тебе недавно, как восхищаюсь тобой?

Выражение ее лица смягчилось.

— Разве? Нет...

— Моя дорогая, я восхищаюсь твоим беспредельным эгоизмом.

— Благодарю, муженек, — ответила Скарлетт, — ты очень откровенен.

Ретт вздохнул.

— Бонни, боюсь, твоя мама права, ты еще слишком мала для семьи твоих родителей. Даже не знаю, когда ты дорастешь достаточно. Не уверен, достаточно ли я сам дорос...

Бонни соскочила с его колен и вприпрыжку убежала из комнаты. Глазами, полными любви, Ретт смотрел ей вслед.

Скарлетт ощутила вспышку ревности, а затем замешательство. Неужели она может ревновать к собственному ребенку?

— Итак, ты уходишь праздновать поглощение железной дороги Джорджии Пенсильванской железной дорогой.

Может, стоило бы отметить такое событие балом-маскарадом? Или маски у бандитов больше не в моде?

— Кто бы говорил! Разве Руфус Буллок не был твоим другом?

Ретт пожал плечами.

— Я временами вел с Руфусом дела, и только.

— А теперь, когда капитан Батлер превратился во вполне уважаемого джентльмена, старые друзья не в счет?

Он сложил газету.

— Проповедь о верности от мисс Скарлетт?.. Прошу, продолжай.

Скарлетт покраснела. И почему только она вышла замуж за этого ненавистного человека?

Ретт похлопал газетой о колено.

— Советую поторопиться, дорогая. Стоит промедлить и у нас будет новый губернатор. Могущественные друзья Руфуса один за другим покидают корабль, контроль над законодательным собранием он уже потерял. Его жена увезла детей на Север, чтобы не подвергать их оскорблениям на улицах города, которым правит отец. Единственным другом Руфуса остался Эдгар Пурьер. Бедняга Руфус...

Ретт раздвинул тяжелые портьеры и смотрел вслед экипажу жены, пока тот не повернул на Пичтри-стрит.

Присси сообщила, что поведет детей поиграть к Уилксам; Ретт только махнул ей рукой. Дом — построенный для нее — был так велик, что он даже не слышал, как дети ушли. Несчастный этот день казался насмешкой над обещаниями весны. Светло-желтая форзиция поникла под тяжестью дождевых капель, а сирень будто посинела от холода.

Как он дошел до такой жизни?

Ослепление любовью. Весь его опыт, все путешествия, женщины, которых он знал, — ничто не умерило безумной тяги к той, на ком он женился, но чьего сердца так и не сумел завоевать.

Ради нее и детей он обрел уважение, стал уважаемым ханжой. «Ни висельник, ни вешатель». Если бы теперь отцы города решили вновь совершить рейд в Шантитаун, Ретт Батлер поехал бы вместе с ними.

Ради нее он пойдет на все, даст ей все, чего она ни пожелает...

Его жена думает, что любит другого мужчину, но он-то знал, что это не так. На самом деле она стремилась к той жизни, которой завидовала, но никогда не понимала ребенком.

Дочь ирландского иммигранта, женившегося на леди, бедная завистливая девочка...

Она бы за полгода сожгла Эшли Уилкса дотла. Тот был слишком нежным цветком для нее.

Дождь струился по оконным стеклам, капал с выступов оконной рамы.

Ретт Батлер рассмеялся над собой и отошел к камину поворошить огонь.

Послышался стук колес экипажа по булыжнику мостовой. Когда жена вошла в комнату, Ретт отложил книгу.

— Ты рано.

Она скривилась, подошла к шкафчику, налила себе бренди и залпом выпила, вздрогнув.

Ретт закрыл книгу и положил ее на приставной столик возле дивана.

— Новая утопия Бульвера-Литтона. Он воображает, что мы все можем сделаться хорошими и счастливыми.

— А мы не сможем?

— Возможно, если станем, подобно изображаемым Бульвер-Литтоном существам, жить в пещере в центре Земли. На ее же поверхности добродетель и счастье в явном дефиците.

— Ретт, зачем ты заставил меня продать лесопилки?

Он встал и плеснул себе бренди.

— Ты прекрасно знаешь, для чего я помог тебе продать лесопилки: чтобы ты не находилась постоянно в одном помещении с тем джентльменом.

— Ты завидуешь утонченности Эшли Уилкса.

— Напротив, за излишнюю утонченность я его жалею. Ретт поставил стакан на столик. — Неужели стоит начинать все снова?

Вглядевшись ему в лицо, она вздохнула.

— У нас просто талант спорить. — Улыбка Скарлетт была почти дружеской. — Ты оказался прав. Как всегда. Губернатор Буллок утратил всякое влияние, его праздничный обед был утомительным и насквозь фальшивым. Однако представители Пенсильванской железной дороги были разочарованы твоим отсутствием.

— Существует предел даже моему ханжеству.

— Какой же?

Ретт лишь усмехнулся.

— Твоего приятеля капитана Джеффери направили в полк генерала Кастера.

— Седьмой кавалерийский полк нейтрализует Клан в Каролине.

— Джеффери надеется, что они возвратятся на запад. Но... — тут она сделала эффектную паузу, — «Норзерн пацифик»
[\[66\]](#).

— Надеюсь, ты не вложила деньги в эту глупость.

— Джей Кук умнейший человек, и его «Норзерн пацифик» будет значительно успешнее, чем «Юнион пацифик». Все так говорят.

— Правда?

Изогнув бровь, она спросила:

— Думаю, ты слышал об этом Чуде Природы?

Ретт подошел ближе и, нахмурившись, спросил:

— Сколько ты выпила?

Скарлетт нарочно налила себе еще и улыбнулась, поднеся к губам стакан.

— Возле реки Йеллоустоун по ходу железной дороги «Норзерн пацифик» есть поразительная область

целебных горячих источников и впечатляющих гейзеров.

— Гейзеров? Скарлетт...

— Гейзеры выбрасывают из глубин горячую воду на сотни футов вверх, как часы. Не смотри на меня так, Ретт. Джей Кук...

— Значит, выбрасывают горячую воду? Милая, зачем ты хочешь разбогатеть? Ведь у тебя есть я.

Она удовлетворенно улыбнулась.

— Да, конечно.

Когда он дотронулся до ее руки, теплый шелк платья заставил кончики его пальцев затрепетать.

— Джей Кук убедил Конгресс объявить эту область Национальным парком. Вагоны «Норзерн пасифик» наполнят туристы, направляющиеся в Йеллоустонский национальный парк. А ты бы не хотел?

— Прости, не хотел бы чего?

— Не хотел бы увидеть, как кипящая вода извергается на огромную высоту каждые несколько минут, как по часам?

Стоя совсем близко, он вдохнул запах ее волос и пробормотал:

— Без сомнения, индейцы сиу будут в восторге и встретят туристов с расprostертыми объятиями.

Скарлетт отступила на шаг, нервно огладив волосы.

— Туристы будут покупать билеты на поезд, чтобы добраться до минеральных источников и гейзеров! Они захотят своими глазами увидеть чудеса природы!

Его улыбка светилась восхищением:

— Скарлетт, ты сама настоящее чудо природы!

Взгляд жены потеплел, нижняя губа задрожала... А потом он увидел в глубине ее глаз какую-то вспышку. Что это страх? Чего она боится?.. Но Скарлетт уже повернулась к двери.

— Я ведь ни разу не говорила, что люблю тебя, — неуверенно произнесла она.

Напряжение было столь велико, что, казалось, самый воздух между ними в небольшой комнате завибрировал.

Затем она добавила, уже тверже:

— Так вот, не люблю.

Мышцы сводило от усилия не броситься к ней, так хотелось взять ее здесь и сейчас. Хриплым голосом он сумел все же сказать:

— Восхищен твоей честностью.

Оттого, что руки тянулись дотронуться до нее, обхватить, а потом сомкнуться на ее горле и задушить, Ретт Ватлер резко поклонился, стремительно прошел мимо жены и выскочил из дома на Пичтри-стрит, без шляпы, под холодные струи дождя.

Глава 40

СЫН УБИЙЦЫ

В ноябре президент Улисс С. Грант [67]объявил Южную Каролину мятежной, прекратил хабеас корпус [68]и направил Седьмой кавалерийский полк уничтожить клановцев. Бывших генералов Конфедерации, Гордона и Форреста, вызвали в Конгресс Соединенных Штатов, где они неохотно признали, что им, возможно, знакомы люди, причастные к так называемому ку-клукс-клану, но лично они никаких дел с ними не имели.

Спустя две недели после ареста Эндрю Раванеля Элизабет Кершо Батлер, неожиданно сев в кровати, издала слабый, странный крик, разбудивший дочь, дремавшую в кресле подле кровати. Когда Розмари поднесла зеркальце к губам матери, оно не запотело.

Сын Розмари, Луи Валентин, спал крепко и только что-то пробормотал, когда она перенесла его в спальню и уложила у себя на кровати. Потом пошла на кухню заварить чай. Розмари не плакала об утрате. Она скорбела о том, чего мать так и не обрела.

В этот же день Розмари написала подруге:

Дорогая Мелани,

Моя мать, Элизабет Батлер, ушла в небесную обитель сегодня рано утром. Скончалась она без мучений.

Как ты, должно быть, слышала, Эндрю Раванеля арестовали за деятельность в Клане. В прошлую субботу я отвезла ему одежду в лагерь на окраине Колумбии. За лагерем надзирает федеральная кавалерия, но то ли благодаря бывшему рангу, то ли потому, что они тайно разделяют взгляды Эндрю, у него в этом переполненном свинарнике отдельная палатка. Я и представить себе не могла, что клановцев, оказывается, так много!

По словам Эндрю, как только соберутся специальные суды [69], ему предъявят обвинение в убийстве нескольких негров.

Вот так. Я его предупреждала. Увы, мои слова ничего не изменили, равно как и мои глубокие расстройство и печаль. Ожесточение и злоба марают невинных вместе с виноватыми! Теперь, выходит, Луи Валентин вырастет сыном осужденного убийцы?

Ретт предупреждал Эндрю о последствиях, но Эндрю слишком горд, чтобы прислушиваться к советам.

Луи Валентин знает, что с его папой случилось что-то плохое. Я не нашла слов объяснить, что именно.

Мой отец как-то говорил, что в Батлерах течет дурная кровь, проклятие рода. Думаю, это проклятие — отсутствие любви.

Я вышла замуж за Джона, чтобы сбежать от тирании отца, и не ценила его бесхитростную доброту до тех пор, пока не стало слишком поздно. Добро медленно пробивает себе дорогу, милая Мелани, и накапливается в нашей памяти по крохам. В юности я была очарована Эндрю — лихим

наездником, лучшим танцором, бесстрашным бойцом, человеком, который мог полностью посвятить себя выбранному делу! А может, я втайне надеялась, что его отчаянная смелость передастся и мне?

Что сломало его — плен ли, поражение, — не могу сказать.

Но доблестный Эндрю превратился в жуткую карикатуру на самого себя.

Что мне теперь делать, Мелани?

В отличие от Скарлетт у меня нет склонности к бизнесу. Меня готовили к роли матери, жены, хозяйки. Похоже, я унаследовала отшельническую натуру матушки и порой целыми днями не покидаю наш дом на Чёрч-стрит, 46.

Брата Джулиана исключили из законодательного собрания вместе с саквояжниками. Он нашел работу клерка.

Дамы, с которыми я работала на Свободном рынке, организовали школу для девочек: Чарльстонскую женскую семинарию. Приглашают меня преподавать. Я немного знаю французский и тонко чувствую правила приличия (пусть и оттого, что сама их нарушала). Надеюсь, из меня выйдет неплохая учительница.

Я похороню маму, а когда вернется Ретт, не буду — НЕ БУДУ — спрашивать его, что делать!

Я была замужем за одним хорошим человеком и одним распутником. Вряд ли я выйду замуж снова, но если так случится, мне бы хотелось, чтобы это был человек, которому я нужна.

Хвала Господу за нашу дружбу.

Всегда твоя,

Розмари

Глава 41

ДЕРЕВЬЯ С БУТЫЛКАМИ

Эндрю Раванелю казалось, что он уже видел этого бородатого негра. Его выставляли на торгах Джона Хьюджера, где Эндрю пытался купить Кассиуса. Вроде колесный мастер? Или плотник?

Бородатый сказал:

— Виновен.

Высокий негр сказал:

— Виновен.

Негр в желтой жилетке сказал:

— Виновен.

Лысый негр сказал:

— Виновен.

Эндрю поскреб шею. Ну и жара!.. Да и немудрено: люди набились битком в зал чарльстонского суда, вот отчего такая жара и духота.

Сухопарый негр сказал:

— Виновен.

У этого парня не было ни грамма мяса. Он бы и впол-силы не смог работать.

Четырехглазый негр сказал:

— Виновен.

Интересно, зачем неграм очки? Они ведь не умеют читать. Что за ирония: двенадцать негров выносят приговор полковнику Конфедеративных Штатов Америки!

Худой морщинистый негр сказал:

Виновен.

Почему некоторые из них сморщились, как сушеные яблоки?

— Виновен.

Господи, а этот толстый! Как тут скажешь, что с ними плохо обращались? Был бы он свиньей, пора было бы его резать. Отличные окорока вышли бы из парня.

— Виновен,

— Виновен.

Эндрю обернулся и кивнул парочке старых приятелей, но они сделали вид, что не узнали его.

— Виновен.

Полгода назад они бы его узнали, точно... Эндрю поймал взгляд Розмари — такой свежей, будто только что из ванны.

— Виновен.

Виновен в чем? В сопротивлении правительству тирана?

Федеральный судья стукнул молотком.

— Мистер Раванель, суд присяжных признал вас виновным в четырех умышленных убийствах. Что вы можете сказать суду?

Судью Бойда прозвали Питбуль. И правда похож.

—

*Полковник*Раванель, ваша честь, — сказал Эндрю.

—

*Полковник*Раванель. Суд перед вынесением приговора желает принять к рассмотрению в доказательство вашего раскаяния рассказ о ваших ужасных деяниях. Адвокат нам разъяснит, *полковник*Раванель, и я не стану повторяться, что без раскаяния приговор будет суровым. Слушание приговора состоится завтра в этом же зале, в десять часов.

Вы даете слово чести джентльмена, что не сбежите?

Эндрю улыбнулся. «Мое слово чести, Питбуль?»

Прежде чем он смог ответить, вскочил адвокат Эндрю, Уильям Эллсворт.

— Я даю слово, судья Бойд. Мой клиент будет здесь.

— В таком случае, Эндрю Раванель, вы оставлены на свободе под расписку, дабы успеть подготовить речь, которая тронет наши сердца. До завтра в десять.

Молоток судьи опустился на стол.

Осужденным чувствовать себя было не лучше и не хуже, чем до суда.

Эллсворт попытался идти впереди Эндрю, но тот буквально ринулся сквозь толпу свирепо глазающих негров и хитро подмигивающих белых.

Розмари стояла в холле, где солдаты Кастера сдерживали зевак в пролете между колоннами.

— Эндрю, прости.

Почему Розмари просит прощения? Ведь не ее осудили черные присяжные обезьяны! И не ее оскорбил судья-янки на глазах у всего Чарльстона!

— Можно мне прийти? — спросил Эндрю.

Розмари нахмурилась.

— Нет.

До войны холл здания суда мыли каждый день; плантаторы Низин приходили сюда решать споры о границах владений.

Плечи Эндрю поникли. Он долго боролся, слишком долго. Сил не осталось.

— Передай мои лучшие пожелания мальчику.

— Твоему сыну.

— Да, Валентину.

Адвокат Эндрю протолкнул его к выходу через боковую дверь, где ждал закрытый экипаж. Эллсворт принялся зажигать трубку. Раскурить ее удалось только с третьей попытки.

— Мы были обречены, — пробормотал он.

— Ну, не знаю, — небрежно бросил Эндрю. — Я надеялся, что некоторые из присяжных помнят меня с довоенных времен.

Адвокат яростно задымил.

Я сделал все, что мог. Добился обвинения без отягчающих и чтобы вас отпустили под залог.

Эндрю открыл окно, сдвинув раму.

Солнечные лучи позднего утра заплесали в небе, когда кэб свернул на Кинг-стрит. Миновали здание почты, проехали мимо тележки с пивными бочками — двое мужчин скатывали их вниз по мосткам. За железными заборами цвели городские сады. В воздухе пахло распадом прежней и Возрождением новой жизни.

— Вам нужно подготовить речь. Убедить судью Бойда, что вы признаете свою ошибку.

— А что это меняет?

Лицо у адвоката стало кислым, как неспелое яблоко.

— Судья Бойд дал немалый запас времени на вынесение приговора. Он более обходителен с клансменами, которые раскаиваются. Президенту Гранту не нужны мученики.

Мысли Эндрю плыли по поверхности моря из слов «если», «но» и «возможно», льющихся из уст адвоката.

— Мы не можем отвергать то, что вы сделали...

Ничтожный юнионист до войны, Эллсворт работал адвокатом не по своей воле, разрываясь между желанием оказаться в рядах старой аристократии и полным неприятием, без всякого намека на прощение, Клана. Те же самые аристократы обрадовались, когда Клан напугал республиканцев до такой степени, что они вышли из правительства, притворяясь, будто не знают, что тех напугало.

— Нельзя испечь пирог, не побив негров [70], — проговорил Эндрю.

— Что? Что вы сказали?

Эндрю Раванель не боялся запачкать руки. Джозе Уотлинг, Арчи Флитт — может, они и не чистили сапоги перед входом в гостиную и их не заботило, куда плюнуть, зато они никогда не боялись запачкаться.

— Что?.. — спросил Эллсворт.

— Я сказал, мы приехали.

Контора Эллсворта была через три двери от адвоката юниониста Льюиса Петигру. Петигру не пережил войну. Пока он был жив, каждый не упускал случая похулить его за союзнические взгляды. А когда он благополучно помер, все принялись его превозносить. Вот такие дела.

Эндрю вышел из экипажа.

— Зайдем в контору, нам нужно поработать.

— Я лучше пойду посмотреть выступление певцов.

— Что? — разинул рот Эллсворт.

— В Ирландском зале сегодня выступает группа «Кроличья лапка», утреннее представление, минстрел-шоу.

Адвокат снял очки и принялся пощипывать себе нос.

— Вам за мою защиту Ретт Батлер платит? — спросил Эндрю.

— Почему бы мне вас не защищать?

— Можете испачкать руки.

— Полковник Раванель, я и так уже испачкался! — огрызнулся Эллсворт, — Лучшие дома Чарльстона для меня закрыты. Не знаю, когда удастся снова посетить церковь Святого Михаила. Мы с женой не можем высоко поднять голову в приличной компании.

— Сэр, — сказал Эндрю, — вы поднимете голову выше, если выкинете из нее камни.

— А? Что вы сказали?

— Я сказал, там утреннее представление.

— О чем вы? Нам нужно работать над вашей речью!

— С чего вы взяли, что я хочу раскаяться?

— А что, лучше десять лет каторги?

Эндрю фыркнул.

— Сэр, я сталкивался и не с таким.

Будьте здесь завтра в восемь, тогда и подготовим ваше заявление, — сказал адвокат в спину Эндрю.

Эндрю взял напрокат мерина в конюшне гостиницы Миллза. Он жил в гостинице с начала суда. И не спрашивал, кто платит по счетам или кто заплатил за него залог.

Сильная лошадь под ним, прекрасный Чарльстон у его ног, и чудесный день! Чего еще желать мужчине?

Раванель приподнимал шляпу, приветствуя как белых, так и черных. Негритянки отворачивались; некоторые, на пороге своих домов, прятались за дверь. Дамы делали вид, что не замечают его. Бедные белые девушки и проститутки махали ему рукой, посылали воздушные поцелуи. Комедия!..

Всякая торговля рисом в городе прекратилась, остались только выцветшие надписи на обшитых досками лавках торговцев: «Джеймс Малруни, рисовый агент»; «Дженкинс Куигрэйдж: контейнеры для риса в ассортименте».

Гавань была полна пароходов. Эндрю спешил, привязал лошадь и облокотился на перила.

Подошел какой-то босоногий негритянский мальчишка лет восьми или девяти, уселся на перила и рыгнул. У мальчишки рубаха была порвана под мышками, брюки подпоясаны веревкой.

— Ух ты, сколько кораблей, — начал он разговор.

Когда Эндрю взглянул на него, тот отодвинулся.

— Я тебе плохого не сделаю, — сказал Эндрю, — Не нужно меня бояться.

— А я вас и не боюсь нисколько, — сказал мальчишка, но ближе не подходил.

— Эти корабли плавают по всему миру.

— Да нет, они ж маленькие!

— А некоторые крепкие маленькие корабли могут переплыть океан.

— Да знаю я о кораблях, — с пренебрежением ответил мальчишка. — У меня папаша на рыбном рынке работает.

— Если мы посадим ниггеров на эти корабли, можем и отправить вас обратно в Африку. Хотел бы этого?

Мальчишка решительно замотал головой.

— Никогда я не был ни в какой Африке, — И, чтобы не разочаровать дружелюбного белого, добавил: — А вот в Саванну ездил один раз.

Эндрю, вскочив на лошадь, бросил мальчишке монетку.

Он ехал по Энсон-стрит мимо старого публичного дома мисс Полли. Что за время было! Боже, боже, что за время! Эдгар Пурьер, Ретт Батлер, Генри Кершо — что за время! И Джек Раванель. Что сейчас посоветовал бы ему отец? Эндрю пробормотал тоном старика Джека:

— Скачи как проклятый, мальчик! Скачи без оглядки!

На заведении мисс Полли сорвало крышу, стены были в выбоинах от снарядов. Из окна второго этажа свешивалась желтая муслиновая занавеска. Как они жаждали жизни. Не ожидая, пока жизнь придет к ним, хотели встретить ее на полпути.

Самым близким другом был Ретт Батлер. Эндрю играл с ним в карты, пил с ним, вместе они пускали лошадей бешеным галопом навстречу восходу. «Господи, — подумал Эндрю, — я потерял всех».

Он притормозил у гостиницы «Ист-Бэй» и стал ждать Джейми Фишера. Тот вышел в белом поварском фартуке.

— А, — крикнул Эндрю, — самый храбрый разведчик Конфедерации!

Фартук Джейми был заляпан томатным соком.

— Я не ходил в суд. Подумал, что ты не захочешь меня видеть. Что судья Бойд?

— Огласит приговор завтра. Адвокат думает, что надо подмазаться к нему, но, — Эндрю ухмыльнулся, — если Питбуль будет не в духе или миссис Питбуль за завтраком поссорится с судьей, он запросто даст мне десять лет. А ты знаешь, как я «процветал» в плену.

— Эндрю!

Тот замотал головой.

— Не волнуйся, Джейми, до этого не дойдет,

— Эндрю, может, к нам? Джулиет была бы рада.

— Я не держу никакой злобы на свою дорогую сестру.

Я всех прощаю. Прощаю янки, ниггеров, даже президента Гранта, который обожает ниггеров. Но... как-нибудь в другой раз. Нам с тобой, Джейми, нужно кое-куда сходить.

— Эндрю, я готовлю...

— Никаких возражений, Джейми. Пойдем на концерт в Ирландский зал — выступает группа минстрел-шоу «Кроличья лапка», прямо из Филадельфии. И знаешь, кто солист? — Эндрю захлопал в ладоши, — Не кто иной, как мой ниггер, Кассиус!

— Эндрю, у меня гости...

— Ради старого доброго времени, Джейми.

Джейми на глаза навернулись слезы:

— Накануне оглашения приговора... Эндрю, ты сошел с ума?

Раванель усмехнулся.

— Ну да, Джейми, ты же знаешь, что я безумец.

Ветеран с деревянной ногой, продававший билеты, щелкнул пальцами, привлекая внимание.

— Полковник Раванель, рад вас видеть, сэр. Эти парни устраивают грандиозное представление. Разочарованы не будете.

— Где вы потеряли ногу?

Ветеран похлопал по деревянной ноге, как солдат — по прикладу.

— Под

Шарпсбергом

[\[71\]](#), полковник. Сейчас позову управляющего. Вы с мистером...

— Мой разведчик, Джейми Фишер.

Когда Эндрю вытащил деньги, ветеран отказался их брать. Подошел управляющий, извиняясь, что публика не так изысканна, как привык Эндрю, и проводил их с Джейми на лучшие места. Сидевшие там принялись было возмущаться как только им сообщили, для кого предназначены кресла, один мужчина отдал честь, а остальные сняли шляпы со словами:

— Храни вас Бог, сэр!

— Вы показали янки пару приемчиков. Еще бы десять таких, как вы, и, ей-богу, мы бы победили.

На этой фразе публика разразилась мятежными возгласами. Управляющий отгородил их кресла веревкой. Сидевшие рядом наперебой предлагали свои фляжки, сигары, табак. Эндрю не отрывал взгляда от занавеса, на котором нимфы забавлялись с херувимами.

Публика подобралась неотесанная. Среди женщин преобладали содержательницы публичных домов и проститутки. На последних рядах сидела горстка федералов.

Тот давний патриотический бал, когда Эндрю впервые попытался соблазнить Розмари Батлер, — господи, какая ж она была долговая, но свеженькая и резвая, как новорожденный жеребенок! — тот бал проходил здесь. Интересно, а на полу еще нарисован орел, погребенный теперь под слоями грязи, плевков и растоптанных окурков?

У Розмари не осталось ни малейшего сходства с той длинноногой девчонкой, которая была им очарована.

— Не нервничай, Джейми, нас здесь все любят.

За раскрашенным занавесом послышалось шуршание, потом забренчало банджо. Эндрю толкнул локтем Джейми: должно быть, Кассиус.

Занавес открылся, на сцене полукругом стояли пустые стулья. Пока за кулисами на банджо наигрывали «Старый Дэн Такер», белые мужчины с вымазанными ваксой лицами важно прошли каждый к своему стулу и застыли как статуи, уставившись в зал. Тамбо и Кость заняли крайние стульчики, а кресло посреди сцены предназначалось для Рассказчика.

Позвякивая тамбурином, Тамбо уселся. Вошел Рассказчик, поклонился и застыл в полупоклоне. В таком же гриме, как и белые актеры, через сцену неторопливо прошествовал и Кассиус, ухмыляясь и корча

рожи. Дойдя до стула мистера Кости, он тоже застыл.

Рассказчик наконец разогнулся и прошел мимо товарищей, изображая изумление, словно никого раньше из них не видел. Он тыкал в них пальцем, как ребенок, которого выпустили гулять по музею восковых фигур.

Р а с с к а з ч и к: Джентльмены, прошу садиться.

Тамбурин Тамбо и банджо Кассиуса обменялись
перекрестными фразами.

К о с т ь: От музыки я становлюсь таким счастливым!

Тамбо: Ну, больше тебе уж веселиться не придется. Ты будешь служить в Седьмом кавалерийском полку, а я буду тебя учить. Я первоклассный военный наставник. Просто укротитель львов.

Кость: Ты укротитель львов?

Т а м б о: Именно. И рука у меня нелегкая.

К о с т ь: Да ты просто жулик.

Т а м б о: А твой папаша служил?

К о с т ь: Да, сэр, воевал при Булл-Ране. Один из тех янки, которые оттуда драпали.

Эти слова приветствовало улюлюканье мятежников.

Затем Тамбо с Костью перебросились еще несколькими шутками под аккомпанемент банджо с тамбурином и спели сентиментальные баллады. Минут сорок публика распевала знакомые песни и выкрикивала концовки старых шуток.

К о с т ь: Могу прочесть наизусть стишок.

Р а с с к а з ч и к: Ну давай, читай.

К о с т ь: У Мэри был барашек,

Его отец прирезал.

И ходит в школу он за ней

Меж двух кусочков хлеба.

Р а с с к а з ч и к: Мистер Кость, ты лучше играешь на банджо, чем сочиняешь стихи.

После этого Кассиус играл без перерыва двадцать минут. Публика то впадала в патриотический восторг, то обливалась слезами. При звуках танцевальных мелодий зрители принимались плясать в проходах.

После финального аккорда Кассиус вновь застыл, заскрипели стулья, раздались покашливания. Рассказчик объявил:

— Капрал Кассиус, гордость «Кроличьей лапки», лучший музыкант Севера и Юга. Кассиус — ветеран Конфедерации.

Когда вновь поднялся одобряющий крик, янки выскользнули из зала.

Посмеиваясь, Эндрю сказал Джейми:

— Ниггер притворяется белым, который притворяется черным. Не странно ли?

Под конец музыканты ходили по залу, напевая зажигательные мелодии, пока на сцену не выскочил

управляющий:

— Леди и джентльмены, прошу внимания! Сегодня нас почтил своим присутствием герой — полковник Эндрю Раванель, Теннессийский Поджигатель, Каролинский Ягуар, гроза Белых рыцарей... — Он замотал головой, — Не продолжаю. А то мне не поздоровится!

Смех и аплодисменты. Несмотря на протесты Джейми, их с Эндрю вытолкнули на сцену, и группа музыкантов еще раз прошла по залу под звуки банджо, на котором Кассиус наигрывал «Дикси». Актеры и зрители распевали песню, пока управляющий не закрыл занавес.

Когда он вновь открылся, чтобы музыканты вышли на поклон, Эндрю и Джейми стояли на переднем крае сцены, привлекая всеобщее внимание. Группу вызывали четыре раза, пока Рассказчик не велел уходить, после чего похлопал Эндрю по спине, будто он был одним из его музыкантов. Некоторые ушли со сцены, остальные пустили по кругу фляжку. Кассиус, положив банджо на стул, присел на пол и вытянул ноги.

— Полковник, капитан! Давненько не встречались!

Эндрю усмехнулся:

— Когда я последний раз тебя видел, ты карабкался по берегу Огайо, будто за тобой гналась целая свора гончих ада.

— Да, немудрено. Янки убивали всех подряд! — Он помотал головой, — Эх, было времечко!.. Я сейчас в Филадельфии. У меня жена и две малышки.

— В Филадельфии? Не скучаешь по Низинам?

Кассиус чуть улыбнулся.

— Наша «Кроличья лапка» разъезжает повсюду — Бостон, Буффало, по всей стране, — Он вскинул голову. — А вы как поживаете, мистер Джейми? Нашли себе жену?

Джейми скорчил кислую мину:

— Да нет, пока не встретил такую, которая бы меня вытерпела.

У Эндрю вдруг вспыхнули глаза.

— Ты же теперь актер? Бьюсь об заклад, что у тебя куча денег. А помнишь, как я пытался тебя купить, а надзиратель Хьюстона Батлера меня опозорил?

— Я помню, как меня продавали, полковник Эндрю. Такое не забывается.

— Эндрю, — сказал Джейми, — мне нужно возвращаться в гостиницу. Придешь к ужину?

— А этого парня пригласишь? Не такая уж большая разница между ним и проклятыми янки. У него есть деньги. Он сможет заплатить.

— Конечно, — начал подниматься Кассиус, — только вот смою с себя грим ниггера...

Тут Эндрю толкнул его, и Кассиус вместе со стулом полетел на пол. Банджо с металлическим звоном отлетело в сторону. Кассиус успел подставить руки.

— Я всего лишь музыкант! — воскликнул он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Эндрю со всей силы топнул ногой по правой руке негра, будто прихлопнул паука. Он готов был ударить еще раз, но Джейми неожиданно сильными руками сгреб его в охапку и оттащил прочь, а управляющий принялся увещевать

— Полковник Раванель, опомнитесь, сэр, что вы делаете!

Кассиус, постанывая, подтянул руку к груди.

— Ничего не изменилось. Понял, парень! — кричал Эндрю, пока Джейми выталкивал его из зала, — Ничего не изменилось!

На улице Эндрю вытер рот и кое-как перевел дыхание.

Джейми Фишер стоял поодаль. Но эта пара шагов легла между ними пропастью.

— До свидания, Эндрю. Пусть у тебя все будет хорошо. Я всегда желал тебе только хорошего.

Полянку рядом со старым рыбацким домиком Конгресса Хейнза окружали деревья с привязанными бутылками. Сначала было всего несколько штук, и Эндрю сбивал их ногой. Но каждый раз их становилось все больше — синих, зеленых, красных и просто прозрачных; бутылки были привязаны к каждому дереву и даже к кустам. Цветные блики испещряли полянку, когда солнце проходило сквозь бутылки, а от малейшего ветерка они начинали позвякивать. Как-то Эндрю с Арчи Флиттом всю ночь не смыкали глаз, надеясь поймать ниггера с бутылкой, но Арчи стал дергаться из-за того, что скрылась луна и поднялся ветер. Когда Эндрю спросил приятеля, боится ли тот, Арчи презрительно усмехнулся. Бутылки вешались для того, чтобы отпугивать души умерших, а Флитт отнюдь мертвецом не был. Однако в ту же ночь он уехал в Джорджию, а Эндрю напился.

Утром на кипарисе возле крыльца, не больше чем в десяти футах от того места, где они устраивали засаду, красовались бутылки, которых в предыдущую ночь не было.

Выбитая еще солдатами Кастера дверь в домик зияла черной дырой.

Если бы не крысиный помет на полу и засыпавшие его листья, особых перемен в хижине заметно не было.

С Эндрю хорошо обращались в том переполненном лагере для заключенных. Многие свидетели боялись давать показания против клансменов. И янки решили освободить или за недостаточностью улик, или оттого, что было мало места, или просто потому, что потеряли терпение. Джоузи Куоглинга так и не поймали. И Арчи Флитт не вернулся после той ночи у рыбацкого домика.

Когда Эндрю сидел в лагере, Розмари принесла ему чистую одежду.

— Сочувствую, — сказала она, — Тебе здесь нелегко,

— Да ничего страшного, — ответил Эндрю, — Я привык сидеть в тюрьме.

Он лгал. Лагерь напоминал ему тиски, которые сжимались все сильнее и сильнее, выдавливая из него жизнь.

Когда адвокат Элсворт объявил Эндрю, что его выпустили под залог, тот, выйдя за ворота лагеря, почувствовал себя заново рожденным: точь-в-точь как в детстве, когда в школе отменяли занятия и перед ним, мальчишкой, распахивался весь мир. Но когда Эндрю вернулся на Чёрч-стрит, 46, Розмари не пустила его.

В сумерках бутылки на деревьях звенели от ветра, потянувшего с реки. Получался чудесный звук. Что бы там ни говорили о ниггерах, а музыку они делать умеют. Эндрю отлично себя чувствовал. В этот чудесный весенний день река текла так же, как и до прихода человека, и так же будет течь после того, как он исчезнет, и после того, как исчезнут все адвокаты, и судьи, и Розмари, и Джейми — все исчезнут. Бедная Шарлотта так его любила. Она знала, что он из себя представляет, и все равно его любила. Иногда в звоне бутылок на ветвях ему слышался ее милый голос.

Эндрю надел форму полковника Конфедерации и встал в темноте перед домом. Он забыл, как давит воротничок.

Вверх и вниз по реке скользили лодки. Ласточки стремительно пикировали за насекомыми. На мелководье опустилась цапля и, выслеживая рыбу, подняла одну ногу. Это будет последнее, что увидит рыба — неподвижная нога в воде, совсем как водоросль или стебель.

Револьвер был знаком Эндрю так же хорошо, как и Шарлотта. Длинный коричневатый ствол побелел у дула от множества выстрелов; а вот эта щербинка на рукоятке появилась, когда он размозжил череп какому-то ниггеру.

Взошла луна, из кустов выскочила, чтобы поохотиться на раков, лисичка, у которой вот-вот должны были появиться детеныши. Эндрю хотел было застрелить ее, но потом передумал.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут!

[\[72\]](#)

С первым лучом солнца Эндрю Раванель, бывший полковник Конфедеративных Штатов Америки, зашел в дом написать письмо сыну и застрелился.

Глава 42

НАСЛЕДНИКИ

Красная Шапочка» только закрылась, как вдруг в дверь раздался тяжелый стук. Макбет, подскочив к двери, открыл и тут же захлопнул.

Мисс... Там какие-то люди, мисс, хотят поговорить с вами.

В такой час? Кто...

Мисс... — Макбет застыл от страха, — На них нет балахон, но, похоже, это клансмены.

Красотка побежала в спальню за револьвером, а когда вернулась, Макбет исчез.

Она нерешительно остановилась, прислушиваясь к шагам на крыльце. Глубоко вздохнув, подняла револьвер и резко распахнула дверь.

Господи Иисусе, — выдохнула она.

Исайя Уотлинг дал своей дочери такую пощечину, что она чуть не спустила курок.

Не поминай имя Господа твоего всуе.

Папа!

Почему ты мне не сказала, дочь? Почему ты мне ничего не сказала?

Рядом с Исайей стоял человек помоложе, третий держал лошадей. Красотку била такая дрожь, что ей пришлось схватить револьвер обеими руками.

— Я доверял ему, дочь. Я верил, что человек, который обесчестил тебя, христианин и джентльмен.

Крыльцо скрипнуло, когда на него вошел второй, помоложе.

— Привет, Красотка.

Старик нетерпеливо взмахнул рукой, и молодой отступил в тень.

— Мы были молоды, папа, — сказала Красотка. — Ты когда-нибудь был молод?

— Нет, — ответил Исайя. — У меня не было времени на молодость.

Он нахмурил кустистые брови. Из носа и ушей торчали пучки волос. От него шел горьковатый металлический запах человека, полного гнева.

— У тебя глаза матери, — скривил Исайя губы, — А я и забыл... — Он резко дернул головой, чтобы отбросить воспоминание. — Я верил полковнику Раванелю. Верил ему.

— Эндрю любил меня, папа. Я так плакала, когда узнала... что он с собой сделал.

Исайя провел рукой по лицу.

— Полковник Раванель оставил все своему первому сыну — револьвер, часы, записку...

— Мой Тэзвелл джентльмен. Он получил образование, а теперь занимается продажей хлопка в Новом Орлеане. Даже купил себе дом!

Красотка потерла щеку.

— Я бы никогда не вернулся в Низины. Твоя мать страшно не хотела уезжать из Манди-Холлоу, но я

сказал, что нам нужно начать все сначала. Так мы оказались в Броутопсе.

Я принадлежал массе Батлеру душой и телом тридцать два года. Тридцать два года, душой и телом.

— Этот пакет... от отца Тэзвелла?

— На похоронах полковника кроме нас были только я и янки, отслеживающие клансменов.

— Дядя Исаяя никогда не поддерживал Клан, — улыбнулся кузен Красотки, — Дядя Исаяя... разборчивый. Мигом нашли полковника и собирались тайно перевезти его в Техас, но полковник... Думаю, в Техасе дела у него пошли бы на лад.

— Это Джоузи, сын Авраама.

Джоузи дотронулся до шляпы.

— Рад видеть, кузина. У тебя чудесное местечко. А там, с лошадьми, Арчи Флитт.

Руки у Красотки дрожали.

— Отец, ты любил маму?

— Твоя мать была благочестива.

— Ты любил ее?

— Я любил Бога, дочь.

Красотке всегда казалось, что ее отец — простой человек; жил и не догадывалась, чего стоила ему эта простота.

Полковник Раванель солгал мне. А твой брат, Шадра, из-за этого вранья погиб. Не покайся...

У Красотки вспыхнула недобрая мысль: Шадра погиб, потому что хуже стрелял.

— Мертвец есть мертвец, — вымолвил Джоузи.

— И Ретт Батлер солгал.

— Он никогда не лгал. Он просто позволял другим увериться в том, во что им хотелось верить.

Батлер убил твоего брата и опозорил своих родителей.

Помни и отца своего и мать свою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе

[\[73\]](#).

— Даже сейчас, после всех этих бед... — Ладони Красотки беспомощно раскрылись и сжались, — Ты не можешь простить?

Отец вручил ей сверток.

— Я сделал все, что мог.

Глава 43

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЭШЛИ

Мелани готовила Эшли на день рождения сюрприз — барбекю в Двенадцати Дубах, впервые после того пикника одиннадцать лет назад, когда они объявили о своей помолвке.

Дом Уилксов был почти в полной готовности. Отчистили каминную полку, протерли от пыли зеркало в позолоченной раме, все каминные решетки и плиты чернели, как новенькие, зимние ковры причесали и свернули — посыпав табаком, Порк с Питером отнесли их на чердак.

Глава Общества вдов и сирот Конфедерации, Мелани знала всех героев Джорджии: и генерала Джона Гордона, раненного пять раз под Шарпсбергом, и Роберта Аугустуса Тумса, сенатора и секретаря штата. Даже Александр Стивене принял приглашение Мелани. Двухтомное юридическое обоснование сецессии вице-президента Стивенса «Конституционный взгляд на последнюю войну между штатам» с гордостью хранили во многих домах Юга (хотя книгой больше гордились, чем читали). Незамужняя сестра Эшли, Индия, хотела поставить сей монументальный труд рядом с фамильной Библией в гостиной, но Мелани возразила:

— А если кто-то решит поднять политическую тему? Что будет с праздником?

И двухтомник мистера Стивенса остался запечат в книжном шкафу.

Индия была умелой работницей, но она сбивала негров с толку. Предоставленная самой себе, тетюшка Питтипэт хваталась то за одно, то за другое и ничего не доделывала до конца. Только Скарлетт работала без инструкций. И лучше всех управлялась с неграми.

Поскольку приготовления шли довольно споро, Мелани решила выпить чаю, устроившись на площадке второго этажа, где стоял письменный стол, а заодно дописать письмо к Розмари.

Мелани полностью поддерживала решение Розмари преподавать в Женской семинарии.

— Ты столько выстрадала, дорогая. Обучаемые тобой дети исцелят твои раны.

Она задумалась, чуть постукивая ручкой о зубы.

Что касается меня... Когда я узнала, что не смогу больше иметь детей, то подумала — буду довольствоваться теплом, которое предшествует физической близости, вместо нее. Эшли нежен со мной, но из-за отсутствия — если позволишь так сказать — «нежной ярости» в постели — о, я краснею — наша сердечная страсть увядает год от года, от сезона к сезону. Понимаю, приличной женщине не следует желать от мужа жарких ласк, но...

— Мисс Мелли! Мисс Мелли!

Порк, слуга Скарлетт, протопал по лестнице и навис над Мелани, как дерево, которое, того и гляди, упадет.

— Арчи не разрешает мне вешать больше фонарей в саду. Он прогнал меня. Я боюсь этого старика!

— Спроси Скарлетт, что делать, Порк, — ответила Мелани, — Уверена, найдется и другая работа.

Огромный негр, ворча, спустился вниз, а Мелани вновь обмакнула перо в чернила.

Я иногда встречаю дочь твоего прежнего надзирателя, Красотку Уотлинг. Дорогая, я знала только Эшли, чьи ласки так щедры, а наслаждение он доставлял сильнее, чем получал взамен. И мне все хотелось спросить Красотку (я, конечно, так и не осмелилась): «А каково было иметь так много мужчин? Все ли они одинаковы?»

Розмари, уже прошло восемь лет — восемь долгих лет с тех пор, как доктор Мид сказал Эшли, что я не должна больше иметь детей. Я знаю, мне следует подавить свои желания, но я не в силах. Порой Эшли сделает или скажет что-нибудь, или даже упадет на него луч солнца — и я просто жажду мужниных объятий! Дорогая подруга, как он красив! Существуют приспособления, позволяющие близость без тех последствий, которых мы боимся, однако Эшли, мой милый Эшли, во всем придерживается приличий, и когда я лишь упомянула о такой возможности, Эшли покраснел под стать азиям Питти и, заикаясь (Эшли никогда не заикался раньше), сказал: «Джентльмены не пользуются подобными приспособлениями!» Наверняка Красотка знает о них и объяснила бы мне, если бы я решилась спросить.

Скарлетт, глядя на щиколотки Мелани сквозь балюстраду, сказала:

— Мелли, Порк вполне способен развесить несколько японских фонариков. Арчи всего раз на него глянул, и Порк теперь будет дрожать от страха до конца дня. Зачем ты разрешаешь болтаться в доме этому вонючему бродяге?

— Арчи хорошо ладит с детьми, — ответила Мелани.

Прежде Арчи частенько где-то пропадал, и все знали, что он отправляется на встречи Клана, но с детьми он действительно замечательно ладил.

После бегства губернатора Буллока Скарлетт прекратила приглашать к себе гостей, и ее особняк на Пичтри-стрит превратился в настоящий мавзолей. Дети Батлеров проводили больше времени в доме Уилксов, чем в своем. Угрюмый одноногий Арчи Флитт развлекал их часами.

— Если Питер закончил натирать полы, они вместе с Порком могут настелить летние циновки, — сказала Мелани.

— Угу, — Голова Скарлетт исчезла.

Мелани Уилкс снова чуть постучала кончиком ручки по губам и продолжила письмо.

Дорогая Розмари, мне страшно стыдно добавлять тебе забот и все же должна сказать, что в прошлую субботу, за завтраком в «Кимболл-хаусе» Скарлетт с Реттом сильно повздорили. Я услышала об их ссоре от троих людей! Их по-настоящему связывает лишь любовь к маленькой Бонни, которую они зовут Бонни Блу. Твоя племянница — яркий солнечный лучик, освещающий все вокруг. Миссис Мид варит для Бонни ее любимые пекановые тянучки, а миссис Элсинг сажает крошку на колени и рассказывает ей о прежних временах, когда она сама была девочкой. Те, кто некогда презирал твоего брата, теперь радушны к нему. И не последняя причина тому — любовь, которой Ретт окружил свою дочь.

Ей достаточно лишь сказать: «Папочка, возьми меня на ручки!», и Ретт немедленно ее подхватывает, а когда малышка принимается дергать его за усы или за волосы или начинает

капризничать, как бывает с детьми, Ретт никогда не теряет терпения.

Скарлетт вновь заглянула с лестницы:

— Мелани, кому ты пишешь?

— Я пишу Розмари. Две усталые мамочки жалуются на своих детишек. Порой, дорогая Скарлетт, — Мелани незаметно сунула письмо в ящик стола и повернула ключ, — мне хотелось бы обладать твоим даром относиться к жизни легко. И твоей силой воли!

— Если бы сила воли действительно была непобедима, Мелли, мы бы сейчас были гражданами Конфедерации.

Я собираюсь съездить на лесопилку Эшли повидаться с Хью Элсингом.

Мелани захлопала в ладоши.

— Замечательно! Просто великолепно! Не могла бы ты задержать там Эшли хотя бы до пяти часов? Если он приедет домой раньше, то как раз застанет нас за украшением пирога или еще за чем и весь сюрприз пропадет.

После этого Мелани поспешно дописала письмо.

Дорогая Розмари, ревность так разъедает душу, что я даже предпочла бы быть обманутой, нежели жить в постоянном страхе предательства! Если я не могла бы доверять Эшли и не верила, что он любит меня, я бы сошла с ума.

С самого детства я знала, что мы с Эшли предназначены друга для друга. Ведь он мой кузен, а «Уилксы всегда женятся на кузинах». Нас миновали терзания влюбленных до помолвки — сомнения, любим ли мы друг друга. Я знала, что должна выйти замуж за Эшли, и любила его. Как можно не любить Эшли?

И все же порой я задаюсь вопросом: не могло ли все сложиться иначе?.. Возможно ли, что страсть Скарлетт сильнее и глубже моей, или я начиталась романов?

Всегда ли любовь должна быть такой загадкой?

Мелани подписала и запечатала письмо. Внизу Порк с дядюшкой Питером спорили, как раскладывать летние циновки. В воздухе стоял запах воска для натирки мебели и пекущихся пирогов.

Всю войну Мелани страшно боялась за Эшли. Пуля меткого стрелка, одна из бесчисленных болезней, что косили людей, ослабленных голодом и лишениями... существовало множество способов уничтожения, которые могли отнять у нее бесценного мужа. Мелани Гамильтон Уилкс склонила голову и вознесла хвалу Господу.

Глава 44

ЖЕЛАНИЕ

Слишком долго сдерживаемое желание разъедает душу.

Солнце, лившееся в окна, освещало книги заказов и календарь, на котором прошедшие дни были зачеркнуты крест-накрест. Все кругом покрывала древесная пыль: подоконники, полки, письменный стол с выдвижной крышкой и шляпу Эшли.

Эта шляпа была их немым свидетелем.

Мужчина и женщина наедине, после стольких лет разлуки.

Скарлетт заметила седину в волосах Эшли и подумала:

«Он уже никогда не будет молодым». От этой мысли хотелось оплакивать и его, и себя.

Скарлетт не была с мужчиной с тех пор, как зачала Бонни. Эшли не был с женщиной восемь лет.

Субботний день. Ноющие пилы умолкли и лежат, смазанные маслом на выходной, никто не бросает с треском бревна в кучи, не слышно окриков мастеров. С работниками рассчитались, и все ушли по домам. В солнечных лучах кружат пылинки.

— Дни становятся длиннее, — произнес Эшли.

— Да-да, — ответила Скарлетт.

Весенняя муха, одна из тех толстых, ленивых созданий, что появляются, когда теплеет, билась в окно, пытаясь выбраться наружу. Она умрет, как и все твари, созданные Богом, так и не осуществив своего желания.

Скарлетт О'Хара, размышляя, как невыразимо печальна жизнь, ступила в объятия, которых ждала так долго.

Эшли и Скарлётт идеально подходили друг другу всеми изгибами тела.

Дверь со стуком распахнулась. На пороге стояли Индия Уилкс, Арчи Флитт и миссис Элсинг. Разинув рты.

Скарлетт погибла.

Глава 45

ОНА

Ретт Батлер несся верхом по темным улицам. Обманутый муж гнал коня галопом по Декатур-стрит до самой окраины и только тогда повернул назад, в Атланту.

Когда великолепный черный конь замедлил бег, Ретт в ярости вонзил шпоры ему в бока.

— Ты будешь слушаться, черт подери! Будешь!

Он не доверял самому себе. Это было хуже всего — знать, что не веришь себе. Четыре года. Четыре года он спал один, пока она мечтала об Эшли Уилксе.

Несколько часов назад Ретт заставил Скарлетт пойти на вечер к Мелани. О чем он думал? Эшли с Мелани изображали счастливую семейную пару. Мелани принимала Скарлетт как сестру, а в это время злой шепоток перелетал из уст в уста за дамскими веерами.

Рогоносец Ретт Батлер. О нет, она не отдала свое тело Эшли. Она отдала только свою проклятую, жаждущую, непрестанно питающую надежды, лукавую душу.

Он залпом осушил флягу. Потом вторую. Слепо проскакал мимо «Красной Шапочки». Макбет, приветственно поднявший руку, разочарованно опустил ее.

Батлер не мог вернуться домой, пока не обрел веру в себя. Нет, пока Скарлетт не запрется у себя в комнате, он туда ни ногой. «Домой». Ретт с презрением выдохнул это слово, будто сплюнул, меж копыт лошади.

Когда он вошел в гостиную, Скарлетт как раз собиралась украдкой выпить бренди. При виде Ретта она побледнела.

Вся его решимость растаяла как дым, хотя руки сами поднялись для удара. Он готов был убить ее на месте. Смерть излечила бы ее от томления по Эшли.

— Пьяный дурак. Уберите от меня свои руки!

— Я всегда восхищался твоим духом, милая. Особенно сейчас, когда ты загнана в угол.

— Ты не сможешь понять ни меня, ни Эшли. Ревнуешь к тому, что тебе недоступно.

Царственным жестом она вскинула голову и, оправив накидку, собралась уйти.

Он схватил жену. Прижал плечами к стене.

— Да, я ревную. А почему нет? О да, я ревную к Эшли Уилксу. К нему, к его породе. Мне известно, что он честен и благороден. И это, моя дорогая, самое большее, что я могу сказать тебе — или самому себе — по этому поводу. А мы не джентльмены, честью не обладаем, так ведь? Вот почему мы вечно зеленеем, как лавровый куст.

Ретт пошел за графином, и она в этот момент попыталась удрать.

Муж поймал ее у подножия лестницы. Руки скользнули под пеньюар по мягкой, гладкой коже.

Он хрипло прошептал:

— Ты выгнала меня из города, а сама бегала за Эшли. Ей-богу, в эту ночь нас будет в кровати только

двое!

Ретт поднял ее и понес по широкой лестнице большого дома, который он выстроил для своей невесты. Скарлетт дрожала, зачарованная его яростью. На площадке она набрала воздуха, чтобы закричать, но он зажал ей рот своими губами. Скарлетт была его созданием; он воспитал ее, обучал, посвятил себя ей. Она принадлежала ему, и он вправе делать с ней все, что захочет.

Батлер понес ее наверх, в темноту. Дыхание их смешалось.

У себя в спальне она раскрылась навстречу ему, словно цветок, а он растоптал этот цветок. Даже когда она позволила себе отдаться во власть любовного пыла, это не смогло утолить его голод.

Несколько часов спустя Ретт поднялся с постели, где была обессиленная Скарлетт. Он не знал, кто был победителем, а кто — жертвой. Глаза воспалились, губы горели, язык распух, тело было липким от пота, своего и ее. Он пах женщиной, которой овладел насильно.

— Господи, — прошептал Ретт Батлер, — я совсем как мой отец.

Глава 46

ЮДЖИНИЯ ВИКТОРИЯ БАТЛЕР

Когда родители Бонни Блу ссорились — а делали они это ужасно часто, — дом переполнялся злобой, и Бонни прижимала ладошки к ушам, чтобы ничего не слышать. Вчера был особенно плохой день. Взрослые собирались на праздник к тете Мелли, и Бонни думала, что все будут веселые, но днем на заднее крыльцо пришел Большой Сэм, и когда Мамушка услышала его рассказ, лицо у нее стало грустным, а очень скоро и у всех слуг стали грустные лица. Хотя они ничего не говорили Бонни, она понимала, что случилось что-то плохое.

Мама пришла домой и спряталась в спальне; потом вернулся папа Ретт и заставил ее пойти к тете Мелли на праздник. Бонни знала, что мама не хотела идти, но папа заставил.

В ту ночь Бонни не могла заснуть, а когда услышала внизу громкие голоса, приоткрыла дверь и увидела в щелочку, как папа Ретт несет маму наверх, как будто она малышка.

Они целовались. Хорошо бы они помирились и больше не ссорились.

На следующий день мама спустилась только к ужину, веселой, как киска, которую угостили свежими сливками, а папа Ретт ушел. На вопрос Бонни, когда он придет, мама таинственно улыбнулась.

— Когда перестанет чувствовать себя виноватым, радость моя.

Весь вечер она мурлыкала себе под нос, а после ужина достала стереограф. Уэйд, Элла и Бонни уселись вместе с ней на диван и по очереди смотрели картинки — большую реку в Китае и китайцев в шляпах, похожих на перевернутые миски.

Мама надеялась, что папа Ретт вернется домой, но он не пришел. Ни в этот день, ни на следующий, ни на третий. Мама перестала напевать и всем отвечала коротко, а когда Уэйд предложил вытащить стереограф и посмотреть картинки, то раскричалась.

Наконец папа Ретт вернулся, и они опять поругались — хуже некуда! Папа так разозлился на маму, что бросил сигару на ковер в гостиной, отчего провонял весь дом!

А потом Мамушка, притворяясь веселой, сложила одежду Бонни и сказала, что Бонни сейчас ненадолго уедет вместе с папой, но ее глаза в морщинках были грустные.

— Мамушка, — спросила Бонни, — а что такое развод?

— И думать забудь! Ничего такого они не сотворят!

Когда Мамушка вздохнула, она вся колыхалась.

На вокзале их ждала Красотка Уотлинг.

Когда Бонни познакомили с Красоткой — это имя Бонни часто слышала, когда мама злилась, — девочка, отпрянув, спросила:

— А вы правда падшая женщина?

Улыбка на лице Красотки поблекла, затем вновь расцвела.

— Ну, милая, похоже, так и есть.

— А откуда вы упали? — спросила Бонни.

— Не с очень большой высоты, милочка. Так я думаю.

И Красотка, взяв девочку за руку, помогла ей подняться в пульмановский вагон.

Бонни была в восторге от поезда. Она никак не могла понять, как кушетки превращаются в кровати, и не успокоилась, пока три раза не заставила проводника их сложить, и разложить.

Бонни Блу знала, что ее мама — самая красивая на всем белом свете; королевы на картинках в книжках все были точь-в-точь как мама. А папа Ретт был самым добрым, самым умным, самым веселым и еще на лошади скакал лучше всех. Пожалуй, его черный конь даже обогнал бы ее пони!

И еще она знала, что родители любят ее и друг дружку. Так почему же они не могут так прямо и сказать и больше не ругаться?

Но то было прежде, а сейчас Бонни носилась по всему вагону, а Присси пыталась ее поймать.

— Осторожней, стол! Не выходи за ту дверь! Мы въезжаем в туннель! Закрой глазки!

За окном мелькали окрестности. Фермеры вспахивали землю, оставляя за собой блестящие красные борозды. В городах люди садились и сходили с поезда, стояли на платформе, приветствуя друг друга и оживленно болтая, катились багажные тележки, звенел колокол, кондуктор кричал:

— По вагонам! — и последним запрыгивал в поезд.

«Интересно, — подумала Бонни, — а что будет, если он не успеет?»

Сидя на коленях у Красотки Уотлинг, девочка расспрашивала о водяных лилиях на лесном болоте, которое они проехали, и о почерневшем доме плантатора на холме.

— Там привидения?

— Да, детка. Не волнуйся, они тебя не тронут.

Когда сели обедать, папа Ретт отпустил комплимент Красотке о ее платье, и она зарделась:

— Мисс Смизерс помогает мне притворяться леди.

Папа грустно улыбнулся.

— Красотка, милая Красотка! Увы, желания сердца не подвластны нашему выбору.

— Вы думаете, я этого не знаю, капитан Умник? — резко ответила Красотка, — Мне ли не знать о желаниях?

Он рассмеялся, как раньше, и смех Бонни рассыпался колокольчиком, даже Красотка не выдержала деланой серьезности и прыснула.

На следующее утро Бонни, встав на сиденье, смотрела, как поезд въезжает в Чарльстон. Когда отец предложил ей руку, чтобы провести по большому кирпичному зданию вокзала, девочка отказалась, захотев идти сама, но позволила поднять себя в кеб.

Бонни была рада встретиться вновь с кузеном Луи Валентином. Пока отец разговаривал с тетей Розмари на всякие взрослые темы, Красотка с Присси взяли детей на прогулку — посмотреть на корабли. Присси болтала с Красоткой, словно та не была падшей женщиной.

Бонни хотелось подольше погостить в Чарльстоне, но папа сказал, что такой возможности нет. Девочка дулась до самого вокзала, пока они не сели в любимый зеленый вагон.

Там она пообедала и забралась в кроватку. Бонни боялась темноты, и отец оставил свет, чтобы ей было не страшно за плотной шторкой.

Проснувшись, она увидела в окно болота с кипарисами, которые уступили место сначала лачугам, а потом и более внушительным зданиям. Сбоку побежали еще одни рельсы — поезд проезжал мимо старых каменных домов.

— Вьё-Карре. По-французски это значит Старый квартал.

Поезд катил по дамбам, а внизу виднелись верфи и корабли на большой реке. Бонни ужасно понравились пароходы, и она ныла до тех пор, пока папа Ретт, смеясь, не пообещал — да, да, да, они обязательно покатаются на парходе.

И тогда девочка заявила:

— Мне пришлось оставить своего пони, а я по нему ужасно соскучилась. Но я буду скучать чуть-чуть меньше, если покатаюсь на парходике.

Глава 47

КАТОЛИЧЕСКИЙ ГОРОД

Чудесное весеннее утро во Вьё-Карре: звон церковных колоколов гулко разносится по узким улочкам, цветут райские цветы, а за коваными оградами с деревьев падают перезрелые лимоны и апельсины.

Красотке Уотлинг вспоминалось, как она приехала сюда беременной молоденькой женщиной.

— Что ты сказала, Красотка? — спросил Ретт.

— Похоже, я разговаривала сама с собой. Думала о том, что Новый Орлеан казался мне когда-то самым большим городом в мире.

И добавила:

— Боже милостивый, как же мне тогда было страшно.

Ретт помог ей сесть в открытое ландо.

— Помнишь, как мы с тобой встретились у гостиницы «Сент-Луис»? А женщину, которая была с тобой, Диди? Господи, такой красоты я в жизни не встречала! И ярче ее красной шляпы никогда не видала. Я порой все еще мечтаю о той шляпе... — Она дотронулась до руки Ретта. — Если бы ты не нашел меня в тот день, я...

— Но я нашел, Красотка, — улыбнулся Ретт, — Порой все оборачивается лучше, чем мы ожидаем.

Красотка знала, что брак Ретта к числу таких счастливых случайностей не относился. Нелепый поступок Уилкса и Скарлетт породил нечто ужасное. Красотка никогда не видела Ретта столь опустошенным и печальным.

Ландо остановилось у дома 12 по Ройял-стрит.

— Полагаю, будет лучше, если ты повидаться с Тэзом наедине. Не хочу, чтобы его неприязнь все испортила. Я вернусь через час.

— Но, Ретт!..

Он помог ей слезть и вручил коробку с вещами Эндрю Раванеля.

— Иди, Красотка. Смелее.

Подковы лошади застучали по старой мостовой.

Красотка переложила посмертные дары Эндрю из бумажного пакета Исайи в красивую шкатулку светлого дерева, которая внушала больше почтения. Теперь, с коробкой в руках, она переживала, что не подыскала шкатулку получше — например, орехового дерева. «Ну же, Рут Уотлинг! — подстегнула она себя. — Не будь нюней!» И дернула шнурок колокольчика сильнее, чем хотелось.

В мучительном ожидании она прислушивалась к шагам на дорожке и скрежету отодвигаемых засовов. Калитка, распахнувшись, скрипнула.

— Маман!

— Ты отрастил бороду! — расплакалась Красотка.

— Я как раз собирался выйти... Какой приятный сюрприз! Пожалуйста, входи.

Маленький садик показался Красотке прелестнейшим. Лаймовое дерево благоухало сильнее некуда. А какая чудная скамеечка! И что за очаровательный прудик! И дом — неужели это дом ее сына? Замечательный дом! Красотка высморкалась в носовой платок.

Тэз широко раскинул руки.

— Маман, это все твое!

Красотка почувствовала себя как зверь, учуявший западню:

— Тэз, мой дом в Атланте.

— Входи, маман, — поспешил подстроиться Тэз, — Я приготовлю чай. Английский. Или, может, лучше воды или бокал вина?

— Тэз, кто бы мог подумать... — Красотку охватил материнский восторг. — Как ты отлично устроился!

— Маман, я сделал все это ради тебя. — На лице молодого человека вспыхнула знакомая улыбка. — И я не всегда такой важный. Совсем не всегда. Почему ты не сказала, что приедешь? Bon Dieu, как же я счастлив! Позволь показать тебе дом.

Он положил шкатулку Красотки на подоконник и повел мать на кухню, где едва хватило места для них двоих.

— О, — воскликнула Красотка, — здесь так уютно!

Балкон передней спальни выходил в сад.

Тэз сказал:

— Это будет твоя комната.

Но Красотка притворилась, что не слышит.

Задняя спальня имела отдельную лестницу — идеально, подумалось Красотке, для молодого человека, который может поздно приходить домой.

В гостиной в глубине дома Тэз предложил матери сесть, обязательно в новое кресло, саффолкское.

— Сделано в самом Нью-Йорке, — сообщил он.

— Удобнее кресла и не припомню.

Когда восторги наконец иссякли, в комнате воцарилось молчание. В саду громко щебетали птицы.

— Я соскучилась по тебе, Тэз, — произнесла Красотка.

— Я тоже скучал, — Сын, поддавшись внезапному порыву, встал перед ней на колени и сжал руку, — Я полноправный партнер мистера Ж. Николета. У нас очень неплохое дело и четверо служащих.

Красотка ласково улыбнулась сыну.

Он провел ладонью по лбу. Знакомый жест напомнил Красотке бывшего маленького мальчика, и из ее глаз хлынули слезы.

— Ты знаешь, чего я хочу, — сказал Тэз. — Никогда не мог тебя провести.

Красотка, подойдя к окну, распахнула ставни.

— А я и забыла, как все буйно цветет в Новом Орлеане, — промолвила она.

— Ты переедешь ко мне?

Красотка обернулась к нему с робкой улыбкой.

— Тэз, у меня бизнес, за которым нужно приглядывать.

— Продай. Ты не будешь ни в чем нуждаться. Я обеспечу...

— Спасибо, мой мальчик, благодарю тебя от всего сердца, но я не могу.

— Маман, — Тэз просил, как ребенок, — здесь, в Новом Орлеане, ты стала бы леди.

Красотка чуть не расхохоталась. Красотка Уотлинг — леди!

— Нет, мой дорогой. Я только все испорчу. Подумай, что скажет Николет, узнав, что твоя мать — обыкновенная...

Звон колокольчика спас Красотку.

— Открой калитку, Тэз, — попросила она, — Мы с Реттом расскажем тебе кое-что важное.

Стоя за калиткой, сжимая крохотную ручку Бонни Блу в своей, Ретт Батлер погрузился в такое настроение, когда самые глубокие привязанности окрашивает грусть, а любовь по большей части состоит из утрат.

Как мальчик, которого Ретт забрал из сиротского приюта, превратился в молодого человека, стоящего перед ним?

— Добро пожаловать в мой дом, сэр. Я должен перед вами извиниться.

— Это Бонни Блу, — сказал Ретт.

— Здравствуйте, — тоненьким голоском пролепетала Бонни. — Мне четыре года. У меня был день рождения.

Тэз улыбнулся.

— День рождения — это очень весело. А ты уверена, что тебе четыре? Для четырех ты высоковата.

— Я очень высокая, — заверила его девочка. — И у меня есть пони.

— Пони! Вот это да!

Тэз повел их в сад.

Красотка со шкатулкой на коленях ждала их на круглой каменной скамье под лаймовым деревом. Бонни помчалась к крошечному пруду, где под ковром из водяных лилий мелькали золотые рыбки.

— Я подумала, нам лучше поговорить на улице, — тихо сказала Красотка. — Правда, чудесное место, Ретт?

— Сэр, я должен извиниться, — снова начал Тэз. — Я был неблагодарным идиотом. Я...

Ретт прижал палец к губам:

— Шшш...

— Сэр, я...

— Ничего страшного, Тэз, — улыбнулся Ретт, — По целом размышлении я рад, что все закончилось, — Он сжал руку Красотки, — Мы с твоей мамой... долгие годы были хранителями репутации одного человека. Человека, который мог потерять больше, чем мы. Эндрю Раванель был одним из храбрейших солдат Конфедерации. В последние минуты своей жизни он думал о тебе.

— Но...

Тэз открыл шкатулку и, не понимая, уставился на револьвер, полковничьи эполеты, серебряные часы и сложенный листок бумаги.

Поскольку золотые рыбки не хотели показываться из-под листьев кувшинок, Бонни подбежала к взрослым и, встав на цыпочки, попыталась разглядеть, что в коробке у молодого человека. Может, и у него сегодня день рождения?

Самые уважаемые жители Эллсворта, — сказал Ретт, — подарили эти часы твоему отцу, Тэз. Вот дарственная надпись.

Тэйзвелл повертел в руке тяжелые часы.

Merde!

[74]Вы утверждаете, что Эндрю Раванель мой отец? Полковник Эндрю Раванель? Почему вы позволили мне думать, что я ваш незаконнорожденный сын? Отчего было не сказать правду?

Прочти записку, милый, — тихо сказала Красотка.

Тем, к кому это имеет отношение.

Я признаю Тэйзвелла Уотлинга своим сыном и завещаю ему эти вещи. Надеюсь, он разумнее распорядится своей жизнью, чем я.

Эндрю Раванель, полковник Конфедеративных Штатов Америки.

Тэз сложил записку. Вновь развернул ее и пристально поглядел.

— Тэз, — тихо сказал Ретт, — сядь, прошу тебя.

Он послушался, и мать обвила его рукой.

Ретт глубоко вздохнул:

— Ты права, Красотка, чудесный сад. Я всегда любил Новый Орлеан. Католический город, терпимый, чувственный и мудрый. Низины, где мы выросли с твоей мамой, Тэз...

Батлер запнулся и начал по-другому:

Там жизнью и смертью распоряжались плантаторы вроде моего отца, Лэнгстона Батлера. Всё и вся на плантации Броутон принадлежало хозяину. Рабы Лэнгстона, надзиратель и его дочь, лошади, жена и дочь Лэнгстона... — Ретт кашлянул, — Даже старший сын-отщепенец. Вольно обращаться хоть с крупницей имущества Лэнгстона значило шутить с самим хозяином.

Красотка вздохнула.

— Как же давно это было.

— Тэз, история, которую мы должны тебе рассказать, длинная. Найдется у тебя бокал вина?

Тэз вместе с Бонни пошли в дом, а Ретт в это время прогуливался по саду, сунув руки в карманы и тихо насвистывая.

Вернувшись с подносом, Тэз осторожно поставил его на скамью.

— Я не буду вино. Я еще слишком маленькая, — заявила Бонни и, вновь убежав к пруду, легла на край, чтобы рыбки ее не заметили.

— Мы с мамой, — начала Красотка, — держали лечебницу в Броутоне, и я иногда приезжала в Чарльстон к аптекарю за хинином. В один прекрасный день я встретила там Эндрю. Мы влюбились друг в друга с первого взгляда. Не смейся надо мной, Ретт. Знаешь, такое случается. Да верно уж, знаешь. В тот же

день мы с Эндрю пошли гулять в парк Уайт-Пойнт, болтали без умолку и глаз не могли отвести друг от друга. Прямо пожирали друг друга глазами. Потом я на пароме вернулась в Броутон, однако не особенно удивилась, когда одна негритянка передала мне записку, что Эндрю будет ждать меня в трактире Уилсона. И начались наши встречи. Прошло не так уж много времени, как мы занялись тем, чем, по словам священников, не положено. Но я никакими угрызениями совести не мучилась, да и если бы мама узнала, она бы ничего не сказала. Ни с кем из родни или приятелей-повес Эндрю я не была знакома. А однажды утром к трактиру Уилсона подъехал Ретт Батлер — и все решили, что мы с ним... Эндрю скрывал нашу связь. Я всегда знала, что жениться он не собирается.

— Отец Эндрю, Джек, — вставил Ретт, — продал свою землю, когда заставила нужда, и написал чертову уйму долговых расписок по числу глупцов, готовых им поверить. Он обожал лошадей.

— Покажитесь, рыбки, — пропела Бонни, — Я не трону нас.

— Каким-то образом мой отец и Джек Раванель оказались втянуты в синдикат по комиссионной продаже риса. И когда тот лопнул, у отца оказались все расписки Джека, что тяготило обоих: отца — потому что дожидаться от Джека оплаты было маловероятно, а полковника — потому что единственным человеком в Каролине, который мог выжать из него хоть доллар, был Лэнгстон Батлер. Лэнгстон дал понять Джеку, что терпение его на исходе. Он мог разорить Раванеля, и тот это знал. Когда полковник Джек узнал об Эндрю и твоей матери, он очень разволновался. Если Лэнгстон обнаружит, что сын должника путается с дочерью его надзирателя, это станет последней каплей. Джек запретил Эндрю видеться с Красоткой, но юноша не послушался. Джек всегда любил иметь тактическое преимущество, а если не получалось, то он рассчитывал на фактор внезапности. Я долгие годы этого не понимала: злой, сбитый с толку Ретт Батлер был как раз таким фактором, джокером, выложенным в последний момент. И это сработало.

Мой отец был так занят моим изгнанием, что так и не прослышал про Эндрю с Красоткой.

Ретт устроился на окне — его длинные ноги едва касались земли — и достал портсигар. Предложил сигару Тэзу.

Тот отказался.

— Эндрю был самолюбив, заносчив, часто впадал в меланхолию, но мы с ним дружили. Когда я, опозоренный, вернулся из Вест-Пойнта, то поселился у Раванелей.

— Джек научил тебя пить, — жестко сказала Красотка.

Ретт рассмеялся.

— Никто, кроме меня самого, в этом не виноват. Я был отчаянно-несчастен, а Джек предоставил в мое распоряжение виски и темную веранду. И, дав мне время вдоволь повариться в собственном соку, поведал о том, что его сын спутался со шлюхой — прости, Красотка, — а если я друг Эндрю, то выручу его. Многое позабылось с тех времен, но одно утро я помню...

— Чтобы я испортил Эндрю все удовольствие? Да ладно тебе, Джек!

Речи полковника извивались, словно змея, которую переехали на дороге колесом. Джек привел десять тысяч доводов, почему Ретт должен помочь Эндрю. Батлеру все осточертенело, и он, полупьяный, жалел, что не послал старика Раванеля подальше. Может, заткнется, если кивнуть...

— Значит, поговоришь с ним? — обрадовался Джек.

В трактире Уилсона? Ну, парень, ты молодчина. И не отнекивайся. Если отец потаскушки узнает об этом, то ни слова.

Ретт до того устал от Джека и от самого себя, что лучше уж было куда-то ехать на рассвете.

Текумсе бежал так мягко, будто скользил по стеклу. Черная вода реки начинала серебриться, по сторонам дороги замерцали фонари полевых рабочих. Ретт добрался до Саммервилльского перепутья. Когда он свернул в конный двор Уилсона, то увидел там Эндрю — тот вышел покурить.

— Слава богу, Ретт. Наконец-то ты здесь.

В комнате наверху светилась лампа — там Красотка ждала своего возлюбленного. В эту ночь она сказала Эндрю, что носит его ребенка.

Эндрю стиснул Ретту руку.

— Она хочет, чтобы я на ней женился. Но я не могу, ты же знаешь, нельзя мне. — Эндрю попытался мрачно пошутить. — Кроме меня, у отца другого ценного товара не осталось.

Спустилась Красотка, светясь любовью и красотой.

— Эндрю? Ты с кем тут?.. А, молодой господин Батлер.

Мы с Эндрю... вместе проводили время. А сейчас мне пора домой. Вы не отвезете меня, молодой господин?

Ретт так и сделал. Когда двое выехали на главную дорогу, взошло солнце. Рабы на полях молча провожали их взглядами.

В голове у Ретта было ясно — последний раз он чувствовал себя так при отъезде из Вест-Пойнта. Несравненно легче, чем минувшие несколько месяцев. Батлеру совершенно нечего было терять.

Красотка прижалась теплой щекой к его спине.

— Вы любите кого-нибудь, господин?

— Свою сестру, Розмари...

— Ну разве это не счастье? Разве не лучше любить, чем быть любимой?

С той утренней поездки прошло двадцать четыре года.

Ретт Батлер положил руку на плечи Тэзвелла Уотлинга и сказал:

— Dites moi qui vous aimez, et je vous dirai qui vous etes. Скажи мне, кого ты любишь, и я скажу, кто ты.

По предложению Тэза пошли обедать к Антуану, где официанты суеились вокруг матери мистера Уотлинга и маленькой дочки капитана Батлера. Красотка сказала, что сегодня — самый счастливый день в ее жизни.

На следующий день они сели на поезд, шедший в Батон-Руж, чтобы встретить партнера Тэзвелла. Пока Ретт с Тэзом и Николетом обсуждали общих знакомых, Красотка с Присси и Бонни прогуливались вдоль заводи, где Присси чуть голову не потеряла от страха, когда безобидное на вид бревно вдруг обернулось аллигатором.

В Батон-Руже поели в рыбацкой закуской. Бонни понравилась кровяная колбаса, зато от вида лангуста ее передернуло.

— Это большой паук! — твердила она.

Вернувшись в Новый Орлеан, они сходили на скачки и во Французскую оперу на «Женитьбу Фигаро». А одно утро по желанию Бонни целиком потратили на катание туда-сюда на конке по рельсам.

— Я хочу, чтобы мама была здесь! — подняла она личико к Ретту.

— Да, милая. И я хочу, — с грустными глазами ответил Ретт.

В эти несколько счастливых дней шли тропические ливни, которые охлаждали землю и сразу испарялись, превращаясь в туман.

Ретт забыл, что обещал покатать дочку на пароходе. И жалел об этом невыполненном обещании всю оставшуюся жизнь.

Глава 48

МИСС МЕЛЛИ ПРОСИТ О ПОМОЩИ

Спустя год с лишним после того, как Ретт с Бонни посетили Новый Орлеан, Мелани Уилкс писала подруге:

Дорогая Розмари!

Надеюсь, что письмо застанет тебя в добром здравии и расположении духа. Нравится ли тебе преподавание в Женской семинарии?

Уму непостижимо, как две отсталые от жизни растяпы вроде нас стали лучшими подругами?

Сейчас у нас доктор Мид, он за дверью дает всевозможные инструкции Питтипэт. Добрый доктор постоянно предостерегает меня и оставляет множество разноцветных микстур и пилюль. Когда мужчины могут что-то починить, они и чинят. А если ремонту уже не подлежит, они недоуменно хмыкают и суетятся!

Несмотря на то что доктор Мид корит меня за положение, в котором я нахожусь — в его глазах читается упрек, — он не может высказать его, не нарушив приличия. Разве осмелится хоть кто-нибудь сказать жене, что она должна отказаться от ласк своего мужа?

С Эшли он не так сдержан, и мой супруг, чувствуя свою вину, избегает его.

Когда доктору Миду удастся устроить ему засаду, Эшли приходит в мою комнату в таком раскаянии, что мне нужно поднимать ему настроение. Фальшиво бодрая жена и кающийся муж: ну и парочка!

Доктор Мид стыдит Эшли за мою беременность. Но Эшли джентльмен, а ни один джентльмен не может согласиться, что его тихая, болезненная супруга была настоящей Саломеей, перед соблазнами которой не устоял беспомощный мужчина.

Да, дорогая Розмари, поверь, эта не вполне правдоподобная история — истинная правда, и простушка, когда терпеть невмочь, становится заправской Саломеей!

Год назад, в апреле, Скарлетт с Эшли дали выход — всего лишь на мгновение — порыву, который подавляли многие годы. Сестра Эшли, Индия, Арчи Флитт и престарелая миссис Элсинг — первая сплетница Атланты — застали их в объятиях друг друга. Индия, естественно, с этой новостью примчалась ко мне — а тогда еще и день рождения Эшли был, в доме полным ходом шли приготовления, в саду приветливо светились японские фонарики.

Милая Розмари, когда нечто подобное касается нашей семьи, я становлюсь сущей тигрицей, и я прекрасно понимала, что могу разбить два брака, свой собственный и твоего брата, когда Индия со злорадным удовольствием сообщила мне о сцене, свидетельницей которой стала. Она всегда терпеть не могла Скарлетт.

Я подумала про себя: «Индия, ты же сестра Эшли! Как ты не понимаешь, что брату, которого ты любишь, придет конец, равно как и женщине, которую ты презираешь?»

И я заявила, что Индия лжет. Сказала, что муж и близкая подруга никогда бы не предали меня. После чего выгнали ее из дому. Когда слова Индии подтвердил Арчи Флитт, и его постигла та же

участь. Впоследствии Арчи начал изрыгать гнуснейшие угрозы — не мне, а Скарлетт с Реттом! Боюсь, они нажили себе врага.

Когда мой изменник вернулся домой, я не дала бедняге ни одного шанса на извинения, а встретила его объятиями, которые, уверена, были более пылкими и знакомыми, чем объятия Скарлетт!

Эшли отчаянно хотел признаться. У него прямо губы дрожали, так он тяготился своей виной. Но я остановила его покаяние поцелуем.

Честность — грубый инструмент: рубит плеча, когда нужно подровнять! Я не могла позволить мужу признаться, потому что не способна простить!

Скарлетт с Реттом прибыли в самый разгар праздники. На пороге нашего дома я пожала неверную руку подруги и на глазах у всех ей улыбнулась.

В тот вечер среди гостей были известные люди, некоторые настолько выдающиеся (и рассеянные), что до них не дошла весть о падении Эшли. Широкие натуры согласились с моим доверием мужу и подруге. А циники посчитали меня глупой клушей и хихикали за спиной.

Но скандал погасила моя репутация.

В ту ночь, когда гости разъехались по домам, Эшли в самой примитивной и убедительной манере доказал, что он мой и только мой.

Эшли и Мелли были словно новобрачные. Мы беседовали о книгах, искусстве, музыке — ни слова о политике или торговле, — а ночи были наполнены такой чувственностью, что стыдно вспомнить! Мы ни разу не заикнулись, во что может вылиться наше вожделение. Наверное, надеялись, что после трудных родов еще одного зачатия не получится.

Но поскольку я верю, что Бог не может быть бессердечен — Ему все ведомо, то я готовлюсь к родам.

Если выживу, на то воля Божья. Если нет, то молюсь, чтобы выжил ребенок. Она такая умненькая и сильная, и так хочет жить. Говорю «она», ибо уже сроднилась с ней ближе, чем могла бы с мальчиком. Я верю в нее. И рассказываю ей, что ее отец был создан для лучшего мира, чем та неразбериха, к которой мы привыкли. Я убеждаю свою дочь создать свой мир, где могли бы жить в чести и спокойствии благородные души вроде Эшли.

Розмари, это должно быть осуществимо! Мы родились в девятнадцатом веке, стоящему у врат рая, где больше не будет войн и всех ждет счастье!

Что моя дочь узнает о нашем мире? Если жизнь до войны представляется мне весьма отдаленной, какой она покажется ей?

Станем ли мы, конфедераты, сентиментальными привидениями? Наши страсти, сомнения и желания превратились в далекую идиллию, где полно верных темнокожих, плантаций и домов с белыми колоннами, а еще приветливых господ, чьи манеры столь же безупречны, как и одежда.

О, Розмари, наши жизни разделились на «до», с каждым днем отодвигающееся все дальше, и «теперь», которое столь ново, что еще не просохла краска.

Какая же я неблагодарная! В окно светит солнце, я слышу крики играющих детей, а сама в это время предаюсь грустным фантазиям.

Милая Розмари! Я приоткрыла истинную цель своего письма. Ты должна приехать в Атланту.

Я придаю большое значение твоим обязанностям в школе, но умоляю тебя подумать о брате.

Когда Бонни Блу убилась, Ретт так горевал, что я испугалась за его рассудок.

Как легко все могло пойти по-другому! Малютка Бонни могла не понукать своего неповоротливого пони прыгать через те барьеры. Пони мог не споткнуться. Дети падают с лошадей каждый день. Порой Питтипэт очень волновалась, когда Чарльз слетал с лошади. Но большинство детей не погибает, упав с пони.

Смерть Бонни в буквальном смысле разбила сердца ее родителей, как ты, конечно, понимаешь.

Целые четыре дня Ретт оставался подле бедной мертвой дочурки, не позволяя гасить свет. Он просто не вынес бы, если бы ее сразу похоронили — навечно погрузили бы во тьму, которой она так боялась!

До сих пор трудно поверить, что ее нет. Порой, заслышав стук копыт, я выглядываю на улицу в надежде завидеть Бонни Блу на ее толстеньком пони рядом с гордым отцом, который сдерживает ход черного жеребца, принаравливаясь к ней.

Тем, кто считает Атланту бездушной, следовало бы посмотреть, как скорбел весь город по этой девочке. На похороны пришло столько народу, что не меньше сотни осталось стоять за порогом, не поместившись внутри.

И если смерть Бонни нанесла твоему брату страшный удар, то распад брака просто уничтожил его.

Розмари, Ретт в глубине души — влюбленный. Удачливый бизнесмен, авантюрист, светский денди — все это костюмы, в которые рядится вечный влюбленный.

Бонни Блу была последним связующим звеном в их браке. Ретт видел в ней неиспорченную Скарлетт, такую, которая любит его без оглядки. А Скарлетт любила Бонни как свое новое воплощение, как образ той, кем она могла бы стать, если бы только, если... Бонни знала, что ей нужно, а Скарлетт — нет, и пока Скарлетт пускала пыль в глаза, Бонни вызывала наше искреннее восхищение.

Ретт со Скарлетт всегда были на ножах; ныне же бой идет не на жизнь, а на смерть — столкновение двух бесприютных душ. С ними сейчас очень тяжело: в общении появилось столько горечи и усталости, возродилось множество былых упреков, взаимные уколы все наносятся вновь и вновь, а раны от них не заживают.

Розмари, ты нужна брату.

Я мало что видела. Как-то раз, когда была совсем юной, мы с Питтипэт и Чарльзом ездили в Чарльстон. Мне он показался гораздо более искушенным, чем Атланта! Мы останавливались в гостинице Миллза (интересно, существует ли она еще?), и там, в столовой, мне подали улиток вместе с прибором, которым следовало придерживать раковину, другой рукой нанизывая мясо, чтобы вытащить наружу. Я подумала, что это щипцы для колки, и пыталась с атлантовским упорством расколоть раковину, пока наш добрый официант не спас меня: «О нет, мисс! Мы в Чарльстоне делаем иначе!»

И я стала подозревать, да и сейчас уверена, что в Чарлистоне многое делается иначе — то, чем в занятой Атланте пренебрегают или не делают вовсе.

Я не помню своего отца, а мать вспоминается как тепло — присутствие, вроде тепла той печи, где пекут хлеб. Припоминаю касание ее руки, нежное, словно крыло бабочки. Когда наши родители умерли, мы с Чарльзом переехали к Питтипэт: двое детей, чья опекуниша сама едва достигла совершеннолетия. Взрослым у нас в доме был дядюшка Питер! Как весело мы проводили время! Глупость тетушки (раздражавшая взрослых) очаровывала нас, и среди детей добрая душа Питти и ее

простота обращались в нечто похожее на мудрость.

Однажды она поспорила, что мы не сможем обогнать двуколку мистера Боуэна (нашего соседа, он держал известных скакунов). Мы с Чарльзом спрятались в кустах и, когда Боуэн свернул на нашу улицу, выскочили перед ним и ринулись вперед во всю силу своих маленьких ножек, а он (предупрежденный тетушкой Питти) сдерживал лошадей, чтобы мы смогли выиграть. Припоминаю, что призом за это было обычное овсяное печенье, по две штуки каждому, — но лучше я за всю жизнь не едала. И только став взрослой, я поняла этот обман — разве двое малышей могли обогнать быстрого скакуна? Боже милостивый!

Теперь, когда мы выезжаем в воскресенье после обеда, меня буквально относят к карете, как куль, и закутывают, будто младенца, от «жестокého августовского холода».

За городом Эшли вздыхает, завидя руины каждой знакомой плантации, чьи сады разрослись так буйно, словно земля до сих пор принадлежит чероки. Тогда я дергаю Эшли за рукав, и он с неохотой возвращается к действительности

Мы и теперь в Атланте многое «делаем иначе». Милая Розмари, мы почти оправились от войны и вполне процветаем. В базарные дни фермерские фургоны заполняют Пичтри и Уайтхолл от края до края. Газовые фонари установили чуть не до дома Питтипэт, а все центральные улицы покрыты утрамбованной щебенкой. По улицам проложили рельсы для конки! Нас вновь приняли в Союз, федеральные войска ушли на запад во главе с генералом Кастером, и в Атланте, слава богу, все хорошо.

Когда Луи Валентин вырастет, у него появятся блестящие перспективы. Атланта открыта новому веку, и для молодого человека при связях его дяди Ретта здесь много возможностей.

Какой практичной я стала и все же с особенной теплотой вспоминаю те непрактичные времена: Питтипэт, Чарльза и Мелани, играющих в жизнь!

Я скучаю по Чарльзу каждый божий день. В моем сердце он остался юношей, только что женившимся на Скарлетт О'Хара с плантации Тара. Должно быть, военная лихорадка так повлияла, если соединила двух столь неподходящих людей, моих любимых Чарльза Гамильтона и Скарлетт О'Хара.

Утешаюсь мыслью, что Чарльз умер счастливым новобрачным. Останься он жить, оба были бы несчастны.

Может, скоро с ним повидаюсь. Приятно будет спросить, что он думает о нашей жизни здесь, внизу.

С любовью,

Мелани Гамильтон Уилкс.

Глава 49

У СМЕРТНОГО ОДРА

Стоял октябрь. Было пасмурно, моросил дождь.

Мелани Уилкс умирала.

В гостиной своего особняка на Пичтри, прислушиваясь к тиканью часов, сидел Ретт Батлер. В руках у него была рюмка коньяка — урожая тех лет, когда мимо виноградников маршировали солдаты наполеоновской армии. Но горечь перебивала вкус.

Здесь принимали и губернатора Джорджии, и сенаторов, и конгрессменов Соединенных Штатов. Однако даже столяр, чинивший стулья, испытывал тут больше радости, чем Ретт.

В большом доме было тихо, как в могиле. После смерти Бонни Ретт стал избегать Эллы и Уэйда. Боялся, что взглянет на живых детей и подумает: «Почему Бонни, а не ты?»

Лучше бы ты...»

Мамушка и Присси забрали детей из дому поиграть. Когда шел дождь, Элла с Уэйдом играли в каретном сарае.

Ретт совсем забросил свой стол в Фермерско-торговом банке. Вчера — или за день до этого? — президент банка сам приходил, очень взволнованный. Их банк не вкладывал средства в «Норзерн пасифик», но, когда Джей Кук объявил о банкротстве, нью-йоркская фондовая биржа рухнула. По всей стране вкладчики бросились в банки забирать сбережения. Банки потерпели крах в Нью-Йорке, Филадельфии, Саванне, Чарльстоне и Нэшвилле; Фермерско-торговый не знал, хватит ли средств для удовлетворения требований.

— Ретт, — умолял президент, — ты поможешь?

И Ретт Батлер передал в залог свое состояние, поэтому и кладчики могли бы получить все сполна до единого цента. А раз могли, то и не пожелали получать.

Но его это не заботило.

Часы пробили шесть похоронных ударов.

Ветер, ворвавшись в тихую комнату, взъерошил волосы на затылке, и Ретт понял: Мелли умерла.

Мелани Уилкс была одним из немногих созданий, которую провести невозможно.

Приглушенный осенний свет совсем вытек из комнаты, и Ретт зажег газовые лампы.

Кого он любил: Скарлетт или ту, кем она могла бы стать? Обманывался ли он — любя образ больше, чем женщину из плоти и крови?

Однако и это его не заботило.

Не важно, изменяла ли она ему с Эшли Уилксом. Теперь Эшли свободен. Если она все еще хочет этого мужчину, пусть получает.

Тем вечером, вернувшись домой от смертного одра Мелани Уилкс, жена сказала Ретту, что любит его. Прежде Скарлетт ни разу этого не говорила, и Ретт мог бы поверить ей.

Но ему было все равно.

Ретт Батлер смотрел в светло-зеленые глаза, которые завораживали его столько лет, и ничего не чувствовал.

Глава 50

ХОЛМ ЗА ДВЕНАДЦАТЬЮ ДУБАМИ

Получив краткую телеграмму Ретта, Розмари уволилась из Женской семинарии, собрала вещи и отдала ключи от дома 46 на Чёрч-стрит брату Джулиану.

Луи Валентин первый раз ехал на поезде. Они переночевали в вокзальной гостинице «Августа», а на следующий день их встретил в Джонсборо Большой Сэм.

Богатые янки сдали внаем то, что осталось от плантации, охотникам на перепелов. Если не считать нескольких небольших полей, засеянных овсом для дичи, Двенадцать Дубов стали непроходимой чащей.

— Прячьте руки, молодой господин, — посоветовал Большой Сэм Луи Валентину, — если не хотите поцарапаться.

Аллея заросла ежевикой. Колючие ветки цеплялись за стенки коляски. На месте особняка высилась груда щебня, увенчанная кирпичными трубами. Рухнувшие колонны были наполовину погребены под ковром из плюща. Зато парадный подъезд недавно расчистили, и под колесами скрипели срезанные стебли, не видевшие солнца со времен войны. Блестящие фаэтоны останавливались подле шатких фермерских фургонов. Повсюду стояли стреноженные лошади, некоторые в рабочей упряжи. Негры собирались под старым каштаном, который солдаты Шермана не успели сжечь.

— Ближе подъехать не сможем, — сказал Большой Сэм, — до кладбища только пешком.

— Где мне найти брата, капитана Батлера?

— Наверное, с мистером Уиллом. Вчера они расчищали здесь подъезд.

Из окна одного экипажа высунулось приветливое лицо.

— Бог ты мой, неужто вы, мисс Розмари? И Луи Валентин здесь? Не робей, малыш.

— А, здравствуй, Красотка. Не знала, что ты была знакома с Мелани.

— Я очень уважала миссис Уилкс. Хотя я и не того круга, чтобы дружить с ней, миссис Уилкс всегда была ужасно добра ко мне. На заупокойную службу в церковь Святого Филиппа мне нельзя было прийти, но здесь все будет на воздухе, вот и подумала: приеду.

— Мелани бы не возражала.

— Миссис Уилкс обращала внимание на то, что других не заботило. Она была истинной христианкой!

— Да, верно. Как бы я хотела... — Розмари всмотрелась в лицо Красотки, — Мелли очень пеклась о моем брате.

Улыбка Красотки погасла.

— Верно. В жизни не видела Ретта таким несчастным.

Сначала потерял свою дорогую девочку, а теперь еще и это!

Что же с ним будет? Ведь они с мисс Скарлетт... уехал он от нее. Просто взял и уехал. Хотя у меня не остановился. Даже не знаю, где он живет! — Красотка промокнула платком глаза, — Нельзя раскисать. На похоронах нужно выглядеть пристойно.

Луи Валентин не отпускал руки Большого Сэма.

— Сердце кровью обливается, — сказал Сэм Розмари, — Когда-то Двенадцать Дубов были настоящей плантацией. Вот на этих низинах рос отменный хлопок — не какая-нибудь дешевка.

— Где мне найти капитана Батлера?

— На кладбище. Он уже пару дней туда ходит, — Большой Сэм помотал головой, — Капитан Батлер работает как ниггер! Хотите, понесу вас, молодой господин?

— Я сам умею ходить! — возразил Луи Валентин, — Мне уже семь лет!

Эстетическое чувство Уилксов выражалось во всех сторонах жизни Двенадцати Дубов. Вечеринки здесь славилась неудержимым весельем и красотой приглашенных дам. В гостиных изрекали изысканные острооты, привычные же для обитателей округа Клейтон темы пристрастия к выпивке, охоте и лошадям изживали без промедления. А с веранды, за пышными садами, открывался вид на сверкающие отмели реки Флинт.

Прежде тенистая дорожка позади усадьбы широкими уступами взбегала на вершину холма выше труб дома, где кованые ворота искусной работы впускали скорбящих на кладбище. Огромные дубы высились над поросшими мхом надгробными плитами. Ниже этого печального места располагались поля, дом и сады. В ясный день отсюда виднелись уголья Уилксов целиком, однако здесь, за стенами кладбища, все желания, гордость, богатство и власть приходили к своему смиренному заключению. Для Уилксов даже смерть имела эстетическое измерение.

Теперь каменные ступени покосились и разбились, а заросли ежевики цепляли Розмари за рукава. От дубов остались только пни; деревья пожрали костры солдат Шермана.

Среди надгробий паслись олени и дикие кабаны, а назидательность вида смазывалась буйством подростка, колючей ежевики и душащих деревья лиан.

Две самые старые могилы (Роберт Уилкс, 1725–1809; Сара Уилкс, 1735–1829) соседствовали с могилами их потомков. Здесь лежали родители Мелани — полковник Старт Гамильтон (1798–1844), «безвременно ушедший», и его жена Эми, «любящая мать».

Джон Э. Уилкс, отец Эшли, был похоронен рядом с супругой. Могила Чарльза Гамильтона, офицера Конфедерации, располагалась у стены, рядом с местом упокоения кузин.

Крошечные могильные плиты обозначали могилы младенцев Уилксов.

Ретт Батлер устало опустился на опрокинутое надгробие. Когда он поднял глаза, в них читалось столько боли, что Розмари вздрогнула.

— О Ретт, наша бедная Мели!..

Воротник у Батлера был расстегнут, сорочка испачкалась. Он смахнул волосы с лица, и на лбу осталась полоска красной глины. Голос звучал глухо, словно неживой.

— Все добрые души покинули нас. Бонни, Мэг, Джон и теперь Мели...

Мужчины, покрикивая, прорубали дорогу сквозь чащу, пока катафалк медленно двигался вверх по склону.

— Сестра... — начал Ретт. — Нет, прошу, не прикасайся ко мне. Боюсь, я этого не вынесу, — И добавил: — Я ушел от нее. Все думал... надеялся... — он расправил поникшие плечи, — верил, что мы из одного теста. Столько проклятых лет...

— Что же ты станешь делать, Ретт? Куда теперь двинешься?

— Кого это волнует?

Влажным платком Розмари стерла грязь со лба брата.

Луи Валентин изучал надгробия.

— Смотри, мама, он был совсем малыш.

Не в силах выносить страдания брата, Розмари подошла к сыну и прочитала: «Тернер Уилкс, 14 августа — 10 сентября 1828. Мечта нашего сердца».

Раздался хриплый голос Ретта:

— Старший брат Эшли. Если бы Тернер Уилкс проявил любезность выжить, Мелани вышла бы замуж за него, Эшли мог бы жениться на Скарлетт, а я бы не потратил попусту свою жизнь.

— Ретт, ты не можешь простить ее?

Он устало покачал головой.

— Конечно, я прощаю ее. Она такая, какая есть. Я не могу простить себя.

Стук копыт, скользящих по кособокому, грохот гужевых цепей, нервные советы сопровождающих катафалк... Экипаж со стеклянными бортиками достойно вывез покойную из церкви Святого Филиппа, но подъем по частично расчищенной круче был для него опасен. Колючки царапали стекло, и работникам из похоронного бюро приходилось отводить в стороны толстые ветви, чтобы оно не разбилось.

Позади Уилл Бентин вел лошадей семейного выезда. У места захоронения крепкие духом поддерживали детей и немощных. Бо Уилкс с побелевшим лицом вцепился в руку отца. Уэйд Гамильтон осторожно обогнул могилу Чарльза.

Маленькая Элла сжимала букет увядших хризантем. Глаза Скарлетт были полны непролитых слез. Половина округа Клейтон собралась здесь. Уилксы были уважаемой семьей, а сельские жители гордятся своей знатью.

Возраст и лишения оставили след на лицах знакомых Скарлетт. Вот Тони Фонтэйн, наконец вернувшийся из Техаса. А Алекс Фонтэйн женился на Салли Манро, вдове его брата Джо. Беатрис Тарлтон что-то шепчет Уиллу Бентину — наверное, насчет лошадей, их она любит сильнее собственных дочерей. У Рэнды и Камиллы Тарлтон на воскресных туфлях налипла красная грязь; придется их чистить завтра на работу в школу. Бетси Тарлтон держится за мать, подальше от своего брюзгливого толстяка мужа. Беатрис не обращает на Бетси никакого внимания.

Сьюлин О'Хара Бентин неприязненно поглядывает на Скарлетт. Уилл уже рассказал жене, что Скарлетт после похорон останется в Таре.

Поскольку ее брак разваливался месяц за месяцем, неделя за неделей, а порой Скарлетт казалось, час за часом, она утешалась, вкладывая средства в предприятия. Скарлетт всегда была проницательной. Разве не она устроила две самые прибыльные лесопилки в Атланте? Ретт утверждал, что железные дороги растянуты, что путей построено больше, чем перевозится пассажиров или грузов. Ничего, она ему покажет! И она приобрела облигации железнодорожной компании «Норзерн пасифик».

Ретт после смерти Бонни переместился в какое-то иное измерение — мир, для Скарлетт недоступный. Казалось, ничего из того, что она говорит, его не касается. Все самые искренние признания, равно как и вспышки гнева, его не трогали. Ретт смотрел на жену усталыми, грустными глазами, и у смертного одра Мелани Уилкс Скарлетт сидела одна.

Когда она уже устала сожалеть и виниться, то отправилась в центр города к своему агенту.

Железнодорожная компания Джея Кука служила единственной отдушиной в жизни Скарлетт. Без всяких усилий с ее стороны «Норзерн пасифик» неуклонно продвигалась на запад, а ее акции взмыли до небес. Истинно, Чудеса Природы!

Когда иссякли деньги, вырученные с лесопилок, Скарлетт заложила особняк на Пичтри-стрит. В последние дни жизни Мелани Скарлетт деньги брались уже под залог Тары.

Теперь Мелани нет, а железнодорожные акции стоят не больше сундуков денег Конфедерации на чердаке Тары. Пора вернуться домой. Плантация обеспечит ее.

— Милая Розмари, — механически сказала она, — как хорошо, что ты приехала.

— Мелани Уилкс... Мне будет ее очень не хватать.

— Я нуждалась в ней, — ответила Скарлетт, совершенно не обращая внимания на спутника Розмари, словно он был абсолютно чужой для нее.

Губы его дрогнули, однако он, конечно, не произнес ни слова. Говорить было не о чем.

Мужчины, несущие вычурный гроб — Мелани Уилкс никогда бы такой не выбрала, — спустили его с хрупкого стеклянного катафалка, который она посчитала бы претенциозным.

Пока они шли к могиле, Уилл Бентин спустился помочь и взялся за тяжелые передние ручки гроба, чтобы облегчить ношу для Эшли.

Приходский священник набросил стихарь и начал читать молитву. Невдалеке послышался протяжный крик диких гусей. В кустах каркнул ворон. Беатрис Тарлтон кашлянула.

Скарлетт, заткнув уши, уставилась в пространство.

Негры Уилла взяли за веревки и по его команде «Ну-ка дружно, парни!» поднесли гроб к могиле и опустили его.

Эшли обнял сына и разрыдался. Бо уставился на свои туфли.

В горле у Скарлетт стоял комок горечи. Глотать было больно.

Она бросила горстку красной глины на крышку гроба Мелани Гамильтон Уилкс и вытерла руки о юбку.

Вниз по склону пронесся конь со всадником — так Ретт Батлер ушел из ее жизни.

А сердце Скарлетт осталось в могиле у ее ног.

Часть 3 Тара

Глава 51

УИЛЛ БЕНТИН

Когда мисс Скарлетт переехала в Тару, а дядя Генри Гамильтон выставил ее изысканный дом в Атланте на продажу, Уилл Бентин понял, что она бедствует.

Мисс Скарлетт с капитаном Батлером были в ссоре, об этом все знали.

Когда капитан Батлер усакал с похорон миссис Уилкс, Уилл даже обрадовался. Как он говаривал своему псу Бу, «каждой твари порой приходится зализывать свои раны».

Но и на мисс Скарлетт тоже было жалко смотреть. У управляющего, начавшего лысеть «крекера» [75]родом из Джорджии, были кроткие глаза, выгоревшие добела волосы и загорелые докрасна, как свежесрезанная свекла, запястья и шея. Голова и грудь у него были массивными, единственная же оставшаяся нога выглядела не толще деревянной, которую он заработал при Геттисберге. Зато пальцы отличались толщиной никак не меньше запястий его дочери Сьюзи.

Как-то в трудные годы после войны, когда Скарлетт отправляла всю выручку с лесопилок в Тару, она пожаловалась:

— До войны, Уилл, наша семья кормилась с плантации, а не наоборот.

Уилл снял с головы бесформенную шляпу и поскреб лоб.

— Ну, мисс Скарлетт, думаю, вы могли бы сдать Тару внаем какому-нибудь янки.

Больше она не жаловалась.

Теперь плантация должна была снова поддерживать всех помимо Скарлетт с детьми и семьи Бентинов, еще негров Дилси, Присси, Порка, Большого Сэма и Мамушку.

Вскоре после приезда Скарлетт у семилетней Эллы случился припадок. За ужином она, издав странный крик, свалилась со стула. Несмотря на то что девочка была без сознания, глаза ее вращались, ноги дергались, и Уилл Бентин не мог ее удержать. Вскоре она пришла в себя, побледнев и еще дрожа, но Уилл перепугался до смерти.

Бо Уилкс тоже жил в Таре. Отец пока не в состоянии был заботиться о сыне. Кроме того, Скарлетт после похорон попросила остаться и Розмари с ее мальчиком.

У Уилла были свои соображения, почему мисс Скарлетт пригласила сестру капитана Батлера с сыном.

Сьюлин сказала мужу:

— Грязная игра — использовать сестру Ретта в качестве приманки.

Уилл поцелуем заставил ее замолчать. Никто, кроме него, не мог заткнуть ей рот.

Сьюлин О'Хара была не первой, на кого положил глаз Уилл. Поначалу он ухаживал за Кэрин, младшей дочерью в семье О'Хара, однако та приняла решение уйти в чарльстонский монастырь.

К тому времени Уилл уже поселился в Таре, но, несмотря на более свободные нравы после войны, он не мог делить дом с незамужней Сьюлин. А у гордой Сьюлин других кавалеров не нашлось, и идти было

некуда.

Несмотря на такое несентиментальное начало, их брак оказался счастливым. Шестилетняя Сьюзи росла своевольной, а родители любили ее за это еще больше. Как говаривала Сьюлин (она помнила, как Скарлетт увела у нее кавалера, Фрэнка Кеннеди), «никто нашу Сьюзи не проведет!»,

Зато сын Бентинов, Роберт Ли, был настолько робким и миловидным, что отец порой смотреть на него не мог.

Уилл вернулся в Тару калекой. И так же, как плантация исцелила его, теперь он возвращал ее к жизни. На средства Скарлетт Уилл восстановил хлопковый пресс, купил новомодную косилку Сайреса Маккормика и заменил множество мелких инструментов: четырех- и шестизубчатые поперечные пилы, седельные скобы, сверла и шила, которые разворовали или сломали солдаты Шермана. Организованные Уиллом бригады выкорчевали подрост кедров и заросли ежевики, восстановили ограды из слег, перекрыли крышу на леднике и в холодной, где хранили мясо. А также вычистили сад и подрезали там деревья, вдвое расширили огород, выстроили конюшню на двенадцать лошадей, огородили загон для свиней и возвели беленый амбар для хлопка из теса с нащельниками на фундаменте прежнего.

Чтобы подготовить комнату для Скарлетт, Бентины освободили переднюю спальню Джеральда и Эллен.

— На плантации может быть только одна хозяйка, — сказал Уилл своей раздраженной супруге, — Помоему, ею будет мисс Скарлетт.

Но Скарлетт не хотела занимать спальню родителей, с балконом и балдахином над кроватью, где были зачаты, появились на свет и умирали все О'Хара. Вместо этого она заняла свою старую комнату наверху, рядом с детской.

После войны все полевые работники плантации уехали в город, о котором они так много слышали. Проведя там несколько голодных лет, большинство вернулись в округ Клейтон и поселились в разрушенном квартале Джонсборо, который все называли «Темный город».

— Почему они не живут здесь, как Большой Сэм и другие слуги? — спросила Скарлетт Уилла.

— Они скорее будут жить в убогих полуразрушенных хибарах, чем вернутся в хижины, где были рабами на плантации. Да и что нам делать с ними зимой?

— Здесь всегда найдется работа.

— Мисс Скарлетт, — объяснил Уилл, — они больше не принадлежат Таре. Мне нужны полевые работники с марта по сентябрь, и я плачу им достойную зарплату. Работающий в полную силу получает пятьдесят центов в день.

— А в остальные месяцы на что они живут?

— Они стали наемными работниками, мисс Скарлетт, вздохнул Уилл, — Не мы их освободили.

Мисс Скарлетт немедленно поместила все деньги, вырученные от урожая хлопка, в банк Атланты — собственноручно отвезла выручку в город. Когда Уилл сообщил ей, что требуется новый рабочий инвентарь для весенней посадки, она ответила:

— Нужно починить старый.

Неурядицы в личной жизни или денежные затруднения — Уилл не знал, какие из них серьезнее.

Капитан Батлер находился в Европе с мистером Уотлисом.

Вечерами в гостиной Розмари читала вслух письма брата. Ретт писал о парижских ипподромах,

соборах и художниках, смеялся над шапочками кардиналов, высоко подвешенных в соборе Парижской Богоматери. «Французы верят, что когда какая-то из шапочек падает, ее обладатель попадает в рай. Некоторые шляпы висят там веками!»

Уилл восхищался вместе с детьми и жалел Скарлетт: она казалась... заброшенной.

Мисс Розмари, скромная и всегда готовая помочь, вошла в жизнь Тары вместе с Луи Валентином совершенно естественно.

Она стала сельской учительницей, а детскую в доме превратили в классную комнату.

Все слуги подчинялись Сьюлин, кроме Мамушки, которая справлялась сама.

По воскресеньям Большой Сэм на двуколке ездил в Джонсборо, где Розмари с детьми ходили на службу в методистскую церковь. Негры посещали Первую африканскую баттистскую церковь преподобного Максвелла, стоявшую за железнодорожными путями.

Как бы ни было туго с деньгами, никто на плантации не голодал. Собранные дары лета хранились в погребе; ряды блестящих банок для консервирования, изготовленные по патенту мистера Мейсона [76], были заполнены персиками, ягодами, томатами и бобами.

Зарезали трехлетнего бычка, мясо засолили в рассоле, забили пятнадцать свиней и, посолив, подвесили в мясохранилище вялить. Окорока Уилла Бентина славились на всю округу, и на Рождество он сам развозил их по одному к столу дорогих соседей — «маленький подарок от Тары».

Хоть Уилл был полевым фермером, животных он любил больше. Как и миссис Тарлтон, он с ума сходил по лошадям. Любил коров и мулов, по-дружески относился к своим свиньям: Кабанчику, Коротышке, Девочке. Он прямо восхищался их полным *свинством*. Как-то Девочка приболела, так Бентин полночи просидел возле нее, истратив уйму скипидара.

Забой свиней в первый холодный день ноября был горькой радостью. Да, Уилл набил мясохранилище до отказа, но на следующее утро не мог подойти к свиному загончику. Девочка уже не встретит его радостным хрюканьем и не ткнется пяточком в ноги.

По субботам, с утра, из Атланты приезжал Эшли. Он был благодарен Скарлетт за заботу о Бо и часто привозил ей небольшие подарки: вышитый батистовый платочек или баночку английских ирисок.

По словам Эшли, строительство замерло. Пилы лежат без работы, бревна посерели. «Кимболл-хаус» закрылся.

— Депрессия, — равнодушно пожимал он плечами.

— Боже мой, Эшли, — хмурилась Скарлетт, — и тебя это не волнует?

— Меня волнует, кого в понедельник утром я уволю следующим и как он будет кормить свою семью.

Эшли выпивал чашку кофе с Бо, Скарлетт и Розмари и проверял, чему сын научился за это время по книжке «Макгаффи-ридерз», но никогда не оставался выпить вторую спешил в Двенадцать Дубов, где поднимался на кладбище поговорить с Мелани.

Кроткая Мелани не разделяла горе Эшли. Она уверяла скорбящего мужа, что когда-нибудь они воссоединятся. Беседуя с ней, Эшли прибирал кладбище, выбрасывал сухие ветки за стену. В третий свой приезд он привез топорик, чтобы проредить заросли. Мелани всегда любила открывающийся отсюда вид.

Он ночевал в домике негра-кучера — как и в Таре, солдаты Шермана пощадили негритянские

хижины. Это была единственная ночь в неделю, когда Уилкс спал безмятежным сном без сновидений.

Прежде чем уехать в Атланту, он немного задерживался в Таре, предаваясь воспоминаниям о прежних временах.

Порой Скарлетт с удовольствием слушала его звучный и нежный голос. Когда же она была не в духе, то напоминала Эшли, что ему пора на поезд.

В одно субботнее утро он приехал раскрасневшийся, с блестящими глазами. Скарлетт за столом сводила счета. Розмари сидела рядом и штопала.

— Я продал лесопилки, — объявил Эшли, — одному янки с Род-Айленда. Боже милостивый, у этого человека денег без счета!

Скарлетт поджала губы.

— Самые современные лесопилки в Атланте!.. Эшли, сколько он заплатил?

Глаза его стали серьезными.

— Мне много не нужно. Я возвращаюсь в Двенадцать Дубов. Буду жить в домике кучера.

Розмари сжала его руку.

— Как я рада, что вы будете нашим соседом! Но что вы там будете делать сами по себе?

— Я один не останусь! — ответил Эшли, — Найму старика Моисея — помните его? — а тетюшка Бетси поможет мне по хозяйству. Приятно будет видеть их снова. Да, и еще есть Уилсон, содержатель конюшни в Джонсборо, — каждое лето туристы-янки обращаются к нему, чтобы проехать мимо наших «живописных развалин». Восстановлю сады. Уберем ежевику, дикий виноград, и старый фонтан снова заработает. Помнишь фонтан, Скарлетт? Какой он был красивый?

А сады станут памятником Мелани. Двенадцать Дубов — такие, какими были, какими задумывались. Мелани их очень любила.

— Мистер Уилкс, — улыбнулась Розмари, — у вас доброе сердце.

Скарлетт нахмурилась.

— Ты станешь пускать туристов в свои сады за плату?

— Ну, я не думал о плате. Хотя, пожалуй...

Неожиданно похолодало. Река Флинт замерзла, а в доме жарко топились печки. Розмари перенесла занятия вниз, в гостиную. Над желобом, откуда пили кони и где текла более теплая ключевая вода, поднимался пар.

До Рождества оставалось четыре дня, когда Мамушка вернулась из мясохранилища в такой ярости, что едва могла говорить. Все сидевшие в это время за столом — был завтрак — обернулись к ней.

— Все уничтожили! Испортили! Там нечистый побывал! — Она прислонилась к раковине, переводя дух, — Цветные такого не сделают.

Скарлетт вскочила.

— Что случилось, Мамушка?

Та дрожащей рукой указала в сторону хранилища.

Когда дети побежали за ней, Скарлетт рывкнула:

— Элла, Уэйд, Бо — оставайтесь в доме! Розмари, Сьюлин, пожалуйста, присмотрите за ними!

Дверь домика, сорванная с верхней петли, косо болталась. Уилл Бентин отодвинул ее в сторону и с опаской ступил внутрь.

— Бог ты мой! — охнул он.

— О господи, Уилл! — закричала Скарлетт. Окорочка были срезаны и валялись на грязном полу, напоминая мертвых младенцев. Бочки с засоленной говядиной были опрокинуты. Все было завалено кучами навоза.

В дверях замаячила Мамушка.

— Это не цветные!

— Мамушка, — огрызнулась Скарлетт, — я и так вижу!

Бу, поджав хвост, сунул голову в запретное для него место и принялся.

Мясо вперемешку с навозом хлюпало у людей под ногами. Вонь стояла жуткая.

— Может, перемоем?

Уилл поднял один окорок и бросил, вытирая руки о штаны.

— Нет, мэм. Видите, как их посекали? Мясо испорчено, мисс Скарлетт. Чистая отравка.

Мамушка с расширенными от ужаса глазами задрожала.

— Это все те лодыри, опять пришли, — прошептала она.

Я знала, что когда-нибудь они вернутся.

— Война закончилась, Мамушка, — отрезала Скарлетт.

Шермановские солдаты больше нас не тронут!

Прошедшей ночью Бу лаял без умолку, но Уилл не стал вылезать из постели, чтобы посмотреть, чего это пес беспокоится. Теперь, выразительно рыча, Бу привел Скарлетт с Уиллом к садовой ограде, где снаружи вся земля была истоптана — здесь привязывали лошадей.

Уилл опустился на колени и рассмотрел следы.

— Похоже, их было трое, — покачал он головой, — Что за ублюдки — простите за выражение, мисс Скарлетт.

— Будь они прокляты! — добавила она.

Уилл по следам дошел до дороги на Джонсборо, где они оборвались.

Никто из негров не переступал порог оскверненного мясохранилища — даже Большой Сэм, который служил кучером у Уилла Бентина, а до этого — у Джеральда О'Хара.

— Вот уж не думала, что ты стал трусом, Сэм, — прошипела Скарлетт. — Ведь ты Большой Сэм.

Резкие слова окатили понуро стоявшего Сэма.

— Есть вещи, с которыми цветные не шутят, — пробормотал он.

Уилл вместе со Скарлетт и Розмари погрузили перепачканное мясо в тележку и отвезли на свалку — в отдаленный овраг, куда сбрасывали мертвых животных с плантации.

Окорочка, подпрыгивая, покатались по склону, и Уилл прошептал:

— Прощай, Девочка, мне очень жаль, что с тобой так обошлись.

Глава 52

ПОЧВА ПРОГРЕВАЕТСЯ

Деньги могли обесцениться за одну ночь, избранные правительства могли пасть, но лишенные окон прочные ледники, где хранилось мясо, всегда напоминали тем, кто жил от земли, что истинное процветание обеспечивается трудами собственных рук да Божьим промыслом.

Соседи прибыли, чтобы своими глазами убедиться в совершенном поругании.

— Как только они додумались сотворить такое?

Мужчины бормотали проклятия и обходили ферму кругом, словно преступники могли еще быть неподалеку. Уилл проводил желающих к месту, где были привязаны лошади ночных вандалов, фермеры наклонялись и проводили по следам пальцами. Тони Фонтен принялся спорить с братом Алексом о размере подков одной из лошадей.

Словно на похоронах, женщины принесли хлеб и кастрюли с едой; миссис Тарлтон передала Сюлин два окорока.

— Чтобы у вас было чем встретить Рождество.

Сюлин сказала, что будет хранить их в кладовой, так безопаснее.

Безопаснее. Кто теперь может поручиться за безопасность?

Постепенно соседи разошлись по домам. К половине шестого, когда зимой уже темнеет, перепуганные домашние слуги-негры — все, за исключением Мамушки, которая спала в комнатке над кухней, сидели по своим хижинам, запершись на засов.

Возбужденный суматохой и чувством ответственности,

Бу той ночью лаял на каждую лисицу или хорька, пытавшихся пробраться через ограду. И Уилл Бентин каждый раз поднимался, натягивал на ночную сорочку комбинезон и совал босую ногу в холодный ботинок. Спустившись по черной лестнице, он выходил с ружьем во двор.

А когда он возвращался в постель, Сюлин, сонно ворча, отодвигалась от его холодных объятий.

Ближе к вечеру, в канун Рождества, фургон «Рейлуэй экспресс» доставил большой деревянный ящик, залепленный клейками пересылочных компаний. Уилл с Большим Сэмом помогли сгрузить тяжелый ящик и угостили возницу кружкой пунша, которую он быстро опорожнил, поглядывая на низко нависшие облака.

Уилл сказал, что, по его мнению, вполне может пойти снег.

— Сегодня никого не встретишь на дороге, — заметил большой Сэм.

— И я не задержусь, это уж точно, — ответил возница и погнал коня в сторону Джонсборо.

После ужина все собрались в зале и принялись наряжать елку, установленную Большим Сэмом. Перешептываясь, то и дело бросая взгляды на таинственный ящик, дети пришлось увешивать деревце яблоками, грецкими орехами, вырезанными из бумаги фигурками. Встав на табурет, Уилл водрузил на самую верхушку ангела, совсем недавно сшитого Розмари из лоскутиков розового и белого шелка. Взрослые укрепили подсвечники на еловых лапах повыше, что-бы ручки детей не могли до них дотянуться.

На крыльце послышались шаги — пришел Эшли Уилкс. На его шляпе и пальто блестели снежинки.

— Простите, что задержался. Я подстригал яблоньки и совершенно забыл о времени. Счастливого Рождества, Бо! — обнял он сына. — Всем счастливого Рождества!

Пока Розмари наливала Эшли рождественского пунша, Уилл подошел с гвоздодером к ящику. Скрежет вытаскиваемых гвоздей заставил детей заткнуть уши.

Ретт прислал Элле изящную французскую куклу с фарфоровым личиком, Бо с Луи Валентином получили по паре коньков, а Уэйд, к своему восторгу и к зависти младших мальчишек, — однозарядный карабин, к предохранительной скобе спускового крючка которого была привязана записка: «Уэйд, доверяю Уиллу показать тебе, как из этого стрелять. Если ты будешь хорошо себя вести и научишься метко стрелять, мы с тобой вместе поохотимся, когда я вернусь домой».

В ящике еще был золотой кулон для Розмари, а для Скарлетт — шляпа зеленого бархата, точно подходившая по цвету к ее глазам. Хотя там не нашлось никакого письма или записки для нее, сердце Скарлетт подпрыгнуло от радости.

Даже когда Элла опрокинула свою кружку с пуншем, улыбка не исчезла с губ Скарлетт.

Снег все падал, и мальчики выбрались на крыльцо, где принялись шумно кататься на ногах с одного конца до другого. Эшли принес детям небольшие подарки, а Уилл подарил Сьюлин вязаный красный ночной колпак. Лишь к полуночи Розмари удалось отправить бурно протестующих детей наверх спать. Позевывая, ушли и Уилл с женой, натянувшей его подарок на голову.

Эшли сидел у камина.

— Какой чудный вечер.

Помолчав, он продолжил:

— Скарлетт, случается тебе тосковать по старым временам, теплу, веселью?

— Как на барбекю в Двенадцати Дубах, когда я призналась тебе в любви, а ты мне отказал? — дразня, ответила она. Взяв кочергу и привстав на колено, Эшли поворошил огонь.

— Я был обещан Мелани...

— Ох, Эшли, фидл-ди-ди, — довольно добродушно отозвалась она.

Но когда он поднял свой взор, Скарлетт увидела в его глазах сполохи хорошо знакомого ей огня и резко выпрямилась.

— О, я совсем забыла, который уже час!

Боже, что Эшли достает из кармана? Неужели коробочку с кольцом?.. Скарлетт вскочила с кресла.

— Эшли, я совершенно без сил. Тяжелый был день...

Пожалуйста, захлопни за собой дверь, когда будешь уходить, ладно?

— Но, Скарлетт!

Однако она уже взбежала наверх и закрыла дверь в свою комнату на ключ.

Господи, стоит только Ретту прознать об этом, он решит, что они с Эшли... И никогда не вернется домой!

Уэйд унес новенький карабин к себе, но мать забрала записку Ретта к сыну и теперь, раздеваясь перед сном, ее перечитывала. Муж писал: «когда вернусь домой». Вот его точные слова. Распуская волосы, Скарлетт ощущала себя счастливой.

Яркие звезды освещали снежную пелену, блестящую, словно неснятые сливки. Лошадь Эшли медленно брела домой. Где-то в лесу с резким хлопком, похожим на выстрел, треснуло от мороза дерево. Эшли плотнее закутался в пальто из шкуры бизона.

Он шептал, обращаясь к Мелани: «Сердце мое, говорил я тебе, что не получится. Ты думаешь, я нуждаюсь в уходе, но Скарлетт не из тех, кто склонен заботиться о взрослых мужчинах. Ну и лицо у нее было, когда она поняла, что я собираюсь сделать ей предложение... О Мелли!»

Его смех громко разнесся вокруг. Копыта лошади похрустывали по снегу. «Наше первое Рождество врозь, дорогая Мелли. Эшли и Мелани Уилкс. Разве не были мы самыми счастливыми людьми на земле?»

Бревенчатая хижина конюха окнами выходила на заброшенный сад Двенадцати Дубов. Эшли отскоблил с песком сосновый пол, побелил бревна и повесил над камином саблю дяди Гамильтона времен Мексиканской войны.

Встав на колени, он разжег очаг. Теперь можно посидеть у огня. Ему столько нужно было поведать Мелани.

Той ночью Бу не лаял, и Уилл Бентин спокойно проспал подле жены всю ночь. Кисточка нового колпака Сьюлин щекотала ему нос.

В январе потеплело, и снег отступил в тень. Флинт-ривер помутнела и забурилась, ее стало слышно от самого дома. Но когда река вновь замерзла, подтаявший снег превратился в блестящую корку, на которой легко можно было поскользнуться; поэтому все, кому не требовалось выходить наружу по неотложным делам, сидели дома у камина. Каждое утро Большой Сэм колол дрова, а Уэйд приносил их в комнаты.

Уилл Бентин обошел все дома фермеров и хижины белых бедняков на двадцать миль вокруг. Кто держал обиду на обитателей Тары? Не хвастал ли кто «подвигом» разорения мясного склада? На рынке в Джонсборо кто-то сказал Тони Фонтену, что тут, должно быть, замешан Клан. Уилл усомнился.

— Клану крышка, Тони. Да и прежде ККК демократов не трогал.

С сеновала конюшни видно было дальше всего, поэтому, когда растаял снег и всадники чаще стали появляться по дороге в Джонсборо, Уилл затащил на сеновал старый тюфяк и несколько одеял.

Сьюлин считала, что Уилл лишь зря тратит время, поскольку разорители «уже позабавились».

— Медовичок ты мой, — отвечал ей муж, — мне бы очень не хотелось каждый раз, когда Бу поднимает лай, будить себя.

На что Сьюлин заявила: случись что с Уиллом — она ему этого ни за что не простит.

Тем вечером Большой Сэм лишь глянул на люк сеновала, но туда не полез:

— Простите, мистер Уилл. Не дело цветному таким заниматься.

— Увидимся утром, Сэм.

Не совсем понимая перемены порядков, Бу сначала улегся возле конюшни, но примерно через час встал, потянулся и возобновил свой ночной обход.

Луна заливала светом застывшую землю. Ночь стояла безветренная. Завернувшись в стеганые лоскутные одеяла, Уилл спокойно проспал до утра.

Следующая ночь также прошла без происшествий.

В третью ночь на сеновале Уилла разбудило шарканье.

Кто-то взбирался по лестнице. Рука Уилла потянулась из-под теплого одеяла к ледяной двустволке, нащупывая курки.

Ощувив, как дрогнул пол сеновала, Уилл со щелчком извел оба курка: клак-клак.

— Это я, Уилл, — прошептал Уэйд Гамильтон.

С облегчением Уилл снял ружье со взвода.

— Сынок, — промолвил он, когда голова мальчика показалась из люка, — ну и напугал же ты меня, прямо душа в пятки.

— Я пришел вам на помощь, — Уэйд подвинул к нему новенький карабин, — Неправильно, что вы тут сидите в одиночку.

Широкое лицо Уилла осветила улыбка.

— А карабин-то заряжен?

— Нет, сэр. Я думал, вы мне покажете, как заряжать.

— Утром, Уэйд. Спасибо, что пришел, но я уж сам управлюсь.

Засыпая, Уилл все еще улыбался.

Утром, когда Уилл пришел в дом завтракать, Сьюлим заворчала:

— Вот и муженек пожаловал. Я уж начала сомневаться, есть ли он у меня.

Женщина попыталась было отстраниться, но Уилл ее поцеловал.

— Доброе утро, горошинка. Должен признаться, что с с двустволкой чертовски холоднее, чем с тобою, — сказал он шлепнув ее по задку.

— Ладно тебе, Уилл. Дети...

— Слушаюсь, мэм.

Уилл с Большим Сэмом готовились к севу. Они осмотрели и подровняли копыта тягловым лошадям, начистили их и смазали лемеха, проверили упряжь и хомутные клещи.

— Мистер Уилл, — посетовал Большой Сэм, — надо им купить новую упряжь. Прежняя вся высохла и потрескалась.

— Собери то, что попрочнее.

Большой Сэм искоса на него посмотрел.

— Разве Тара не сможет заплатить?

Уилл не ответил.

Второго февраля на безоблачном небе светила полная луна, и недостаточно темная ночь не давала Уиллу крепко спать. А окончательно он проснулся, когда яростно залаял Бу, и тут же раздалось несколько выстрелов под ним, даже неясно сколько, так быстро кто-то стрелял. Уилл кинулся вниз по лестнице, пропустил перекладину и чуть не свалился. Не обувшись, он побежал на лай.

Бу неся к нему темной тенью. Уши пса были прижаты к голове.

Все нормально, Бу, — хрипло сказал Уилл.

На огороженном выгуле, залитом ярким светом луны, его глазам открылась жуткая картина.

Господи, Иисус Христос...

Один жеребенок в ужасе носился вдоль загона, второй стоял, дрожа, возле убитой матери. Лежащие на земле кони казались меньше, чем когда были живыми. Второй жеребенок опустил длинную шею и ткнулся носом в бок мертвой матери. Как все испуганные дети, маленькая лошадка хотела пососать молока.

Появились соседи. Мужчины по двое-трое стояли у забора, негромко переговариваясь. Перепуганные женщины собрались на кухне. Все спрашивали друг друга: кто мог сотворить такое черное дело? Мамушка повторяла: «Цветные тут ни при чем, это уж точно». Тони Фонтен попытался разыскать следы, но земля была совсем промерзшей.

Миссис Тарлтон забрала жеребят к себе, выкармливать коровьим молоком. По ее словам, в аду для тех, кто вздумает застрелить лошадь, припасено специальное местечко.

Чуть успокоившись и свыкнувшись с тем, что произошло, Сэм с Уиллом обвязали кобылам задние ноги цепью и оттащили на свалку.

Потеплело, земля оттаяла, и хотя по ночам Уилл по-прежнему спал на сеновале, днем он, как все фермеры в округе Кк'йтон, вспахивал и валковал хлопковые поля.

Еще до восхода солнца Большой Сэм надевал упряжь и хомуты на сильных тягловых коней. При этом он мог заметить: «Прохладно сегодня» или «Гляди-ка, Долли плечо натерло».

На что Уилл мог отреагировать: Вроде погода устанавливается.

Редко мужчины обменивались более пространственными замечаниями. Большой Сэм всегда сам присоединял хомутные клещи. А Уилл зажигал фонарь, когда они заходили в упряжную, и задувал на выходе.

Едва рассветало настолько, чтобы видеть борозды, они опускали лезвия плугов и пахали до полудня. Тогда они давали лошадям передохнуть и съедали обед, который приносила им Сьюлин. Уилл никогда не уставал слушать рассказы о Таре до войны, и Сэм послушно описывал барбеки в усадьбе и то, как Джеральд О'Хара как-то раз организовал скачки на дороге в Джонсборо:

— Все юнцы делали ставки и пили, просто удивительно, как никто из них не свалился и не убился. Мисс Эллен та была добрая христианка. Да только вот порой выходит, что если кто очень хороший, другим от этого погано на душе делается. А у массы Джеральда был и норов! — Сэм покачал головой, — Масса Джеральд был словно летний ливень: вымочит до нитки — и уже пролетел. Вымочит и нет его.

Пока Уилл раскуривал трубочку, Сэм рассказывал про то, что делается среди его соплеменников, в негритянском квартале. Ему не нравился преподобный Максвелл, молодой проповедник Первой африканской баптистской церкви.

— Этот мальчишка не знает своего места, — говорил Сэм, — Он родился на Севере. Его ни разу не покупали и не продавали.

После обеда они снова пахали до сумерек, после чего возвращались в конюшню, где растирали и кормили лошадей. Уилл больше не заходил в загон, где убили его кобылу.

Однажды в воскресенье, возвращаясь из церкви, Ролри и Бо Уилкс заехали в Двенадцать Дубов. Стоял

свежий февральский денек, кончики ветвей набухли и розовели готовой проклюнуться новой жизнью.

Дед Эшли, Роберт Уилкс из Виргинии, разбил плантацию в совершенно диком месте. Его негры валили лес и корчевали или выжигали упрямо державшиеся за землю корни под будущие хлопковые поля плантации Двенадцать Дубов.

Она крепла и богатела, постепенно пристраивались здания для служб, помещения для домашних слуг, и наконец отстроили новый господский дом. Сады Двенадцати Дубов были разбиты Робертом уже в преклонном возрасте и отражали его печное стремление облагородить дикую природу.

Огромные магнолии росли по углам. Кизил, багряник, кустарниковая черника, лесная яблоня служили фоном цветущим вечнозеленым растениям. Кусты спиреи затеняли дорожки, а разбитый в английском духе розарий, благоухающий бурбонскими розами, окаймляли самшитовые живые изгороди. Изогнутый китайский мостик был переброшен через ручей, по берегам которого цвели камелии, а железная ограда, заплетенная абелией, подводила к небольшому парку с плещущимся фонтаном.

Так было до прихода Шермана.

Парадный въезд почернел там, где Эшли жег вырубленный подрост. Огромная куча, выше лошади Розмари, ждала своей очереди. Они с Бо спешились, и Бо побежал по недавно прорубленной дорожке на звук мужского пения.

На полянке над безводным фонтаном возвышался вставший на дыбы бронзовый конь. Эшли вонзал саблю в землю возле фонтана; не ведая о появлении гостей, он пел: «Мас саон сбег, ха-ха». И затем, вонзив саблю в другое место: «А темнокожие здесь, хо-хо». Эшли опустил на четвереньки и покачал саблю: «Должно быть, Рай на земле недалек!»

— Папочка, — воскликнул Бо, — это же дедушкина сабля!

Эшли поднял глаза и улыбнулся.

Привет, Бо. Не слыхал, как вы подъехали. Миссис Раванель, добро пожаловать в Двенадцать Дубов, — Вытерев измазанные красной глиной руки о штаны, он поднялся и сказал, указывая на саблю: — Ищу клапанную коробку. Никогда не думал, что придется стать водопроводчиком.

Заметив, что Розмари разглядывает статую вздыбившегося коня, Эшли пояснил:

Приобрел в Италии много лет назад. Меня убеждали, что она этрусская. — Он скептически скривил бровь.

Бо вытащил саблю из земли и вытер ее пучком сухой травы.

— Бо, сабля замечательно подходит рубить хворост на растопку и искать подземные клапаны.

— Следует перековать мечи ваши на орала?
[\[77\]](#) — спросила Розмари.

— Что-то вроде. Можешь попробовать, Бо, вот на тех кустах ежевики. Не прижимай рукоять к запястью. Хорошо.

Отец поправил саблю в руке сына и показал, как лучше встать.

Бо срезал побег ежевики на уровне человеческого сердца.

— Прекрасно. Мой учитель фехтования одобрил бы.

Миссис Раванель, как хорошо, что вы привезли ко мне сына. Не пройдете ли в дом? Бо, дай я понесу саблю.

Из трубы хижины струился дымок.

— Моисей — лучший христианин, чем я. Моисей не станет работать в День Господень, нет, сэр, — Эшли ловко, словно юноша, взбежал на крыльцо, — Зайдете, миссис Раванель?

Могу предложить вам чай.

— Если станете звать меня Розмари.

— Розмари так Розмари.

Хижина Эшли была сложена из бревен, всего одна комната с каменным очагом. Стекла окон блестели, кровать была аккуратно застелена. На столе — книги по садоводству.

В кувшине на сухой раковине для умывания стояли камыши.

— *Tyrpha domingensis*, — сказал Эшли, — У нас там, в камышах, гнездятся красноплечие черные трупялы

[\[78\]](#).

Бо поворошил огонь, взял корзину и отправился за дровами.

— Славный мальчуган, — сказала Розмари.

— К счастью, пошел в мать, — Эшли повесил чайник на кронштейн и повернул его к огню. — Быстро закипит, — И, не меняя тона, добавил: — У Мелани в столе я нашел кое-какие письма. Не знал, что у жены была постоянная корреспондентка. Я верну их вам, если желаете.

— Думаю, тогда... письма Мелани помогли мне не сойти с ума. Мой муж Эндрю... Это было... так дико, — Розмари обхватила себя руками, — Ужасные воспоминания. Нет, не надо мне их возвращать; прошу вас, сожгите эти письма.

Эшли глядел на огонь.

— Я так любил ее. Мелли... теперь всегда со мной, — Он неожиданно улыбнулся. — Знаете, она все это одобряет: что я продал лесопилки и заделался садовником.

— Конечно, ей бы это понравилось!

Бо поставил корзину с дровами возле очага.

— Папа, а можно, я навещу дядюшку Моисея и тетюшку Бетси?

— Уверен, они будут рады гостю.

Когда Бо убежал, Эшли пояснил:

— Тетюшка Бетси готовит замечательные овсяные печенья.

Зашипел чайник, Эшли налил кипятка в фарфоровый заварочный чайник с изображением голубой ивы над мостиком.

— Обнаружил его наполовину заваленным под садовой скамейкой. Верно, какой-то янки-мародер поставил его там и забыл. Он принадлежал моей матери.

Когда Розмари насыпала заварку, Эшли спросил напрямик:

— Скарлетт не говорила, что я пытался сделать ей предложение?

— Нет, Эшли. Не говорила.

В смехе Эшли смешались облегчение, ирония и радость.

— Я почти убедил себя, что Мелани бы хотелось, чтобы мы поженились. Благодарю Провидение и врожденный здравый смысл Скарлетт, которая высмеяла мои намерения.

Эшли достал из шкафа две разные чашки.

Розмари тихо спросила:

— Зачем вы мне это рассказываете, Эшли?

— Потому что я устал от обмана. Больше я никогда не стану скрывать свои истинные чувства.

К первой неделе марта Уилл Бентин и Большой Сэм закончили вспахивать поля у реки и перешли к тем, что располагались выше. Как большинство сельских жителей, они редко говорили о красоте вокруг, но оба с наслаждением озирали просторы с холмов и Тару, раскинувшуюся у их ног.

Каждый день пополудни Уилл спускался к полям у реки и мял в пальцах землю, проверяя, насколько она прогрелась. Когда полили дожди, работы прекратились и лошадей завели в конюшни. Влажную глинистую почву пахать было бы слишком трудно.

— Будем чинить упряжь, пока не перестанет лить, — сказал Уилл, — И так управимся.

Дождь превратил дорогу на Джонсборо в вязкое месиво, поэтому в воскресенье выбраться в церковь не было ни какой возможности, и Розмари читала псалмы в зале, а Большой Сэм с Дилси сопровождали чтение энергичными баптистскими возгласами «аминь». Дети повторяли молитвы, которые каждый день говорили перед сном, и Скарлетт закрыла глаза, услышав, как Элла просит Господа вернуть папочку домой.

Боже, как же она по нему скучала! Не по его остроумию, силе или прикосновению — по нему целиком!

Порой, лежа в постели, Скарлетт просыпалась оттого, что ей чудилось дыхание мужа. Она протягивала руку и гладила то место, где он мог бы лежать.

Скарлетт болезненно остро ощущала все кругом, буквально кожей. Неожиданные звуки заставляли ее вздрагивать, а гостя, подъезжающего по аллее, она слышала задолго до всех остальных. Порой она застывала перед окном, глядя в пространство. «Милый Господь, прошу, дай мне еще один шанс...»

Дядя Генри Гамильтон прибыл после обеда, когда посуду уже помыли и расставили по местам в шкафу. Из-за плохой дороги поездка от Джонсборо заняла целых четыре часа.

Дядя Генри замерз и вымок, лошадь, взятая напрокат, выбилась из сил. Добраться обратно на вокзал, чтобы сесть на последний поезд, он никак не успевал.

— Садись у огня, обогрейся, а мы пока соберем что-нибудь поесть, дядя Генри, — сказала Скарлетт. — Присси, пожалуйста, постели в передней спальне.

У Мамушки были припасены яблочный пирог и кукурузные лепешки, а в плите уже грелась фасоль. Порк отнес седельные сумки дяди Генри наверх. Обрадовавшись, что может выполнить работу, к которой был приучен, Порк выложил там на столик принадлежности для бритья и принес кувшин воды.

Зашел Уилл, дыша на застывшие руки. Ночью дорога должна подмерзнуть; если дядя Генри выедет утром пораньше, лошади будет нетрудно скакать.

Согревшись и утолив голод, дядя Генри сложил салфетку вдвое, а потом еще раз, подчеркнуто аккуратно.

— Скарлетт, могли бы мы поговорить наедине?

Сьюлин рассчитывала услышать свежие сплетни из Атланты, поэтому вышла из столовой недовольная.

У Скарлетт упало сердце. О боже, верно, что-то случилось с Реттом! Генри привез какие-то ужасные вести о Ретте!.. Но он говорит о каком-то пожаре...

— Что? — переспросила она, — Какой пожар?

Дядя Генри странно на нее посмотрел.

— В твоём доме, в Атланте, дорогая Скарлетт, — повторил он, — Ужасно сожалею. Спасти не удалось. Капитан Малванн прибыл всего через десять минут после тревоги, но его люди не успели даже мебель вынести.

— Мой дом... сгорел?

Мысли в голове Скарлетт неслись вскачь.

— Мне очень жаль приносить дурные вести, — продолжал дядя Генри, — Боюсь, Атланта теперь не скоро сможет вновь увидеть столь великолепный дом.

— Все пропало?

— Пожарные Малванн спасли только каретный сарай.

Дорогая Скарлетт, не хотелось бы еще сильнее тревожить тебя, — доверительно произнес он, наклоняясь ближе, — но капитан Малванн считает...

Дядя Генри кашлянул.

— Что он считает?

— В газетах, конечно, ничего такого не будет, я об этом позаботился!

— Дядя Генри! Что ты хочешь сказать?

— Скарлетт, дом подожгли.

Дети, вынужденные долго сидеть дома, затеяли шумную игру на парадной лестнице.

Скарлетт подумала: «Сейчас кто-нибудь упадет и начнет реветь». Она позволила досаде подавить испытываемое облегчение.

— Резная лестница, восточные ковры, бюро, книги Ретта — все пропало?

Против ее воли, уголки рта Скарлетт потянулись вверх в улыбке.

Дядя Генри нахмурился.

— Прости, я не могу разделить твоего веселья.

— Это я прошу прощения, дядя Генри. Я заняла столько денег, Тара высасывает все до пенни, а тот дом был полностью застрахован.

Дядя Генри надел очки, достал бумаги из кармана сюртука и развернул их с видом человека, который уже знает, что в них содержится.

— Страховщиком выступала «Сазерн бенефит», фирма Эдгара Пурьера? Не было ли еще других?

— Нет. «Сазерн бенефит» должна выплатить полную сумму.

Дядя Генри со вздохом сложил полис и убрал его обратно в карман.

— Тогда, моя дорогая, боюсь, никаких денег не будет. Эдгар и его страховая компания «Сазерн бенефит» — банкроты. Во время депрессии не один ваш дом стал жертвой поджога.

Теперь нахмурилась Скарлетт.

— Кто-то пытается меня уничтожить.

— Что ты такое говоришь? Кто...

— Не знаю, — сказала Скарлетт и встряхнула головой, словно отгоняя наваждение, — Не важно. Генри, тут ничего не поделаешь. Думаешь, двойной участок на Пичтри-стрит что-нибудь принесет?

— Постараюсь продать, — ответил дядя Генри.

В то утро, когда дядя Генри отбыл назад в Атланту, дождь не пошел, и вообще дожди прекратились. Почва прогрелась, к удовлетворению Уилла. Лошади Тары отдохнули и были рады снова поработать. В третье воскресенье марта Уилл Бентин отправился к негритянским хижинам — сообщить работникам Тары, что в понедельник для них будет работа.

— Обычная плата для взрослого работника. Двадцать пахарей, двадцать сеятелей. Начнем на рассвете на полях у реки.

В понедельник еще затемно Уилл с Сэмом загрузили семена, подкапывающие лемехи и запасные гужи в длинный фургон. Когда они повели рабочих лошадей вниз по извилистой дороге, еще не рассвело, но путь был знаком, свет и не требовался. Внизу у реки тянуло холодком; Сэм дремал, а Уилл курил трубку.

Небо посветлело, в низинах пока держался туман. Проснулись и запели птицы. Уилл выколотил трубку, соскочил с фургона наземь и потянулся. Он плотно позавтракал, приготовившись к длинному рабочему дню.

В десять утра, галопом прискакав в негритянское поселение, Уилл обнаружил там только женщин и детей. Жены сообщали, что рабочие, которых он ждал, либо заболели, либо отправились на заработки в Атланту, либо уехали навестить родственников. Одна из негритянок посмотрела ему в глаза и сказала:

— Знаете ведь, как оно, мистер Уилл.

— Нет, Сейди, не знаю. Я готов начать сев, а у меня нет рабочих. Я плачу хорошие деньги и всегда поступал по справедливости. Нет, не знаю, как оно.

Женщина не грубо, но твердо закрыла дверь прямо перед носом Уилла.

Негры не выходили работать в Таре, а соседям надо было сеять свой хлопок. Эшли пришел помочь, а Моисей отказался.

— Я ниггер Двенадцати Дубов. И нигде, кроме Двенадцати Дубов, работать не стану.

Эшли Уилксу никогда не приходилось идти за плугом, поэтому Уилл шел рядом, пока тот не приноровился. Дилси сеяла хлопок, хотя, по ее словам, ей прежде не доводилось этого делать, и Присси тоже. Пожаловавшись на жизнь, Порк все же повесил на шею матерчатый мешок с семенами и двинулся следом за пахарями, открывавшими неглубокую борозду на хлопковых грядках. Скарлетт, Розмари и Сюлиин ехали позади сеятелей, их лошади тянули за собой доски, закрывавшие семена.

Дождь не пошел и в этот день.

Уилл больше не уходил спать на сеновал. В конце дня он слишком уставал и все равно не слышал баяла пса.

Мамушка поднималась в четыре утра, чтобы разжечь плиты и приготовить завтрак. Поев, все собирались в конюшне. Порк бормотал: «Слава богу, масса Джеральд не дожил, чтобы увидеть, до чего мы дошли». Сьюлин напоминала Уиллу, что прежде, пока «кое-кто» не вернулся в Тару, никаких трудностей с наймом работников не было. Всю дорогу, пока фургон вез их на поле, Розмари сидела с закрытыми глазами, стараясь урвать еще несколько минут сна.

В полдень Уэйд привозил им обед и оставался, чтобы подвозить воду работающим людям и лошадям. Мамушка доила коров, собирала яйца, кормила свиней и ухаживала за меньшими детьми. К вечеру, когда усталые работники Тары возвращались, едва передвигая ноги, у Мамушки уже был готов ужин.

Когда Розмари читала письма брата, дети с трудом могли удержаться, чтобы не уснуть. А Ретт там шутил, что его чуть не погребли в трюме шотландской шхуны, которая ловит сельдь, под целой тонной извивающейся рыбы.

Луи Валентин скорчил рожу.

А Элла спросила:

— Мама, когда папочка вернется домой?

Утро последнего воскресенья в апреле выдалось теплым и ясным. В воздухе витал аромат жимолости и каликанта. Маленькая Элла увязалась за Мамушкой в коровник. Ей очень нравилось смотреть, как Мамушка прыскает молоком из вымени коровы прямо в раскрытые рты кошкам, комично рассевшимся возле ее табурета.

— Что это, Мамушка? Там, возле ворот?

Старая негритянка схватила Эллу за руку.

— Сладенькая, пойдем со мной. Не надо туда смотреть.

Элла упала на землю и забилась в конвульсиях.

Длинный вывалившийся язык облепили мухи, белые клыки отважно оскалены — на шесте ворот была насажена окровавленная голова Бу.

В сумерках Уилл обнаружил Сэма возле реки, где разводились чукучаны. Однако хотя рыба ходила стадами, удочки Сэма лежала без дела на берегу. Уилл присел рядышком, в колене хрустнуло.

Старый становлюсь, — сказал Уилл.

Над водой пронеслась скопа и подхватила когтями извивающуюся рыбину.

Жаль Бу, — промолвил Сэм, — Знатный был пес.

— Угу.

Уилл завозился, разжигая трубку.

Помолчав, Сэм сказал:

— Я теперь священник в нашей Первой африканской церкви.

— Видный пост.

— Как считаете, врать — значит не говорить того, что знаешь, или только говорить неправду?

Тут трубочка Уилла потухла, избавив его от необходимости отвечать. Через некоторое время Сэм

продолжил разговор:

— Ниггеры боятся. Вот почему они не выходят на работу.

Уилл наконец снова разжег трубку, но скривился и вытряхнул отсыревший остаток табака.

— Я так примерно и думал. Кто их напугал?

— Только глянь на этого мерзавца! Целых три фута, и как не меньше.

— Да, здоров.

Рыбаки припомнили самого большого чукучана, выловленного тарлтонским Джимом во Флинт-ривер, сорокафудового, судя по весам, где Беатрис обычно взвешивала свиней.

Сэм произнес:

— Я это знал всю дорогу, мистер Уилл. Как думаете, это грех, что я молчал?

Уилл прочистил веточкой чубук.

— Верно, грех, если еще и священник.

— Э-эх, — горестно вздохнул Сэм.

Уилл тихо спросил:

— Одни и те же парни испортили нам мясо, застрелили кобыл и Бу?

Сэм снова вздохнул.

— Думаю, да. Маленький Уилли, что работает на рынке в Джонсборо, слышал, как они там шутики шутили.

— Кто?

— Тот объездчик лошадей. Уилли слышал, как он сказал: «Я люблю есть свинину без навоза». А дяде объездчика — его зовут как пророка, Исаяя — такие грубые речи не понравились. Их было трое: объездчик лошадей, Исаяя и еще Арчи Флитт из Манди-Холлоу.

После этого Уилл посоветовался с Сэмом, на что лучше ловить чукучанов — верно ли, что они клюют почти на все?

А потом припомнил, как миссис Тарлтон восхищалась любимицей Сэма — кобылой Долли, когда та была жеребенком.

Через некоторое время Сэм продолжил:

— Объездчик с Арчи Флиттом были клуксерами. Запугивали весь округ Клейтон после войны, — Сэм вздрогнул. —

Для Арчи цветного прикончить — раз плюнуть. Это он убил того негритянского сенатора в Мэконе. Вздернул его, будто тот ничего не значил!

Уилл поехал к Тарлтонам.

Миссис Тарлтон презрительно фыркнула.

— Какой он объездчик! Джоузи Уотлинг только так заявляет! Говорит, что на Западе настоящих диких лошадей объезжал. Самоуверенное ничтожество. Знаете Джима Боутрайта, владельца хлопковых складов? Бог наделил гусей большим соображением, чем этого человека. У Джима был один американский рысак, немного пугливая кобылка, но резвая, такой бы каждый позавидовал. А когда она сбросила Джоузи Уотлинга, этот тип изо всех сил саданул ее бочарной клепкой. И вышиб кобыле глаз.

На следующее утро, только пробило десять, Сэм поставил двуколку Скарлетт у коновязи перед зданием суда. На Скарлетт было скромное платье с высокой талией и та зеленая шляпка, что Ретт прислал ей на Рождество. Большой Сэм помог даме спуститься.

— Сэм, подожди меня здесь.

— Я буду в скобяной лавке, мисс Скарлетт. Мистеру Уиллу надо купить предплужников.

Кабинет шерифа располагался в подвале здания суда, где было прохладнее, что Скарлетт почувствовала, спустившись по ступенькам. На стене за спиной шерифа висели карта округа Клейтон, пожелтевшие плакаты с изображениями разыскиваемых преступников и обязательная литография генерала Роберта Ли. Когда Скарлетт представилась, Оливер Тэлбот выразил свое удовольствие встречей. Он знал мужа миссис Батлер.

— Вы вместе служили?

— Нет, мэм. — Шериф повернулся, чтобы показать высохшую руку, — Таким уродился, мэм. Уродство, конечно, он хихикнул невольному каламбуру, — но, как говорит моя жена, «возблагодари Господа, Олли, эта хилая рука спасла тебя от смерти на войне».

Скарлетт сказала:

— Моя плантация пострадала от вандалов, а негры слишком напуганы, чтобы работать на ней.

— Отца вашего я тоже знавал. Достойный был джентльмен Джеральд О'Хара... Кого вы подозреваете, миссис Батлер?

Скарлетт в красках описала, как пришлось выбросить безнадежно испорченные окорока и как жеребенок пытался сосать убитую мать.

— Двадцать восемь окороков, говорите, две кобылы...

И собака? — Шериф Тэлбот нахмурился, — Скажите мне, какие ниггеры это сотворили, и я призову их к порядку.

— Негры тут ни при чем, шериф. Лишь белые люди способны проявить столько злобы, те же самые белые, что подожгли мой дом в Атланте. Лучший особняк в Атланте спален дотла.

Улыбка шерифа Тэлбота несколько увяла.

— Миссис Батлер, с делами в Атланте я ничего поделывать не могу. Там Дж. П. Робертсон шерифом. Но порча имущества — не дело рук белых.

Она назвала по именам Исая и Джоузи Уотлинг и Арчи Флитта.

— Флитт меня ненавидит. А прежде сидел в тюрьме, думаю, вам известно. Арчи убил свою жену.

Тэлбот кивнул.

— Бедная Хэтти Флитт приходилась мне родней, миссис Батлер. Я знал Арчи Флитта до осуждения и знаю его сейчас. Старина Арчи не подарок. Но разорять мясохранище? На Арчи не похоже. Что до других... Исая Уотлинг — богобоязненный, трудолюбивый человек. Когда он еще владел фермой в Манди-Холлоу — какой это был год? Тысяча восемьсот сороковой или тысяча восемьсот сорок первый?..

— Шериф, поберегите свои трогательные воспоминания для тех, кто более склонен их выслушать. Моя семья кое-что значит в этом округе.

Улыбка совершенно исчезла с губ шерифа Тэлбота.

— Миссис Батлер, здесь, в округе Клейтон, каждый белый кое-что значит. Я знаю тех, кого вы назвали. Они не ангелы. Но они не стали бы делать то, что, по вашим словам, совершили. Тут явно замешаны какие-то наглые ниггеры, и я намереваюсь их выявить.

Когда Скарлетт вновь появилась из недр судебного здания на свет божий, то увидела худощавого старика, прислонившегося к ее двуколке. Приложив пальцы к полям шляпы, он сказал:

— Доброе утро, миссис Батлер. Я — Исайя Уотлинг, знал вашего мужа еще с тех пор, когда он был молодым господином на Броутонской плантации. Слыхал, Батлер сейчас в Европе, — Старик поцокал языком, — Некоторым людям всегда удастся вовремя ускользнуть. Станете писать мужу, не забудьте сообщить, что о нем справлялся Исайя Уотлинг.

— Мистер Уотлинг, что вы творите? Зачем вы мучаете нас?

Он издал старческий смешок.

— Есть разного рода мучения, миссис Батлер, но хуже всех мучения ада. — И добавил, наставив на нее костлявый палец: — Арчи говорит, вы Иезавель, но я представлял Иезавель иначе.

— Если поймаю вас возле своих земель, то прикажу высечь.

— Высечь, миссис Батлер? — Он вроде даже удивился. —

Сколько я за свою долгую-долгую жизнь ни видел тех, кого секли, и сам ни сек — никому это пользы не принесло, ни на волос. Волосняной кнут, ни на волос пользы — надо же... — У глаз Исайи Уотлинга даже собрались морщинки, настолько ему показался забавным каламбур, — Вот какая вышла шутка.

Он выпрямился и двинулся прочь.

Окинув взглядом пустую площадь, Скарлетт ощутила холодок.

— А где Сэм? Он должен был ждать меня тут.

— Тот верзила ниггер был, значит, ваш, миссис Батлер?

Сбежал, наверное.

— Сэм — послушный негр. Он бы меня не оставил.

— Что ж, тем более жаль, что он сбежал, мэм. Но лучше бы ему не останавливаться, пока он не будет очень далеко отсюда.

Глава 53

ТЕЛЕГРАММА

Телеграфист железной дороги Джорджии подтвердил, что сможет отправить телеграмму на имя Роба Кэмпбелла

в Лондон, в Англию, по трансатлантическому кабелю — верно, мэм, есть такой. Впрочем, прежде он не посылал телеграмм в Лондон, в Англию.

Сверившись со справочником, телеграфист присвистнул:

— Мэм, выйдет по доллару за слово!

Карандаш Скарлетт глубоко продавливал каждую линию на бланке для сообщений. «Ты нужен Розмари», — написала она и протянула было блокнот телеграфисту, но тут же снова схватила и дописала: «Ты нужен мне. Милый, возвращайся домой».

Глава 54

ГЛАЗГО

Тэзвеллу Уотлингу хотелось порвать бумагу в клочья, но он положил ее обратно в конверт и дал мальчику шестипенсовик.

Посыльный неуверенно дотронулся до фуражки.

— Сэр, вы передадите это мистеру Батлеру?

— Я найду его.

Полугодом ранее, когда Ретт Батлер зашел в офис Николета и Уотлинга, Тэзвелл с трудом узнал его. Некогда элегантный костюм теперь болтался на Ретте как на вешалке, лицо страшно постарело.

— Сэр?

Ретт крутил шляпу в руках.

— Я еду за океан, Тэз, — Лучше бы он вовсе не улыбался, такой печальной выглядела его улыбка, — Большое турне. Музеи. Исторические места. Изящное искусство.

После небольшой паузы он добавил:

— Я вот подумал... а не хочешь ли присоединиться ко мне?

Тэз чуть было не сказал, что октябрь для них самый напряженный месяц. Корабли уже выстроились возле пристани Николета, а хлопка поступало столько, что пришлось арендовать еще один склад. Но Тэзвелл глянул в опустошенные глаза опекуна и сказал:

— Конечно хочу.

Они сели на почтовый пароход, отправлявшийся в тот же день.

Красотка писала Тэзу о Ретте: «Радость моя, в худшем состоянии я его никогда не видела. Сначала Бонни Блу, теперь вот мисс Мелли. Даже если бы Ретт с мисс Скарлетт могли утешать друг друга, и то было бы нелегко, но они не в состоянии. Боюсь, Ретту больше почти не из-за чего жить».

Ретт ни о чем не рассказывал и только на входе в Бристольский канал, уже в Англии, упомянул имя Мелани Уилкс. Над белыми меловыми утесами кружили, то и дело опускаясь к самой воде, морские птицы.

— Мисс Мелли нельзя было обмануть, — произнес Ретт. — Мелани Уилкс всегда доверяла собственному сердцу.

Тэзвелл отвернулся, чтобы не видеть слез, струившихся по лицу опекуна.

О жене Ретта Тэз не спрашивал. Имя Скарлетт ни разу не сорвалось с губ Ретта — большего молодому человеку знать не требовалось.

В лондонской гостинице посыльный распаковал их багаж, пока Ретт сидел на кровати, безвольно свесив руки. Тэз хотел навестить Кэмпбеллов, но Ретт отказался, сославшись на усталость.

Тэз провел у Кэмпбеллов приятный вечер, возобновляя знакомство, а по возвращении в гостиницу Ретта там не застал. Привратник сказал, что Ретт не брал кеба, а отправился в Мейфэр [79]пешком.

— Джентльмен выглядел вроде как рассеянно, — добавил привратник, — Словно у джентльмена

было что-то на уме.

Ни в одном из игорных клубов его не оказалось. Конечно же, они знают мистера Батлера. А что, мистер Батлер вернулся в Лондон?

Через трое суток, в той же одежде, в которой и пропал, Ретт вернулся в гостиницу, грязный и небритый. Скорее всего, он спал одетым.

— Бесполезно, Тэз. Не могу забыть. Выпивка, опий, женщины — никогда не думал, что прокляну собственную память, — Он перевел взгляд себе на руки, — Можешь ехать обратно в Новый Орлеан. Спасибо, что оторвался от работы ради меня, но...

Тэз сказал:

— Я налью ванну.

Роб Кэмпбелл снабдил их необходимыми аккредитивами и пообещал пересылать почту. Тэз купил билеты на пароход, направлявшийся в Дьеп. Позаботился о запасе свежих рубашек для Ретта и вовремя напоминал о том, что пора принять пищу.

Париж в декабре встретил их промозглым холодом, его знаменитые огни немилосердно обрисовывали черты разочарованного путешественника. Ретт никак не мог согреться и порой, выходя на улицу, надевал даже два пальто.

Подобно почтительному сыну, сопровождающему немощного родителя, Тэз ходил с Реттом в Лувр, собор Парижской Богоматери и в «Опера Гарнье», заполняя разговорами молчание. На прямой вопрос Тэза его прежний опекун вежливо отвечал, но сам почти никаких наблюдений не высказывал и ничего ровным счетом не предлагал.

Как-то вечером они миновали на рю дела Пэ группку возбужденных танцовщиц, заходящих в *maison de couture*

[\[80\]](#). Тэз приветственно приподнял шляпу и заметил:

— Существуют ведь и другие женщины.

— Как смеешь ты мне это говорить!

Глаза Ретта так яростно сверкнули, что Тэз даже отшатнулся.

Порой молодой человек просыпался ночью и видел, как Ретт сидит без сна возле окна. Лицо его заливал мертвенно-белый зимний свет луны.

Каждую неделю, без пропусков, Ретт писал письмо детям. Прежде чем отправить, он просил Тэза читать письма вслух.

— Обычные наблюдения праздного туриста. Они не должны никого встревожить, — говорил Ретт.

В письмах парижские достопримечательности, которые Ретт миновал, не удостоив, казалось, и взглядом, описывались в ярких подробностях. Каждый день был солнечным.

Ретта забавляли парижские извозчики, известные своим пристрастием к спорам с седоками, а также официанты, притворявшиеся, будто не понимают креольского диалекта.

Письма Тэза к матери также были жизнерадостны.

Розмари писала на адрес Роба Кэмпбелла, что останется в Таре, пока «не решит, как быть дальше».

Красотка писала Тэзу: «Пару раз заходил твой дедушка. Может, когда-нибудь уговорю его остаться выпить кофе».

Покупка рождественских подарков была сущим мучением. Несмотря на мороз, Ретт весь взмок в своем твидовом пальто. Купив подарки детям, он выскочил из кеба на площади Согласия и забежал в галантерейную лавку, а уже через пять минут вернулся и со стоном опустил на сиденье.

— Ну, вроде бы дело сделано. Я совершенно без сил. Будь добр, проследи, чтобы все отправили.

Той ночью Ретт исчез из гостиницы. После целой недели отсутствия его привели два жандарма — рядовой и капитан.

— Нет, мсье, — сказал капитан Тэзу, — господин Батлер не совершил никаких безобразий. Но этот джентльмен совсем не бережет свою жизнь... В Монтфоконе, где мы обнаружили вашего друга, жандармы ходят только вчетвером.

— Ретт?

Тот закашлялся. И никак не мог остановиться, хотя от помощи Тэза отмахнулся.

— Может, мсье болен? — осведомился капитан.

— Да, болен, — кивнул Тэз и дал жандарму двадцать франков.

Если в Париже было холодно, то в Глазго и того пуще. Ночь по прибытии Тэз с Реттом провели в гостинице «Грейт вестерн» напротив вокзала Гэллоугейт. В огромной столовой было совсем немного постояльцев: несколько деловых людей, которые не отрывались от газеты даже за едой, да пожилая супружеская пара с внуком, решившая устроить праздничный ужин. Они долго выбирали, прежде чем остановились на бутылке самого дешевого шампанского.

Ретт вяло поковырял еду на тарелке и ничего не стал пить.

А наутро исчез.

Тэз объездил все больницы Глазго, посетил центральную тюрьму, откуда его направили в сумасшедший дом Гартнейвел.

Когда пришла телеграмма от Скарлетт, Тэз поместил объявление в «Глазго геральд»:

«Все, кому известно местонахождение мистера Ретта Батлера — американского джентльмена средних лет, высокого роста, прилично одетого, по-видимому в смятенных чувствах, — могут обратиться за значительным вознаграждением к мистеру Тэзвеллу Уотлингу в гостиницу "Грейт вестерн"».

Через четыре дня встревоженный кебмен подвез Тэзвелла к пивной в трущобах Ист-Энда.

— Тут небезопасно, — предостерег он Тэза, — Глядите, поосторожней.

Дым от угля, которым отапливались дома, стоял такой густой, что и в пять часов на улице было почти темно. Над узеньким переулком нависли доходные дома, лишь на углу грязным светлым кружком светился газовый фонарь.

Тэз сказал:

— Заплачу, когда увижу мистера Батлера.

Кебмен оскалил зубы.

— Хочу получить свои деньги сейчас. Я туда ни ногой.

— Хочешь получить деньги — подождешь.

Кебмен привстал на козлах, чтобы осмотреться. В проулке раздался кошачий ор.

— Если подождешь, удвою вознаграждение.

Кебмен сдался, хотя ответил уклончиво:

— Не могу обещать, но, может, и подожду. Богом молю, управьтесь поскорее.

Стоило шагнуть за никак не отмеченную входную дверь заведения, как запах шибанул в нос, и глаза Тэза заслезились. Комната с низким потолком была полна голубоватого табачного дыма, мешавшегося с запахом давно не мытых тел. Вонь прежних дней осела на побуревшем потолке. Вдоль стойки бара стояли прочные табуреты, возле столов — скамьи. Вся мебель была основательная и тяжелая, чтобы ее нельзя было использовать в качестве оружия.

В глубине слабо освещенной комнаты, облаченный в отороченный норкой плащ, поблескивая запонками из золотых самородков на рукавах рубашки и толстой золотой цепочкой от часов, за столом сидел Ретт Батлер в компании пяти отъявленных злодеев, хуже которых Тэзу видеть не приходилось. Преступные намерения прямо полыхали в их взоре.

— Привет, Тэз. Иди сюда, я тебя представляю. Помнишь, ты спрашивал меня о деде, Луи Валентине? Броутонская плантация была куплена вот как раз такими достойными ребятами.

— Господи, ну не забавно ли? — хихикнул один из «достойных».

Одежда Ретта была помята, щеки небриты, но взгляд был совершенно трезвый, а стакан перед ним нетронут.

— У меня тут кеб, Ретт.

— Ночь только началась, Тэзвелл Уотлинг, а я тут рассуждаю о любви с этими шотландскими философами. Мистер Смит, что сидит слева от меня, считает, что регулярная порка согревает супружескую постель. Мистер Джоунз — вот этот крепкий блондин — того же мнения.

— Нельзя позволять им выпендриваться, — подтвердил Джоунз.

— Вне всякого сомнения, — кивнул Ретт.

— Ретт, я тебя повсюду разыскивал, — сказал Тэз, передавая Ретту телеграмму.

«Убьет или вылечит» — пронеслось у него в мозгу, пока Ретт читал краткое послание Скарлетт. Глаза Ретта глядели на отпечатанные слова перед ним, на лбу выступила испарина. Затем с прежней гибкостью он поднялся из-за стола.

— Что ж, джентльмены, к сожалению, все хорошее когда-нибудь заканчивается.

Смит запротестовал:

— Эй, куда это вы собрались?

Джоунз тоже встал и поглубже нахлобучил кепку. — Мы ведь собирались поразвлечься.

— Отчего-то, — усмехнулся Ретт, — мне так и показалось.

Джоунз опустил руку под стол, и в ней вдруг возникла короткая толстая дубинка. В руке Смита что-то блеснуло. Бармен уронил свое полотенце и кинулся к двери.

— Нет уж, вы останетесь с нами, сэр. Ненадолго.

Тут Тэзвелл достал из кармана револьвер и как бы ненароком направил его вверх.

— Боюсь, придется вас разочаровать, но наш кебмен не станет ждать.

— Господи, — подхватил Ретт, — нам тогда придется идти до самой гостиницы пешком? Доброй ночи, друзья. Возможно, мы еще встретимся.

Джоунз, с дубинкой в руке, ухмыльнулся.

— Конечно, сэр. Заходите в любое время. Будем ждать с нетерпением.

Снаружи кебмен делал им отчаянные знаки, но Ретт, похлопав себя по карманам, нахмурился.

— Я забыл там перчатки.

— Боже, Ретт, ты совсем сошел с ума?

Ретт чуть помолчал, а потом его лицо осветилось прежней открытой улыбкой.

— Любовь — штука неверная, Тэз. Рискуешь своей бессмертной душой.

Глава 55

СУШЬ

В округе Клейтон стояла засуха. Мятлик глушил нежные ростки хлопка. В отсутствие Большого Сэма и при вернувшемся в Двенадцать Дубов Эшли Уилл Бентии проводил культивацию, выходя в поле еще до восхода солнца и доверяя лошадям самим держать борозду. Вместо отдыха в этот день Уилл впрягал свежую лошадь и продолжал работать, перекусывая хлебом и сыром на ходу.

Но плугом Уилла нельзя было пропалывать сорники и прореживать хлопок до нормы в восемь дюймов. Требовалось мотыжить руками. Только Мамушку, которая была слишком стара, и трехлетнего Роберта Бентина по малолетству освободили от этого каждодневного каторжного труда.

Уже в сотый раз за утро Скарлетт стряхивала пучки сорников со своей мотыги.

— Уэйд Хэмптон Гамильтон! Поли сорняки, а не хлопай мотыгой.

— Да, мама.

Хотя корень растения был подсечен, мальчик аккуратно вдавил его каблуком в почву.

Скарлетт закрыла глаза, пытаясь вернуть иссякающее терпение. Дилси крикнула:

— С вами все в порядке, мисс Скарлетт?

Скарлетт резко бросила:

— Если меньше болтать и больше полоть траву, нам можно когда-нибудь закончить это поле.

Уэйд пробормотал себе под нос:

— Возможно ли?

«Да, — подумала Скарлетт. — Хороший вопрос». Но вслух ничего не сказала.

За спиной группки культиваторов оставались редкие тонкие ростки хлопка, томящиеся под знойным небом. Перед ними простиралось бескрайнее выжженное поле, в котором с трудом угадывались посевы хлопка.

Вчера Уилл сказал, что придется оставить верхнее поле. Мы не успеем там ничего сделать, прежде чем хлопок совсем заглушится, мисс Скарлетт. Нет никакого смысла ходить там с плугом. Лучше я стану мотыжить рядом с вами.

Луи Валентин Раванель и Во Уилкс обрабатывали один ряд вдвоем. Как более взрослый, Уэйд стоял на рядке один. Уилл Бентин захватывал сразу два.

Облака лениво плыли по небу, гоня под собой тени по крошечной части мира, на которой трудились обитатели Тары.

И хотя они больше не ездили в Джонсборо на воскресную службу, труды заканчивали к полудню, и тогда усталые притихшие дети забирались в фургон. В горячем марене позванивали поводи, Уилл бормотал: «Пошла, Молли, просыпайся», и большие лошадиные копыта стучали по сухой земле.

У конюшни дети выбирались из фургона, а Порк, Дилен и Присси шли в свои хижинки.

— Сюэлин, отмой детей, пожалуйста. Я помогу Уиллу с лошадьми.

— Не думайте, что мне нужна помощь, мисс Скарлетт, — сказал Уилл.

— Я думаю, все же нужна, — ответила Скарлетт.

Розмари озадачило появление черной кареты перед домом. Определенно она ее уже где-то прежде видела...

— О, какими судьбами, мисс Уотлинг? Вот сюрприз!

В скромном клетчатом коричневом платье, Красотка могла сойти за обыкновенную женщину из сельской местности, явившуюся с визитом.

— Не хотелось бы докучать, мисс Розмари, но мне пришлось приехать.

— Я всегда рада видеть друзей Ретта, Красотка. В Атланте тоже стоит такая сушь? У нас тут все просто выжгло. Пожелаете ли зайти в дом?

Стоя на пороге, гостя заколебалась.

— У мисс Скарлетт настоящий дворец...

— Верно. Входите, прошу вас.

Розмари провела Красотку в прохладную гостиную.

— Не желаете ли присесть? Выпить чего-нибудь? Есть свежая пахта.

— О нет, ничего не надо. Я приехала... сказать вам и мисс Скарлетт... — Красотка положила перчатки на подлокотник диванчика, затем взяла их и принялась теревить. Потом глубоко вздохнула, — Мисс Розмари, мы с вами находимся в дружеских отношениях, зато мисс Скарлетт меня ненавидит.

Однако я намерена сказать кое-что важное и поэтому просила бы вас ее позвать.

Розмари вышла в холл и крикнула наверх:

— Уэйд, позови сюда маму. Скажи — важно!

Красотка добавила:

— Вопрос жизни и смерти.

Мальчик, громко топая, сбежал по черной лестнице во двор. Розмари попросила Мамушку принести воды в гостиную.

Когда Розмари вернулась, Красотка пристально рассматривала портрет над каминной доской. Прервав созерцание, она произнесла:

— Вот образец настоящей леди.

— Пожалуй. Бабушка миссис Батлер была замужем три раза.

— Простите, что явилась без приглашения, — Красотка нагнулась над свежесрезанными розами, которые Порк приносил каждый день. — Я теперь поливаю розы водой из колодца...

Когда Мамушка, поджав губы, внесла кувшин и стаканы, Розмари поспешила упредить громкое выражение ее недовольства, сказав:

— Спасибо, Мамушка. Дети могут поужинать на кухне.

Но та все же пробормотала:

— Бедная мисс Эллен перевернется в гробу...

Грязная потная Скарлетт вошла в гостиную, развязывая на ходу шляпку от солнца.

— Жизни и смерти, Розмари?.. А, мисс Уотлинг!

— Миссис Батлер, не хотела бы вас беспокоить...

— У вас действительно нет необходимости нас беспокоить.

Скарлетт подчеркнуто отошла в сторону, как бы давая дорогу.

— Скарлетт... — запротестовала Розмари.

Улыбка Скарлетт была неколебима.

— Дорогая Розмари, Луи Валентин перемазался как трубочист. Не позаботишься, чтобы его искупали?

— Вряд ли Красотка ехала сюда из самой Атланты без очень важного дела.

Скарлетт откинула со лба пропылившиеся волосы, подошла к шкафчику, откупорила графин и налила себе бренди.

Выпив, скривилась.

— Простите, мисс Уотлинг. Вас здесь... не ждали.

— Мне очень нелегко, — Красотка отпила немного воды, — Тут вода вкуснее, чем в городе.

— Слушайте, — начала Розмари, — что именно...

Красотка прижала ко лбу холодный стакан с водой.

— Мисс Розмари, меня, может, и не было бы в живых сегодня, если бы не Ретт Батлер. Да и моего мальчика Тэзвелла не было бы в живых.

— Мисс Уотлинг, — прервала ее Скарлетт, — я с рассвета в поле. Я вся в грязи и раздражена.

Гостья откинулась головой на спинку диванчика и закрыла глаза.

— Папа ненавидит Ретта. Он считает, что Ретт коварно вовлек моего брата Шадру Уотлинга в дуэль и хладнокровно застрелил его — в отместку за убитого Шэдом Уилла с Броутонской плантации.

— Можно уточнить, о чем вообще речь? — потребовала Скарлетт.

Красотка продолжала говорить, не открывая глаз.

— Каждое воскресенье, почти всегда ровно в десять часов, папа меня навещает...

Исайя Уотлинг направлялся по дорожке прямо к крыльцу, не замечая ни как она следит за лужайкой перед домом, ни ее роз, ни веселых петуний в цветочном ящике на подоконнике. У Красотки на террасе всегда были наготове кофейник и сладкие булочки — на случай, если он вдруг захочет попить кофе или перекусить, — но он ничего не брал.

— С добрым утром, папа.

Он всегда приходил один, оставляя Арчи и Джоузи в Манди-Холлоу, и садился на диванчик-качалку на террасе, плотно уперев ступни в пол, чтобы тот не раскачивался. Не снимая шляпы, он произносил: «Дочь», выговаривая это слово так словно не был уверен, дочь ли она ему.

Исайя никогда не спрашивал о внуке, хотя, казалось, был не прочь послушать, если Красотка читала вслух письма Тэзвелла, в которых он описывал приливную волну на реке Северн, собор Парижской Богородицы и скачки в Лоншамп, где Тэз и Ретт встретили художника Дега: «Полагаю, что изображение на картине должно быть похоже на изображаемый предмет» (Красотка вполне разделяла это здоровое мнение).

— Только подумай, папа, — говорила она, — у них во Франции есть ипподром, прямо как у нас!

Когда Белл заканчивала читать и аккуратно складывала каждое из этих драгоценных писем, отец непременно спрашивал:

— Не пишет ли мальчик, когда они вернутся?

— Нет, папа.

— Батлеру больше не укрыться за спиной мисс Элизабет.

Они сидели на террасе, как сидят отцы с дочерьми во множестве домов воскресным утром. И Красотка брала на тарелку булочку.

Бывало, Исая сидел молча. А порой вспоминал ферму Уотлинг в Манди-Холлоу, вызывая при этом в памяти клички всех лошадей и даже как звали старую гончую брата, которую Шед очень любил.

— Все говорили, что лучше джема из бузины, что готовила твоя мать, не едали, — говорил Исая — Мне-то бузина никогда особо не нравилась.

Они с Джоузи и Арчи жили неподалеку.

— Сама ферма пропала, — говорил Исая, — И дом, и амбар обрушились, словно нас там никогда и не было.

В прежние дни Исая пытался выбить из сына зло.

— Шадр был жестокий, — сказала Красотка.

— Это не означает, что Ретт Батлер мог его пристрелить.

— Я твоя дочь, папа.

— Я думал об этом, — Качалка скрипнула — А ты когда-нибудь думала о раскаянии?..

— Мисс Уотлинг, — прервала ее рассказ Скарлетт, — ваш отец и его подручные терроризируют нас и распугивают наших рабочих. Хотя я даже вообразить не могу, какие обиды у него могут быть на меня.

— О, у него нет на вас обид! Арчи Флитт вас ненавидит, но папа о вас и не думает.

— Мисс Уотлинг, вы говорили, что у вас дело «жизни и смерти»...

Красотка поставила стакан на стол. Затем взяла перчатки и аккуратно их сложила.

— Никак не думала, что будет так трудно сказать...

— Красотка... — мягко подбодрила ее Розмари.

— Мисс Розмари, вы ведь помните, как папа относился к вашей матушке. Просто считал ее святой. И вы знаете стоит что-то ему забрать в голову — уже не встряхнешь. Мисс Скарлетт, папа не имеет ничего против вас, но Ретта он хочет убить уже давно, а теперь, когда мисс Элизабет умерла, а папа связался с Флиттом и кузеном Джоузи... дело плохо.

— Зачем... — начала Скарлетт.

— Пока Ретт за океаном, они ему ничего сделать не могут, поэтому досаждали вам, чтобы вы позвали его вернуться. Я о чем? Что бы ни происходило, — взмолилась Красотка, — прошу вас, мисс Скарлетт, не надо звать его домой!

Глава 56

ТРИ ВДОВЫ

Хотя по воскресеньям телеграф в Джонсборо был закрыт, Скарлетт оторвала телеграфиста от ужина и упрасивала до тех пор, пока он не согласился поехать с ней на вокзал, где зарядил батареи аппарата, закатав рукава, проверил силу сигнала и направил паническое сообщение Скарлетт через Атлантический океан.

Скарлетт мерила шагами комнату, пока аппарат не застучал снова, донося ответ Роба Кэмпбелла: «Ретт с Тэзвеллом отплыли в Нью-Йорк в четверг».

— С вами все в порядке, мэм? — спросил телеграфист, —

Может, присядете?

— Отправьте мое сообщение в «Астор-хаус», «Метро-политан», «Пятую авеню»... ради бога, отправьте его во все отели Нью-Йорка!

— Мэм, — сказал телеграфист, — я не знаю отелей Нью-Йорка. Я никогда не бывал в Нью-Йорке.

Скарлетт хотелось ударить этого человека, чтобы добиться какого-то полезного результата. Хотелось зарыдать от отчаяния. Но она только сжала зубы и выдавила:

— Отправьте в те отели, что я назвала.

По дороге в Тару Скарлетт безостановочно искала выход. Что она могла поделать? Что любая женщина могла сделать на ее месте?

Где-то на полпути она придержала лошадь. Небо над головой было безупречной голубизны, из кустов возле дороги доносилось пение славки. Скарлетт совершенно ясно осознала, что, если Ретта Батлера убьют, ей тоже не захочется больше жить.

Как ни странно, этот жестокий приговор себе успокоил душу. В голове прояснилось, и она поняла, что должна предпринять.

Едва Скарлетт спешила, к ней подбежала Розмари.

— Тебе удалось предупредить Ретта?

Скарлетт сняла шляпку и, встряхнув головой, распустила волосы.

— Они уже отплыли. Когда Ретт приедет в Тару, Уотлинги нападут на него из засады.

Розмари на секунду зажмурилась.

— Да будут они прокляты!

Притихшая Мамушка принесла обеим женщинам чай в гостиную. Дом опустел: дети гуляли допоздна во дворе.

— Розмари, — начала Скарлетт, — мы во многом не похожи, но обе любим твоего брата.

Розмари кивнула.

— И сделаем все, что угодно, все необходимое, чтобы уберечь его от беды.

— Скарлетт, что ты задумала?

— Уже два раза я надевала траур по мужьям, погибшим, защищая честь южных леди. Я ненавижу траур. И не собираюсь надевать его в третий раз по Ретту Батлеру.

Скарлетт налила им обеим чая и добавила в чашку Розмари сливки и сахар. А когда протянула ее золотке, чашка задребезжала о блюде.

— Розмари Батлер Хейнз Раванель, ты, как и я, дважды овдовела. Когда твои мужья отправлялись сражаться, рада ли ты была, глядя им вслед?

— Что? Ты сошла с ума?

— Напротив. Может быть, впервые за много лет я отбрасываю мужское безумие, — Скарлетт взяла графинчик с бренди и плеснула оттуда себе в чай, — Я знаю, леди не добавляют бренди в чай. Но, честно говоря, Розмари, мне теперь совершенно все равно, что пристало делать леди, а что нет.

— Скарлетт, я чувствую себя так, будто сижу в карете, а лошади понесли. Расскажи мне, что ты задумала. Пожалуйста! Прошу тебя!

И Скарлетт рассказала.

С утра в понедельник Дилси нагрела воды и устроила им купание на кухне — сначала Скарлетт, потом Розмари, пока Скарлетт вытиралась и сушила волосы. Грязь от полевых работ сделала воду темной. Мамушка наглаживала нижние юбки, пока они сидели рядышком, завернутые в полотенца, а Дилси заплетала и укладывала им волосы.

В душе Мамушки боролись неприязнь к тому, что Скарлетт собиралась делать, и радость от преображения молодых женщин.

Всех мужчин временно изгнали из дома, и леди принялись перебирать сундуки Скарлетт в поисках наиболее подходящих нарядов. Когда она развернула розовое муаровое платье, оттуда на пол вылетела квитанция: «Мадам Фрер, Бурбон-стрит».

— О, — воскликнула Скарлетт, — Ретт купил его в Новом Орлеане.

Она приложила платье к Розмари.

— Очень тебе идет и подчеркивает цвет лица.

— Но лиф? Скарлетт, я не наделена такими формами...

— Ничего, Дилси ушьет немного. — Скарлетт хихикнула. — Ретт не рассказывал тебе, как мы посещали пресловутый бал квартернон?

Пока дамы прихорашивались и наряжались, Порк взнуздal двух самых красивых верховых лошадей Тары. Он растер их, продернул им гриву и подровнял хвост, прежде чем завести между двух слег и препоручить заботам Присси.

В упряжной отыскал два пыльных дамских седла и с благоговением отряхнул то, что поменьше.

— Миссис Эллен, — сказал Порк. — Да, все переменялось в Таре, и не к лучшему.

Заплетая гривы и хвосты лошадям, Присси без умолку болтала:

— Они будут просто красавицы, верно? А что, мисс Скарлетт и мисс Розмари собираются на барбекю? Судя по тому, как они нарядились, наверное, так и есть. Мы тоже поедем или нет? — Отойдя на шаг, она любовалась своей работой, — Надо бы еще ленточки вплести в гриву и хвост. Порк, как думаешь, какого цвета?

— Для мисс Скарлетт — зеленого, — авторитетно изрек тот в ответ.

Рынок Джонсборо одной стеной примыкал к бойне, а другой — к складу хлопка Макайвера. Во время жатвы здесь проходили аукционы хлопка, и круглый год фермеры округа Клейтон привозили сюда скот. Загоны и навесы упирались в железную дорогу. Животные, которых пригоняли на продажу, проходили через южные ворота; там их взвешивали, пересчитывали и помещали в загоны, откуда по широким проходам переводили на круг для продажи в сотню футов диаметром, обнесенный прочной дубовой оградой, и захлопывали за ними ворота. В базарные дни на этой ограде рассаживались негры, в то время как белые устраивались с относительным удобством на открытых деревянных трибунах. Под ними, в торговой конторе, две угрюмые женщины принимали платежи, исчисляли продажную комиссию и выдавали квитанцию, по которой купивший лот мог забрать своих животных. Возле торговой конторы цветная женщина продавала ветчину в нарезку и кукурузный хлеб; из уважения перед баптистами большую оплетенную бутыл самогона она держала под прилавком.

Отовсюду неслись мычание, рев, визг, блеяние, ржание и клохтанье всякой живности: коров, лошадей, мулов, свиней, гусей, уток и кур.

Утром того понедельника под ногами хрустела высохшая трава и все вокруг покрывала красная пыль — и скот, и ограды, и помост. Даже поля шляп у мужчин покраснели от пыли. Пыль пахла высохшим навозом.

Оптовые покупатели, делающие закупки для боен Атланты, красовались в светлых льняных костюмах и галстуках, заколотых золотыми булавками. Однако большую часть публики составляли бедняки, которые привели на продажу одну свинью или молочную корову, еще вполне годную для дойки. Некоторые из мужчин были босы.

К часу дня рынок весь гудел. Скот уже перевели на продажный круг, аукционер нараспев поднимал цену, а в воздухе красноватым туманом повисла пыль.

Когда появились две леди, удивленные фермеры начали толкать друг друга в бок. Один простак даже потер глаза и присвистнул: «Вот это да!»

Шелковые зонтики с оборками защищали нежный цвет лица дам, перчатки до локтя — их нежные ручки.

Розмари мило улыбнулась: «О, благодарю, сэр».

Молодой фермер, открывший им ворота, никогда не слышал голоса милее.

Они являли собой совершенную женственность — леди, каким никогда не стать женам обычных фермеров, изношенным каждодневным трудом и частыми родами. Вне всякого сомнения, на них не было ни пылинки. Взор леди скользил, не замечая, по мужчине, который бил больную корову, заставляя ее подняться на ноги, по предназначенным мяснику трехдневным телятам, которые жалобно мычали, отнятые у матери, по работнику, кнутом загоняющему быка в загон. Леди ни на что не обращали внимания, слишком изысканные, чтобы замечать повседневную грязь. Мужчины снимали шляпы и улыбались при их приближении.

Один из них, в прежние времена служивший у Тарлкнов управляющим, поприветствовал: «Доброе утро, мисс Скарлетт», на что та по-королевски кивнула.

Новость о прибытии леди вскоре облетела весь рынок и народ потянулся к месту проведения аукциона — с ложи на продажу выставили особо ценного коня или быка. Гуртовщики, осматривавшие

копыта ослицы, отпустили ее, а негры, кормившие свиней, побросали ведра на землю.

На трибунах покупатели из Атланты восседали на подушках, примерно на уровне головы аукционера, стоящего на дальней стороне круга.

А много выше, на самом верхнем ряду, на солнце дремал Исайя Уотлинг, пока его племянник читал дешевый роман Неда Бантлайна [81] под названием «Разведчики прерий» и думал, что прерии — как раз то место, куда следовало бы отправиться Джоузи Уотлингу. В книжке Бантлайна Буффало Билл за милю срезал краснокожего выстрелом. Джоузи Уотлинг почесал в затылке. Ему никогда не приходилось убивать с такого расстояния.

Джесси и Фрэнк грабили поезда. Джоузи не доводилось пока грабить поезда. Он даже забеспокоился. Не слишком ли он задержался тут на Востоке, а то ведь вернется, скажем, на Запад, а ни человека за милю подстрелить, ни поезд ограбить не выйдет. Да и вообще, как эти поезда грабить? Как заставить его остановиться, чтоб как следует ограбить?

У храпевшего дяди Исайи в уголке рта пузырилась слюна. Старый хрыч вообще еще дышал только из-за Ретта Батлера. Вероятно, упрятав Ретта под землю, Исайя Уотлинг может спокойно умереть.

Это Арчи Флитт придумал не давать покоя миссис Батлер, пока та не призовет мужа. Арчи ненавидел Батлеров жгучей ненавистью. Дядя Исайя был слишком щепетилен, черт его дери, чтобы портить мясо, слишком благочестив, чтобы пугать ниггеров, и слишком свят, чтобы заткнуть того проклятого гавкающего пса, но когда они подожгли большой дом в Атланте, Джоузи пришлось оттащить старого дурня. Дядя стоял, уставившись в огонь, словно видел в нем свое конечное место назначения.

Джоузи вновь принялся читать. Буффало Билл зашел в салун команчей, где плохие парни делили награбленное.

«В воздухе пахло надвигающейся перестрелкой», — писал Нед Бантлайн.

На пыльном круге Арчи Флитт гонял скотину, пока аукционер выкрикивал:

— Сотня долларов! Кто сделает первую ставку, забирает все. Волы мистера Бенсона. Подкормите их немного, и они принесут вам прибыль. Кто дает сотню?

Волы нервно трусили по кругу, Арчи не давал им остановиться, поворачивая то одним, то другим боком, чтобы покупатели рассмотрели получше.

Клубилась пыль. Топоча, мычали волы. Арчи покрикивал: «Су-кау! Су-кау! Эй, эй, пошел!», аукционер тянул свой речитатив.

Леди направили украшенных лентами скакунов прямо на круг.

— Арчи Флитт, — звонко произнесла Скарлетт, — мы обращаемся к вам и вашим... сообщникам.

Арчи нахмурился, деревянная нога оступилась, но он устоял. Без его понукания волы сгрудились позади у ограды.

— Леди! — обратился к ним аукционер, — Прошу вас, леди, вы нарушаете процесс торгов.

Скарлетт с радостью ответила на такой вызов:

— Не беспокойтесь, сэр, мы вас долго не задержим. Нам были причинены страшные обиды, и я уверена — вы, как христианин и джентльмен, сами захотите, чтобы справедливость восторжествовала.

Окинув взором трибуны, она помахала рукой тем из присутствующих, кого узнала.

— Многие из вас помнят меня по девичьей фамилии как Скарлетт О'Хара, иные — как миссис Ретт Батлер. Моя золовка, — она указала затянутой в белую длинную перчатку рукой на Розмари, — миссис

Раванель, вдова полковника Эндрю Раванеля, чье имя известно любому патриоту южанину. Исая Уотлинг, это вы скрываетесь там наверху? А вы, сэр, должно быть, Джоузи Уотлинг? Я слишком уже наслышана о вас.

Перешагивая через ряды скамей, Уотлинги спустились по трибуне к ограде, перелезли через нее и ступили в круг. Аукционер было запротестовал, но, заметив, что покупатели из Атланты покачал головой, умолк.

— Арчи Флитт, рада, что вы наконец сумели найти достойное применение своим силам. Мелани Уилкс совершенно напрасно доверяла вам сидеть с детьми. Теперь я просто содрогаюсь при мысли, что невинные дети были полностью в вашей власти. Исая Уотлинг, как вам удалось заставить Большого Сэма сбежать? Чем вы его запугали?

— Исая! — послала Розмари своего коня чуть вперед.

Чтобы вы убивали лошадей? Распугивали негров? Застрелили несчастного пса? Что подумала бы Элизабет, моя мать, об этих... бесчестных деяниях?

Старик выпрямился, словно сбросив бремя лет, его глаза засверкали, как у ястреба.

— Ваш брат застрелил моего единственного сына. Ретт Батлер обрек Шадру Уотлинга на вечные адские муки.

— Вы лжец, Исая Уотлинг, — заявила Розмари, — Ваш сын стрелялся с Реттом Батлером на поле чести. Может ли это служить оправданием тех мучений, которым вы подвергли невинных вдов и сирот?

Скарлетт обратилась к толпе:

— Господа, эти жалкие создания застрелили двух недавно ожеребившихся кобыл, разогнали наших полевых рабочих, испоганили нашу собственность и, простой забавы ради, убили верного сторожевого пса. А теперь, Исая Уотлинг, — указала она на него пальцем, — солги нам. Скажи, перед Богом и людьми, что ты невиновен!

— Задайте им жару, мисс Скарлетт! — крикнул кто-то с трибуны.

Когда Джоузи повернулся туда, чтобы определить сказавшего, многие мужчины с вызовом встретили его взгляд. Некоторые поднялись с мест. Нарастал гневный гомон.

Розмари поставила коня перед трибуной.

— Джентльмены, за время, пока я нахожусь в доме миссис Батлер, нас постоянно донимали ночными набегами. Какими трусами надо быть, чтобы запугивать женщин, детей и негров? Что они предпримут дальше? Убьют моего ребенка — сына полковника Раванеля?

Двое молодых фермеров прыгнули с трибуны на круг.

— Мой сын, Шадра, он...

— Управляющий Уотлинг, — оборвала его Розмари, — вы забываетесь! Шадра Уотлинг был задира и хам.

— Скажите им все, миссис Раванель! Нельзя им спускать!

Еще один фермер крепкого сложения выбрался на круг. Мужчины потянулись за ремennыми кнутами и хлыстами. Джоузи Уотлинг положил руку на кобуру.

— О, — воскликнул Исая, — вы такие благородные и могущественные! У вас, Батлеров, гордости больше, чем у всех на свете! Банкротите, кого хотите, стреляете, кого пожелаете, оскорбляете, кого заблагорассудится, и уезжаете себе!..

Вы владеете всем! — Тут он поднял указательный палец и погрозил. — Око за око, зуб за зуб!

В этот момент, когда все, включая Исая Уотлинга с брызгами слюны на губах, застыли на мгновение, в круг ступили Эшли Уилкс и Уилл Бентин.

Розмари охнула.

Скарлетт крикнула им:

— Уходите! Прошу вас! Мы справимся сами!

Но Эшли Уилкс, как и подобает майору Конфедерации, продолжал двигаться вперед по утрамбованной красной глине арены. На правой руке у него болтался хлыст.

— Все в порядке, Скарлетт, — сказал Эшли. — Мы все исправим!

— О нет, Эшли, мы...

Эшли хлестнул Арчи по лицу.

— Мерзавец, не приближайся больше к Таре! Никогда! А иначе, клянусь Богом, я...

Арчи едва успел поднять руку, чтобы заслониться от нового удара.

— Негодяй! Держись от нас подальше!

Хлыст обвился вокруг поднятой руки Арчи. Тот прижал ее к груди, и когда Эшли дернул хлыст, чтобы его высвободить, Арчи навалился прямо на Уилкса.

— Ты никогда больше не потревожишь приличных людей! — успел выдохнуть Эшли.

— Зато тебя уж потревожу! — сказал Арчи, наступив изо всей силы своей деревяшкой на подъем ступни Эшли, а когда Уилкс упал, старый драчун упал на него сверху.

Лошади обеих леди старались не наступить на катающихся под копытами людей, однако та, что была под Розмари, поворачиваясь, задним копытом придавила Эшли лодыжку.

Все это перепугало волов окончательно, и они, обезумев, кинулись вперед, фермеры от них — врассыпную, чтобы их не затоптали.

Арчи сомкнул пальцы на шее Эшли.

Хотя Эшли молотил его по спине, хватка Арчи не ослабевала. Эшли выгибался, пытался перекатиться, чтобы встать на колени, но противник не отпускал. Пока Уилкс старался разжать жилистые пальцы Арчи, Уилл Бентин кружил возле них и кричал:

— Я всажу в тебя пулю, Флитт. Отпусти его, или, ей-богу, застрелю!

Пистолет Уилла выстрелил, конь Скарлетт взвился на дыбы, шляпка ее слетела. Обеими руками Скарлетт натянула поводья, и лошадь стала пятиться, пока не уткнулась крупом в дубовую ограду. Мужчины кричали, не переставая ревели волю.

Джози гнусаво протянул:

— Сукиным сыном буду, ты же застрелил Арчи Флитта. Христом-богом клянусь, даже не думал, что Арчи попадет под пулю!

Скарлетт глядела с коня вниз на Уилла, на его просоленную от пота шляпу. И ясно услышала, несмотря на рев волов, его мольбу:

— Ради бога, не надо! У меня двое детей!

— А ты не подумал, что у Арчи тоже могли быть дети?

Ты его спрашивал?

Второй выстрел прозвучал громче первого. В ушах у Скарлетт зазвенело. И Уилл застонал так, как живые не стонут.

Розмари придерживала лошадь Скарлетт, когда Джоузи изрек:

— Ну, дядя Исая, пора делать ноги. Тут мне хода не будет. У Джесси с Фрэнком [\[82\]](#), когда выносишь кого-нибудь, тебе, по крайней мере, платят.

Глава 57

ДОЖДЬ

Мозолистые руки заботливо уложили Уилла и Эшли на мешки с кормом в фургоне. Застывшую фигуру Уилла накрыли лошадиной попоной. Розмари склонилась над потерявшим сознание Эшли, обтирая ему лицо.

Часть фермеров, провожавших Скарлетт и Розмари до дома, знали Уилла Бентина и семью О'Хара много лет, но большинство были просто зеваки и пошли от нечего делать.

— Убив Уилла, этот Джоузи двинулся прямо ко мне, пистолет его еще дымился. Ну я, конечно, и отошел с пути. Верно, попроси он, я б ему и лошадь отдал.

— У них свои кони были, Чарли. Чалый мерин и гнедая кобыла.

— А то я не знаю, что у них были кони, Хэнк. Разве не при мне Джоузи Уотлинг покупал ту кобылу у мистера Питерсена? Разве нет?

— Вот и я говорю, к чему бы им понадобилась твоя лошадь, верно?

Эта пустая болтовня больно отдавалась в разгоряченной голове Скарлетт. Почему приехали Уилл с Эшли? Скарлетт никому ни словом не обмолвилась об их с Розмари плане, сказав, что они едут в Атланту. «К банкирам» — соврала она. Бог знает, каким образом мужчины распознали ее намерения и поспешили на помощь.

Когда их кортеж въехал на аллею Тары, Сьюлин с Дилси выбежали навстречу, а завидев лошадь Уилла без седока, Сьюлин закричала:

— Уилл! О нет! Только не мой милый Уилл!

Она кинулась к фургону, подняла попоны с лица мужа и лишилась чувств. Если бы Дилси не подхватила ее, миссис Бентин грохнулась бы оземь.

Мужчины перестали чесать языками и отвели овдовевшую женщину в дом. Дети и слуги потерянно сгрудились на террасе. Присси заголосила.

Кузнец, что в прежние дни подковывал лошадей Джеральда, сказал Скарлетт:

— Они должны за это заплатить. Мисс Скарлетт, скажите только слово!

Гнев на мужской идиотизм ослепил было Скарлетт. Однако, сжав губы, она сдержалась и лишь вымолвила:

— Благодарю. Спасибо за вашу доброту. Мамушка, отведи детей в дом. Присси, перестань сейчас же! Присси!

Мамушка собрала вокруг себя ребятишек, словно курица цыплят.

— Джентльмены, если бы вы были так добры отвести наших лошадей в конюшню, а вы вчетвером, пожалуйста... отнесите этого господина, мистера Уилкса, в гостиную.

— У него лодыжка раздавлена, мисс Скарлетт, — сообщил кузнец, — Верно, страшно больно.

— Верно, так и есть, — язвительно огрызнулась она.

Уилла отнесли в маслобойню и положили на прохладные камни возле молочных бидонов.

— Нет, джентльмены, спасибо, больше нам ничего не нужно. Вы и так много для нас сделали.

Не желая считать приключения для себя завершенными, зеваки еще около получаса, переговариваясь, бродили по ферме, прежде чем отбыли по домам.

Скарлетт с Розмари соорудили для Эшли постель на полу в гостиной.

— Присси! Найди старую простыню и разорви ее на полосы примерно такой ширины. — Розмари развела руки дюйма на четыре. — Дилси, принеси теплой воды и мыла.

Оставшись наедине с Розмари, Скарлетт сказала:

— И что только они себе думали?

— У Эшли несколько ребер треснули, горло распухло и едва пропускает воздух. А лодыжка, наверное, сломана, — вздохнула Розмари.

Когда Мамушка уговорила Сьюлин принять дозу опийной настойки и уложила овдовевшую женщину в постель, они вместе с Присси обмыли тело Уилла и нарядили его в воскресный костюм.

Молодой доктор Брайан только заводил в здешних местах практику, но специально заметил, что изучал медицину в Филадельфии, хотя сам — уроженец Джорджии. Он вправил Эшли лодыжку, поместил ее в лубок и сделал на горло горячий компресс с маслом ползучей чайной ягоды.

Робкий во время лечения, он проявил достаточную настойчивость, когда речь зашла о плате за его услуги.

— Десять долларов? Боже милосердный, доктор! На чьей стороне вы воевали?

— Миссис Батлер, — отвечал доктор, — когда война окончилась, мне было тринадцать лет.

Уже в сумерках Порк выкопал на маленьком кладбище Тары могилу для Уилла Бентина.

Скарлетт сказала:

— Она недостаточно глубока. Порк, кроме тебя, других мужчин не осталось. Комай глубже.

В доме Скарлетт ожидала Сьюлин Бентин. Лицо сестры покраснело и опухло от слез.

— Когда мой Уилл сказал, что ты возвращаешься в Тару, я говорила, что нам лучше уехать. «Тара теперь принадлежит Скарлетт, — говорила я ему, — у нас здесь больше не будет дома». Я умоляла Уилла уехать. Объясняла: «Моя сестра Скарлетт всегда приносит одни только тревоги». Ты украла у меня Фрэнка Кеннеди, и его убили. Теперь и моего Уилла убили из-за тебя. — Она снова разрыдалась, — Что я теперь буду делать без Уилла? Господи Боже, что теперь делать?

Скарлетт поднялась наверх, где, все еще в помявшемся парадном облачении, рухнула на постель и провалилась в сон, пока ее глаза не открылись в свете наступившего утра и все произошедшее не нахлынуло вновь.

Впоследствии Скарлетт вспоминала события следующих нескольких дней лишь обрывками: как подъехал гробовщик, на полу фургона которого с грохотом подпрыгивал простой, суживающийся к ногам гроб; как дети шептались возле закрытой двери спальни Сьюлин. Соседки приносили еду, но никому не хотелось есть, а соседи-мужчины выполняли работу по дому и двору, которую обычно делал Уилл.

Двери гостиной прикрыли — там Розмари ухаживала за Эшли, пока в столовой проходило прощание с Уиллом Бентином.

Сьюлин О'Хара Бентин с безучастным лицом принимала соболезнования. Сидя рядом, Скарлетт поняла, что жизненные связи между ними порвались; отныне они будут лишь называться сестрами.

Стояла жара. Целая гора роз, усыпавших гроб Уилла, не могла полностью заглушить запах разложения.

Уилл Бентин был не особенно рьяным баптистом, а поскольку в Джонсборо, кроме Первой африканской, других баптистских церквей не было, его хоронил методистский священник, после обряда пригласивший Скарлетт прийти на воскресную службу.

— Я — католичка, — сказала Скарлетт.

— Ничего, — бодро ответил священник. — Мы принимаем всех грешников!

После похорон Сьюлин Бентин с детьми уехала в Чарльстон, чтобы поселиться у тети Евлалии. Когда их фургон еще тархтел по аллее, Скарлетт двинулась в конюшню кормить лошадей. Тем же кожаным ведром, каким много лет пользовались Уилл и Сэм, она насыпала овес в длинную кормушку.

Кони склонили свои изящные темные головы и как ни в чем не бывало принялись жевать. Скарлетт прошептала: «Как же Тара станет жить без Уилла?» Один конь поднял голову, словно силясь понять. Но потом дернул хвостом и вернулся к поглощению пищи. Горячие слезы потекли по щекам Скарлетт, застилая все перед глазами.

Когда лихорадка спала, Эшли был еще слишком слаб, чтобы ехать домой. На прямые вопросы он отвечал тихим голосом, но сам отмалчивался и ни разу не спросил об Уилле. Розмари сидела с ним в затененной гостиной, поила бульоном и слабо заваренным чаем. Сама не понимая отчего, Розмари многое рассказывала. Спокойным голосом, точно указывая год, месяц и обстоятельства, Розмари Батлер Хейнз Раванель поведала Эшли Уилксу, как она вышла через заднюю дверь того домика во Франклине, штат Теннесси, зная, что тело, лежащее в замерзшем саду, — ее погибший муж Джон. «Я полюбила его, когда было уж поздно». Рассказывала о доченьке Мег, о том, как Мег любила лошадей и как лошадь ее предала. «Текумсе испугался. Разве можно винить лошадь за то, что она испугалась?» Розмари рассказала и о том, как нашла окровавленные сапоги Эндрю. Это были сапоги английской работы, и прежде Эндрю ими гордился. Она поведала молчаливому Эшли такие вещи, о которых никому прежде не рассказывала — ни Мелани, ни даже Ретту. Призналась, как одиноко ей было расти в Броутоне, как скучала она по брату Ретту. Она рассказала Эшли и о своем пони по имени Джек.

В подвальном кабинете шерифа Тэлбота было прохладно.

Скарлетт требовательным тоном спросила:

— Почему вы их не арестовали?

— Кого я должен арестовать, миссис Батлер?

Скарлетт ужасно хотелось стряхнуть маску бесстрастия с лица шерифа. Но она процедила сквозь зубы:

— Уотлингов! Исайя и Джоузи Уотлинг убили Уилла Бентина!

Отодвинув стул к стене, шериф откинулся назад и принялся изучать засиженный мухами потолок. Потом отхаркнул, нагнулся и сплюнул в плевательницу.

— Ну? — требовала Скарлетт ответа, — Когда вы собираетесь их арестовать?

— Миссис Батлер, полагаю, на дело можно посмотреть и с другой стороны. У вас есть свое мнение, а у

других — иное.

Скарлетт недоуменно моргнула.

— О чем вы?

— Люди говорят, что ту драку начал мистер Уилкс.

— Они застрелили у меня лошадей, сожгли мой дом в Атланте и распугали полевых рабочих. Шериф, они замыслили убить моего мужа!

— Правда? Мне всегда казалось, что мистер Батлер вполне способен постоять за себя. Разве ваш муж сейчас не где-то в Европе? Не знал, что Уотлинги бывали в Европе, по крайней мере, они об этом не упоминали.

Шериф Тэлбот выдвинул ящик стола и достал обшитую кожей дубинку. Затем встал, снял шляпу с вешалки и покрутил в руках.

— Миссис Батлер, кое-кто считает — и тут мне с ними трудно не согласиться, — что драку начал Эшли Уилкс, а Уилл Бентин убил Арчи Флитта, когда тот начинал одолевать Уилкса.

— Эшли защищал Тару. А Уотлинги...

— Да, вы это уже упоминали, миссис Батлер. Даже неоднократно. Но ни разу не предъявили никаких доказательств, — Он надел шляпу на затылок, и та обрамила его лицо, словно картину, — Миссис Батлер, мне бы очень не хотелось ранить ваши чувства, но я склонен считать, что мистер Уилкс напал на Арчи Флитта, а когда Арчи начал защищаться, Уилл Бентин застрелил Арчи. Джоузи Уотлинг убил Бентина, стараясь спасти жизнь Арчи. Так мне представляется. Вы, конечно, можете считать по-другому... А сейчас, мэм, мне пора отправляться в «Темный город». Там снова кого-то порезали. Не странно ли? Ниггеры режут друг друга, в то время как белые воспользовались бы пистолетом.

Не считаете ли вы, что это говорит об их примитивности?

— Уотлинги...

— Они вас больше не беспокоят, миссис Батлер. Уотлинги покинули округ Клейтон. Джоузи и старый Исайя сразу пустились в бега, и их никто с тех пор не видел. Других Флиттов, чтобы похоронить Арчи, не нашлось, поэтому хоронили за счет округа, — Он пожал плечами, — Со стороны шерифа дело закрыто: Арчи мертв, Уилл Бентин мертв, Уотлинги сбежали. Джоузи Уотлинг все время пошучивал насчет Джесси Джеймса. Говорил, что служил с братьями Джеймсами во время войны, — Шериф открыл дверь, чтобы пропустить Скарлетт, — Думаю, если нам еще доведется услышать об Уотлингах, то как о грабителях поездов, — Заперев дверь, шериф посмотрел вверх, на безоблачное небо, — Ну и сушь, — заметил он и добавил: — Уотлинги были достойной семьей. Трудолюбивой. Клянусь, Исайя Уотлинг чуть совсем не угробился, стараясь поднять свою убогую ферму. Вот ведь как порой оборачивается жизнь, верно?

Вернувшись в Тару, Скарлетт поехала на поля возле реки. Борозды, пропаханные Уиллом меж хлопковых валков, прежде краснели глиной. Теперь они зеленели сорняками, что заползли на валки, где хлопковые кустики, посаженные в восьми дюймах друг от друга, тянулись к солнышку.

На следующее утро, еще до свету, Скарлетт пришла в конюшню. Рабочая упряжь была такой тяжелой, что она с трудом перекинула ее через лошадиный круп, а хомутные клещи вообще полный ужас. Но она все же разобралась, какие ремешки нужно застегивать, какие подтянуть, а какие отпустить.

Когда она вернулась в дом, обитатели Тары уже собрались на кухне, дети сонно ковыряли завтрак. Скарлетт взяла кусок жаркого и съела, не присаживаясь. Затем сказала:

— Теперь, когда Уилла не стало, придется обходиться без него. Господь свидетель, работы хватает.

Мамушка, ты будешь присматривать за Эшли. Элла, солнышко, ты останешься помогать Мамушке. Мне бы очень не хотелось, чтобы у тебя снова случился припадок. Все остальные пойдут в поле. Да, Порк, я знаю, что ты собираешься сказать: «Мисс Скарлетт, я всю жизнь был камердинером!»

Скарлетт так точно воспроизвела его манеру, что даже сам Порк улыбнулся.

Вначале было прохладно. Розмари и младшие дети взяли один рядок. Дилси, Уэйд, Порк и Присси каждый по рядку. Скарлетт приняла на себя работу Уилла: пахала по одному ряду вверх, по следующему вниз, придерживая плуг, чьи высокие деревянные рукояти побелели от крепкого мужского пота. Конь знал свою работу и флегматично двигался вперед, но рукояти плуга подпрыгивали и вырывались из рук каждый раз, когда под лемех попадал камень, поэтому ладошки Скарлетт очень скоро заболели.

Солнце было врагом.

Кожаные поводья лежали у Скарлетт на плечах, словно и она тянула плуг вместе с конем. Ноги то и дело подворачивались на неровной почве. Пот слепил и жег глаза. Пыль, которую поднимал конь, мешалась с потом и оседала на лице грязной коркой.

В полдень они остановились в тени деревьев возле реки. Когда Скарлетт встала возле реки на колени и плеснула прохладной водой на щеки и шею, ручейки потекли за пазуху. Розмари опустила на колени у воды рядом с ней.

— Да-а, вы тут, на плантациях в Джорджии, поистине ведете беззаботную жизнь.

Когда день перевалил за полдень, Дилси затянула песню, которую Скарлетт слышала всю свою жизнь — «Долговязого Джона».

— «Долговяз Джон», — начала Дилси.

И Присси подхватила:

— «Долговяз Джон».

— «И сбежал он».

— «И сбежал он».

— «Мистер Джон Джон».

— «Мистер Джон Джон».

— «Уж глазаст Джон. О-о, Джон, Джон...»

[\[83\]](#)

Спотыкаясь позади лошади, сражаясь с подпрыгивающими рукоятями плуга, Скарлетт дышала в такт древнему африканскому ритму.

Эшли уложили на сложенные в несколько раз одеяла, устроив ногу в гипсе на задней стенке фургона.

Мягкие серые глаза Эшли глянули в глаза Розмари.

— Благодарю за то, что вы... говорили со мной.

— В тот день, на рынке, вы сделали все, что смогли, — откликнулась Розмари.

Эшли Уилкс тут же замкнулся.

— Из-за меня погиб Уилл.

К вечеру того дня, когда кончили мотыжить поле, собрались облака. Большие дождевые тучи перевалили через линию горизонта.

Пыльные, потные полевые работники Тары сидели на террасе и пили прохладную воду, и тут в конце подъездной аллеи показались два всадника.

Скарлетт вскочила, будто ее ужалили, кинулась в дом и взлетела наверх, словно подросток.

В спальне она сбросила с ног тяжелые рабочие ботинки, пропитавшееся потом платье, обмакнула тряпочку в кувшин с водой и протерла руки, лицо и грудь. Потом выхватила шелковое зеленое платье из шифоньера и быстро завязала. Времени затягивать корсет и надевать туфли не оставалось.

Вниз она сбегала босиком, показавшись на крыльце ровно в тот момент, когда Порк принимал поводья у ее мужа.

От углов его рта и под глазами пролегли новые морщины. Скарлетт хотелось броситься Ретту в объятия, но она не могла показаться столь доступной.

— Порк, это вовсе не Второе Пришествие. Всего лишь мистер Батлер вернулся домой.

Изголодавшийся взгляд Ретта пожирал ее.

— Я думал, вам нужна помощь.

— Ты выглядишь так, будто побывал в аду.

— Выдалась пара-тройка неважных дней.

Его улыбка была такой теплой, такой понимающей...

Он соскочил с коня, подхватил Эллу и посадил себе на бедро. Скарлетт едва не шагнула ему навстречу, но лишь крепче уперлась в пол ногами и вздернула голову.

— Как там Париж?

Теплая улыбка Ретта сменилась привычной возмутительно широкой ухмылкой, и он расхохотался.

Капля. Еще одна. Дождь взметнул пыль на аллее.

— Этот юноша — Тэзвелл Уотлинг. Ты, возможно, его помнишь.

— А-а, мой сопровождающий на балу квартеронков, — сказала Скарлетт, хотя сердце ее кричало: «Нет, нет! Что со мной не так? Ведь я должна быть сейчас в объятиях Ретта!»

Дождь капал ей на лицо.

Тэзвелл Уотлинг покраснел до корней волос.

— Я был страшным глупцом, миссис Батлер. Молю вас простить меня.

Глупцом ли, нет ли — какое Скарлетт до этого дело?

— От солнца ты не пряталась, — заметил Ретт.

Скарлетт беспокойно коснулась своих загорелых скул.

— Мой цвет лица...

— Дорогой брат, — Розмари расцеловала Ретта в обе щеки, — Ты здесь, и теперь все будет хорошо. — Розмари обернулась к спутнику Ретта, — Мистер Уотлинг, меня зовут Розмари, я — сестра Ретта. Страшно рада... просто очень. Пойдемте, я покажу вам, где расседлать коней.

Скарлетт сказала:

— Дилси, скажи Мамушке, что блудный сын вернулся. Забери детей и вымой их. Они перемазались.

Луи Валентин ловил капли дождя на выставленный язык. Уэйд расплылся в дурацкой улыбке. Когда Ретт опустил Эллу наземь, та продолжала цепляться за его ногу, пока он не сказал:

— Пойди освежись, радость моя. Нам с мамой надо поговорить.

Дождь стекал со лба и волос Скарлетт.

Ретт сказал:

— Дорогая, покажи мне свои руки.

Но Скарлетт спрятала ладони под мышками.

— Господи, миссис Батлер, как же приятно видеть вас.

Земля под ногами Скарлетт была теплой и влажной. Платье, промокнув насквозь, прилипло к телу, словно ночная сорочка. От счастья Скарлетт едва не теряла сознание. Но она задиристо подняла подбородок.

— Правда, мистер Батлер? Отчего же вы тогда в такой спешке покинули меня?

Глава 58

СЛАВНОЕ ЧЕТВЕРТОЕ

На следующее утро Скарлетт ступила на веранду усадьбы Тара и взглянула вдаль, прикрыв глаза от солнца ладонью. Действительно ли там виднеется на речных заливных полях чья-то лошадь? Да, определенно, а сам Ретт присел на корточки у края хлопкового поля, пристально изучая состояние растений. Через некоторое время он подскочил к усадьбе и, проезжая мимо, притронулся рукой к полям плантаторской шляпы.

— Доброе утро, мисс Скарлетт! День обещает быть погожим.

— Да. Я полагаю, что так, мистер Батлер.

Ее улыбка была одновременно томной и лукавой.

Чуть позже, в сопровождении полного энтузиазма Уэйда, Ретт осмотрел загон для свиней, мясохранилище, хлопковый пресс и заросшие верхние поля. Он лично проверил всю упряжь. Уэйд показал Ретту шест рядом с коровником, где обнаружили голову Бу. Посетили они и могилу Уилла Бентина.

После ужина Ретт уселся на верхней перекладине изгороди, а Розмари с Тэзом выпускали в загон лошадей из конюшни по очереди.

Тем вечером Ретт пригласил Уэйда Гамильтона присоединиться к взрослым за ужином, который сияющий от радости Порк сервировал в столовой. Уэйд больше помалкивал, как диктовали правила хорошего тона. Тэзвелл Уотлинг оказался остроумным, ироничным рассказчиком. Его повествование о том, как манерные парижане реагировали на креольский диалект американцев, преподнесенное с совершенно бесстрастным лицом, вызвало всеобщий смех.

После кофе и пеканового пирога Мамушки Скарлетт спросила Тэза, какую прибыль может принести хлопок осенью.

— Островной средневолокнистый пойдет за тридцать центов, пидмонтский — от тринадцати до восемнадцати.

— Всего? — высказал удивление Ретт, — Скарлетт, дорогая, может быть, ты покажешь мне бухгалтерские книги Тары?

Свет в кабинете Скарлетт горел до самой поздней поры.

Скарлетт очнулась от забытья, когда шаги Ретта замерли у двери ее спальни. Имя мужа поднялось на поверхность все еще дремотного сознания, надо было позвать его, она и хотела позвать, но тот уже двинулся дальше.

Следующим утром за завтраком Ретт поинтересовался, что каждый желает получить из Атланты.

— Я поеду с вами, — сказал Тэзвелл, — У меня есть подарки для мамы.

Скарлетт глубоко вдохнула.

— Мистер Уотлинг, передайте, пожалуйста, вашей матушке наилучшие пожелания. Без ее помощи мой муж мог попасть в смертельную засаду.

Ретт рассмеялся.

— О, миссис Батлер, до чего же... предсказуема была бы моя жизнь без вас.

Когда Уэйд тоже выразил желание поехать, Ретт сказал:

— Готовься. Через десять минут собираемся у конюшни.

Ждать не будем.

Уэйд побежал по лестнице вверх.

Ретт повернулся к Скарлетт.

— По словам Розмари, Уотлинги покинули округ.

— Так говорит шериф Тэлбот, а еще он сказал, что знаком с тобой. Откуда?

После смерти Бонни Блу и Мелани Ретт замкнул горе в себе, будто ничего другого не оставалось. Однако сейчас он произнес тихим голосом:

— Когда-нибудь я расскажу тебе о Тунисе Бонно.

Скарлетт и Розмари помахали им на прощание.

— Розмари, неужто Ретт пробыл тут всего два дня?

— Брат может иногда подавлять.

— Он сильно изменился, Розмари. То есть это прежний Ретт, но он приобрел новые черты. Теперь я... вновь чувствую себя девушкой, — Она чуть помолчала, затем тихо добавила: — И молюсь, чтобы жизнь была милостива ко мне.

— Конечно, так и будет, дорогая.

— Ты правда в это веришь? О, пожалуйста!

Только Луи Валентин, который освоил шесть сборников Макгаффи из семи [\[84\]](#), был разочарован, когда Розмари отменила в тот день занятия. Бо попросился сопровождать Розмари в усадьбу Двенадцать Дубов, но она не разрешила: только после того, как отец почувствует себя лучше.

Розмари упаковала в корзину с крышкой кукурузный хлеб, зелень и овощи от Мамушки, мясную вырезку и остатки вчерашнего пеканового пирога.

Дождь освежил воздух и прибил окрестную красную пыль, громко запели птицы. Розмари невольно улыбнулась, подумав о брате и Скарлетт. Они как будто по взаимному согласию разыгрывали роли долго и счастливо живущей и замужестве супружеской пары, подшучивая друг над другом, создавая энергичную напряженность между собой; казалось, даже воздух вокруг них начинал искрить и потрескивать. Прошлым вечером, когда Ретт ввел Скарлетт в столовую, шуршание ее накрахмаленной нижней юбки напомнили потрескивание электрофорной машины.

Скромное жилище Эшли производило гнетущее впечатление.

Нестираная одежда кучей громоздилась в углу, а грязные тарелки — в раковине. Драгоценные книги Эшли были беспорядочно разбросаны, постель скручена чуть не в узлы, так беспокойно он ворочался во сне.

Розмари открыла дверь и окна настежь, чтобы проветрить комнату, и, напевая, что-то, занялась уборкой. Когда комната смогла наконец удовлетворить ее чистотой, она поставила лилово-гвоздичные

розы в кувшин рядом с принесенной корзиной со снедью.

Захватив с собой на веранду книгу «Сады Англии», Розмари расположилась там послушать жужжание пчел, чирикание ласточек и отдаленное постукивание дятла.

Солнце пригревало, Розмари неспешно перелистывала страницы, внимательно рассматривая каждый раскрашенный от руки дагерротип. Садоводы навязывают человеческие ценности дикой природе, прекрасно понимая, что природа должна в финале одержать верх. Садоводство — род тихого и стойкого мужества.

Когда Эшли прискакал, он слегка щелкнул поводьями над головой лошади, ослабил крепление привязанного к седлу костыля, затем, вынув здоровую ногу из стремя, перекинул ее через шею лошади, соскользнул по лошадиному боку и оперся одновременно на костыль и неповрежденную ногу.

— Как видите, я не совсем беспомощен.

Опираясь на костыль, он по-крабьи забрался по ступенькам в хижину.

Эшли давно не брился. Его штаны были перепачканы красной глиной.

Он бросил взгляд на розы.

— Сорт гвоздичный однодневный не годится для букетов. Лепестки опадают.

Розмари ответила:

— Должна ли я сожалеть, что срезала эти цветы?

Эшли тяжело плюхнулся в кресло и прислонил костыль к умывальнику.

— Прошу простить, Розмари. Сейчас я не в лучшей форме. Моисей сказал, Ретт вернулся. Должно стать полегче.

Розмари завязала ленты шляпки.

— В корзине вы найдете пекановый пирог. Надеюсь, он поднимет вам настроение.

— Розмари, пожалуйста, не уходите. Мне жаль, я вовсе не хотел прогонять вас.

Розмари немного поколебалась.

— Там еще зелень и кукурузная лепешка от Мамушки.

Эшли сказал:

— О, я неравнодушен к зелени с кукурузной лепешкой. Спасибо, Розмари. Не погостите ли еще немного? — Он помассировал подмышку, натертую костылем, — Вот уж никогда не думал... насколько удобно иметь две ноги.

— Эшли, вы пытались помочь, и мы благодарны за это.

Вы рисковали жизнью.

— Из-за меня погиб Уилл Бентин.

— Замолчите, майор Уилкс.

Эшли скривился.

— Розмари... дорогая, добрая Розмари, вы никогда не были противны самой себе. Вы никогда не молили Бога придать смелости положить всему этому конец и...

— Эшли Уилкс! Надо ли напоминать, что мой муж покончил с собой?

Он уронил голову на грудь, закрыл лицо руками и застонал.

Розмари постучала ложкой о миску и сказала более мягким тоном:

— Отведайте. Это добавит железа в вашу кровь.

Эшли попробовал и буркнул:

— Вкус как у ржавого обруча от бочки.

Розмари улыбнулась неуклюжей шутке и подумала про себя: «Хоть какая-то перемена. Спасибо тебе, Господи».

Эшли не покончит с собой. У Эшли Уилкса нет ужасных секретов, которые могли бы поглотить всю душу без остатка.

Когда Ретт с Уэйдом вернулись из Атланты, Уэйд был в новой шляпе, надетой под тем же залихватским углом, что и у Ретта.

Тэз остался в городе.

— Красотке с Тэзом нужно многое обсудить, они давно не виделись, — объяснил Ретт, добавив при этом: — Красотка больше не слыхала ничего об Уотлингах. По ее мнению, они подались на Запад. «У бедного папочки вовсе нет пристанища».

— Ненавижу этого старого дурака, — сказала Скарлетт.

— Жизнь, полная разочарований, может сделать человека опасным.

Ближе к вечеру, после того как дети закончили делать уроки, Ретт спросил:

— Ну, кто хочет научиться ездить верхом?

Младшие дети в ответ старались перекричать друг друга. Ретт поднял руку.

— Мы пойдем к конюшне, и я буду вас учить. Но уговор: вы станете делать все в точности так, как я скажу.

Скарлетт побледнела. Ретт коснулся ее щеки.

— Дорогая, вспомни, как сильно Бонни Блу любила своего пони...

Ретт сажал всех детей по очереди на смирную рабочую лошадку и водил ее по кругу внутри загона на длинном корде.

— Элла, держись за гриву лошади.

— Бо, ты должен смотреть туда, куда хочешь направить лошадь!

Скарлетт вернулась в дом, к себе в кабинет. На крышке стола, перевязанные черной шелковой ленточкой, лежали бумаги и акты, относящиеся к усадьбе Тара и собственности в Атланте. В соответствующих местах на ее долговых расписках везде было отмечено: «получено сполна».

Хозяйка Тары закрыла лицо ладонями и зарыдала.

На следующее утро Ретт отправился верхом в Джонсборо, где пересек рельсы и въехал в «Темный город». Он осадил лошадь рядом со скромным домом преподобного Дж. Роберта Максвелла, по соседству с Первой африканской баптистской церковью. Ретт привязал лошадь к штакетному забору и подождал,

пока на переднюю террасу не вышел молодой полноватый человек.

— Доброе утро, преподобный Максвелл. Как полагаете, стоит ли ожидать сегодня дождя?

Молодой человек внимательно посмотрел на небо.

— Полагаю, не стоит. Думаю, будет жарко.

— Похоже на то. Я — Ретт Батлер.

— Да, сэр. Слышал, вы с плантации Тара. Не хотите ли зайти? Жена как раз приготовила кофе.

Гостиная преподобного могла похвастаться одним креслом для чтения, тремя стульями с прямыми спинками и часами на каминной полке. Дубовый пол из некрашенных досок и окна сверкали чистотой. Мужчины сели друг против друга, обсуждая погоду и виды на урожай, пока миссис Максвелл (она выглядела слишком юной для замужества) не поставила оловянный поднос на стул между ними.

Когда Ретт поблагодарил ее, она зарделась и выбежала.

Мужчины занялись сливками и сахаром.

— Мистер Бентин был честным работодателем, — сказал проповедник, — Побольше бы таких, как он.

— Многие плантаторы не понимают, что свободный труд лучше труда рабского, — как и многие работники.

— Истинная правда, сэр. — Молодой человек в знак согласия кивнул. — Воистину, это новый мир для всех нас.

— Новый и лучший, я надеюсь.

Молодой человек наклонил голову набок, словно желая уловить скрытый смысл сказанного.

— Некоторые белые не разделяют этой надежды.

— Я о вас слышал, мистер Батлер. Преподобный Филдс Прескотт проповедовал в моей церкви.

— Преподобный Прескотт — достойный человек.

— Хвала Господу. Филдс говорил мне, что вы застрелили его зятя.

— Тунис Бонно был моим другом.

Молодой священник поставил кофейную чашечку на поднос.

— Именно так Филдс и говорил. — Проповедник провел рукой по лицу, будто стряхивая паутину, — Я молюсь и взываю, чтобы те ужасные времена миновали навсегда.

Часы на каминной полке громко тикали.

Максвелл продолжал:

— Преподобный Филдс рассказал любопытную историю о том, как вы приобрели у его дочери корабль — утонувший корабль.

— «Веселая вдова» потонула, выполняя мое поручение. — Ретт наклонился чуть ближе, — А что еще рассказывал Филдс Прескотт о своей дочери?

— Миссис Бонно переехала в Филадельфию. Ей надо думать о сыне Нате.

Отставив чашку, Максвелл поднялся и отошел к окну. Когда он повернулся, солнце высветило ореол вокруг его головы, и стало трудно разобрать выражение лица.

— Мистер Батлер, возможно, вы слышали, что мы добиваемся разрешения открыть школы для

негритянских детей, где бы их обучали учителя-негры.

Ретт тоже поставил чашку на поднос.

Максвелл продолжал:

— У вас немало влиятельных друзей. Я был бы весьма признателен, если бы вы переговорили с ними.

Помолчав немного, Ретт ответил:

— Переговорю.

Молодой священник сложил пальцы домиком.

— Чем я могу вам помочь, мистер Батлер?

Поутру Скарлетт проснулась от множества голосов, напевавших «Долговязого Джона». Работники Тары шли навстречу встающему солнцу. Как множество раз прежде, в урожайные и засушливые годы, они спустились в низину у реки, разошлись по рядам и принялись за работу.

Скарлетт поспешила вниз, на кухню, где Ретта и Розмари ждали огромный завтрак и улыбающаяся Мамушка.

— Ретт, — воскликнула Скарлетт, — они вернулись! Работники Тары вернулись!

— Конечно, дорогая, вернулись.

— Но... как?

Муж пожал плечами.

— У нас есть для них работа, а у них — семьи, которые нужно кормить. Бояться им больше нечего. К тому же я пообещал заплатить немного больше.

Скарлетт выпрямилась.

— Больше? Больше? Да они с трудом отработывают то, что мы даем им сейчас! — Слова еще слетали с ее губ, а спину уже заломило, напоминая о том, как она мотыжила, согнувшись в три погибели, и ходила за плугом. Тогда она рассмеялась, — Да, полагаю, мы в состоянии заплатить чуть больше.

Когда Тэз вернулся из Атланты, они с Реттом созвали местных плантаторов, выращивающих хлопок. Пришли Тони Фонтен с братом Алексом, Беатрис Тарлтон приехала верхом на жеребце, от которого родились осиротевшие жеребята Уилла. Мистер Макензи — хмурый янки, скупавший разоренные плантации по десять центов за доллар, считая при этом, что половину переплачивает, — прибыл в сопровождении робкого мистера Шмидта, спросившего у миссис Тарлтон, не знает ли она, кто потерял чалого мерина, которого он видел без седока в полях.

Скарлетт с Реттом встречали их у дверей, а когда все собрались в зале, Ретт представил Тэза.

— Мистер Уотлинг — совладелец хлопкоторговой фирмы в Новом Орлеане.

— Будь я... неладна, — сказала Беатрис Тарлтон, — Наконец-то вижу сына, что Ретт прижил. Должна сказать, молодой человек, что породой вы не вышли.

Привыкшие к прямой манере Беатрис выражаться, местные фермеры только усмехнулись. Янки сидели с каменными лицами.

— Вынужден разочаровать вас, мадам, — вежливо откликнулся Тэз. — На самом деле моим отцом был полковник Эндрю Раванель. Возможно, вы его знали?

— Будь я... будь я проклята, — только и вымолвила Беатрис, откинувшись на спинку стула.

— Только если Господь не одобряет пожилых грубых дам, — подал голос Ретт из глубины комнаты.

Тэз объяснил, что их урожай принес плохую прибыль, оттого что британский рынок испытывает упадок, а фабрики в Новой Англии требуют хорошо упакованный, рассортированный и тщательно очищенный хлопок.

Немедленно была образована ассоциация фермеров, с Реттом в качестве президента, а Тони Фонтена избрали его заместителем. Тэзвеллу Уотлингу поручили заключать договора на очистку и складирование от имени ассоциации.

Работники пропололи и взрыхлили засеянные хлопком низины, а верхние поля засеяли овсом. Тара понемногу начала обретать прежний вид.

Почти каждый вечер Розмари теперь проводила в Двенадцати Дубах.

По воскресеньям приезжала навестить сына Красотка Уотлинг. После ужина Тэз отвозил ее на железнодорожную станцию, а Розмари с братом махали на прощание с террасы. Дети играли в индейцев на лужайке, где светлячки посылали им таинственные мерцающие знаки.

— Здесь так покойно, — промолвила Розмари.

— Летние вечера за городом длятся целую вечность...

Дети на лужайке чему-то рассмеялись.

— Ты думаешь о Бонни Блу?

Ретт немного помолчал.

— Интересно, какой бы она стала, когда выросла.

— Да, — откликнулась сестра, — Моя Мег теперь была бы уже барышней и переживала бы, достаточно ли она хорошенькая, чтобы понравиться молодым людям. Жизнь слишком жестока, брат.

Ретт достал сигару.

— Порой я думаю, что если и существует какая-то цель нашего пребывания на Земле — то свидетельствовать о тех, кого мы потеряли, — Он обрезал кончик сигары, — Ты встречаешься с Эшли?

— Эшли хороший человек.

Свет вспыхнувшей спички резко высветил скулы Ретта.

— Наверное, так. Но достаточно ли хорош мир для Эшли Уилкса?

Розмари оперлась подбородком на руку.

— Эшли таков, какой есть, как и ты, Ретт.

— Видно, ты права, — Ретт перегнулся через ограду террасы и позвал: — Дети, пора в дом. Помолиться перед сном и спать.

Пробудившись на следующее утро, Скарлетт с наслаждением потянулась. Льняные простыни ласкали тело, словно любящие руки. Ждать, пока Ретт придет к ней, было мучительно, но одновременно волнующе приятно. Когда-нибудь, совсем скоро...

После завтрака Скарлетт отнесла кофе на террасу, где Ретт сидел на подвесном диванчике.

— Твои георгины очень красивы.

— Мама они не нравились. Эллен считала, что георгины «все напозаказ».

Он рассмеялся.

— Разве «быть напоказ» не есть прямая обязанность цветов?

— Может быть. Ретт, я...

Он притронулся пальцем к ее губам, и Скарлетт охватила дрожь.

— Тише. Не порти это мгновение.

На полях у реки среди зелени хлопковых кустов снежинками распустились белые цветы.

Ретт сказал:

— Хочу устроить барбекю. Как в прежние времена. Пригласим всех. Помнишь то барбекю, где мы впервые повстречались?

— Вряд ли я когда-либо это забуду.

— Невинно задремал, а проснувшись, увидел перед собой самую красивую девушку на свете. Она же вдруг принялась кидаться в меня посудой!

Рука Скарлетт скользнула в его ладонь.

— Всегда жалела, что промазала, — шепнула она.

И они вместе рассмеялись над глупой шуткой.

Приготовления начались.

— Но ведь Четвертое июля — юнионистский праздник, — возразила Скарлетт.

На что Ретт ответил:

— Дорогая, мы все теперь входим в Соединенные Штаты.

Ретт принялся строить план приема гостей, будто южане и не возражали против празднования дня падения Виксбурга и потери Геттисберга.

По всей видимости, Ретт верно оценил настроения, потому что никто не отклонил приглашения приехать в Тару, а Беатрис Тарлтон даже спросила, может ли она привезти с собой внучатую племянницу, приехавшую погостить.

Мамушка с Дилси прошлись по птичьему двору, словно Немезиды. Ретт купил окороков. С ближних и дальних огородов были собраны ранние помидоры, нащипан салат и вьющаяся фасоль, накопана молодая картошка.

Эшли попросил скрипача, всегда выступавшего в Двенадцати Дубах главным музыкальным украшением, организовать оркестр.

— Хорошо, сэр, мистер Уилкс. Будет как в прежние времена.

Плита Тары совсем раскалилась, Мамушка даже пожаловалась, что на кухне стало «жарче, чем в преисподней». Они с Дилси напекли пирогов: с яблоками, ревенем, пекановых и прочих.

Ретт отправил детей взбивать мороженое, которое они хранили в высоких металлических ведрах на леднике.

Поскольку музыканты Эшли не играли вместе много лет, они безостановочно репетировали и сыгрывались; все приготовления к барбекю проходили под звуки скрипки, двух банджо и мандолины.

Утро Четвертого июля занялось ясным и прохладным.

Порк подъехал на двуколке к поезду, который приходил в Джонсборо в полдень. Слушая, как Порк препирается с дядюшкой Питером за право везти ее, мисс Питтипэт расцвела:

— Надо же, прямо как в стародавние времена!

Хотя на приглашениях значилось «начало в два часа пополудни», часть гостей прибыла еще до двенадцати. Конечно же, они предлагали свою помощь. И конечно же, порядком мешали приготовлениям.

Соседи приехали в Тару на видавших виды фермерских фургонах. Благородная публика из Атланты наняла все до одной повозки в Джонсборо.

Тетушка Питтипэт немного забеспокоилась:

— Дорогой Ретт, не думаете ли вы... ну, что это не совсем уместно? Ведь многие из нас вспоминают Четвертое июля без особой радости...

Тут Ретт поцеловал ее в щечку, и мисс Питтипэт позабыла, что еще собиралась сказать.

Так жарким днем на сельском барбекю в округе Клейтон, что в Джорджии, война наконец совершенно прекратилась.

Ровно в два часа дня на простой двуколке баптистской церкви подкатили преподобный Максвелл с женой. Ретт поприветствовал их на парадном въезде, приподняв шляпу перед миссис Максвелл.

— Очень рад, что вы смогли к нам присоединиться, преподобный. Это честь для нас.

Священник сказал:

— Благодарю. Наслышан о вашей прекрасной плантации.

— Вы ведь знаете Дилси. Она вам все покажет.

Четвертое июля и бренди, выпитый чуть сверх меры, все же перегрузили Тони Фонтена, который двинулся к Ретту с гневным видом:

— Проклятье, Ретт!..

Ретт взял его за плечо и сказал:

— Тони, люди собрались приятно провести время. Мне совсем не понравится, если ты решишь нам все испортить, Тони сумел разглядеть, что, несмотря на улыбку, Ретт не шутит.

— Проклятье, Ретт! Я просто не могу...

— Тогда тебе придется покинуть нас. Очень жаль.

— Но будь я проклят, Ретт!.. — не успокаивался Тони.

— Спасибо, что заглянул.

И Тони, увлекая за собой протестующую жену, отбыл домой. Хотя все поняли, что случилось, никто ничего не сказал. Вежливые южане не замечают того, чего не положено замечать.

К своему отвращению, Макбет был облачен в ливрею, а на слова Порка: «Пора бы уж ниггерам одеваться как положено» — ответил отборной руганью. Свободного покроя платье мило подчеркивало фигуру Красотки Уотлинг.

Эшли Уилкс с Розмари расхваливали дяде Генри сады Двенадцати Дубов куда с большими подробностями, чем ему хотелось бы.

Дымок гикори от жаровен, где жарилось мясо, вместе с ароматом от кустов самшита и ветерком, тянувшим от реки, прогонял moskitov. Гости собрались у столов со снэдью.

— Не отведаете ли немного ветчины, преподобный? Вот этот кусочек?

— Спасибо, Дилси.

Приятные минуты подкреплялись воспоминаниями о давно минувших днях.

Сумерки сгущались, мужчины выпили уже немало, поэтому Ретт приказал подать двуколку преподобного Максвелла.

— Благодарю вас за такой памятный вечер, мистер Батлер, — сказал на прощание Максвелл.

Когда солнце скрылось за холмами, женщины накинули на плечи шали, а музыканты принялись настраивать инструменты. Ретт с Тэзом вынесли коробки с экзотическими знаками на боковую лужайку.

— Дети, оставайтесь на террасе, — предупредил их Ретт, — Элла, Бо, Луи Валентин, сделаете хоть шаг на траву — будете смотреть из окна.

— А я могу помочь? — спросил Уэйд.

— Если станешь делать, в точности как мы с Тэзом будем говорить.

Китайские ракеты взвились в воздух над Тарой, взрываясь и выбрасывая струи разноцветного пламени. При каждом взрыве дети кричали «о-о-о!», Элла прикрывала уши, а взрослые аплодировали.

Когда взлетела ввысь последняя ракета, дети бросились на лужайку разглядывать выгоревшие оболочки и дивиться, как нечто столь обыкновенное может содержать столь прекрасные звезды.

Гостиная, главный холл и столовая превратились в тот танцзал, о котором некогда Эллен О'Хара просила Джеральда. Оркестр расположился на парадной лестнице. Хотя Розмари и уложила младших детей в постель, через несколько минут они уже выглядывали сверху между балясин балюстрады.

Одетый в лучший выходной костюм и рубашку с жестким целлулоидным воротником [85], Уэйд следовал за Тэзвеллом по пятам, страстно желая, чтобы никому из взрослых не вздумалось взъерошить ему волосы. Тетушка Питтипэт сказала: «Уэйд, ты — просто копия милого Чарльза!», и слеза покатила по ее морщинистой щеке.

Стоя под портретом бабушки Скарлетт, Беатрис Тарлтон и Алекс Фонтен обсуждали, чью же лошадь без седока видели несколько человек.

Миссис Тарлтон высказывала недоверие:

— Я знаю всех чалых наперечет, отсюда до самого Джонсборо.

Дочери Беатрис были где-то неподалеку, сыновья — Брент, Стюарт и Том, самые рьяные ухажеры Скарлетт до войны, — остались лишь в воспоминаниях.

Скарлетт вздохнула.

Словно прочитав ее мысли, Ретт взял жену за руку.

— Милая, если сегодня тут и присутствуют чьи-то духи, им хочется, чтобы мы веселились. Позволь станцевать с тобой вальс.

Маленький оркестр перемежал вальсы рилами. К разочарованию более пожилых гостей, музыканты отказались играть «древние» кадрили.

Потанцевав сначала с матерью, Тэз затем выбрал себе в партнерши внучатую племянницу Беатрис — худенькую скромную шатенку Полли.

Красотка расцвела от удовольствия. «Посмотрите на моего мальчика, — шептала она, — только

посмотрите на него!».

Беатрис Тарлтон наклонилась к ней и хрипло сказала:

— Мисс Уотлинг, все переменилось...

— Я...

— Причем к лучшему. Не знаю, что только прежде люди себе думали. Вся эта никому не нужная, зашнурованная донельзя респектабельность! Неужто мы действительно верили, что Бог хмурится, если какой-то мужчина увидит наши ноги? Вот скажите, мисс Уотлинг, — и Беатрис посмотрела Красотке прямо в глаза, — одинаковы ли все мужчины?

Красотка закашлялась и потерла шею.

— Боже милостивый, — выдавила она, а потом, доверительно наклонившись, ответила: — Мужчины совсем разные бывают.

Эшли с Розмари сидели на террасе, покачиваясь на подвесном диванчике, и говорили, собственно, ни о чем особенном, но с огромным удовольствием.

На столах, выставленных на лужайку, был сервирован десерт, но, когда ветерок с реки улегся, налетели тучи moskitov, и все ретировались со своими тарелками в дом.

Сидя в мягком кресле с высокой спинкой, мисс Питтипэт сказала со смесью радости и печали в голосе, что дорогой Мелани этот вечер очень пришелся бы по душе.

Когда скрипач заиграл «Солдатскую радость», Ретт предложил Скарлетт руку.

— Ретт, я была такой неразумной...

— Мы оба отличились в этом отношении.

Мистер Батлер вывел миссис Батлер на середину танцевальной залы.

«Когда мы повстречались, — думала Скарлетт, — я была сущим ребенком. Ретт помог мне стать такой, какая я сейчас».

— Дорогая, — вежливо шепнул ей Ретт, — это рил, а не тустеп.

И Скарлетт О'Хара закружилась. Совсем как та девочка, что всегда жила в глубине ее сердца. Она кружилась как дитя, как девушка, как молодая женщина рядом со своим мужчиной, чья рука всегда успевала в такт танцу поймать ее руку. И такая любовь светилась во взгляде мужа, что впервые в жизни Скарлетт Батлер перестала страшиться старости.

В полночь, несмотря на протесты танцующих, оркестранты зачехлили инструменты.

В Джонсборо гостей из Атланты поджидал специальный поезд, заказанный Реттом. Ближние соседи, не желая разъезжаться, медлили на парадном въезде.

— Благодарю вас всех за то, что пришли, — повторяла Скарлетт, — Несомненно, мы снова устроим такой вечер.

Когда свет фонаря последней двуколки исчез за поворотом, Ретт запер парадную дверь дома.

В холле второго этажа Скарлетт увидела Красотку Уотлинг, которая облачилась в халат ярко-розового цвета.

— Самый лучший день в моей жизни, — сказала Красотка. — Благодарю, мисс Скарлетт, что разрешили мне остаться.

Скарлетт поцеловала это розовое существо в щеку.

— Доброй ночи, Красотка.

У себя в спальне Скарлетт медленно и с наслаждением разделась. Она была уверена: сегодня Ретт придет к ней, даже кожу покалывало от предвосхищения. Напевая, она мазнула духами за каждым ушком и под грудями.

Ретт еще не видел той полупрозрачной ночной сорочки, которую она надела. Скарлетт ощущала себя драгоценным даром.

Она отодвинула шторы, и холодный голубоватый свет луны затопил комнату.

Скарлетт преклонила колени возле кровати и осенила себя крестом. Она поблагодарила Господа за Тару, Элли, Уэйда и всех, кто любил ее. За то, что привел Ретта обратно домой.

И тут она учуяла дым.

Глава 59

МОЙ ДЕНЬ НАСТАЛ

Скарлетт все кашляла и кашляла. Под дверями спальни сгустились тени, потом маслянистый дым просочился внутрь и взвился вверх по панелям.

Розмари закричала из детской:

— Пожар! Господи боже, пожар!

Коснувшись дверной ручки, Скарлетт отдернула пальцы и охнула. Та раскалилась, как кухонная плита!

Без рубахи и босой внутрь ворвался Ретт.

— Огонь уже на лестнице, — произнес он четко, без эмоций. — Помоги вывести детей.

Все происходило так быстро! Когда Ретт взял Скарлетт за руку, она бессмысленно запротестовала:

— Но я не одета!

В детской дым лениво клубился в лунном свете. Среди разбросанных игрушек и книжек дети сидели, прижавшись к Розмари, которая держала на коленях Луи Валентина. Тем же спокойным тоном, как и ее брат, Розмари сказала:

— Тэзвелл пошел за матерью.

— Молодец, — Ретт наклонился до уровня детских глаз. — Элла, тебе уже давно пора в постель. Что ты делаешь тут так поздно?

Элла закрыла рот руками, ее испуг перешел в хихиканье.

— Бо, ты храбрый мальчик. Давай-ка соберись.

Бо громко высморкался.

Ретт продолжал:

— Мы рассчитываем на тебя, Уэйд Хэмптон Гамильтон.

За дверью детской огонь трещал, словно крупный зверь, продирающийся сквозь подлесок. «Скорее! — думала Скарлетт, — Мы должны спешить!»

Ретт наклонился к дрожащему Луи Валентину.

— Сколько тебе лет?

— Семь.

— Тебя называли в честь известного пирата, ты знаешь?

— Да, сэр.

— Ретт!.. — запротестовала Скарлетт.

Он сжал руку Скарлетт, но не отвел взгляда от ребенка:

— Тогда тебе придется быть храбрым, как пират. Согласен, Луи Валентин?

— Да, дядя Ретт, — пискнул мальчик.

— Хорошо. Когда мы выйдем за дверь, там будет горячо, темно и страшно. Мы возьмемся за руки, тогда никто не потеряется и не отстанет. Скарлетт будет вести нас, за ней Уэйд, далее Луи Валентин, потом Розмари и Элла. Ты, Бо, будешь держать Эллу за другую руку — и ни за что не отпускать, — а я буду держать за руку тебя и замыкать цепочку. Все беритесь за руки. Сожмите руки крепко-накрепко.

Пока Ретт говорил, комната наполнилась дымом, и Элла стала кашлять. Скарлетт помолилась про себя, чтобы у нее не случился приступ.

— Нам нужно проползти под пологом дыма через холл до черной лестницы, спуститься по ней в кухню и выйти затем наружу. Медлить нельзя; даже если вы испугаетесь, вы должны представлять себя храбрыми. И ни в коем случае не расцеплять руки. Всем понятно?

Неровный хор разноголосых «да». Элла приглушенно схлипнула.

Тем же ровным тоном Ретт сказал:

— Скарлетт, дорогая, возьми Уэйда за руку. Мы выступаем.

И хотя ее зубы стучали, Скарлетт произнесла:

— Мистер Батлер, вы уверены, что этот путь выведет нас в танцзал «Жимолость»?

Ретт фыркнул в ответ. Скарлетт подтянула свою ночную рубашку и опустилась на колени.

Ретт распахнул дверь в холл, впуская удушающий черный дым со зловещими языками желтого пламени. Каждая половица была обведена светящимся контуром, потолок тонул в клубящейся черной мгле. Шею Скарлетт сильно жгло.

Что, если волосы тоже вспыхнут?.. До черной лестницы оказалось дальше, чем Скарлетт помнила. Она ползла, не отпуская руки Уэйда, а когда изящная ночная сорочка сползла ниже колен и стала мешать ползти, она попросту разорвала ее.

Огонь уже ревел, как разъяренный медведь. Пол обжигал руки и колени Скарлетт, к тому же она задыхалась и судорожно хватала воздух ртом. Рука Уэйда стала скользкой от пота. Ретт крикнул во всю мочь, перекрывая неистовый рев пламени:

— Дети, не расцепляйте руки! Держитесь друг за друга изо всех сил!

Элла пронзительно закричала:

— Хочу к маме!

— Я здесь, радость моя. Ползи дальше.

Впереди в дыму вырисовался темным прямоугольником вход на лестницу. Свободной рукой Скарлетт ощупала верхнюю ступеньку и крикнула:

— Я на лестнице, начинаю спускаться.

При этом она зашлась в кашле; казалось, легкие скоро вывернутся наружу. Перехватив крепче потную ладонь Уэйда, она сползала, пятась, вниз по ступенькам — на вторую, на третью. Снизу потянуло холодным воздухом, и дым поднялся над головой. Нащупывая пальцами ног невидимые ей выступы, Скарлетт двигалась по черной как смоль лестнице.

Где-то далеко сзади Ретт прокричал:

— Крепче руки! Крепче!

Когда Уэйд оступился и его рука вырвалась из ее пальцев, Скарлетт перегородила лестницу телом, чтобы он не упал; сын произнес: «Прости мама», и его голос прозвучал совсем как у Чарльза Гамильтона.

В узком вестибюле перед кухней Скарлетт пыталась вспомнить, где находится щеколда на кухонной двери, справа или слева. Где-то выше Ретт кричал:

— Мы почти вышли! Луи Валентин! Пираты не хнычут!

Узкая дверь открылась, за ней стояла Мамушка в ночном одеянии и ситцевом чепчике. Старая негритянка беспомощно произнесла:

— Скарлетт, милая. Мы горим.

Скарлетт втянула Уэйда в прохладную кухню.

— Да, Мамушка, мы горим. Звони в колокол, буди всех.

Скарлетт ввела на кухню Луи Валентина, затем Розмари, Эллу, Во и, наконец, Ретта Батлера, который прятал обожженные руки под мышками.

— А ведь какое было прекрасное барбекю!.. — пробормотала ошеломленная Мамушка.

Скарлетт воскликнула:

— О Ретт! Твои руки! Твои бедные, бедные руки!

— Оставил перчатки в Париже, — легкомысленно отмахнулся он.

Розмари вывела детей во двор под звуки колокола Мамушки, поднимающего тревогу. Когда Элла упала в обморок, Ретт подхватил ее и понес; пухлые босые ножки девочки болтались на весу.

Ретт положил Эллу на траву недалеко от маслобойни и произнес:

— Бедное дитя, она проявила всю храбрость, на какую была способна.

— Я останусь с Эллой, — сказала Розмари, — Уэйд Гамильтон, пожалуйста, присмотри за меньшими мальчиками.

Тэз прислонил приставную лестницу к балкону комнаты Джеральда О'Хара, где спокойно ждала Красотка. Пламя плясало за окнами на верхнем этаже усадьбы. Любимое полукруглое окно Эллен О'Хара и боковые фонари рдели ярким белым светом. Пустая жестяная канистра из-под горючего валялась перед парадной входной дверью. За дымом горящего дерева Скарлетт явственно ощущала запах керосина.

Парадная лестница Тары, где буквально несколько часов назад оркестр играл вальсы Штрауса, пылала.

Ретт держал лестницу, по которой лез Тэзвелл.

Трава вокруг дома была опалена. Самшит торчал обгорелыми палочками. На террасе поскрипывал подвесной диванчик, словно на нем раскачивались привидения.

В нетронutom пламенем ярко-розовом халате, сохраняя достоинство, Красотка Уотлинг осторожно спускалась по лестнице со ступеньки на ступеньку.

Негры сбегались к дому. Дилси кричала:

— Тара! Нам надо спасти Тару!

Скарлетт вышла из ступора.

— Ретт! Боже мой, это ведь Тара!

Она метнулась к двери, и как раз в этот момент веерное окно над ней с треском и звоном лопнуло, а пламя стало лизать снизу крышу террасы.

Ретт поймал Скарлетт за талию и приподнял.

— Нет. Пламя слишком сильное.

Она брыкалась, пытаясь вырваться.

— Я не хочу терять Тару.

— А я — Богом клянусь — не хочу терять тебя! — Ретт оттащил Скарлетт подальше, и в это время огонь прорвался через потолок и взмыл над крышей.

Жар стал нестерпимым. Ретт, Скарлетт, Тэзвелл и Красотка отошли подальше.

Скарлетт гневно рыдала.

— Мы должны были попытаться, — колотила она Ретта руками по груди. — Хоть что-нибудь предпринять...

Огонь ревел, окна усадьбы Тара светились, как сатанинские глаза.

Раздался стук копыт: соседи.

Слишком поздно. Уже ничего нельзя сделать.

— О Ретт, — застонала Скарлетт. — Это Тара, Тара.

Безутешная, она уткнулась ему в плечо.

— Да, дорогая. Это была Тара.

Станный голос был едва слышен в реве огня:

— Мой день настал.

Из всклокоченной бороды оборванного старика торчали застрявшие веточки. Грязные засаленные волосы были спутаны. От близости к бушующему пламени на рубашке и рукавах спереди виднелись подпалины. В руке старик держал ржавый однозарядный дуэльный пистолет.

— Ретт Батлер, — бесцветным голосом повторил Исая Уотлинг, — мой день настал.

Ретт отодвинул Скарлетт в сторону.

— Добрый вечер, Уотлинг. Вовсе ни к чему было поджигать дом моей жены. Я вышел бы, если бы ты попросил.

— Огонь очистительный... — бормотал Исая.

— Не припомню, чтобы нуждался в очистительном огне, — сказал Ретт, — но я вообще не особенно религиозный человек. Ты, без сомнения, знаешь куда больше о его свойствах.

Старик собрал остаток сил и выпрямился.

— Ты убил моего сына, Шадру. Из-за молодого хозяина Броутонской плантации Ретта Батлера сегодня мой мальчик горит в аду.

Еще стуча зубами, Скарлетт выкрикнула:

— Прочь из Тары! Уйди от нас, презренное существо!

Ретт сказал:

— Исая, если бы я не убил твоего сына, это сделал бы кто-нибудь еще. Шэд Уотлинг меньше всего был намерен умереть в своей постели.

— Как и ты, грешник.

Дрожащими руками старик поднял пистолет.

Ретт шагнул ему навстречу.

— Отдай пистолет, Исайя.

Красотка кинулась к отцу, крича:

— Папа! Папа! Прошу тебя! Не надо!

Выстрел был негромким, словно треснула ветка.

Красотка Уотлинг вздрогнула. Аккуратно подобрав свое розовое одеяние, чтобы никто не увидел ее босых ног, она опустилась на приступку и, промолвив: «Бедный, бедный папа», умерла.

Глава 60

ЗАВТРА НАСТУПИТ НОВЫЙ ДЕНЬ

Спустя многие годы миссис Мид и миссис Элсинг смогли наконец удовлетворить свое любопытство относительно «Красной Шапочки». При этом руководствуясь прямым патриотическим долгом.

Теперь, через девять лет после окончания войны, история Конфедерации отлилась в яркие и романтические мифы.

И некоторые неприглядные события, некогда вгонявшие в краску этих леди, вошли важной частью в семейные предания. Как миссис Элсинг излагала внукам: «Когда оккупировавшие Джорджию янки направо и налево вешали смельчаков, придуманный Красоткой Уотлинг выход спас вашего деда от виселицы. Вы даже представить себе не можете!»

Причем удивление легковёрности янки миссис Элсинг росло от раза к разу: «Янки и впрямь поверили, что Хью Элсинг мог устроить драку в публичном доме! Уму непостижимо!»

Но легенда — одно дело, а само подобное заведение — совсем другое, и когда экипаж обеих леди остановился возле него, те чуть было не приказали кучеру ехать дальше. Однако испытали большое облегчение, увидев многих своих знакомых, вполне респектабельных граждан, среди тех, кто пришел почтить память самой известной падшей женщины Атланты.

Правду сказать, они оказались разочарованы. Впоследствии миссис Мид говорила друзьям:

— Надо же, гостиная мисс Уотлинг была вполне респектабельна!

Хотя миссис Элсинг, которая терпеть не могла французский стиль, была с ней не согласна:

— Слишком изу-кра-шена, дорогая. Слишком.

«Красная Шапочка» не изменилась с тех пор, когда тут развлекались офицеры-конфедераты, и теперь ветераны пришли почтить память своей молодости. В неожиданном и неловком сочетании, как уважаемые, так и совершенно ничьего уважения не заслужившие жители Атланты ждали бок о бок на дорожке, окаймленной пахучими розами Красотки.

Макбет приветствовал всех — и знакомых, и незнакомых — одинаково:

— Доброе утро, сэр. Доброе утро, мэм. Рад, что вы смогли нас посетить в этот печальный день.

Внутри любопытные рассчитывали увидеть пестрых попугаев и экзотичных фламинго, а вместо этого встретили неприметных синичек: куртизанки Красотки облачились в траур.

Несколько ныне респектабельных матрон работали здесь в годы войны. Миссис Джеральд Д. тогда была развеселой мисс Сюзанной, а Крошка Забава стала теперь миссис Уильям П. Ни словом, ни жестом не выдали куртизанки, что узнали бывших товаров.

Подручные гробовщика доставили пятьдесят стульев с прямыми спинками, а мебель из гостиной Красотки перенесли наверх. Гроб установили на козлах и задрапировали черным крепом, украсили множеством венков и букетов.

Саму Красотку положили в гроб в платье серого шелка старомодного покроя. Распущенные волосы лежали веером на белой шелковой подушке, руки были благочестиво сложены на груди. Она выглядела словно девочка, надевшая бальное платье матери. Широкая красная лента с надписью черными буквами

«Возлюбленная» была наброшена на гроб.

Ретт Батлер с посеревшим лицом принимал соболезнования.

— Да, она была прекрасная женщина. Добрая душа. Да, Красотка для меня очень много значила. Спасибо, Генри, что пришел.

Миссис Батлер стояла подле своего мужа.

— Очень рада, что вы смогли прийти, уважаемый Мерриуэзер. Надеюсь, вы попробуете угощение. На кухню прошу через ту дверь.

Скарлетт представляла всем молодого человека:

— Сын Красотки, Тэзвелл Уотлинг. Мистер Уотлинг — торговец хлопком из Нового Орлеана. Да, ветеран Конфедерации.

Пораженный скорбью, Тэзвелл Уотлинг принимал доброжелательные соболезнования от совершенно незнакомых ему людей. Хотя он вежливо благодарил, слова для него ничего не значили. Он скорбел по тому, что так легко могло осуществиться: по обретшей счастье матери, сидящей в солнечном садике во Французском квартале. Как он жалел, что не оставил ни одного из глупых, но драгоценных маминых писем!

Пока респектабельные жители Атланты поглощали изысканную поминальную трапезу, люди попроще собрались в кухне, где пили виски, закусывая жареным мясом и ветчиной. Они жаловались на всеобщую депрессию и гадали, когда же Атланта воспрянет и заживет полной жизнью. Они пили за добрую память Красотки и вспоминали ее благодеяния в дни, когда им совсем не везло.

Репортер «Атланта джорнал» писал:

«В лязгающих кандалах и железных наручниках отец убитой женщины был доставлен на поминки шерифом округа Клейтон Оливером Тэлботом. Остальные скорбящие в ужасе отшатнулись, когда бородатый патриарх, застреливший собственную дочь, приблизился к ее гробу. Каменные черты его лица и тогда не смягчились, ни звука не вырвалось из груди. Это его палец спустил курок. Дочь упала у его ног, жалобно вскрикнув. Но если Исая Уотлинг испытал какое-то сожаление, он не показал виду.

Какие мысли тревожат его упрямый ум, что за лихорадочные чувства, должно быть, захлестывают гордую волю? На секунду он нагнулся над гробом своей дочери и что-то туда положил. Но его внук, мистер Т. Уотлинг из Нового Орлеана, заметил это движение, вынул подношение старика и вернул ему...»

— Полагаю, вы забыли, сэр.

Тэз положил Новый Завет в скованные руки деда.

— Я никогда... — Старыми слезящимися глазами Исая взгляделся в лицо внука и, облизнув губы, договорил: — Я никогда себе не принадлежал...

Он опустил взгляд и покорно, словно собака, поплелся вслед за шерифом.

Ретт с трудом убедил пастора собора Святого Эндрю, что Красотка Уотлинг должна упокоиться на старейшем кладбище города. Тот подыскал место у стены, где ее присутствие никого не оскорбит.

Ретт похлопал по броскому надгробию англиканского епископа и сказал:

— Красотке он все равно никогда не нравился.

Так прекрасным воскресным утром Руфь Красотку Уотлинг похоронили. На траве блестела роса. Колокола церковей звоном созывали христиан на утреннюю службу. Мимо, весело позванивая, прокатился

один из первых в Атланте трамваев.

Дети — Уэйд Гамильтон и Элла Кеннеди — стояли по правую и левую руку от Скарлетт. Бо Уилкс и Луи Валентин Раванель — возле Эшли и Розмари. Пастор читал из Книги общей молитвы. Дети испытывали благоговейный страх.

Луи Валентин переминался.

Тэзвелл Уотлинг плакал.

Пастор при первой возможности поспешил удалиться. Негры с лопатами ожидали на уважительном расстоянии.

Эшли Уилкс протянул Ретту руку.

— Очень сожалею, Ретт. Красотка была замечательная женщина. Она спасла мне жизнь.

Ретт взял протянутую руку.

— Сколько лет мы знаем друг друга?

Эшли поразмыслил.

— Мы познакомились в тысяча восемьсот шестьдесят первом.

— Значит, тринадцать... Странно, кажется, что намного дольше. Как идут дела с вашим садом?

Эшли несколько оживился.

— Просто замечательно. Я смог восстановить фонтан. Обязательно приезжайте и посмотрите, — Эшли взял Розмари за руку, — Ваша сестра становится прекрасной садовницей.

Розмари спросила:

— Ты никогда не задавался вопросом, брат, отчего мужчины притворяются, что проявляют заботу о женщинах, когда на самом деле обычно все обстоит наоборот?

Ретт поцеловал Розмари в лоб. Тэзвелл оторвался от своего торгового дела уже слишком надолго, поэтому вскоре отбыл на вокзал.

Когда Батлеры добрались до дома тетушки Питтипэт, силы оставили Ретта, и он споткнулся на лестнице. В бывшей спальне Мелани Уилкс Скарлетт помогла мужу раздеться. Когда она уложила Ретта в постель, его била такая дрожь, что даже зубы стучали; поэтому Скарлетт тоже разделась, легла с ним под одеяло и обнимала, согревая, пока он не уснул.

Когда по комнате поползли уже вечерние тени, а ветер зашелестел в ветвях вяза под окном, Скарлетт проснулась в объятиях Ретта.

«Тара», — подумала Скарлетт. Она бы разрыдалась, но все слезы уже были выплаканы.

Сев на постели, она потеряла глаза так сильно, что перед ними засверкали звезды.

— Фидл-ди-ди! — сказала миру Скарлетт О'Хара Батлер.

Ретт что-то сонно пробормотал; она отвела волосы с его лба и поцеловала в губы.

— Пойду лучше посмотрю, как там дети. Когда спустишься, внизу будет готов кофе.

Мамушка с Эллой на заднем крыльце лушили бобы. Питти, Уэйд и дядюшка Питер были в саду.

— Мы все собрали, пока не перезрело, — сказала Мамушка. Ее немолодые уже пальцы так и летали. — С мистером Реттом все в порядке?

— Думаю, да. Я вот пыталась вспомнить, Мамушка: когда ты приехала в Тару?

— Господи, девочка! Вместе с твоей мамой, когда она вышла замуж.

— А ты знала Филиппа Робийяра?

Губы Мамушки сложились в знакомую упрямую черту.

— Мамушка, они все мертвы. Правда уже никому не навредит.

— Сладкая моя, ты прожила поменьше, чем я. Правда может повредить всегда, стоит ее высказать, — Мамушка неохотно призналась: — Мне масса Филипп никогда не нравился. Безрассудный был человек.

— Как Ретт?

— Мистер Ретт? Какой же он безрассудный? — Телеса Мамушки затряслись от смеха, — Мистер Ретт никогда не ведет себя безрассудно с теми, кого любит.

Все переменялось. Все, чего Скарлетт желала, к чему она прежде стремилась, — совершенно переменялось.

В состоянии ли она, подобно Эшли, воссоздать некую версию жизни до войны? Развести азалии и глицинии, живописно пустив их по руинам? Скарлетт фыркнула.

Они с Реттом могли отстроить Тару. Или же отправиться попутешествовать. Мир полон мест, где Скарлетт не бывала. Возможно, они съезжат в Йеллоустоун и увидят те Чудеса Природы, где кипящая вода извергается из земли на огромную высоту, словно по часам. Только подумать!

В таком настроении она и приветствовала Ретта, когда он спустился вниз.

— Добрый вечер, милый!

Он удивленно поднял брови.

— Значит, я — твой милый?

— Ты это и так знаешь. Ретт, пожалуйста, не высмеивай меня больше.

Всегда бесившая ее ухмылка исчезла.

— Хорошо, радость моя. Обещаю.

Они смотрели друг другу в душу: ее зеленые глаза и его темные.

Он сказал:

— Жизнь снова нанесла нам удар.

— Сильнее прежних, которые мы пережили?

— Нет, — ответил он, — Наверное, нет.

И тут Ретт Батлер расхохотался во весь голос, подхватил Скарлетт и закружил вихрем по комнате, осыпая поцелуями, к восторгу Эллы и ужасу Мамушки.

— Мистер Ретт! Мистер Ретт, вы тут все опрокинете!

Ретт Батлер сверкнул улыбкой.

— Жена, ты самая обворожительная женщина в мире.

На что Скарлетт ответила:

— Помилуйте, мистер Батлер. Не удивительная ли штука, жизнь?

НО ЭТО БЫЛ ЕЩЕ ДАЛЕКО НЕ КОНЕЦ

БЛАГОДАРНОСТИ

Во взаимодействии воображения двух очень различных рассказчиков с волнующим и ужасным периодом истории, сделавшим США тем, чем они являются теперь, родилось это повествование. Как и Маргарет Митчелл, я несколько вольно обходился с историей. Специалисты, изучающие период Гражданской войны в США, заметят, что я приписал полковнику Эндрю Раванелю некоторые подробности рейдов конфедерата Джона Ханта Моргана. Генерал Морган, в отличие от Эндрю Раванеля, не пережил войну. Подобным же образом историки Кубы привели бы иную дату нападения генерала Нарцисо Лопеса несколькими годами ранее.

Так же как при вторжении на Кубу уже в XX веке (на Плайя-Хирон) и в Ирак, благородные мотивы скрывали самые шкурные интересы, и сходным же образом то вторжение потерпело неудачу. Лопеса удавили в Гаване, а всех американских наемников — кроме одного — расстреляли. Выживший попросил офицера-испанца отправить письмо к тогда еще могущественному сенатору Дэниэлу Уэбстеру, которое он подписал «Ваш любящий племянник». Удавшаяся хитрость показалась мне достойной Ретта Батлера.

Я благодарен тем, кто помогал появлению «Ретта Батлера».

В Джорджии:

Мистеру Полу Андерсону

Мистеру Хэлу Кларку

Специальной коллекции Университета Эмори и Генри

Центру истории Атланты

Исторической усадьбе плантации Хофвил-Бродфилд

В Новом Орлеане:

Мисс Пенни Тоузи

Мистеру Генри Шиндлеру

Мистеру Артуру Карпентеру из отдела специальных коллекций и архивов Университета Лойолы

Музею и Историческому центру штата Луизиана

Мемориальной библиотеке Хауарда Тилтона в Университете Тулейн

Исторической коллекции Нового Орлеана в Исследовательском центре Уильямса

В Чарльстоне:

Мистеру Нику Батлеру

Дане и Пеги Макбин

Доктору Дж. Трейси Пауэр

Капитану Рэнди Смиту

Мистеру Питеру Уилкерсону

Доктору Стивену Уайзу

Чарльстонскому библиотечному обществу

Историческому обществу Южной Каролины

Фонду сохранения исторического наследия Чарльстона и сотрудникам исторических домов Натаниэля Рассела, Эйкен-Ретта и Эдмондстон-Олстонов

А также: мистеру Томасу Картрайту и дому-музею Картер-хаус во Франклине, штат Теннесси, Международному музею лошадей в Конном Парке Кентукки, Библиотеке Олдермана в Университете Виргинии, Библиотеке Лейбама в Университете Вашингтона и Ли, миз Дженнифер Эндерлин из издательства «Сент-Мартинз пресс».

И особенно я благодарен моей любимой Энн, которой никогда не изменяла смелость.

Дональд Маккейг

Примечания

1

Вольное переложение Библии: «И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли... Но с тобою Я поставлю завет Мой, ждешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою».

Бытие, 6, 13–18. — Здесь и далее примечания переводчика.

2

Юнионист — противник отделения Конфедерации от Союза Американских Штатов.

3

Чистая доска (лат.).

4

По Фаренгейту; около 37 градусов по Цельсию

5

Пакет законов, принятых Конгрессом США в сентябре 1850 г. с целью разрешить конфликты, вызванные распространением рабства на территории, полученные США в результате войны с Мексикой. Принятие этих законов было связано с инициативами сенатора Г. Клея, стремившегося сохранить баланс интересов между рабовладельцами и противниками рабства и предотвратить вооруженный конфликт. Согласно условиям Компромисса, Калифорния принималась в состав США в качестве свободного штата,

Конституция которого запрещала рабство. Остальная часть новоприобретенной территории была поделена на две части — Нью-Мексико и Юту, но без каких-либо упоминаний о рабстве. В округе Колумбия запрещалась работорговля, но право собственности на рабов сохранялось. Одновременно был принят закон о поимке беглых рабов и возвращении их хозяевам. Компромисс привел к временному снятию напряженности в отношениях между Севером и Югом, однако новый закон о беглых рабах глубоко оскорбил многих северян, которые отказывались участвовать в поимке беглецов. Напряжение продолжало расти, и спустя 11 лет началась Гражданская война.

6

Закон 1854 г., предоставлявший право населению новых штатов Канзас и Небраска самостоятельно решать вопрос о допущении или запрещении рабства на своей территории. Закон фактически отменял определенную Миссурийским компромиссом 1820 г. условную границу между свободными и рабовладельческими штатами. Принятие закона привело к вооруженному столкновению между сторонниками и противниками рабства в Канзасе (1854–1856).

7

Имеется в виду Компромисс 1850 г.

8

Калхун Джон Колдуэлл (1782–1850) — вице-президент США

(1825–1832), государственный секретарь США (1844–1845). Один из основателей Демократической партии, защитник интересов южных штатов, сторонник рабства. Последние 20 лет своей жизни боролся против аболиционизма.

9

«Предназначение судьбы» — политическая доктрина, выдвинутая в 1845 г. в статье Дж. Салливана об аннексии Техаса. Согласно этой доктрине, североамериканцы являются избранным народом, которому судьба предназначила превратить американский континент в «зону свободы».

10

Американская порода верховых лошадей, преимущественно темно-гнедых, отличающихся изяществом экстерьера.

11

Браун Джон (1800–1859) — американский аболиционист, один из первых белых аболиционистов, защищавших партизанскую борьбу и практиковавших ее с целью отмены рабства.

12

Пальметта — вид карликовых пальм, символ штата Южная Каролина.

13

Конфедеративные Штаты Америки — официальное наименование Конфедерации одиннадцати южных штатов.

14

Уильям Янси, Роберт Тумбе — кандидаты на пост президента от Джорджии. Джефферсон Дэвис — бывший сенатор и военный министр США, кандидат от Кентукки; был избран президентом Конфедеративных Штатов Америки.

15

Перерыв между танцами, когда оркестранты исполняют классическую музыку, а публика свободно прогуливается по залу.

16

Джексон Томас Джонатан (1824–1863) — генерал конфедератов, которого они почитали вторым после генерала Роберта Ли. По ошибке его подстрелил свой собственный патруль, ему ампутировали руку, а через 8 дней он умер от воспаления легких.

17

Моултри — город в Джорджии.

18

Зуав — военный служащий легкой пехоты во французских колониальных войсках.

19

Из Горация.

20

Из «Осенней элегии» Джона Донна (перевод А. Сергеева).

21

В оригинале «Lou, Lou, Skip to My Lou». Популярный парный игровой танец времен Гражданской войны. «Lou», по-видимому, искаженное от loo (шотл.) — любовь.

22

Марди-Гра (фр. «жирный вторник»; другие названия — Масленица и Прощеный вторник) — последний день перед началом Великого поста.

23

Сражение, произошедшее 13 декабря 1862 г., в котором северянам было нанесено тяжелое поражение.

24

Детка (фр.).

25

Дорогой (фр.).

26

Славный сынок (фр.).

27

Ароматическое дерево семейства лавровых.

28

Популярнейший в США в XIX в. ежемесячный журнал для женщин.

29

Место сражения 2–4 мая 1863 г., в котором успешные маневры южан обеспечили им победу.

30

«Красивый синий флаг» (другое название «Мы — отряд братьев») — песня-марш Конфедерации, написанная в 1861 г. Гарри Маккарти (текст) на музыку песни «Ирландская повозка».

31

Лотовой — матрос, измеряющий глубину лотом.

32

Морская сажень, фатом (англ. fathom) — единица длины, равная 6 футам.

33

Пуля Минье — конусная пуля с тупым концом, использовалась для стрельбы из нарезного огнестрельного оружия. Изобретена А. Минье в 1848 г.

34

Буллок Руфус (1834–1907) — первый республиканец, избранный в высшее политическое собрание Джорджии, возглавлял его с 1868-го по 1871 г. Буллок был бизнесменом с Севера, сотрудничавшим с Конфедерацией, и, став самым ненавистным человеком в штате в период Реконструкции, был вынужден уйти с поста под давлением ку-клукс клана. Вплоть до 90-х гг. XX века большинство историков давали негативную оценку фигуре Буллока, составленную из сведений, добытых партизанами в период Реконструкции, и из данных в романе Маргарет Митчелл, где он изображен «саквояжником» и прохвостом юниопистом, разграбившим штат.

35

Чикамуга (в переводе с одного из индейских наречий — Кроимвая река) — ручей близ города Чаттануга, где 19 сентября 1863 г. началась Чаттанугская кампания, в ходе которой северяне терпели поражения, но после прибытия подкрепления одержали 25 ноября 1863 г. неожиданную победу под руководством генерала Улисса Гранта.

36

«Силлери» — один из лучших сортов шампанских вин, из виноградников в окрестностях Реймса во Франции.

37

Американский рысак (стандардбред) — легкоупряжная лошадь, по преимуществу спортивного назначения. Порода выведена в США в конце XVIII — первой половине XIX в.

38

Окра — бобовое растение со съедобными стручками.

39

Притчи, 31,10–12.

40

Колумбиада — пушка береговой артиллерии, заряжалась с дула.

41

Саквояжниками на Юге презрительно называли северян, приехавших во время Реконструкции, а южан, примкнувших к ним, именовали пособниками.

42

Белой чумой чернокожие называли туберкулез.

43

Амана с десятью сыновьями повесили за планы по истреблению евреев, о чем говорится в Книге Эсфири Ветхого Завета.

44

Окторунка — женщина с примесью одной восьмой негритянской крови.

45

Четырнадцатая поправка к Конституции сделала возможным вмешательство федеральных органов власти в защиту прав граждан при нарушении их штатами. Была принята в период Реконструкции с целью обеспечить права негритянского населения южных штатов. В последствии широко применялась Верховным судом США для защиты граждан США от всех форм дискриминации.

46

Теннисон А. In Memoriam (Памяти Артура Генри Халама).

47

Великий Магистр, или Великий Маг — высший чин в иерархии ку-клукс-клана.

48

Обычный «Двойной орел» — золотая монета достоинством двадцать долларов.

49

Арчи намекает на составляющую «gentle» — мягкий, безобидный в слове «джентльмен».

50

Бёрлингтонская Аркада — крытый пассаж в Лондоне между Бондстрит и Пикадилли, построенный в начале XIX в. для «продажи ювелирных изделий и модных аксессуаров к удовольствию публики».

51

Минстрел-шоу — род развлекательного представления, процветавший в США в 1840–1910 гг. Все шоу проходили по традиционному сценарию. Программа, основанная на обычаях и песнях чернокожих рабов, состояла из трех отделений: 1) песни, диалога и эстрадные номера; 2) сентиментальные баллады, комические скетчи и «импровизированные речи» в исполнении комедианта с саквояжем и зонтиком; и 3) «переполох» — музыкально-танцевальный финал.

52

Без сомнения, мсье (фр.).

53

Безик — карточная игра для двух-четырех игроков, играется в три колоды.

54

Сожалею, мадам. Весьма сожалею! (фр.)

55

На месте преступления

56

Добрый вечер, мадам. Как поживаете? (фр.)

57

Где же ваша маман, мадемуазель? (фр.)

58

Позвольте, мадемуазель? (фр.)

59

Одна из старейших ежедневных газет США, выходит в Новом Орлеане. Пикаюн — мелкая монетка, первоначальная стоимость газеты.

60

Американский сорт яблок, выведен в начале XIX в. в г. Эзопус, штат Нью-Йорк. Любимый сорт Томаса Джефферсона.

61

Пек — мера объема сыпучих тел, 7,7 л.

62

3-я Царств, 10, 5.

63

«И малое дитя будет водить их». Исайя, 11,6.

64

Чиппендейл — стиль английской мебели XVIII в.

65

Кресло Морриса — удобное мягкое кресло с прорезными подлокотниками и регулируемой спинкой, названное по имени английского дизайнера Уильяма Морриса (1834–1896). Обычно имело резьбу в виде змеек на подлокотниках и ножках и сменные, обтянутые тканью или кожей подушки.

66

«Норзерн пасифик» — первая из северных трансконтинентальных железных дорог США, проходит от Миннеаполиса — Сент-Пола в Миннесоте до Сиэтла и Портленда в Орегоне.

67

Грант Улисс Симпсон (1822–1885) — американский политический и военный деятель, полководец северян в годы Гражданской войны в США, генерал армии. С 1869-го по 1877 г. 18-й президент США.

68

Хабеас корпус акт — английский закон 1679 г. о праве неприкосновенности личности, законодательный акт, составная часть Конституции Великобритании, определяет правила ареста и привлечения к суду обвиняемого в преступлении, предоставляет право суду контролировать законность задержания и ареста граждан, а гражданам — требовать начала такой процедуры. Правительству предоставлялось право приостанавливать действие акта в чрезвычайных случаях, но лишь с согласия обеих палат парламента и не более чем на один год. В законодательство США закон перешел по наследству.

69

В ряде государств особые, не входящие в систему общих судов судебные органы, создаваемые для рассмотрения отдельных категорий дел (напр., патентные, таможенные суды).

70

Can't bake a cake without breaking niggers — аллюзия на поговорку «Can't bake a cake without breaking eggs» («Нельзя испечь пирог, не побив яиц»).

71

Сражение при Антиетаме (Шарпсберге) — кровавое столкновение в сентябре 1862 г. между Потомакской армией генерала Макклеллана и армией Конфедерации под командованием Р. Ли недалеко от города Шарпсберг на реке Антиетам-крик в штате Мэриленд, принимали участие более 80 тысяч человек. Со стороны северян пали 12 тысяч, южан — более 9 тысяч; марш южан на Вашингтон был остановлен.

72

От матвея, 5.7

73

Исход 20.12

74

Дерьмо (фр.).

75

Презрительное прозвище белых бедняков, особенно в Джорджии и Флориде.

76

Джон Мейсон (1832–1902) изобрел банки для консервирования с металлическими закручивающимися крышками (патент США 1858 г.).

77

«И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать». Исайя, 2, 4.

78

Красноплечий черный трупил — певчая птица отряда воробьиных, довольно крупных размеров (ок. 30 см вместе с хвостом). Распространена в Северной и Центральной Америке.

79

Мейфэр — фешенебельный район Лондона.

80

Ателье
(фр.).

мод

81

Нед Бантлайн (наст. имя Эдвард Зейн Кэррол Джадсон, 1821–1888) был не менее экзотической фигурой, чем его выдуманные персонажи. Он начал корабельным юнгой, участвовал в войне против индейцем симинолов. В Гражданскую войну его выгнали из армии юнионистов за пьянство, впоследствии же он выступал во многих городах за трезвость и американизм. Но самым главным его достижением было изобретение так называемого «десятицентового» романа из жизни героев Запада. В 1869 г. он повстречался с Уильямом Коуди (1846–1917) и избрал его героем наиболее известного своего творения — серии романов о Буффало Билле, который стал столь же известен в Америке, как Дяниэл Бун, Дейви Крокетт и Кит Карсон. В романах Бантлайна Буффало Билл предстает как человек-великан, охотник за бизонами, отличный стрелок, отчаянный вояка (он воевал и против индейцев, и против федератов).

82

Джесси Джеймс (1847–1882) — бандит, герой многочисленных вестернов. В 1866–1879 гг. возглавлял банду, вместе с братом Фрэнком грабил поезда и банки от Арканзаса и Колорадо до Техаса.

83

Припев традиционной трудовой песни «Longjohn» об успешном побеге из рабства.

84

Сборники Макгаффи — популярные в США вплоть до рубежа XIX–XX вв. сборники дидактических текстов для детского чтения.

85

Целлулоид был запатентован в 1870 г. и довольно широко использовался для изготовления пристегивающихся воротничков и манжет.